

А. М. ЕКРИЧ

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
АНГЛИИ

1939-1941 гг.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А. М. НЕКРИЧ

ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
АНГЛИИ

1873

1939-1941 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1963

ПРЕДИСЛОВИЕ

История внешней политики государств — участников второй мировой войны представляет большой интерес. Накопление элементов политики, определяющих ее качественное изменение, происходит во время войны гораздо стремительнее, чем в мирное время. Политические цели государств прослеживаются более ясно и отчетливо. Методы достижения этих целей обнажены до предела, хотя военная пропаганда и стремится всячески закамфлировать и то и другое. Эти положения, применимые к войнам вообще, особенно рельефны на фоне событий второй мировой войны, которая существенно отличалась от всех других войн, в том числе и от первой мировой войны. Заметим тут же, что попытка объяснить вторую мировую войну и политику ее участников лишь по аналогии с первой мировой войной недостаточна, как и большинство аналогий, и в общем бесплодна. Выяснение же особенностей второй мировой войны, ее характера, результатов и влияния на ход всемирной истории невозможно без анализа политики основных участников войны.

Классики марксизма рассматривали войну «как *продолжение* политики данных, заинтересованных держав — и *разных классов* внутри них — в данное время»¹. Вместе с тем, В. И. Ленин учит, что война — это не только продолжение политики — «она есть суммирование политики, обучение политике»².

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 195.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 202.

В монографии предпринята попытка исследовать внешнюю политику Англии на первом этапе второй мировой войны. События, о которых пойдет речь, начинаются с первых чисел сентября 1939 г. и завершаются 22 июня 1941 г., когда нападение гитлеровской Германии на Советский Союз решительно изменило расстановку сил на мировой арене и всю картину войны. В некоторых случаях в зависимости от конкретных вопросов изложение заканчивается несколько ранее или позднее. Настоящая работа некоторым образом продолжает книгу автора «Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 — сентябрь 1939 г.)», опубликованную Издательством Академии наук СССР в 1955 г.

В новой работе исследуется прежде всего европейский аспект английской политики, однако рассматриваются также проблемы англо-американских отношений и политика на Ближнем и Среднем Востоке. Учитывая что за последние годы в советской историографии появился ряд исследований по истории войны на Тихом океане, автор специально на этом вопросе не останавливался.

Первый период — от сентября 1939 г. до июня 1941 г. — был, несомненно, наиболее противоречивым периодом в истории второй мировой войны. Не случайно проблемы начального периода войны вызывают особые споры. Объективный анализ событий того времени на основе марксистско-ленинской методологии, тщательное изучение источников — таков единственно правильный путь, идя по которому исследователь найдет решение запутанных вопросов начального периода войны.

Первый период второй мировой войны ограничен как бы двумя этапами: антисоветской политикой «невмешательства» с одной стороны, и возникновением антигитлеровской коалиции, — с другой. Для первоначального периода войны чрезвычайно характерно переплетение самых различных и противоположных тенденций во внешней политике Англии. Не разобравшись в их сущности, в особенностях начального этапа войны, нельзя понять и кажущийся с первого взгляда неожиданным поворот в английской политике сразу же после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. Правильное понимание условий и возможностей создания антигитлеровской коалиции, объединившей государства с различ-

ными общественными системами, зависит от выяснения сущности политики великих держав в предвоенный период и в начальный период второй мировой войны, расстановки социальных и политических сил, процессов исторического развития.

Одной из этих великих держав и была Англия. Изучение ее внешней политики в начальный период войны очень важно для понимания всей проблемы второй мировой войны. На примере внешней политики Англии можно выявить ряд факторов, определявших сложный характер второй мировой войны, борьбу и взаимовлияние противоположных тенденций.

Война за мировое господство, развязанная фашистской Германией, хотя и началась с нападения на Польшу, но была направлена прежде всего против Англии как мировой державы с обширными политическими, стратегическими и экономическими интересами.

Англия на первом этапе войны оставалась главным противником гитлеровской Германии, несмотря на незначительное участие ее вооруженных сил в непосредственных боевых действиях.

В силу разного рода обстоятельств, анализ которых дается в книге, Англия оказалась единственным воюющим государством в Европе, территория которого (за исключением нескольких прибрежных островов) не подверглась фашистской оккупации, и, следовательно, ее политика не испытала насильственного внешнего вмешательства. Поэтому различные направления английской внешней политики, формы и методы ее дипломатии сохранялись, так сказать, «в чистом виде».

Наконец, представляется чрезвычайно важным, что буржуазная демократия Англии могла в конечном счете устоять под натиском фашистского агрессора лишь в союзе с социалистическим государством — СССР. Отсюда и постепенное осознание широкими слоями английского народа того факта, что Англия нуждается в сотрудничестве с Советским Союзом.

* * *

Выражаю свою сердечную признательность А. И. Лихтеру, научным сотрудникам Института истории Академии наук Эстонской ССР и ЦГАОР ЭССР Р. В. Лааринг,

А. Н. Молвыгину, Н. А. Назаровой, научным сотрудникам Института истории Академии наук СССР Т. М. Исламову, А. И. Пушкашу, А. А. Язьковой за ту помощь, которую они оказали при чтении неопубликованных документов на эстонском, латышском, венгерском и румынском языках, а также сотрудникам Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, чье неизменное внимание и дружеское отношение на протяжении многих лет были для меня большим подспорьем.

Искренне благодарю сотрудников Историко-дипломатического управления и Историко-дипломатического архива МИДа СССР за внимание и помощь.

Г л а в а п е р в а я

ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ

Вечером 2 сентября 1939 г. у здания парламента в Вестминстере было людно. Галерея для публики была переполнена. В довольно тесной галерее для дипломатов аккредитованные при Сент-Джемском дворе представители иностранных] держав перебрасывались незначительными фразами.

А снаружи, у памятника Кромвелю и дальше у здания парламента толпился народ. И те, кто уже занял места в зале палаты общин, и те, кто теснился на улице, с нетерпением ожидали заявления правительства.

Но вот спикер занял свое место. С министерской скамьи поднялся высокий худощавый, очень старый на вид, человек. Он известен всем в этой палате, его хорошо знают и за ее пределами, главным образом по слухам и фотографиям, очень многие люди, тысячи, быть может, миллионы. Но что они о нем знают в действительности?

Год тому назад этот человек трижды летал к германскому фюреру Адольфу Гитлеру. Из последнего полета он возвратился 30 сентября 1938 г. с Мюнхенским соглашением. Его встречали ликующие толпы лондонцев. Ведь он уверил их, что привез им, всей стране, мир, «мир в наше время». Но с того дня многое изменилось: ~~марш~~ рухнул «мир в наше время» — гитлеровские солдаты промаршировали через Прагу; спустя полгода германские танки ринулись на польскую землю. Это произошло 1 сентября 1939 г. в 4 часа 45 мин. утра.

Но возвратимся в палату общин... Через минуту, через несколько секунд — премьер-министр Великобритании

Невиль Чемберлен обратится к палате, обратится к стране ко всему миру.

Ему 70 лет. Невиль был еще молодым человеком, когда его отец, видный консерватор, глава протекционистов Джозеф Чемберлен, убедившись в ограниченных способностях своего сына от второго брака, отправил его на Багамские острова управлять плантациями, приумножать богатства семьи Чемберленов, бирмингамских фабрикантов и политических деятелей. А его сводный старший брат Остин занялся политикой, стал видной фигурой в консервативной партии и министром иностранных дел. У братьев Чемберленов было мало общего. Но кое-что их роднило — оба были богаты, оба ненавидели и боялись революцию, коммунизм, Советский Союз. Остин был одним из авторов Локарнского договора; он много раздумывал над тем, как использовать германских милитаристов против Советского Союза, и немало для этого делал. Но на склоне лет, когда он увидел, что чудовище Франкенштейна уже создано, он ужаснулся делу рук своих. Однако было слишком поздно что-либо менять в своих взглядах. Остин Чемберлен все-таки нашел в себе мужество признать, что он ошибался, и осудил политику возрождения германского милитаризма, которую он с таким рвением проводил. Он умер в 1937 г.

После смерти отца — в 1914 г. — Невиль возвратился на родину, в цитадель Чемберленов, в Бирмингам. Вскоре благодаря авторитету своей семьи он стал мэром города. А еще некоторое время спустя, в 1917 г., британский премьер Дэвид Ллойд-Джордж поручил Чемберлену возглавить учреждение по набору рекрутов. Шла первая мировая война, и Англии были нужны солдаты. Спустя несколько месяцев Ллойд-Джордж обнаружил, что дело, порученное Невилю, провалено, и выгнал незадачливого отпрыска Джозефа Чемберлена. Кто знает, не об этом ли вспоминал седовласый старец, когда-то знаменитый лидер либеральной партии, один из членов палаты общин, приготовившихся выслушать заявление премьера. Он еще бодр, Дэвид Ллойд-Джордж, хотя и на шесть лет старше Невиля Чемберлена. И старец переживет многих в этой палате. Он умрет в год победы над гитлеровской Германией в возрасте 82 лет.

Джозеф Чемберлен, наверное, был бы очень удивлен, если бы узнал, что его младший сын вскоре после окон-

чания первой мировой войны начал быстро делать политическую карьеру. Время идей и блестящих умов прошло. Консервативной партии нужны были деловые люди, сухие, бесстрастные, чуждые всяким социальным экспериментам, беспощадные. В 1929 г. наступил экономический кризис. Монополии требовали, чтобы во главе министерства финансов был поставлен человек, который будет жестко отстаивать интересы финансовой олигархии. Выбор пал на Невилля Чемберлена. Его испытанная реакция, устоявшаяся система взглядов, отношение к политике как к бизнесу были достаточной рекомендацией для заправки Сити. Руками Невилля Чемберлена были осуществлены в период 1929—1933 гг. все мероприятия по урезыванию пособий безработным, сокращению заработной платы, ухудшению условий труда. Нет, консерваторы не ошиблись, когда сделали бирмингемского фабриканта кроватей министром финансов. Впрочем, он интересовался не только производством кроватей и игрушек, но и производством винтовок, пулеметов, делами Имперского химического треста, крупным акционером которого он был.

Лидером консервативной партии и главой правительства Невиль Чемберлен стал в июне 1937 г., сменив Стэнли Болдуина, который в последние месяцы своего премьерства принудил к отречению от престола короля Эдуарда VIII. В течение недолгого своего пребывания на троне Эдуард VIII пытался не считаться с мнением правительства, слишком открыто проявлял симпатии к нацистской Германии, делал необдуманные заявления и в довершение всего женился на разведенной американке, чем вызвал беспрецедентный в истории Англии конституционный кризис. Получив титул герцога Виндзора, Эдуард покинул Англию.

Правительство, возглавленное Невилем Чемберленом, еще более резко, чем предшествующее, взяло курс на сговор с фашистскими агрессорами — Италией и Германией. Оно последовательно отдавало в руки фашистов Австрию, Испанию, Чехословакию. Премьер был автором Мюнхенского соглашения. И он же был злейшим врагом Советского государства. Чемберлен рассчитывал столкнуть СССР и гитлеровскую Германию и таким путем отвести германскую угрозу от Британской империи. Но Гитлер принял иное решение — расправиться сначала с более слабыми противниками — с Польшей — союзником

Англии и Франции. Гитлер рассчитывал, что Англия и Франция не помешают ему. Спустя много лет лидер лейбористской партии К. Эттли так оценивал Чемберлена: «Он ничего не знал относительно того, что происходит в мире. Упрямый и ограниченный и всегда убежденный в том, что он прав...»¹, Чемберлен «был всегда готов бросить кого-нибудь на растерзание волкам»², — подчеркивает Эттли.

Итак, шел второй день войны...

При ледяном молчании палаты общин Чемберлен начал свою речь. Он не скрывал разочарования политикой Германии. Премьер сожалел, что Гитлер «предал надежды» на мир. Но вместо заявления об объявлении войны в этот трагический момент депутаты парламента услышали от главы кабинета, что Англия все еще ожидает от Германии ответа на свою ноту от 1 сентября, что Англия выступит против Германии, если последняя откажется вывести свои войска из Польши. Это была не просто традиционная процедура объявления войны, как например в 1914 г. Нечто другое, зловещее и опасное, скрывалось за этой медлительностью, и многие члены палаты общин чувствовали это. «Члены парламента словно окаменели, — писал депутат-консерватор Э. Спирс. — Удар был таков, что в какой-то момент не было слышно ничего, кроме скрипа кресла премьер-министра, когда он возвратился на свое место. Ни одного «слушайте, слушайте» не раздавалось в переполненном зале.

Затем послышалось нечто вроде гула. Кто-то был предан. Кто? Конечно, поляки, а также и мы. Кем? Французами? Нашим собственным правительством? Было немислимо, чтобы кто-нибудь поверил, будто Гитлер повернет назад. Было невероятно, чтобы кто-либо, кто не был склонен к капитуляции, мог вести с немцами переговоры, которые привели бы только к их дальнейшему военному выигрышу»³.

Члены парламента потеряли свою обычную сдержанность. Когда заместитель лидера лейбористов А. Гринвуд взял слово, чтобы выступить от имени своей партии,

¹ F. Williams. The Prime Minister Remembers. London, 1961, p. 19.

² Ibid., p. 16.

³ Ed. Spears. The Assignment to Catastrophe, vol. I. London, 1954, p. 20.

консерватор Л. Эмери воскликнул: «Говорите от имени Англии!», — показывая тем самым, что глава кабинета и лидер его собственной партии потерял доверие.

Но только на следующий день, 3 сентября 1939 г., Англия, а вслед за нею и Франция объявили войну Германии. Правительство Чемберлена не могло больше тянуть, не рискуя быть сметенным волной общественного негодования ⁴.

* * *

Главной причиной англо-германской войны было стремление Германии к установлению мирового господства, и прежде всего господства над Европой. Тем самым германский империализм вновь бросал вызов Англии и Британскому содружеству. Попытки Англии примириться с фашистской Германией с помощью политики «невмешательства» и «умиротворения» потерпели крах, так как гитлеровская Германия стремилась к безраздельному господству и отдельные, даже очень существенные, уступки не могли удовлетворить ее. Попытки правящих кругов Англии толкнуть Германию на Восток, против СССР, не увенчались успехом. Германия напала на союзницу Англии — Польшу, и Англия была вынуждена объявить войну Германии не столько ради выполнения своего союзнического долга, сколько вследствие того, что еще одна капитуляция перед требованиями гитлеровской Германии привела бы к окончательному подрыву позиций Великобритании как мировой державы, и это в Лондоне прекрасно понимали.

Но эта война имела и другую особенность. Речь шла не только об обширных политических, стратегических, колониальных, финансово-коммерческих интересах Англии. На этот раз, в отличие от первой мировой войны, стоял вопрос о независимости Англии, о национальном существовании английского народа; Гитлер провозгласил немцев высшей расой, народом «господ». В соответствии с этим Англия должна была в конечном счете, несмотря на свое «арийское» родство с немцами, превратиться в немецкого вассала или в германскую провинцию; буржуазно-демократический строй должен был быть уничтожен и заменен фашистской системой.

⁴ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 351, col. 292.

Следовательно, победа над Германией становилась делом жизни и смерти для английского народа.

К моменту начала войны в английском правительстве по-прежнему находились те же империалистические реакционные деятели, которые на протяжении предвоенных лет оказывали германскому фашизму политическую и экономическую поддержку — «люди Мюнхена», и это обстоятельство часто затрудняло правильное понимание происходящих событий и вызывало глубокую и оправданную тревогу английского народа и мировой прогрессивной общественности относительно конечных целей, которые преследует в начавшейся войне «упряжка Чемберлена».

Напомним, что Англия вступила во вторую мировую войну во главе с правительством консерваторов, образованным в результате парламентских выборов 1935 г.

В парламенте правительство имело подавляющее большинство — 415 мест, т. е. две трети. По своему классовому составу консервативное большинство палаты общин принадлежало к господствующему классу страны, 181 депутат занимал в общей сложности 775 директорских постов в страховых обществах, в финансовых корпорациях, в железнодорожных и авиационных компаниях, в судоходстве, в самых различных отраслях промышленности, в нефтеперерабатывающих и золотодобывающих монополиях. Анализ социального происхождения 300 членов парламента — консерваторов, сделанный известным английским публицистом Саймоном Хэкси⁵, показал, что 29% были выходцами из семей промышленников, банкиров и коммерсантов, 20% принадлежали к семьям лендлордов и рантье, 16% происходили из офицерских семей, 15% — из семей профессиональных политиков. Родители 7% консервативных парламентариев были служителями церкви, 5% — высшими гражданскими чиновниками и 8% — профессорами, артистами и т. п.⁶ Подавляющее большинство консервативных членов палаты общин было тесно связано своими деловыми интересами с крупнейшими английскими и международными монополиями. Впрочем, это можно сказать не только о них, но и о многих министрах. Сам премьер — Не-

---

⁵ S. H a x e y. Tory M. P. London, 1939, p. 37.

⁶ Ibid., p. 176.

виль Чемберлен, помимо того, что он владел заводами малокалиберного оружия в Бирмингеме, имел солидный пакет акций Имперского химического треста — 5414 простых акций и 833 привилегированных. Правая рука премьера — министр финансов Джон Саймон был также крупнейшим держателем акций этого треста, тесно связанного картельными соглашениями со многими германскими концернами, в том числе и с арсеналом фашистского агрессора «И. Г. Фарбениндустри». Можно предположить, что эти интересы оказывали немалое влияние на внешнеполитические решения правительства. Другой министр правительства (сначала торговли, а затем военный) Оливер Стэнли, равно как и его брат лорд Стэнли, одно время министр по делам доминионов, происходил из знатного рода крупных английских землевладельцев Дерби, чьи поместья и угодья в Ланкашире насчитывали 62 тыс. акров. Лорд Стэнли был директором одного из крупнейших английских банков Барклай-банка. Оливер Стэнли был женат на дочери председателя центрального совета консервативной партии лорда Лондондерри. Министры Ренсимен, Хорн, Дж. Андерсон (он считался беспартийным) также были в свое время директорами других членов «большой пятерки» — Вестминстерского, Ллойд-банка, Мидленд-банка. Сэмюэль Хор (позднее лорд Темплвуд), занимавший в кабинете Чемберлена самые ответственные министерские посты, был совладельцем банковской фирмы «Барнетт, Хор энд К°». Военный министр Хор-Белиша был сыном главы фирмы биржевых маклеров «Белиша энд К°». Министр иностранных дел лорд Галифакс (Фредерик Вуд) имел богатейшие поместья в Йоркшире.

Значительным влиянием в правительственных кругах пользовались фирмы, тесно связанные с производством вооружения: «Виккерс», «Кеммел лэрд», «ФТМ». Многие министры или бывшие министры, как например Р. Хор, Дж. Гильмур, лорд Хэйлшем, были держателями акций «Виккерса», а Дж. Андерсон являлся в свое время одним из директоров этого концерна. Известный английский политический деятель и министр в ряде кабинетов консерваторов Леопольд Эмери был тесно связан с «Кеммел лэрд» — военно-судостроительной фирмой, выполнявшей заказы адмиралтейства. Парламентский частный секретарь помощника военного министра Альфред Бейт был одной из влиятельнейших фигур в «ФТМ».

Все важнейшие правительственные мероприятия осуществлялись не только после предварительной консультации с ведущими капиталистическими группами, но и при их непосредственном участии. Достаточно упомянуть, что все шесть членов правительственной комиссии контроля над осуществлением программы перевооружения, назначенной правительством Чемберлена, возглавляли ведущие английские монополии: Д. Бегарелль — президент компании по производству резиновых шин «Дэвлоп раббер»; П. Беннет — президент Федерации британской промышленности и директор Имперского химического треста; Д. Кларк — президент фирмы «Коутс»; Джеффри Кларк — президент объединения торговых палат Великобритании и директор ряда компаний; Ф. д'Арсис Купер — президент всемирного концерна по производству мыла и маргарина «Леве́р бразерс энд Юниливер»; Д. Эдисон — директор-распорядитель концерна по производству искусственного шелка «Курто».

Правительство Невилля Чемберлена представляло и защищало интересы 1,5% населения Британских островов, в руках которого было сосредоточено не только 80% национального богатства страны, но и несметные богатства Британской империи.

Невилль Чемберлен был лидером консервативной партии, традиционно защищавшей интересы крупных собственников. Внутриполитические мероприятия правительства консерваторов пользовались единодушной поддержкой руководящих и местных органов партии. Не так, однако, обстояло дело в вопросах внешней политики.

Накануне второй мировой войны в консервативной партии наметилось два главных направления в области внешней политики. Представителями одного из них были сторонники политики «умиротворения» и «невмешательства», сговора с фашистскими державами на антисоветской основе. Это политическое направление, поддерживаемое большинством руководящих консервативных кругов, возглавлялось лидером партии и главой кабинета Невиллем Чемберленом. Он находил полную поддержку и среди членов своего правительства. Сэмюэль Хор, Джон Саймон, министр по координации обороны Инскип, министр авиации Кингсли Вуд, министр иностранных дел лорд Галифакс — таковы были государственные деятели, с именем которых неизменно связывалась политика «уми-

ротворения». За кулисами большую роль играл советник премьера Хорас Вилсон, непреременный член всех важнейших министерских комитетов. В имении англо-американских миллионеров Асторов, один из которых был владельцем газеты «Таймс», где они часто встречались, формировались внешнеполитические концепции и намечался конкретный план действий. Большим влиянием пользовались в Кливдене лорд Лотиан (Филипп Керр), бывший секретарь Ллойд-Джорджа обозреватель консервативного еженедельника «Обсервер» Гарвин.

Политическая программа «умиротворителей», коротко говоря, сводилась к следующему: на континенте Европы существуют две силы — с одной стороны Советская Россия, с другой — гитлеровская Германия. Европе угрожает опасность большевизации. Германия в силу разного рода обстоятельств является форпостом Запада на континенте, «бастионом против большевизма». Второй тезис «умиротворителей» заключался в том, что приход фашизма к власти в Германии является выражением стремительного роста националистических чувств немцев, ущемленных Версальским мирным договором. Гитлеровцы требуют предоставления Германии «жизненного пространства». Перед ними два пути: либо, если их требования не будут приняты во внимание западными государствами, они обрушатся на Запад, к выгоде Советского Союза; либо, если западные державы окажутся достаточно разумными, чтобы найти компромисс с Германией, направятся на Восток, против Советского Союза, — к явной выгоде всего «западного мира».

Фактический глава оппозиции в консервативной партии Уинстон Черчилль в беседе с советским послом в Лондоне И. М. Майским следующим образом охарактеризовал позицию и взгляды сторонников «умиротворения»: «Эти люди рассуждают так: все равно Германии где-то нужно драться, в какую-то сторону расширять свои владения — так пусть она лучше выкроит себе империю за счет государств, расположенных на востоке и юго-востоке Европы! Пусть она тешится Балканами или Украиной, но оставит Англию и Францию в покое. Такие рассуждения, конечно, сплошной идиотизм, но, к сожалению, они еще пользуются значительной популярностью в известных кругах консервативной партии»⁷.

⁷ И. М. Майский. Кто помогал Гитлеру. М., 1962, стр. 55.

...В одной из своих последних работ известный английский военный историк генерал Д. Фуллер, оправдывая политику Чемберлена, невольно полностью разоблачил сторонников «западной безопасности»: «Не могло быть никакого сомнения, — писал он, — что в 1939 г. лучшей политикой для Великобритании было выскочить из войны, предоставив Германии и СССР ослабить друг друга, и тем временем быстро вооружаться. «...Если бы Россия одержала победу, то Гитлер был бы дискредитирован и могла быть оказана поддержка Германии. В противном случае можно было при благоприятных условиях вторгнуться в Германию с запада»⁸.

Клемент Эттли в своих воспоминаниях подтверждает, что Чемберлен был против коалиции неагрессивных государств, «потому что великий союз должен был бы включать Россию»⁹.

...Значительное влияние на проведение политики «невмешательства» и «умиротворения» оказывали классовые моменты.

...Гитлер провозгласил нацизм ярким врагом марксизма, задушил рабочие организации в Германии, произвел кровавую расправу над коммунистами, антифашистами. Следовательно, германские фашисты, прикидываясь в Лондоне, могут быть использованы и для борьбы с рабочим движением в Европе. По всем этим причинам следует не только не мешать нацистам укреплять свое государство, но и помогать им в этом.

Был, однако, вопрос, который время от времени беспокоил «умиротворителей», — не случится ли так, что Гитлер повернет на Запад? Но этот тревожный вопрос они отгоняли, полагая, что Гитлер, провозгласивший себя идейным врагом Советского государства, пойдет на Восток, против СССР. Таким образом, порочная идея «западной безопасности» взяла верх. Они как будто не сомневались в том, что Гитлер будет следовать «советам» Запада.

На крайне правом фланге «умиротворителей» находились наиболее реакционные деятели английского империализма, близкие по своим политическим взглядам к фашистам. Они создали еще в 1935 г. «Общество англо-

⁸ J. F. C. Fuller. The Conduct of War 1789—1961. London, 1961, p. 264—265.

⁹ F. Williams. Op. cit., p. 13.

1873

германского содружества». В него входили крупнейшие представители промышленного, финансового и аристократического мира Англии — Ф. Тваркс и лорд Стемп из Английского банка, упоминавшийся уже лорд Лотман, управлявший в то время Национальным банком Шотландии, Дональд Камерон и лорд Хатчисон оф Монтроу — из Национального банка Австралии. Англо-германская банковская фамилия Шредеров и Штейнов, субсидировавшая гитлеровцев с 20-х годов, также имела в этом обществе своего представителя Генри Шредера. Его кузен Курт Шредер был впоследствии известен в Германии как «банкир-эсэсовец». Крупнейшая английская монополия «Левер бразерс энд Юниливер» в лице его главы Л'Арси Купера активно участвовала в деятельности общества, давая средства и предоставляя помещения этого треста для собраний общества. Членом общества был Уолтер Ренсимен — директор Ллойд-банка и член правления Мидленд-банка — сын лорда Ренсимена, «прославившегося» своей миссией в Чехословакию летом 1938 г. Был среди членов общества и председатель правления Имперского химического треста лорд Макгоуэн, председатель правления Английского банка Монтегю Норман, известный своими деловыми связями с немецкими банками и дружбой с Ялмаром Шахтом, лорд Астор — издатель «Обсервера» и его деверь майор Астор — издатель «Таймса».

Этот список можно было бы продолжить. По своим внешнеполитическим взглядам эти реакционеры вакомикали чемберленовцев, но были еще более откровенными и циничными.

Вскоре после Мюнхенского соглашения, в ноябре 1938 г., было создано общество «Линкс», которое пропагандировало дружбу с гитлеровской Германией. Значительные денежные субсидии это общество получало из Германии. Среди других группировок и организаций с явно профашистским уклоном, представлявших правое крыло английского капитализма, назовем «Общество друзей националистской Испании», «Объединенный христианский фронт» во главе с членом парламента — консерватором капитаном Рамсеем, «Друзья Италии» и др. И уж самой реактивной организацией, требовавшей переустройства Англии по фашистскому образцу, был «Союз британских фашистов» во главе с Освальдом Мосли.

Ни одна из указанных выше групп не пользовалась широкой общественной поддержкой, но каждая оказывала большое влияние на внешнюю политику, благодаря обширным связям в финансовом и политическом мире; что касается фашистов Мосли, то они остались незначительной группировкой, ибо не имели, да и не могли иметь в английских условиях массовой социальной базы.

Крайне правые группировки еще более рьяно, чем чемберленовцы, проповедовали «безопасность Запада» как единственно возможный, по их мнению, внешнеполитический курс.

К началу войны в консервативной партии существовала довольно значительная оппозиционная группировка. Численность ее в зависимости от остроты политического момента колебалась от 60 до 100 членов парламента. Состав консервативной оппозиции был политически неоднороден, но все же это были главным образом противники курса на умиротворение и сторонники политики энергичного вооружения Британской империи, которое должно было предшествовать англо-германскому сговору. Таковы были два коренных вопроса, по которым оппозиция расходилась с официальным руководством партии.

Наиболее видным руководителем консервативной оппозиции был Уинстон Черчилль. Влиятельными деятелями оппозиции являлись бывший министр иностранных дел Антони Иден и его заместитель лорд Кренборн.

Значительную роль в формировании оппозиции играл Леопольд Эмери. Среди оппозиционных консерваторов были Гарольд Макмиллан, Бутби и др. Были ли какие-либо социальные различия между оппозиционным крылом и основной частью руководства консервативной партии? Были ли расхождения в их взглядах отражением борьбы соперничающих финансовых или коммерческих интересов каких-либо групп английского монополистического капитала? Ответ на этот вопрос может быть дан лишь приблизительно, ибо как чемберленовцы, так и оппозиция принадлежали к социально однородной среде. Лидер оппозиции (неофициальный, разумеется) Уинстон Черчилль вообще не был связан непосредственно с какими-либо монополистическими группами. В то же время Черчилль наряду с фельдмаршалом Сметсом был идеологическим вождем той части английской буржуазии, которая

была тесно связана с британской колониальной империей и Содружеством.

Напомним, что 35 консервативных членов парламента занимали в общей сложности 43 директорских поста в монополиях и трестах, связанных с Канадой, Австралией, Южной Африкой. 30 членов парламента имели значительные интересы в других частях Британской империи. Данкен Седдис (зять Черчилля), Картленд, Гарольд Макмиллан, активные участники консервативной оппозиции, были тесно связаны с имперскими монополиями. Но наиболее видным представителем этой группы английского монополистического капитала был, бесспорно, Леопольд Эмери, многократный министр колоний и министр доминионов в консервативных кабинетах. Л. Эмери был не только одним из директоров фирмы «Кэмвел Лэрд» (военное судостроение), тесно связанной с военной промышленностью Британской империи, но и директором Дарманлендской золотодобывающей компании в Южной Африке, директором трех аналогичных компаний в Австралии, президентом англо-канадского треста. Не случайно Л. Эмери был среди тех, кто решительно выступал в годы, предшествующие второй мировой войне, против каких-либо уступок Германии в колониальном вопросе. Статьи и книги Л. Эмери были хорошо известны английской и мировой общественности¹⁰.

Это вовсе не означало, что все английские монополии или их представители, связанные с имперскими делами, находились в оппозиции правительству Чемберлена, вернее, его внешнеполитическому курсу, а те, кто был связан с европейскими монополиями, особенно с такими картелями, в которых было значительно участие немецких капиталистов, поддерживали Чемберлена. Дело обстояло, очевидно, гораздо сложнее, так как и среди большинства консерваторов, поддерживавших политику Чемберлена, выступления за сговор с Германией за счет Британской империи были крайне редки.

Более часты как раз противоположные примеры.

Приведем лишь один из них, наиболее яркий. Лорд Лоттиан — активный деятель умиротворителей, «мозг» кливденской клики, благословивший мюнхенскую поли-

---

¹⁰ А. М. Некр и ч. Политика английского империализма в Европе. М., 1955, стр. 170.

тику, был редактором журнала «Раунд тейбл», традиционно отстаивавшего на своих страницах интересы Британской империи. Очевидно, что водораздел между двумя группировками более четко проходил по вопросу о путях и методах сохранения и упрочения Британской империи.

В отличие от чемберленовцев, утверждавших, будто условия для англо-германского соглашения налицо, оппозиция полагала, что эти условия еще не созданы, ибо Англия значительно отстала от Германии в области вооружений, Англия все еще дремлет, в то время как гитлеровская Германия лихорадочно вооружается. Оппозиция полагала, что с гитлеровцами можно разговаривать эффективно только языком силы, и настаивала, чтобы до соглашения с Германией хорошо вооруженная Британская империя заняла исходные позиции. Вот тогда стговор с Германией принесет Англии выгоду. В 1935—1937 гг., особенно в связи с событиями в Испании (а следует напомнить, что в испанском вопросе Черчилль и его группировка полностью поддерживали Болдуина и Чемберлена), еще полагали, что этот стговор может быть осуществлен на антисоветской основе. Леопольд Эмери, в частности, предлагал, чтобы Великобритания «сделала абсолютно ясным не только для Германии, но также и для Франции, что мы не примем участия и не окажем поощрения какому-либо внешнему вмешательству в русско-германский конфликт». Развивая далее свою мысль, Эмери утверждал, что такая позиция, наряду с некоторыми уступками Германии в Европе по экономическим вопросам, послужила бы интересам Англии¹¹. Таким образом, и у оппозиции мысль о спровоцированном германо-советском конфликте и Англии в роли наблюдателя перекликалась с политикой «умиротворения». И хотя Эмери говорил об экономических уступках, а Чемберлен фактически способствовал установлению политической гегемонии Германии в центральной части и на юго-востоке Европы, база соглашения была одной и той же — антисоветской. Однако после Мюнхена ситуация резко изменилась, ибо выяснилось, во-первых, что Англии потребуется известное время для перевооружения, с которым дело обстоит неудовлетворительно, и, во-вторых, что политика умиротворения терпит крах.

---

¹¹ «Germany's Claim to Colonies». London, 1939, p. 60.

Чемберленовцы в этих условиях вынуждены были прибегнуть к ряду маневров, которые, по их расчетам, должны были не только успокоить взбудораженное захватом Праги общественное мнение страны, но и принудить германского партнера быть более уступчивым в переговорах с Англией. Среди этих маневров, как мы знаем, были переговоры с СССР о заключении пакта взаимной помощи. Консервативная оппозиция, в отличие от Чемберлена, выступила за немедленное создание в Европе антигерманской коалиции в составе Англии, Советского Союза и Франции и с привлечением в эту коалицию других неагрессивных государств Европы. В этом они видели единственное средство остановить Гитлера. Оппозиция не верила больше ни в возможность прямого англо-германского сговора, ни в воскрешение идеи «пакта четырех». Отсюда настоячивые призывы видных деятелей консервативной оппозиции — Черчилля, Идена, Бутби к немедленному заключению военного союза с Францией и СССР. Таким образом, и к этому кардинальному политическому вопросу в консервативной партии четко выявились два различных подхода.

Наконец, существовал еще и третий, немаловажный аспект разногласий между большинством и меньшинством консервативной партии. Чемберлен, представлявший большинство, крайне неохотно шел на укрепление англо-американских отношений. Напомним, что в 1938 г., рассчитывая на прямой англо-германский сговор, он отклонил предложение Рузвельта о международной конференции в Вашингтоне, что послужило одной из причин ухода из правительства Идена. Укажем также и на затянувшиеся переговоры по поводу заключения англо-американского торгового соглашения, которое было все же подписано в ноябре 1938 г. Консервативная же оппозиция считала крайне важным в связи с германской угрозой в Европе и японской на Тихом океане — решительно улучшить англо-американские отношения и создать уже в мирное время условия, которые бы гарантировали выступление Соединенных Штатов в случае войны на стороне Англии.

Однако разногласия по вопросам внешней политики внутри консервативной партии до начала второй мировой войны не вышли за пределы чисто парламентских или дискуссионных форм. Оппозиция в консервативной

партии в то время еще не помышляла об открытом бунте против политики, которую она не раз клеймила, как губительную для интересов Великобритании. Таким образом, до второй мировой войны разногласия в среде правящей партии не оказывали сколько-нибудь глубокого практического влияния на формирование английской внешней политики. Не оказывала на внешнюю политику заметного влияния и «оппозиция его величества» — лейбористская партия. Руководители лейбористской партии часто в своих публичных выступлениях подвергали критике политику правительства Невилла Чемберлена, но в самые опасные моменты прекращали сопротивление. Так было во время испанских событий вплоть до середины 1937 г., когда лейбористы оказывали безоговорочную поддержку политике «невмешательства», которая в конечном счете явилась петлей, накинутаой на шею Испанской республики. Так было во время Мюнхена, когда лейбористы не нашли ничего лучшего, как пожелать премьер-министру удачи в переговорах с Гитлером. Не раз подчеркивая в своих выступлениях, что Чемберлену нельзя доверять, что следует добиваться его ухода, лейбористские лидеры на деле не были готовы к активной борьбе за свержение этого правительства. Они не только отвергли предложение коммунистов о создании Народного фронта, но и обрушились с репрессиями на тех лейбористских деятелей, которые, подобно Стаффорд Криппсу, утверждали, что путем объединения античемберленовских сил правительство тори может быть опрокинуто на ближайших всеобщих выборах. Как известно, Криппс и группа его сторонников были за это исключены из лейбористской партии на Саутпортской конференции в мае 1939 г., как раз незадолго до начала второй мировой войны.

По существу лейбористская партия находилась в «молчаливом союзе» с правительством Чемберлена, ибо ее правые лидеры ограничивались словесной критикой, не прибегая к иным методам давления на правительство, чтобы заставить его либо уйти в отставку, либо изменить политику. Достаточно сказать, что лидеры лейбористского движения и тред-юнионов располагали таким мощным орудием борьбы даже в рамках уважаемой ими английской буржуазной демократии, как стачки, забастовки протеста. Однако ни разу они не призвали английских рабочих к стачке по вопросам внешнеполитического ка-

рактера. Английское забастовочное движение в канун войны, хотя и было значительным, но редко выходило за рамки чисто экономической борьбы.

Праволейбористские лидеры уже после второй мировой войны оправдывали политику лейбористской партии тем, что в английском народе был широко распространен страх перед войной и глубокое влияние пацифизма сковывало действия лейбористской партии. Верно, что пацифизм был широко распространен в Англии. Но напомним, что одним из главных распространителей пацифизма в английском рабочем движении был лидер лейбористской партии (до 1935 г.) Джордж Ленсбери, который в 1937 г. совершил паломничество к Гитлеру с «миссией доброй воли». Однако уже испанские события значительно подорвали влияние пацифистов, а аншлюс и отторжение Судетских районов Чехословакии, а затем и расчленение этой страны гитлеровской Германией очень повлияли на отношение английского народа к вопросам войны и мира. Опрос, проведенный Британским институтом общественного мнения в июне 1939 г., показал, что 87% опрошенных высказываются за создание антигитлеровской коалиции Англии, Советского Союза и Франции, т. е. выступают с антипацифистских позиций. Воспользовались ли этими обстоятельствами лейбористские лидеры для объединения античемберленовских сил? Нет, не воспользовались.

«Именно эта разобщенность в рабочем и демократическом движении,— писал в феврале 1939 г. генеральный секретарь английской компартии Гарри Поллит,— и особенно отказ лейбористских лидеров взять на себя инициативу в деле сплочения всех сил, оппозиционно настроенных к Чемберлену, оказывает последнему сильнейшую поддержку, позволяющую ему выходить из положения до сих пор точно так же, как разобщенность демократических государств позволяет Гитлеру и Муссолини оставаться хозяевами положения... Если ответственность за разобщенность между демократическими государствами ложится на Чемберлена, то ответственность за раскол в английском рабочем и демократическом движении ложится на правых лидеров лейбористской партии и тред-юнионов»¹².

¹² Гарри Поллит. Избранные статьи и речи (1919—1939). М., 1955, стр. 318.

В противоположность лейбористской партии коммунисты поддерживали и сплачивали все силы, выступающие против внутренней и внешней политики реакционного правительства Чемберлена. Компартия выступала за создание самой широкой античемберленовской коалиции, за сотрудничество «всех слоев населения и всех организаций, которые встревожены и недовольны» политикой Чемберлена¹³.

Однако предварительным условием объединения широких народных сил являлось осуществление единства всех отрядов рабочего класса. Ради этой цели компартия не раз выражала готовность вступить в лейбористскую партию на правах коллективного члена, однако не ставила свое вступление непременным условием для совместной борьбы против правительства Чемберлена. Отвергая утверждения сектантов, будто союз с недовольными консерваторами типа Черчилля, Идена или Дафф Купера ослабит рабочий класс, компартия разъясняла, что появление признаков раскола в среде консерваторов — факт, благоприятный для создания союза античемберленовских сил. Отнюдь не затушевывая классовые различия и противоречия, можно и должно в создавшихся условиях выступать совместно.

В докладе на XV съезде английской компартии Г. Поллит говорил: «Между нами и ими существуют расхождения. Они отстаивают капитализм и эксплуатацию человека человеком, мы же стоим за социализм, уничтожение частной собственности. Но если консерватор и либерал согласны выступить сейчас против Гитлера и Муссолини, против того, чтобы бомбардировщики низвергли смерть на головы безвинных людей, мы уверены, что наш класс в состоянии договориться с ними. Нам нечего их бояться!»¹⁴.

Компартия подчеркивала, что в данных условиях свержение правительства Чемберлена, «на какую бы широкую базу ни опиралось сменившее его правительство», будет «громким шагом вперед по пути к достижению социализма в будущем»¹⁵.

Борьба за единство всех сил, выступающих против фашистской угрозы и политики умиротворения, за боевой союз с СССР, проводившаяся компартией накануне

¹³ Гарри Поллит. Избранные статьи и речи, стр. 284.

¹⁴ Там же, стр. 320.

¹⁵ Там же.

второй мировой войны, не увенчалась успехом. Англия вступила в войну с тем же архиреакционным правительством во главе, которое на протяжении предвоенных лет фактически предавало национальные интересы английского народа.

Однако социальная база этого правительства была значительно подорвана. Не говоря уже о постоянном отрицательном отношении к Чемберлену большинства английского рабочего класса, значительная часть господствующих классов стала сомневаться в возможности правительства успешно вести войну против гитлеровской Германии. Но отсутствие античемберленовского фронта, с одной стороны, и начавшаяся война с Германией, с другой, продлили на некоторое время существование правительства Чемберлена.

* * *

Хотя Англия значительно отставала от Германии в подготовке к войне, ее потенциальные возможности были огромны. Англия — это не только Британские острова с 48-миллионным населением, противостоящие райху, население которого было больше на 20 млн. человек, Англия — это также и ее доминионы, колонии, зависимые территории с населением в полмиллиарда человек, с необъятными материальными ресурсами.

Практически не существовало ни одного вида сырья (особенно стратегического), которого бы Англия не могла получить в нужном количестве и тем самым пополнить свои довольно ограниченные запасы, сделанные главным образом в канун войны ¹⁶.

Следует также иметь в виду, что значительную долю в мировой добыче сырья имели такие потенциальные

---

¹⁶ В Британской империи накануне войны добывалось: хромовой руды 37,6% от мировой добычи (Германия — 0); медной руды — 29,8% (Германия — 1,5); бокситов — 15,6 (Германия — 2,3); железной руды — 12,9 (Германия — 6,1); свинцовой руды — 35,9 (Германия — 5,6); марганцевой руды — 36,1 (Германия — 8,3); никелевой руды — 87,9 (Германия — нет данных); олово — 39,2 (Германия — 0,2); вольфрам — 25,2 (Германия — 0); сырая нефть — 2,4 (Германия — 0,2); уголь — 24,8 (Германия — 16,4); хлопок — 17 (Германия — 0); джут — 98,9 (Германия — 0); каучук — 51,9 (Германия — 0) («The History of the Second World War». J. H u r s t f i e l d. The Control of Raw Materials. London, 1953, p. 29).

союзники Англии, как Голландия и США. Британская империя и Соединенные Штаты Америки владели накануне второй мировой войны $\frac{2}{3}$ мировой добычи и контролировали $\frac{3}{4}$ мировых запасов сырья¹⁷.

В мирное время Британская империя доставляла в Англию 40% необходимого ей сырья и продовольствия. Значительная доля английского импорта падала на европейские страны — железо и сталь, железная руда, бокситы (91%), железные пириты и ряд других видов сырья. Война вносила существенный корректив в структуру английского импорта. Центр тяжести перемещался за океан, на американский континент, в доминионы — Австралию и Новую Зеландию, в Африку.

Еще накануне войны, 21 июля 1938 г. Комитет имперской обороны решил, что доминионы и губернаторы колоний должны подготовить планы снабжения Англии из стран империи на случай войны¹⁸. Разработка этих планов происходила крайне медленно. Но поскольку принципиально этот вопрос был согласован, то уже в самом начале войны Англия заключила с доминионами ряд соглашений, которые должны были обеспечить бесперебойное снабжение некоторыми видами стратегического сырья. Кроме того, цель таких соглашений заключалась в том, чтобы закрыть Германии путь к закупке стратегических товаров и сырья через посредство третьих держав. Последнее, однако, в первые годы войны осуществить полностью не удалось. В октябре 1939 г. было достигнуто соглашение метрополии с Австралией и Новой Зеландией о закупке на все время войны и на первый послевоенный год всего сбора шерсти. Позднее такое же соглашение было подписано с Южно-Африканским Союзом. Расширение английских закупок в доминионах оказало значительное влияние на развитие их материальных ресурсов. Особенно важную роль в снабжении метрополии сначала сырьем, а затем и военной продукцией сыграла Канада.

Таким образом, Британская империя была почти монопольным владельцем некоторых стратегических видов сырья — олова, каучука, вольфрама, молибдена, джута и т. д. Германия же зависела по важнейшим видам стра-

---

¹⁷ J. Hurstfield. Op. cit., p. 28.

¹⁸ Ibid., p. 57.]

тегического сырья от ввоза. Еще в начале войны Германия, несмотря на значительные стратегические запасы, ввозила треть необходимого ей сырья. Из 30 видов стратегического сырья в Германии в наличии имелось только 7¹⁹. Большинство же отсутствующих видов сырья находилось на территории, принадлежащей или контролируемой Англией и ее союзниками. Обширный коммерческий флот, находящийся под охраной военных кораблей, обеспечивал доставку сырья на Британские острова. Таким образом, преимущества Англии заключались, во-первых, в гораздо лучшем обеспечении сырьем и, во-вторых, в невозможности для Германии захвата этих источников сырья. А от наличия сырья в значительной мере зависел и уровень производства. Правда, Германия, захватив в 1940 г. западноевропейский континент, основательно пополнила свои военно-стратегические запасы, однако и этого было недостаточно для ведения долговременной войны.

Война требовала и значительных финансовых ресурсов. Золотые и валютные резервы Англии, значительно сократившиеся в период между двумя войнами, все же поддерживались на определенном, более или менее стабильном уровне доходами с английских капиталовложений за границей и за счет видимого и «невидимого» экспорта. В последние предвоенные годы английские золотые резервы имели тенденцию к резкому сокращению в связи с усиливавшейся конкуренцией США и Германии на мировых рынках и общим ухудшением экономической конъюнктуры, увеличением расходов на военные нужды. В 1937 г. золотые запасы Англии составляли, по данным ООН, 4085 млн. американских долл., а к исходу 1939 г. только 2038 млн. долл. Несмотря на такое резкое падение, золотые резервы Англии превышали германские в 97 раз (1). Германские золотые резервы составляли, по

---

¹⁹ Германия зависела от ввоза по олову — на 90%, по каучуку — более 85, по текстильному сырью — около 70, по бокситам — 99 и т. д. (Б. М ю л л е р - Г и л л е б р а н д. Сухопутная армия Германии. 1933—1945. М., 1957, т. II, стр. 29). Напомним также, что накануне второй мировой войны Германия закупала у неагрессивных государств от 50 до 70% угля, нефти, алюминия, 90% необходимого ей каучука, 85 марганцевой руды, 80 медной руды, 80 чугуна и железа, 92% олова и т. д. («Economist», 1939, May 20).

тем же данным, в последние предвоенные годы всего 28,5 млн. долл.²⁰

Следует оговориться, что в 30-е годы Германия перевела свою внешнюю торговлю почти целиком на клиринговую систему, предусматривающую безналичные расчеты. Однако как раз закупки отдельных важных стратегических видов сырья требовали золота, золота и золота. Надо иметь в виду также и то, что уже в 1940 г. золотые резервы Англии были почти полностью израсходованы на приобретение вооружения, продовольствия, станков в США и уменьшились до 293 млн. долл.²¹ Впрочем, финансовые проблемы Англии были на время войны отчасти урегулированы законом о ленд-лизе от марта 1941 г. Германия уже во время войны пыталась улучшить свои финансовые возможности путем ограбления поработанных стран. Но преимущества и в финансовом отношении оставались на стороне Англии.

Гитлеровская Германия рассчитывала, что в случае войны с Англией доминионы могут остаться нейтральными. Она исходила из того, что доминионы не участвовали в Локарнском соглашении и, таким образом, формально не разделяли обязательства Англии в Европе. Гитлеровцы переоценивали действие центробежных сил в Британской империи. Германия рассчитывала, что доминионы, обладая правом самостоятельно решать вопросы своей внешней политики, вряд ли захотят вторично ввязываться в мировую войну. Особенно большие надежды возлагались на Южно-Африканский Союз, в правящих кругах которого профашистские и прогерманские настроения были весьма сильными. Хотя формальное положение и отвечало планам гитлеровцев, на самом деле ситуация была несколько иной. Политические связи метрополии с доминионами значительно окрепли накануне второй мировой войны не только потому, что одним из краеугольных камней их были тесные экономические отношения и благосостояние некоторых доминионов в значительной степени зависело от экспорта их продукции в Соединенное королевство, но также и потому, что угроза со стороны агрессивного блока Германии, Италии и Японии все больше ощущалась и доминионами как в эконо-

²⁰ «United Nations. Statistical Yearbook», 1948. First issue. Lake Success. New York, 1949, p. 382—383.

²¹ Ibid., p. 383.

мической, так и в политико-стратегической области. Безопасность доминионов, особенно Австралии и Новой Зеландии, в значительной степени покоилась на могуществе британского флота и надежности системы имперской обороны. То же в большой мере относилось и к Южно-Африканскому Союзу. Что же касается двух доминионов, расположенных в западном полушарии — Канады и Ньюфаундленда, то их безопасность определялась в большой степени политикой могущественного соседа — Соединенных Штатов Америки.

Уже первые дни войны показали, что расчеты гитлеровской Германии на нейтралитет доминионов были необоснованны. 3 сентября объявили войну Германии Австралия, Новая Зеландия и колония Индия. Правительства Австралии и Новой Зеландии сделали это даже без предварительного одобрения парламента. В Южно-Африканском Союзе попытка премьера Герцога объявить нейтралитет успеха не имела. 6 сентября новое правительство ЮАС во главе с фельдмаршалом Сметсом объявило Германии войну. 10 сентября войну Германии объявила Канада²². Только Эйре провозгласило нейтралитет. Таким образом, через неделю после объявления Англией войны Германии вся Британская империя с ее огромными материальными и людскими ресурсами оказалась вовлеченной в войну. Остановимся, хотя бы вкратце, на том вкладе, который доминионы внесли в войну.

В 1936 г. английские капиталовложения в Канаде и Ньюфаундленде были равны 443 млн. ф. ст. при общей сумме вложений во все страны Британской империи 1981 млн. ф. ст.²³ В ряде ведущих отраслей канадской промышленности — никелевой, лесной, алюминиевой — английские позиции были, несмотря на сильный нажим американского капитала, довольно прочными. Что же касается соотношения между английским и канадским капиталом, то даже в условиях уже развернувшейся войны, в 1940—1941 гг. — английские вложения в Канаде

²² Первая неделя войны, с 3 по 10 сентября, была использована Соединенными Штатами для того, чтобы продать Канаде как государству в войне не участвующему самолеты, предназначавшиеся для Англии, которые затем уже из Канады были доставлены к месту назначения (J. W. Pickersgill. The Mackenzie King Record, vol. I. 1939—1944. Toronto, 1960, p. 30).

²³ Ю. А. Винцер. Английские капиталовложения за границей в период империализма. М., 1960, стр. 91.

превышали канадские. Война дала толчок бурному росту канадской промышленности. Достаточно сказать, что за 4 года войны производство стали в Канаде удвоилось, на 20% возросло производство меди, свинца, никеля и цинка. Большую роль в производстве цветных металлов сыграли англо-канадские соглашения о поставке в Англию цветных металлов и алюминия — ежегодно более 500 тыс. тонн²⁴. Особенно быстро развивалось производство алюминия, на базе которого росла не только канадская, но и английская авиационная промышленность. До войны в авиационной промышленности Канады была занята тысяча человек, а годовое производство составляло лишь 40 самолетов. В 1939—1940 гг. было произведено уже 904 самолета, а в 1941 г. — 1689²⁵. Перед войной, в 1939 г., Канада не имела, по существу, своей судостроительной промышленности. Однако необходимость быстрого восполнения потерь, которые несло английское судоходство от нападения германских подводных лодок и рейдеров, привела к стремительному развитию судостроительной промышленности в Канаде, на верфях которой в полной безопасности от германского нападения сооружались суда различных типов (главным образом торговые).

Канадская промышленность во время войны наладила также производство оружия и боеприпасов, в том числе пушек, орудий противотанковой обороны, броневых машин и т. п.

В сентябре 1939 г. канадская армия (формированная, как и в других доминионах, на добровольческих началах) насчитывала всего около 16 тыс. человек. Флот насчитывал 1800 личного состава, авиация — 4 тыс.²⁶

18 сентября 1939 г. канадское правительство поручило комитету начальников штабов составить военную программу, на осуществление которой предполагалось затратить 250 млн. долл. Как явствует из дневников канадского премьер-министра Маккензи Кинга, стержнем всей программы была подготовка экспедиционных сил и летного состава. 17 декабря 1939 г. началась отправка частей Первой канадской дивизии на Британские острова.

---

²⁴ «Canada in World War II», Montreal, 1945, p. 30.

²⁵ Ibid., p. 34.

²⁶ Ibid., p. 22.

В тот же день после длительных и сложных переговоров, которые вела в Оттаве английская правительственная делегация во главе с лордом Ривердейлом, было подписано соглашение об осуществлении на территории Канады общеимперского плана подготовки летного персонала стран Содружества²⁷. Согласно этому плану все летные учебные заведения Англии, Австралии и Новой Зеландии образовывали единую систему с общей программой занятий. Ежегодно на территории Канады должно было быть подготовлено 28 тыс. летных специалистов, из них почти половина пилотов²⁸. План этот был полностью реализован. По канадским данным, за 4 года действия плана на территории Канады было подготовлено более 100 тыс. летчиков, штурманов и стрелков-радиотов, которые обучались в 154 учебных центрах. Половину из них составляли канадцы²⁹.

Австралия была тем английским доминионом, в экономику которого английские монополии охотно вкладывали свои капиталы. В 1936 г. английские капиталовложения достигли 505 млн. ф. ст.³⁰ Особенно притягивали английские капиталы золотодобывающие компании. Австралия была традиционным поставщиком сырья (шерсть, кожи) и продовольствия (мясо) в метрополию. С начала второй мировой войны роль Австралии в снабжении Британских островов возросла, одновременно возросла и роль Австралии как промышленной базы для своей собственной обороны, обороны Новой Зеландии, а также для усиления системы имперской обороны в Океании, в Индийском и на Тихом океанах. Особенно интенсивно развивалась сталелитейная промышленность и на ее базе военная промышленность. Больших успехов австралийская промышленность достигла в изготовлении особых видов бронированной стали. В Австралии строились самолеты, танки, автомобили³¹. К началу войны добровольческая австралийская армия состояла из 10 тыс. профессиональных солдат. Флот, оснащенный 5 совре-

²⁷ J. W. Pickersgill. Op. cit., p. 39.

²⁸ J. R. M. Butler. Grand Strategy, vol. II. September 1939 — June 1941. London, 1957, p. 40.

²⁹ «Canada in the World War II», p. 29.

³⁰ Ю. А. Винцер. Указ. соч., стр. 91.

³¹ «What the British Empire has done. Facts and figures of the Empire at War». London, 1944, p. 19.

менными крейсерами и 7 эсминцами, насчитывал в своем личном составе 6 тыс. человек. Военно-воздушные силы (200 самолетов) обслуживало 3 тыс. человек. Первая мировая война продемонстрировала способность Австралии к быстрой мобилизации. То же повторилось и во время второй мировой войны. Менее чем через год после начала войны австралийские имперские силы достигли 90 тыс. человек, а еще через год, в августе 1941 г., только за рубежом находилось 90 тыс. австралийских солдат ³².

Новая Зеландия, подобно Австралии, была одним из важных поставщиков сырья (шерсть) и продовольствия в Соединенное Королевство. Промышленность была развита относительно слабо. Например, до войны в Новой Зеландии не было тяжелой промышленности, отсутствовало судостроение, не говоря уже об авиационной промышленности. С началом войны в Новой Зеландии растет и военная промышленность, которая производит противотанковые ружья, разнообразное снаряжение; развивается судостроение, тракторостроение.

Номинально новозеландская армия насчитывала 16 тыс. солдат, подавляющее большинство которых относилось к территориальникам, т. е. действительной службы не несли. Флот состоял из 2 крейсеров, авиация — из 30 самолетов. Иными словами, практически в Новой Зеландии вооруженных сил не существовало ³³.

К августу же 1941 г. новозеландская армия составляла более 95 тыс. человек, из них принимали участие в сражениях в Европе и Африке 35 тыс. человек. Ежегодно 5 тыс. новозеландцев проходили обучение в канадских летных учебных центрах ³⁴.

Накануне второй мировой войны английское влияние в Южно-Африканском Союзе было достаточно устойчивым, хотя выросшая за полвека англо-бурская буржуазия все более решительно претендовала на главную роль при распределении доходов от эксплуатации природных богатств и труда коренного населения страны. С другой стороны, на английские позиции (особенно в алмазной, золотодобывающей, цементной промышленности) вели наступление американские монополии. Английские ка-

---

³² «What the British Empire has done», p. 18.

³³ Donald Cowie. War for Britain. London, 1942, p. 17.

³⁴ «What the British Empire has done», p. 23.

питаловложения в ЮАС составляли в 1936 г. 248 млн. ф. ст.³⁵

Промышленность Южно-Африканского Союза быстро приспособилась к обслуживанию нужд войны и начала производство специальных сортов стали, автомобилей, орудий. Большую роль играл Южно-Африканский Союз в поставках сырья.

В начале войны армия ЮАС насчитывала около 20 тыс. человек. Ее главной задачей было держать в страхе и повиновении коренное африканское население. Флота не было, в авиации насчитывалось около 1500 человек. К августу 1941 г. авиация значительно увеличилась благодаря организации на территории Южно-Африканского Союза тренировочных школ для пилотов из всей Британской Африки. Нечего и говорить, что в эти школы допускались только белые. Одновременно росла и армия, достигшая к концу войны более 200 тыс.³⁶ Бурские колонизаторы расширяли вооруженные и полицейские силы не столько для борьбы с германскими и итальянскими агрессорами, сколько для будущей расправы с африканским населением Южной Африки, где наблюдался процесс развития национального самосознания.

Мощным резервом материальных ресурсов и снабжения Британских островов были колонии. В Лондоне рассчитывали, что вклад колоний в войну примет следующие формы: участие в общих мероприятиях экономической блокады; расширение экспорта продовольствия и сырья в Англию и в союзные государства; организация контроля над импортом и выполнение программы судоходства; расширение производства продовольствия и сырья для удовлетворения местных нужд; оказание помощи в случае трудностей с судоходством и потери рынков; возложение на колонии обязательств финансового характера, включая налогообложение, контроль над ценами и т. п.³⁷ Таким образом, речь шла об усилении эксплуатации населения колоний на время войны.

Часть английских колоний в ходе войны превратилась непосредственно в арену боевых действий. Первой

---

³⁵ Ю. А. Виндлер. Указ. соч., стр. 91.

³⁶ «What the British Empire has done», p. 26.

³⁷ «Great Britain. Colonial Office. The Colonial Empire (1939—1947)». Presented by the Secretary of State for the Colonies in Parliament by Command of H. M. July 1947, London, 1947, p. 6.

колонией, испытавшей на себе ужасы войны, было Сомали (август 1940 г.). Нападению подводных лодок подверглась в Вест-Индии гавань Барбадоса. Фашистская авиация интенсивно бомбила Аден, Кипр, Гибралтар, Мальту, но больше всего пострадали от войны английские колонии в Юго-Восточной Азии: Малайя, Гонконг, Борнео, территория Бирмы, частично Индии.

На протяжении столетий безопасность Англии основывалась на ряде политических и военно-стратегических принципов. Главным из них было поддержание равновесия сил на европейском континенте («баланс сил»). Англия была заинтересована в том, чтобы не допустить установления в Европе гегемонии какой-либо одной державы. Другим, не менее важным, было сохранение морского превосходства, которое должно было обеспечить не только безопасность Британских островов от вторжения врага, но и бесперебойное снабжение населения и промышленности страны продовольствием и сырьем. Напомним, что накануне второй мировой войны Англия ввозила $\frac{4}{5}$ необходимого ей сырья и продовольствия. Ежедневно 50 тыс. тонн продовольствия и 110 тыс. тонн других товаров выгружались в английских портах. Флот должен был охранять и имперские коммуникации: морские и океанские дороги, крепости и базы, образующие стратегическую основу Британской империи.

Согласно английским стратегическим принципам, оборона Британских островов требовала безраздельного господства над проливами Ламанш и Па-де-Кале и над Северным морем. Необходимым условием защиты Британских островов от вторжения было сохранение независимости Бельгии, Голландии, а также недопущение создания опорных пунктов какой-либо державы на территории Ирландии.

Время внесло коррективы в эти принципы. Постепенная утрата Великобританией положения наиболее развитой промышленной страны и потеря колониальной монополии, развернувшееся в XX веке морское и колониальное соперничество с кайзеровской Германией вынудили Англию отказаться от политики «блестящей изоляции» и искать себе союзников на европейском континенте. Соответственно менялись и внешнеполитические установки.

Всего лишь за 40 лет до событий, о которых идет речь в этой книге, Англия и Франция были традицион-

пыми врагами. Англо-французская вражда и соперничество уходили своими корнями вдалекое прошлое. Наиболее характерными проявлениями англо-французского антагонизма были, с одной стороны, колониальные войны (в Америке и в Индии), а с другой — борьба за господство в Европе (войны за испанское и австрийское наследство, наполеоновские войны). Наибольшей остроты англо-французский антагонизм достиг к концу прошлого века при разделе Африки, когда инцидент близ Фашоды³⁸, казалось, делал англо-французское столкновение неизбежным. Но кризис миновал, а угроза, возникшая со стороны кайзеровской Германии, привела в 1904 г. к созданию Антанты — «сердечного согласия» Англии и Франции.

Заключение в 1907 г. англо-русского соглашения о разделе сфер влияния на Ближнем Востоке превратило англо-французскую Антанту в Тройственное согласие.

Англо-французская Антанта, несмотря на острые разногласия, просуществовала фактически до 1921 г. — года окончания войны империалистических государств против Советской России. Затем наступила полоса охлаждения и даже обострения англо-французских отношений, вызванная рядом причин, среди которых желание Франции обеспечить за собой доминирующее положение на континенте было не последним. Попытки Франции добиться гарантий против повторения германской агрессии наталкивались на стремление Англии к восстановлению баланса сил в Европе, что практически означало восстановление военно-промышленного потенциала Германии. Англия рассчитывала при этом стать арбитром в западноевропейских делах. Однако было бы неправильно полагать, будто конфликт был очень острым и глубоким, как утверждали когда-то некоторые историки, доходившие даже до абсурдных прогнозов о неизбежности войны между Англией и Францией. Англо-французские противоречия смягчались в связи с общим для обеих стран стремлением концентрировать свои внешнеполитические усилия в русле антисоветской политики. Поэтому система союзов

---

³⁸ Фашода — название местечка в Судане, где в 1898 г. произошел инцидент, приведший к резкому обострению англо-французских отношений.

Франции с восточноевропейскими и центральноевропейскими государствами должна была служить одновременно поддержанию статуса, установленного версальскими мирными договорами, и созданию «санитарного кордона» вокруг Советского Союза.

Вся эта система была обречена на неудачу с самого начала, ибо комплекс всевозможных противоречий, особенно остро проявившихся в мире после первой мировой войны и Октябрьской социалистической революции или вновь возникших, как результат общего кризиса капитализма, совершенно исключал сколько-нибудь длительное существование такой политики «двойного действия». Заключение франко-советского договора о взаимной помощи 2 мая 1935 г. было наиболее красноречивым признанием краха этой политики. Безопасность Франции могла быть обеспечена только системой коллективной безопасности.

По мере восстановления положения Германии в Европе, а затем и в мире, по мере усиления влияния реваншистских, агрессивных сил в самой Германии и обострения обстановки в других частях света (Дальний Восток, Эфиопия, Испания) Англия и Франция были вынуждены искать друг у друга политической, дипломатической и в конечном счете военной поддержки. Таким образом, восстанавливалась, правда, в совершенно иных исторических условиях, прежняя англо-французская Антанта. Однако изменились не только условия, в которых воссоздавалась Антанта, но и соотношение сил в этом союзе. Политическое ослабление Франции, ставшее особенно заметным в 30-е годы, привело к тому, что ее внешняя политика все более и более оказывалась в зависимости от Англии. Позиция, которую занимало Соединенное Королевство по тому или иному вопросу, все чаще оказывала решающее влияние на позицию ее континентального союзника. Хотя формального договора о союзе до марта 1940 г. не существовало, фактически союзные отношения в некоторой форме были зафиксированы в обязательствах по Локарнскому соглашению, согласно которому Англия гарантировала неприкосновенность французских восточных границ. После вступления германских войск в Рейнскую демилитаризованную зону Англия и Франция провели 19 марта 1936 г., впервые после длительного перерыва, переговоры военных штабов, которые и поло-

жили начало англо-французскому военному сотрудничеству³⁹.

Но что было более важно и наложило неизгладимый отпечаток на англо-французские отношения — это отказ французского правительства от противодействия германской акции в Рейнской области, который фактически означал и отказ от претензий на руководство в англо-французском союзе. Лидером союза стала Англия. И в последующие предвоенные годы во всех важнейших решениях по внешнеполитическим вопросам Франция более или менее безропотно следовала за Англией. Сказанное выше вовсе не означает, будто Франция утратила самостоятельность в своей внешней политике. Точно так же это не умаляет исторической ответственности правящих кругов Франции за ту грандиозную катастрофу и последующую трагедию, которую она пережила в 1940—1944 гг. Речь идет об ином, а именно о соотношении сил в реставрированном «сердечном согласии».

Отказ Англии и следовавшей за ней Франции от реальной политики, отвечавшей их национальным интересам — союзу с СССР против гитлеровской Германии, — и попытки проведения политики нереальной — сговора с Гитлером, подталкивание Германии на Восток, против Советского Союза, и связанные с этим отступление перед германскими требованиями, капитуляция перед ними (Австрия, Мюнхенское соглашение, Чехословакия), наконец, срыв англо-франко-советских переговоров летом 1939 г. привели к окончательному крушению французской системы союзов в Европе. К началу второй мировой войны у Франции на континенте фактически оставался лишь один союзник — Польша. Прав профессор Альбрехт-Каррье, который характеризует позицию Франции в последующие месяцы, предшествовавшие войне, как негативную и пассивную⁴⁰.

³⁹ Следует оговориться, однако, что военного сотрудничества в полном смысле слова не существовало, так как между Англией и Францией не было никаких военных соглашений, никакого согласованного плана ведения войны, никаких взаимных обязательств. Известный английский военный историк Л. Ф. Эллис характеризует англо-французское военное сотрудничество после 1936 г. как «некий нерегулярный обмен технической информацией» (L. F. Ellis. *The War in France and Flanders*. London, 1953, p. 3).

⁴⁰ René Albrecht-Carrié. *France, Europe and the two world wars*. New York, 1961, p. 315.

Переговоры представителей военных штабов союзников происходили в 1936, 1938 и 1939 гг.

Вскоре после оккупации Чехословакии Германией, 29 марта 1939 г. в Лондоне начались переговоры по военным вопросам, в ходе которых было решено, что на первом этапе война будет носить со стороны Англии и Франции оборонительный характер ⁴¹.

Иначе говоря, союзники (теперь их уже можно было так называть) полагаги, говоря словами автора английской «Большой стратегии», что они «могут вынудить Германию принять повторение статичной войны 1914—1918 гг., несмотря на тот факт, что механизация, танки и воздушные силы сделали устарелым пеший образец первой мировой войны» ⁴².

Поразительно, что союзники за шесть месяцев до начала войны рассматривали ее перспективу с точки зрения первой мировой войны. Союзники предполагали, что им придется вести войну одновременно против Германии и против Италии и при благожелательном нейтралитете по отношению к ним или активной поддержке других держав, особенно Соединенных Штатов Америки ⁴³.

Официально англо-французский союз был подписан только 28 марта 1940 г., хотя формально переговоры начались в конце октября 1939 г., когда французское правительство предложило английскому изучить вопрос о гарантиях Франции против германской агрессии в будущем. Характерно, что оба правительства подходили к вопросу о союзе с традиционно различных точек зрения. Для Франции по-прежнему важнейшим оставался вопрос о военных целях, так как она опасалась, что Англия в

---

⁴¹ В документе, подготовленном штабными делегациями обеих стран, говорилось: «Нам придется столкнуться с противниками, которые будут в национальном масштабе более подготовлены к войне, чем мы; они будут обладать превосходством в военно-воздушных и наземных силах, но будут уступать нам на море и по уровню общей экономической мощи. В этих условиях мы должны быть готовы отразить широкое наступление против Франции, или против Великобритании, или одновременно против обоих государств. Поэтому на начальной стадии войны нам придется сконцентрировать все наши усилия с целью нанести поражение такому наступлению; и в течение этого периода наша большая стратегия будет оборонительной» (J. R. M. Butler. Op. cit., p. 10).

⁴² L. F. Ellis. Op. cit., p. 4.

⁴³ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 11.

конец концов уклонится от четкого определения будущих материальных гарантий Франции. И, действительно, английское правительство на первом этапе войны всячески избегало точного определения военных целей. Оно относилось положительно к идее совместной декларации о незаключении сепаратного мира или перемирия, но дальше этого не шло. Профессор Вудворд, располагавший архивами Форин оффис и хорошо осведомленный поэтому о переговорах по поводу заключения союза, пишет, что в такого рода декларации английское правительство, между прочим, видело средство парализовать действие распространяемых германской пропагандой утверждений об эгоистичности английских намерений ⁴⁴.

Изучение предложения французского правительства о гарантиях пошло по обычным каналам. После консультации с доминионами в Париж был отправлен ответ, в котором указывалось, что обсуждение территориального урегулирования преждевременно ⁴⁵. Уклонение английского правительства от обсуждения территориальных вопросов легко объясняется английской политикой в период «странной войны». В конце концов восторжествовала английская точка зрения.

19 декабря 1939 г. британский премьер предложил составить совместную декларацию о незаключении сепаратного мира. Представленный затем проект (Форин оффис) был принят, и 28 марта 1940 г. заключен формальный союз. В декларации указывалось, что Англия и Франция обязуются на все время войны не вести сепаратных переговоров с врагом, не заключать перемирия или мира иначе как по взаимному соглашению. Союзники также заявляли, что они не будут обсуждать условий мира до тех пор, пока не придут между собой к полному соглашению относительно необходимых условий для эффективной и длительной гарантии их безопасности ⁴⁶.

Англо-французский союз 1940 г. просуществовал всего три месяца.

Характерно, что если в области политики Франция шла за Англией, то в области стратегии решающее слово оставалось за Францией.

---

⁴⁴ E. L. Woodward. *British Foreign Policy in the Second World War*. London, 1962, p. 60.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem.

Стратегические идеи, которыми питались французские военачальники, планировавшие войну на суше, не шли дальше выводов, сделанных еще в двадцатые годы из кровопролитных сражений на Сомме, Марне и под Верденом в период первой мировой войны. Огромные потери, которые понесла тогда французская армия вследствие целого комплекса объективных и субъективных факторов, привели французский генштаб к одному, и при том не правильному, выводу — «кто атакует, тот проигрывает».

Не учитывая колоссальных изменений, произошедших со времени первой мировой войны, французское военное командование по-прежнему делало упор на мощные оборонительные сооружения вдоль франко-германской границы (линия Мажино). «Таким образом, мыслилось, — пишет генерал де Голль, — что вооруженная нация, укрывшись за этим барьером, будет удерживать противника в ожидании, когда, истощенный блокадой, он потерпит крах под натиском свободного мира»⁴⁷. Близорукое, чтобы не сказать преступное, пренебрежение новой техникой, недооценка новейших средств наступательного боя — танков, авиации — привели к тому, что к началу войны французская армия оказалась по сравнению с германской значительно хуже обученной, недостаточно технически оснащенной и в конечном счете не подготовленной к ведению современного боя.

Значительно ухудшилось по сравнению с первой мировой войной общее политическое и стратегическое положение англо-французских союзников. Не было русского Восточного фронта, который во время первой мировой войны отвлекал значительную часть армий противника. Своей политикой попустительства агрессору и сговора с ним Англия и Франция избавили Германию от опасности одновременной войны на два фронта и тем облегчили гитлеровцам осуществление их агрессивных планов. Система французских союзов в Европе также оказалась разрушенной: преданные Англией и Францией Чехословакия и Польша утратили свою независимость и попали под иго фашистских захватчиков. Румыния фактически впряглась в колесницу фашистской «оси». Югославия и Греция были слишком слабы, чтобы оказать

---

⁴⁷ Шарль де Голль. Военные мемуары, т. I. М., 1957, стр. 35.

какую-либо помощь Франции и Англии. Они старались изо всех сил сохранить свой нейтралитет и больше всего опасались дать Германии или Италии повод для нападения на них. Во французском тылу находилась враждебная франкистская Испания, и никто не мог заранее предсказать, как поведет себя Франко. Бельгия и Голландия, хотя и были не прочь войти в военный союз с Францией и Англией, но опасались это сделать. Во-первых, события предвоенных лет убедили их в том, что Англия и Франция склонны к сговору с фашистскими державами, что их обещания помощи малым странам остаются на бумаге и когда дело доходит до выполнения обещаний, то гарантированные страны оказываются одинокими перед лицом хорошо вооруженного и во много раз превосходящего их по силам фашистского агрессора. Судьба Эфиопии, Австрии, Чехословакии и Польши была достаточно наглядным примером. Во-вторых, они опасались, что даже если они войдут в секретные соглашения с Англией и Францией, то это немедленно станет известным Германии и явится поводом для нападения, которому они не могут противостоять.

Таким образом, Англия и Франция оказывались в Европе в значительной степени в состоянии политической изоляции. Надежды на скорое вступление в войну США не было. Соединенные Штаты заняли по отношению к Англии и Франции только позицию благожелательного нейтралитета.

При столь неблагоприятных условиях только хорошо подготовленное и вовремя предпринятое наступление на Германию союзных армий могло дать Англии и Франции с самого начала значительный перевес.

Для осуществления военного сотрудничества был создан верховный военный совет. В его состав входили премьер-министры и еще по одному министру от Англии и Франции, а от других союзных держав должны были входить их представители. Назначенные правительствами военные советники образовали объединенный штаб, в котором представители различных государств подчинялись только своему командованию. Кроме того, при верховном совете был создан англо-французский секретариат — рабочий орган, который вел текущую работу. Верховный совет был органом совещательным. Окончательное решение оставалось за соответствующими правительствами.

Союзники договорились, что верховное командование на континенте будут осуществлять французы (верховный главнокомандующий генерал Гамелен, начальник французского морского штаба адмирал Дарлан, командующий военно-воздушными силами генерал Вийемен). При штабах были образованы английские группы связи. Когда во Францию были направлены британские экспедиционные силы, то их командующий генерал Горт был подчинен французскому командованию, но с правом сноситься со своим правительством. Такóва, коротко, была структура англо-французского командования. Мы не останавливаемся подробно на вопросах стратегии, полагая, что военные историки более компетентны в этих вопросах. Однако мы все же должны представить себе сущность англо-французской стратегии, ибо стратегия и политика, особенно в военное время, неразрывно связаны между собою.

На протяжении всей войны одной из решающих проблем для Англии была оборона ее империи, обеспечение коммуникаций с доминионами и многочисленными колониальными владениями, сохранение целостности Британской империи. Основные функции в этом смысле предназначал нести военно-морской флот. Однако Англия постоянно посылала сухопутные войска в колонии, и прежде всего на Ближний и Средний Восток. Батлер — английский официальный историк — специально подчеркивает, что «если по вопросу о посылке экспедиционных сил во Францию в официальных кругах Англии возникли разногласия, то вопрос о необходимости иметь достаточно мощную армию на Среднем Востоке и вообще в районе Средиземного моря всем представлялся бесспорным»⁴⁸. И это не удивительно: нефть, сырье, коммуникации, вся система имперской обороны проходила через Средний Восток. Но здесь же была и ахиллесова пята британской стратегии (и политики), ибо опасения за имперские владения и коммуникации вели к распылению сил и, следовательно, к отказу от концентрации их на главных, решающих направлениях, и зачастую к поражениям. С особенной силой это проявилось в первые два года войны.

Начиная с 1912 г., когда по соглашению, заключенному с Францией, охрана средиземноморских торговых

---

⁴⁸ J. R. M. Butler. *Op. cit.*, p. 16.

путей и коммуникаций была возложена на французский флот, а английский должен был обеспечить безопасность в Северном море, Англия утратила почти безраздельное господство на Средиземном море, которым она обладала в течение столетия. После первой мировой войны и особенно в 30-е годы, здесь выросла новая агрессивная сила — фашистская Италия, заявившая претензии на установление своего собственного господства на Средиземном море. Провал попыток Лиги Наций в 1935—1936 гг. применить санкции против Италии, напавшей на Эфиопию, фактически означал молчаливое признание ее претензий в бассейне Средиземноморья и в Африке. Спустя много лет А. Иден запишет в своем дневнике:

«Вспоминая прошлое, я возвращаюсь все к той же мысли: не следовало ли нам с большей решительностью требовать применения санкций в 1935 году?.. Это мы превратили Муссолини в значительную силу»⁴⁹.

Практически же Англия продолжала идти по пути «умиротворения» фашистской Италии, несмотря на ее интервенцию в Испании, несмотря на ее прямые угрозы по адресу союзницы Англии Франции. Дело окончилось подписанием в апреле 1938 г. англо-итальянского соглашения, по которому Англия признавала аннексию Италией Эфиопии и некоторые другие итальянские претензии. Это соглашение должно было, по расчетам английского правительства, гарантировать сохранение статус-кво на Средиземном море. Политика английского правительства по отношению к Италии накануне второй мировой войны заключалась в попытках отрыва ее от Германии или в крайнем случае в обеспечении нейтралитета Италии.

В начале войны казалось, что Англии удалось ее политика: Италия не вступила в войну вслед за Германией и даже пыталась в первых числах сентября 1939 г. посредничать между враждующими сторонами. Но в Лондоне сознавали, что позиция Италии определяется реальным соотношением сил. Вот почему, с одной стороны, продолжались попытки удержать Италию вне войны, а с другой, принимались некоторые стратегические решения на случай выступления Италии.

---

⁴⁹ The Memoirs of Anthony Eden Earl of Avon. Facing the Dictators. Boston, 1962, p. 350.

Чрезвычайно важную роль в системе имперской обороны играла система крепостей Гибралтар — Мальса — Кипр. Эта система, дополненная региональной системой вокруг Суэцкого канала — базами и аэродромами в Египте, Судане, Палестине, должна была обеспечить безопасность самого короткого пути, связывающего Англию с ее колониальными владениями в Юго-Восточной Азии, в Индийском океане и с Британской Восточной Африкой. Через Суэцкий канал и Средиземное море проходила значительная часть снабжения Англии нефтью из Ирана, каучуком из Малайи и Индонезии, джутом, рисом, чаем, марганцевой и железной рудой из Индии. Через Суэцкий канал шли корабли с египетским хлопком, железной рудой и фосфатами из Французской Северной Африки, танкеры с советской и румынской нефтью. 11 % английского ввоза продовольствия и сырья проходило через Суэцкий канал ⁵⁰.

Аэродромы в Египте и Палестине должны были обеспечить безопасность Суэцкого канала точно так же, как военно-морские базы в Александрии и Фамагусте — от итальянского нападения из Ливии или Эфиопии. Через территорию Палестины проходил нефтепровод английской компании «Ирак петролеум», берущий свое начало в Киркуке и заканчивающийся в Хайфе. Две другие английские нефтяные компании «Бритиш ойл девелопмент» и «Англо-ираннен ойл» также проектировали строительство нефтепроводов на территории Палестины.

На Среднем Востоке оборона Британской империи опиралась на четыре узловых пункта Арабского полуострова — Акаба (порт в Трансиордании на Красном море), Аден (английский протекторат на Красном море), Оман и Кувейт (центр нефтедобычи на Бахрейнских островах). Расположенные в этих пунктах английские базы и гарнизоны должны были обеспечить безопасность империи от покушений какой-либо державы на восточном побережье Индийского океана.

Большое значение для Англии имели договоры с Ираком и Египтом, обеспечивающие в случае необходимости военное вмешательство Англии. Не меньшее значение имели договоры с властями Трансиордании и Сау-

⁵⁰ «Political and Strategic Interests of the United Kingdom». An Outline. By a Study Group of the Royal Institute of International Affairs, London, 1939, p. 129.

довской Аравии. Эти два небольших государства, одно из которых было центром магометанской религии, служили главной опорой Англии против национально-освободительного движения в этом районе. Содержавшийся королем Трансиордании «Арабский легион» был под командованием английских офицеров и являлся основной полицейской силой в этом районе. Щедрое субсидии, которые Англия платила королю Сауду, должны были обеспечить его решительную поддержку против любого проявления недовольства обветшалыми социальными порядками. Трансиордания и Саудовская Аравия были наиболее надежными форпостами английской политики в этом районе и оплотом реакции и контрреволюции.

Второй по важности торговый и стратегический путь, соединяющий Англию с Индийским океаном, проходил мимо мыса Доброй Надежды и опирался на ряд гаваней и баз в английских колониях африканского побережья.

Интересы британского империализма подвергались угрозе на Дальнем Востоке, где Япония, начиная с 1931 г. вела войну не только против Китая, но и против интересов других держав, и в частности Великобритании. Согласно данным Королевского института международных отношений, английские капиталовложения в Китае накануне японского вторжения в 1931 г. оценивались в 250 млн. ф. ст.⁵¹ Почти 16% китайской внешней торговли и более 43% китайской внутренней торговли осуществлялось на английских торговых судах⁵².

Большие доходы приносил Англии на Дальнем Востоке «невидимый» экспорт. Крупнейшим торгово-промышленным центром на Дальнем Востоке был Шанхай. Только прямые английские вложения в международном селтльменте Шанхая составляли 157 млн. ф. ст.⁵³ Захваченный у Китая в 1842 г. и превращенный в английскую колонию Гонконг был крупнейшим английским политическим и финансовым центром на Дальнем Востоке. В Гонконг, по английским данным, было вложено от 0,5 до 1% всех английских заграничных вложений, т. е. 200—350 млн. ф. ст. Военно-морская гавань Гонконга Сингапур охраняла интересы британского империализма на Дальнем Востоке и прикрывала пути в английские и

⁵¹ Ibid., p. 210.

⁵² Ibidem.

⁵³ Ibid., p. 211.

голландские колонии в Южных морях, откуда шло бесценное сырье — каучук, олово, вольфрам, нефть, копра. Сингапур служил одновременно обороне британских владений в Юго-Восточной Азии и обороне далеких доминионов — Австралии и Новой Зеландии.

Англия всеми способами старалась сохранить свои позиции на Дальнем Востоке, в частности в Китае. Накануне второй мировой войны она проводила и на Дальнем Востоке политику «умиротворения», на этот раз японского агрессора. В инструкции английского министра иностранных дел Галифакса, направленной британскому послу в Токио Крейги через две недели после подписания Мюнхенского соглашения, указывалось, что Англия готова выступить посредником между Японией и Китаем, а после прекращения военных действий предоставить экономическую помощь обоим государствам ⁵⁴.

Немалую роль играли при этом английские интересы в Японии. Английские вложения в этой стране составляли 53 млн. ф. ст. Японская торговля со странами Британской империи составляла 20% в общем балансе японской внешней торговли ⁵⁵.

Пользуясь позицией английского правительства, Япония со своей стороны оказывала нажим на Англию для того, чтобы заставить ее признать «особые интересы» Японии в Китае. Этой цели служила, в частности, блокада английской концессии в Тяньцзине летом 1939 г. Правительство Чемберлена согласилось на переговоры, результатом которых явился обмен нотами между японским министром иностранных дел Арита и английским послом в Токио Крейги от 22 июля 1939 г. Английское правительство не только признавало «особые права Японии», но и обязывалось не предпринимать действий, которые наносили бы вред Японии или были бы выгодны Китаю ⁵⁶. Таким образом, Англия официально заявляла о своей поддержке японской агрессии в Китае, точно так же, как за десять месяцев до того она заявила о поддержке германских претензий по отношению к Чехословакии.

---

⁵⁴ «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third series vol. VIII, № 149, p. 135. Галифакс — Крейги, Форин оффис. 13 октября 1938 г.

⁵⁵ «Political and Strategic Interests...», p. 210.

⁵⁶ DBFP, vol. IX, № 365, p. 313. Крейги — Галифаксу, Токио, 23 июля 1939 г.

Недаром соглашение Арита — Крейги вошло в историю как «Дальневосточный Мюнхен». Одна из главных причин соглашения с Японией по линии политики «невмешательства» заключалась в том, что в это время Япония вела на Халхин-голе необъявленную агрессивную войну против Монгольской Народной Республики и СССР и многие западные державы надеялись, что этот конфликт может вылиться в войну Японии против Советского Союза. Соглашение с Японией должно было, таким образом, развязать ей руки против СССР. Но, с другой стороны, приходилось считаться и с возможностью нападения Японии, но не на Советский Союз, а на колониальные владения Англии и Франции на Дальнем Востоке и на Тихом океане. Англия и Франция были единодушны в вопросе необходимости в этом случае удержать Сингапур — ключевую позицию на Тихом и Индийском океанах; но союзники не могли прийти к единому мнению относительно распределения военно-морских сил между Средиземным морем и Дальним Востоком ⁵⁷.

Англия полагала, что в создавшейся ситуации на Тихом океане мощным фактором, сдерживающим Японию, являются Соединенные Штаты и их флот практически несет на Дальнем Востоке и на Тихом океане патрульную службу, обеспечивая тем самым интересы Англии и Франции.

* * *

Еще во время обмена информацией в апреле 1938 г. английское командование сообщило французскому генштабу, что Англия сможет сразу после начала войны послать на континент только две регулярные дивизии, а две другие могут быть посланы не раньше чем через год!

Вскоре после Мюнхенского соглашения французское правительство обратило внимание английского на то, что в связи с изменившимся положением (потеря Чехословакии с ее 35 дивизиями) Англия должна будет в случае войны заполнить своими сухопутными силами образовавшуюся брешь. 22 февраля 1939 г. после долгих обсуждений английский премьер обратился с соответствующими предложениями к правительству ⁵⁸. Один из главных

---

⁵⁷ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 13.

⁵⁸ M. M. Postan. British War Production. London, 1952, p. 71.

аргументов, выдвинутых Чемберленом, заключался в том, что во Франции распространяется мнение, будто вклад ее английского союзника не будет равен вкладу Франции, если Англия не пошлет на континент сухопутные войска. Таким образом, в начале 1939 г. традиционная концепция небольшой английской сухопутной армии была похоронена. 27 апреля 1939 г. была частично введена всеобщая воинская повинность. На англо-французском штабном совещании английские представители согласились, что английские экспедиционные силы должны будут состоять из 32 дивизий, равных по силе потерянной чехословацкой армии. В то же время Франция согласилась, что на первом этапе войны участие Англии будет ограничено морскими и воздушными операциями. 12 сентября 1939 г. на первом заседании Верховного военного совета в Абвиле британский премьер заявил, что 32 дивизии это не предел, что будут сформированы дополнительно новые дивизии, как только Англия будет в состоянии обеспечить их снаряжением и вооружением⁵⁹. Английским военным кабинетом было принято решение (оно было подтверждено в феврале 1940 г.) довести сухопутную армию к сентябрю 1941 г. до 55 дивизий. 32 из них (фактически 36) формировались в Англии, 14 — в доминионах, 14 — в Индии, 5 — резерв⁶⁰.

Программа увеличения сухопутных войск зависела прежде всего от возможностей промышленности наладить снабжение войск всем необходимым снаряжением и вооружением.

Гораздо лучше обстояло дело с военно-морским флотом. Это и понятно. Англия — старейшая колониальная и морская держава всегда считала флот основой своего могущества. Не было ни одного правительства в Англии, которое не отпускало бы щедрой рукой крупных ассигнований на развитие военного флота⁶¹. В 1935 г. был установлен принцип, согласно которому военно-морской флот Великобритании должен был быть равен по мощи флотам Германии и Японии. Английский военно-морской флот значительно превосходил германский. Флот союзной

---

⁵⁹ M. M. Postan. Op. cit., p. 73.

⁶⁰ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 33.

⁶¹ С 1936 г. по март 1939 г. на военно-морское строительство было израсходовано 240 млн. ф. ст. (M. M. Postan. Op. cit., p. 24).

Франции уравновешивал итальянский, если бы Италия выступила на стороне Германии (военные планы Англии и Франции исходили из такой возможности). Однако, учитывая опыт неограниченной подводной войны, английский флот ощущал недостаток в малых конвойных судах для борьбы с подводными лодками противника — в эсминцах, а также в подводных лодках и тральщиках (табл. 1) ⁶².

Т а б л и ц а 1

Сравнительные данные о военно-морских силах воюющих стран (сентябрь 1939 г.)

	Германия	Англия	Франция	Польша
Линкоры	2	15	7	—
Авианосцы	—	7	1	—
Броненосцы («карманные линкоры»)	3	—	—	—
Тяжелые крейсера	2	15	7	—
Легкие крейсера	6	49	12	—
Эсминцы	22	183	59	4
Миноносцы	20	—	12	2
Подводные лодки	57	65	78	5
Торпедные катера	20	27	9	—
Мониторы	—	3	—	—

По общему водоизмещению английский флот превосходил германский в семь раз.

Поступавшие на вооружение германского флота магнитные мины поставили английских конструкторов не только перед проблемой обезвреживания их, но и перед необходимостью создания судов нового типа. Было решено осуществить это за счет сокращения строительства броненосцев ⁶³.

Сложной была проблема восполнения потерь торгового флота.

⁶² Таблица и данные взяты из работы адмирала флота в отставке Вильгельма Маршалла «Боевые действия на море в 1939 г.», опубликованной в сборнике: «Мировая война 1939—1945», М., 1957, стр. 284.

⁶³ М. М. Р о с т а н. О р. cit., p. 59.

Английские военно-воздушные силы в Европе насчитывали в метрополии на 26 сентября 1939 г. 1660 боевых самолетов первой линии (в том числе 536 бомбардировщиков, 608 истребителей). Резерв составляли 2200 самолетов, в том числе 320 истребителей.

Французские военно-воздушные силы насчитывали 1735 самолетов первой линии (463 бомбардировщика и 634 истребителя) и 1600 самолетов в резерве ⁶⁴.

Германские военно-воздушные силы (Люфтваффе) насчитывали 3609 самолетов первой линии, не считая 552 транспортных. Из них 1180 бомбардировщиков дальнего действия и 366 пикирующих бомбардировщиков. Всего германская авиация насчитывала 3699 самолетов, пригодных для несения службы ⁶⁵.

Английская авиапромышленность выпускала в первом полугодии 1939 г. в среднем 630 самолетов ежемесячно, в сентябре 1939 г. было выпущено 780 самолетов. В условиях войны этого было, разумеется, недопустимо мало. 22 сентября 1939 г. военный кабинет утвердил план увеличения выпуска самолетов до 2550 в месяц, причем 250 из них должны были производиться доминионами ⁶⁶.

Однако то были пока лишь планы. В первые же месяцы войны Англия испытывала большую нужду в самолетах. К концу декабря 1939 г. в Англии находилось всего лишь 47 эскадрилий истребительной авиации и 37 бомбардировочной. 6 эскадрилий английской авиации было послано во Францию. 10 эскадрилий находилось на Среднем Востоке и в районе Средиземноморья, 6 — в Индии и 8 — в Малайе.

Многие самолеты, находившиеся на вооружении королевских воздушных сил (РАФ), устарели.

Однако мощь германских военно-воздушных сил и производственная способность ее авиапромышленности была англичанами несколько преувеличена.

Профессор Постен приводит любопытные данные об английских оценках германской авиации и о действительном положении дел (табл. 2).

---

⁶⁴ В. Collier. The Defense of the United Kingdom. London, 1957, p. 78.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ М. М. Postan. Op. cit., p. 69.

Английская оценка	В действительности
Самолеты первой линии	
август 1938 — 3200	2847
август 1939 — 4030	3609
к апрелю 1940 — 4540	4119 к концу июня 1940 г.
Ежемесячное производство	
осень 1938 — 600	436
август 1939 — 800	691

* См. М. М. Postan. Op. cit., p. 56—57.

Наряду с незначительным преувеличением германской военно-воздушной мощи (примерно 15%) была широко распространена недооценка производственной способности английской авиационной промышленности.

Отметим, что после принятия в 1935 г. программы вооружения в Англии усиленно развивалась авиационная промышленность. Строились «теневые» заводы.

Огромное значение имел в будущем для создания системы предупреждения налетов и обнаруживания вражеских самолетов изобретенный английскими учеными радар.

Перед самым началом войны, в то время, когда на Британских островах по существу не было армии, в колониях и зависимых от Англии государствах находилось довольно большое число войск. По английским официальным данным, личный состав британских вооруженных сил (флот, сухопутные войска и авиация), включая вспомогательные службы, составлял в 1938 г. 385 тыс., а в 1939 г. — 480 тыс.⁶⁷ В колониальных владениях Англии находилось в 1938 г. почти 227 тыс. Это означало, что вся или почти вся английская регулярная сухопутная армия была дислоцирована в гарнизонах колониальной империи⁶⁸.

⁶⁷ «Statistical Digest of the War». London, 1954, table 9, p. 8.

⁶⁸ «Etudes. Empire Britannique. Septembre — Décembre 1939», p. 47.

Помимо того, по французским данным, Англия имела колониальные войска — 14 тыс. в Африке, 160 тыс. — в Индии, 14 тыс. — в Египте ⁶⁹. В заморских владениях Англии находилось 415 самолетов всех типов ⁷⁰.

Следует иметь в виду, что вплоть до апреля 1939 г. в Англии не существовало всеобщей воинской повинности. Введение ее должно было со временем привести к созданию армии в 55 дивизий. Но пока что дело ограничилось планами.

Поэтому первоначальный вклад Англии в войну должен был состоять из ограниченных экспедиционных сил, посылаемых на континент, из сильной авиационной поддержки и использования огромного военно-морского флота.

Таким образом, главный удар на Западном фронте приходился на долю Франции, которая выставила здесь 99 дивизий, укрывшихся за линией Мажино.

Между английским военно-морским флотом и французским были распределены зоны операций. Основная задача флотов в первый период войны должна была заключаться в охране торгового судоходства, в борьбе с рейдерами противника. Особое внимание в англо-французских штабных переговорах было обращено на оборону Египта, Палестины и Индии.

Союзники провели ряд военно-штабных переговоров в Иерусалиме, Адене и Сингапуре.

Наконец, были согласованы вопросы и о командующих. Командовать сухопутными войсками на Западном фронте было поручено французцу (генерал Гамелен), а на Среднем Востоке (исключая французские подмандатные территории) — англичанину (генерал Уэйвелл). Командующим военно-морским флотом в восточной части Средиземного моря был назначен английский адмирал, а в западной — французский. Англия отправила во Францию ударную авиагруппу во главе с маршалом авиации Барнеттом.

Таким образом, согласно англо-французским планам задачей Англии в первый период войны должна была быть охрана коммуникаций и колониальных владений союзников.

⁶⁹ «Études. Empire Britannique. Septembre — Décembre 1939», p. 9.

⁷⁰ В. Collier. Op. cit., p. 78.

Г л а в а в т о р а я

СТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИКА

3 сентября 1939 г. в 11 часов утра Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии объявило войну Германии. Спустя шесть часов объявила Германии войну и Франция.

Это произошло почти через три дня после вторжения гитлеровских полчищ в Польшу.

Правительство Польши рассчитывало на помощь своих союзников — Англии и Франции. В мае 1939 г. между Францией и Польшей было подписано военное соглашение, которое обязывало французскую армию предпринять наступление на Западе для помощи Польше на 15-й день после начала нападения Германии. В это же время Польша получила заверения от британской военной миссии, прибывшей в Варшаву, что в случае нападения Германии Польша получит 542 бомбардировщика, 500 истребителей и 280 других самолетов. Англия также обещала оказать поддержку Польше налетами своей авиации на территорию Германии¹.

Но дело свелось к одним лишь обещаниям. Англия предоставила Польше кредиты для закупки вооружения и военных материалов при условии, что закупки могут быть произведены только в Англии. Но так как Англия сама нуждалась в тех же видах вооружения и снаряжения, что и Польша, то использовать этот кредит Польша фактически не могла.

---

¹ Д. Проектор. Германо-польская война. — «Военно-исторический журнал», 1959, № 9.

Уже в последние дни августа Англия и Франция принимали отчаянные попытки добиться урегулирования своих отношений с гитлеровской Германией за счет польского народа и оказывали в этом смысле нажим на Польшу. Так они добились отсрочки мобилизации польской армии, что привело в конечном счете к ухудшению для Польши стратегической обстановки и огромным потерям в войне.

Силы Германии и Польши были далеко не равные. Германия имела для нападения на Польшу 57 дивизий. Польша — 47 дивизий и бригад². К моменту нападения Германии значительная часть польской армии не успела сосредоточиться и полностью занять позиции.

Германское вторжение в Польшу сопровождалось беспощадной бомбежкой не только военных объектов, но и беззащитных городов и селений.

Польские солдаты сражались героически, но силы были неравны. Тщетно ожидали поляки обещанной помощи союзников. Им было неизвестно, что еще в апреле 1939 г. во время переговоров военных штабов Англии и Франции в Лондоне было принято решение, которое гласило:

«Судьба Польши будет зависеть от окончательного исхода войны, а это в свою очередь будет зависеть от нашей способности добиться в конечном счете поражения Германии, а не от нашей способности отвлечь давление от Польши с самого начала»³.

Иначе говоря, союзники заранее мирились с поражением Польши и не собирались оказывать ей практическую помощь. В свете этого решения англо-польский договор о взаимной помощи от 25 августа 1939 г. выглядит скорее как попытка припугнуть Гитлера, заставить его отказаться от вторжения в Польшу.

Взамен обещанного наступления на Западном фронте французские войска обосновались на своей оборонительной линии Мажино. Гигантский Западный фронт оцепенел как бы в спячке. Он был разбужен лишь 10 мая 1940 г. И это пробуждение было ужасным!

---

² Д. М. Проэктор. Война в Европе 1939—1941. М., 1963, стр. 28; см. также Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945, т. II. М., 1957, стр. 11.

³ J. R. M. Butler. Grand Strategy, vol. II (September 1939 — June 1941). London, 1957, p. 12.

В то время как союзники и пальцем не пошевелили, чтобы оказать поддержку Польше, английское правительство вводило в заблуждение общественное мнение. Так, 6 сентября в палате общин было заявлено, будто немецкая авиация бомбила лишь военные объекты в Польше ⁴. Правительство скрыло от парламента, что еще 3 сентября было получено официальное сообщение, что фашистские самолеты подвергли бомбежке 27 польских городов ⁵. Правительство игнорировало просьбу польского воздушного атташе от 5 сентября — немедленно бомбардировать германские аэродромы и промышленные районы Германии ⁶.

Английская буржуазная печать способствовала введению в заблуждение народа, представляя дело таким образом, будто английская авиация помогает полякам. Вот типичный для этих дней номер «Times» ⁷. Заголовок: «Тяжелые бои в Польше», «Немцы утверждают, что они заняли Краков». Затем шел броский подзаголовок: «Английская авиация снова над Германией» (сообщение Министерства информации). Прочитав этот подзаголовок, можно было заключить, что речь идет об активных воздушных операциях против Германии. На самом же деле в сообщении говорилось лишь о том, что английские летчики сбросили над германской территорией листовки. В том же номере газеты сообщалось о предстоящем подписании соглашения о предоставлении кредита Польше. Подобные сообщения должны были создать у читателя впечатление, будто Польше оказывается действенная помощь.

Слабая в военном отношении, лишенная правильного политического и стратегического руководства, брошенная на произвол судьбы своими союзниками, Польша продержалась всего две с половиной недели. Уже 6 сентября, когда польская армия еще героически защищалась, правительство покинуло столицу.

9 сентября польское правительство уже считало войну проигранной и вело переговоры с французским послом о получении убежища во Франции. 17 сентября правитель-

⁴ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 351, col. 532.

⁵ H. Dalton. The Fateful Years. Memoirs 1931—1945. London. 1957, p. 276.

⁶ Ibid., p. 274.

⁷ «Times», 7.IX 1939.

ство Польши перешло румынскую границу. Спустя некоторое время оно обосновалось во французском городе Анжере, а оттуда после падения Франции отправилось в Лондон.

Характеризуя политику правительства Польши в тот критический период, секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии В. Гомулка указывал, что правительство панской Польши, «зная, как незначителен военный потенциал его собственных вооруженных сил, и хорошо зная, что Франция и Англия ставили перед собой цель направить агрессию Гитлера против Советского Союза, не могло сомневаться в том, что в случае военного конфликта с Германией Польша должна будет потерпеть поражение. Однако оно предпочло лучше пойти на поражение Польши, чем менять свое отношение к Советскому Союзу, заключить с ним оборонительный союз и, таким образом, обеспечить Польшу если не от гитлеровской агрессии, то от поражения в войне с Германией». Именно в этом, говорит В. Гомулка, заключается преступность политики тогдашнего правительства Польши и его пособников, измена польскому народу, прикрытая ультрапатриотическими лживыми лозунгами⁸.

Польское правительство искало убежище. На польской земле продолжалась война. Целый месяц держалась старинная польская крепость Модлин. Героизм проявили варшавяне, которые вместе с солдатами отстаивали свой город. В первых рядах сражались коммунисты, многие из которых только что вырвались из тюрем.

Война поляков против фашистских захватчиков носила справедливый, освободительный, антифашистский характер. Несмотря на беспримерное мужество польских воинов, фашисты быстро продвигались в глубь страны. 28 сентября пала Варшава. Вскоре гитлеровцам удалось подавить последние очаги сопротивления. Страна была оккупирована гитлеровскими войсками.

* * *

Выступая 3 сентября в палате общин с заявлением об объявлении войны Германии, британский премьер внутренне еще не отрешился от мысли, что можно будет избежать серьезных военных столкновений. Его поддержи-

---

⁸ «Правда», 22.VI 1959.

вали ближайшие коллеги по кабинету — Хор, усердный пропагандист политики «умиротворения», предсказавший за пять дней до вступления германских войск в Прагу наступление «золотого века» в Европе. Саймон — хитроумный юрист — в 1931 г. в качестве министра иностранных дел он выступил в Лиге Наций с поддержкой японских милитаристов, напавших на Китай; в 1934—1935 гг. в значительной степени его усилиями был сорван советско-французский план организации коллективной безопасности в Европе («Восточное Локарно»). Последним его действием на посту главы Форин-оффис была поездка к Гитлеру в марте 1935 г.; вскоре после этого визита был подписан англо-германский морской договор, санкционировавший морские вооружения гитлеровской Германии. Как Саймон, так и Хор всегда поддерживали премьера, когда речь шла о соглашении с фашистскими диктаторами — Гитлером и Муссолини. Разделял их взгляды и лорд Галифакс — длиннолицый высокий человек, философ с иезуитским складом ума, приверженец «высокой церкви» — религиозного течения, близкого к католицизму. Его помнили еще под именем лорда Ирвина, вице-короля многострадальной Индии во второй половине 20-х годов. В ноябре 1937 г. лорд Галифакс посетил Гитлера. Эта беседа сыграла роковую роль для судеб Европы: английский министр сказал фюреру, что Англия готова к соглашению с Германией и ее претензии в отношении Австрии, Чехословакии, Данцига и Коридора будут встречены с пониманием. В феврале 1939 г. Галифакс сопровождал премьера в поездке к «дуче» — ему они «подарили» Испанию. Уже после начала войны Галифакс вместе со своим французским коллегой Бонне пытался достигнуть компромиссного соглашения.

Хор, Саймон, Галифакс пережили премьера. Они написали мемуары, в которых дали свою интерпретацию бурным событиям прошлого. Философствующий министр иностранных дел оказался немногословным. Он попросту умолчал о многих событиях.

Среди ближайших коллег Чемберлена был его друг Кингсли Вуд, министр авиации, известный своими весьма ограниченными способностями, реакционными взглядами и дружбой с Асторами — англо-американскими миллионерами, в загородном доме которых, в Кливдене, он часто бывал вместе с премьером.

В правительстве к началу войны остались одни лишь приверженцы внешнеполитического курса Чемберлена.

После объявления войны Чемберлен вынужден был реорганизовать правительство. Он шел на это с большой неохотой. По требованию консервативной оппозиции, других политических партий и значительной части общественного мнения страны премьер-министр ввел в кабинет представителей консервативной оппозиции, предоставив Уинстону Черчиллю портфель первого лорда адмиралтейства (морского министра) и Антони Идену пост министра по делам доминионов. Чемберлен, стремясь расширить базу своего кабинета, предполагал создать коалиционное правительство, включив в него также представителей лейбористской и либеральной партий. Но, как первые, так и вторые отклонили его предложение. Таким образом, после реорганизации военный кабинет, сформированный 3 сентября 1939 г., состоял из следующих лиц: Н. Чемберлен — премьер-министр; Дж. Саймон — министр финансов; Э. Галифакс — министр иностранных дел; С. Хор — лорд-хранитель печати; адмирал флота лорд Чэтфилд — министр по координации обороны; У. Черчилль — морской министр; Хор-Белиша — военный министр; Кингсли Вуд — министр авиации; лорд Хэнки — министр без портфеля.

Саймон, Галифакс и Хор составили группу, которая ведала вопросами внешней политики.

6 сентября при военном кабинете был создан комитет по военным вопросам под председательством мюнхенца Хора. Это назначение было весьма симптоматичным.

На второй день войны в Бридлингтоне собрался очередной 71 съезд тред-юнионов. Руководители съезда — председатель Британского конгресса тред-юнионов (БКТ) Холлворт, генеральный секретарь У. Ситрин в своих выступлениях ни словом не обмолвились о политике «умиротворения» правительства, которая в конечном счете привела Англию к войне в крайне неблагоприятных для нее условиях. Весь свой пыл они употребили на то, чтобы, истине вопреки, свалить всю вину за срыв англо-франко-советских переговоров по поводу пакта взаимопомощи на Советский Союз⁹.

⁹ «Report of Proceedings at the 71st Annual Trades Union Congress». Held at Bridlington, September 4-th and 5-th 1939. London, 1939, p. 74—76.

Тем самым они покрывали правительство миллионеров, объективно брали под защиту проводившуюся им политику. Однако ряд делегатов с возмущением отверг антисоветские выпады своих лидеров. Так, делегат Зак напомнил присутствующим: «Шесть лет назад Гитлер взял власть. В то время Германия была разоружена, и эта разоруженная Германия никогда не достигла бы состояния, в котором она сейчас находится, если бы не поддержка, которая была оказана нацистскому капитализму со стороны британских тори. Вслед за Гитлером ответственность за нынешнее положение несут английские консерваторы... Это должно быть ясно заявлено английским рабочим, и обвинение должно быть предъявлено тем, кто несет ответственность наряду с Гитлером, а именно Чемберлену и его правительству». Зак подчеркнул, что войну против фашизма должны возглавить лейбористы и демократические силы страны, а не люди Мюнхена. Отвергая антисоветские утверждения Ситрина, Зак предостерегал делегатов конгресса от поспешных выводов и призывал их не поддерживать английских капиталистов в их нападках на Советский Союз, а лучше разобраться в том, кто в действительности является «реальными врагами»¹⁰.

Другой делегат, Д. Р. Стэнли, призвал делегатов никогда не забывать, что Чемберлен был вынужден объявить войну Германии. Он и те, кто его поддерживает, сожалеют только о том, что германский империализм начал с вторжения на территорию британского капитализма. «История,— заявил далее Стэнли,— оправдает Советский Союз и покажет, что, как и в прошлом, он является решительным борцом за дело рабочего класса»¹¹.

Конгресс тред-юнионов заявил о полной поддержке борьбы с германским агрессором¹². Но, несмотря на то, что в единодушно принятой резолюции указывалось на необходимость оказания сопротивления нацистам и свержения правительства гитлеровской Германии «всеми силами цивилизованных народов», конгрессом не были определены, как подчеркивает известный пролетарский деятель Аллен Хатт, ни причины войны, ни ее характер, ни политика, которую следует проводить для защиты

---

¹⁰ Ibid., p. 295—296.

¹¹ Ibid., p. 297.

¹² Ibid., p. 338.

экономических и социальных интересов рабочего класса во время войны ¹³.

Аналогичной была и позиция, занятая лейбористской партией. Ее лидер Клемент Эттли позднее писал: «Я также думал, что партия была совершенно права, не вступая в правительство, так как рядовые лейбористы не верили в Чемберлена и в его ближайших соратников... В то же время мы предложили нашу полную поддержку в военных усилиях, как это мы в действительности делали до возникновения войны...» ¹⁴

Подобной же линии придерживалась и либеральная партия. 8 сентября между партиями было заключено «избирательное перемирие» на время войны. Оно означало, что партии, не входящие в правительство, будут оказывать ему поддержку в военных усилиях. Кроме того, партии отказывались от избирательной борьбы на дополнительных выборах в парламент. Вакантные места должны были заполняться той партией, которой они принадлежали ранее ¹⁵.

Хотя лидеры профсоюзов и лейбористской партии и заявляли, что они заключили с правительством Чемберлена лишь «избирательное», но не политическое перемирие, на самом же деле речь шла о прекращении политической борьбы и о сотрудничестве с правительством. С первых дней войны верхушка аппарата тред-юнионов и лейбористской партии во главе со своими лидерами тесно сотрудничала с правительством. Они принимали активное участие в работе правительственных комитетов по различным вопросам экономической жизни. В октябре 1939 г. представители тред-юнионов и Конфедерации английских предпринимателей вошли на паритетных началах в Совецательный совет по вопросам производства под председательством министра труда. Сотрудничество «рабочих» лидеров с предпринимателями и правительством проводилось в то время, когда правительство отказывалось принимать меры к защите экономических интересов рабочего класса, часть которого уже в течение продолжительного времени жестоко страдала от безработицы.

---

¹³ Allen Hutt. *British Trade Unionism. A Short History.* London, 1962, p. 145.

¹⁴ C. R. Attlee. *As it Happened.* London, 1954, p. 105.

¹⁵ «Times», 8.IX 1939,

«Естественным аккомпаниментом этого двойного сотрудничества, — пишет Аллен Хатт, — было так называемое политическое и промышленное «перемирие», которое может быть более точно охарактеризовано, как попытка демобилизации (рабочего. — А. Н.) движения. Активность низовых профсоюзных организаций резко спала во время первого года войны»¹⁶.

Заместитель лидера лейбористской партии Артур Гринвуд в своей известной речи в палате общин от 3 сентября оговорил право лейбористской партии критиковать правительство, требовать замены тех или иных высокопоставленных лиц, проявивших свою неспособность. Практически руководство лейбористской партии часто оказывало содействие правительству Чемберлена в политике, которая во многом противоречила национальным интересам английского народа¹⁷. Правительство же мало считалось с тред-юнионами и лейбористской партией. Консультации с тред-юнионами по вопросам производства на деле не осуществлялись, а проводились только после многочисленных требований и протестов профсоюзов. Правительство старалось использовать сотрудничество тред-юнионов для того, чтобы перекладывать тяготы войны на малоимущие слои трудящихся и оберегать прибыли богатей. «Сотрудничество» с тред-юнионами служило прикрытием антинациональной политики правительства монополий.

Подлинную борьбу против правительства мюнхенцев вела Коммунистическая партия Великобритании. В тяжелых условиях разнузданной антисоветской и антикоммунистической кампании английские коммунисты решительно выступали в первых рядах борцов за дружбу с Советским Союзом, за единство между Англией и Советским Союзом. Английские коммунисты активно участвовали во всех кампаниях за дружбу с СССР. Выступая в 1943 г. с докладом на 16-м по счету съезде коммунистической партии и на первом съезде военного времени, генеральный секретарь партии Гарри Поллит говорил: «Наши политические кампании во время войны укрепляли

¹⁶ Allen Hutt. Op. cit., p. 145.

¹⁷ Особенно ярко это проявилось во время советско-финской войны, когда Уолтер Ситрин и другие деятели лейбористского движения всеми силами оказывали содействие антисоветской авантюристической политике кабинета Чемберлена.

дух народа, сближали Англию и Советский Союз теснее, чем когда-либо до того времени...»¹⁸.

Компартия помогала трудящимся массам осознавать свои собственные цели в войне, необходимость социальных изменений, разоблачала алчность капиталистов, стремившихся использовать войну ради личного обогащения.

В докладе о 30-летней годовщине со дня основания Английской компартии Джон Голлан говорил: «В течение этого трудного периода партия оставалась твердой. Оказывая сопротивление гитлеровскому фашизму, она в то же время бесстрашно разоблачала империалистические цели Чемберлена и друзей Гитлера среди членов консервативной партии и вела кампанию под лозунгом «Люди Мюнхена должны уйти». Она разоблачала тех, кто наживался на войне, защищала заработную плату рабочих, требовала усиления мер по противозвоздушной обороне. Из-за этого справедливого разоблачения «врага изнутри» была закрыта в январе 1941 г. газета «Дейли Уоркер». Партия боролась за дружбу с СССР, видя в этом единственную возможность разрешить тяжелые проблемы, с которыми столкнулся английский народ»¹⁹.

* * *

Когда началась война, широкие народные массы восприняли ее как войну против фашизма, как освободительную борьбу. В соответствии с этим они ожидали, что правительство будет вести войну весьма энергично и решительно. Действительно, в первые месяцы войны, на основе Акта о чрезвычайных полномочиях от 24 августа 1939 г., военным кабинетом было издано множество распоряжений об ограничениях военного времени, были приняты меры по эвакуации детей, стариков из наиболее угрожаемых и густонаселенных районов. Были призваны в армию мужчины в возрасте от 18 до 41 года, установлено нормирование продуктов питания, увеличен на 30% подоходный налог. Серией законов и распоряжений было предусмотрено активное вмешательство государства в

---

¹⁸ «Unity and Victory, Report of the 16th Congress of the Communist Party, 1943», London, 1943, p. 17.

¹⁹ John Gollan. 30 Years of Struggle. The Record of the British Communist Party. London, 1950, p. 16.

управление частными предприятиями. Министру внутренних дел предоставлялись неограниченные полномочия по регулированию условий труда, что на практике означало возможность увеличения рабочего дня без соответствующего увеличения заработной платы. Последнее распоряжение было с удовлетворением встречено предпринимателями. Что же касается осуществления других решений, то их реализация происходила крайне медленно.

Изменения в составе правительства Чемберлена и создание военного кабинета не повлекли за собою кардинальных изменений в политике. Правительство не торопилось с действиями, предпочитая пассивно выжидать, что будет делать теперь, после разгрома Польши, гитлеровская Германия. Англия и Франция вступили в период так называемой «странной войны», растянувшейся на восемь месяцев, вплоть до вторжения германских войск в Скандинавию. Нежелание правительства действовать быстро и энергично резко противоречило настроению народа, требовавшего действий, действий и еще раз действий.

В письме английскому послу в Вашингтоне лорду Лоттиану от 25 сентября 1939 г. мюнхенец Хор с раздражением писал о поведении «человека с улицы» (т. е. народа), не посвященного в игру политических интриг: «Страна настроена весьма решительно. Одна из опасностей в действительности заключается в том, что человек с улицы проявляет нетерпение и думает, что мы действуем слишком медленно»²⁰.

В своих мемуарах, опубликованных в 1954 г., Хор выступает решительным апологетом политики военного кабинета Чемберлена в первые месяцы войны: «Не вызывает сомнения, — отмечает он, — что этот странный период ожидания, который стал известен как «странная война», представлял большую ценность для страны, в которой тотальная мобилизация была до сих пор практически неосуществимой. Вместе с тем возникла трудная проблема сохранения на высоком уровне воли к сопротивлению в то время, когда было мало чему сопротивляться»²¹. Таким образом, по Хору получается, что период «странной войны» был неизбежен в английских условиях. Такое

²⁰ Viscount Templewood (Sir Samuel Hoare). Nine Troubled Years. London, 1954, p. 400.

²¹ Ibidem.

объяснение весьма удобно для тех, кто несет прямую ответственность за то, что политика «странной войны» привела к оккупации Германией значительной части Европы и поставила Англию на грань катастрофы. В глазах мюнхенской группы начавшаяся война оставалась досадной случайностью. Слепленные своей реакционностью и классовыми предубеждениями, мюнхенцы так и не поняли того, что было осознано английским народом: Германия не просто враг, фашистская Германия — угроза мировой цивилизации.

Было ясно, что эта группа консервативных политиков, глубоко реакционных по своим воззрениям, проникнутых острой классовой ненавистью к трудящимся, не способна энергично вести победоносную войну против гитлеровской Германии.

Многие из них смотрели на войну, как на досадное недоразумение, негодовали на коварство Гитлера, обманувшего их расчеты, и все-таки не теряли надежды, что еще удастся эту «ненужную» войну западных держав между собой превратить в «нужную» войну всего капиталистического мира против СССР. Немудрено, что такая оценка событий вела к потере чувства реальности, к крупным просчетам и ошибкам в политике и стратегии войны.

«На внутреннем фронте, — пишет известный английский историк Арнольд Тойнби, — период до мая 1940 г. был временем колебаний, сомнений и упущенных возможностей. Хотя Акт о чрезвычайных полномочиях (обороны) от 24 августа 1939 г. предоставлял правительству почти неограниченные законные полномочия, эти полномочия не были использованы»²².

Особенно ясно это видно по подходу правительства к вопросам военной экономики. С началом войны со всей остротой встали проблемы военной экономики, от быстрого и правильного решения которых в значительной степени зависел ход войны. На протяжении года, предшествовавшего войне, в правительстве и в парламентских кругах много спорили на эту тему и очень мало предпринимали практических шагов. Год длилась дискуссия о создании министерства снабжения. С большой неохотой английский премьер согласился в конце концов на это. Отсутствие координирующего органа по стратегическим закупкам в

²² «The Initial Triumph of the Axis». Ed. by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee, London, 1958, p. 263.

свою очередь оказывало резко отрицательное влияние на положение с сырьем. Споры о том, должны ли быть созданы запасы только стратегического сырья и материалов или также и запасы других продуктов, затягивались в различных ведомствах и в парламенте и лишь за полтора месяца до начала войны было решено произвести в относительно скромных размерах закупки американского хлестопла, железной руды, фосфатов, меди и т. д. Но и эти планы не были осуществлены до начала войны. В течение зимы 1939/40 г. соответствующие правительственные учреждения принимали меры к увеличению закупок сырья, но эти закупки не могли удовлетворить растущих потребностей военной промышленности в условиях осуществления Германией экономической блокады Англии. Не менее важным, чем проблема приобретения сырья, был вопрос его распределения. Им занимался специально созданный при военном кабинете министерский комитет по приоритету, который осуществлял контроль над закупками и распределением остродефицитных сырья, материалов и товаров. В этом деле так же, как и в других вопросах военной экономики, ощущался огромный разрыв между интересами национальной обороны и частнособственническим характером английской промышленности. Владельцы предприятий, производство которых не имело большого значения для военных нужд страны, всеми правдами и неправдами добивались получения лицензий на ввоз остродефицитного сырья. Во время «странной войны» полностью выявилась неспособность правительства Чемберлена целиком встать на защиту интересов нации в области военной экономики и оградить ее от эгоистических действий частных владельцев. Это и не удивительно, ибо у власти находились представители финансовых и промышленных кругов, которые в государственном регулировании и контроле видели большую опасность, особенно в будущем. Лишь критическое положение, в котором оказалась Англия в июне 1940 г., ослабило сопротивление многих предпринимателей и позволило более или менее эффективно проводить в жизнь государственное регулирование и контроль.

Пользуясь попустительством со стороны властей, биржевые спекулянты продолжали свое дело. Война сулила неслыханные доходы, и они пытались этим воспользоваться, нимало не заботясь о том тяжелом положении,

в котором находилось государство. Особенно быстро поползли вверх доходы судостроительных компаний, текстильных предприятий, химической промышленности.

Естественно поэтому, что поддержка правительством монополий вызывала возмущение общественности. Так было, например, в связи с заявлением министра транспорта Уоллеса о гарантиях прибылей со стороны правительства четырем главным железнодорожным компаниям и управлению лондонского пассажирского транспорта. Государство гарантировало им минимум дохода в год — 40 млн. фунтов и претендовало на часть прибылей лишь в том случае, если доходы компании превысят 68,5 млн.²³ Правительство назначило своим главным советником по вопросам координации экономики лорда Стемпа — директора крупнейшей железнодорожной компании «Лондон, Мидленд, Скотленд рейлвей». Вступая на этот пост, Стемп цинично заявил, что у него будет достаточно времени, чтобы заниматься и делами своей компании²⁴.

Все тяжелые последствия войны коснулись главным образом рабочего класса. За первые четыре месяца войны дороговизна увеличилась на 18 пунктов, а к июлю 1940 г. подпрыгнула до 32²⁵.

В стране процветала спекуляция при почти полном безразличии властей. Ловкие маклеры использовали ситуацию, вызванную страхом перед возможностью бомбежек, для того, чтобы в широком масштабе организовать спекулятивную продажу поместий, домов, коттеджей в провинции. В то же время эвакуированные в первые месяцы войны в провинцию дети и женщины находились в крайне тяжелых жилищных условиях. Многие домовладельцы саботировали распоряжения о размещении эвакуированных, заламывали неслыханно высокие цены за наем помещений.

Характерная деталь — не считая эвакуации детей, произведенной в организованном порядке, в провинци-

---

²³ E. S. Turner. The Phoney War on the Home Front. London, 1961, p. 191 (микрофильм).

²⁴ «Guilty Men», by «Cato», London, 1940, p. 100. Под псевдонимом «Катон» памфлет написали лейбористские публицисты Майкл Фут, Фрэнк Оуэн и Питер Хоуард.

²⁵ J o h n P r i c e. Labour in the War. New York, 1941, p. 82.

альные города из Лондона переехали главы правлений крупнейших трестов, фирм и т. п. Богатые семьи покидали столицу, чтобы уютно устроиться в своих поместьях и переждать тяжелое время. Эгоизм зажиточных классов, по свидетельству очевидцев, не поддавался описанию. Напомним, что в это время в руках 1% населения Англии было сосредоточено 55% частной собственности, 75% нации владело лишь 5%. Зарубок более 70% английских семей был менее 4 ф. ст. в неделю. Однако правительство ничего не предпринимало, чтобы изменить это недостойное положение. Возмущение таким порядком вещей оказывало большое влияние на настроение народа в первый период войны. Особенное негодование вызывали получившие широкую огласку данные о «заботе» правительства Чемберлена по отношению к семьям призывников. Оказалось, что государство дает менее чем два пенса в день для оказания помощи детям солдат. Жены солдат получали 17 шиллингов в неделю, плюс 5 шиллингов на первого ребенка, 3 шиллинга — на второго, 2 — на третьего и по одному на последующих; 7 шиллингов посылались им мужьями²⁶.

Таким образом, семьи защитников родины вынуждены были владеть полунищенское существование, часто прибегая к «общественной» поддержке, т. е. к милостыне филантропических обществ. Да и само отношение к солдатам показывало, что классовые перегородки в английском обществе, кичащемся своим демократизмом, были достаточно прочны. Солдат не пускали во многие рестораны, где находились офицеры, или с появлением офицеров солдатам предлагали покинуть помещение.

Немедленного решения требовала проблема безработицы, подготовки и распределения рабочей силы. Накануне войны в Англии, по официальным данным, было 1270 тыс. безработных среди застрахованных. На восьмом месяце войны — в апреле 1940 г. — в Англии насчитывался 1 млн. безработных²⁷. И это при росте потребностей в высококвалифицированных рабочих для нужд военной промышленности. Отсутствие учебных центров и планов перераспределения рабочей силы из «мирных» отраслей

---

²⁶ E. S. Turner. Op. cit., p. 185—186.

²⁷ «History of the Second World War. United Kingdom Civil Series. Statistical Digest of the War», London, 1951, p. 8.

промышленности в военные замедляло темпы роста военной продукции.

О темпах роста военной продукции во время «странной войны» дает представление сравнительная таблица производства главных видов оружия в Англии и Германии (табл. 3).

Таблица 3

Производство главных видов оружия (сентябрь 1939 — май 1940) *

Период	Винтовки (тыс. шт.)		Пулеметы (тыс. шт.)		Полевая и средняя артилле- рия (шт.)		Зенитная артилле- рия (шт.)		Танки (шт.)	
	Германия	Англия	Германия	Англия	Германия	Англия	Германия	Англия	Германия	Англия
	Сентябрь — декабрь 1939	279	18,7	12,7	6,9	773	0	192	224	247
Январь — апрель 1940 . .	340,4	26,8	14,7	7,4	675	51	317	234	283	287
Май 1940	401,6	11,1	5,2	2,9	217	63	86	94	116	138

* М. М. Postan. British War Production. London, 1952, p. 409.

Таблица показывает, как медленно и с какими трудностями разворачивалось военное производство в Англии. Помимо указанных выше причин военная промышленность ощущала острую нехватку станков, особенно современных.

Однако английская промышленность обладала большими потенциальными возможностями, и с помощью оборудования, получаемого из США и Канады, английское производство после мая 1940 г. начало быстро расти, значительно опережая по темпам роста германскую промышленность. Миф о непревзойденной организации германской промышленности был рассеян уже в первые годы войны.

Американский экономист Бартон Х. Клейн, исследовавший экономическую подготовку Германии к войне, приводит показательные данные роста промышленности вооружений в Англии и Германии во время войны, которые подтверждают высказанное выше соображение относительно широких потенциальных возможностей английской военной экономики (табл. 4).

Рост производства вооружений *

Годы	Англия	Германия	Англия (в млрд. марок)	Германия
1939	100	100	2,9	8,3
1940	335	145	10,9	12,0
1941	489	146	16,0	12,1
1942	760	193	24,8	16,0

* Burton H. Klein. Germany's Economic Preparations for War. Cambridge Mass., 1959, p. 97.

Таким образом, в Англии в первые три года войны производство вооружений расширилось в шесть с половиной раз, в то время как в Германии менее чем в два раза. Что же касается абсолютных цифр стоимости продукции, то Англии понадобилось менее двух лет, чтобы обогнать Германию. Следует учесть, при этом, что рост производства происходил в наименее удачный период для Англии — после тяжелых поражений, Дюнкерка, опустошительных налетов вражеской авиации и т. п.

Клейн подсчитал, что производственные способности Англии обеспечивали ей превосходство в производстве основных видов вооружений. С 1939 по 1942 г. около 35% всех вложений в промышленность вооружений приходилось в обеих странах на производство самолетов. При этом уже в 1940 г. Англия производила боевых самолетов на 40% больше, нежели Германия, в 1941 г. — на 70% и в 1942 г. — на 50%. Если же принять во внимание, что германская промышленность производила больше самолетов тяжелых типов, то превышение английской продукции над германской по грузоподъемности составляет в среднем 30% за тот же период. Правда, авиационное производство в Англии пользовалось значительным преимуществом по сравнению с другими видами военной промышленности. Строительство авиационной промышленности в Англии относится еще к довоенному периоду, по сравнению данных показывает, что примерно та же тенденция наблюдается в первые три года войны по всем остальным основным видам вооружения, а именно: по

танкам английское производство было выше германского на 30%, по тягачам — на 30, по строительству военных судов — на 100 и т. п.²⁸

Но все это пришло позже. При кабинете же, возглавляемом Невилем Чемберленом, даже авиационная промышленность, как выше уже упоминалось, крайне медленно наращивала темпы выпуска продукции. Наглядное представление об этом могут дать следующие официальные английские данные²⁹.

1939

I кв. — 1736

II » — 2017

III » — 2044 (начало «странной войны» — сентябрь)

IV » — 2143

1940

I кв. — 2381

II » — 3951 (конец «странной войны» — апрель).

Эти данные очень интересны, ибо они указывают на крайне незначительный рост авиационной продукции в течение первых семи месяцев войны. В то же время наблюдается стремительный скачок после окончания «странной войны».

Замедленные в целом темпы роста военной продукции были далеко не единственным уязвимым местом английской военной экономики начального периода войны. Были и другие. Реальный контроль над импортом не был установлен вплоть до июня 1940 г., и драгоценная для Англии валюта, запасы которой были весьма ограничены, расходовалась зачастую импортерами по собственному усмотрению для ввоза предметов роскоши и т. п. Не удалось также в этот период установить эффективный контроль над расходованием материальных ресурсов. То же самое относится и к рacionированию продовольствия и одежды; предложенные правительством меры не были последовательно проведены в жизнь.

Секретарь военного кабинета Черчилля генерал Исмей так описывает в своих мемуарах дух «странной войны»: «Едва ли будет преувеличением сказать, что «биз-

²⁸ «Statistical Digest of the War», p. 98—100.

²⁹ Ibid., p. 152.

нес как обычно» был, по-видимому, превалирующим настроением. В течение нескольких месяцев после начала войны не было установлено рационирование продовольствия, а затем оно было установлено только в ограниченной форме. Обязательная воинская повинность вводилась медленно, и в конце года было больше миллиона безработных... В Уайтхолле (т. е. английским правительством. — А. Н.) вырабатывались планы, но почти все они были оборонительными за исключением операций на море...»³⁰

В центральных правительственных учреждениях имелись влиятельные силы, которые были готовы в подходящий момент и на приемлемых условиях вступить в створ с гитлеровской Германией. При этом они заранее соглашались на узаконение агрессии, совершенной Германией против Австрии и Чехословакии. В одной из английских листовок, сброшенных над Германией в первые дни войны, было напечатано: «Эта война совершенно не нужна. Германии никто не угрожает и не отказывает в справедливости. Разве Германии не была предоставлена возможность возвратить себе Рейнскую область, достигнуть аншлюса и получить судетских немцев мирным путем?»³¹⁻³²

О настроениях, царивших в правящих кругах, свидетельствуют и такие, быть может не очень значительные, но примечательные факты. В конце 1939 г. некоторые консерваторы предложили, чтобы бывший английский посол в Берлине Хорас Ремболд выступил по радио с обращением к немцам. Однако предложение было отклонено на том основании, что Ремболд зарекомендовал себя «антигерманцем»! Такой же запрет был наложен на известного английского историка и публициста Гарольда Никольсона³³. Создавалось парадоксальное положение, когда правящие круги Англии заботились не столько о том, чтобы энергично вести войну против опасного и коварного противника, сколько о том, чтобы, упаси боже, не раздражать его!

Стоит отметить, что политика «странной войны» вызвала осуждение со стороны некоторых членов правительства Чемберлена, не входивших в оппозицию. Как сообщал

³⁰ The Memoirs of Lord Ismay. London, 1960, p. 105.

³¹⁻³² «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 351, col. 568.

³³ Ed. S p e a r s. Op. cit., p. 65.

госдепартаменту американский посол в Лондоне Кеннеди, военный министр Хор-Белиша заявил ему следующее: «Старики в кабинете тратят все свое время на обсуждение текстов коммюнике вместо того, чтобы подготовить страну к ведению большой войны... Он (Хор-Белиша. — А. Н.) считает, что Англия до сих пор относится к этому делу (к войне. — А. Н.) недостаточно серьезно и что должна быть проведена мобилизация всех мужчин, способных к несению военной службы; женщины должны пойти на работу в промышленность, которую необходимо поставить под контроль правительства»³⁴.

Опасной для ведения успешной борьбы против гитлеризма была деятельность профашистских и прогерманских обществ, таких как «Англо-германское содружество» и «Линк», которых перед войной поддерживали и субсидировали крупнейшие английские монополии. Хотя деятельность «Англо-германского содружества» и «Линка» с начала войны была ограничена, а затем и запрещена, они, пользуясь попустительством министерства внутренних дел, во главе которого стоял известный реакционер Джон Андерсон, продолжали свою прогерманскую деятельность, изменив только вывеску.

Вскоре после начала войны, в октябре 1939 г., бывшие члены «Линка» создали организацию под названием «Британский Совет за христианское урегулирование в Европе», который вел пораженческую пропаганду³⁵. Пользуясь благорасположением властей, профашистские элементы настолько распоясались, что срывали выступления министров на общественных митингах. Член парламента лейборист Веджвуд с негодованием заявил в парламенте, обращаясь к министру внутренних дел Джону Андерсону: «Если бы высокочтимый джентльмен знал, что те, кто срывают митинги, коммунисты, то они были бы мгновенно разогнаны; не разгоняют их просто по той причине, что они фашисты»³⁶. Консерватор Вивьен Адамс, выступая в парламенте, обратил внимание на опасность, исходящую от внутренних врагов — профашистских обществ, таких как «Линк» и «Англо-германское содружество». Эти организации пытались внушить народным мас-

³⁴ FR, 1939, vol. I. Washington, 1956, p. 426—427.

³⁵ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 342, col. 1044.

³⁶ Ibid., vol. 357, col. 390—391.

сам, что вовсе не Германия, а Советский Союз — враг Англии.

Снисходительное отношение правительства к английским фашистским организациям и к их лидерам вызвало негодование широкой общественности.

Народ ожидал, что правительство будет вести решительные и активные действия против Германии. Поэтому он был готов мириться с теми неизбежными ограничениями быта, которые принесла с собой война. Но шли дни, росло число чрезвычайных распоряжений, а войны как будто и не бывало. После поражения Польши гитлеровцы начали «мирное наступление», заявляя, что они готовы к переговорам о мире. Печать оживленно обсуждала такие возможности. В результате у людей, только что горевших желанием воевать с фашистами, зарождалось чувство успокоения — ведь изо дня в день печать и радио твердили, что Гитлер понес в Польше огромные потери и поэтому боится выступить на Западе. Положение в Германии, мол, настолько плохо, что вряд ли гитлеровский режим переживет наступающую зиму. Оставалось лишь ждать победы, подобно библейской манне, падающей с неба.

В период «странной войны» пацифистские настроения получили довольно широкое распространение. Согласно опросу, произведенному Институтом Гэллопа 13 декабря 1939 г., 11% из числа опрошенных высказались за прекращение войны³⁷. Согласно заявлению министра труда Э. Бевина, к концу августа 1940 г. 51 261 подлежащих мобилизации отказались от службы в армии. Из них 12 868 были признаны трибуналами сознательными противниками войны³⁸. Особенно сильны были пацифистские настроения в кооперативных организациях. На конференции кооперативов в марте 1940 г. с предложением заключить мир выступили делегаты, представлявшие 1323 тыс. членов кооперативов. Предложение было отклонено большинством — 3250 тыс.³⁹

Среди пацифистских организаций особенно энергичную деятельность за прекращение войны развивали «Центральное правление сознательных противников войны», ко-

³⁷ Frieda Wunderlich. *British Labor and the War*. New York, 1941, p. 66.

³⁸ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 365, col. 169.

³⁹ Frieda Wunderlich. *Op. cit.*, p. 66.

торое объединяло такие организации, как «Общество при- сяги миру», Независимую (лейбористскую) партию, «Ра- бочее пацифистское содружество», «Церковь шотландского общества мира», «Общество друзей» (т. е. квакеры. — А. Н.), «Общество Вудерреффа», «Общество примирения», «Ан- гликанское пацифистское содружество», «Методистское содружество мира», «Братство крестового похода за мир», «Содружество сознательных противников войны» и др.⁴⁰ Деятельность пацифистов несла в себе изрядную долю поражения. Специальные трибуналы, учрежденные для суда над уклоняющимися от военной службы, зачастую вели длительные дискуссии с обвиняемыми. Свою лепту в деморализацию вносили и некоторые церковники, объяв- лявшие в своих проповедях, что следует «возлюбить вра- гов своих», т. е. фашистов. В целом же англиканская цер- ковь выступала в поддержку войны.

Довольно уклончивую позицию занимала римско-ка- толическая церковь. Огромное возмущение вызвало среди католиков-англичан поздравление папы Пия XII Гитле- ру в связи с неудавшимся покушением на его жизнь в ноябре 1939 г.

Появилась масса проповедников самых разнообраз- ных оттенков. Бывали и прямо анекдотические случаи. Один методистский проповедник заявил: «Немецкие лет- чики озабочены тем, чтобы избежать бомбежки пивоварен- ных и солодовых заводов в Англии, так как Гитлер знает, что если англичане будут продолжать пить в том же ко- личестве, что и прежде, то мы проиграем войну»⁴¹.

Состояние полумира — полувойны имело отрицатель- ные последствия. На смену боевому настроению народа приходило раздражение обывателя военными полумера- ми, которые казались ненужными. Затишье на фронтах, отсутствие налетов германской авиации, а следовательно, и отсутствие жертв среди солдат и населения, вселяли во многих надежду, что, быть может, правительство и нашло способ выиграть войну с наименьшей затратой жизней бри- танских подданных. Кажущаяся пассивность Германии после разгрома Польши способствовала распространению иллюзии, что Германия «не осмелится» развернуть настоя- щую войну и возможно, что воюющие стороны скоро при-

---

⁴⁰ C. S. Turner. Op. cit., p. 170.

⁴¹ Ibid., p. 148.

дут к какому-либо соглашению. Такое настроение способствовало даже некоторому росту популярности Чемберлена в первые месяцы войны ⁴².

Настроения сомнений, разброда, колебаний старались использовать те, кто по разным причинам и в разной форме были не прочь вступить в переговоры с гитлеровской Германией. Усилились капитулянтские настроения. По свидетельству биографа Н. Чемберлена Кейта Фейлинга, три четверти писем, полученных премьером в первые несколько дней октября, призывали его прекратить войну ⁴³. Особенно показательны были настроения в самой палате общин. 3 октября Ллойд-Джордж произнес речь, в которой предлагал тщательно рассмотреть любые предложения о мирном урегулировании, даже в том случае, если они будут исходить от Гитлера. Ллойд-Джордж в своей речи совершенно игнорировал события недавнего прошлого, когда Гитлер давал торжественные обязательства и нарушал их немедленно, как только считал Германию достаточно подготовленной для новых разбойничьих нападений. Речь Ллойд-Джорджа звучала пораженчески. При горячем одобрении большинства палаты он получил отповедь со стороны консерватора Дафф Купера и лейбориста Дея Гренфелля ⁴⁴. Но все же эта речь была тревожным симптомом.

Положение, сложившееся в начале 1940 г., У. Черчилль оценивает следующим образом: «...чувство, что мы находимся в чрезвычайной опасности, отсутствовало. Среди лейбористов и тех, кто руководил производством, точно так же, как и среди тех, кто ведал военными операциями, царило «сумеречное настроение» ⁴⁵.

Это было настроение безразличия со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными последствиями. Все шло так, как будто правительство было твердо убеждено, что настоящей войны, кровопролитных сражений, требующих максимального напряжения всех сил и ресурсов, на этот раз не будет, а исход конфликта будет решен иными способами.

---

⁴² «The Initial Triumph of the Axis», p. 269.

⁴³ Keith Feiling. The Life of Neville Chamberlain. London, 1946, p. 424.

⁴⁴ «Parliamentary Debates, House of Commons», vol. 351, col. 1870—1874, 1878—1879, 1880—1881.

⁴⁵ W. S. Churchill. The Second World War, vol. I. Boston, 1948, p. 500.

Многие документы того времени подтверждают, что Чемберлен не предполагал, что в этой войне дело дойдет до настоящих боев.

Посол США в Лондоне Кеннеди в донесении госдепартаменту от 8 ноября 1939 г. рассказывал следующее об умонастроении британского премьера. На вопрос Кеннеди, как долго, по мнению Чемберлена, продлится война, премьер ответил: «Я не думаю, что она продлится далее весны». Отсутствие у Гитлера каких-либо побед и продолжающееся давление блокады будет причиной крушения Германии, утверждал Чемберлен ^{45а}.

Точка зрения британского премьера оказывала значительное влияние и на стратегические решения.

В конце сентября и в начале октября 1939 г. английское командование начало переброску экспедиционных сил во Францию. Им был отведен участок фронта протяженностью в 40 км вдоль бельгийской границы перед Лиллем. Всего на континент в этот период было отправлено более 160 тыс. английских солдат и офицеров ⁴⁶. Английским дивизиям не хватало вооружения, особенно танков, противотанковых орудий, зенитной артиллерии, боеприпасов, резервов.

Положение английских экспедиционных войск было весьма неважное не только с точки зрения вооружения и снаряжения их, но также и в смысле готовности к ведению современного боя.

Командиры соединений британских экспедиционных сил жаловались на плохую обученность солдат (только восьминедельное обучение), они отмечали низкий уровень подготовки специалистов, их малую тренировку. Многие никогда не видели противотанкового ружья (автомат Брена). Во многих частях за исключением командира не было ни одного кадрового офицера рангом выше

---

^{45а} См. также письма Н. Чемберлена его сестре Иде от 8.X 1939 и от 5.XI 1939. В последнем письме Чемберлен пишет о своем «предчувствии», что война окончится еще до наступления весны — «ис поражением (Германии. — А. Н.) на поле битвы, а осознанием немцами того, что они не могут одержать победы...» (L a i n M a s l e o d. Neville Chamberlain. London, 1961, p. 281).

⁴⁶ К началу немецкого наступления на Западном фронте, в мае 1940 г., британские экспедиционные силы во Франции выросли до 394 165 солдат и офицеров. Боевые части насчитывали 237 319 человек (В. C o l l i e r. The Defence of the United Kingdom. London, 1957, p. 29).

младшего лейтенанта. Во многих батальонах все офицеры, кроме кадровых, практически не имели опыта в обращении с войсками и в обучении их. В батальонах не было подзорных труб, биноклей, компасов. Только один или два офицера на целый батальон имели пистолеты. Особенно остро ощущался недостаток в штабных офицерах, способных руководить штабом соединения во время военных действий.

При посещении в ноябре 1939 г. позиций, занимаемых экспедиционными силами, военный министр Хор-Белиша обнаружил серьезные упущения в строительстве оборонительных сооружений ^{46а}.

Лидер оппозиции Клемент Эттли, посетивший в начале 1940 г. британские экспедиционные силы во Франции, возвратился «в подавленном настроении». Его попытка обратить внимание начальника генштаба генерала Айронсайда на плохое состояние оборонительных сооружений на участке английской армии, на отсутствие резервов и вредность концепции «сидячей войны» успеха не имела ⁴⁷.

Между военным министром Хор-Белишей и высшим военным командованием резко обострились отношения. Высшие армейские офицеры утверждали, будто причиной является несоблюдение министром правил субординации (военный министр делал им замечания по поводу плохого состояния обороны в присутствии подчиненных). По словам же самого Хор-Белиши, суть конфликта заключалась в том, что офицерский корпус, дороживший своими классовыми привилегиями, встретил в штыки даже робкую попытку Хор-Белиши дать возможность продвинуться способным офицерам и несколько демократизировать армию. Так, во всяком случае, утверждал Хор-Белиша ⁴⁸.

---

^{46а} R. J. Minney. The Private Papers of Hor-Belisha. London, 1960, p. 284.

⁴⁷ F. Williams. The Prime Minister remembers. London, 1960, p. 26.

⁴⁸ «Я всегда считал, что армия должна быть... частью нации, что в армии должна быть такого рода карьера, когда каждый молодой человек мог, вступая в армию, знать, что он будет продвигаться по службе соответственно своему характеру и способностям, независимо от социального положения и средств... Мне не раз приходило на ум, что мы должны сделать армию демократичной для того, чтобы сражаться за демократию» (R. J. Minney. Op. cit., p. 284).

Конечно, только по этим словам нельзя судить о действительной причине конфликта в армии. Трудно отрешиться от мысли, что

Конфликт завершился отставкой в январе 1940 г. Хор-Белиши. Военным министром был назначен Стэнли.

Вся атмосфера, царившая в экспедиционных силах, очевидно, была далека от боевой. Дух «странной войны» оказывал деморализующее влияние не только на солдат, но и на офицерский корпус. Об этом свидетельствует, в частности, один из приказов командующего экспедиционными войсками во Франции, изданный в конце декабря 1939 г.:

«Главнокомандующий желает, чтобы все офицеры были информированы о том, что он будет рассматривать с серьезным неудовольствием любой случай, если какой-нибудь офицер получит повреждение во время лыжной прогулки, результатом чего может быть его отсутствие в назначенном месте в назначенный час».

Неблагополучно обстояло дело с координацией действий английских и французских военачальников. Командующий Британскими экспедиционными силами генерал Горт должен был, согласно англо-французской договоренности, подчиняться французскому командующему Северо-Восточным фронтом генералу Жоржу. «Однако в течение февраля выяснилось (!), — пишет Батлер, — что генерал Гамелен не был поставлен в известность о передаче экспедиционных сил в подчинение одному из его генералов и был против этого»⁴⁹. Разумеется, в конце концов этот вопрос был урегулирован (Горт был подчинен Жоржу, но имел право обращаться непосредственно к Гамелену), но этот факт свидетельствует о серьезных ошибках в руководстве войсками и по координации как со стороны англо-французского командования, так и со стороны французского главнокомандующего. Все это в час испытаний нанесло союзникам большой ущерб.

Нет никаких сомнений в том, что с самого начала Англия и Франция по своим ресурсам — людским и мате-

---

и сам Хор-Белиша принадлежал к тем консерваторам, которые были весьма далеки от демократии. Однако можно предположить, что косность и замкнутость офицерского корпуса причиняли такой вред, что даже реакционер, подобный Хор-Белише, был вынужден выступить против окостеневших традиций.

⁴⁹ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 154.

риальным, по военно-промышленному потенциалу превосходили Германию.

Однако степень мобилизации их ресурсов была к началу войны ниже германской, а вооруженные силы союзников значительно отставали от германских по выучке, технической оснащенности, административной организации.

Кроме того, имелось большое различие в подходе к стратегическим проблемам. Расчеты Германии основывались на возможности нанесения стремительного и сокрушительного удара на Западе, с тем чтобы принудить Францию и Англию к капитуляции и таким образом утвердить свою гегемонию на обширном пространстве от Нарева и Прута до Бискайского залива. Вторым этапом должно было быть нападение на Советский Союз, разгром его и утверждение германской гегемонии на всем континенте Европы. При проведении своей стратегии германское военно-политическое руководство проявило большую гибкость, чем английское. На этом этапе германская стратегия носила континентальный характер, планы же вынесения войны за рамки Европы носили пока смутный и малореальный характер. Английская же стратегия носила глобальный характер и исходила из задач защиты обширной колониальной империи. Английские руководители полагали, что французские оборонительные сооружения на линии Мажино служат достаточно надежной гарантией того, что германское командование не рискнет начать наступление на Западном фронте. В свою очередь и союзники не собирались вести наступление на суше, предпочитая применение стратегии непрямых действий, которая, по их расчетам, должна была принести Англии и Франции, как державам, обладающим перевесом в военном потенциале, конечную победу.

«К сожалению, остается фактом,— пишет английский вице-маршал авиации Э. Дж. Кингстон-Макклори,— что командование как французской, так и английской армий верило в миф о невозможности для Германии предпринять крупное наступление через Арденны. Но наиболее слабым местом был участок фронта вдоль бельгийской границы, план обороны которого союзной армией казался просто сумасбродным. В то время как английская и французская армии потратили многие месяцы на сооружение линии обороны вдоль этой границы, план преду-

сматривал оставление этой линии и вступление в Бельгию, как только Германия начнет войну на западе»⁵⁰.

Английские и французские политические и военные руководители были единодушны в том, что война в начальной стадии будет носить со стороны союзников оборонительный характер до того времени, пока Англия не развернет полностью свои сухопутные войска, а это намечалось сделать только в 1942 г.

Политические руководители Англии (а с ними было согласно и французское правительство) считали, что на первом этапе войны ее главным орудием должно стать экономическое наступление союзников против Германии. Они полагали, что таким путем Германию удастся «убедить», что выиграть войну она не может, в результате в Германии произойдет внутренний переворот. «Экстремисты» во главе с Гитлером будут-де отстранены, а на смену им придут «умеренные» (в Англии и Геринга считали умеренным!), с которыми можно будет прийти к полюбовному соглашению. Эта точка зрения, прикрывавшаяся пустопорожними фразами о враждебном отношении к нацизму, была следующим образом выражена британским премьер-министром Н. Чемберленом в письме к сестре: «Пока Гитлер не сойдет со сцены и пока не рухнет нацистская система, мира быть не может. Но я надеюсь не на военную победу, возможность которой представляется мне весьма сомнительной, а на крушение внутреннего фронта в Германии»⁵¹.

На штабных совещаниях Англии и Франции в апреле 1939 г. было решено, что экономическое наступление будет состоять из двух взаимодополняющих частей: экономической блокады и интенсивных бомбардировок главных экономических районов и коммуникаций Германии с воздуха. Однако еще до начала войны второй важнейший элемент экономического наступления — массированные бомбежки — отпал. 22 августа 1939 г., когда война между Германией и Польшей уже считалась неизбежной, комитет начальников штабов издал инструкцию, по существу запрещавшую бомбежки Германии. После первых десяти дней войны этот вопрос был рассмотрен вновь и действие запрета подтверждено.

⁵⁰ Э. Д. Ж. Кипгстон - Макклори. Руководство войной. М., 1957, стр. 109.

⁵¹ Keith Feiling. Op. cit., p. 418.

Английский вице-маршал авиации Э. Кингстон-Макклори свидетельствует: «В течение всего периода странной войны в Европе передовой ударной авиагруппе не разрешалось производить налеты на Германию; она занималась разбрасыванием листовок, так как противовоздушная оборона Франции была слабой и французское правительство выступило против проведения нами бомбардировочных операций. Наше бездействие можно объяснить также и тем, что командование нашего флота хотело бы сохранить силы бомбардировочной авиации для действий против немецкого флота, а командование армии желало бы в максимальной степени использовать их для поддержки сухопутных войск. Кроме того, Рузвельт просил не начинать бомбардировок с воздуха. Но решающим фактором было то, что военный кабинет ни в коем случае не соглашался взять на себя инициативу начала в этой войне бомбардировок с воздуха»⁵².

Решительно выступал против бомбежек Германии не кто иной, как сам английский министр авиации Кингсли Вуд, известный своей откровенной поддержкой мюнхенского курса.

Крупный деятель консервативной партии, неоднократно занимавший министерские посты, Л. Эмери пишет в своих мемуарах: «5 сентября (т. е. через два дня после объявления Англией войны Германии.— А. Н.) я предложил министру авиации Кингсли Вуду, чтобы мы, учитывая нехватку леса в Германии, попытались поджечь Шварцвальд. Я был полностью подготовлен к ответу, что имеются возражения технического порядка или что есть другие, более ценные и с военной точки зрения более важные объекты. К моему ужасу он ответил мне, что вообще не ставится вопрос о бомбардировках: мы не намерены даже атаковать военные заводы под Эссенем, которые являются частной собственностью, и линии коммуникаций. Все это, мол, делается для того, чтобы не оттолкнуть американскую общественность. На вопрос, собираемся ли мы пошевелить хотя бы пальцем, чтобы помочь полякам, он не ответил»⁵³.

Генерал Эдвард Спирс, консерватор, член парламента, выполнявший во время войны функции главного

⁵² Э. Д ж. К и н г с т о н - М а к к л о р и. Указ. соч., стр. 107.

⁵³ L. S. A t h e r t o n. My Political Life, vol. III. London, 1955, p. 330.

офицера связи между английским и французским правительствами, рассказывает, что в первые дни сентября 1939 г., когда в палате общин остро стоял вопрос об оказании помощи Польше, Кингсли Вуд уговаривал его не выступать в палате с требованием оказания помощи Польше авиацией⁵⁴. Выступал против бомбежки Германии и Черчилль, утверждавший, что союзники не должны первыми начинать воздушную войну на Западе, чтобы иметь время для усиления своих оборонительных сооружений⁵⁵.

Когда некоторые представители английских военно-воздушных сил предложили все же приступить к бомбардировке германских военных объектов, их предложение было «отклонено правительством»⁵⁶.

Известный лейбористский деятель, позднее министр экономической войны в коалиционном правительстве Черчилля, Хью Долтон не без иронии замечает в своих мемуарах: «Королевские воздушные силы совершили два храбрых налета на германские военные корабли у Гельгоlanda и в Кильском проливе. Но это было все, что они сделали, помимо листовок, сброшенных над Германией одним-единственным самолетом, летевшим на большой высоте. Кингсли Вуд сказал мне, что эти «рейды правды» вызвали большое замешательство среди германских властей, так как их система ПВО вступила в действие в уверенности, что будут сброшены не листовки, а бомбы. Он говорил об этом так, как будто это была великая победа Англии»⁵⁷.

Дело дошло до того, что позднее, уже во время развернувшихся военных действий в Норвегии английским пилотам вплоть до 11 апреля 1940 г. не разрешалось атаковать немцев, расположившихся на датских и норвежских аэродромах. Спустя еще два дня «они получили разрешение открывать только пулеметный огонь, но бомбы сбрасывать запрещалось!»⁵⁸.

Французский генштаб обосновывал свои требования «перемирия» в воздухе опасением, что в ответ германская авиация подвергнет уничтожающей бомбардировке

---

⁵⁴ E. d. S p e a r s. The Assignment to Catastrophe, vol. I. London, 1954, p. 30—31.

⁵⁵ H. Dalton. Op. cit., p. 273.

⁵⁶ E. d. S p e a r s. Op. cit., p. 109.

⁵⁷ H. Dalton. Op. cit., p. 272.

⁵⁸ L. S. A m e r y. Op. cit., p. 332.

Францию⁵⁹. Гитлеровской Германии такого рода «перемирие» было как раз на руку, особенно в самом начале войны, когда германская авиация была занята в Польше и могла беспрепятственно выполнять оперативные задачи по разгрому польской армии, не встречая никакого противодействия со стороны авиации союзников и не опасаясь, что союзники подвергнут бомбежке германские военные объекты.

Так обстояло дело с бомбардировками Германии с воздуха.

Посмотрим теперь, как осуществлялась другая часть запланированного англо-французскими союзниками экономического наступления — экономическая блокада.

Разработка мероприятий по осуществлению экономической блокады и их координация были возложены на специально созданное в Англии 3 сентября 1939 г. министерство экономической войны, во Франции — на подобное же министерство блокады. Однако сотрудничество между Англией и Францией развивалось в этой области крайне медленно и значительных успехов не принесло⁶⁰. Французская сторона фактически препоручила вопросы организации экономической блокады англичанам.

---

⁵⁹ Не лишены интереса попытки английской и французской сторон переложить ответственность за принятие такого решения друг на друга. Посол США в Париже В. Буллит сообщил госдепартаменту 13 сентября 1939 г., что во время переговоров 12 сентября Даладье предложил Чемберлену, чтобы английская авиация подвергла бомбежке военные объекты в Германии, в том числе мосты через Рейн. Чемберлен высказался против, мотивируя отказ опасениями спровоцировать со стороны германской авиации ответные бомбардировки Англии и особенно английских авиазаводов, а также неблагоприятным впечатлением, которое бомбежки могут создать в США. Даладье заметил, что такая позиция предоставляет германской авиации полную свободу действий в отношении Польши. На это английский премьер ответил: «Польша потеряна в любом случае» (FR, 1939, vol. I, p. 424—425). С другой стороны, посол США в Лондоне Кеннеди в донесении от 15 сентября сообщал о своей беседе с английским военным министром Хор-Белишей следующее: «Я спросил его о воздушных силах, и он сказал, что Гамелен не хочет использовать союзные воздушные силы в Польше» (FR, 1939, vol. I, p. 427). Таким образом, ни Англия, ни Франция не желали вести на этом этапе воздушную войну против Германии, но каждая из них старалась сделать другую ответственной за последствия.

⁶⁰ W. N. Medlicott. The Economic Blocade, vol. I. London, 1952, p. 55.

Оценки военно-экономического характера, которые делались накануне и во время второй мировой войны экспертами различных стран, очень часто оказывались неверными. Например, английские эксперты в своих оценках военно-экономических возможностей Германии не предполагали, что война будет носить молниеносный характер, не говоря уже о том, что не только эксперты, но и более авторитетные и наделенные властью политические руководители не предвидели ни поражения в Скандинавии, ни тем более ужасающего разгрома во Франции. Непростительной ошибкой английской политики и стратегии этого периода было приращение экономической блокады самодовлеющего характера.

Осуществление экономической блокады требовало действенных мер для прекращения снабжения Германии необходимым ей стратегическим сырьем и прежде всего нефтепродуктами и железной рудой. По оценке английских экспертов, запасы нефтепродуктов в Германии на 1 сентября 1939 г. не превышали 3 млн. т, а вместе с нефтью, поступавшей из других стран, главным образом из Румынии, считалось, что общие запасы нефтепродуктов в первые полгода войны превысят 6 млн. т при потребности в 5 млн. т⁶¹. Совет по жидкому топливу установил также, что Германия может получить только из Румынии в первый год войны 2 млн. т. На деле же оказалось, что собственные запасы Германии к началу войны составляли 2,5 млн. т, т. е. гораздо меньше, чем предполагали англичане⁶². Правда, быстрый разгром Польши несколько поправил германские дела не только благодаря захвату польских запасов нефтепродуктов, но и главным образом благодаря тому, что германская армия израсходовала в наступлении гораздо меньше горючего, чем это предполагалось. Какие же меры приняло английское правительство, чтобы создать в Германии «нефтяной голод»? Удалась ли блокада Германии в этом смысле? Несмотря на меры, принятые англичанами, доля немцев в закупках румынской нефти

---

⁶¹ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 87.

⁶² В 1938 г. Германия ввезла 7400 тыс. т нефти, из них 4400 тыс. т было ввезено из неевропейских стран. К началу войны собственное производство нефти (главным образом синтетической) составляло 3 млн. т. Ежегодно до войны из Румынии ввозилось в Германию 450 тыс. т («The War and the Neutrals». Ed. by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee, London, 1956, p. 5).

оставалась до 150 тыс. т нефти в месяц. Интересно отметить при этом роль американцев в снабжении Германии румынской нефтью. В донесении германской миссии в Румынии министерству иностранных дел Германии от 29 марта 1940 г. говорится об этом совершенно определенно:

«Неверно, что американские нефтяные компании не снабжают нас. Напротив, «Ромына-Американа» — один из наших главных поставщиков»⁶³. Больше того, немцы рассчитывали, что румынский премьер Татареску прямо или косвенно заставит английские и французские нефтяные компании продавать нефть Германии⁶⁴. Так и продолжалось вплоть до июля 1940 г., когда Румыния открыто перешла на сторону гитлеровской Германии и все ее естественные богатства, в том числе и нефть, поступили на обслуживание германской военной машины. Попытки английских диверсионных групп вывести из строя нефтепромыслы в Плоешти потерпели неудачу. Несмотря на некоторое сокращение поставок румынской нефти в Германию в начальный период войны, это не могло оказать существенного влияния на военно-экономическое положение Германии, так как затишье на фронтах, отсутствие активных боевых операций решительно снижали потребление горючего. Нефтяная блокада Германии могла быть успешной только в результате сочетания мер блокады с активными боевыми операциями на земле и в воздухе, которые, как известно, не проводились. Тем самым и попытка лишить Германию нефти была с самого начала обречена на провал.

В планах обеих воюющих сторон значительное место занимала Скандинавия. Англию и Францию особенно беспокоило продолжающееся регулярное снабжение Германии высококачественной шведской рудой. Ежегодно Германия получала из шведских рудников Кируна — Елливаре, расположенных близ шведско-финской границы, до 9 млн. т.⁶⁵ Эта руда грузилась на корабли в незамерзающем порту Нарвик, а с середины апреля до середины декабря — в расположенном на Балтийском море порту

---

⁶³ DGFP, vol. IX, N 21, p. 41.

⁶⁴ Ibid., p. 42.

⁶⁵ Из 21 928 тыс. т железной руды, ввезенной в Германию в 1938 г., на долю Швеции приходилось 8992 тыс. т, а на долю Франции — 5100 тыс. т («The War and the Neutrals», p. 5).

Лулеа. Через норвежские территориальные воды суда, груженные шведской железной рудой, отправлялись в германские порты. Было ясно, что экономическая блокада не может быть эффективной, если снабжение железной рудой будет и дальше беспрепятственно продолжаться.

19 сентября 1939 г. морской министр У. Черчилль предложил минировать норвежские территориальные воды, если дипломатическое давление на Норвегию — требование запрета провоза руды в зимнее время через Нарвик — окажется безуспешным. Спустя десять дней этот вопрос был вновь возбужден Черчиллем, но рассмотрение его было отложено английским военным кабинетом⁶⁶.

С началом советско-финской войны скандинавские проекты выдвигаются на первый план. В основе их лежит стремление осуществить одновременно три цели: во-первых, оказать помощь финнам в войне против Советского Союза и организовать нападение на СССР с севера; во-вторых, использовать советско-финскую войну в качестве предлога для посылки англо-французских экспедиционных сил в Скандинавию, превратив ее, таким образом, в свой плацдарм; в-третьих, захватить шведские железные рудники.

Более или менее энергичные меры проводила Англия на море, где обладала неоспоримым превосходством. Была введена целая система борьбы с провозом в Германию различного рода стратегических материалов, сырья и товаров. Суда нейтральных государств подвергались перехвату и тщательному осмотру. От судовладельцев требовали справок, что товары, погруженные на их суда, не будут реэкспортированы в другие страны. От экспортеров Западного полушария требовали представления заранее списков товаров, которые они собирались вывезти в европейские страны. Если товары не входили в список контрабандных, то на них выдавался специальный коммерческий паспорт. Эта система «борьбы с контрабандой» зимой 1939/40 г. была узаконена во всей Британской империи. Однако мероприятия Англии в этой области подвергались сильным нападкам со стороны нейтральных государств, которые имели достаточно оснований рассматривать их как покушение на свободу морей. В частности,

---

⁶⁶ J. R. M. Butler. *Op. cit.*, p. 94.

осмотр английскими властями американских торговых судов привел к резкому обострению англо-американских отношений в начале 1940 г. За первые шесть недель войны англичане перехватили 338 тыс. т грузов, которые, как подозревали, направлялись в Германию. Среди них более 76 тыс. т нефтепродуктов, 65 тыс. т железной руды, 38 тыс. т марганца и т. п.⁶⁷ За первые три месяца войны было захвачено более 476 тыс. т грузов⁶⁸.

Система контроля и захвата грузов, направлявшихся в Германию, не могла, разумеется, сыграть сама по себе значительную роль в борьбе с Германией. Ущерб, причиненный этими мероприятиями германской военной экономике, был незначителен.

Серьезную брешь в экономической блокаде пробивала Италия, которая еще не участвовала в войне. Итальянская промышленность не только получала с согласия Англии уголь из Германии, но также и сырье из самой Англии, которое использовалось для военных приготовлений Италии.

В письме Гитлеру от 3 января 1940 г. Муссолини констатировал: «Существование этих коммерческих отношений позволяет нам приобретать такое сырье, без которого мы не можем выполнить наши военные приготовления. Поэтому Германия в конечном счете извлекает из этого выгоду»⁶⁹.

Таким образом, политические цели и военно-экономические планы Англии вместо того, чтобы гармонично дополнять друг друга, сталкивались между собой, ослабляли друг друга к явной выгоде фашистских союзников.

Составными частями экономической войны против Германии должны были стать экономические соглашения военного времени с нейтральными государствами. Главная задача такого рода соглашений, как пишет профессор Медликотт, заключалась в том, чтобы заставить нейтральные государства не реэкспортировать в Германию товары, закупленные у союзников, а также в ограничении нейтралами продажи других товаров в Германию довоенным уровнем. Со своей стороны, Англия соглашалась в каждом конкретном случае облегчать прохождение товаров,

⁶⁷ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 352, col. 1411—1412.

⁶⁸ Ibid., vol. 355, col. 684.

⁶⁹ DGFP, vol. VIII, N 504, p. 605..

предусмотренных соглашением, через контроль и не предъявлять требований гарантий против реэкспорта от каждого экспортера. В первые месяцы войны переговоры о заключении подобных соглашений велись с Норвегией, Швецией, Данией, Исландией, Бельгией, Голландией, Швейцарией, Венгрией, Грецией. Переговоры по торговым вопросам проводились с Италией, Турцией, Испанией, Португалией, а также с Советским Союзом. Однако, несмотря на то, что в декабре были подписаны надлежащие соглашения с Швецией и Бельгией, а в марте 1940 г. с Норвегией, Голландией и Данией, практического значения соглашения эти не имели, так как последовавшее в апреле германское вторжение в Скандинавию, а в мае — наступление на Западном фронте полностью изменили обстановку. Таким образом, эти соглашения интересны лишь с точки зрения методов ведения экономической войны и свидетельствуют о крайней недалекости политического руководства Англии того периода, строившего все свои расчеты на возможности пассивной войны ⁷⁰.

По той же причине оказались малоэффективными и попытки Англии нанести удар по экономике Германии путем массовых закупок продовольствия и сырья на Балканах и поощрения там английского экспорта.

Все мероприятия Англии по ведению экономической войны против Германии страдали существенными недостатками. Главный из них состоял в том, что меры экономической войны превращались из дополнительных в главные, из многочисленных в случайные, в то время как экономическая война должна была служить вспомогательным средством к основному методу — широкому развертыванию военного наступления против Германии на суше, на море и в воздухе. При отсутствии же широких военных действий экономическая война не могла причинить Германии того ущерба, который был бы ей нанесен в общем комплексе военных мероприятий. Кроме того, надо иметь в виду, что мероприятия по проведению экономической блокады Германии не учитывали возможности военных поражений Англии. Поэтому поражения в Норвегии, во Франции, а позднее в Греции нарушали и разрушали схему блокады, начертанную в Лондоне, тем

---

⁷⁰ W. N. Medlicott. Op. cit., p. 55.

более, что и Германия предприняла ряд мер для усиления контрблокады.

29 ноября 1939 г. Гитлер издал директиву о ведении экономической войны. Меры борьбы с Англией, предписываемые директивой, заключались в минировании английских территориальных вод и в блокировании основных морских портов. В то же время военно-морскому флоту предлагалось до поры до времени воздерживаться от ведения неограниченной войны на море. Причины этого заключались прежде всего в стремлении до окончания подготовки генерального наступления на Западном фронте не расширять театра военных действий, не обострять отношений с нейтральными государствами, и особенно с США. Германия старалась не провоцировать вступления США в войну. Отношение США к войне в Европе, их политика весьма беспокоили гитлеровскую верхушку и оказывали в первый период войны значительное влияние на их планы. Сущность германской политики в этом вопросе была сформулирована в меморандуме статс-секретаря германского министерства иностранных дел Э. Вейцекера следующим образом: «В связи с началом войны с Польшей, Британской империей и Францией нашим отношениям с Соединенными Штатами Америки следует придавать еще большую важность, чем до сих пор. Мы очень заинтересованы в том, чтобы предотвратить использование Соединенными Штатами своего влияния на стороне наших врагов, и мы должны сделать все, чтобы удержать их в группе нейтральных держав, наиболее сильным и важнейшим членом которой США до сих пор являются, несмотря на их враждебные чувства»⁷¹.

Какова же была в начале войны политика США?

За три дня до начала войны в Европе в Вашингтон прибыл новый английский посол лорд Лотиан (Филипп Керр). Секретарь британского премьера Ллойд-Джорджа в прошлом, Филипп Керр считался выдающимся политическим деятелем. Он был близок к Невиллю Чемберлену, к Асторам и к антисоветским и прогерманским кругам. Лотиан был одним из ведущих участников так называемой кливденской клики. Его назначение на важнейший дипломатический пост в момент, когда война должна была вот-вот вспыхнуть, как бы символизировало

---

⁷¹ DGFP, vol. VIII, N 56, p. 53.

намерение правительства Чемберлена следовать прежнему курсу Мюнхена. Задача Лотиана заключалась в том, чтобы добиваться от правительства США оказания поддержки Англии и Франции.

В первой же беседе с Рузвельтом 30 августа английский посол мог убедиться в том, что президент полон решимости бороться за изменение законодательства о нейтралитете, т. е. добиваться от конгресса решения, позволяющего снабжать Англию и Францию американским вооружением без ограничения ⁷².

И хотя 3 сентября США объявили о своем нейтралитете, правящие круги США понимали, что в начавшемся грандиозном конфликте Соединенные Штаты не могут остаться в роли зрителя, на определенном этапе им придется начать активные действия. Решительный поворот американской политики в сторону более активного вмешательства в европейские дела, совершенный в начале президентства Рузвельта, стремление использовать создавшееся положение в интересах укрепления влияния США, попытки, предпринятые еще до начала войны, стать верховным арбитром свидетельствовали о том, что США останутся нейтральными лишь до того времени, пока не будут в военном отношении подготовлены к вступлению в войну и момент вступления не окажется наиболее выгодным. Сам Рузвельт понимал, что фашизм угрожает также и США, несмотря на то, что американский континент отделен от Европы многими тысячами километров. Однако он должен был считаться с сильным влиянием различных групп изоляционистов, выступавших против оказания помощи Англии и Франции, а также с неблагоприятной для его планов расстановкой сил в конгрессе США.

Американские монополии видели в начавшейся войне средство для обогащения, подобно тому, как то было в

---

⁷² Сообщая леди Астор о дружелюбном приеме, оказанном ему Рузвельтом, Лотиан подчеркивал: «Президент с ненавистью относится к тому, что он вынужден провозгласить нейтралитет, но он чувствует, что единственный курс, которого ему следует придерживаться — это уважение закона и использование американского общественного мнения для того, чтобы вынудить конгресс разрешить экспорт вооружения в Англию и Францию...» (J. R. M. Butler, Lord Lothian (Philip Kerr) 1882—1940. London, 1960, p. 261).

первой мировой войне. Реакционные американские круги были недовольны тем, что война в Европе началась столкновением между капиталистическими государствами, а не между Германией и Советским Союзом. Они надеялись, что вслед за разгромом Польши Германия обрушится на Советский Союз. Когда же эти расчеты не оправдались, реакционеры развязали бешеную антисоветскую кампанию, все еще рассчитывая на изменение характера и направления войны.

О сложности внутриполитической обстановки в США свидетельствуют результаты опроса общественного мнения, проведенные Институтом Гэллопа. Подавляющее большинство американского народа было настроено против фашистских держав. С другой стороны, отдаленность США от очагов военного конфликта, воспоминания о войне 1914—1918 гг., унесшей жизни многих американских юношей, расчеты на то, что Англия и Франция сами справятся с Германией, — все эти обстоятельства ловко использовались изоляционистами, чтобы поддерживать среди значительной части народа мнение, что США не следует активно вмешиваться в войну в Европе.

29 января 1939 г. 94% опрошенных высказали убеждение, что если война разразится, то виновниками будет Германия и Италия. 1 сентября 1939 г. 86% высказали мнение, что гитлеровские претензии на Гданьск и Коридор несправедливы. 4 сентября 1939 г. 82% опрошенных высказали мнение о необходимости прекратить продажу военных материалов Японии. 17 сентября 1939 г. 44% высказались за посылку американских войск в Европу, если Англии и Франции будет грозить поражение⁷³.

Однако бездействие Англии и Франции, дух «странной войны», перекочевавший и за океан, делали свое дело, и число сторонников вмешательства стало уменьшаться. С другой стороны, начиная с апреля 1939 г. по ноябрь того же года от 50 до 60% опрошенных американцев неизменно высказывались в пользу продажи оружия союзникам. Но во время обсуждения в конгрессе США предложения об изменении законодательства о нейтралитете более 90% опрошенных высказались за сохранение нейтралитета и число их продолжало расти.

---

⁷³ Результаты опроса приводятся по кн.: Frederick L. Shuman. *Night over Europe*. New York, 1941, p. 446.

Подготавливая общественное мнение к неизбежности вступления США в войну, Рузвельт объявил 8 сентября 1939 г. о введении ограниченного чрезвычайного положения. Вскоре президент обратился к конгрессу с просьбой об изменении законодательства о нейтралитете.

Послание Рузвельта конгрессу вызвало ожесточенные нападки изоляционистов. Выступая по радио 14 сентября, сенатор Бора заявил, что принятие конгрессом предложения Рузвельта было бы равносильно объявлению войны. Особенное бешенство предложение Рузвельта вызвало у сенаторов и конгрессменов, известных своей антисоветской позицией. Сенатор Кларк заявил, что не следует мешать немцам, ибо они враги коммунистов. Ванденберг, Гамильтон Фиш подняли шумную кампанию против предложений Рузвельта. В то же время изоляционисты выступали с предложениями использовать сложное положение Англии и Франции, чтобы прибрать к рукам их владения. Известный профашист полковник Линдберг предлагал немедленно захватить Канаду. Сенатор Лэндин из Миннесоты предложил потребовать от Англии и Франции уплаты военных долгов времен первой мировой войны, а так как они этого сделать не могут, взять в счет уплаты британскую и французскую Вест-Индию.

После длительной борьбы линия Рузвельта победила: 3 ноября конгресс одобрил «Объединенную резолюцию для сохранения нейтралитета и мира Соединенных Штатов и безопасности их граждан и их интересов». На следующий день закон был подписан президентом и вступил в силу. Был принят принцип «cash and carry», т. е. «плати и вези», за приобретенное вооружение государства должны были платить наличными и увозить на своих собственных судах. Практически принципом «плати и вези» могли воспользоваться только Англия и Франция, обладавшие превосходством на море и имевшие запасы долларов и золота. Зона Балтики и часть Атлантики северо-восточнее 20° объявлялась запретной для плавания американских судов. Практически таким образом запрещение распространялось на район от Скандинавии до Бискайского залива. Но и гитлеровцы извлекли немалую выгоду из закона: теперь они могли, не опасаясь конфликта с США, нападать в открытом море на суда союзников.

Новый измененный закон о нейтралитете отразил борьбу, развернувшуюся в конгрессе: если принцип «плати и вези» оказался мерой эффективной помощи Англии и Франции, выразившей политику Рузвельта и его окружения, то запрещение, введенное для американских судов, было выгодно гитлеровской Германии и явилось победой изоляционистов, и именно той их группы, которая вела профашистскую политику в США.

Молниеносное поражение Польши произвело сильное впечатление в Вашингтоне. В тот период американские дипломатические представители в Европе, особенно американский посол в Лондоне Д. Кеннеди, посылали в США весьма пессимистические прогнозы относительно возможностей Англии и Франции противостоять гитлеровской Германии ⁷⁴. В правящих кругах США существовало мнение, что США должны воспользоваться создавшимся положением, чтобы попытаться выступить в роли посредника ⁷⁵. Последовали соответствующие обращения Рузвельта к главам различных церквей. В Ватикан был назначен послом США Майрон Тейлор. При госдепартаменте в конце декабря 1939 г. был создан специальный комитет для изучения вопросов мира и послевоенной реконструкции. В начале января 1940 г. обсуждался проект созыва нейтральных стран на конференцию в Вашингтон ⁷⁶.

---

⁷⁴ Американский посол черпал свой пессимизм большими дозами из настроений самого британского премьера. 18 сентября 1939 г. Кеннеди в сообщении госдепартаменту подводит такой итог беседы с Чемберленом: «Хотя Чемберлен... определенно не хочет создавать у меня впечатления, что все отвратительно, но тем не менее это именно то, что я думаю» (FR, 1939, vol. I, p. 441. Кеннеди — госдепартаменту. Лондон, 18 сентября 1939).

⁷⁵ Первое предложение такого рода было получено от посла США в Лондоне. В донесении государственному секретарю от 11 сентября Кеннеди предлагал, чтобы президент выступил в качестве «спасителя мира», т. е. принял на себя миссию посредника между Англией и Германией и выработал планы мира (FR, 1939, vol. I, p. 423). Ответ Хэлла был отрицательным (ibid., p. 424).

⁷⁶ Из переписки Хэлла с американскими дипломатами вырисовывается план созыва конференции нейтралов для обмена мнениями по поводу послевоенного устройства мира по экономическим вопросам и по вопросам ограничения и сокращения вооружений. Главная цель, однако, как вытекает из тех же документов, заключалась в объединении нейтралов (разумеется, под руководством США), чтобы на мирной конференции «их голос звучал веско» и воевавшие державы должны были бы считаться с ними (FR, 1940, vol. I,

За ожесточенной борьбой, развернувшейся в конгрессе между интервенционистами (т. е. сторонниками вмешательства в европейский конфликт) и изоляционистами пристально следили как в Англии и во Франции, так и в Германии. Что бы ни говорил Рузвельт, но опытным политикам по ту сторону океана, да и в самой Америке, было ясно, что изменение закона о нейтралитете является важным шагом на пути к активному участию в войне.

Фельдмаршал Смэтс — один из самых влиятельных политических деятелей Британской империи, имя которого наряду с именами Сесилия Родса, Джозефа Чемберлена, Уинстона Черчилля как бы олицетворяло империю, — откровенно писал Лотиану 24 декабря 1939 г.: «...Ваша миссия — самая значительная из всех, которая кому-либо сегодня выпала, заключается в том, чтобы в конечном счете втянуть наших дорогих друзей в войну» ⁷⁷. Письмо Смэтса звучало одновременно и как суровое предупреждение. Впрочем, как Смэтс, так и Лотиан отлично знали, что уже много месяцев, в обход законодательства о нейтралитете, военные штабы США и Англии ведут секретные переговоры. Кроме того, по поручению президента американские начальники штабов разрабатывали планы участия США в войне.

Еще с 1938 г. американский объединенный совет армии и флота разрабатывал планы военных операций, предусматривавших выступление США на стороне Англии и Франции против коалиции Германии, Италии и Японии. Условием выступления США было нарушение Германией и Италией доктрины Монро, т. е. попытка обосноваться тем или иным способом в Западном полушарии при одновременной попытке Японии захватить Филип-

---

р. 117—118. Хэлл — Коффери (посол в Бразилии). Вашингтон, 8 февраля 1940 г.; *ibid.*, р. 121—122. Хэлл — Гарриману (посланник в Швейцарии). Вашингтон, 30 марта 1940 г.; но после вторжения Германии в Скандинавию этот проект отпал (*Cordeil Hull. Memoirs, vol. II. New York, 1947, p. 1628*).

⁷⁷ В письме леди Астор от 24 сентября 1939 г., т. е. через три дня после послания Рузвельта конгрессу с призывом пересмотреть закон о нейтралитете, Лотиан отмечал: «Имеется подсознательное чувство, что послание означает шаг в сторону вмешательства на стороне союзников. Это и придает спорам такое неистовство... Правда заключается в том, что в США преобладает страх перед войной, который и есть то самое, чего желает Гитлер» (*J. R. M. Butler. Lord Lothian, p. 265*).

шины. Эти планы, получившие общее кодовое наименование «Рейнбоу» («Радуга»), все-таки были скорее черновыми набросками того, что следует делать, чем строгим военным планом. Следует, однако, иметь в виду, что эти наброски исходили из вероятности войны США на стороне Англии и Франции. В ходе разработки планов «Рейнбоу» американский морской штаб обсуждал с английским морским штабом планы совместных операций.

За два месяца до начала войны, 30 июня 1939 г., объединенный совет армии и флота утвердил пять вариантов плана «Рейнбоу». Последний вариант — «Рейнбоу-5» предусматривал участие Соединенных Штатов Америки в военных операциях в Европе и в Африке. В документе было записано: «Направить в максимально короткий срок вооруженные силы Соединенных Штатов в восточную часть Атлантического океана и на континент Африки или Европы, или одновременно на оба континента, совмещая это с выполнением задач, указанных в плане «А» для того, чтобы нанести решающее поражение Германии либо Италии, либо обоим этим государствам. Этот план подразумевает согласованные действия Соединенных Штатов, Великобритании и Франции»⁷⁸.

Большое значение придавалось американскими штабами планированию войны на Тихом океане, а именно варианту «Рейнбоу-2», который предусматривал участие американских войск в обороне колониальных владений европейских государств на Дальнем Востоке⁷⁹. Сложность и противоречивость международной и внутренней обстановки отражалась и на политике США. Президенту Рузвельту приходилось основывать свою политику, казалось, на двух прямо противоположных принципах: постепенном отказе от нейтралитета и решении оставаться вне войны.

В Англии не всегда отдавали себе отчет в сложном положении сторонников вступления США в войну и подвергали политику США резкой критике, чем осложняли положение Рузвельта⁸⁰. Речь идет о скрытых интервен-

---

⁷⁸ М. Мэтлофф и Э. Снелл. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг. М., 1955, стр. 18.

⁷⁹ Там же, стр. 21.

⁸⁰ «Общественное мнение здесь в настоящее время выявило свою позицию, — отмечал Лотьян в одном из своих писем в декабре 1939 г. — В подавляющем большинстве оно выступает за нане-

ционистах, таких, как Рузвельт. В то время мало кто осмеливался выступать с открытыми призывами к участию в войне. Кроме того, на первых порах, т. е. до немецкого наступления на Западе, США выполняли роль сторожа на Дальнем Востоке и на Тихом океане, избавляя Англию и Францию от угрозы со стороны Японии⁸¹. Поэтому у Англии и Франции были благоприятные возможности сконцентрировать все свои усилия и внимание на войне в Европе, но они не сумели этим воспользоваться.

* * *

Бездействие союзников — именно это и нужно было гитлеровской Германии после окончания войны в Польше. Германия интенсивно готовилась к широким военным операциям против Англии и Франции.

27 сентября, за день до падения польской столицы, Гитлер отдал приказ о подготовке наступления на Западе. 9 октября была издана надлежащая директива. С востока на запад перебрасывались воинские части, вооружение, боеприпасы. Первоначально наступление на Западе было назначено на 12 ноября 1939 г. Однако по разным причинам операция на Западе («план Гельб») в период между 12 ноября 1939 г. и 20 января 1940 г. откладывалась 16 раз⁸². После 20 января было решено отложить наступление до весны. Это время было успешно использовано гитлеровцами для всесторонней подготовки наступления. Это же время было безвозвратно упущено командованием союзников.

На следующий день после объявления Англией и Францией войны Германии главнокомандующий англо-французскими войсками генерал Гамелен заверил своих

сение Гитлеру поражения союзниками..., но оно в равной мере против вовлечения в войну» (J. R. M. Butler. Lord Lothian, p. 275).

⁸¹ В письме Виктору Казалету от 11 марта Лоттиан писал: «Лучший ответ на критику, которой подвергаются сегодня в Англии Соединенные Штаты, состоит в том, что Соединенные Штаты в действительности связывают руки (Японии.— А. Н.) вместо нас на Тихом океане... и до тех пор, пока они сохраняют внешнюю политику, английские и французские интересы на Тихом океане находятся в безопасности» (J. R. M. Butler. Lord Lothian, p. 271).

⁸² Walter Görlich. Der zweite Weltkrieg. 1939—1945. Bd. I. Stuttgart, 1951, S. 83.

английских союзников, что вскоре после сосредоточения французских армий он начнет наступление с целью приближения к линии Зигфрида. К исходу 11 сентября французские войска провели атаки местного значения юго-западнее Саарбрюкена и заняли позиции вблизи германских укреплений. На следующий день Верховный совет союзников согласился с мнением Гамелена, что в дальнейшем следует ограничиться незначительными по масштабам военными действиями и не бросать армию союзников против главных оборонительных позиций врага. Английские представители одобрили действия Гамелена, добавив при этом: «Мы боялись, что вы втянетесь в авантюру»⁸³.

В первых числах октября, когда численность германских войск, перебрасывавшихся из Польши, заметно увеличилась, французские войска вернулись на линию Мажино. С того времени боевые действия на Западном фронте ограничивались действиями патрулей, поисками разведчиков. Западный фронт как бы замер. Сидя, как казалось, за надежными укрытиями французской оборонительной линии, французское командование сеяло среди солдат опасные иллюзии о скором возвращении домой. Войну воспринимали иронически. В модной песенке, привезенной из Парижа, говорилось: «Развесим наше белье на линии Зигфрида».

С легкой руки Даладьё был пущен в оборот демагогический лозунг — беречь кровь французского солдата. Эта формула должна была оправдать в глазах народа бесперспективную и опасную стратегию выжидания и бездействия. Даладьё утверждал в своих публичных выступлениях, что надо накапливать современное оружие, а потом вести войну с наименьшей потерей крови. Таким образом, внушалась пагубная мысль, что есть достаточно времени для накопления оружия и будто исход сражения может быть решен лишь техникой, отводя основному участнику боя — солдату — роль пассивной прислуги при оружии. Какой это имело психологический эффект, хорошо известно. Приведем лишь одну довольно яркую зарисовку положения, сделанную эстонским дипломатом, аккредитованным во Франции:

⁸³ J. R. M. Butler. *Grand Strategy*, vol. II (September 1939 — June 1941). London, 1957, p. 20; «Les évènements survenus en France de 1933 à 1945», t. II, Paris, 1947, p. 415.

«С французской откровенностью отпускники рассказывают многое о фронте. Все жалуются на скуку. Картежная игра очень распространена. Требуют книг для чтения. О морали военных многие отзываются хвалебно, что их мораль выше, чем в тылу. Но есть и такие, прибывшие в отпуск, из речей которых видно, что они заражены немецкой пропагандой. Им теперь известно, говорят они, из-за чего они должны сидеть на фронте — из-за интересов англичан. Немцы, мол, воевать не хотят. Каждое утро они приветствуют французов и не стреляют. И французы тоже не стреляют. Через громкоговорители немцы играют французские напевы и песни, а также и свои. Французы, со своей стороны, также установили громкоговорители на передовой линии. И так идет пропагандистская война в полудружественной форме при помощи громкоговорителей»⁸⁴.

Фельдмаршал Монтгомери пишет в своих мемуарах: «Франция и Британия не шелохнулись, когда Германия поглотила Польшу. Мы продолжали бездействовать даже тогда, когда германские армии перебрасывались на Запад с совершенно очевидной целью атаковать нас! Мы терпеливо ожидали, пока на нас нападут, и на протяжении всего этого периода время от времени бомбили Германию листовками. Я не понимал, была ли это война.

Хорошо помню визит Невилла Чемберлена в мою дивизию. Это было 16 декабря 1939 г. После завтрака он отвел меня в сторону и сказал мне так тихо, чтобы никто не мог нас услышать: «Я не думаю, чтобы немцы имели какое-либо намерение атаковать нас»⁸⁵.

⁸⁴ ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, д. 701. Советник эстонской миссии в Париже А. Палло — МИДУ. Париж, 23 февраля 1940 г.

«Странная война» и политика Франции того времени породили многочисленную литературу. В последние годы в СССР было опубликовано несколько книг и статей на эту тему: В. А. С е к и с т о в. «Странная война» в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря (1939—1943 гг.). М., 1958. Отметим тут же, что автор этой книги совершенно необоснованно расширяет хронологические рамки периода «странной войны»; А. М. Н е к р и ч. Война, которую назвали «странной». М., 1961. Несколько работ В. И. Смирнова, из которых наибольший интерес, на наш взгляд, представляет его статья «К истории капитуляции Франции и франко-германского перемирия 1940 г.», опубликованная в «Вестнике Московского университета», 1961, № 3, стр. 26—46. Из недавно вышедших книг на Западе отметим работу G e r m a i n W i l l a r d. La drôle de Guerre et la trahison de Vichy. Paris, 1960.

⁸⁵ В. М о n t g o m e r y. The Memoirs. London, 1958, p. 58.

На Западном фронте было спокойно. Отпуска, временно прекращенные 4 января 1940 г., были вновь разрешены с 16 марта.

«Если бы французы, имевшие тогда значительное превосходство в силах, перешли здесь в наступление, то весьма возможно, что им удалось бы прорвать Западный вал (так немцы называли свою «линию Зигфрида». — А. Н.) и даже продвинуться в глубь Германии», — пишет германский военный историк генерал-лейтенант Циммерманн ⁸⁶.

Об этом же свидетельствовали гитлеровские военачальники Кейтель и Йодль на Нюрнбергском процессе. Действительно, положение Германии в это время было далеко не блестящим.

Между тем во Франции и в Англии одни начинали забывать, что идет война с Германией, другие полагали, что война вот-вот окончится. Бездействие рождало безразличие. Что это за война? Из-за чего она? В чем, собственно говоря, дело? Неправда ли, какая странная война?

Так родился этот термин. Подхваченное американскими журналистами выражение «странная война» прочно вошло в историю и сохранилось до сих пор. Да и как было не считать эту войну «смешной» или «странной», когда за четыре первых месяца войны французские потери на суше, в воздухе и на море составляли 1433 человека, а англичане потеряли на суше троих ⁸⁷.

Пока на Западном фронте царило затишье, гитлеровцы попытались вести морские операции с целью помешать снабжению Англии, нарушить ее заморскую торговлю и вызвать тем затруднения в ее экономической жизни. В директиве Гитлера германскому военно-морскому флоту о ведении войны против Англии указывалось: «Военно-морской флот ведет борьбу с торговым флотом противника, главным образом с английским» ⁸⁸. На первых порах германский военно-морской флот достиг некоторых успехов. За четыре месяца войны в 1939 г. было потоплено 222 торговых судна, принадлежавших Англии, ее союзникам и нейтральным государствам, общим водоиз-

⁸⁶ «Мировая война 1939—1945». М., 1957, стр. 38—39.

⁸⁷ Д ж. Ф у л л е р. Вторая мировая война 1939—1945. М., 1956, стр. 78.

⁸⁸ К у р т Т и п п е л ь с к и р х. История второй мировой войны. М., 1956, стр. 39.

мещением в 755 392 т, за первые три месяца 1940 г. — 181 судно общим водоизмещением в 548 435 т⁸⁹.

Особенно большой ущерб гитлеровцы наносили магнитными минами, установленными вдоль побережья Англии и у входа в английские порты⁹⁰. Для борьбы с внезапными нападениями немецких подводных лодок и линкоров-рейдеров англичане начали применять систему конвоев, которая постепенно получала все большее распространение и имела положительное значение. Действия рейдеров были для немцев в общем неудачными. Один из двух германских «карманных линкоров» «Дейчланд», выполнивший задачу рейдера, потопил только два торговых судна. «Граф Шпее», крейсировавший в Южной Америке, потопил девять судов. Преследуемый английским флотом «Граф Шпее» в декабре 1939 г. был затоплен по приказу из Берлина в устье Ла-Платы⁹¹.

Понес некоторые потери в этот период и английский военный флот: были потоплены авианосцы «Арк Ройял» и «Корейджес» в сентябре 1939 г. 14 октября немецкая подводная лодка, пробравшаяся в главную английскую военно-морскую гавань Скапа-Флоу, пустила ко дну линкор «Ройял Ок», при этом погибло 786 английских моряков⁹². Кроме того, два английских военных корабля получили повреждения, насчитыв на мины.

Нацисты не могли рассчитывать в этот период на какую-либо серьезную борьбу с английским флотом, в котором к началу войны было 200 надводных кораблей всех типов, в то время как в германском — всего 47. Главную надежду немцы возлагали на действия своих подводных лодок, строительство которых было широко развернуто⁹³. Но эти планы относились уже к 1940 г.

Английский военно-морской флот причинил существенные потери немецкому подводному флоту, потопив за первые 4 месяца войны 9 подводных лодок из общего числа в 49 подводных лодок первой линии. За первые

---

⁸⁹ J. R. M. Butler. Grand Strategy. Appendix II, Table 1, p. 57.

⁹⁰ W. S. Churchill. The Second World War, vol. I, p. 440.

⁹¹ Курт Типпельскирх. Указ. соч., стр. 41—43.

⁹² W. S. Churchill. Op. cit., vol. I, p. 440.

⁹³ Н. Волков. Действия германского флота на морских и океанских коммуникациях Англии и США во второй мировой войне.— «Военно-исторический журнал», 1959, № 5, стр. 34—35.

4 месяца 1940 г. было потоплено 18 немецких подводных лодок⁹⁴.

Но все же даже операции на море, которые могли бы оказать должное содействие экономической блокаде, также разворачивались вяло из-за политики правительства Чемберлена.

Политика и стратегия Англии и Франции во время «странной войны» способствовали укреплению фашистского режима в Германии и тем самым благоприятствовали осуществлению агрессивных и человеконенавистнических планов нацистов. В бездействии союзников германские империалисты видели подтверждение правильности политических расчетов Гитлера. За крайне незначительным исключением германская буржуазия после начала войны, и особенно после победы в Польше, оказывала еще более решительную поддержку гитлеровскому режиму. Германские монополии, обогатившиеся в результате захвата Австрии, Чехословакии, Польши, вместе с Гитлером мечтали о господстве над всей Европой, а затем и над другими частями света и составляли планы полного устранения своих империалистических конкурентов, магнатов промышленности и финансов Англии, Франции и, в конечном счете, США. Поддерживали Гитлера и юнкеры — немецкие помещики, мечтавшие о создании необъятных плантаций на востоке Европы, обслуживаемых самым дешевым в мире рабским трудом побежденных народов. Наконец, планы Гитлера разделял, поддерживал, развивал и выполнял германский офицерский корпус во главе с генеральным штабом, который превратился в одну из опор фашистской империи. Маниакальные планы Гитлера об установлении господства Германии над Европой, а затем и над всем миром и связанные с этими преступными замыслами войны отвечали планам, желаниям и инстинктам германского генералитета. Власть, слава, добыча, чувство безнаказанности опьяняли их и делали ревностными сообщниками и исполнителями преступных планов Гитлера.

Но даже они в первые месяцы войны переживали тяжелые сомнения и больше всего боялись наступления англо-французских войск на Западе.

---

⁹⁴ J. R. M. Butler. Grand Strategy, p. 571.

Г л а в а т р е т ь я

ПОЛИТИКА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ЕВРОПЫ. АНТИСОВЕТСКИЕ ПЛАНЫ

Политика поощрения фашистской агрессии и сговора с Германией, проводившаяся в последние предвоенные годы Англией и Францией, весьма осложнила положение малых стран Европы. Особенно тяжелая ситуация складывалась для тех стран, которые в силу своего географического положения оказались между двумя враждебными группировками. В Западной Европе такими странами были Бельгия, Голландия, Люксембург, в Северной — Дания и Норвегия. Угрожающее положение создавалось для Швеции и Швейцарии. Опасность превращения в плацдарм германской агрессии нависла над Прибалтикой.

Истинная безопасность всех этих государств могла быть обретаена только в общеевропейской системе коллективной безопасности. За создание такой системы, как известно, неустанно боролся Советский Союз. Однако его усилия натолкнулись на саботаж и противодействие правящих кругов империалистических держав Запада, избравших иной курс — курс поощрения фашистской агрессии на Восток, против Советского Союза.

Политика Франции и Англии накануне войны вносила смятение, сеяла семена недоверия и подозрительности среди малых государств: не пожертвуют ли Англия и Франция интересами малых стран ради достижения соглашения с гитлеровской Германией? После заключения англо-германского морского соглашения в июне 1935 г. состояние

тревоги и недоверия уже не покидает малые государства¹.

Антисоветские расчеты, с одной стороны, и опасения вызвать неудовольствие гитлеровской Германии, — с другой, толкали правительства малых государств Северной и Западной Европы на отказ от противодействия фашистской агрессии. В связи с обсуждением в Лиге Наций вопроса о применении к Италии, напавшей на Эфиопию, санкций, предусмотренных ст. 16 Устава Лиги, Голландия, Люксембург, Дания, Норвегия, Финляндия и Швеция заявили, что они не будут считать себя связанными соответствующими решениями Лиги Наций. Этим они нанесли не только удар по попыткам организации коллективной защиты мира от агрессии, но и непоправимый ущерб своей собственной безопасности. С того времени правительства этих стран все более и более старались ни делом, ни словом не навлечь на себя гнев более сильных соседей. Такая страусовая политика не сулила добра.

Дания, Норвегия и Швеция совместно с Бельгией и Голландией пытались координировать свои внешнеполитические мероприятия, подобно тому, как в начале тридцатых годов они координировали свою внешнеэкономическую политику, образовав так называемую группу государств Осло. В апреле 1938 г. эти государства приняли решение о нейтралитете. 27 мая 1938 г. Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция приняли в Стокгольме декларацию об установлении единообразных законов о нейтралитете в каждой из этих стран².

14 апреля 1939 г. президент Рузвельт обратился к правительствам Германии и Италии с предложением дать гарантии 30 европейским государствам, что на них в течение 10 лет не будет совершено нападения. В ответ Гитлер обратился ко всем этим государствам с провокационным запросом, чувствуют ли они угрозу нападения

---

¹ Вскоре после заключения англо-германского морского соглашения в ноябре 1935 г. Гитлер сказал в одной из доверительных бесед, что теперь Балтийское море представляет «бутылку, которую мы, немцы, заткнули. Англичане не могут осуществлять здесь какого-либо контроля» (Gunnar Hägglöff. A Test of Neutrality: Sweden in the Second World War. «International Affairs», vol. 36, N 2, p. 155. April 1960).

² «Norway and the War. September 1939 — December 1940». Ed. by M. Curtis. London, 1941, N 1, p. 17.

со стороны Германии, и предложил заключить двусторонние договоры о ненападении. Все государства ответили, что они такой угрозы не испытывают. Лишь Дания, Латвия и Эстония согласились на заключение договоров, которые и были подписаны в июне 1939 г.

В день нападения Германии на Польшу малые страны Северо-Западной Европы и Прибалтики объявили о нейтралитете в начавшейся войне. Со своей стороны, воюющие державы обещали уважать их нейтралитет. Однако мало кто верил, что эти обещания будут выполнены. Гитлеровская Германия, заявляя о своем намерении уважать нейтралитет прибалтийских и скандинавских государств, а также Бельгии, Люксембурга и Голландии, заведомо вводила мир в заблуждение. Еще в мае 1939 г. Гитлер принял решение, в случае войны с Англией и Францией, захватить Бельгию и Голландию. На совещании главнокомандующих 23 ноября 1939 г. Гитлер заявил: «Нарушение нейтралитета Бельгии и Голландии не имеет значения. Никто не будет об этом спрашивать после нашей победы»³.

В связи с разгромом Польши, на западной границе Советского Союза создались новые условия. На территории Польши, потерпевшей поражение, миллионам украинцев, белорусов, населяющим западные земли Украины и Белоруссии, угрожала опасность попасть в неволю к фашистам.

17 сентября части Красной Армии начали освободительный поход и заняли территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, с населением 12 млн. человек. Вскоре, по просьбе народных масс, Западная Украина и Западная Белоруссия были воссоединены с Украинской и Белорусской ССР.

Тревожное положение сложилось в Прибалтике. На протяжении всего межвоенного периода Англия, Франция, США, Германия использовали прибалтийские государства в качестве опорных пунктов для своей антисоветской политики. Естественно, что Советский Союз вынужден был принимать военные и дипломатические меры, чтобы обезопасить себя от нападения с северо-запада⁴.

---

³ ИМТ, vol. XXVI, Doc. 789— PS, p. 335.

⁴ В советской литературе существуют несколько работ, затрагивающих проблемы политики на северо-западе Европы в ука-

Накануне второй мировой войны перспектива превращения территорий Эстонии, Латвии и Литвы в плацдарм для нападения на СССР была вполне реальной.

Летом 1939 г. в Прибалтике побывали с визитами начальник штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер, германские дипломаты фон Клейст и Бёминг, руководители германской разведки адмирал Канарис, Бентевиньи и Пикенброк ⁵.

Цели визита Гальдера были сжато и точно сформулированы в совершенно секретном донесении эстонского военного представителя в Берлине полковника Л. Якобсена начальнику 2 отдела штаба вооруженных сил Эстонии от 31 марта 1939 г. Якобсену было поручено подготовить визит главы германского генштаба. Гальдер, — писал Якобсен, — «желал бы в первую очередь ознакомиться с организацией нашей армии, с состоянием границы Эстония — СССР и с проблемой нашей обороны против Востока». Далее Якобсен приводил следующие слова Гальдера: «В деле вашей обороны против Востока играет, конечно, большую роль сухопутная и морская оборона и тут мы учитываем, как Вы, конечно, об этом знаете, Ваши соответствующие пожелания» ⁶.

Этот важный документ указывает на полное взаимопонимание в вопросе подготовки войны против Советского

занный период (например, «История Латвийской ССР», т. III, Рига, 1958; M. P e s t i. Rahvuslik reetmine «rahvusluse», sildi all. Tallin, 1960; В. С и п о л с. Борьба СССР за мир в Прибалтике в 1933—1940 гг.— «Коммунист Советской Латвии», 1959, № 9. Работы М. Пести и В. Сиполса основаны на неопубликованных документах).

⁵ Германская разведка имела в Эстонии широко разветвленную шпионскую сеть. Об этом рассказал, в частности, гитлеровский генерал-лейтенант Ганс Пикенброк, который был взят в плен советскими войсками после разгрома гитлеровской Германии. На службе германской разведки находились такие высокопоставленные лица, как начальник второго (разведывательного) отдела эстонского генштаба полковник Рихард Маазинг, ставший позднее первым помощником начальника генштаба; полковник Л. Якобсен; полковник эстонского генштаба И. Соодла и др. Во время Великой Отечественной войны германские шпионы — Маазинг, Соодла — активно сотрудничали с немецкими оккупантами. (Подробно см. Э р в и н М а р т и н с о н. Рихард Маазинг — эстонский Квислинг.— «Советская Эстония», 11.I 1963).

⁶ ЦГАОР ЭССР, ф. 495, оп. 2, д. 198, л. 25. Этот документ опубликован в сборнике «Социалистическая революция 1940 г. в Эстонии».

Союза, которое существовало между Германией и Эстонией. Визит Гальдера (21—22 июня 1939 г.) можно рассматривать поэтому как инспекционную проверку эстонских вооруженных сил в связи с планами нападения на Советский Союз. 8 июня 1939 г. профашистские правительства Латвии и Эстонии заключили пакт о ненападении с гитлеровской Германией. В то же время правительства прибалтийских государств препятствовали осуществлению подлинной безопасности в районе Прибалтики, чему отвечали предложения Советского Союза о совместной гарантии прибалтийских стран против прямой и косвенной агрессии, выдвинутые в ходе переговоров с правительствами Англии и Франции о заключении пакта взаимной помощи летом 1939 г.⁷

К сожалению, антисоветское направление в английской политике взяло в то время верх, и Советский Союз оказался перед опасной перспективой превращения пограничных прибалтийских государств в базу германской агрессии. Не было никаких сомнений в том, что буржу-

---

⁷ Эстонская миссия в Лондоне в секретном донесении министру иностранных дел от 28 июня 1939 г. сообщала следующее: «Заключение пакта о ненападении между Эстонией и Германией нашло в английской прессе сравнительно широкое распространение... Газеты, которые гонятся за сенсациями, осветили вопрос менее нейтрально, отметив, что Эстония и Латвия, как экономически, так и политически, полностью попали под германское влияние или находятся на пути к этому (отмечено строительство фабрики Круппа вблизи Риги и другие германские начинания)... По-видимому, мнение, что мы действительно в значительной степени попали под германское влияние, распространено в известных кругах сравнительно широко. Капитаны наших судов здесь говорят, что отношение таможенных властей к нам теперь значительно холоднее, чем раньше. В посольство поступали письма — анонимные и с подписями, но все без исключения малограмотно составленные, в которых говорится, «что ни одного британского судна, ни одного британского солдата для защиты Эстонии и Латвии»... В дополнение к этому, как раз в данный момент, приехал в Эстонию и Финляндию генерал Гальдер.

Поездку генерала Гальдера в здешних государственных учреждениях не воспринимают уже так трагично (тем более финны пригласили к себе в гости также генерала Кирка). Значительно серьезнее относятся к поездке начальника разведки германской армии адмирала Канариса и полковника Пикенброка в балтийские республики.

Печать об этой поездке не информирована, но надлежащие учреждения об этом знают, хотя более подробной информации у них пока еще нет». (ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, д. 700, л. 61—62).

азно-помещичьи правительства Эстонии, Латвии и Литвы все больше следуют в фарватере политики фашистской Германии, несмотря на протесты народных масс против подобной политики.

Хотя после разгрома Польши гитлеровцы начали переброску своих войск на Западный фронт, против Англии и Франции, потенциальная угроза нападения на Советский Союз через страны северо-западной Европы продолжала существовать. Для предупреждения этой угрозы Советский Союз, опираясь на широкую поддержку народов прибалтийских государств, добился от правительств этих стран согласия на подписание договоров о взаимной помощи.

«После провала англо-франко-советских переговоров в Москве, — вспоминает тогдашний министр иностранных дел Латвии В. Мунтерс, — последние надежды на помощь западных держав в поддержке нашего нейтралитета исчезли. Мы остались одни.

Выбор стал неизбежным. Он был сделан заключением договоров о взаимной помощи, заключенных последовательно Эстонией, Латвией и Литвой с Советским Союзом»⁸.

Соответствующие договоры были подписаны Советским Союзом 28 сентября 1939 г. с Эстонией, 5 октября — с Латвией и 10 октября — с Литвой. Согласно условиям договоров, Советский Союз получил ряд морских и воздушных баз и разместил свои гарнизоны в некоторых пунктах Прибалтики⁹.

При обсуждении вопроса о заключении договора с СССР на совместном заседании комиссии по внешней политике и обороне Государственного собрания и Государственного совета Эстонии 26 сентября 1939 г. отчетливо выявились политические расчеты и тенденции эстонских кругов. «Выбора нет, — заявил на этом заседании президент Пятс. — Будем надеяться, что в дальнейшем Германия не захочет, чтобы мы погибли». В таком же духе выступил эстонский посланник в Москве А. Рей. «Реальным противовесом России, — сказал он, — были бы Польша и Германия, и никто другой. Британским силам сюда не добраться, так как они имеют очень много дел в других

---

⁸ «Известия», 7.IV 1962.

⁹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. I, М., 1960, стр. 253.

местах. Это относится также и к Франции. Германия также нейтрализована пактом с Россией... Если Германию разгромят не до конца, тогда равновесие сохранится»¹⁰.

Сторонникам прогерманской ориентации возражали англофилы, призывавшие в будущем рассчитывать на Англию: «По окончании войны, — утверждал Я. Тыниссон (член Государственного совета), — Англия безусловно скажет свое слово по вопросу о Прибалтике. Россия не хочет конфликта с Англией... Нам надо выиграть время... Договор с Россией сейчас менее опасен, чем дружественные отношения с Германией»¹¹.

На следующем заседании, 2 октября, Тыниссон напомнил, что на протяжении многих лет правительство Эстонии проводило антисоветскую политику: «Все время нам заявляли, что у нас имеется только один фронт, и это — Восточный фронт, против которого мы всегда выступим смело. Это, наверное, не осталось секретом для нашего восточного соседа. Мы все время надеялись на германскую помощь и постоянно ориентировались на нее»¹².

Отсюда ясно, какая опасность для Советского Союза исходила на протяжении ряда лет из Прибалтики. Мог ли Советский Союз безмятежно ожидать, пока Германия прочно утвердится в этом районе? Не кто иной, как эстонский главнокомандующий И. Лайдонер, вынужден был признать: «Балтийское море нужно России»¹³.

Подписание Советским Союзом договоров о взаимной помощи с прибалтийскими государствами было воспринято в Лондоне с плохо скрываемым неудовольствием.

Английское правительство, которое во время переговоров 1939 г. всячески подогревало нежелание буржуазных правительств прибалтийских государств согласиться с предложениями Советского Союза об организации безопасности в районе Прибалтики против возможного германского вторжения, теперь прибегло к новой, правда вынужденной тактике. Бессильное помешать заключению договоров и размещению советских гарнизонов в Прибалтике, английское правительство заняло выжидательную позицию, но в то же время старалось удерживать

---

¹⁰ ЦГАОР ЭССР, ф. 84, оп. 1, д. 1046, лл. 32—39.

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 42.

¹³ Там же, л. 39.

правительства прибалтийских государств от развития более тесных отношений с СССР. Каждое дружественное Советскому Союзу высказывание прибалтийских политических деятелей или органов печати вызывало в Лондоне нервность. Так, эстонский посланник в Лондоне А. Шмидт поручил корреспонденту Эстонского телеграфного агентства (ЕТА) Е. Сарву выяснить, чем вызвано охлаждение англо-эстонских отношений. Сарв ответил следующее: «Английские официальные круги раздражены заявлениями, что Эстония счастливая страна, так как она урегулировала отношения со своим великим соседом, что Эстония считает заключение пакта о взаимной помощи с СССР положительным фактом»¹⁴.

Однако независимо от чувств, которые вызывало среди английских официальных кругов изменение политической ситуации в Прибалтике, не в их силах и возможностях было воспрепятствовать такому изменению. Именно сознание того, что Англия бессильна принять какие-либо действенные меры, заставило английского министра иностранных дел Галифакса сделать в беседе с латвийским посланником Зариньшем 10 октября 1939 г. заявление, смысл которого сводился к следующему: Латвия, подписав в создавшихся условиях договор с СССР, поступила разумно¹⁵. Эстонский посланник в Лондоне следующим образом резюмировал точку зрения Форин оффис: «Официальные круги заявляют, что при данных обстоятельствах Англия не может непосредственно влиять на события в районе Балтийского моря»¹⁶.

Тем не менее английские правящие круги продолжали внимательно следить за развитием советско-прибалтийских отношений. В частности, заместитель министра иностранных дел Батлер, по словам латвийского посланника, «интересовался, как функционирует наш договор с Россией от 5 октября. Я ответил, что мы не можем сделать никаких упреков нашему восточному соседу, ибо все, что предусмотрено договором, аккуратно выполняется. Я высказал сожаление, что часто английская пресса и общественность не понимают ситуации и упрекают нас в заключении договора. Батлер сказал, что на это не

---

¹⁴ ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, д. 700, лл. 183—185.

¹⁵ Там же, л. 149.

¹⁶ ИДА, ф. 38 г, оп. 20, 1939, л. 362.

следует обращать внимания... Ответственные круги понимают положение»¹⁷.

В то же время были и такие английские политики, которые считали, что теперь, после заключения договоров о взаимной помощи между прибалтийскими государствами и Советским Союзом, угроза германского нападения на Прибалтику отведена к выгоде всех тех, кто выступает против гитлеровских планов захвата господства над Европой. Из многочисленных свидетельств мемуарного и иного характера известно, что и среди членов английского кабинета были трезво оценивавшие обстановку министры, которые полагали, что необходимо искать пути к договоренности с СССР. Правда, таких было меньшинство, и позиция их была достаточно непоследовательной. Они, например, как и чемберленовцы, надеялись, что в конечном счете между Германией и СССР возникнет конфликт, который будет на руку Англии. В отдельные моменты они присоединялись к сторонникам нападения на СССР. Но былого единства мнений в английском кабинете уже не было. В одном из донесений латвийский посланник в Лондоне констатирует: «Даунинг-стрит не отбросил мысли достичь соглашения с Россией»¹⁸. Наиболее видным представителем этого направления был морской министр Уинстон Черчилль. Несмотря на свои неизменно антикоммунистические взгляды, Черчилль считал первоочередной задачей английской внешней политики достижение взаимопонимания с Советским Союзом, которое, по его мнению, должно было по мере развития событий привести Англию и Советский Союз в общий антигерманский лагерь. Еще во время англо-франко-советских переговоров летом 1939 г. Уинстон Черчилль высказывал мнение, что безопасность прибалтийских государств представляет жизненный интерес для Советского Союза. Выступая в палате общин 19 мая 1939 г., У. Черчилль говорил: «Возьмем... Литву, Латвию и Эстонию... Для России жизненно важно, чтобы эти государства не попали в руки нацистской Германии»¹⁹.

За месяц до начала советско-финской войны, 27 октября 1939 г., Черчилль писал в записке, адресованной

¹⁷ ИДА, ф. 38 г, оп. 20, 1939, д. 125, л. 23.

¹⁸ Там же, д. 126, л. 88.

¹⁹ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 347, col. 1840.

своим заместителям по морскому министерству: «Мы должны объяснить финнам, что оборона их страны... это жизненный вопрос, но русские базы в Финском и Ботническом заливах не окажут на это влияния (отрицательного, очевидно.— А. Н.)... Закрытие как можно большей части Балтийского моря для Германии в интересах и Великобритании и России. Совершенно естественно, что Россия должна нуждаться в базах для предотвращения германской агрессии в прибалтийских провинциях или против Петрограда. Если указанные выше соображения правильны, то мы должны дать знать русским о нашей точке зрения и в то же время попытаться убедить финнов пойти на уступки»²⁰.

Такая позиция Черчилля имела, конечно, свою подоплеку. Он полагал, что для Англии выгодно не препятствовать созданию Советским Союзом военно-морских баз в этой части Европы, так как они «необходимы исключительно против Германии и в процессе их получения выявится острый антагонизм между русскими и германскими интересами»²¹.

В целом же процитированное выше письмо свидетельствует о реалистическом подходе будущего английского премьера к проблемам, возникшим на северо-западе Европы. Оставаясь убежденным антикоммунистом и продолжая с ненавистью относиться к социалистическому строю, установленному в Советском Союзе, Черчилль, однако, отдавал себе отчет в том, что борьба против германского господства в Европе отвечает общим коренным интересам Англии и Советского Союза.

Черчилль писал в своих мемуарах, что события в Прибалтике осенью 1939 г. заставляли Гитлера держать большое количество военных кораблей в Балтийском море, и это облегчало положение Англии в ее войне против Германии²². Но Черчилль также полагал, что английский военный флот мог бы в случае надобности угрожать в Балтике и Советскому Союзу. В начале сентября 1939 г. по указанию Черчилля штаб военно-морских сил начал разработку детального плана вторжения английского флота в Балтийское море. «Будучи хозяином

²⁰ ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, д. 700, л. 126.

²¹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. I. London, 1949, p. 667.

²² Ibid., p. 363—364.

Балтийского моря, — писал Черчилль, — британский флот может протянуть руку в направлении России так, чтобы оказывать заметное влияние на всю политику и стратегию Советов». Британский морской министр дал название этому плану «Катерина» — «по имени Екатерины Великой, так как фоном моих мыслей была Россия», — замечает он ²³.

В первые месяцы войны английскую политику определяла иная группа — группа Чемберлена, который, как известно, мечтал о превращении войны против Германии в войну против СССР. Правительство Чемберлена не могло помешать возникновению новой ситуации в Прибалтике. Однако оно не отказалось от антисоветских происков в этом районе. Разными путями Англия давала понять буржуазным деятелям Прибалтики, что весьма желательно установление тесных взаимных связей между прибалтийскими государствами и между ними и скандинавскими государствами. Дипломатическим представителям Эстонии, Латвии и Литвы в Лондоне объясняли, что было бы очень важно, «чтобы прибалтийские государства имели более тесный взаимный контакт, а особенно Эстония с Финляндией. Здесь приветствовали бы, — сообщал эстонский посланник в Таллин, — распространение этих контактов через Балтийское море на Швецию» ²⁴.

То было время, когда Советский Союз вел переговоры с Финляндией об обеспечении безопасности Ленинграда.

Отрицательное влияние на позицию финского правительства оказывала, как о том свидетельствуют многочисленные общеизвестные факты, Англия. В эстонских архивах мы нашли еще одно подтверждение тому. Эстонский посол в Лондоне в донесении от 16 октября 1939 г., т. е. за полтора месяца до возникновения советско-финляндского конфликта сообщал своему министерству иностранных дел, что в политических кругах Лондона идут разговоры о том, что если начнутся военные действия между СССР и Финляндией, то по всей вероятности английский флот будет направлен в Балтийское море ²⁵. А ведь в это время отношения между СССР и Финляндией были еще нормальными.

²³ W. S. Churchill. Op. cit., p. 307—323.

²⁴ ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, д. 700, л. 126.

²⁵ Там же, л. 172.

Естественно, что такие вести из Англии ободряли эстонскую реакцию, побуждали ее к антисоветским интригам. В декабре 1939 г. Шмидт опять сообщал о вероятности вторжения английского военного флота в Балтийское море и советовал эстонскому правительству «учесть эту возможность»²⁶.

Если внимательно проследить действия реакционных правительств Прибалтики, то можно заметить, что ряд их антисоветских планов был тесно связан с антисоветскими происками английских империалистов. Под их влиянием в середине октября 1939 г. между Латвией, Эстонией и Литвой начались секретные переговоры о военном сотрудничестве. 16 октября начальник штаба вооруженных сил Латвии генерал Розенштейн предложил эстонскому военному представителю в Риге подполковнику Моллину начать переговоры о латвийско-эстонском военном сотрудничестве²⁷. В начале ноября 1939 г. латвийский посланник в Лондоне, снова и не в первый раз, повел разговор с начальником отдела северных стран Кольером о поставках заказанного Латвией и обещанного Англией оружия²⁸. 20 ноября 1939 г. Розенштейн прибыл в Таллин, где начал переговоры с главнокомандующим эстонскими вооруженными силами Лайдонером и начальником штаба Яаксоном.

В первых числах декабря 1939 г. собралась X конференция министров иностранных дел Эстонии, Латвии и Литвы. На ней обсуждался вопрос о тесном сотрудничестве между тремя прибалтийскими государствами. Министр иностранных дел Латвии Мунтерс подчеркнул необходимость соблюдения секретности: «Требуются абсолютное взаимное доверие и абсолютная взаимная тайна. Они (переговоры.— А. Н.) не должны выйти за пределы наших трех стран. Это очень важно, иначе взаимно испортим все»²⁹. Хотя на конференции и делался упор на торговые отношения, но в свете визита Розенштейна и некоторых других фактов³⁰ ясно, что разговоры о взаимной

²⁶ Там же, л. 161.

²⁷ ЦГАОР ЭССР, ф. 495, оп. 2, 2 отдел, 1939, д. 132, л. 46.

²⁸ ИДА, ф. 38 г, оп. 20, 1939, д. 126, л. 75.

²⁹ ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, д. 773, лл. 19—20.

³⁰ М. Пести сообщает в своей книге следующее: «Сразу после того, как стало известно о предложении Советского правительства (подписать пакт о взаимной помощи.— А. Н.), Лайдонер послал своего доверенного Р. Маазинга, который был в тесной связи с гит-

торговле были дымовой завесой, за которой скрывались более опасные для Советского Союза планы. В январе 1940 г. в Латвию приехал Яксон. В феврале 1940 г. командующий латышской армией генерал К. Беркис и заместитель военного министра Литвы генерал Реклайтис посетили Эстонию. В то же время Эстония назначила в Литву своего военного атташе. В феврале 1940 г. по заданию Британского совета профессор Р. Вильямс-Томпсон читал лекции в Таллине и Тарту. По возвращении в Лондон Вильямс-Томпсон беседовал с эстонским посланником. Последний сообщил в Таллин, что Вильямс-Томпсон считает «недостаточным сотрудничество между тремя прибалтийскими государствами и выразил надежду, что в будущем это сотрудничество будет развиваться и углубляться»³¹.

Сразу после этого официоз эстонского правительства газета «Пяэвалехт» писала: «Возникает вопрос, не следует ли теперь приступить к дополнению договора о сотрудничестве прибалтийских государств статьями о военной помощи с тем, чтобы зафиксировать уже сложившееся положение». В марте 1940 г. на XI конференции министров иностранных дел прибалтийских государств уже обсуждался вопрос об объединении Литвы, Латвии и Эстонии в единую «Балтийскую конфедерацию».

«Углубление» сотрудничества происходило уже во время советско-финской войны, когда эмиссары финского правительства были направлены в Прибалтику, чтобы склонить эти государства к оказанию Финляндии военной и иной помощи. В Эстонию, в частности, прибыл личный представитель министра иностранных дел Финляндии В.Таннера проф. Л. Кеттунен. Он объяснял эстонским ответственным лицам, что нужно разрешить эстонским летчикам поехать добровольцами в Финляндию. Просьба аргументировалась следующим образом: «В Финляндии большая нехватка летчиков, в случае надобности (!) те же летчики могли бы на финских самолетах лететь в

леровцами, в Германию с задачей убедительно просить помощи у штаба германских войск для войны против Советского Союза. Маазинг был принят в Кенигсберге представителем германского генштаба — гитлеровским генералом, который отказал Маазингу в его просьбе» (M. P e s t i. Rahvuslik reetmine «rahvusluse» sildiall, S. 173).

³¹ ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, д. 700, л. 239.

Эстонию и содействовать там операциям сухопутных войск (!)»³².

Намеки Кеттунена были достаточно прозрачны — он подразумевал возможность войны против Советского Союза. Вспомним, что визит Кеттунена происходил в то самое время, когда Англия и Франция готовили экспедиционные силы для отправки в Финляндию.

Планы, с которыми Кеттунен приехал в Эстонию, заключались, по его собственному заявлению, в том, чтобы постараться «образовать финно-эстонский союз, если не федерацию; поставить вопрос о Латвии и Литве. Старые ошибки не должны повторяться. Надежда Финляндии на победу абсолютно зависит от помощи извне»³³. Предложения Кеттунена, таким образом, обнаруживали удивительное сходство с английскими «советами»³⁴.

Учитывая, что у прибалтийских государств был договор о взаимопомощи с Советским Союзом, а у Советского Союза — пакт о ненападении с Германией, Англии было трудно рассчитывать на создание балтийско-скандинавского блока. Но тем не менее, такие планы в определенный момент, как мы видели, существовали.

21 января 1940 г. эстонский посланник в Хельсинки сообщал, что он вел переговоры с финским правительством о вступлении Эстонии в антисоветскую войну, точнее — речь шла о начале военных действий. В это же время начались антисоветские провокации в Эстонии и усилилась антисоветская деятельность в Латвии.

М. Пести в своей книге правильно отмечает, что все эти факты необходимо рассматривать в свете военно-стратегических планов Англии и ее союзников.

Политика английского правительства объективно толкала Англию на путь конфликтов с Советским Союзом, в то время, когда она уже имела перед собою такого опасного врага, как Германия.

Обратимся к отношениям Англии со скандинавскими государствами и Финляндией.

---

³² «Aasta Sotsialistlik Revolutsioon Eestis. Dokumente ja materjale». Tallin, 1960, S. 94.

³³ Ibidem.

³⁴ Из мемуаров самого Таннера хорошо известно о его частых встречах с английскими представителями, во время которых предпрешались многие вопросы внешней политики Финляндии.

В первые месяцы войны политика Англии в Скандинавии определялась прежде всего стремлением ограничить ее торговлю с врагом и по возможности уменьшить выгоды, которые извлекала Германия из нейтралитета скандинавских государств.

Абсурдно, однако, было бы предполагать, что Англия (а с нею и Франция) не помышляли о вовлечении скандинавских государств в войну. Напомним, что снабжение Германии железной рудой проходило через две скандинавские страны — Швецию и Норвегию. Истина заключается в том, что обе воюющие стороны готовились к использованию территорий скандинавских государств в своих интересах. Но одна из них — германская — опередила своих противников.

Следует, однако, помнить о том, что, хотя и Англия и Германия разрабатывали планы использования в своих военных целях скандинавской территории, готовясь нарушить нейтралитет скандинавских государств, народам этих стран было вовсе не безразлично, кто вступит на их территорию. Фашистская Германия с ее планами безраздельного господства в Европе представляла смертельную опасность для всех народов без исключения, даже для тех, кого официальная фашистская пропаганда причисляла к «арийской расе» и называла «нордическими братьями». Впрочем совершенно естественно, что скандинавские государства стремились остаться вне войны. Не всем это удалось. Только Швеция сохранила свой нейтралитет. Но это произошло лишь потому, что Советский Союз мог сказать решающее слово в защиту независимости Швеции ³⁵.

Скандинавские проекты разрабатывались в Англии еще до начала второй мировой войны.

Свидетельство тому мы находим прежде всего в официальной английской истории второй мировой войны. Тот, кто внимательно изучал книгу Р. Батлера «Большая стратегия», легко убедится в справедливости нашего утверждения. Исходными точками для понимания английской стратегии и политики в отношении скандинав-

---

³⁵ В день вторжения германских войск в Данию и Норвегию, 9 апреля 1940 г., германский посол в Москве фон Шуленбург был предупрежден, что Советский Союз заинтересован в сохранении шведского нейтралитета. Подробно см. «Международная жизнь», 1959, № 9.

ских государств является не только 19 сентября 1939 г и затем 27 декабря того же года. Не менее важна и другая дата — 26 августа 1939 г., когда по предложению министра иностранных дел Галифакса комитет начальников штабов обсудил вопрос о возможности прекращения доставки железной руды в Германию вмешательством Норвегии, и последствия, которые этот шаг должен был повлечь за собою. В результате этого обсуждения английское правительство обратилось к норвежскому с посланием, в котором заявляло, что если бы Норвегия предприняла такой шаг и Германия в ответ начала военные действия против нее, то Англия пришла бы ей на помощь. Послание было отослано в Осло, несмотря на то, что начальники штабов поставили в известность английское правительство, что практически Англия не могла бы оказать Норвегии помощь с воздуха. Было решено, что норвежское правительство не следует об этом уведомлять, если оно само не подымет этого вопроса (!). Норвегия не дала никакого ответа: норвежское правительство не желало вести военные переговоры не только потому, что не верило в реальность обещаний Англии³⁶. Тогда же, 26 августа, начальники штабов высказали мнение, что помощь Норвегии будет осуществляться военно-морскими силами. При этом военные штабы исходили из ошибочного предположения, что превосходство Англии в военно-морских силах над Германией удержит последнюю от проведения десантных операций в Норвегии³⁷. При всех оговорках важно подчеркнуть, что и английское правительство и военные штабы считались уже тогда с возможностью превращения Скандинавии в объект военных операций. Но, поскольку стратегия союзников на первом этапе войны отдавала предпочтение мерам экономической блокады, то и разработка скандинавских планов пошла в этом направлении. Так продолжалось до того момента, пока новые обстоятельства не поставили этот вопрос в иной плоскости.

---

³⁶ Л. Эмери пишет: «Маленькие нейтралы извлекли очевидный урок в отношении ценности гарантий союзников. Позднее, когда шведы выясняли, постигнет ли немцев возмездие с нашей стороны, если они будут бомбить шведские города в качестве репрессий за то, что Швеция использует свой нейтралитет в нашу пользу, они не могли получить ответа» (L. A m e r y. Op. cit., vol. III, p. 333).

³⁷ J. R. M. B u t l e r. Op. cit., p. 93.

Итак, за неделю до начала войны начальники штабов по предложению Галифакса рассматривают возможность военных операций в Скандинавии. 19 сентября 1939 г. Черчилль предлагает минировать норвежские территориальные воды для того, чтобы заставить суда, груженные шведской рудой, выходить в открытое море, где они могли быть перехвачены английскими военными судами. Но решение откладывается. 29 сентября Черчилль вновь возбуждает этот вопрос, но он снова отложен ³⁸.

В конце ноября военный кабинет признал целесообразным начать подготовку к установке мин в норвежских территориальных водах.

С началом советско-финской войны планы использования Скандинавии принимают уже иной характер и направление. Можно смело сказать, что теперь скандинавский проект, тесно связанный с антисоветскими планами, получает приоритет по отношению ко всем другим планам и проектам.

«...Проектируемая в Финляндию экспедиция, — пишет Батлер, — представляет исключительный интерес: это был первый значительный план того времени, так как многие недели он занимал существенную часть внимания кабинета и его советников» ³⁹.

Естественно, что на передний план скандинавской политики Англии выдвигались англо-шведские отношения. Ведь от Швеции зависело снабжение Германии железной рудой и в немалой степени и осуществление антисоветских планов. Посмотрим, какова была позиция Швеции.

С тех пор, как в 1814 г. бывший наполеоновский маршал Бернадотт, основавший под именем Карла XIV новую династию, нанес поражение Норвегии, Швеция не знала войн. В 1912 году уже ставшее традиционным неучастие в войнах было торжественно подтверждено декларацией о нейтралитете, которая действует и поныне.

Первая мировая война, обескровившая многие государства и принесящая разруху и кризис в Европу, обогатила Швецию. Шведские монополии извлекли колоссальную выгоду из торговли с обеими воюющими сторонами. Неучастие в войнах, интенсивные торговые связи умножили капиталы шведской буржуазии. Часть накоп-

---

³⁸ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 547.

³⁹ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 108.

ленных богатств была потрачена на проведение назревших социальных реформ, что помогло удержать значительную часть рабочего класса Швеции в русле реформизма. Начиная с 1932 г., шведское правительство почти непрерывно возглавлял П. А. Хансон, один из правых лидеров шведской социал-демократии. В 1936 г. Хансон стал премьером в правительстве социал-демократов и аграриев. В ноябре 1939 г., в условиях уже начавшейся второй мировой войны, Хансон сформировал коалиционное правительство буржуазных партий.

Накануне второй мировой войны Швеция, не отказываясь от политики строгого нейтралитета, в то же время пыталась сколотить военный блок скандинавских государств. Однако этот план оказался мертворожденным из-за сопротивления Дании, которая, опасаясь навлечь гнев германского соседа, отклонила шведское предложение. В начале 1938 г. Швеция официально заявила, что не будет считать для себя обязательными решения Лиги Наций о применении санкций к государству, признанному Лигой агрессором. В то же время Швеция выступила и против советского плана создания системы коллективной безопасности в Европе.

1 и 3 сентября Швеция заявила о своем нейтралитете в начавшейся второй мировой войне.

Теперь внешнюю политику шведского правительства отличали три основных момента: стремление сохранить нейтралитет путем поддержания равновесия в отношениях с Англией и Германией, укрепление связей с другими скандинавскими государствами и с Финляндией, развитие отношений с Советским Союзом. В то же время была принята широкая программа оборонительных мероприятий на случай возможных неожиданностей.

Шведское правительство, официально и неофициально, участвовало в различного рода посреднических действиях между воюющими державами. Блокада, осуществляемая с одной стороны Англией, а с другой Германией, наносила значительный ущерб шведским интересам. Шведские суда подвергались в открытом море нападению «неизвестных» (т. е. германских) подводных лодок. Несколько шведских судов было потоплено. По мере развертывания военных действий на море потери шведского торгового флота возрастали. К февралю 1940 г. они составили 22 тыс. т, к сентябрю того же года — 63 тыс. т и к июню

1941 г. — 400 тыс. т⁴⁰. В этих условиях шведское правительство довольно искусно лавировало между англо-французским давлением и германскими угрозами.

Как пишет профессор Меддикотт, преимущества в смысле оказания экономического давления на Швецию были на стороне Англии, которая могла контролировать снабжение Швеции такими остродефицитными для нее товарами, как сырье для текстильной промышленности, промышленными маслами, колониальными товарами. Помимо того, от торговых отношений с Англией (и Францией) зависело в большой степени и состояние шведского платежного баланса⁴¹.

Учитывая возможность давления на Швецию со стороны воюющих государств, шведское правительство заранее приняло меры, чтобы ослабить его. Главными из этих мер было создание значительных запасов необходимого сырья и продовольствия⁴².

В начале сентября 1939 г. начались англо-шведские переговоры о заключении торгового соглашения на время войны. Подчеркивая, что Швеция с сочувствием относится к союзникам, шведское правительство в ноте, адресованной английскому правительству, заявляло, что оно «не желает извлекать выгоду, как Швеция это делала во время прошлой войны». Но с другой стороны, шведское правительство указывало, что прекращение поставок в Германию железной руды привело бы к нападению Германии на Швецию.

Англо-шведские переговоры протекали в обстановке строгой секретности. В то же самое время в Стокгольме появился уполномоченный германского правительства Ульрих фон Хассель для ведения германо-шведских переговоров. В этих условиях шведское правительство заявило о своем намерении сохранить нормальное, пропор-

---

⁴⁰ «The War and the Neutrals», p. 177.

⁴¹ Напомним, что еще в 1937 г. Англия начала переговоры со Швецией относительно ограничения поставок железной руды в Германию. Несмотря на то, что Швеция проявила к английскому предложению большой интерес, Англия вскоре переговоры прекратила. Объяснение следует, очевидно, искать в том, что английское правительство взяло в то время курс на «умиротворение» германского агрессора и сговор с ним. Шведская железная руда должна была служить сырьем для войны Германии, но не против Англии, а против Советского Союза.

⁴² W. N. Medlicott. The Economic Blockade, vol. I. London, 1952, p. 142—143.

циональное соотношение в торговле с Англией и Германией.

Но не только географическое положение заставляло шведское правительство соблюдать крайнюю осторожность. В первые месяцы войны вера в силу Англии и в ее готовность прийти на помощь была сильно поколеблена. К этому следует добавить, что в результате прекращения регулярных связей с Англией, невозможности использования кредитов и получения платежей по ним, снижалась ценность экономических отношений с Англией. Тем не менее сходство политических взглядов, государственного строя и традиций играли немалую роль в позиции Швеции. Переговоры закончились подписанием 7 декабря 1939 г. торгового соглашения и 28 декабря платежного соглашения и соглашения о судоходстве⁴³. Важнейший результат англо-шведских переговоров в сентябре — декабре 1939 г. заключался, однако, не в подписанных соглашениях, а в устном обещании шведской стороны создавать всякого рода технические препятствия в снабжении Германии железной рудой⁴⁴.

Кроме того, было заключено и другое устное соглашение: суда, груженные железной рудой, должны были проходить из Нарвика через норвежские территориальные воды в Атлантику, где английским военным кораблям представлялась возможность перехватывать их⁴⁵.

Аналогичные переговоры вела Англия с Норвегией и Данией. Переговоры с Норвегией начались 5 сентября 1939 г. и продолжались более полугода. Торговое соглашение было подписано 11 марта 1940 г., менее чем за месяц до захвата Норвегии. Затыжка переговоров была вызвана опасениями норвежского правительства, что Норвегия может подвергнуться нападению Германии, если англо-норвежское соглашение будет наносить последней явный ущерб. Переговоры с Данией продолжались, подобно норвежским, также более полугода. Соглашение было подписано 12 марта. Оба эти соглашения не были реализованы.

Такова была экономическая сторона отношений Англии со скандинавскими странами в начале второй

---

⁴³ W. N. Medlicott. *Op. cit.*, p. 145.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 152.

⁴⁵ G. Häglöff. *Op. cit.*, p. 157.

мировой войны. Естественно, что на внешнеторговую политику решающее влияние оказывала общая политическая и стратегическая ситуация.

Для Дании — маленькой страны с четырехмиллионным населением — в условиях «странной войны» положение складывалось почти отчаянное.

На протяжении долгих лет своей истории Дания была тесно связана с Англией и Германией, являясь постоянным поставщиком продовольствия в эти страны.

С 1929 г. у власти в Дании находилось коалиционное правительство социал-демократов и радикалов во главе с лидером социал-демократов Стаунингом. Пост министра иностранных дел в этом правительстве занимал радикал Петер Мунк, убежденный сторонник политики непротivления агрессорам. В начале тридцатых годов среди зажиточной части сельского населения страны, пострадавшего от кризиса, распространились профашистские настроения, шедшие из Германии. Носителями их были главным образом немцы, проживавшие в провинции Северный Шлезвиг, которая неоднократно была объектом агрессивных устремлений Германии. Здесь фашисты всячески подогревали сепаратистские настроения, выступая с требованиями присоединения Северного Шлезвига к райху. В остальной части Дании выступления датских фашистов во главе с их лидером, ветеринарным хирургом Фрицем Клаузенем, не только не нашли поддержки, но и способствовали консолидации антифашистских сил. В первых рядах антифашистов выступала Коммунистическая партия Дании. В июне 1938 г. коммунисты потребовали от правительства принять срочные меры для организации обороны страны. Но только в январе 1939 г. датские социал-демократы отказались от своей политики непротivления агрессии, и правительство приняло решение об усилении обороны. Однако и времени и возможностей для этого было мало. Всей своей предвоенной политикой правящие круги Дании способствовали созданию в стране психологии обреченности в случае мирового конфликта.

С середины 30-х годов Дания все больше отходит от активного участия в вопросах международной политики. Поворотным пунктом было заключение в июне 1935 г. англо-германского морского соглашения, в результате которого германский военно-морской флот становился фактическим хозяином в западной части Балтики. Дания,

имевшая сухопутную границу с Германией и лишенная естественных оборонительных рубежей, была открыта для германских армий. Вопрос о Северном Шлезвиге продолжал, подобно Дамоклову мечу, висеть над страной. В значительной мере под влиянием этих обстоятельств датское правительство повело политику, противоречившую ее национальным интересам. Широко распространенное на Западе заблуждение, будто германские агрессивные планы направлены исключительно против Советского Союза, разделялось и некоторыми датскими политическими деятелями. Дания начала выступать против коллективных мероприятий ряда государств, имевших целью обуздание фашистских агрессоров, в надежде, что таким путем ей удастся уберечь свою независимость. Однако безопасность Дании могла быть обеспечена только в рамках системы коллективной безопасности.

Подобно другим малым государствам, Дания имела достаточно оснований полагать, что в случае нападения Германии ни Англия, ни Франция не окажут ей поддержки. Английский министр Иден сделал в этом духе заявление премьеру Стаунингу и министру иностранных дел Мунку. Мысль о бесперспективности сопротивления фашистскому агрессору встретила сочувственный отклик датских политических кругов. В марте 1937 г. Дания отвергла предложение Швеции о заключении пакта взаимной помощи северных стран, заявляя, что ей никто не угрожает. В августе 1939 г., а затем 1 и 3 сентября 1939 г. Дания объявила о своем нейтралитете и по-прежнему не принимала реальных мер защиты. Первые месяцы войны Дания вела торговлю с воюющими державами, стараясь сохранять в своей внешней торговле доли участия Англии и Германии на довоенном уровне. В то же время Дания вместе с другими государствами «группы Осло» выступила против мероприятий, объявленных Англией для блокады Германии, в частности против решения о захвате всех товаров германского происхождения. Германское влияние постепенно усиливалось. В правительстве укреплялись пораженческие настроения, особенно после заявления английского морского министра У. Черчилля скандинавским журналистам, что в случае германского нападения на Данию союзники не смогут оказать ей помощь ⁴⁶.

⁴⁶ John Danstrup. A History of Denmark. Copenhagen, 1947, p. 167.

Вместо того чтобы пресечь враждебную подрывную деятельность датских нацистов, правящие круги Дании развязали антикоммунистическую кампанию, отстранили коммунистов от занимаемых ими в профсоюзах постов и тем самым нанесли значительный ущерб делу национального сплочения перед лицом угрозы германского вторжения.

Между тем в октябре 1939 г. германский генеральный штаб занялся разработкой операции по захвату Норвегии и Дании. В начале января из Германии начали поступать в Копенгаген тревожные сведения. 19 января 1940 г. риксдаг принял резолюцию, в которой говорилось, что Дания окажет сопротивление любому захватчику, кем бы он ни был. Это решение осталось, однако, на бумаге.

Несколько иначе обстояло дело в Норвегии. Ко времени событий, о которых идет речь в этой книге, исполнилось 35 лет со дня провозглашения независимости Норвегии и 120 лет ее неучастия в войнах.

Приход гитлеровцев к власти в Германии был встречен норвежскими правящими классами со смешанным чувством одобрения и беспокойства. Прежде всего они видели в германских фашистах защиту от социальных потрясений. Особенно большое воздействие оказывали на правящие круги Норвегии заявления гитлеровских главарей, что Германия станет крепостью западного мира против большевизма.

Но, когда в 1933 г. офицер норвежской армии майор Квислинг создал фашистскую организацию «Национальное единение», буржуазия не оказала норвежским фашистам значительной поддержки. «Крайности нацизма», как называли на Западе разгул фашистского террора в Германии, несколько смущали и беспокоили норвежскую буржуазию. Квислинговцам не удалось завоевать влияние среди норвежцев. На выборах в стортинг они получили одно место. Не получив поддержки внутри страны, норвежские фашисты превратились в агентуру германских фашистов. Лидеры норвежских нацистов Квислинг и Хагелин часто приезжали в Берлин, поддерживали тесную связь с одним из ближайших подручных Гитлера Альфредом Розенбергом, получали денежные субсидии.

В 1935 г. к власти вновь пришла норвежская «рабочая партия» (впервые она была у власти в 1928 году). Норвежская буржуазия вскоре убедилась, что «рабочая партия» приняла на себя задачу охраны интересов господ-

ствующих классов. Это случилось как раз в тот момент, когда гитлеровская Германия порвала Версальский договор и заявила о введении всеобщей воинской повинности. Правительство Нюгорсволда объявило, что будет придерживаться, подобно правительствам других скандинавских государств, нейтралитета. На деле норвежский нейтралитет означал одновременно и отказ от активного участия в международных делах — наивная и опасная надежда уберечь себя, закрывая глаза на то, что происходит в мире. Правительство Нюгорсволда старалось проводить политику балансирования, не примыкая ни к одной группировке. Так же, как и другие страны «группы Осло», Норвегия во время итало-эфиопской войны объявила о своем неучастии в санкциях против Италии. На основании декларации Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии и Швеции об установлении одинаковых законов о нейтралитете, Норвегия приняла соответствующий закон ⁴⁷. Накануне войны Норвегия отвергла предложение Германии заключить договор о ненападении, заявив, что Германия ей не угрожает ⁴⁸. В первые же дни мировой войны Норвегия объявила о своем нейтралитете.

Хотя опасность нападения Германии была явной, правительство, как доказало официальное расследование, произведенное стортингом после войны, не приняло необходимых мер безопасности, и страна оказалась неподготовленной в военном отношении.

Англия и Германия объявили о своем намерении уважать нейтралитет Норвегии; на деле Англия, а еще в большей степени Германия, нарушали норвежский нейтралитет. Нарушения норвежских территориальных вод, потопление норвежских судов немецкими подводными лодками, ограничения торговли были частыми явлениями. Фашисты потопили в период «странной войны» 54 норвежских судна общим водоизмещением 120 тыс. т. При этом погибло 600 норвежских граждан ⁴⁹.

Руководитель норвежских нацистов Квислинг давно готовил план установления фашистского режима в Норвегии. Однако ни сил норвежских фашистов, ни средств, которыми они располагали, недостаточно было

---

⁴⁷ «Norway and the War», N 17, p. 22.

⁴⁸ Ibid., N 4, p. 26.

⁴⁹ A m e n d a J o h n s o n. Norway. Her Invasion and Occupation. USA, 1948, p. 2.

для претворения замыслов Квислинга в жизнь. Квислингу удалось заинтересовать своим планом Розенберга.

У германского военного командования был собственный план захвата Норвегии, который стали готовить еще в октябре 1939 г. Квислинга было решено держать «в резерве». Во второй половине января германский агент Шейдт передал ему до 100 тыс. марок ⁵⁰.

Таково было положение Скандинавии, когда над северо-западной границей СССР сгустились тучи войны. На протяжении полутора лет (с апреля 1938 г.) Советский Союз настойчиво добивался соглашения с Финляндией, которое обеспечило бы безопасность северо-западных границ и Ленинграда, расположенного всего в 32 км от границы ⁵¹. Империалистические государства подстрекали финское правительство не идти на соглашение с СССР.

Конфликт все больше обострялся, пока не привел в конце концов к войне между СССР и Финляндией, которая началась 30 ноября 1939 г.

Империалистические круги Запада развязали бешеную антисоветскую кампанию, стремясь подготовить общественное мнение к вооруженному вмешательству Англии и Франции в советско-финский конфликт. С этой целью в декабре 1939 г. были спешно созданы Совет и Ассамблея Лиги Наций. Идя на поводу англо-французской и американской политики, Лига Наций исключила Советский Союз из состава Лиги. Одна из целей этой кампании заключалась в том, чтобы отвлечь внимание общественного мнения от бездеятельности союзников на

---

⁵⁰ DGFP, vol. VIII, N 626, p. 797. Меморандум чиновника внешнеполитического отдела, Берлин, 21 февраля 1940 г.

⁵¹ Подробно см. «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945», т. I, М., 1960, стр. 260—261.

Не лишена интереса точка зрения У. Черчилля на возможности использования Германией Прибалтики и Финляндии для передвижения своих войск в случае войны против СССР. «Один путь, — писал Черчилль, — вел из Восточной Пруссии через прибалтийские государства; другой пересекал воды Финского залива; третий путь проходил через Финляндию и через Карельский полуостров к пункту, откуда финская граница находилась всего в двадцати милях от предместий Ленинграда. Советский Союз не забыл опасностей, с которыми Ленинград столкнулся в 1919 г. Даже белогвардейское правительство Колчака информировало Парижскую мирную конференцию, что базы в балтийских государствах и в Финляндии создают необходимую защиту для русской столицы». (W. S. Churchill. Op. cit., vol. I, p. 484).

западном фронте и прикрыть их нежелание вести настоящую войну против гитлеровской Германии. В то же время, под видом оказания помощи Финляндии, англо-французские союзники принялись за спешную разработку антисоветских планов и перенесения главного театра военных действий с запада на север.

Одновременно обсуждался вопрос о нападении на СССР с юга⁵². Этот план предусматривал нападение на СССР со стороны Кавказа — бомбежку бакинского нефтяного района и батумских нефтеперерабатывающих заводов, — и со стороны Черного моря, путем посылки туда англо-французских военно-морских сил. Турция должна была разрешить англо-французской военной авиации базироваться на ее территории и, кроме того, открыть проливы для военных кораблей союзников. Это нападение на СССР планировалось якобы для того, чтобы заставить Советский Союз прекратить продажу Германии нефтепродуктов, т. е. принудить Советский Союз действовать согласно желанию Лондона и Парижа, а не исходя из его собственной политики, из интересов нейтрального государства, осуществляющего торговлю в соответствии с нормами международного права. Лицемерие англо-французской аргументации вполне очевидно. Известно, что английские, французские и американские фирмы, добывавшие румынскую нефть, снабжали Германию нефтепродуктами. А ведь Англия и Франция находились в состоянии войны с Германией.

Антисоветская пропагандистская кампания приняла на Западе такие размеры, что трудно было понять, против кого же воюют Англия и Франция, против Германии или против СССР.

«Естественно, что война это та тема, которая больше всего занимает Англию. Ведутся две войны: одна — северная, между Финляндией и СССР, а вторая та, в которой Англия сама участвует. Если сравнивать, к которой из них относятся с большим вниманием, то надо признать, что о северной войне пишут значительно подробнее», — замечал латвийский посланник в Лондоне. Далее он продолжал: «На Западном фронте царит покой, который иногда прерывается драматическими боями на море и в воздухе. Однако это можно рассматривать как

---

⁵² Подробнее см. главу 4-ю.

исключение, которое еще больше подчеркивает общее за-
тишье на Западном фронте. Возникает вопрос, почему
судьба Финляндии так сильно занимает английских на-
блюдателей»⁵³.

По мнению чемберленовцев, советско-финский кон-
фликт открывал единственную в своем роде возможность
изменить характер и направление войны. Некоторые из
них, очевидно, надеялись использовать конфликт и до-
вести дело до негласного союза с Германией против СССР.
Эти планы прикрывались демагогическими разглагольст-
вованиями об оказании помощи «маленькой Финляндии»
в соответствии с решением Лиги Наций⁵⁴. Чемберлен
колебался лишь в одном вопросе: каким образом лучше
всего осуществить вмешательство, собственными ли си-
лами или силами скандинавских государств — Швеции
и Норвегии.

Решение, принятое Лигой Наций об исключении
СССР из состава Лиги, хотя всячески приветствовалось
реакционной печатью, было встречено широкой общест-
венностью и некоторыми официальными лицами с чув-
ством тревоги. Они отдавали себе отчет, что на полити-
ческом горизонте появилась зловеющая опасность вовле-
чения Англии и Франции в пагубную для них войну с
Советским Союзом. В английском правительстве ряд ми-
нистров был настроен весьма скептически. Дипломат ней-
тральной страны следующим образом суммировал впе-
чатления тех дней: «Западный фронт в настоящее время
уже не находится в центре внимания английского общест-
венного мнения; главный интерес концентрируется во-
круг Финляндии. При чтении лондонской прессы созда-
ется впечатление, что англичане решили активно помо-
гать финнам. Однако в разговорах с политиками и в пра-

---

⁵³ ИДА, ф. 38 г, оп. 20, 1939, д. 126, л. 5. Зариньш — мини-
стерству иностранных дел. Лондон, 21 декабря 1939 г.

⁵⁴ Поспешность, с которой принимались решения Чемберлена оказы-
вало помощь Финляндии, дала повод лидеру лейбористов Эттли
заявить в палате общин, что быстрота, с которой было принято реше-
ние об исключении СССР Лигой Наций, резко контрастирует с мед-
лительностью, с которой принимались решения по другим вопро-
сам. Если бы такая же активность была проявлена английским пра-
вительством и другими членами Лиги Наций по отношению к ак-
там агрессии в предвоенные годы, то, закончил Эттли, «мы не были
бы сегодня в состоянии войны» («Parliamentary Debates. House of
Commons», vol. 355, col. 1345—1346).

вительственных кругах это впечатление не подтверждается. Там господствуют гораздо более сдержанные настроения».

Он уточняет свою мысль в следующих выражениях: «Недавно я разговаривал с двумя министрами правительства: министром экономической войны Рональдом Кроссом и руководителем министерства заморской торговли Робертом Хадсоном. Ни один из них не высказал желаний активного вмешательства в дела Финляндии. Их симпатии на сто процентов на стороне Финляндии, но они не хотят говорить о помощи потому, что англичане не желают вступать в конфликт с Россией... Никто не хочет верить, что в конце концов русские могут проиграть войну»⁵⁵.

Анализ состояния общественного мнения в Англии в то время показывает, что в политических кругах курс Чемберлена на вовлечение Англии в войну против Советского Союза пользовался поддержкой лишь со стороны его старых друзей и советников и встречал то открытую, то молчаливую оппозицию даже со стороны его коллег по правительству, тем более по партии. Недовольство политикой правительства было довольно четко выражено одной из крупнейших консервативных газет, которая, указывая, что в Англию уже прибыли канадские войска, иронически спрашивала, не следует ли ввезти в Англию также и канадских политических деятелей, которые помогли бы в руководстве английской политикой⁵⁶.

Опасения, что Англия может быть вовлечена в опасную авантюристическую политику, имели под собой солидную почву. Ведь еще до начала конфликта между СССР и Финляндией, в то время когда еще шли советско-финские переговоры, из Англии было отправлено в Финляндию оружие, которое было первоначально предназначено другим государствам⁵⁷.

⁵⁵ ИДА, ф. 38 г, оп. 20, 1939, д. 126, л. 12.

⁵⁶ Там же, л. 3.

⁵⁷ 9 ноября 1939 г., т. е. за три недели до начала советско-финской войны, глава отдела северных стран Кольер говорил латвийскому посланнику, что многие государства ожидают от Англии обещанных поставок вооружения, например, Турция, Иран, Египет. «Ждут с раскрытым ртом, чтобы поглотить все, что мы можем им дать». Но военные материалы были отправлены только в Финляндию (ИДА, ф. 38 г, оп. 20, 1939, д. 126, л. 75—76. Зариньш — МИДУ. Лондон, 9 ноября 1939 г.).

Принимая решение об оказании «помощи» Финляндии, английское правительство втайне рассчитывало, что в ходе конфликта советско-германские отношения серьезно обострятся⁵⁸. На практике, однако, это решение могло привести прежде всего к обострению англо-советских отношений, с самыми тяжелыми для Англии последствиями, вплоть до вовлечения ее в вооруженный конфликт с СССР.

Позднее были сделаны попытки найти объяснение этой, противоречащей национальным интересам Англии политике в том, что английский кабинет плохо разбирался в реальной обстановке⁵⁹. Может быть это и так. Но от этого объяснения английская политика мало что выигрывает. Есть, однако, и другие объяснения.

⁵⁸ Лорд Темплвуд (Сэмюэль Хор) пишет в своих мемуарах: «Могли ли мы не использовать возможности вбить клин между Гитлером и Сталиным путем поддержки финнов, к которым, как было известно, некоторые германские генералы и адмирал Редер относились с симпатией? Под влиянием этих соображений создано было совещание с французами, причем было достигнуто соглашение организовать объединенные экспедиционные силы, чтобы помочь финнам». (Templewood. Op. cit., p. 426).

Во время парламентских дебатов 13 декабря 1939 г. между лейбористским депутатом Страуссом и министром авиации Кингсли Вудом произошла любопытная перепалка:

«Мистер Г. Страусс спрашивает министра авиации, почему самолеты, посланные в Финляндию, не используются Англией для ведения нынешней войны (против Германии.— А. Н.).

Сэр Кингсли Вуд — После рассмотрения всех фактов правительство решило предоставить лицензии на экспорт английским фирмам, чтобы дать им возможность послать самолеты в Финляндию.

М-р Страусс — Не согласится ли высокочтимый джентльмен, что неправильно отвлекать эти поставки от планов нынешней войны (т. е. войны против Германии.— А. Н.).

Сэр Кингсли Вуд — Нет, сэр. Боюсь, что я не могу согласиться с этим заявлением.

М-р Страусс — Не согласен ли высокочтимый джентльмен с тем, что есть опасность, что такого рода действия могут в одно и то же время вовлечь эту страну в другую войну? Кингсли Вуд оставляет последний вопрос без ответа. («Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 355, col. 1178).

⁵⁹ Леопольд Эмери писал следующее: «В свете всего того, что произошло потом, трудно понять, как союзники могли быть движимы одним только чувством, настолько, чтобы в самый канун сокрушающего германского удара думать о распылении своих сил с целью пополнить Россией список своих определенных врагов. Однако необходимо напомнить, что они не только недооценивали удара германского молота, который должен был разбить их, но сомневались, на самом ли деле немцы собираются обрушить его...» (L. S. Amey. Op. cit., vol. III, p. 344).

Напомним, что Чемберлен отчаянно боялся немецкого наступления на Западном фронте. Вспомним его разговор с Монтомгери, его письма сестре, беседы с послом США Кеннеди, наконец, многочисленные свидетельства различных лиц, причастных в той или иной степени к этим событиям. Из них совершенно определенно вытекает, что британский премьер со своим военным кабинетом, а с ними и французский союзник, были озабочены тем, чтобы избежать решающего сражения, положившись на экономическую блокаду, время и обстоятельства. И вдруг такое обстоятельство — появляется война на севере. Правда, война маленькая, незначительная, но война, которая может дать совсем иное направление событиям. Так думают не только в Лондоне и Париже, так думают и в Риме, и в Вашингтоне. (В самый разгар советско-финской войны в Европу прибыл специальный посланец президента Сэмнер Уэллес.) Если на севере будет создан новый фронт, то немцы волей-неволей будут вынуждены оттянуть часть своих сил с Западного фронта и таким образом отложить генеральное наступление, и Скандинавия может превратиться в главный театр военных действий к выгоде Франции и Англии.

Кроме того, возникла заманчивая перспектива военными действиями на севере попытаться вовлечь в войну на стороне союзников скандинавские государства — Норвегию и Швецию, объединить скандинавские государства в военный блок, или по крайней мере лишить Германию возможности получать столь необходимую ей шведскую железную руду.

Вскоре после заключения советско-финляндского мирного договора эстонский посланник в Швеции Ларетей, наблюдательный и к тому же хорошо осведомленный дипломат, прямо, без дипломатических околичностей, высмеивал версию союзников, будто целью их политики было оказание помощи Финляндии. «Учитывая деятельность союзников во время финской войны, высказывания их ведущих деятелей, печати и реакцию после заключения мира, — писал посланник, — по-моему, всем совершенно ясно, что союзники не были заинтересованы в оказании помощи Финляндии, а только искали возможность расширения военных действий, а это влекло за собою привлечение Швеции... С действительной помощью все время тянули до того, пока какое-нибудь крупное поражение

Финляндии нагнало бы страх на Швецию... Хотели сделать ответственными Норвегию и Швецию и использовать на этом основании возникшее настроение»⁶⁰.

Наконец, военные операции, предпринятые якобы для оказания помощи Финляндии, должны были заткнуть рот критикам политики правительства, упрекавшим его за инертность, которая, как прорицали они, приведет союзников к катастрофе.

Таким образом, если бы даже не удалось посорить СССР и Германию и осуществить заветную мечту — крестовый поход всего капиталистического мира против СССР, союзники все равно должны были оказаться в выигрыше.

Таковы были расчеты. Действительность оказалась иной.

В середине декабря 1939 г. военный кабинет провел консультации с Форин оффис и с начальниками штабов о возможности расширения войны в случае «нападения СССР на Норвегию и Швецию» (!). Неправдоподобность, несуразность этого предположения, высказанного, между прочим, Уинстоном Черчиллем, была столь очевидна, что английское министерство иностранных дел фактически отклонило такую возможность. В это время большое беспокойство начало проявлять шведское правительство, опасавшееся, как бы политика Англии действительно не вызвала конфликта между Швецией и Советским Союзом. В Швеции надеются, сообщил английский посланник в Стокгольме З. Монсон, что Англия сохранит с СССР мирные отношения⁶¹. 19 декабря 1939 г. на заседании Верховного совета союзников в Париже французский премьер Даладье внес предложение попытаться приостановить снабжение Германии рудой из Нарвика и через Ботнический залив и обратиться к Швеции и Норвегии с предложением о сотрудничестве с союзниками для «оказания помощи Финляндии». Последнее было вполне трезво определено английским министерством иностранных дел, как «приглашение Швеции и Норвегии объявить войну СССР и обязать союзников оказать им поддержку,

---

⁶⁰ ЦГАОР ЭССР, ф. 957, 1934—1940, оп. 14, д. 704, л. 344. Ларетей — МИДу, Стокгольм, 20 марта 1940 г.

⁶¹ E. L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962, p. 19.

если они (Швеция и Норвегия. — А. Н.) это сделают»⁶². Черчилль выступал за принятие французского предложения и настаивал на необходимости прервать снабжение Германии шведской рудой, указывая, что Англия не должна считаться с законами международного права в то время, как Германия нарушает их⁶³.

22 декабря 1939 г. английский кабинет принял решение немедленно сообщить Швеции и Норвегии, что Англия и Франция «готовы прийти им на помощь в случае осложнения, которые могут иметь место, если Швеция и Норвегия окажут помощь Финляндии»⁶⁴. Но в Швеции и Норвегии отдавали себе отчет в том, что принятие англо-французского предложения означало бы вовлечение скандинавских стран в мировую войну. Генеральный секретарь шведского министерства иностранных дел Бухман заявил сотруднику английской миссии в Стокгольме, что «более определенная акция Швеции в поддержку Финляндии была бы самоубийством»⁶⁵. Официальный ответ Швеции последовал 4 января 1940 г. В нем говорилось, что «сохранение шведского нейтралитета будет и впредь наилучшей помощью финским, а также общеевропейским интересам». 15 января был получен ответ Норвегии, которая также отклоняла английское предложение⁶⁶.

Спустя четыре дня, 19 января 1940 г., Галифакс заявил шведскому послу в Лондоне Бьерн Притцу о необходимости сократить поставки шведской руды в Германию. Английское правительство, заверил Галифакс, со своей стороны готово начать консультацию со шведским правительством о защите Швеции от нападения Германии и Советского Союза (!). Упоминание СССР, который, как хорошо было известно Англии, не только не помышлял о нападении на Швецию или на любое другое государство, но принимал все меры к сохранению мира и безопасности в тех районах, где он мог оказывать непосредственное влияние на события, было явной провокацией. Как показали последующие события, то было лишь одним из проявлений курса на вовлечение Советского Союза в войну, взятого англо-французскими

---

⁶² Ibid., p. 19—20.

⁶³ Ibid., p. 20.

⁶⁴ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 101.

⁶⁵ E. L. Woodward. Op. cit., p. 21.

⁶⁶ Ibid., p. 22.

союзниками. Английское предложение было отклонено Швецией⁶⁷.

5 февраля 1940 г. на заседании Верховного совета союзников было решено послать в Финляндию помимо вооружения — оно начало поступать в значительных размерах еще до начала советско-финского конфликта — также и войска. Не лишено интереса, что, обсуждая политический аспект этого вопроса и его техническое исполнение, англо-французские союзники решили использовать «опыт» фашистских агрессоров Германии и Италии во время войны в Испании в 1936—1939 гг., когда интервенционистские войска отправлялись в Испанию под видом добровольцев⁶⁸. В связи с принятым решением была отменена отправка двух английских дивизий во Францию, которые должны были пополнить крайне незначительные силы британских экспедиционных войск. Следуя, однако, традиционной концепции «войны чужими руками», английское правительство уже через пять дней после принятия решения попыталось передать его исполнение... Швеции! 10 февраля 1940 г. Галифакс в беседе со шведским посланником в Лондоне осведомился, имеются ли в Скандинавии планы предоставить Финляндии те 40—50 тыс. человек, которые она просит. Галифакс спрашивал также, нельзя ли отправить шведских добровольцев из состава шведской армии (целыми дивизиями)⁶⁹. Откровенный цинизм британского министра произвел в Стокгольме весьма неблагоприятное впечатление. Там отдавали себе отчет, что Швецию упорно толкают на опасную авантюру. Готовя к посылке в Финляндию 150-тысячный экспедиционный корпус, Англия и Франция продолжали оказывать давление на Швецию и Норвегию, чтобы получить разрешение провести свои войска через их территории. Согласно заявлению в палате общин премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена от 19 марта 1940 г., в Финляндию, по распоряжению английского правительства, было послано: 101 самолет, 214 орудий, 185 тыс. снарядов, 50 тыс. ручных гранат, 15 700 авиабомб, 10 тыс. противотанковых мин, огромное ко-

⁶⁷ «The War and the Neutrals», p. 178.

⁶⁸ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 107; W. S. Churchill. Op. cit., vol. 1, p. 504.

⁶⁹ «Forspelet till det tyska angreppet pa Danmark, Norge den 9 april 1940», Stockholm, 1947, p. 62.

личество других видов военных материалов, снаряжения и т. п.⁷⁰

При штаб-квартире командующего финской армией маршала Маннергейма находился английский военный наблюдатель, бригадный генерал Лайнг⁷¹.

Французское правительство послало 175 самолетов, 496 орудий, 5 тыс. пулеметов, 400 морских мин, 200 тыс. гранат, 20 млн. патронов и много других материалов. В то время как Франция остро нуждалась в вооружении для войны с Германией, белофиннам были отправлены по приказу Даладье остродефицитные виды вооружения — самолеты и противотанковые орудия.

На заседании секретного комитета Даладье при одобрении участников совещания заявил: «Здесь обоснованно указывали на определенную нехватку противотанковых орудий. Я послал противотанковые орудия в Финляндию (возгласы: «Очень хорошо! Очень хорошо!»), так как это было средством остановить русские танки; таким путем они были остановлены (единодушные аплодисменты). Мы продолжим это дело, не так ли?»⁷².

С точки зрения национальных интересов Франции позиция, занятая французским правительством во время советско-финляндской войны, была абсурдной и вредной. Она отражала корыстные интересы правящих классов и зачастую просто личные интересы отдельных политиков и политиканов, которые отнюдь не скрывали своей радости, что теперь, наконец-то, удастся организовать войну против Советского Союза.

Разложение правящих кругов во Франции, так явно проявившееся в последние предвоенные годы, и особенно во время «странной войны», было одним из самых зловещих признаков надвигающейся трагедии. За исключением коммунистов, загнанных в подполье, и отдельных представителей буржуазных республиканцев и социалистов, никто из политических деятелей всерьез не задумывался над тем, что Франция быстро катится навстречу катастрофе. Не война против гитлеровской Германии, а борьба с коммунизмом стала лозунгом дня!

---

⁷⁰ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 358, col. 1836—1837.

⁷¹ Ibid., col. 1943.

⁷² Germaine Willard. Op. cit., p. 63.

В палате депутатов и в сенате раздавались открытые призывы правых деятелей типа министра внутренних дел Сарро, запугивавших опасностью коммунизма себя и других, к заключению мира с Германией. Они «предпочитают мир любой ценой,— писал в середине января 1940 г. прибалтийский дипломат из Парижа. — Они согласны заключить союз даже с Гитлером или с Германией без Гитлера, чтобы начать тогда общий крестовый поход против Советского Союза. С их стороны предприняты шаги, чтобы убедить маршала Петена возглавить правительство, в которое также вошли бы миротворцы»⁷³. Это был прямой путь к поражению. Особенно опасно было то, что и сам премьер-министр Даладьё по своему характеру, образу мышления и духу был пораженцем. По-видимому, этим обстоятельством (помимо его антикоммунизма) объяснялась слабость и нерешительность в ведении войны против Германии, проявленная им на посту председателя совета министров, а позднее в качестве военного министра. Такое сочетание психологических свойств премьер-министра было наихудшим вариантом для государства, ведущего войну.

Даладьё привлекала идея организации войны против Советского Союза, что, по его расчетам, должно было укрепить пошатнувшееся положение правительства. Кроме того, очевидно, где-то в тайниках души, французский премьер оставался, быть может, даже бессознательно, верным политике Мюнхена, активным участником которой он был. А французские мюнхенцы требовали объявления войны Советскому Союзу.

«Спасая Финляндию от большевизма», Даладьё надеялся доказать свою способность к энергичным действиям, хотя в то же время ободрял тех, кто не был убежден, что Германия и есть истинный враг. Вероятно, Даладьё сам принадлежал к последней группе, пишет финский исследователь в своей недавно выпущенной книге⁷⁴. И с этой оценкой вполне можно согласиться.

Линия французского премьера находила, естественно, отражение в словах и действиях французских дипло-

---

⁷³ ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, д. 701, л. 112—113. Советник эстонской миссии в Париже А. Палло — МИДу, Париж, 15 января 1940 г.

⁷⁴ M a x J a c o b s o n. The Diplomacy of the Winter War. Cambridge, Mass., 1961, p. 198.

матов. Посол США в Москве Стейнгардт, сообщая 2 февраля 1940 г. в Вашингтон о своей беседе с французским послом Наджаром, писал: «Он строго доверительно сказал мне, что советовал своему правительству полностью порвать дипломатические отношения с Советским Союзом и, по его личному мнению, Великобритания и Франция должны объявить войну Советскому Союзу...»⁷⁵.

Откровенная установка французского правительства и поддерживавших его партий на втягивание союзников в войну против Советского Союза напугала, добавим от себя, в начальной стадии развития конфликта даже Чемберлена, — напоминает Якобсон⁷⁶. И действительно, в письме от 1 января 1940 г. британский премьер заявляет о своем несогласии с теми, кто считает, что нужно «заключить мир с Германией для того, чтобы противостоять России»⁷⁷. Однако дальнейшее развитие событий вело к тому, что Англия постепенно все больше втягивалась в эту авантюристическую со всех точек зрения политику и для нее на первый план выступала теперь не проблема «оказания помощи маленькой, храброй Финляндии», что было на самом деле лишь предлогом для вмешательства, а вопрос об использовании советско-финского конфликта для расширения театра войны и втягивания в нее скандинавских государств. Будет ли официально объявлена война Советскому Союзу или просто союзники окажутся в состоянии войны с ним — неофициально — не имело большого значения.

К числу тех, кто наиболее яростно выступал за войну против СССР, относились многие правосоциалистические лидеры во главе с Блюмом. 25 февраля 1940 г. на заседании Бюро Социалистического Интернационала в Брюсселе Блюм заявил, что он за «помощь финнам любой ценой, если даже это приведет к войне с Россией»⁷⁸.

Его точку зрения разделяли и некоторые правые лидеры лейбористской партии и тред-юнионов, например, генеральный секретарь Конгресса британских тред-юнио-

---

⁷⁵ FR, 1940, vol. I, p. 590. Стейнгардт — государственному секретарю, Москва, 3 февраля 1940 г.

⁷⁶ Max Jacobson. Op. cit., p. 199.

⁷⁷ Keith Feiling. The Life of Neville Chamberlain. London, 1946, p. 427.

⁷⁸ H. Dalton. The Fateful Years. Memoirs 1931—1945. London, 1957, p. 293.

нов Уолтер Ситрин, прошедший некоторое время в штабквартире Маннергейма.

Еще в последних числах января 1940 г. Маннергейм телеграфировал генералу Айронсайду просьбу прислать в Финляндию тяжелую артиллерию. Одновременно Маннергейм, по совету Рюти, передал Ситрину список военных материалов, необходимых Финляндии. Рекомендую Маннергейму сделать это, Рюти указывал, что Ситрин «человек влиятельный»⁷⁹.

29 января Ситрин и члены его делегации были ознакомлены финским правительством с советскими предложениями, переданными А. М. Коллонтай шведскому министру иностранных дел Гюнтеру⁸⁰.

Политика Англии и Франции была решительно осуждена многими членами английского парламента. Выступая в палате общин 19 марта 1940 г., лейборист Веджвуд назвал финские планы «самой безумной авантюрой» и напомнил, что все подобного рода экспедиции против Советской России, в частности в Батуми и в Архангельске, оканчивались для Англии провалом. Веджвуд требовал отставки правительства Чемберлена⁸¹.

Авторитетный английский историк Арнольд Тойнби, осуждая антисоветские планы Чемберлена, писал впоследствии: «... Чемберлен сам, к счастью для его страны, упустил возможность, которая вовлекла бы союзников в войну с Советским Союзом»⁸².

Но в планах использования советско-финской войны Чемберлен и Даладье находили поддержку и в США, которые с самого начала конфликта между Финляндией и СССР заняли резко антисоветскую позицию. 2 декабря 1939 г. правительство США рекомендовало американским фирмам прекратить торговлю с Советским Союзом. Группа американских банкиров предоставила Финляндии заем для закупки в США вооружения и снаряжения⁸³.

⁷⁹ Vaino Tanner. The Winter War, Stanford, 1957, p. 125.

⁸⁰ Ibid., p. 127.

⁸¹ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 358, col. 18.

⁸² «The Initial Triumph of the Axis». Ed. by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee, London, 1958, p. 266.

⁸³ В обход законодательства о нейтралитете было решено оснастить финскую армию артиллерией. С этой целью Швеция было продано 32 8-дюймовых гаубицы и 200 орудий 75-мм калибра. Швеция обязана была перепродать эти орудия Финляндии. Пере-

Принимая решение об отправке в Финляндию англо-французского экспедиционного корпуса, союзники рассчитывали, что выполнение задачи будет облегчено обращением Финляндии, инспирированным ими, с просьбой о помощи и отказом нейтралов — Норвегии и Швеции — от активного сопротивления англо-французским войскам, которые вступят на территорию этих государств⁸⁴.

Швеция, объявив себя невоюющей стороной, во время советско-финской войны оказывала Финляндии помощь. Швеция предоставила Финляндии одних займов на сумму более 100 млн. долларов. Было отправлено более 84 тыс. винтовок, 300 орудий, 50 млн. патронов, 30 тыс. снарядов, 25 самолетов и много различного снаряжения. В военных действиях на стороне финнов принимало участие более 8 тыс. шведских волонтеров⁸⁵. Практически Швеция стала на опасный путь отказа от нейтралитета. Но, когда перед Швецией и Норвегией возникла явная опасность быть вовлеченными в войну, правительства этих стран заявили о категорическом отказе пропустить через свою территорию англо-французские войска и строго придерживались этой позиции⁸⁶.

Между тем в Финляндии все больше стали осознавать, к каким катастрофическим последствиям может привести страну дальнейшее развитие и затягивание войны против СССР. Еще в начале января 1940 г. финская писательница Хелла Вуолиоки начала по поручению финского правительства переговоры с советским послом в Стокгольме

говору США со Швецией по этому вопросу начались в начале марта 1940 г. и продолжались, несмотря на заключение советско-финского мирного договора. Орудия были посланы и затем использованы Финляндией против СССР после нападения Германии. В то время, напомним, США и Советский Союз были союзниками (M a x J a s o b s o n. Op. cit., p. 198).

⁸⁴ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 107—108.

⁸⁵ Franklin D. Scott. The United States and Scandinavia. Cambridge, Mass., 1950, p. 233.

⁸⁶ Эстонский посланник в Стокгольме сообщал 14 декабря министерству иностранных дел: «Английская пропаганда, как из Лондона, так и из Хельсинки, показывает, что с этой стороны пытаются всеми возможными средствами подтолкнуть Швецию на войну... Заинтересованность Англии понятна, так как вступление Швеции в войну привело бы к неизбежному прекращению экспорта чугуна и руды в Германию» (ЦГАОР ЭССР, ф. 957, 1934—1940, оп. 14, д. 704, л. 312. Посланник в Швеции Ларетей — МИДУ, Стокгольм, 14 декабря 1939 г.).

А. М. Коллонтай о возможности заключения мира⁸⁷. Советский Союз выразил готовность вести переговоры.

В начале февраля финский министр иностранных дел Таннер прибыл с этой целью в Стокгольм. Но одновременно он пытался добиться от шведского правительства разрешения на пропуск через территорию Швеции войск союзников и усиления военной помощи Финляндии со стороны Швеции.

Прибывший вторично 13 февраля в Стокгольм, Таннер еще раз пытался убедить правительство Швеции пропустить англо-французские войска через территорию Швеции в Финляндию для участия в войне против Советского Союза. 16 февраля 1940 г. шведский премьер-министр Хансон заявил, что правительство не допустит транзита иностранных войск через территорию Швеции⁸⁸. Хансон посоветовал Таннеру искать мира с Советским Союзом. Совет был дан вовремя. Финская армия находилась на грани поражения. 22 февраля президент Финляндии обратился к Англии и Франции с просьбой оказать давление на СССР, чтобы побудить его к мирным переговорам. «Такая просьба пришлась весьма не по вкусу союзникам»⁸⁹, — рассказывает Дж. Батлер. Со своей стороны, Советское правительство, рассчитывая парализовать англосоветские планы Англии, обратилось к ней с просьбой передать Финляндии мирные предложения СССР. Однако английское правительство 24 февраля 1940 г. от посредничества отказалось и усилило враждебное СССР давление на Финляндию.

23 февраля английский советник генерал Лайнг и французский полковник Ганеваль совещались в штаб-квартире финской армии о технических деталях помощи Англии и Франции, которая должна была включить бомбежку Баку⁹⁰.

На следующий день Таннер совещался по этому вопросу с представителем Интеллиндженс Сэрвис — сэром Паулем Дьюкс, который рекомендовал просить английское правительство прислать в Финляндию самолеты

---

⁸⁷ «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», т. I, М., 1960, стр. 271.

⁸⁸ «The Initial Triumph of the Axis», p. 81.

⁸⁹ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 109.

⁹⁰ Vaino Tanner. Op. cit., p. 171.

дальнего радиуса действия, которые могли бы долететь даже до Москвы⁹¹.

25 февраля Таннер дважды совещался с Лайнгом, а затем с английским посланником Гордоном Верекером о планах английской интервенции. Верекер сообщил Таннеру, что английские экспедиционные войска в 20—25 тыс. солдат, вооруженные автоматическим оружием, прибудут к середине апреля⁹². В это же самое время профессор Кивимяки, финский эмиссар, посланный в Берлин, сообщил, что Германия не возражает против военной помощи Финляндии со стороны Швеции, при условии, что западные державы не будут вмешиваться, но высказывается против отправки западных «волонтеров»⁹³. В этих условиях Советское правительство потребовало от Финляндии ясного ответа, готова ли она вести переговоры. Командование Красной Армии начало генеральное наступление на Карельском перешейке.

Между тем мало-помалу начало выясняться, что обещания Англии и Франции прислать армию оказываются блефом. Правда заключалась в том, что англо-французские экспедиционные силы в том объеме, в котором они планировались, не были еще готовы. Цель англо-французского командования заключалась, как видно, в том, чтобы заставить Финляндию продолжать бесперспективную и самоубийственную для нее войну, выиграть время до того момента, пока союзники будут в состоянии развернуть в Скандинавии свои вооруженные силы. 28 февраля английское правительство уже сообщило, что вместо 25 тыс. солдат оно может послать лишь 12—13 тыс. В то же время английский посланник заверил Таннера, что Англия поддержит Финляндию на все сто процентов⁹⁴.

Финское правительство вынуждено было сообщить в Москву 29 февраля, что оно готово начать переговоры о мире. Узнав о решении Финляндии, французский премьер-министр пришел в неистовство. Планы превращения войны против Германии в войну против Советского Союза рушились! Не консультируясь с английским союзником, Даладье немедленно дал знать в Хельсинки, что

---

⁹¹ Ibidem.

⁹² Ibid., p. 177.

⁹³ Ibid., p. 179.

⁹⁴ Ibid., p. 188.

к концу марта из Франции будет отправлен пятидесятитысячный корпус и 100 бомбардировщиков, что тем или иным путем проход войск союзников через территорию скандинавских государств будет обеспечен. Английское правительство выразило свое недовольство действиями Даладье, но все же обещало со своей стороны спешно послать 50 бомбардировщиков в Финляндию⁹⁵. Оно также сообщило в Хельсинки, что если переговоры о заключении мира не будут прерваны, то немедленно все приготовления к посылке войск, а также поставки военных материалов и экономическая помощь будут прекращены⁹⁶. Это давление, казалось, возымело свое действие, и в первых числах марта Таннер намеревался, ссылаясь на «неуступчивость» Советского правительства, обратиться к Англии и Франции с просьбой направить свои войска в Финляндию, чего в Лондоне и Париже ожидали с нетерпением. Для этой цели финское правительство запросило у Советского Союза некоторые разъяснения относительно новой границы, предложенной СССР, рассчитывая на то, что непредоставление советской стороной этих разъяснений развяжет руки Финляндии, и она обратится с просьбой о вооруженном вмешательстве к Англии и Франции.

Однако Советское правительство разгадало этот маневр. Прорыв Красной Армией «линии Маннергейма» на Карельском перешейке, завершённый 1—3 марта 1940 г., решил исход войны. 3 марта английское правительство сообщило финскому, что ожидает официального обращения Финляндии за помощью к союзникам не позднее 5 марта⁹⁷. Таким образом, как правильно подчеркивает Якобсон, Англия и Франция перешли от предложения о «помощи» к «угрозе помощью», к шантажу Финляндии «помощью» и к навязыванию политики, которая неизбежно окончилась бы для нее катастрофой. Союзники лишь возбуждали ложные надежды в Финляндии, не имея готовых сил для выполнения своего обещания. В течение лишней недели войны погибло несколько тысяч финских и советских солдат, замечает Якобсон, лишь «благодаря помо-

⁹⁵ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 358, col. 1164.

⁹⁶ M^ax J a c o b s o n. Op. cit., p. 240.

⁹⁷ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 358, col. 1840.

щи французского премьер-министра, оставшегося у власти несколько дольше, чем это следовало»⁹⁸.

Может показаться парадоксальным, что союзники настаивали на своем вооруженном вмешательстве в советско-финский конфликт гораздо энергичнее, чем сама Финляндия. Правда заключается в том, что для Англии и Франции «оказание помощи» Финляндии было лишь предлогом, поводом для реализации плана превращения Скандинавии в основной театр военных действий и вовлечения Советского Союза в войну. Финляндия в этой игре была пешкой на шахматной доске союзников, лишь разменной монетой. Такой вывод логически вытекает из анализа всего комплекса событий и отношений периода «странной войны».

6 марта Советское правительство предложило правительству Финляндии послать в Москву делегацию для переговоров. Мирные переговоры начались. Но и на этот раз были предприняты отчаянные усилия, чтобы сорвать заключение мира.

7 марта государственный секретарь Хэлл поручил послу Стейнгардту заявить Советскому правительству, что экономические отношения между Советским Союзом и США будут зависеть от условий советско-финского мирного договора⁹⁹. Вмешательство Хэлла, смахивающее на шантаж, не возымело действия.

Стейнгардт пытался непосредственно вмешаться в переговоры и предложил, чтобы финские делегаты на переговорах остановились в Москве в его доме. Но это была столь грубая попытка воздействия на финнов, что Хэлл в телеграмме от 8 марта запретил Стейнгардту это делать¹⁰⁰.

Между тем французский поверенный в делах в Москве Пайяр получил от своего правительства инструкцию установить контакт с главой финской делегации Рюти в Москве и обратить его внимание на предложение, которое сделал Даладе финскому посланнику в Париже Гарри Хольма. Предложение это заключалось в том, что, если Финляндия не заключит мира с Советским Союзом и будет продолжать войну, то Англия и Франция окажут

⁹⁸ Max Jacobson. Op. cit., p. 241.

⁹⁹ FR, 1940, vol. I, p. 301, Хэлл — Стейнгардту, Вашингтон, 7 марта 1940 г.

¹⁰⁰ Ibid., p. 302. Хэлл — Стейнгардту. Вашингтон, 8 марта 1940 г.

Финляндии всевозможную помощь, включая войска, самолеты, пушки и снаряжение. У Пайяра не было никаких сомнений в том, что в Финляндию будут посланы регулярные французские и английские войска¹⁰¹.

Однако у финского правительства взял верх разум, и, несмотря на то, что Англия и Франция продолжали оказывать на Финляндию нажим, чтобы заставить ее прервать переговоры и обратиться к ним с просьбой об интервенции, переговоры закончились успешно¹⁰².

12 марта 1940 г. в Москве был подписан советско-финский мирный договор, который нанес смертельный удар интервенционистским планам Англии и Франции. Еще утром того же дня командиры частей англо-французского экспедиционного корпуса были созваны для вручения им приказов. Но через несколько часов пришло сообщение о заключении мира, и все приготовления были отменены¹⁰³.

«Северный вариант», импровизированный англо-французскими империалистами, рушился. В последний момент английское правительство приняло решение послать в Стокгольм члена военного кабинета Сэмюэля Хора (в будущем лорд Темплвуд), чтобы воздействовать на шведского короля Густава V и заручиться его поддержкой в нажиме, который оказывался на шведское правительство. Однако разгром белофиннов советскими войсками сорвал осуществление и этого плана. Хор с грустью замечает: «Англо-французский план был отставлен и вместе с ним наша первая попытка выиграть инициативу в «странной войне»¹⁰⁴.

Ценное признание! Хор считает выигрышем инициативы вовсе не наступательные действия на главном — западном — направлении, против единственного в то время врага — гитлеровской Германии, а операции, которые могли иметь своим следствием вовлечение Советского

---

¹⁰¹ FR, 1940, vol. I, p. 307. Стейнгардт — государственному секретарю, Москва, 9 марта 1940 г.

¹⁰² Прекрасно информированный эстонский посланник в Швеции писал в разгар советско-финских мирных переговоров: «...наибольшим препятствием к заключению мира между Финляндией и Россией является стремление Англии превратить Скандинавию в арену войны...» (ЦГАОР ЭССР, ф. 957, 1934—1940, оп. 14, д. 704, л. 340. Ларетей — МИДУ, Стокгольм, 8 марта 1940 г.)

¹⁰³ Max Jacobson. Op. cit., p. 241; W. S. Churchill. Op. cit., vol. I, p. 517.

¹⁰⁴ Templewood. Op. cit., p. 427.

Союза в войну. Вот о каком выигрыше инициативы продолжало мечтать правительство Невилля Чемберлена.

Заключение мира между Советским Союзом и Финляндией опрокинуло англо-французские планы. И в этом объективно был большой выигрыш для союзников, так как, во-первых, провал авантюристической политики в Финляндии способствовал сплочению демократических сил Англии на антифашистской и антимюнхенской платформе и, во-вторых, выявилась несостоятельность политической и военной стратегии английского и французского правительств и их бесперспективность. Но выводов из этого ни политические, ни военные лидеры не сделали. В Англии очередной провал антисоветской политики нанес сильный удар по правительству Невилля Чемберлена, подорвал его базу и способствовал сплочению и активизации античемберленовских сил. Во Франции крах антисоветской политики привел кабинет Даладье к отставке 20 марта 1940 г.¹⁰⁵

Но поражением англо-французской политики в Финляндии дело не закончилось. Через пять дней после образования нового французского правительства, 25 марта, Поль Рейно передал английскому правительству меморандум, который должен был убедить Англию в том, что Франция готова к энергичным действиям. Французское правительство предлагало: установить контроль в норвежских террито-

---

¹⁰⁵ На смену ему пришло правительство Поля Рейно, в которое вошли также социалисты и правые республиканцы. Весьма характерно для настроения правящих кругов тех дней, что во время парламентских дебатов, когда решалась судьба правительства Даладье, многие правые депутаты упрекали Даладье не за пассивность в войне с Германией, а главным образом за то, что возглавляемый им кабинет не объявил войны Советскому Союзу.

Правительство Поля Рейно состояло из разнородных элементов и не имело в парламенте прочного большинства. При первом же голосовании в палате депутатов правительство получило 268 голосов «за», 156 «против» при 111 воздержавшихся. Против выступали все правые и значительная часть радикал-социалистов. За правительство голосовали социалисты и радикал-социалисты. В новом правительстве Даладье получил пост министра национальной обороны.

В новом кабинете министров также не было единства. Старинная вражда между Рейно и Даладье сказывалась на принятии важнейших решений. Попытки Рейно сместить Гамелена с поста верховного главнокомандующего наталкивались на решительное сопротивление Даладье. Пораженцы в правительстве не прекращали своей подрывной деятельности.

риальных водах с захватом опорных пунктов на норвежском побережье; предпринять меры, чтобы отрезать Германию от снабжения кавказской нефтью, даже ценой «разрыва с СССР»; изучить возможность прохода подводных лодок в Черное море¹⁰⁶.

Этот поразительный документ свидетельствовал о том, что и новое правительство остается на платформе старой и обанкротившейся политики и стратегии. Завязать бои на периферии, начать кавказско-черноморскую авантюру, провоцируя на войну Советский Союз, и снова позволить Германии спокойно завершать свои приготовления для генерального наступления на Западе — это ли не было безумием? Но даже и в этом случае то была лишь кратковременная вспышка энергии почти парализованного государства. 1 апреля французское правительство предложило отложить намеченную и утвержденную 28 марта Верховным советом союзников операцию по минированию норвежских территориальных вод на три месяца.

Но 3 апреля распространились слухи о концентрации германских войск в балтийских портах и их погрузке на военные транспорты. 5 апреля английский кабинет принял решение послать предупреждение скандинавским государствам и 8 апреля — минировать территориальные воды Норвегии вне зависимости от позиции французского правительства. Было также решено в случае дальнейшего движения германских войск послать английские войска в Норвегию¹⁰⁷. Однако было уже поздно.

8 апреля норвежские территориальные воды были частично минированы союзниками. Англичане обнаружили немецкий флот, направлявшийся к берегам Норвегии, но только утром 9 апреля Англия и Франция получили подтверждающие сведения и убедились в том, что немцы их опередили и высадились в Дании и Норвегии¹⁰⁸.

---

¹⁰⁶ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 119—120.

¹⁰⁷ Ibid., p. 124.

¹⁰⁸ Подготовку к вторжению в Данию и Норвегию гитлеровская Германия начала еще в октябре 1939 г. 29 февраля 1940 г. Гитлер утвердил план оккупации Норвегии и Дании, представленный генералом фон Фалькенхорстом.

Как установило специальное расследование, произведенное в Дании после войны, в течение января и февраля из Берлина от датских официальных лиц были получены предупреждения о готовящемся нападении. Однако правительство продолжало игнорировать опасность, которая приближалась с каждым днем. Между тем,

14 апреля англо-французские войска высадились в Северной Норвегии. Однако военные действия развернулись для них неудачно. Потерпели поражение они и в Центральной Норвегии. В связи с тяжелым положением на Западном фронте 7—8 июня англо-французские войска были эвакуированы.

Захват Германией Дании и высадка в Норвегии произвели в Лондоне ошеломляющее впечатление. Стараясь

германские секретные агенты собирали последние данные, которые должны были облегчить германскому командованию внезапный захват Дании. Активная поддержка была оказана агрессорам немецкими фашистами, проживавшими в Северном Шлезвиге.

Датское правительство в первых числах апреля уже располагало достаточной информацией о готовящемся нападении. Наконец, два датских корреспондента в Берлине Якоб Кроник и Хельге Кнудсен опубликовали в датских газетах от 5—8 апреля тревожные статьи о готовящемся вторжении.

Незадолго до вторжения в Норвегию, 5 апреля, гитлеровцы предприняли «психологическую атаку» на норвежцев. Немецкая миссия в Осло пригласила двести высокопоставленных норвежских граждан на просмотр фильма о разгроме Польши. Германский посланник Бройер, выступая перед просмотром, нагло заявил, что этот фильм должен открыть глаза и указать на ту линию, которой им следует придерживаться (*Amenda Johnson*, *Op. cit.*, p. 4). Утром 9 апреля Бройер передал ультиматум германского правительства, в котором заявлялось, что оно решило оккупировать Норвегию якобы для предупреждения подобной же акции англо-французов и требовало не оказывать немецким вооруженным силам сопротивления. Однако норвежские батареи встретили захватчиков метким огнем. Был потоплен тяжелый немецкий крейсер «Блюхер» и легкий крейсер «Карлсруэ». Крейсер «Кенигсберг» получил повреждения и на следующий день был потоплен английской авиацией. Но силы были не равны. 9 апреля в руках немцев оказалось все побережье Норвегии.

Норвежское правительство отказалось капитулировать и заявило, что оно будет бороться. В то же самое время Квислинг объявил об образовании нового правительства под его руководством и отдал приказ о прекращении военных действий и отмене приказа о мобилизации. Весь север Норвегии сразу же был захвачен немецкой армией. 10 июня, после эвакуации англо-французских экспедиционных сил из Норвегии, норвежские вооруженные силы вынуждены были сложить оружие. Многие норвежцы бежали в Англию. На сторону Англии и Франции перешел норвежский коммерческий флот, насчитывавший около тысячи судов, водоизмещением в 4 млн. тонн и 25 тыс. моряков. В Лондон прибыло норвежское правительство. В Канаде норвежские летчики обучались летному делу. В Шотландии начали формироваться норвежские экспедиционные силы. Но главное заключалось в том, что норвежский народ не покорился захватчикам на своей земле и продолжал вооруженную борьбу; она вступила в новую стадию: началось движение Сопротивления.

смягчить его, правительство пыталось преуменьшить значение совершившегося. Поручено это было сделать в парламенте премьер-министру, после которого выступил и морской министр У. Черчилль, доказывавший, будто Гитлер, напав на Данию и Норвегию, совершил такую же непростительную ошибку, как Наполеон «в 1807 или в 1808 году, когда он вторгся в Испанию»¹⁰⁹. Однако экскурсии в историю и сомнительные аналогии мало кого могли убедить. Правительство было подвергнуто острой критике. Коммунистический депутат Галлахер потребовал немедленной отставки правительства¹¹⁰. С резкой речью выступил лидер либералов Синклер, предупредивший правительство, что преуменьшение в глазах народа событий, происшедших в Скандинавии, может привести к пагубным последствиям¹¹¹. Вряд ли Синклер и другие члены палаты общин, выступавшие в тот день с такого рода предостережениями, могли предполагать, что всего лишь месяц спустя их пророчества оправдаются.

* * *

Итак, английская политика на северо-западе Европы в начале второй мировой войны потерпела крушение. Политика Англии на северо-западе Европы была составной частью общей ее политики в период «странной войны» и выражала не столько антигитлеровские, сколько антисоветские намерения правящих кругов Англии. Стремление во что бы то ни стало заставить Финляндию вести перспективную для нее войну против СССР и втянуть в войну против Германии или против СССР, или против обоих государств скандинавские страны, указывало на то, что концепция войны чужими руками оставалась в арсенале английской политики и стратегии.

События показали, что для того, чтобы одержать победу над Германией, Англия должна была отказаться от антисоветских замыслов и найти путь для урегулирования англо-советских отношений. Объективная логика развития событий диктовала необходимость такой политики. Но потребовались грандиозные потрясения, смена английского политического руководства, чтобы необходимость и неизбежность такого союза были осознаны.

---

¹⁰⁹ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 359, col. 747.

¹¹⁰ Ibid., col. 572.

¹¹¹ Ibid., col. 754—755.

Г л а в а ч е т в е р т а я

ПОЛИТИКА НА БАЛКАНАХ И В ТУРЦИИ

(до капитуляции Франции)

К началу войны позиции Англии и Франции на Балканах были значительно ослаблены. Беспомощность, проявленная англо-французскими союзниками в первые недели войны, и быстрый разгром Польши германскими армиями серьезно подорвали их престиж. Влияние проанглийских и профранцузских кругов в государствах Юго-Восточной Европы стало непрочным. Военный ореол фашистского райха распространялся все шире и вместе с тем чувство страха и неуверенности все больше охватывало население. Смятение и разброд царили среди правящих кругов балканских государств. Однако влияние политических кругов, которые верили в могущество Англии, в несокрушимую твердыню линии Мажино, в помощь США и рассчитывали на грядущее столкновение между Германией и Советским Союзом, было еще значительным.

После захвата Германией Польши усилились реваншистские и ревизионистские тенденции в Венгрии и в Болгарии, а также откровенно прогерманское и профашистское направление в политике Румынии.

В то время одна из главных задач внешней политики гитлеровской Германии заключалась в том, чтобы воспрепятствовать изменению существующего территориального статуса на Балканах, без ее, Германии, согласия. Балканы служили одним из главных районов, откуда гитлеровцы черпали необходимые для ведения войны сырье и продовольствие. Принятое гитлеровцами решение обрушить свой следующий удар на Запад диктовало необходимость

держат в строгой узде своих полусателлитов на Балканах, не позволять им «вольничать» и, кроме того, придерживать до поры, до времени и Италию, давно строившую планы захвата Югославии, Греции, части Турции.

Была и еще немаловажная причина, которая заставляла гитлеровскую Германию в начальный период не вести войны на Балканах — позиция Советского Союза, недвусмысленно объяснившего Германии свою глубокую заинтересованность в поддержании мира в этом чрезвычайно важном для его политических и стратегических интересов районе Европы.

Задачи английской политики на Балканах определялись не только ее общеимперскими интересами, но и антисоветскими установками правящего класса. Еще до начала войны Англия рассматривала (и не без основания) укрепление Германии на юго-востоке Европы как серьезную потенциальную угрозу своей колониальной империи, нефтяным интересам и коммуникациям на Ближнем и Среднем Востоке. Однако, с другой стороны, попытка Англии войти в соглашение с Германией на антисоветской основе вынуждала ее поощрять германскую экспансию на юго-востоке Европы. Такая противоречивость в политике носила английским интересам большой ущерб. Опираясь на влиятельные аристократические и буржуазно-монополистические круги балкано-дунайских стран, связанные своими деловыми интересами, воспитанием и традициями с высшими английскими и французскими правящими классами, Англия стремилась различными способами воспрепятствовать полному и окончательному переходу балканских государств в лагерь гитлеровского рейха.

Главное внимание английская политика уделяла странам, которые были заинтересованы в сохранении территориального и политического статус-кво. Такими государствами были Румыния, Югославия, Греция, Турция.

Ближайшая цель английской политики на Балканах оставалась прежней: создание блока нейтралов в составе Турции, Греции, Румынии и Югославии, а если окажется возможным, то и Болгарии. Первые четыре государства образовывали, как известно, Балканскую антанту, главной задачей которой было поддержание существующего положения на Балканах. Балканская антанта была в известном смысле орудием политики Франции. Если бы план удался, то на Балканах могла появиться новая мощная воен-

ная сила: государства предполагаемого блока могли выставить от 70 до 110 дивизий¹.

Незадолго до войны, 24 апреля 1939 г., британский министр иностранных дел лорд Галифакс доверительно объяснил своему румынскому коллеге Георгу Гафенку, что «...главная цель, которую правительство Его Величества имеет в виду — оказание помощи в создании единства и силы балканских государств»².

Наиболее слабым звеном предполагаемого блока была, естественно, Болгария, союзница Германии во время первой мировой войны. В конце 1939 г. на совещании стран Балканской антанты было в принципе решено сформировать блок балканских государств, а когда придет время, пригласить примкнуть к нему и Болгарию. Предусматривалось удовлетворение некоторых территориальных претензий Болгарии³.

Посланные в Бухарест английские эмиссары убеждали короля Кароля и его министра иностранных дел Гафенку, известного своей прозападной ориентацией, в необходимости пойти на определенные уступки Болгарии, чтобы избежать худшего, т. е. ее открытого перехода на сторону гитлеровской Германии.

Ради этой цели в конце 1939 г. в румынскую столицу приезжал лорд Ллойд. Он пытался добиться урегулирования болгаро-румынского спора из-за Южной Добруджи, предлагая для этого английское посредничество. Лорд Ллойд настоятельно советовал Румынии уступить Болгарии эту область. Рекомендация Ллойда вызвала только раздражение. Кароль заявил Ллойд, что он не желает английского посредничества по этому вопросу⁴.

Румыния, которая еще раньше пошла на значительные экономические уступки Германии (например, хозяйственное соглашение с Германией от 23 марта 1939 г.)⁵, стара-

---

¹ И. Н. Чемпалов. Политика англо-французского блока на Балканах в период «странной войны». — Ученые записки Уральского государственного университета. Вып. 16, 1957, стр. 103.

² Alexandre Cretzianu. The Lost Opportunity. London, 1957, p. 137.

³ FR, 1939, vol. I, p. 426—427. Посланник в Белграде Лейн — государственному секретарю, Белград, 27 декабря 1939 г.

⁴ DGFP, vol. VIII, N 427, p. 300. Фабрициус — МИДУ, Бухарест, 8 декабря 1939 г.

⁵ А. М. Некрич. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 — сентябрь 1939). М., 1955, стр. 127, 128,

лась лавировать между двумя враждующими сторонами, делая одной из них постоянные уступки в экономической области и ища политической поддержки у другой (Англии и Франции).

Интересы английских монополий в Румынии были значительны и разнообразны. Оценки английских вложений в хозяйство Румынии даются нами лишь приблизительно⁶. Ю. А. Винцер называет цифру в 43 млн. ф. ст.⁷ По румынским же данным от конца 1938 г. они составляли 5 млрд. лей⁸. Английские капиталы были вложены главным образом в нефтяную, текстильную и металлургическую промышленность. Накануне войны значительные суммы были потрачены на закупку продовольствия в Румынии. Английский капитал в румынской нефтяной промышленности составлял приблизительно одну треть от всех капиталов, вложенных в румынскую нефть⁹. В 1932 г. доля английского капитала составляла 28,6% от всех иностранных капиталов, не считая английского участия в смешанных англо-голландских предприятиях — 23,2% от всех иностранных капиталов, вложенных в румынские нефтяные предприятия¹⁰.

Английскому капиталу принадлежали полностью или частично такие предприятия, как «Астра Ромына», «Стеаца Ромына», «Унириа», «Дация Ромына» и т. д. Половина годового производства румынской нефти приходилась на долю английских компаний.

В румынскую текстильную промышленность было вложено английскими капиталистами 500 млн. лей, столько же в румынскую металлургическую промышленность.

277, 284—285; И. Н. Чемпалов. К истории заключения германо-румынского экономического соглашения 1939 г.— «Новая и новейшая история», 1959, № 1, стр. 135—149; Н. И. Лебедев. Румыния в годы второй мировой войны. М., 1961, стр. 64—70.

⁶ Согласно последним румынским данным (1961 г.) официальный курс леи по отношению к фунту стерлингов составлял 673 леи за 1 ф. ст. Однако этот курс весьма приблизителен и скорее минимален, ибо по тем же данным в отдельных финансовых операциях курс колебался до 1899 лей за 1 ф. ст.

⁷ Ю. А. Винцер. Английские капиталовложения за границей в период империализма. М., 1960, стр. 113.

⁸ S e z a r P o r e s c u. British Capital invested in Roumania.— «Excelsior» — «Bucharest News» от 19.XI.1938, p. 3 (специальное приложение к журналу).

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ю. А. Винцер. Указ. соч., стр. 113.

Здесь большую роль играл «Виккерс», осуществлявший контроль над предприятиями металлургической промышленности и производством вооружений в Решице. Значительные вложения английского капитала были сделаны в судостроительной промышленности.

Особенно тесно сотрудничали английские монополии с крупнейшими румынскими капиталистами — Малаксой и Аушнитом. Связаны были они так же, впрочем, как и их американские и французские партнеры, с самим румынским королем Каролом, который получал от них ценные «подарки»¹¹.

Что касается Германии, то она продолжала добиваться полного экономического и политического подчинения Румынии. До начала наступления на Западе германские фашисты были особенно озабочены систематическим снабжением нефтью. Нефтяные предприятия принадлежали главным образом смешанным акционерным обществам с преобладанием английского, французского и румынского капиталов. Американская компания «Ромына-Американа» с готовностью предоставила свою нефть в распоряжение фашистского райха. По свидетельству германской миссии в Румынии, «Ромына-Американа» была одним из главных поставщиков нефти для Германии. Румынское правительство дало заверения гитлеровцам, что, если понадобится, оно «заставит английские и французские компании снабжать» их «прямым или косвенным путем»¹².

С другой стороны, Румыния пыталась основывать свою политику на английской и французской гарантии от апреля 1939 г., в которой видела залог своего господства над захваченной у Советского Союза в 1918 г. Бессарабией. Вот почему в конце 1939 г. румынское правительство неоднократно пыталось зондировать почву в Лондоне. может ли оно рассчитывать на поддержку Англии и Франции в случае, если Советский Союз потребует возвращения отторгнутой у него Бессарабии.

В одном из румынских архивных документов¹³ приводится запрос, сделанный румынским посланником в

¹¹ Abuzurile săvârșite de fosful rege Carol al II-lea, 23.II 1943 (микрофильм).— ИДА, ф. 336, № 20, стр. 39.

¹² DGFP, vol. IX, N° 21, pp. 41—42. Миссия в Румынии—МИДу. Бухарест, 29 марта 1940 г.

¹³ Неподписанная памятная записка на французском языке от 14 декабря 1939 г.— ИДА, ф. 336, № 20, л. 67.

Лондоне Тили министру Галифаксу относительно возможности совместного публичного заявления английского и французского правительств, что франко-английская гарантия от апреля 1939 г. распространяется и на случай румыно-советского конфликта. Ответ был весьма уклончивым. Соглашаясь рассмотреть этот вопрос, английское правительство в то же время не давало никаких определенных обещаний. Напомним, что дело происходило в разгар советско-финской войны, когда Англия и Франция обсуждали возможность нападения на СССР. Англия оставила вопрос открытым, поддерживая таким образом надежду правящих кругов Румынии на использование англо-французской помощи против СССР.

Для укрепления английских позиций в Румынии, а также и в других государствах Юго-Восточной Европы, была создана Английская коммерческая корпорация, позднее переименованная в Коммерческую корпорацию Соединенного Королевства (ЭНКО), которая субсидировалась английским правительством¹⁴. Перед ЭНКО ставились две задачи: непосредственная закупка продовольствия и сырья как один из способов усиления экономической войны против Германии и более отдаленная — использование этой организации для завоевания экономических позиций на юго-востоке Европы после войны. Деятельность ЭНКО должна была продемонстрировать, что Англия не собирается отказываться от своих позиций в странах Юго-Восточной Европы.

Создание ЭНКО вызвало в Германии некоторую тревогу. Директор департамента экономической политики германского МИДа Виль в циркуляре, адресованном германским миссиям в Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии, а также Греции и Турции, предлагал главам

---

¹⁴ Министр финансов Саймон сообщил 4 апреля 1940 г., что правительство учредило для введения и поощрения торговли с некоторыми странами «Английскую коммерческую корпорацию». Компания должна была заниматься вопросами торговли с Болгарией, Грецией, Венгрией, Румынией, Турцией, Югославией. Во главе было поставлено правление в составе семи членов под председательством лорда Суинтона. («Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 359, col. 331—332, 4 апреля 1940 г.). 15 апреля 1940 г. компания была зарегистрирована под названием «United Kingdom Commercial Corporation, Limited» (ibid., vol. 359, col. 804, 16 апреля 1940 г.).

миссий обратить внимание своих правительств, что по «хорошо известным причинам (естественный и более выгодный экономический обмен с Германией, отсутствие экономического базиса для подобного обмена с западными державами) мы вполне естественно ожидаем от них защиты экономического нейтралитета и их собственных интересов всеми мерами, которые имеются в их распоряжении для того, чтобы сопротивляться английским усилиям, имеющим своей конечной целью вытеснение Германии с местных рынков»¹⁵.

Виль предписывал тщательно выведывать всякие данные о работе ЭНКО, особенно же следить, какими каналами пользуется ЭНКО для осуществлений своих операций в компаниях по производству железной руды и в транспортных компаниях в смысле владения акциями, скупки их и т. п.¹⁶

Деятельность ЭНКО приводила гитлеровцев в ярость. Германский посол в Бухаресте Фабрициус не уставал напоминать министру иностранных дел Гафенку, о «вредной деятельности» ЭНКО. Гафенку со своей стороны неоднократно заверял посла, что экономические отношения Германии и Румынии не потерпят ущерба¹⁷.

Несмотря на усилившийся нажим со стороны гитлеровской Германии, правительство Татареску по существу вплоть до коренного изменения обстановки, последовавшего после разгрома Франции, не ограничивало деятельности английских и французских компаний. Пока же оно заключило экономические соглашения как с Англией, так и с Францией. Например, с Францией было подписано соглашение о резком увеличении поставок румынской нефти (с 375 тыс. т до 600 тыс. т в год)¹⁸. Благодаря мерам, принятым Англией, доля закупок Германией румынской нефти сократилась на короткий срок до 1500 тыс. т в месяц.

Но давление Германии не ослабевало. Обращения Кароля в Лондон с указанием на опасность, которая таится для нейтралитета и независимости Румынии в

---

¹⁵ DGFP, vol. IX, N 74, p. 108—109.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Ibid., N 148, p. 215. Фабрициус—МИДу, Бухарест, 22 апреля 1940 г.

¹⁸ A. L. Esterman. King Carol, Hitler and Lupescu. London, 1942, p. 193.

нажиге гитлеровской Германии, не вызвали активных контрмер со стороны английского правительства, которое, очевидно, чувствовало себя не в состоянии оказать Румынии действительную помощь.

В ответ на обращения румынского правительства Форин оффис опубликовал весьма уклончивое заявление, в котором утверждалось, что слова румынского премьера о готовности Румынии защищать свой нейтралитет были встречены в Англии с чувством симпатии; что же касается экономических трудностей Румынии, то английское правительство, как о том известно Татареску, надеется помочь ей в частичном разрешении этих трудностей¹⁹. В Бухаресте английский ответ вызвал смятение, в Берлине — ликование.

Гитлеровцы усилили нажим, требуя окончательного подчинения румынской экономики Германии. Неоднократные представления в этом духе Фабрициус делал румынскому правительству. Для нажима на Румынию Германия старалась использовать ревизионистские требования Венгрии. Венгерский министр иностранных дел Чаки, выступая 1 декабря 1939 г., в годовщину присоединения Трансильвании к Румынии согласно Трианонскому договору, потребовал его аннулирования. Заявление Чаки напугало правящие круги Румынии, тем более, что одновременно Германия выступила с новыми требованиями экономического характера, которые Румыния была вынуждена принять. По соглашению от 22 декабря 1939 г. курс леи был снова снижен по отношению к германской рейхсмарке, что наносило огромный ущерб финансовому и экономическому положению Румынии. Германия настояла также и на отмене квоты в экспорте румынской нефти; кроме того, Румыния расплатилась поставками нефти за переданное ей при разделе Чехословакии вооружение²⁰.

Гитлеровцам удалось добиться и ограничения деятельности компаний, связанных с производством железа, стали, в которых было значительным участие или же влияние английского и французского капиталов. 17 января королевским декретом было объявлено об установлении правительственного контроля над производством железа и закупкой металлического лома.

---

¹⁹ A. L. Esterman. Op. cit., p. 193.

²⁰ Ibid., p. 195.

Румыния все больше входила в орбиту германской политики. Попытки Кароля примириться с железногвардейцами²¹ еще раз подтверждали это. Но если Кароль пытался таким образом задобрить Гитлера и спасти свой трон, то он снова просчитался — Гитлер уже давно решил избавиться от него при первой возможности.

Заявление Кароля от 21 июня 1940 г. о создании тоталитарного режима и последовавшее затем назначение прогерманского правительства Жигурту — Маноилеску, отказ от английской гарантии и увольнение румынского посла в Лондоне В. Тиля — одного из главных представителей англофильской политики — не могли уже ничего изменить. В Германии было принято твердое решение покончить с «неустойчивым положением» в Румынии и превратить ее в покорного сателлита.

* * *

К началу второй мировой войны Болгария находилась в экономической зависимости от Германии. Политические интересы правящих кругов Болгарии во многом совпадали с германскими.

Болгария — союзница Германии во время первой мировой войны, принадлежала к числу государств, считавших себя ущемленными послевоенным устройством мира. Потеря в 1912 г. Южной Добруджи в пользу Румынии, подтвержденная договором в Нейи, была чувствительным ударом для Болгарии. Ревизионистские круги Болгарии претендовали не только на Южную Добруджу, на владение которой у болгар были достаточно веские юридические и исторические основания, но также и на Салоники. Мегаломания правящих кругов Болгарии с их проповедью «Великой Болгарии» была вполне созвучна гитлеровским планам передела мира в пользу Германии.

Армия и особенно молодые офицеры, многие из которых прошли подготовку в германских военных академиях, выступали за самое тесное сотрудничество с вермахтом. Царь Борис и его ближайшее окружение были весьма подвержены немецкому влиянию, хотя в то же время среди господствующих классов были значительными и проанглийские настроения. Английские позиции, как экономи-

²¹ «Железная гвардия» — реакционная, шовинистическая организация, выступавшая за превращение Румынии в фашистское государство типа гитлеровской Германии. Антигосударственная деятельность железногвардейцев поддерживалась гитлеровцами.

ческие, так и политические, были в Болгарии непрочными. Английский капитал, вложенный в небольших размерах в государственные бумаги (1938 г. — 3,4 млн. ф. ст.), большой роли не играл. Английские вложения в акционерных обществах составляли всего 1,4% от всех иностранных капиталов²². Болгарская буржуазия была настроена в своем большинстве прогермански. Народ Болгарии относился к Германии враждебно, а к Англии равнодушно. Все его симпатии принадлежали России, Советскому Союзу, с которым его связывали вековые традиции дружбы, культуры, совместной борьбы. Болгары всегда помнили, что своей национальной независимостью, избавлением от гнета Османской империи и изгнанием турецких властителей с их башибузуками с болгарской земли они обязаны русскому народу. Идеи социализма и революционные традиции играли при этом огромную роль.

Главным образом этими глубоко укоренившимися чувствами и объяснялся тот факт, что ни гитлеровской Германии, ни прогитлеровскому болгарскому правительству не удалось втянуть Болгарию в войну против Советского Союза.

В начале войны Болгария заявила о своем нейтралитете, но было ясно, что позиция Болгарии будет в дальнейшем зависеть от реальной обстановки²³. И Англия, и Германия строили планы привлечения Болгарии на свою сторону. Кровно был заинтересован в сохранении нейтралитета Болгарии Советский Союз, ибо присоединение Болгарии к военной коалиции, в которой не участвовал СССР, представляло бы серьезную угрозу его безопасности.

Большое влияние на позицию Болгарии оказывала политика Турции, которая в самом начале войны заключила с Англией и Францией пакт о взаимной помощи (19 октября 1939 г.). Турция же, в свою очередь, должна была считаться не только с германскими интересами, но и постоянно оглядываться на фашистскую Италию, которая готовилась к выступлению против Югославии, Греции, Кипра.

---

²² Ю. А. Винцер. Указ. соч., стр. 113.

²³ Подробно о позиции правящих кругов Болгарии в начале войны см. Л. Б. Валев. Из истории Болгарии накануне и в начале второй мировой войны. Ученые записки Института славяноведения, М., 1960, т. XX, стр. 3—68.

Пока на Западном фронте царило затишье, английская дипломатия развивала энергичную деятельность по формированию балканского блока. Англия убеждала Турцию урегулировать свои отношения с Италией, являвшейся помехой на пути создания балканского блока, посредством заключения с нею соглашения, аналогичного греко-итальянскому договору о дружбе от 23 сентября 1928 г. Англия добилась также отвода турецких войск от турецко-болгарской границы, что должно было усилить в Болгарии те элементы, которые выступали за участие в проектируемом балканском блоке. Дело в том, что гитлеровские дипломаты не устали убеждать болгарских руководящих деятелей, что Англия хочет использовать Болгарию в своих собственных интересах, и подкрепляли свое утверждение фактом концентрации турецких войск на болгарской границе. Англия старалась свести к нулю аргументацию гитлеровцев²⁴.

В январе 1940 г. генеральный секретарь турецкого министерства иностранных дел Нуман Менеменджоглу встретился в Софии с болгарским премьером Георгием Кыосеиановым. Они обменялись заверениями, что оба государства не питают враждебных намерений друг к другу. Кыосеианов заявил, что Болгария не пропустит иностранных войск через свою территорию и будет ее защищать. Менеменджоглу со своей стороны заверил болгарского премьера, что до тех пор, пока «Болгария эффективно сохраняет свой нейтралитет, как Турция, так и ее союзники будут уважать неприкосновенность болгарских границ»²⁵. Турция в эти месяцы играла активную роль в политике сколачивания балканского блока.

Помимо болгаро-турецкого соглашения об отводе войск от границ, были подписаны и другие соглашения, по которым войска балканских государств были отведены от греко-итальянской и венгеро-румыно-югославских границ. Однако дальше дело затормозилось: Румыния возражала против немедленного удовлетворения болгарских территориальных требований, предлагая сделать это после

---

²⁴ FR, 1939, vol. I, p. 470—472. Кенпеди — госдепартаменту, Лондон, 16 ноября 1939 г.

²⁵ FR, 1940, vol. I, p. 455—456. Посол в Турции Макмеррей — госдепартаменту, Анкара, 25 января 1940 г.

окончания войны. Но это предложение было Болгарией отвергнуто²⁶.

Вопрос о балканском блоке и о привлечении в него Болгарии служил предметом обсуждения на конференции Балканской антанты в начале февраля в Белграде. Несмотря на препятствия со стороны Югославии, не желавшей связывать себя никакими обязательствами, конференция все же собралась. Попытка греческого представителя Папагоса (действовавшего, по-видимому, в соответствии с английскими пожеланиями), предложившего превратить Балканский пакт в оборонительную коалицию, обращенную против любого агрессора, потерпела неудачу.

Против выступил представитель Югославии, германофил Цинцар-Маркович, запугивавший остальных участников конференции враждебной реакцией «других государств»²⁷⁻²⁸. Он имел в виду Германию. Таким образом, все складывалось к явной выгоде фашистских агрес-

---

²⁶ FR, 1940, vol. I, p. 454. Посланник в Белграде Лейн — государственный секретарю, Белград, 12 января 1940 г.

Позиция Румынии была фактически поддержана Францией. Болгарский посланник в Париже Балабанов сообщал в Софию: «Г-н Леже (генеральный секретарь французского МИДа. — А. Н.) сказал мне, что он вполне разделяет мнение об основательности болгарских претензий. Однако он считает, что вопрос может быть разрешен лишь после окончания войны. Румыния не согласна на уступку территории до этого времени, а Франция считает, что она не может заставить Румынию пойти на подобные уступки». И далее Леже добавил: «Франция не может это сделать потому, что... у нее нет никакой уверенности в том, что Болгария, получив Добруджу, тем не менее не окажется снова в лагере противника» (Л. Б. В а л е в. Указ. соч., стр. 45—46).

²⁷⁻²⁸. Директор политического департамента румынского МИДа Крецяну излагает переговоры о создании балканского союза следующим образом: 19 сентября 1939 г. во время встречи в Джебеле Цинцар-Маркович и Гафенку одобрили идею балканского союза не только в принципе, но будто бы согласились, что Румыния передаст Болгарии часть Южной Добруджи, а Югославия — район Царибрда. Предварительным условием передачи этих территорий должно было быть присоединение Болгарии к Балканской антанте.

Крецяну далее утверждает, будто дело было сорвано из-за позиции Греции, которая отказалась предоставить Болгарии «экономический выход» к Эгейскому морю (речь идет о предоставлении Болгарии экстерриториального порта на Эгейском море. — А. Н.). Отрицательную позицию затем заняла и Югославия. Интерпретация Крецяну отличается стремлением переложить вину за срыв плана балканского союза на других партнеров из Балканской антанте (А. С r e t z i a n u. Op. cit., p. 37).

соров — Германии и Италии, которые продолжали свою тактику разобщения балкано-дунайских государств для уничтожения их затем поодиночке.

В статут Балканской антанты был лишь добавлен секретный пункт о необходимости контактов между генеральными штабами ее участников.

Однако и это решение осталось на бумаге. Обсуждение вопроса о привлечении Болгарии также не дало никаких практических результатов.

Заверения, данные Кьосеивановым Менеменджоглу, а месяц спустя министру иностранных дел Турции Сараджоглу, о готовности Болгарии сохранять статус-кво, вскоре после конференции Балканской антанты потеряли всякую цену, так как прогерманские элементы в Софии взяли верх. Берлин уведомил царя Бориса, что Кьосеиванов на посту премьера является нежелательным. Царь Борис дал отставку Кьосеиванову и 15 февраля 1940 г. назначил на его место реакционнейшего болгарского политика, фашиста и германофила, профессора археологии Филова. По словам Кретцяну, Филлов позднее хвастал, что он торпедировал Балканскую антанту²⁹. Смена правительства была крупнейшим поражением британской дипломатии в Болгарии. Новый министр иностранных дел Иван Попов заявил вскоре, что Менеменджоглу и Сараджоглу неправильно поняли Кьосеиванова. Болгария вошла в фарватер германской политики.

* * *

В весьма сложном положении оказалась с началом войны Греция, находившаяся под сильным английским влиянием. Английские монополии прочно обосновались в экономике Греции. Их вложения составляли в 1936 г. более 56 млн. ф. ст., или 67,4% от всего иностранного капитала, размещенного в стране. Английские инвестиции были размещены главным образом в железнодорожных, горнорудных компаниях, предприятиях легкой промышленности, во внутренней торговле. Значительные вложения были сделаны в торговый флот. Крупные капиталы были вложены в кредитно-финансовую систему страны³⁰.

²⁹ А. С р е т з и а н у. *Op. cit.*, p. 38.

³⁰ Ю. А. В и н ц е р. *Указ. соч.*, стр. 113.

С точки зрения стратегической, Греция представляла для Англии значительный интерес, так как с греческой территории можно было угрожать Италии, оказывать влияние на обстановку в Югославии, в Турции и в Болгарии. Греция могла служить щитом, прикрывающим путь к английским владениям и коммуникациям на Ближнем и Среднем Востоке, в Восточном Средиземноморье.

С 1936 г. Грецией управлял диктатор фашистского толка генерал Метаксас. Ученик германской военной академии, Метаксас заимствовал методы управления у германских фашистов. При диктатуре Метаксаса экономическое проникновение Германии в страну усилилось. Греция угрожала и Италия, вынашивая планы захвата Корфу. Приходилось опасаться и болгарских ревизионистов, мечтавших о выходе к Эгейскому морю и о захвате Салоник. Как член Балканской антанты Греция могла бы рассчитывать на помощь своих соседей в случае нападения на нее Италии и Болгарии при поддержке Германии, однако в создавшихся конкретных условиях надежды на получение такой помощи было мало.

Турция старалась поддерживать отношения с обеими воюющими сторонами, причем германское экономическое, а также и политическое влияние было довольно ощутимо. Греко-турецкие отношения строились на основе договора о «сердечной дружбе» от 14 сентября 1933 г. и дополнительного протокола от 27 апреля 1938 г.³¹

С другим соседом, Югославией, у Греции были довольно холодные отношения, так как в Югославии полагали, что Греция заключением в 1928 г. договора о дружбе с Италией помогает последней в ее политике, направленной против интересов Югославии.

Что касается Албании, то в греческих интересах было сохранение территориальной целостности и независимости этой страны, которая, однако, уже находилась под сильным итальянским влиянием. Через день после нападения Италии на Албанию Греция поставила Англию в известность об угрозе, создавшейся для ее независимости.

---

³¹ В случае неспровоцированной агрессии против одной из сторон, другая обязывалась не только соблюдать нейтралитет, но и применять оружие в случае попытки агрессора использовать территорию этого государства для прохода войск, создания линий коммуникаций и т. д. Однако обязательств взаимной помощи оба соглашения не содержали.

13 апреля 1939 г. было опубликовано заявление английского правительства о предоставлении Греции английской гарантии, по образцу данной Польше, а также кредита в 2 млн. ф. ст. для усиления ее обороны. Последовавшее затем в мае 1939 г. заявление английского, французского и турецкого правительств о предстоящем подписании между ними договора о взаимной помощи усилило в Греции проанглийские круги. Державы «оси» ответили подписанием 22 мая 1939 г. итало-германского союза, которым предусматривался захват Балкан немедленно после начала войны³².

Балансируя между двумя враждующими группировками держав, греческий диктатор в канун войны, 21 августа 1939 г., пытался еще как-то договориться со своим наиболее опасным соседом — Италией. По поручению итальянского правительства посол в Афинах Граци задал Метаксасу ряд вопросов:

«Какую позицию займет Греция в случае нападения Турции на Италию?».

Ответ: «Греция не имеет в этом случае никаких обязательств по отношению к Турции». При этом Метаксас оговорил, что он считает такой случай невероятным.

«Что будет делать Греция, если Англия потребует предоставления ей греческих гаваней?».

Ответ: «...если мы по собственному согласию предоставим в распоряжение англичан гавани, то это будет означать отказ от нашего нейтралитета и соответственно войну с вами. Но о такой линии действий мы и не мыслим и поэтому нам нет нужды рассматривать ее... если будет совершено нападение на целостность нашей территории или под ударом окажутся наши жизненные интересы, то мы будем сражаться, чтобы защитить их»³³.

В то время Италия, как известно, к войне готова не была и предпочитала выжидать дальнейшего развития событий, а поэтому позиция Греции ее абсолютно устраивала. 11 сентября Италия официально выразила свое удовлетворение позицией Греции. Более того, Италия заявляла, что она отводит свои войска на 20 км от греческой границы и не исключает возможности установления

---

³² IMT, vol. XXXI, Doc. 2818 — PS, p. 159.

³³ «The Greek White Book», Washington, 1943, N 45, p. 37, 38.

прочных итало-греческих отношений путем заключений соответствующих соглашений³⁴. На запрос Метаксаса об отношении английского правительства к возможному итало-греческому договору, он получил из Лондона ответ, который можно было рассматривать как положительный... в случае соблюдения Грецией двух условий: Греция сохраняет свободу действий в случае конфликта между Италией и Англией, а также между Италией и любым членом Балканской антанты.

Практически эти оговорки означали, что Греция должна будет выступить против Италии в случае ее любого агрессивного шага на Балканах. Иными словами, Англия, незадолго до того давшая гарантию Греции, приглашала последнюю недвусмысленно продемонстрировать Италии, что Греция идет вместе с Англией. Таким образом, условия, выдвинутые Англией, на самом деле исключили возможность итало-греческого соглашения. Метаксас был вынужден отказаться от этой идеи. Впрочем, он отдавал себе отчет в том, что позиция Италии зависит прежде всего от будущего развития событий.

* * *

Сложная политика велась вокруг Югославии. Здесь сталкивались интересы самых различных государств, игравших значительную роль в экономике страны и оказывавших влияние и на ее политику³⁵.

Англия занимала второе место (первое — Швейцария) по количеству капиталов, вложенных в промышленность Югославии. Хотя, по сравнению с другими сферами приложения английского капитала, на долю Югославии приходилась не очень большая часть — немногим более одного млрд. динар, все же Англия занимала значительное место в ряде отраслей югославского хозяйства.

Во второй половине 30-х гг. Югославия, как и другие страны балкано-дунайского района, стала полем ожесто-

³⁴ «The Greek White Book», Washington, 1943, № 45, p. 41.

³⁵ Данные об английских экономических интересах в Югославии подчеркнуты автором из работ советского экономиста Ю. А. Винцера («Английские капиталовложения за границей в период империализма». М., 1960), югославского экономиста С. Димитриевича (Sergije Dimitrijevic. Das ausländische Kapital in Jugoslawien vor dem zweiten Weltkrieg. Berlin, 1963) и из английских статистических материалов.

ченной экономической и политической борьбы между Германией и Англией. С 1935 по 1940 г. английские капиталовложения в югославскую экономику увеличились вдвое. Немецкие капиталовложения выросли еще больше. Английские капиталы были помещены в 69 югославских предприятиях; немецко-австрийские — в 294 из 520 югославских предприятий с участием иностранного капитала. Среди банков, через которые Англия оказывала прямое влияние на югославскую экономику, можно упомянуть Англо-Интернациональ банк и Англо-Прагер кредитбанк. Но еще более важным было косвенное влияние, оказываемое английскими финансовыми кругами через Центральноевропейский банк.

Наибольшая часть английских капиталов была вложена в горнорудную и нефтяную промышленность, а также в транспорт. В горнорудной промышленности английский капитал занимал первое место и представлял 45% от всех иностранных вложений в эту отрасль производства, или 56,1% от всех английских капиталовложений в Югославию. Наибольшее значение имели добыча свинцовой и хромовой руд. Главными компаниями с английским капиталом были «Селекшн траст компани» и «Сентрал майнинг инвестмент корпорейшн», обладавшие многочисленными предприятиями. Часть рудников и фабрик принадлежала известному английскому военному концерну «Виккерс-Армстронг».

В транспортном строительстве и судоходстве доля английского капитала составляла 63,1% от всего иностранного капитала в этой области экономики, или 14,6% от английского капитала. Английские фирмы занимали ведущее положение в морском транспорте Югославии. Наиболее значительной среди них был югославский Ллойд, на долю которого приходилось чуть ли не 95% югославских морских перевозок. Помимо Ллойда английские капиталисты принимали участие еще не менее чем в десяти судоходных компаниях, в четырех из которых занимали руководящее положение. 10 судоходных компаний с участием английского капитала располагали 112 судами общим водоизмещением в 247 090 брутто-тонн — 62% общего югославского тоннажа. Через посредство крупнейшего югославского акционера Ллойда Бозо Банача англичане в обход югославских законов с помощью созданного фиктивного югославского общества «Невис» осуществляли

контроль и над речным судоходством. За спиной «Невиса» стояла английская компания «Голенд транспорт энд трейдинг К^о» с капиталом 27,5 млн. динар, владевшая 41 судном.

Одна из двух крупнейших судостроительных верфей в стране принадлежала английской фирме «Ярроу энд К^о» (Глазго).

В нефтяной промышленности англо-голландский «Ройял Датч Шелл» поделил с американским «Стандард Ойл» всю переработку нефти в Югославии. Английский капитал составлял 31% от всего иностранного капитала (14,5% от всего английского капитала в Югославии), американский — 51,7%.

Английские акционерные общества и банки вкладывали также свои капиталы в лесную промышленность, в которой занимали третье место (лес составлял четвертую часть всего югославского экспорта в Англию), пищевую, пивоваренную, ликерно-водочную и др. отрасли югославского производства.

С 1935 по 1940 г. участие английского капитала в югославских акционерных обществах возросло на 135%, в то время, как доля немецкого капитала увеличилась на 407%, а швейцарского на 444%. Английский вывоз из Югославии, хотя и вырос к 1938 г. по сравнению с 1925—1929 гг. в восемь раз, все же составлял всего 9,9% от всего югославского экспорта. Немецкая клиринговая система позволяла Германии наносить чувствительные удары английским конкурентам.

До второй мировой войны Югославия была одним из важнейших звеньев французской системы союзов в Европе. Участница Малой и Балканской антант Югославия одно время занимала довольно твердую позицию, выступая против экспансионистских тенденций фашистской Италии и гитлеровской Германии. Но после убийства в Марселе³⁶ и прихода к власти принца-регента Павла (по времени это совпало с начавшейся на Западе политикой «умиротворения» и с такими событиями, как нападение Италии на Эфиопию и интервенция в Испании) внешняя политика Югославии испытывала всё большие колебания.

---

³⁶ 9 октября 1934 г. в Марселе фашистами-террористами были убиты югославский король Александр и встречавший его французский министр иностранных дел Луи Барту.

Теперь ее отличало стремление к балансированию между враждующими группировками великих держав. Чем ближе надвигалась война, тем отчетливее проявлялась эта тенденция.

Внутренние неурядицы в Югославии оказывали на ее внешнюю политику самое пагубное влияние. Буквально за пять дней до начала второй мировой войны в Югославии был кое-как преодолен глубокий политический кризис верхов, многие годы сотрясавший это многонациональное государство. После долгих лет конфликта между Сербией и Хорватией 26 августа 1939 г. на основе соглашения между принцем-регентом и лидером крестьянской хорватской партии В. Мачеком было создано новое правительство Цветковича, в котором Мачек стал заместителем премьера. Пост министра иностранных дел получил известный своими германофильскими настроениями, бывший при правительстве Стоядиновича послом в Берлине, Цинцар-Маркович, проводивший политику капитуляции перед требованиями Германии. Внешняя политика Югославии, как утверждает в своих воспоминаниях Мачек, «была направлена к тому, чтобы исключить Югославию из войны или по крайней мере воздержаться от военных обязательств до того времени, пока мы могли бы оказать реальную помощь союзникам. В 1940 и 1941 гг. единственно, что мы хорошо знали, это то, что у Югославии отсутствует даже самая элементарная готовность к войне. Судьбы народа должны были быть защищены дипломатическими средствами, и это... могло быть сделано только путем определенной дозы экономического умиротворения Гитлера.

Вся наша внешняя политика была в действительности направлена на выигрыш времени»³⁷.

Делая скидку на стремление Мачека оправдать обанкротившуюся прогерманскую политику правительства, вице-премьером которого он был, можно все-таки согласиться с основным — коалиционное правительство Цветковича шаг за шагом шло на уступки гитлеровской Германии, пока не довело дела до прямой измены национальным интересам страны. Но об этом речь впереди.

Определенное влияние на политику Югославии, помимо Франции и Англии, которые имели там значительные

---

³⁷ V l a d k o M a c e k. In the Struggle for Freedom. New York, 1957, p. 205.

экономические интересы, оказывала Германия, с середины тридцатых годов все больше внедрявшаяся в экономическую жизнь Югославии, а также и Италия, давно втайне строившая планы ликвидации независимости Югославии и ее расчленения.

Если высшие классы югославского общества вели ожесточенную борьбу между собой за экономическое и политическое преобладание, отражая в той или иной мере конкурентную борьбу великих держав, то симпатии широких народных масс были обращены совсем в иную сторону. Можно смело утверждать, что в народе широкое распространение получили идеи славянской солидарности и дружеские чувства к Советскому Союзу. Сам принц-регент, его окружение, высшие круги в Сербии и Хорватии относились к Советскому Союзу с нескрываемой враждой, и только сознание опасности, нависшей над Югославией, заставило их сделать запоздалый шаг: в июне 1940 г. Югославия «признала» СССР, и между ними были установлены дипломатические отношения.

Внешнеполитические мероприятия Советского Союза по укреплению собственной безопасности, а также безопасности Юго-Восточной Европы, принятые им в самом начале второй мировой войны, были с пониманием и сочувствием встречены в Югославии, а выход СССР на румынскую границу был воспринят с облегчением. Любопытное подтверждение тому мы находим в ряде донесений Лейна, американского посланника в Белграде. В донесении госдепартаменту от 19 сентября 1939 г. Лейн указывает, что вступление советских войск в Западную Украину и в Западную Белоруссию было направлено «против дальнейшего германского продвижения на восток... Ожидается переориентация югославской политики в сторону Советского Союза... Сербский народ, — сообщает далее Лейн, — не разделяет точки зрения королевской фамилии. С другой стороны, он вспоминает с благодарностью поддержку, оказанную Россией Сербии в минувшую войну, и сравнивает эту помощь с отсутствием в настоящее время помощи Польше со стороны Франции и Великобритании»³⁸. В другом сообщении, три дня спустя, Лейн пишет: «Настроение здесь улучшилось с тех

---

³⁸ FR 1939, vol. 1, p. 442. Лейн — государственному секретарю, Белград, 19 сентября 1939 г.

пор, как стало известно, что Советы находятся на румынской границе. Югославы теперь чувствуют, что опасность германского вторжения уменьшилась»³⁹. Даже антисоветски настроенный принц-регент был вынужден признаться американскому посланнику, что «может быть предпочтительнее иметь Россию, чем Германию на румынской границе». Павел высказал американскому посланнику мнение, что действия Советского Союза были предприняты скорее для того, чтобы «остановить Германию, нежели оказать последней помощь»⁴⁰.

Однако рост просоветских симпатий тормозился правящими кругами. Не будь этого искусственного препятствия, советско-югославские отношения развивались бы более интенсивно, и вся картина на Балканах, быть может, была бы совсем иной. Развитие событий пошло, однако, по другому руслу.

Политика балансирования правящих кругов Югославии не удовлетворяла ни одну из воюющих сторон. Непрестанно строила заговоры против Югославии Италия. Еще в преддверии войны она пыталась сыграть на сербско-хорватских распрях и предлагала Мачеку союз для отделения Хорватии при вооруженной поддержке Италии и превращения затем Хорватии в сателлита Италии⁴¹.

В то время и Германия подстрекала своего итальянского союзника к расправе над Югославией: для гитлеровцев Югославия всегда оставалась детищем ненавистного им Версальского договора. Поэтому уничтожение национальной независимости Югославии тем или иным путем оставалось одной из главных задач германской политики на Балканах. 12—13 августа 1939 г. во время встречи в Оберзальцберге, когда Германия поставила своего итальянского партнера в известность о намерении в скором времени развязать войну, Гитлер убеждал итальянского министра иностранных дел Чиано в необходимости уничтожения Югославии. Правда, в то время Югославия была приманкой, которой Гитлер хотел заставить Муссолини принять участие в войне с самого начала.

До крушения Франции Югославия более или менее удачно лавировала между враждебными группировками.

---

³⁹ Ibid., p. 448, 22 сентября 1939 г.

⁴⁰ Ibid., p. 447, 21 сентября 1939 г.

⁴¹ V l a d k o M a c e k. Op. cit., p. 189—190.

В период «странной войны» особенно усилилась борьба за обладание экономическими ресурсами Югославии. Стараясь умиловить Германию, Югославия подписала 5 октября 1939 г. секретный протокол, а 12 мая 1940 г. — дополнение к этому протоколу, о значительном увеличении поставок железной руды и меди в Германию.

Со своей стороны, Англия старалась удержать собственные экономические позиции в Югославии. С этой целью она согласилась уже после начала операций в Скандинавии снабжать Югославию сырьем, даже не ставя это снабжение в зависимость от югославо-германской торговли и удовлетворившись заверениями югославской стороны, что английское сырье не будет реэкспортировано в страны с клиринговой системой, т. е. имелась в виду прежде всего Германия⁴².

Политически Англия старалась оказывать воздействие как на самого принца Павла, так и на членов правительства. Большую роль в Белграде играл английский посланник Р. Кемпбелл. Характерны для методов осуществления английского влияния в Югославии были попытки усиленного воздействия на армию и особенно на офицеров военно-воздушных сил, многие из которых проходили обучение во Франции и в Англии, и были очень недовольны политикой правительства. Между тем армия в Сербии и католическая церковь в Хорватии представляли силы, с которыми приходилось считаться. Не кто иной как принц-регент воскликнул как-то, перефразируя известную латинскую поговорку: «Горе стране, которая управляется офицерами или церковниками»⁴³.

* * *

Венгрия занимала в Юго-Восточной Европе особое положение, как часть побежденной в войне 1914—1918 гг. и развалившейся затем Австро-Венгерской монархии. Направление внешней политики Венгрии определялось тремя факторами: стремлением избежать политической изоляции перед лицом французской системы союзов в Юго-Восточной Европе (Малая и Балканская антанты), постепенным усилением ревизионистских настроений пра-

⁴² DGFP, vol. IX, № 191, p. 293. Миссия в Болгарии — МИДУ, София, 3 мая 1940 г.

⁴³ V l a d k o M a s e k. Op. cit., p. 198.

вящих классов и антикоммунизмом. Венгерская буржуазия и аристократия, напуганные советской революцией 1919 г., вручили власть адмиралу Хорти — бывшему командующему военно-морскими силами Габсбургской империи, который установил фашистский режим. В своей внешней политике на протяжении всех лет между двумя войнами Венгрия ориентировалась на союз с фашистскими государствами, прежде всего с Италией, а позднее с гитлеровской Германией. Для Италии Венгрия была форпостом, откуда она стремилась распространить свое экономическое и политическое влияние на соседние страны.

Стремление фашистской Германии и Италии к переделу мира пользовалось живейшим сочувствием и поддержкой правящих кругов Венгрии, которые не уставали кричать о том, что Венгрия является «жертвой Версаля», и добивались ликвидации Трианонского договора, кроме того они требовали передачи им Трансильвании, претендовали на ряд чехословацких, польских и югославских земель. После Мюнхена Венгрия захватила Закарпатскую Украину, в феврале 1939 г. примкнула к «антикоминтерновскому пакту». Гитлеровская Германия поддерживала захватнические тенденции правящих кругов Венгрии, так как это помогало реализации ее собственных планов на Балканах, а также способствовало все большему втягиванию Венгрии в гитлеровские планы.

Хотя господствующие классы Венгрии поддерживали в целом завоевательные планы Гитлера, в правящей верхушке не было единства в вопросе о степени участия Венгрии в планах Германии.

Влиятельные круги во главе с регентом-диктатором Николасом Хорти ориентировались на Италию, рассчитывая, с одной стороны, при ее помощи осуществить захваты чужих земель, а с другой, опираясь на ее поддержку, противостоять попыткам Германии превратить Венгрию в своего бесправного сателлита. Эта группировка считала также необходимым поддерживать по возможности хорошие отношения с Англией и Соединенными Штатами Америки, которые неоднократно оказывали режиму Хорти экономическую и политическую поддержку. Другая группировка вела открыто прогерманскую политику, требовала безоговорочной поддержки гитлеровской Германии, экспансии во внешней политике и усиления реакционного режима внутри страны.

Наиболее ярко выражена была эта тенденция партией нилашистов во главе с Салаши — откровенным гитлеровским агентом. Прогитлеровскую линию в венгерской внешней политике проводили такие венгерские политические деятели, как Имреди, Бардоши, Стоян.

Учитывая эти моменты, Англия уже после начала второй мировой войны ставила своей целью не допустить окончательного перехода Венгрии в стан гитлеровской Германии, постараться удержать ее в положении, если не нейтрального государства, то во всяком случае невоюющей стороны ⁴⁴. Пока Италия оставалась вне войны, можно было смело рассчитывать на то, что и Венгрия займет аналогичную позицию. Однако Англия, добивавшаяся создания блока балканских государств, возможно рассчитывала в конечном счете и на привлечение Венгрии к этому блоку благодаря уступкам, которые должны были бы сделать ей другие государства Балканского полуострова, в частности Румыния.

В венгерской политике Англия исходила из итало-германских противоречий. Италия, рассчитывал Лондон, постарается не допустить усиления германского влияния в Венгрии, которую считает сферой своих интересов.

Постоянный заместитель английского министра иностранных дел А. Кадоган в беседе с венгерским посланником в Лондоне Барцой 21 декабря 1939 г. выразил надежду, что у венгерского правительства найдется достаточно благоразумия, чтобы не впутаться в военную авантюру. «Совместное с немцами выступление приведет к установлению их господства над Венгрией» ⁴⁵, — предостерегал он. Вслед за тем Кадоган осторожно поинтересовался: «Нет ли у нас какого-либо тайного соглашения с итальянцами об оказании итальянской военной помощи в случае, если мы подвергнемся нападению?» — «Я мог, естественно, только ответить, что этого я не знаю», — сообщал Барца венгерскому министру иностранных дел графу Чаки ⁴⁶.

⁴⁴ Усиление экономических позиций Италии и Германии в Венгрии остро ощущалось английскими монополиями, чьи инвестиции в венгерское хозяйство оставались все еще существенными — 22% от всех иностранных долгосрочных вложений, или 19,5 млн. ф. ст. (Ю. А. Винцер. Указ. соч., стр. 116):

⁴⁵ OL, KUM, Res. pol., 1939, 1121, 7.1. (микрофильм).

⁴⁶ Ibid., 9.1.

Английские государственные деятели, стремясь удержать Венгрию от участия в военных операциях «оси», не скупились ни на лесть, ни на посулы. Галифакс в беседе с Барцой 9 февраля 1940 г. выражает восхищение внешней политикой Венгрии, которая, по его мнению, сочетает «ловкость с честностью». Галифакс высоко оценил решение венгерского правительства в сентябре 1939 г. отклонить просьбу Германии о проходе немецких войск через венгерскую территорию, для использования их против Польши.

Галифакс, сообщил Барца Чаки, «с большим удовлетворением принял мое сообщение, которое я сделал согласно указанию, что мы не склонны и не будем склонны к какой-либо совместной (с Германией. — А. Н.) акции в какой бы то ни было форме»⁴⁷.

Но и Венгрия вела в этот период свою собственную игру. Добиваясь удовлетворения своих территориальных претензий, венгерские дипломаты усиленно зондируют позицию Англии. Ведь до разгрома Франции даже у союзников Германии были большие сомнения в германской победе. Венгрия стремилась вести дело таким образом, чтобы в любом случае не только не проиграть, но и выиграть. Собираясь официально предъявить требование Румынии о передаче Трансильвании, венгерское правительство пыталось заручиться хотя бы тайным согласием Англии. В той же беседе с Галифаксом Барца неоднократно и настоятельно подчеркивал, что решение по поводу Трансильвании должно носить исключительно территориальный характер. Вопрос о правах меньшинства — теперь уже пройденный этап, говорил венгерский посланник, заранее отвергая таким образом предложения, которые могли последовать со стороны Англии. Барца ссылается при этом на речи английского премьера, в которых тот подчеркивал ошибки Версаля и возможность их исправления. Здесь Барца перешел к основной цели своего разговора. «В интересах Англии было бы заявить, — говорил венгерский посланник, — что прошлые ошибки не будут повторены»⁴⁸.

Барца обращается к Англии с просьбой о гарантии в виде секретного заявления, что английское правитель-

⁴⁷ OL, KÜM, Pol., 1940, 12, 52.1.

⁴⁸ Ibid., 57.1.

ство при новом упорядочении дел в Европе будет иметь в виду венгерский вопрос и, со своей стороны, будет поддерживать любое решение, имеющее целью разумное урегулирование территориальных споров между Венгрией, Румынией и другими соседями. Такое тайно переданное в Лондоне или Будапеште английское заявление имело бы большую ценность для венгерского правительства, — подчеркнул Барца ⁴⁹.

Ответ британского министра был несколько уклончивым, но носил все же положительный характер: он считал предложение Венгрии «интересным и достойным внимания» и обещал «посмотреть, можно ли будет сделать что-нибудь в этом отношении». Как бы то ни было, но венгерский дипломат расценивал ответ Галифакса как принципиальное согласие, ибо в конце разговора он напоминает Галифаксу, что английские гарантии Венгрии должны быть сделаны в величайшей тайне и оставаться в секрете, в противном случае дело выглядело бы так, будто Венгрия заключает тайные соглашения с англичанами. «Это лорд принял с тонкой улыбкой». Затем Галифакс отметил, что «он высоко ценит лояльность и честность, с которой его информируют» ⁵⁰, — с удовлетворением подчеркнул Барца.

Барца обещал прислать Галифаксу материалы по Трансильванскому вопросу, чтобы английское правительство было в курсе территориальных претензий Венгрии.

Спустя почти месяц английскому правительству был передан меморандум о Трансильвании с приложениями и кратким резюме. Передавая эти документы, Барца подчеркнул непоколебимую позицию Венгрии в отношении территориальных претензий, а также и то, что «венгерское правительство особенно стремилось наиболее лояльно информировать английское правительство о своих мыслях и соображениях», и убеждено, что английское правительство «должным образом оценит наше поведение в этих тяжелых условиях и щекотливой ситуации» ⁵¹.

* * *

Еще в 30-е гг. Турция стала ареной ожесточенной конкуренции между Англией и Германией. Начавшаяся

⁴⁹ OL, KUM, Pol., 1940, 12, 57.1.

⁵⁰ Ibid., 58.1.

⁵¹ Ibid., 10—11.1.

в конце 1934 г., и особенно после принятия «плана Шахта», интенсивная германская экономическая экспансия на юго-восток существенно потеснила Англию на турецком рынке. Уже в 1934 г. Германия заняла первое место во внешней торговле Турции.

Усилились и политические германо-турецкие связи ⁵². Тем не менее английское влияние в Турции оставалось достаточно прочным. Оно стало еще более заметным в связи с итальянской агрессией против Эфиопии и угрозой итальянской экспансии на Балканах и в районе Восточного Средиземноморья. Турция опасалась нападения Италии. Англия с ее мощными морскими силами, имперскими базами и коммуникациями, поддерживаемая Францией, рассматривалась Турцией не только как надежная защита ее безопасности со стороны Средиземного моря, но и как союзник в случае конфликта с СССР. Англо-турецкие отношения укрепились после конференции в Монтре, созванной в июле 1936 г. для пересмотра Лозаннской конвенции о режиме Проливов. На этой конференции Англия поддержала предложения Турции, за которой закреплялось право единоличного толкования новой конвенции и разрешалось укрепление Проливов. Результаты конференции в Монтре не замедлили сказаться на англо-турецких деловых отношениях: известная английская военно-строительная фирма Виккерса получила от турецкого правительства подряд на строительство укреплений в Проливах, а переговоры об этом с германской фирмой Круппа были прекращены. Острая англо-германская конкурентная борьба продолжалась и в последующие годы. Турецкое правительство старалось, разумеется, извлечь всю выгоду из создавшегося положения ⁵³.

Еще в 1937 г. турецкое правительство предложило новому английскому правительству (Невиля Чемберлена) заключить англо-турецкий союз. Однако Англия, флиртовавшая в то время с Италией и строившая комбинации узкого стовора с фашистскими государствами, предпочла уклониться от этого предложения. Но в мае 1939 г.

---

⁵² Подробно см. А. Ф. М и л л е р. Очерки новейшей истории Турции. М., 1948, стр. 199—205; е г о ж е. Краткая история Турции. М., 1948, стр. 214—223.

⁵³ Более подробно этот вопрос рассматривался в кн.: А. М. Н е к р и ч. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 — сентябрь 1939), стр. 110—111.

после оккупации Албании Италией Англия объявила о предстоящем подписании англо-франко-турецкого соглашения о союзе. Вскоре был урегулирован спор с Францией относительно санджака Хатай ⁵⁴.

Через полтора месяца после начала второй мировой войны, 19 октября 1939 г., в Анкаре был подписан англо-франко-турецкий договор о взаимной помощи ⁵⁵.

В договоре указывалось, что в случае нападения европейской державы на Турцию Англия и Франция окажут Турции «всю помощь и поддержку, которыми они располагают». Турция обязывалась вступить в войну на стороне союзников при следующих условиях: если Англия и Франция окажутся вовлеченными в войну в результате выполнения ими обязательств в отношении Румынии и Греции, стороны обязывались оказывать друг другу взаимную помощь в случае, если они будут вовлечены в войну на Средиземном море; если бы Англия подверглась непредусмотренной договором агрессии, то Турция обязывалась занять по крайней мере позицию благожелательного нейтралитета. Перемирие и мир могли быть заключены только по общему согласию союзников.

В протоколе, приложенном к договору, содержалась важная оговорка — Турция не была обязана выполнять договор, если в результате этого она могла быть вовлечена в войну с СССР ⁵⁶.

Казалось, что Турция прочно входит в англо-французскую коалицию. Однако с самого начала войны в Европе появились признаки, свидетельствовавшие о том, что Турция может оказаться весьма непрочным звеном в англо-французской комбинации. В частности, об этом свидетельствовали широко распространившиеся с начала войны настроения в пользу сохранения турецкого нейтралитета ⁵⁷.

⁵⁴ А. М. Некрич. Указ. соч., стр. 316—319.

⁵⁵ Договор был подписан турецким премьер-министром Рефик-Сайдамом, французским послом Массильи и английским Натчбоул-Хьюгессеном.

⁵⁶ Great Britain. Treaty of Mutual Assistance between His Majesty in Respect of the United Kingdom, the President of the French Republic and the President of the Turkish Republic. Angora, October 19, 1939.

⁵⁷ E. R. Verge-Hodge. Turkish Foreign Policy 1918—1950, London, 1951, p. 130.

В дальнейшем политика Турции зависела прежде всего от реального соотношения сил враждующих сторон. Турецкая политика проходит в этот период через два четко обозначенных этапа: от начала второй мировой войны до поражения Франции и от поражения Франции до заключения германо-турецкого договора о дружбе.

Наиболее характерной чертой первого этапа была уверенность Турции в превосходстве англо-французской военной мощи над германской, убеждение в непреступности линии Мажино, стремление активно участвовать в английских политико-дипломатических комбинациях на Балканах.

В то время Англия, Франция, а с ними и Турция верили, что им удастся преодолеть затруднения и сколотить антигерманский блок на Балканах. Об этом со всей определенностью пишет, в частности, английский посол в Анкаре Натчбулл-Хьюгессен в своих мемуарах, вызывая запоздалое удивление у своего германского коллеги фон Папена⁵⁸.

В английских планах создания балканского блока Турции отводилось особое место. Как мы уже указывали, наиболее уязвимым пунктом этого проекта была Болгария. Но Болгария была заинтересована в поддержании хороших отношений с Турцией, с которой имеет общую границу. С другой стороны, для Болгарии была не менее важна и позиция Турции как члена Балканской антанты, устав которой обязывал Турцию выступить своими силами в случае попытки Болгарии изменить существующее положение. Англия рассчитывала, что турецкому правительству удастся убедить Болгарию не только соблюдать строгий нейтралитет (это было обещано болгарским премьером Кьосеивановым Менеменджоглу во время их январской встречи в Софии в 1940 г.), но и склонить ее к участию в балканском блоке.

Вопрос об участии Болгарии в балканском союзе был, как мы знаем, предметом тщательного обсуждения на конференции Балканской антанты в Белграде в феврале 1940 г.

---

⁵⁸ Н. Knatchbull-Hugessen. *Diplomat in Peace and War*. London, 1949, p. 154. Фон Папен пишет в своих мемуарах: «Я все еще удивляюсь отсутствию понимания балканской ситуации, проявленному западными союзниками...» (Franz von Papen. *Memoirs*. London, 1952, p. 456).

Стараясь использовать Турцию для создания балканского блока, Англия всеми способами усиливала свое влияние на ее политику, надеясь в конечном счете вовлечь Турцию в войну. Особенно показательны были первые три месяца нового, 1940, года. В январе 1940 г. были продолжены начатые еще в июне 1939 г. англо-франко-турецкие штабные переговоры. Во время переговоров еще раз подтвердилось, что турки вовсе не собираются принять непосредственное участие в войне. Они ссылались на отсутствие у турецкой армии современного вооружения и на фактическую невозможность для Англии в тот момент восполнить этот существенный дефект. В связи с этими переговорами и планами нападения на СССР с юга в Анкару прибыл командующий французской армией в Сирии и Ливане генерал Вейган.

8 января 1940 г. было подписано новое финансовое и торговое соглашение между Англией и Францией, с одной стороны, и Турцией, — с другой. Турция получила от Англии кредит в 25 млн. ф. ст. и объединенный англо-французский заем в 15 млн. ф. ст., а также заем в 12 млн. ф. ст. от Англии для погашения задолженности английским экспортерам по клирингу. В Турции были созданы филиалы Коммерческой корпорации Соединенного Королевства, имевшей целью, как и в балканских странах, борьбу с германской конкуренцией и всякое поощрение англо-турецкой торговли. ЭНКО скупала хром, шерсть ангорской козы (могер), шелк, оливковое масло, лен, корунд, кожи, лес, сухофрукты, табак ⁵⁹.

По просьбе английского правительства турецкий министр иностранных дел Сараджоглу на совещании стран Балканской антанты в феврале 1940 г. предложил генштабам этих стран подготовить план совместной обороны. Но, как мы видели выше, это предложение потерпело неудачу из-за отрицательной позиции югославского делегата.

В Турции продолжали преобладать просоюзнические настроения. Слухи о готовности Турции вступить в войну на стороне Англии и Франции распространялись повсеместно. Такой малоинтересованный и поэтому достаточно объективный наблюдатель, как эстонский генеральный консул в Стамбуле, писал 31 января 1940 г. своему ми-

---

⁵⁹ «The War and the Neutrals». Ed. by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee, London, 1956, p. 133.

нистру иностранных дел: «В Турции постоянно подчеркивается, что существует опасность нападения на балканские государства, и проповедуется мысль, что все балканские и дунайские государства, в том числе и Венгрия, должны заключить между собою военный союз — только он может предупредить опасность нападения. Турция идет еще дальше и утверждает, что такой оборонительный блок уже существует, хотя юридически он не оформлен. Здесь, конечно, Турция слишком оптимистична — такого блока нет»⁶⁰.

Крупным, но недолговечным успехом английской политики было принятие меджлисом закона о национальной обороне, предоставлявшего правительству чрезвычайные полномочия. В условиях англо-франко-турецких штабных переговоров такой закон был многими истолкован как предвестник скорого вступления Турции в войну.

В действительности турецкое правительство было довольно далеко от этой мысли и больше раздумывало о возможностях избежать войны. Нужно отметить, что широкая публика была уверена — особенно в феврале 1940 г. — что Турция вот-вот вступит в войну на стороне англо-французской коалиции. Сами английские дипломаты, поддерживавшие в пропагандистских целях эту версию, отнюдь не верили в нее. Таково было, например, настроение, царившее на конференции английских дипломатических представителей на Балканах, созванной в Лондоне в апреле 1940 г.⁶¹ Но еще 29 февраля последовало официальное разъяснение турецкого премьера Сайдама, который в своей речи заявил, что Турция вступит в войну лишь в том случае, если ее «зона безопасности» окажется под угрозой. Следуя заявлению Сайдама, и турецкая пресса заняла нейтралистскую позицию⁶².

Такова была одна сторона английской политики на Балканах — антигерманская. Но была и другая — антисоветская. События в Финляндии оживили надежды

⁶⁰ ЦГАОР ЭССР, ф. 957, 1939—1940, оп. 14, д. 708, л. 141.

⁶¹ Как сообщил 18 апреля 1940 г. Н. Чемберлен в палате общин, в совещании принимали участие английские дипломатические представители в Афинах, Белграде, Бухаресте, Будапеште и в Софии, а также послы в Риме и Москве. Совещанием руководил министр иностранных дел Галифакс. Оно продолжалось девять дней («Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 359, col. 1110—1111).

⁶² E. Vere-Hodge. Op. cit., p. 133.

международной реакции на возможность изменения направления войны. Авторитетные политические деятели, просто парламентарии, бывшие министры, публицисты, бизнесмены с удивительной легкостью занимались предсказаниями. Биржевые спекулянты распространяли слухи о предстоящем соглашении с Германией и совместном походе «против Советов». Акции бывших нефтяных компаний Бакинского нефтяного района — Нобеля, Манташева и др. — внезапно снова обрели ценность и стали предметом уже давно невиданного спекулятивного ажиотажа. Некоторые западные политические круги серьезно обсуждали вопрос о создании «правительства России» во главе с Керенским и Троцким (!)⁶³.

Военные круги Англии и Франции еще более рьяно, чем в начале войны, утверждали, что Германия не посмеет начать наступление на Западном фронте и вскоре между нею и Советским Союзом возникнет конфликт, который поведет к походу германских армий на Восток. Эти высказывания с сочувствием и восторгом подхватывались ответственными политическими лидерами. Буржуазная печать раздувала и распространяла эти слухи. Во всей этой кампании была своя цель — подготовить общественное мнение западного мира к мысли о неизбежности войны буржуазных государств против Страны Советов, причем параллельно планам вовлечения Советского Союза в войну на севере англо-французские штабы разрабатывали план нападения на Советский Союз с юга. Инициатива здесь принадлежала французскому генералу Вейгану и английскому генералу Уэйвеллу.

8 декабря 1939 г. в английском военном министерстве шло важное совещание. Только что прилетевший из Каира командующий английскими войсками на Среднем Востоке генерал Уэйвелл излагал свои соображения по вопросу стратегии войны на Среднем Востоке. Уэйвелл утверждал, что вермахт не будет наступать на Западном фронте, а будет двигаться на Восток и русские не смогут остановить германские армии. Поэтому опасность будет угрожать Среднему Востоку. Здесь надо наращивать силы. Уэйвелл отклонил предложение Вейгана создать линию обороны, пересекающую Югославию и Румынию,

---

⁶³ M. J a k o b s o n. The Diplomacy of the Winter War. Cambridge, Mass., 1961, p. 203.

он предложил перерезать немецкие коммуникации, ведущие в Югославию, и ввести войска во Фракию и Салоники ⁶⁴.

Спустя два дня обсуждение вопросов средневосточной стратегии было продолжено в Париже, где Вейган изложил свой план. На новом совещании Вейган предложил овладеть в 1940 г. Балканами, оказать помощь Турции и оккупировать Салоники. На заседании Верховного совета союзников англичане подчеркивали, что французское предложение послать войска в Салоники и Стамбул несовместимо с планом создания на Балканах блока балканских государств. 19 декабря французы предложили обещать Румынии, Турции, Греции и Югославии помощь, если они согласятся на образование балканского блока. Но британский премьер, не отказавшийся от мысли обеспечить по крайней мере благожелательный нейтралитет Италии, предложил сначала добиться этого нейтралитета, а потом уже думать о создании балканского блока ⁶⁵.

Было принято решение, что «не должно быть сделано ничего, что могло бы враждебно настроить Италию или привести к распространению войны на Балканах... не должно быть действий на их (балканских государств. — А. Н.) территориях без их приглашения и согласия» ⁶⁶.

24 декабря французский посол Франсуа-Понсе беседовал с Чиано о возможности создания нейтрального блока на Балканах. Итальянский министр иностранных дел высказал свое сочувствие такому плану. Но уже 9 января 1940 г. Чиано сообщил английскому послу Перси Лорену, что Муссолини не желает обсуждать балканские дела ⁶⁷. В то время, как известно, фашистский диктатор еще прикидывал, какую политику выгоднее проводить.

Дальнейшая разработка плана пошла в направлении подготовки нападения на СССР. Французское командование предлагало провести операцию не на Балканах, а против Советского Союза со стороны Кавказа и Черного

---

⁶⁴ J. Kennedy. The Business of War. London, 1957, p. 41.

⁶⁵ E. L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962, p. 15.

⁶⁶ J. Kennedy. Op. cit., p. 43—44; J. R. M. Butler. Grand Strategy, vol. II. September 1939 — June 1941. London, 1957, p. 65.

⁶⁷ E. L. Woodward. Op. cit., p. 16.

моря. План этот начал разрабатываться с декабря 1939 г. Во второй половине января 1940 г. план военных действий против СССР на юге было поручено конкретно развить генералу Гамелену и адмиралу Дарлану. План предусматривал появление на Черном море английских и французских военных кораблей. Турция должна была разрешить англо-французской авиации базироваться на своей территории и открыть Проливы.

Официальные английские историки стараются поменьше говорить о планах нападения на СССР с юга. Батлер упоминает о планах прохода английских военно-морских сил в Черное море лишь в связи с решением военного кабинета от 31 октября 1939 г. заверить Турцию, что если она подвергнется нападению, то Англия, возможно, окажет ей помощь военно-морскими силами. «Но для того, чтобы эта помощь оказалась эффективной, — пишет Батлер, — было необходимо, чтобы Турция обратилась к английским военно-морским силам с предложением пройти через Проливы в Черное море, то есть совершить акт, возможность которого русские стремились предотвратить во время московских переговоров с турками»⁶⁸.

В середине января в политических салонах Парижа открыто обсуждали перспективы нападения на Советский Союз с юга⁶⁹.

Расчеты заключались в том, чтобы нанести сокрушающий удар по Советскому Союзу. Во французском штабном документе так и было записано: «Если операция будет

---

⁶⁸ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 68.

⁶⁹ Советник эстонской миссии в Париже Палло писал в середине января 1940 г.: «Много говорят о стратегическом плане, который предусматривает организацию экспедиции против России через Черное море, на Кавказ... Если уничтожить на Кавказе нефтяные источники, то Россия попадет в очень трудное положение: из-за отсутствия горючего моторизованная армия потеряет мобильность, придет в разруху сельское хозяйство, так как все поля обрабатываются там тракторами. В таком случае падение Советского государства было бы неизбежным. Но польза от этого была бы только Гитлеру» (ЦГАОР ЭССР, ф. 957, оп. 14, 1939—1940, д. 701, л. 114. Палло—МИДу. Париж, 16 января 1940 г.). В этом донесении Палло интересны, разумеется, рассуждения о результатах, которые ожидаются от нападения на Советский Союз с юга. Поражает, как плохо па Западе были осведомлены о внутреннем положении Советского Союза, и какие фантастические прогнозы там делали. С чем действительно можно согласиться, это с выводом Палло, что нападение на СССР было выгодно только Гитлеру.

успешно осуществлена, то она может повести к решающему ослаблению военной и экономической мощи Советского Союза и, быть может, даже к крушению всей советской системы...»⁷⁰ Стратегический план предусматривал также подстрекательство мусульман Кавказа к выступлению против Советской власти.

В конце января об этом плане был поставлен в известность и посол США в Париже В. Буллит ⁷¹.

С разных сторон подталкивали к участию в антисоветских комбинациях и Турцию. Но в то время турецкое правительство считало за благо уклониться от этих предложений, хотя и не было против реализации этих планов без ее участия.

Стремление Турции избежать участия в обсуждавшемся проекте операций союзников на Балканах и против советских нефтепромыслов вовсе не означало, что турецкое правительство было в принципе против такого плана. Это подтверждается свидетельством английского главнокомандующего на Средиземном море адмирала Кэннингхэма, принимавшего участие в англо-франко-турецких штабных переговорах в феврале-марте 1940 г. ⁷² Когда французский посол в Анкаре обратился к турецкому министру иностранных дел Сараджоглу, желая узнать о возможности перелета англо-фран-

---

⁷⁰ W. L. Langer and S. E. Gleason. The Challenge to Isolation 1937—1940. New York, 1954, p. 389—390.

⁷¹ Буллит сообщал государственному секретарю следующее о своей беседе с Леже: «Он далее сказал, что французское правительство предложило английскому правительству отправить британский и французский флоты в Черное море и бомбардировать Батум, а также послать самолеты для бомбардировки Баку. Это отрезало бы как Германию, так и Советский Союз от источников нефти. Английское правительство ответило, что ни один английский корабль не пригоден для каких-либо враждебных Советскому Союзу действий в Черном море. Леже добавил, что турецкое правительство также не дало разрешения на проход французского и английского флотов в Черное море и на бомбардировку русского побережья» (FR, 1940, vol. I. Буллит — государственному секретарю. Париж, 26 января 1940). Действительно, в конце января, когда Англия рассчитывала на реализацию скандинавского и финского планов, она прохладно относилась к «Южному плану», предложенному французским правительством, хотя принципиально против плана не возражала. Но после подписания мирного договора между Финляндией и Советским Союзом 12 марта 1940 г. в военном кабинете снова был поднят вопрос об операции против СССР на юге.

⁷² «The War and the Neutrals», p. 47.

цузских самолетов через турецкое воздушное пространство, что было бы явным нарушением нейтралитета Турции, министр иностранных дел Турции дал понять французскому послу, что если Франция собирается это сделать, то лучше не ставить такого вопроса. «Делайте, но делайте быстро», — таков был смысл его ответа ⁷³.

Турция приветствовала бы нападение на Советский Союз, но при условии, что это сделают другие, например Англия и Франция, а сама Турция непосредственного участия в военных операциях принимать не будет. Об этом со всей откровенностью писала и турецкая «Тан» 17 марта 1940 г. ⁷⁴

Антисоветскими настроениями правящих кругов Турции старалась воспользоваться в своих целях Германия. Всеми силами стремилась она помешать нормальному развитию советско-турецких отношений, исподтишка провокационно обостряя их.

В директиве статс-секретаря германского МИДа Вейцекера посольству в Турции от 24 марта 1940 г. указывалось, что целью германской политики в Турции при данных обстоятельствах является «...удержание Турции вне войны. Как нам представляется, лучший способ достигнуть этого — добиваться, чтобы Турция постоянно опасалась Советского Союза» ⁷⁵.

В марте 1940 г. началась практическая подготовка бомбардировки Баку. Согласно показаниям бывшего командующего французской авиацией генерала Вийемен, правительство и командование склонялись к бомбардировке Баку, как к наиболее эффективной операции ⁷⁶. Проведение ее было возложено на Вейгана, с которым французское правительство обсудило план бомбардировки бакинского нефтяного района.

Указание о подготовке к бомбежкам нефтеочистительных заводов Баку и Батуми получил и английский командующий авиацией на Ближнем Востоке. Помощник Вейгана по линии авиации генерал Жоно заявил министру

---

⁷³ «Les événements survenus en France de 1933 à 1945», Paris, t. V, p. 1444.

⁷⁴ E. Vere-Hodge. Op. cit., p. 138.

⁷⁵ DGFP, vol. IX, № 10, p. 28. Вейцекер — посольству в Турции, Берлин, 24 марта 1940 г.

⁷⁶ «Les événements survenus en France de 1933 à 1945», t. VIII, p. 2776.

авиации Лоран-Эйнаку: «Мне не хватает авиации. Дайте мне ее, ибо война решится на Кавказе, а не на Западном фронте... Мы не будем драться на Западе, мы будем воевать на Кавказе»⁷⁷. На Ближнем Востоке велась деятельная подготовка к операции против Баку. В первых числах марта Вейган сделал французскому совету министров доклад, встреченный участниками заседания с одобрением.

В своих показаниях перед парламентской комиссией после второй мировой войны генерал Вейган сообщил: «7 марта 1940 г. мне было сообщено органами английской авиации о желании британского правительства, чтобы на контролируемой мной территории была проведена разведка с целью выяснения... возможности организовать атаку с воздуха на бакинский нефтяной район... 13-го я получил от генерала Гамелена сообщение о давно разработавшемся проекте, касавшемся франко-британской политики на Балканах; в этом проекте принималась в расчет операция против Баку»⁷⁸.

Антисоветские планы и замыслы дорого обошлись союзникам, ибо они вели к неправильному военному планированию, к неправильному распределению людских и материальных ресурсов, к ослаблению своих сил на Западном фронте. Наконец, яростная антисоветская кампания, которая велась в западных странах, укрепляла уверенность гитлеровцев в том, что Англия и Франция всерьез воевать против Германии пока не собираются и можно в относительно спокойной обстановке подготавливать осуществление своих дальнейших военных планов.

---

⁷⁷ Ibid., t. V, p. 1142.

⁷⁸ Ibid., t. VI, p. 1551.

Г л а в а п я т а я

АНГЛИЯ И «МИРНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ» ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

Быстрое крушение Польши оказалось неожиданным для всех, в том числе и для правящей клики гитлеровской Германии. Гитлеровцы попытались спекулировать на молниеносной победе в Польше, для того чтобы извлечь из этого как можно большие политические и стратегические выгоды. Одним из первых шагов, предпринятых Гитлером, явилось «мирное наступление». 19 сентября 1939 г., выступая в Гданьске, Гитлер лицемерно заявил, что Германия не имеет никаких претензий к Франции и Англии. Германская пропаганда подхватила заявление Гитлера и затрубила на весь мир о «миролюбии Германии». Реакционная печать в западных странах услужливо помогала германской пропаганде вводить в заблуждение общественность.

Две главные цели преследовал Гитлер, начиная «мирное наступление». Во-первых, после окончания войны в Польше германскому командованию было необходимо время для перегруппировки войск, переброски их и сосредоточения на Западном фронте. «Мирное наступление» было удобным камуфляжем для прикрытия дальнейших военных планов Германии. Во-вторых, демагогическая пропаганда мира была рассчитана на внесение деморализации в ряды союзников. Особенно большие надежды возлагали гитлеровские пропагандисты на успех «мирного наступления» во Франции, в чем они не ошиблись. Своей пропагандой гитлеровцы оживляли деятельность поражен-

ческих элементов во Франции и в Англии, подрывали моральную устойчивость армий союзников, искусно разжигали рознь между французами и англичанами. Хотя предложения Гитлера и были формально отклонены Даладье и Чемберленом, они посеяли ядовитые семена. Гитлеровцы это учитывали и настойчиво продолжали трубить о мире. «Мирное наступление» продолжалось. В речи, произнесенной в рейхстаге 6 октября, фашистский главарь вновь утверждал, будто Германия не имеет претензий к Франции, а от Англии ожидает лишь возвращения колоний, а также урегулирования экономических проблем. Между тем в Англии правительство Чемберлена упорно уклонялось от четкого формулирования целей войны. Так, например, 28 ноября 1939 г. премьер-министр Чемберлен заявил в палате общин: «...Никто из нас не знает, как долго протянется эта война. Никто из нас не знает, в каком направлении она будет развиваться. Никто из нас не знает, когда она окончится, кто будет на нашей стороне и кто будет против нас, и в этих обстоятельствах, говорю я, было бы совершенно бессмысленно, было бы хуже, чем бессмысленно, было бы вредно, если бы мы попытались сейчас выдвигать условия, при которых должен быть установлен новый мир»¹.

Такого рода заявления доказывали, что Чемберлен не исключает возможности переговоров, что он не выдвигает условий, которые могли бы в будущем помешать переговорам с гитлеровской Германией или сорвать их, что, наконец, многие члены английского кабинета были против того, чтобы связывать себе руки для возможных политических комбинаций и осуществления антисоветских планов, с которыми они никак не желали расставаться.

Во Франции влиятельные реакционные группировки почти открыто требовали заключения мира с Германией и связывали воедино вопрос о мире с планами фашизации Франции, ликвидации Третьей республики и установления авторитарного режима. Сильны были пораженческие настроения и среди социалистов. Лидер английских лейбористов Клемент Эттли, участвовавший во встрече лейбористов и социалистов в Париже в феврале 1940 г., пишет в своих мемуарах: «Это было собрание с весьма подавленным настроением. Большинство из тех, кого

---

¹ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 355, col. 27.

мы встретили, были либо пацифистами, либо пораженцами»².

В «мирную» кампанию Гитлера активно включились всевозможные реакционные организации капиталистического мира, выступавшие под лозунгом «консолидации сил Запада против опасности большевизма». Предложения посредничества между воюющими сторонами следовали одно за другим. Некоторые из них не имели никакого практического значения, другие указывали на определенные тенденции в правящих кругах некоторых государств, но были и такие попытки, которые заслуживают более детального рассмотрения, так как они отражали намерения весьма влиятельных кругов.

15 сентября 1939 г. американский бизнесмен Уильям Родс Дэвис, торговавший в Германии мексиканской нефтью, был принят президентом США. Он заявил Рузвельту, что, как он слышал от одного из сотрудников Геринга, последний рассчитывает на посредничество президента. Дэвис сообщил также, что отправляется в Рим для встречи с высокопоставленными германскими чиновниками. Президент просил Дэвиса информировать его, если он узнает что-либо интересное. По данным архива государственного департамента США, Дэвис 1, 2 и 3 октября 1939 г. встречался с Герингом. Для президента Дэвис составил два доклада³.

26 сентября шведский промышленник Биргер Далерус, о посреднической деятельности которого накануне войны довольно много написано, был принят Гитлером в присутствии Геринга. Далерус сообщил, что в Осло он беседовал с бывшим советником английского посольства в Берлине Огильви-Форбсом. Форбс высказал мнение, что в нынешней обстановке английское правительство могло бы вести переговоры о мире, если будет найдена формула, которая уверила бы европейские народы, что их территориальная целостность и их свобода будут гарантированы посредством заключения договора между европейскими государствами. Что касается Польши,

---

² C. A t t l e e. As it happened. London, 1954, p. III.

³ DGFP, vol. VIII, № 242, p. 270. Меморандум германского министерства иностранных дел о предложениях посредничества для мирных переговоров. См. Dr. H a n s - G ü n t h e r S e r a p h i m. Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/1935 und 1939/1940. Göttingen, 1956, S. 83.

заявил английский дипломат, то она уже потеряна...⁴

Далерус высказал мнение, что для предварительных, строго секретных переговоров мог бы приехать в Германию, например, генерал Айронсайд. Гитлер заявил Далерусу, что при переговорах следует исходить из того, что Польши больше не существует. К Англии и Франции Германия никаких претензий не имеет. На Балканах Германия желает сохранить свои коммерческие интересы⁵.

7 октября голландский посланник в Анкаре Виссер заявил германскому послу фон Папену о готовности голландского правительства посредничать в случае официального приглашения. Виссер беседовал по этому вопросу и с английским послом в Анкаре Натчбоул-Хьюгессеном, который сказал ему, что английское общественное мнение будет рассматривать любое предложение о мире как капитуляцию и отвергнет такое предложение. Поэтому «только конфиденциальный дипломатический демарш через посредство третьей державы может привести к успеху. По тактическим соображениям первое предложение должно быть сделано в общей форме, не вдаваясь в детали, для того чтобы уступки, которые Германия подготовлена сделать, могли быть использованы для психологического воздействия на общественное мнение»⁶.

Активно участвовали в «мирном наступлении» Геринг и Шахт. В октябре 1939 г. Геринг принял президента «Дженерал моторс оверсис корпорейшн» Джеймса Муни и обратился с просьбой организовать его встречу с послами США в Париже и Лондоне Буллитом и Кеннеди. Геринг, очевидно, рассчитывал использовать широко известные крайне антисоветские взгляды Буллита. Геринг утверждал, что не верит в длительный мир между Германией и Советским Союзом, и доверительно говорил своему американскому собеседнику, что был бы рад прийти к соглашению с Францией и Англией, для того чтобы развязать всем руки в борьбе с большевиками. Узнав от Муни о предложении Геринга, Буллит, достаточно искусственный политикан, занял уклончивую позицию, заявив,

⁴ DGFP, vol. VIII, № 138, p. 140. Меморандум Шмидта о беседе Гитлера с Далерусом в присутствии Геринга, Берлин, 26 сентября 1939 г.

⁵ Ibid., p. 145.

⁶ Ibid., № 242, p. 269.

что он и Кеннеди не могут вмешиваться в это дело ⁷. Госдепартамент одобрил поведение Буллита. В ноябре 1939 г. гитлеровский министр Шахт через американского финансиста Леона Фрезера выразил желание отправиться в США якобы для чтения лекций, а на самом деле для переговоров. В США поняли, что этот визит планируется не по инициативе Шахта ⁸. Однако в Вашингтоне не желали в тот момент принимать на себя какие-либо обязательства, которые могли бы связать им руки в дальнейшем, и понимали, что визит Шахта в США ослабит политические позиции Англии и Франции и усилит вес Гитлера. Поэтому госдепартамент занял такую позицию: тот, кто приглашает Шахта, делает это на свой страх и риск, но никаких официальных или неофициальных переговоров с Шахтом США вести не собираются ⁹. Однако в Берлине не успокоились. Уже после официального окончания «мирного наступления», в конце декабря 1939 г., Геринг, используя посредничество известного норвежского летчика Трюгве Грена, пытался наладить контакт с США через американского посланника в Осло Гарримана ¹⁰.

Кроме того, свои услуги в качестве посредников предложили 3 и 10 октября Испания, 9 октября — Италия. В Норвегии, Финляндии, Голландии, Бельгии в это же время разрабатывались мирные посреднические предложения.

Попытки договориться последовали непосредственно со стороны некоторых английских и французских кругов.

17 сентября, когда Польша находилась в агонии, к германскому посланнику в Люксембурге явился французский подданный Анри Бланш, имевший при себе паспорт французского дипломатического курьера. Анри Бланш, сын заместителя начальника департамента торговли французского министерства иностранных дел и зять германского генерального консула в Калькутте Подевилса, получил 16 сентября от французского министерства иностран-

---

⁷ FR, 1939, vol. I, p. 519—520. Буллит — госдепартаменту, Париж, 23 октября 1939 г.

⁸ Ibid., p. 521. Кирк — госдепартаменту, Берлин, 5 ноября 1939 г.

⁹ Ibid., p. 529. Мессерсмит — Моффету, Вашингтон, 9 ноября 1939 г.

¹⁰ Ibid., p. 535—537. Гарриман — госдепартаменту, Осло, 22 декабря 1939 г.

ных дел поручение установить непосредственный контакт с Радовитцем, минуя французского посланника в Люксембурге Камбона. Бланш заявил гитлеровскому дипломату, что французское министерство иностранных дел подготавливает заключение почетного мира между Францией и Германией. Его миссия, предупредил Бланш, строго секретна. 25 сентября Бланш вновь посетил Радовитца. Соответствующие сообщения были посланы Радовитцем в германское министерство иностранных дел ¹¹.

За две недели до нападения Германии на Польшу глава внешнеполитического отдела гитлеровской партии Альфред Розенберг принял английского офицера, сотрудника министерства авиации, барона Вильяма де Роппа ¹².

Редакторы дневника А. Розенберга называют де Роппа «посредником внешнеполитического отдела национал-социалистской партии в Лондоне». Однако в данном случае Ропп прибыл к Розенбергу не как единомышленник к единомышленнику и не как агент к шефу. Его приезд в Германию был инспирирован руководителями министерства, в котором он работал.

Розенберг в своих заметках, предназначенных для доклада Гитлеру, пишет о цели визита де Роппа следующее: «Он сказал мне, что в последние несколько дней имел беседы с офицерами Британского воздушного штаба и министерства авиации, которых мы знаем. Точки зрения в этих кругах оставались точно такие же, как были до сих пор. Было бы абсурдом для Германии и Англии ввязаться в смертельную борьбу из-за Польши. Результатом может быть лишь временное уничтожение воздушных сил, а итогом такой войны — уничтожение всей европейской цивилизации, в то время, как Россия с ее нетро-

---

¹¹ DGFP, vol. VIII, № 87, p. 88—89. Меморандум германского посланника в Люксембурге Радовитца, Люксембург, 17-сентября 1939г.

¹² Политическое лицо де Роппа было достаточно определенным. Сын прибалтийского барона, он обучался в Дрездене. В 1915 г. принял английское подданство. Корреспондент «Таймс» в Берлине в конце 20-х годов, затем агент по экспорту самолетов крупной английской фирмы «Бристоль эйрплен компани», он был связан с английской разведкой. Во время второй мировой войны (до 1944 г.) находился в Швейцарии в качестве английского офицера связи. В 1957 г. опубликовал серию статей в «Дейли мейл» о своих встречах с фашистскими главарями гитлеровской Германии (Martin Gilbert, Richard Gott. The Appeasers. London, 1963, p. 355).

нутыми силами останется единственной страной, оказавшейся в благоприятном положении»¹³.

Далее де Ропп выразил сомнение в том, что немцы желают уничтожения Англии и Британской империи. Его собеседник не замедлил согласиться с ним.

Война из-за Польши в нынешней политической ситуации может вспыхнуть, продолжал Ропп, но даже в этом случае нужно стремиться к тому, чтобы конфликт не развился в войну, истребительную для обеих сторон. Может случиться так, что Германия быстро расправится с Польшей, но, несмотря на состояние войны, она может вести обеими сторонами (Англией и Германией) как война оборонительная, без бомбежек открытых городов, которые могут привести к «необратимой ненависти»¹⁴. В случае быстрого окончания германо-польского конфликта (Ропп, разумеется, имел в виду разгром Польши) откроется возможность быстрого окончания войны.

В конце беседы Ропп возвратился к исходному тезису: «...Он сам отлично знает, что после утверждения Германии на Востоке — чему его друзья особенно сочувствуют, потому что в этом они не усматривают для будущего Англии не только вреда, но видят выгоду — Германия не будет в дальнейшем злоумышлять против Британской империи»¹⁵. Эта мысль, подчеркивал Ропп, распространена среди многих французов и англичан.

Таким образом, заявление де Роппа сводилось к следующим основным положениям: Германия как можно скорее расправляется с Польшей; Германии предоставляется свобода действий на Востоке в обмен на гарантию безопасности Британской империи и, наконец, предлагается воздушное перемирие в случае возникновения англо-германской войны. Если первые два пункта не были новыми для германской стороны, потому что в той или иной форме они неоднократно выдвигались англичанами, то последний пункт о воздушном перемирии должен был привлечь особое внимание, так как он вполне отвечал ближайшим стратегическим планам Германии.

Ропп сообщил Розенбергу, что в случае войны он будет назначен политическим советником министерства

¹³ DGFP, vol. VIII, № 74, p. 81—83. Заметки А. Розенберга о визите барона де Роппа, Берлин, 16 августа 1939 г.

¹⁴ Ibid., p. 82.

¹⁵ Ibidem.

авиации по Германии или, как разъяснил он, «офицером разведывательной службы, занимающимся политическим положением Германии и докладами о ее намерениях»¹⁶, тем самым он намекал на необходимость поддерживать контакт и в случае войны.

Розенберг считал предложения Роппа достаточно солидными и рассматривал их не только как его личное мнение, но и как точку зрения высших чинов английской авиации.

В конце заметок о беседе с Роппом Розенберг написал: «Я считаю своим долгом информировать фюрера об этих заявлениях, исходящих от английского министерства авиации, и о точке зрения тех, кто находится на самом высшем уровне английского воздушного штаба, особенно потому, что эти взгляды совпадают с теми, которые они до сих пор публично высказывали в своих газетах»¹⁷.

Спустя пять дней, 21 августа 1939 г., Розенберг вновь принял Роппа. По-видимому, к этому времени Розенберг сообщил Гитлеру о первой беседе и получил разрешение продолжить начатые переговоры. Розенберг изложил Роппу точку зрения гитлеровского руководства на сложившуюся ситуацию. «...Если круги, от имени которых он (Ропп. — А. Н.) говорил, действительно имеют какое-либо влияние, то они могут настоятельно требовать заявления (английского правительства. — А. Н.), что английская гарантия была предоставлена в условиях, отличных от тех, которые преобладают сегодня, когда Польша своими попытками истребить населяющие ее национальные меньшинства уничтожила принципы, которые привели к признанию польского государства. Я также добавил, что моя личная точка зрения заключается в том, что доминионы имеют все основания заставить Англию отойти от ее нынешней политики. Поэтому возникает вопрос о том, чтобы убедить доминионы в рамках британской конституционной системы сделать в Лондоне совместное заявление, обращенное против всей политики группы Черчилля и Идена»¹⁸.

Ропп ответил, что он постарается провести беседы по линиям, указанным Розенбергом. Расставаясь, Ропп и Розенберг условились, что, так как в случае войны запасная

¹⁶ Ibid., p. 81.

¹⁷ Ibid., p. 83.

¹⁸ Ibid., № 151, p. 163. Заметки Розенберга о визите де Роппа, Берлин, 21 августа 1939 г.

резиденция Роппа будет находиться в Женеве, Ропп в случае необходимости пошлет письмо, подписанное «Джордж» некоему германскому агенту, и таким образом возобновит контакт с Розенбергом ¹⁹.

Едва успели отгреть последние орудийные выстрелы в Польше, как де Ропп снова дал о себе знать. Теперь он занимал важную должность эксперта министерства авиации по германским делам и имел чин майора авиации.

23 сентября Розенберг получил сообщение от Роппа из Швейцарии, который предлагал встретиться в конце месяца с известным ему сотрудником Розенберга для частного обмена мнениями о намерениях Гитлера в отношении Англии и Франции, с одной стороны, и для того, чтобы выслушать точку зрения английского министерства авиации, — с другой.

В памятной записке Гитлеру Розенберг подчеркивал, что в связи с военной ситуацией роль английского министерства авиации неимоверно возросла. Запрашивая дальнейшие инструкции, он писал: «Я могу заметить в этой связи, что лица, особенно близкие к Чемберлену, являются членами того же клуба, что и барон де Ропп»²⁰.

В дневнике Розенберга от 24 сентября 1939 г. мы находим следующую запись: «Наконец, вчера прибыла из Монтре открытка британского советника в английском министерстве авиации. Он просит, чтобы приехал Шидеканц (начальник штаба Розенберга. — А. Н.). Таким образом, он сдержал слово — сохранилась еще одна тонкая нить с Лондоном. Завтра уведомя фюрера и Геринга. Напряженно жду, чего господ из Лондона захотят от нас в качестве эвентуальной основы мира»²¹.

29 сентября Розенберг был вызван к Гитлеру для обсуждения предложения Роппа. Гитлер заявил, что он даст Роппу разрешение на свободный проезд в Берлин и примет его. Пусть де Ропп запросит на это разрешение своего правительства ²². В Монтре был послан сотрудник Риббентропа Гардер, чтобы привезти де Роппа в Берлин ²³. Ропп, который не ожидал, что его предложение вызовет

---

¹⁹ DGFP, vol. VIII, № 151, p. 163. Заметки Розенберга о визите де Роппа, Берлин, 21 августа 1939 г.

²⁰ Ibid., vol. VIII, № 134, p. 134.

²¹ Hans-Günther Seraphim. Op. cit., S. 80.

²² Ibid., S. 80—81.

²³ Ibid., S. 82.

реакцию, «на которую он вообще не рассчитывал»²⁴, ответил, что он должен предварительно запросить мнение министерства авиации.

Ответ, полученный из Лондона, гласил: в Англии преобладают настроения в пользу ведения войны. Позиция самого Чемберлена слабая. Вне власти министерства использовать сейчас представляющуюся возможность прекратить военные действия. Следует выждать более подходящий момент. «...Этот момент наступит только в результате значительных потерь английской военной авиации... Министерство авиации рассчитывает, что его взгляды будут все больше приниматься в расчет, поскольку империя не может допустить, чтобы ее авиационная мощь упала ниже определенного уровня. По этим соображениям джентльмены из министерства авиации полагают, что только тогда они сумеют использовать авторитетное заявление о намерениях Германии»²⁵.

Из этого сообщения вырисовывается весьма показательная картина готовности определенных английских кругов заключить мир с Германией после серьезных поражений английской авиации, которые должны оказать психологическое воздействие на умонастроение народа в пользу сторонников сговора с фашистской Германией.

10 октября 1939 г. Ропш снова встретился с уполномоченным Розенберга. В обычной для гитлеровцев шантажистской манере представитель Розенберга рисовал де Ропшу мрачную картину гибели Британской империи и раздела ее владений: пока не поздно, следует воспользоваться расположением Розенберга и Гитлера, которые хотят спасти англичан как арийскую ветвь, и договориться о прекращении войны.

Ропш указал, что он целиком разделяет мнение об «арийской общности» Германии и Англии, и заявил: «Английское министерство авиации придерживается той же ранее уже обсуждавшейся точки зрения. Оно никоим образом не желает участвовать в нынешней английской политике, нацеленной на ведение войны до конца. В министерстве имеется слишком много специалистов по вопросам Британской империи, чтобы оно не понимало угрожающей ей опасности. Однако сейчас еще министерство

---

²⁴ DGFP, vol. VIII, № 203, p. 224.

²⁵ Ibid., p. 225.

недостаточно сильно, чтобы настаивать на своем. Нет практической ценности в том, чтобы убедить одного Чемберлена, поскольку он зависит от тех, кто желает сейчас вести войну до конца. Но министерство авиации рассчитывает, что его (министерства. — А. Н.) политический вес будет в Англии систематически увеличиваться. Оно убеждено, что исход войны будет решен германской авиацией. В свою очередь министерство авиации должно объяснить британскому правительству, что ввиду понесенных потерь министерство не в состоянии продолжать войну. Но необходимо подождать до первых столкновений и потерь от них. Он (Ропп. — А. Н.) надеется, что в интересах арийской расы германская авиация добьется победы»²⁶.

Итак, эксперт английского министерства авиации, как видно из документов, фашист по убеждениям, сообщил немцам программу предательства и последующей капитуляции Англии, выработанную его хозяевами и друзьями, занимающими важные посты.

Ропп предложил возобновить контакт через четыре — шесть недель. Если «Фред» (условное обозначение министерства авиации) радирует, что чувствует себя достаточно сильным и созданы необходимые условия для поездки Роппа в Берлин, то он напишет об этом Розенбергу. Паролем будет условная фраза о снегопаде.

Следующая встреча де Роппа с гитлеровским уполномоченным произошла в том же месяце. Ропп заявил, что в результате усилий тех английских кругов, которые желают скорейшего заключения мира с Германией, ни один официальный орган в Англии не провозгласил целью войны свержение нынешнего германского режима. В ходе дальнейшей беседы Ропп несколько раз подчеркнул важность этого «успеха». Затем Роппом были поставлены два вопроса, которые, по его словам, сильно занимали умы англичан.

Первый вопрос касался отношений между Германией и Советским Союзом. Вопрос был сформулирован таким образом, чтобы выяснить, как обстоит дело с возможностью нападения гитлеровской Германии на СССР. Одновременно Ропп дал своему собеседнику понять, что стоящие за ним английские круги заинтересованы в создании единого антибольшевистского фронта. Немецкий пред-

---

²⁶ DGFP, vol. VIII, № 235, p. 261—262.

ставитель, по всей вероятности, не имел полномочий вступить в разговор на эту тему и по сути дела уклонился от откровенного ответа.

Второй вопрос касался будущего Польши. Ропп настаивал на получении какого-нибудь ответа, указывая, что разъяснение этого вопроса может усилить позиции сторонников соглашения с Германией в Англии (Ропп назвал их «английской партией»). Тогда ему было заявлено, что для польского народа на части польской территории будет создана самоуправляющаяся единица типа «конгрессной Польши» (т. е. Польши в границах, определенных Венским конгрессом 1815 г. — *А. Н.*). Этот ответ вполне устроил Роппа. Знание такого факта, указал он, представляет большую ценность для «английской партии», ибо поможет правительству «спасти свою репутацию перед лицом народа». Судьба самой Польши, признался Ропп, мало беспокоит Англию, ибо, «хотя это, быть может, звучит цинично, но Польша более полезна Англии в качестве мученицы, чем в качестве существующего государства».

Де Ропп призвал гитлеровцев оказать помощь пораженцам в Англии — так называемой английской партии, для того чтобы они могли одержать победу над своими противниками (имелась в виду группа Черчилля — Идена). Он заявил буквально следующее: «Тяжелые военные столкновения будут, к сожалению, необходимы перед тем, как это может произойти», поясняя, «что английский народ в целом все еще уверен, что одержит победу над Германией»²⁷.

Под прикрытием слухов о возможности заключения мира германское командование провело концентрацию войск на Западном фронте, намереваясь нанести решающий удар англо-французским армиям.

Однако Гитлер был вовсе не против того, чтобы добиться своих целей путем капитуляции Англии и Франции, достигнутой не чисто военным, а дипломатическим путем.

Английский историк пишет по этому вопросу: «Если бы он (Гитлер. — *А. Н.*) мог теперь получить мир с Францией и Англией, он развязал бы себе руки для удара в том направлении, которое было бы в ближайшее время наиболее обещающим. Юго-Восточная Европа могла быть

---

²⁷ Ibid., № 318, p. 364.

поймана в сети его паутины, в то время как западноевропейские державы и Советский Союз наблюдали бы с тяжелым сердцем, но в нерешительности. Затем с согласия западных держав, а быть может, и с их молчаливого одобрения в удобное для Гитлера время можно было бы напасть на Советский Союз. Да, наконец, Францию и Великобританию можно было бы побудить без борьбы вести переговоры с германским колоссом, распространившимся на все пространство между Западным валом и Уралом, о политическом урегулировании, которое, несмотря на его видимую умеренность, выдало бы их в конце концов на милость колоссальной Третьей империи»²⁸.

Немецкая сторона настойчиво пыталась выяснить у Роппа, какими реальными силами обладает «английская партия» для реализации своих планов. Ропп заверил своих собеседников, что высказанных им взглядов придерживается не только министерство авиации, но и Сити, которое находится в рядах «английской партии».

Заявление Роппа о поддержке дельцами из Сити идеи сговора с Германией произвело в Берлине большое впечатление. «Вторая беседа с Роппом была более серьезная, — отмечал в своем дневнике Розенберг, — «английская партия» имеет поддержку Сити; под руководством сэра Глина она пытается противостоять Черчиллю и его сторонникам»²⁹.

Затем Ропп отправился в Лондон, чтобы выяснить там возможность официального визита в Германию. Ропп просил германского эмиссара передать «Кристиану» (кличка Альфреда Розенберга) свое пожелание продолжать взаимные контакты. Ропп заверил своего собеседника, что информация, полученная им от германской стороны,

---

²⁸ «The Initial Triumph of the Axis». Ed. by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee. London, 1958, p. 97.

²⁹ Hans-Günter Seraphim. Op. cit., S. 89. Упоминаемый в дневнике Розенберга сэр Глин, очевидно, Ральф Джордж Кемпбелл Глин, баронет, член парламента от консервативной партии. В 1931—1935 гг. был частным парламентским секретарем премьер-министра. С 1935 по 1937 г. в качестве лорда-президента Совета — членом английского правительства. В период, о котором идет речь, Глин занимал пост директора «Лондон — Мидленд — Скотленд Рейлвей» — крупнейшей железнодорожной корпорации Англии. В 1953 г. Глин стал бароном Фарнборо. В 1958 г. он был директором английской спичечной монополии «Бритиш матч корпорейшн» и фирмы «Д. Сэмюэль Уайт энд компани лимитед». Глин умер в 1960 г.

препровождена непосредственно влиятельным кругам в Англии — в первую очередь министерству авиации и Сити³⁰.

Еще одно упоминание о миссии Ропша содержится в дневнике Розенберга: «3 марта 1940 г. ...Открытие де Ропша из Швейцарии. Он уведомлял о «новом сильном снегопаде» и просил, чтобы приехали. Я велел ему сообщить, что фон Гардер может приехать только в том случае, если придется считаться с возможностью длительного снегопада»³¹. Таким образом, Ропш опять появился с какими-то новыми планами в разгар приготовлений к отправке англо-французского экспедиционного корпуса для помощи Финляндии.

В конце 1939 г. была предпринята попытка установить контакт между министром иностранных дел Англии лордом Галифаксом и представителем германской верхушечной оппозиции в лице германского дипломата Ульриха фон Хасселя. Посредником выступил английский подданный Лонсдел Брайнс. В декабре 1939 г. Брайнс прибыл в Рим, где был принят кардиналом Маньоле — государственным секретарем Ватикана, «благословившим» его миссию. Брайнс установил связь с зятем Хасселя Деталмо Пирцио-Бироли. Тот передал Брайнсу для Галифакса меморандум, который содержал программу германской верхушечной оппозиции в случае, если ей удастся устранить Гитлера и прийти к власти.

Наиболее активными деятелями этой оппозиции в Германии были дипломат Ульрих фон Хассель, бывший бургомистр Лейпцига Герделер, генералы Бек, Витцлебен, Остер, высокопоставленный чиновник министерства юстиции Гизевиус и др. Они полагали, что Гитлер в своей авантюристической политике перешагнул все границы, и что его политика приведет Германию к катастрофе. Под катастрофой они подразумевали не только военное поражение, но и социальную революцию, которая их страшила еще больше. Подавляющее большинство представителей оппозиции было по своим политическим воззрениям глубоко консервативным и реакционным, враждебно настроенным к трудящимся. Их планы были весьма ограничены: устранение Гитлера, ликвидация безраз-

---

³⁰ DGFP, vol. VIII, № 318, p. 367.

³¹ Hans-Günther Seraphim. Op. cit., S. 103.

дельной власти СС и «крайностей» гитлеровского режима. Оппозиция рассчитывала после устранения Гитлера установить военно-бюрократическую диктатуру и свою главную опору видела в армии.

Оппозиция выступала за соглашение с западными державами на антисоветской основе и на почве признания ими великодержавных стремлений германских правящих классов. Программа оппозиции содержала империалистические грабительские требования: Германия в границах 1914 года, но Австрия остается в ее составе; восстанавливается Чехословакия, но Судетские районы достаются Германии; восстанавливается Польша, но к Германии переходят Гданьск, Коридор, Силезия и пограничные пункты; Германия не будет претендовать на колонии. Иными словами, все территории, захваченные гитлеровской Германией, должны были быть ею удержаны. После устранения Гитлера они собирались продолжать войну, но выражали готовность к заключению мира на указанной выше «разумной основе»³².

Оппозиция вела переговоры с высшим командованием германской армии — Браухичем, Гальдером и др., но те под разными предлогами уклонялись от поддержки планов оппозиции.

Реакционность и консерватизм лидеров оппозиции, страх перед народными массами и, следовательно, отказ от создания широкого антигитлеровского движения, сомнения, колебания, неуверенность — всё это неминуемо обрекало их планы на неудачу.

8 января 1940 г. Брайенс был принят Галифаксом. По словам Брайенса, Галифакс с интересом ознакомился с меморандумом Пирцио-Бироли. Две реплики Галифакса во время беседы весьма примечательны. «Я знаю, — сказал Галифакс Брайенсу, — что есть люди, которые считают, что эту войну никогда не нужно было объявлять»³³. У его собеседника сложилось впечатление, что он, Галифакс, и есть один из этих людей. «Никто не желает мира больше, чем я, — заявил министр, — но это не должен быть лоскутный мир»³⁴. Мысль Галифакса была ясна: Англия может пойти на такой мир с Герма-

---

³² «The von Hassel Diaries 1938—1944», New York, 1947, p. 125.

³³ J. Lonsdale Bryans. Blind Victory. London, 1951, p. 49.

³⁴ Ibidem.

ний, который принесет твердые гарантии безопасности Англии и империи и будет достаточно прочным. Можно ли ожидать такого мира от верхушечной оппозиции?

Заключительные слова Галифакса: «Это не может причинить вреда, а может принести некоторую пользу»³⁵, свидетельствовали о том, что английский министр дает свою санкцию на продолжение переговоров.

10 февраля 1940 г. Пирцио-Бироли посылает новый документ для Галифакса. В нем лидеры верхушечной оппозиции просят дать заверения, что союзники не воспользуются устранением Гитлера в своих интересах. Они просили также об установлении личных контактов. 22 февраля Брайенс (именуемый в дневниках Хасселя «М-р. Х») встретился в швейцарском городке Ароса с «Чарльзом» (Хассель). Беседы с Хасселем привели Брайенса к выводу, что заговорщики могут служить «эффективным инструментом» для быстрого устранения нацистских лидеров изнутри.

Второй вывод, к которому приходит Брайенс, раскрывает другую сторону переговоров — с «оппозицией» можно будет после этого «построить бастион в Центральной Европе против всякой возможной в будущем агрессии со стороны Советской России...»³⁶ Таким образом, при переговорах с верхушечной оппозицией, подобно тому как то было во время переговоров с лидерами нацистов, лейтмотив английской политики остается прежним — Германия должна служить бастионом Запада против большевизма. Согласна ли Германия на такую роль? Готовы ли лидеры оппозиции в будущем оставить в покое Англию и Британскую империю? Таковы были коренные вопросы. На первый вопрос ответ был, безусловно, положительным. В меморандуме, переданном Хасселем Брайенсу для передачи Галифаксу, говорится, что опасность «полного разрушения и, в особенности, большевизации Европы быстро растет». У самого Брайенса также нет никаких сомнений в том, что оппозиция относится глубоко враждебно к Советскому Союзу. Быть может, именно это обстоятельство и заставляет Брайенса так

---

³⁵ Ibid., p. 50.

³⁶ Ibid., p. 67. Такова излюбленная формула империалистов, когда они хотят замаскировать свои агрессивные антисоветские планы.

упорно добиваться в дальнейшем признания оппозиции английским правительством. Однако несомненно было также и то, что заговорщики уже на этой предварительной стадии выставляют далеко идущие требования, например, о присоединении Австрии и Судетских районов. Вопрос о восточных границах Германии, по мнению заговорщиков, обсуждению не подлежит — должна быть восстановлена германо-польская граница, идентичная границе 1914 года.

Передавая меморандум Брайенсу, Хассель просит, чтобы оппозиции было прислано заявление Галифакса, содержащее обязательство, что союзники не используют изменение режима в Германии в свою пользу и что Англия в этом случае немедленно заключит перемирие.

По приезде в Лондон Брайенс был принят постоянным заместителем министра иностранных дел Кадоганом. Кадоган заявил, что письменного ответа на меморандум Хасселя не будет и что ответ уже передан через другие каналы. К удивлению Брайенса Кадоган сообщил ему, что на этом его миссия окончена³⁷. Означало ли это, что английское правительство вообще решило прекратить переговоры с верхушечной оппозицией или что оно попросту решило отказаться в этих переговорах от услуг Брайенса? Как видно, речь шла лишь о последнем.

Параллельно переговорам Брайенса Галифакс поддерживал контакт с представителями верхушечной оппозиции и через посредство Ватикана. Посредником служил Иозеф Мюллер, доверенный мюнстерского кардинала Фаульгабера. Папа римский непосредственно принимал участие в обсуждении с Мюллером возможности англо-германского соглашения. О содержании этих бесед Галифакс был информирован через английского посланника в Ватикане Осборна. 14—15 апреля состоялась новая встреча Хасселя с Брайенсом в Аросе. Хассель был весьма разочарован отсутствием подтверждающего документа от Галифакса, на который он так рассчитывал. В то же время Хассель сообщил, что его друзья получили по другому каналу уведомление, о котором говорил Кадоган Брайенсу. Однако это не то, на что рассчитывают заговорщики³⁸.

---

³⁷ J. Lonsdale Bryans. Op. cit., p. 74.

³⁸ Ibid., p. 80.

У Хасселя создалось впечатление, что в Лондоне не верят в возможность достижения англо-германского соглашения путем свержения Гитлера. Брайенс пытался убедить Хасселя, что позиция Галифакса осталась неизменной. Во время последней встречи 15 апреля 1940 г. Хассель намекнул Брайенсу на предстоящее германское наступление на Западе.

Весьма вероятно, что Галифакс на этом этапе не решился на продолжение переговоров с верхушечной оппозицией по ряду различных соображений. Со времени начала переговоров обстановка коренным образом изменилась. Переговоры начались во время советско-финской войны и должны были, по-видимому, по замыслам инициаторов их, привести к соглашению между капиталистическими государствами, направленному против СССР. Однако в середине марта был подписан мирный договор в Москве, и военные действия между СССР и Финляндией были прекращены. Тем самым и надежда на использование финского плацдарма отпадала.

Далее, требования, выставленные оппозицией, видимо, выглядели даже в глазах тех, кто стремился к соглашению с Германией, чрезмерными.

Восточные границы Германии в рамках 1914 года, сохранение Австрии и Судетских районов в составе рейха означали не только то, что восстанавливаемые в новых границах Чехословакия и Польша вынуждены были бы идти в фарватере германской политики, но и практически означали признание всей Восточной и Юго-Восточной Европы сферой влияния Великогермании и ликвидации влияния Англии и Франции в этих районах.

Конечно, устранение Гитлера и его клики, но сохранение власти в руках представителей империалистической буржуазии, юнкерства и генералитета давали определенные гарантии против развертывания народной борьбы и распространения «большевизма», чего так опасались правящие круги в Англии. Но были ли гарантии против экспансии Великогермании, сохраняющей свою военную мощь?

Наконец, существенно изменилось политическое и стратегическое положение по сравнению с декабрем 1939 г. Сторонники Чемберлена — Галифакса все более теряли позиции в Англии. Наблюдалось резкое расхождение внутри консервативной партии. Народ во Франции и

в Англии требовал отстранения мюнхенцев от власти. Затишье на фронте сменилось ожесточенными боями в Скандинавии.

В этих условиях продолжение тайных переговоров о «мире» было не только опасным, но и бессмысленным.

Наконец, необходимо остановиться на американской попытке выяснения возможностей соглашения между воюющими державами.

9 февраля 1940 г. в Вашингтоне было объявлено о предстоящей поездке помощника государственного секретаря Сэмнера Уэллеса в Европу со специальной целью — найти основу для заключения мира между воюющими государствами. Уэллес должен был посетить Берлин, Рим, Париж и Лондон. Однако он не собирался посетить Москву. Уже одно это указывало на определенную антисоветскую тенденцию миссии Уэллеса.

Рузвельт «открыто признал, что шансы были один на тысячу за то, что какие-либо действия, предпринятые в целях изменения хода событий, увенчаются успехом». Президент видел тогда этот единственный шанс в том, чтобы послать Уэллеса в Европу для бесед с руководителями правительств Германии, Италии, Франции и Англии с целью определения возможностей заключения мира между воюющими государствами мира, но отнюдь не «временного или пробного вооруженного перемирия»³⁹.

Кроме того, немаловажную роль играло и желание Рузвельта продемонстрировать перед мировым общественным мнением, что США сделали все, что возможно для предотвращения кровопролития. План, который вез Уэллес, состоял из трех частей: вывод германских войск из Польши и Богемии (характерно, что Уэллес называл Чехословакию так, как ее называли нацисты) в район, который должен быть согласован; быстрое прогрессивное разоружение воюющих держав и экономическая реконструкция⁴⁰.

Прежде всего Уэллес посетил Рим, где встретился с Муссолини и Чиано. 2 марта Уэллес был принят Гитлером. Он заявил Гитлеру, что нужно заключить мир раньше, чем начнется война на уничтожение, в которой

---

³⁹ Роберт Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Т. I. М., 1958, стр. 258.

⁴⁰ E. L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962, p. 41.

не будет победителей. Однако фашистские руководители, собиравшиеся немедленно начать генеральное наступление на Западе, решительно отвергли предложение, заявив, что мир будет достигнут через войну, выигранную Германией. Своими заявлениями гитлеровские главари хотели внушить американскому эмиссару мысль, что германская победа неизбежна и США лучше всего с этим примириться.

«В Берлине помощник государственного секретаря, раскрывая свои козыри, показал, что Соединенные Штаты готовы исследовать возможности мирного урегулирования даже с нацистским режимом», — пишут известные американские историки ⁴¹. В Париже Уэллес столкнулся с широко распространенными пораженческими настроениями. Даже сам премьер Даладье соглашался с тем, чтобы Данциг, Западная Польша и Судетская область были отданы Германии. Он не отказывался иметь дело с гитлеровским правительством, которое гарантировало бы безопасность Франции. Таким образом, оказывалось, что Франция по-прежнему готова к сговору с фашистами.

Беседы в Лондоне с Чемберленом, Галифаксом, Черчиллем показывали, что английское правительство мало верит в возможность соглашения с гитлеровской Германией. Однако накануне отъезда Уэллеса Чемберлен снова продемонстрировал свои мюнхенские настроения. Вопреки своему предыдущему заявлению Уэллесу, о том что правительство полно решимости устранить нацистский режим в Германии, английский премьер заявил, что при окончательном урегулировании Лондон не проявлял бы нетерпимости по отношению к будущим границам Польши и Чехословакии. Тем самым он намекал на то, что часть польских и чешских земель гитлеровская Германия сможет удержать; Данциг и Коридор отойдут к Германии; судьба Австрии будет решена плебисцитом ⁴².

Вудворд пишет, что, по мнению руководителей Форин оффис, на Уэллеса оказали влияние «аргументы» Муссолини и гитлеровских главарей относительно «не-

---

⁴¹ W. L. Langer and S. E. Gleason. The Challenge to Isolation 1937—1940. New York, 1952, p. 368.

⁴² FR, 1940, vol. I, p. 89.

победимости Германии». К тому же и посол Кеннеди рисовал Уэллесу мрачную картину всеобщей разрухи в случае продолжения войны. В Лондоне казалось вероятным, что Уэллес по возвращении в Вашингтон предложит условия мира, которые не предусматривают ликвидации гитлеровского режима, но лишь обеспечивают безопасность союзникам ⁴³.

3 апреля 1940 г. Рузвельт действительно заявил английскому послу Лотиану, что он и Уэллес, подобно Чемберлену, также думают, что важно убедить немцев в том, что союзники не собираются уничтожить Германию. «Драматическая декларация на сей счет имела бы хороший эффект», — сказал Рузвельт ⁴⁴. Вудворд утверждает, будто в Вашингтоне неправильно поняли предложение Чемберлена, которое на самом деле не имело в виду погасить германские страхи относительно расчленения Германии, но лишь ставило вопросы послевоенной безопасности, а именно, разоружения Германии перед союзниками ⁴⁵.

Обсуждение американского плана США и Англией было прекращено, что очень важно, лишь в связи с падением Германии на Данию и Норвегию ⁴⁶, но вовсе не потому, что этот план был окончательно забракован.

Миссия Уэллеса показала, что попытки примирения воюющих империалистических государств обречены на неудачу, так как гитлеровцы выставили требования, которые означали прекращение существования Англии как мировой державы. Империалистические противоречия достигли такой остроты, что не могли уже быть решены иначе, как силой оружия. Миссия Уэллеса подбодрила гитлеровскую верхушку, укрепляя ее уверенность в том, что Запад действительно «сгнил» и установление германского господства над миром не за горами.

В то же время она вызвала возмущение прогрессивной общественности. Впечатление от миссии Уэллеса было настолько отрицательным, что Рузвельт был вынужден выступить по радио 16 марта 1940 г. с заявлением, что США не собираются навязывать мир, основанный на несправедливости.

---

⁴³ E. L. Woodward. Op. cit., p. 42.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem.

Так потерпела неудачу попытка «посредничества» США. В провале этой попытки, которая могла стать отправным моментом для организации «крестового похода» капиталистического мира против СССР, как и в срыве антисоветских планов Англии и Франции важную роль сыграла победа Советского Союза в войне с Финляндией и подписание в Москве 12 марта мирного договора ⁴⁷.

---

⁴⁷ W. L. L a n g e r and S. E. G l e a s o n. Op. cit., p. 371.

Г л а в а ш е с т а я

ПРАВИТЕЛЬСТВО ЧЕРЧИЛЛЯ. ПОРАЖЕНИЕ НА ЗАПАДЕ И КОНЕЦ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОГО СОЮЗА

Одну из важнейших особенностей политического развития Англии в период «странной войны» представляло постепенное усиление и консолидация сил, выступающих против продолжения мюнхенской политики. Эти силы по своему классовому составу были далеко не однородны. Безусловно, первостепенное значение имела позиция народных масс. С их отношением к вопросам, волновавшим страну, не могли не считаться наиболее дальновидные круги английской буржуазии. Стремления же масс находились в резком противоречии с политикой военного кабинета Чемберлена. Переломным этапом в осознании необходимости смены правительства следует считать январь — март 1940 г., когда резко антисоветская политика правительства в связи с советско-финской войной чуть было не вовлекла Англию в пагубную войну с Советским Союзом. Характерно, что это обстоятельство отнюдь не усилило пацифистские круги в стране.

Опасность вовлечения Англии в войну, решительно противоречившую ее национальным интересам, и возможность «обмена» войны против фашистской Германии на войну против СССР сплотили народные массы. Английский народ требовал решительных действий против гитлеровской Германии. Коммунистическая партия выступала за устранение из правительства мюнхенцев и против империалистических целей в войне. Но народные массы одновременно выступали и против пацифистов, что указывало на крепнущую убежденность в необходимости вести настоя-

щую войну против гитлеровской Германии. На пяти дополнительных выборах в парламент, происходивших в месяцы «странной войны», кандидаты, разделявшие пацифистские взгляды, потерпели поражение, набрав всего лишь 12 418 голосов из 80 441¹.

Глубокое недовольство политикой правительства и методами ведения войны наблюдалось в лейбористском движении. Рядовые члены лейбористской партии требовали от руководства проведения такой политики, которая четко выявляла бы цели лейбористов в войне. Считаясь с настроениями масс, лидеры лейбористской партии и тредюнионов в своих публичных заявлениях вынуждены были подчеркивать (как это сделал, например, Эттли в своей речи в Дюргеме 12 января 1940 г. или на следующий день в Блекбёрне, или Бевин в ряде своих выступлений примерно в то же время²), решительное несогласие лейбористской партии с проводимой правительством политикой и намерением лейбористов сместить его. Гарольд Ласки, один из виднейших теоретиков лейбористского движения, в памфлете «Лейбористская партия, война и будущее» подчеркивал растущее стремление лейбористов к власти. Считаясь с настроениями масс, национальный исполком лейбористской партии опубликовал 9 февраля 1940 г. заявление, под названием «Лейбористское движение, война и мир», в котором попытался сформулировать военные цели лейбористов. Признавая необходимость нанести поражение гитлеризму и уничтожить последствия нацистской агрессии, лидеры лейбористов в то же время предостерегали от новых ошибок при мирном урегулировании, т. е. выдвигали на первый план излюбленный аргумент нацистской пропаганды об «ошибках Версаля».

Сам тезис о необходимости ликвидации гитлеровского режима в Германии был сформулирован таким образом, что фактически перекликался с официальными правительственными заявлениями о методах ведения войны. «Победа демократии должна быть достигнута, — подчеркивалось в заявлении, — либо оружием или экономическим давлением, либо — что еще лучше — победой самого германского народа над гитлеровским режимом, в резуль-

---

¹ «Round Table», June 1940, № 119.

² «Labour's Next Step», London, May 1940, p. 9—10.

тате чего родится новая Германия»³. Таким образом, лидеры лейбористов по существу смыкались с Чемберленом, ибо именно он, как мы видели выше, создавал такие же иллюзорные схемы событий. Но если у лидера консерваторов была при этом определенная политическая цель «реформировать» фашистский порядок Германии и заметить «экстремистов» «умеренными», то какую же политическую цель выдвигали лейбористские деятели? На этот вопрос заявление исполкома лейбористской партии ответа не дает, хотя в заявлении и подчеркивается, что нельзя вести переговоры о мире с гитлеровским правительством, так как ему нельзя доверять. Однако, с другой стороны, в заявлении указывалось, что можно вести переговоры с таким германским правительством, которое «не просто обещает, но действительно совершит некоторые акты» восстановления (положения, существовавшего до начала гитлеровской агрессии.— *А. Н.*)⁴. Далее в заявлении лейбористов уточнялось, что речь идет о восстановлении свободы для польского и чехословацкого народов, свободы выбора для австрийцев, гарантии безопасности французскому народу. Подчеркивалась необходимость равенства Германии. Заявление и не ставило вопроса об ответственности за совершенные нацистским режимом преступления. Провозглашая свободу для всех народов, лейбористские лидеры обещали народам колоний лишь «быстрый прогресс» в сторону самоуправления и ни словом не обмолвились о необходимости предоставления колониальным народам полной независимости, т. е. по существу в одном из важнейших принципиальных вопросов войны с фашизмом — солидаризовались со своей империалистической буржуазией. Вынужденное под влиянием протестов низовых организаций хотя бы внешне изменить свое враждебное отношение к СССР, лейбористское руководство высказалось таким образом, что можно было заключить, будто Советский Союз еще не выступает за сопротивление агрессии. Тем самым зачеркивалась та огромная борьба, которую вел Советский Союз за организацию коллективной безопасности против фашистской агрессии в предвоенные годы.

---

³ «Report of the 39 th Annual Conference Held in the Pavillion. Bournemouth, May 13-th—16-th 1940», London, 1940 p. 188.

⁴ Ibidem.

Заявление исполкома лейбористской партии отражало непоследовательность отношения руководства партии к политике правительства. Подвергая его критике в парламенте по ряду конкретных вопросов (пошлины на сахар, пенсии, обеспечение родственников мобилизованных, безработица), лейбористы всего лишь один раз поставили в парламенте резолюцию о недоверии правительству (политика в Палестине), зная определенно, что она будет отклонена. И все же, несмотря на фактическую поддержку лидерами лейбористов правительства Чемберлена, среди миллионов все больше пробивало себе дорогу требование выработки самостоятельной политической платформы лейбористской партии на время войны и немедленно после победы. Часто стихийно зреющие силы социализма в недрах английского рабочего движения подталкивали верхушку лейбористской партии и тред-юнионов к формулированию более четких задач рабочего движения и к организации борьбы за них. Широко распространившиеся в лейбористском движении пожелания формулирования политики лейборизма, его военных целей нашли отражение в опубликованном в мае 1940 г. памфлете группы фабианцев под названием «Ближайший шаг лейбористов». Авторы памфлета констатировали, что «до сих пор практическая борьба против правительства велась по сравнительно второстепенным вопросам..., требование полного изменения в методах ведения войны и в политическом руководстве нацией было выражено лишь в случайных и бессвязных словах, но совершенно ничего не было сделано. «В памфлете подчеркивалось, что не только лидеры, но и лейбористское движение в целом, еще не осознали, что война носит не только национальный и империалистический характер, но и является также «социальным конфликтом», в результате которого лейбористы должны превратиться в господствующую силу, «если исход его будет благоприятен для сил социализма и демократии»⁵. Памфлет фабианцев был как бы отражением стремления многих рядовых лейбористов осмыслить происходящие события. Чрезвычайно важным нам представляется именно то обстоятельство, что еще в этот первоначальный период войны в специфических условиях, которые сложились

---

⁵ «Labour's Next Step», p. 10.

в Англии (правительство монополистического капитала, ведущее войну против фашистского государства), английские трудящиеся ищут свое место в войне против нацизма и находят его в проведении самостоятельной и независимой от своей буржуазии политики, в необходимости иметь свою собственную точку зрения на то, «как вести войну» и «как она должна закончиться». Следует подчеркнуть, что такое понимание своих классовых интересов в войне было в значительной степени результатом многолетней борьбы английских коммунистов за классовое самосознание английских трудящихся. Семена марксизма были брошены на благодатную почву. И независимо от того, были ли эти мысли сформулированы в коммунистических изданиях или лейбористских, они были посеяны неустанной пропагандистской работой английских коммунистов. Провозглашая необходимость борьбы за политическую власть уже во время войны, памфлет фабианцев подчеркивал, что «лейбористское движение должно судить о внешней политике с точки зрения своих собственных интересов; оно должно развивать и декларировать свою независимую внешнюю политику. Но оно должно идти еще дальше. Лейбористское движение — благодаря своей важной позиции в обществе, благодаря возможности ограничивать или реализовывать национальные усилия в каком-либо определенном направлении — должно принять решения, которые окажут немедленное или практическое влияние на внешнюю политику нации»⁶.

Правильно подчеркивая, что правительство Чемберлена не может выиграть войну, и отмечая, что в интересах массы английского народа было бы завоевание лейбористами власти или решающих позиций еще во время войны, авторы памфлета в то же время выступали за коалицию лейбористов с консервативной партией на определенных условиях. Памфлет был направлен против лейбористского руководства, боявшегося взять на себя всю полноту ответственности за победоносное ведение войны против гитлеровской Германии и завершение ее в интересах прогресса и демократии.

Таким образом, лейбористское движение в целом за первые восемь месяцев войны все же проделало значительную эволюцию от поддержки правительства Чембер-

---

⁶ «Labour's Next Step», p. 5—6.

лена к постепенной оппозиции ему. Однако, повторяем, руководство лейбористской партии ничего практически не предприняло для того, чтобы создать широкое движение народных масс с целью замены правительства монополистической буржуазии, мюнхенского по своему политическому направлению, правительством, в котором бы ключевые позиции принадлежали лейбористам. Лидеры лейбористов и тред-юнионов боялись единоличной ответственности, не хотели брать ее на себя. Тем самым в любой политической комбинации с буржуазными партиями лейбористская партия должна была занять подчиненное положение. Упомянувшийся уже выше биограф Эттли Френсис Вильямс следующим образом характеризует умонастроение лейбористского лидера: Эттли хорошо был осведомлен о широко распространенном недовольстве правительством Чемберлена в стране и в парламенте. Необходимость избавиться от Чемберлена «становилась все более и более настоятельной»⁷. «Но как?» — недоуменно вопрошает Вильямс (в данном случае и сам Эттли). И в этом вопросе, как в фокусе, сосредоточены и лейбористское мировоззрение и его практическая деятельность. Эттли и в голову не приходит использовать всю мощь английского рабочего класса для того, чтобы заставить уйти правительство пораженцев. Для него, как и для всего праволейбористского руководства, существовал один лишь путь — через парламентскую процедуру.

В создавшихся условиях борьба против мюнхенцев должна была объективно способствовать созданию антифашистской коалиции и таким образом помочь осуществлению исторической задачи, которая не была решена перед началом войны в 1939 г. Весьма удачно на наш взгляд, эта точка зрения сформулирована польским историком Стефаном Боратынским. Умолчание об оппозиции мюнхенцам, подчеркивает Боратынский, «не позволяет понять, каким образом убеждение в необходимости эффективного сотрудничества с Советским Союзом приобретало в ходе исторического развития все большее значение в западных странах. Нельзя также понять, каким образом эта платформа, которая первоначально провозглашалась оппозицией, стала, несмотря на фактически антисоветские

---

⁷ Francis Williams. The Prime Minister Remembers. London, 1961, p. 28.

намерения наиболее влиятельных кругов буржуазии, официальной политикой правительственных кругов»⁸.

Недовольство политикой Невилля Чемберлена охватило не только оппозиционные политические партии и группы, но и значительную часть консервативной партии.

Лишь после того, как к лейбористским лидерам обращается от имени консервативной оппозиции действующий в качестве посредника один из лидеров либералов Клемент Дэвис, они вступают в борьбу за отставку кабинета Чемберлена⁹.

Инициативу борьбы против правительства захватила так называемая консервативная оппозиция — группа членов парламента от консервативной партии, которая в течение продолжительного времени выступала с критикой линии правительства. Такие известные деятели консерваторов, как У. Черчилль, Л. Эмери, А. Иден, Э. Спирс, в течение длительного времени расходились с лидером консервативной партии и главой правительства по многим вопросам внешней политики. В первые же месяцы войны выяснилось, что Н. Чемберлен, приведший Англию к войне в весьма неблагоприятных для нее условиях, не способен тем более в военное время руководить страной и вести успешную военную политику.

Когда Германия напала на Польшу и началась вторая мировая война, вопрос объективно стал так: либо победа, либо поражение. Консервативная оппозиция отдавала себе отчет в том, что любая попытка достигнуть стовора с фашистской Германией в условиях уже начавшейся войны неминуемо приведет к выигрышу для Германии, к дальнейшему ослаблению английских позиций и в конечном счете к капитуляции перед германскими требованиями, к распаду Британской империи. Это обстоятельство заставляло оппозицию все решительнее выступать против руководства консервативной партии, которое и во время войны пыталось продолжать «мюнхенскую» политику.

Консервативная оппозиция не думала о создании широкого народного движения. Ее тактика заключалась в укреплении своего влияния в консервативной партии, в

---

⁸ С. Боратынский. Дипломатия периода второй мировой войны. М., 1959, стр. 37.

⁹ Francis Williams. Op. cit., p. 28.

изменении соотношения сил в парламенте в пользу противников античемберленовского курса.

Однако продолжение исключительно антисоветского курса в то время, когда война против Германии формально уже шла, казалось им абсурдным. Они видели также, что общественное мнение в целом отрицательно отнеслось к антисоветской истерии, развязанной чемберленовцами во время советско-финской войны.

Против яростной антисоветской кампании, инспирированной реакционными кругами, смело выступила передовая часть рабочего класса Англии во главе с коммунистической партией. Лучшие представители интеллигенции протестовали против антисоветских провокаций и поддержки белофиннов. Кампания в защиту Советского Союза проходила под лозунгом «Руки прочь от Советского Союза!»¹⁰. Этот лозунг напоминал о славных революционных традициях английского рабочего класса, боровшегося с интервенцией империалистов, организованной против молодой республики Советов. Он предостерегал трудящихся о том, что империалисты не отказались от своих антисоветских интервенционистских планов. Но реакционным кругам не удалось осуществить антисоветские замыслы. История сулила другое.

Руководители консервативной оппозиции по своим социальным воззрениям были более чем реакционны. Все их помыслы были направлены к упрочению власти английского капитализма.

Негласным руководителем и вдохновителем консервативной оппозиции оставался Уинстон Черчилль, который, однако, учитывая щекотливость своего положения как члена кабинета, держался в тени.

Каждую среду консерваторы-оппозиционеры собирались на обед в цитадели консервативной партии — Карлтон-клубе. Кроме того, под председательством лидера либералов Клементы Дэвиса, при участии членов парламента Рэтбон, Бутби, Эмери, Хорабина была создана группа действия. В ней также состояли Г. Макмиллан (будущий премьер) и Дафф Купер. «Эта группа, — по свидетельству Леопольда Эмери, — ...представляла полезный форум для более непринужденных и доверительных

---

¹⁰ В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М., 1958, стр. 318—319.

бесед, чем те, которые происходили в помещении палаты общин...»¹¹. Под председательством Клемента Дэвиса в Реформ-клубе собирались оппозиционно настроенные члены палаты общин, обсуждавшие экономические аспекты войны. .

В апреле 1940 г. недовольные консерваторы создали наблюдательный комитет под председательством лидера консерваторов в палате лордов — Солсбери. В комитет вошли видные деятели консервативной партии — представители обеих палат парламента¹². Комитет собирался еженедельно, обсуждая вопросы ведения войны. Конкретные предложения передавались Чемберлену через Солсбери. Наблюдательный комитет постепенно превращался в штаб консервативной оппозиции, подготовлявший планы отставки Чемберлена и реорганизации правительства.

Захват гитлеровской Германией Дании и высадка в Норвегии подтолкнули оппозиционные группировки к более активным действиям.

9 апреля руководство парламентской фракции лейбористской партии обсудило вопрос о возможности вступления в новое правительство без предварительного одобрения специальной конференцией лейбористской партии¹³. Поражение в Норвегии было последней каплей. Как консервативная оппозиция, так и лейбористы, а также либералы решились, наконец, дать бой правительству во время парламентских прений 7—8 мая, выразить ему недоверие и заставить тем самым уйти в отставку.

Центральным моментом прений 7 мая было выступление Л. Эмери. Подвергнув действия правительства резкой критике, Эмери повторил известные слова Кромвеля, обращенные к Долгому парламенту: «Во имя бога, уходите!»¹⁴. Выступление Эмери нашло поддержку среди многих членов парламента различных политических направлений. Ответная речь премьера, произнесенная на

¹¹ L. S. Amery. My Political Life, vol. III. London, 1955, п. 339.

¹² В наблюдательный комитет входили лорды: Сесил, Хорн, Хэйлшем, Ллойд, Суинтон, Лондондерри, Тренчард, Трент и члены палаты общин: Леопольд Эмери, Волмер, Джеффри Эллис, Джозеф Нелл, Гарольд Макмиллан, Гарольд Никольсон, Э. Спирс, Ричард Лоу, Патрик Спенс, Эмрис Эванс.

¹³ Francis Williams. Op. cit., p. 29.

¹⁴ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 360, col. 1150.

следующий день, в которой он призвал своих друзей голосовать за правительство, произвела тяжелое и неблагоприятное впечатление; казалось, что Чемберлен цепляется за власть из личных побуждений в ущерб интересам ведения победоносной войны против Германии. Но дело было, разумеется, не в неудачном выступлении Чемберлена. Полная неспособность правительства правильно оценить ситуацию и в соответствии с ней действовать была ясна.

На следующий день собрался парламентский комитет лейбористской партии. Колебания и неуверенность, царившие на этом заседании, видны даже из тех скудных сведений, которые сообщают источники. Стоял вопрос о вотуме доверия правительству. Долтон и Веджвуд Бени возражали против требования поставить на голосование вопрос о вотуме доверия, утверждая, что такое требование может консолидировать консерваторов. Все же такое решение было принято. Одновременно было решено, что лейбористы примут участие в новом правительстве, если его возглавит не Чемберлен¹⁵. Утром 9 мая собрался наблюдательный комитет под председательством Солсбери. Было принято решение, что Чемберлен должен уйти в отставку. В качестве кандидатов на пост премьера были названы Галифакс, Черчилль, Эмери. После совещания наблюдательного комитета под председательством Дэвиса собрались представители партий, решившие подавляющим большинством голосов не оказывать поддержки правительству Чемберлена и настаивать на создании коалиционного кабинета из представителей консервативной, лейбористской и либеральной партий.

10 мая пришло известие о вторжении германских армий в Бельгию и Голландию. Период «странной войны» кончился, и вместе с ним рухнуло правительство Невилля Чемберлена.

Голосование вотума недоверия, внесенного Гербертом Моррисоном, показало, что Чемберлен потерял опору в консервативной партии. 43 консерватора голосовали против правительства вместе с лейбористами и либералами. 70 консерваторов воздержались. Чемберлен формально получил большинство в 81 голос, фактически же это было поражением. Не только консервативная оппозиция,

---

¹⁵ Francis Williams. Op. cit., p. 32.

но и большинство консервативной партии пришло к выводу, что интересы сохранения политического руководства в руках консервативной партии требуют незамедлительного ухода Чемберлена с поста премьера.

Такого мнения придерживались теперь уже даже кливденцы, оказывавшие ранее Чемберлену полную поддержку в его политике. Из дневников Джонса мы узнаем на этот счет любопытные подробности. В письме к Г. Е. Дэвис из Кливдена, где он был постоянным гостем, Джонс пишет (11 февраля 1940 г.): «Нет никого, кто считает, что Невиль Чемберлен ведет войну с необходимой энергией и воображением. ...Мнение здесь склоняется к образованию национального правительства»¹⁶. Стремясь оказать влияние на формирование нового правительства, кливденцы проводят неофициальные совещания.

7 мая, в то время, когда в парламенте бушевали страсти, в Кливдене собралось любопытное общество: лэди Астор, лорд Астор, Дэвид Астор, Ллойд-Джордж, известный реакционный американский издатель Генри Люс с супругой (впоследствии она была послом США в Италии), американский журналист Бранд, обозреватель «Обсервер» Гарвин и др. «Было известно, — пишет Джонс, — широко распространено неудовлетворение ведением Чемберленом и его кабинетом дел в Норвегии. Положение правительства серьезное. Ожидают, что премьер-министр переживет этот кризис, но рухнет при следующем»¹⁷.

Кливденцы, так сказать, «списывают» Чемберлена со счета.

Объяснение этому может быть только одно: Чемберлен уже не годился для поддержания интересов британского империализма. И от него теперь отворачиваются те, кто был его верной опорой, или чьей верной опорой он был. Кливденцы ищут подходящую с их точки зрения кандидатуру в премьеры. Вот почему в Кливден приглашен старик Ллойд-Джордж. Решено поддержать его кандидатуру в премьеры. Перевес получают, однако, иные силы.

Тем временем в Борнемуте собирается исполком лейбористской партии и отдельно от него Генсовет тред-юнионов, чтобы решить вопрос о вхождении лейбористов, их

¹⁶ Thomas Jones. A Diary with Letters. 1931—1950, London, 1954, p. 455.

¹⁷ Ibid., p. 457.

лидеров и лидеров Генсовета в правительство, которое должно быть образовано.

10 мая Чемберлен подал в отставку. А на следующий день исполком лейбористской партии и Генсовет тред-юнионов принимают решение войти в кабинет, если им не будет руководить Чемберлен¹⁸.

Сообщение о вторжении германских армий в Бельгию и Голландию Чемберлен пытался использовать, чтобы сохранить за собою пост премьера. В этом он неожиданно находит поддержку со стороны лидера либералов. Синклер считал в условиях начавшихся военных действий несвоевременным смену премьера и пытался убедить в этом лидеров лейбористской партии, но безуспешно¹⁹.

11 мая Уинстон Черчилль начал формирование коалиционного правительства, которое было завершено 15 мая. Помимо премьерства Черчилль получил пост министра обороны и стал лидером палаты общин. Н. Чемберлен, оставшись лидером консервативной партии, вошел в кабинет в качестве лорда-президента Совета — это не давало ему возможности оказывать влияние на ход дел. Сохранил свой пост Галифакс. Остались в составе кабинета Саймон (лорд-канцлер), Кингсли Вуд (министр финансов) и ряд других министров. Из числа участников консервативной оппозиции получили министерские портфели Дафф Купер — министр информации, Л. Эмери — министр по делам Индии и Бирмы, лорд Бивербрук — министр авиационного производства, лорд Кренборн — министр почт.

При формировании коалиционного правительства лидеры лейбористской партии и Генсовета тред-юнионов получили ряд ответственных постов. Клемент Эттли был назначен заместителем премьера и лордом-хранителем печати, Герберт Моррисон получил портфель министра снабжения, Гринвуд стал председателем совета по производству, Долтон — министром экономической войны, Бевин — министром труда и национальной повинности, А. Александер — морским министром. Кроме того, лейбористы получили ряд других второстепенных министерств и департаментов. Вошел в правительство лидер либералов А. Синклер.

¹⁸ Francis Williams. Op. cit., p. 33.

¹⁹ Ibid., p. 34; Alan Bullock. The Life and Times of Ernest Bevin, vol. One. London, 1960, p. 650.

Заседавшая в Борнмуте 13—16 мая 39-я ежегодная конференция лейбористской партии подавляющим большинством голосов (2413 тыс. против 170 тыс.) одобрила участие лейбористов в коалиционном правительстве Черчилля. Противники вступления лейбористов в правительство Черчилля требовали образования не национального правительства, а, как заявил делегат П. Р. Д. Шуфелдт (Челси), формирования «социалистического» правительства, которое одно может довести разгром гитлеризма до конца. Делегат Дж. Рамсей (Норвуд) обвинял лидеров партии в предательстве интересов рабочего класса и призывал к созданию социалистического государства. Эмрис Хьюз выступал против того, чтобы «отъявленный реакционер» Черчилль возглавил новое правительство²⁰. Однако противников коалиции было немного. Кроме того, выступления лидеров лейбористской партии в парламенте против кабинета Чемберлена во время прений 7—10 мая создали у многих лейбористов впечатление об их готовности осуществить лейбористские лозунги на практике. Эттли, Моррисон и другие руководители лейбористской партии полностью контролировали конференцию. Благодаря их стараниям была отклонена резолюция солидарности с Советским Союзом, внесенная делегатом Н. С. Ходжем²¹. Однако сам факт внесения этой резолюции свидетельствовал о том, что, несмотря на разнузданную антисоветскую кампанию, трудящиеся Англии сознают, что подлинная борьба против фашизма будет развита лишь вместе с СССР — оплотом социализма во всем мире.

В сложившейся ситуации, когда фашистские орды угрожали Англии, решение лейбористской партии войти в коалиционное правительство было правильным. Однако мало было войти в правительство. Надо было, используя те позиции, которые лейбористская партия занимала в нем, бороться за интересы трудящихся, вынудить правящие классы нести бремя войны наравне с народом, за-

---

²⁰ «Report of the 39 th Annual Conference», p. 126—129.

²¹ Резолюция гласила: «Конференция, признавая, что защита Советского Союза жизненно важна для дела мирового социализма, обязывает партию противиться всем формам капиталистической интервенции против Советского Союза и, далее, не оказывать поддержки политике, которая может затруднить дружественные отношения с Советским Союзом» (ibid., p. 161).

ставить богачей платить, ограничить до предела возможности наживы на войне капиталистов и биржевых спекулянтов, пробуждать в массах тягу к переустройству общества, пропагандировать социалистические идеалы, отстаивая тем самым классовые интересы трудящихся Англии в условиях войны. Однако лидеры лейборизма в своих делах были достаточно далеки от подлинно социалистической программы. Они безоговорочно приняли политику, подсказанную им Черчиллем. Впоследствии Эттли будет оправдывать безоговорочный союз лейбористов с консерваторами в ходе войны интересами победы над врагом и с гордостью будет говорить о единстве военного кабинета и об отсутствии разногласий по партийной линии ²².

Новый премьер-министр Великобритании был уже далеко не молод. Ему шел 66-й год, а за плечами была долгая карьера политического и государственного деятеля. Уинстон Черчилль — выходец из старинного аристократического рода Мальборо, основателем которого был известный английский полководец (его жизни Уинстон Черчилль посвятил большое многотомное исследование). Отец Уинстона, Рэндольф, был известным деятелем консервативной партии, а его мать — богатой американкой.

Жизнь Черчилля была довольно бурной и полной превратностей. Консерватор, потом либерал, затем снова консерватор. Офицер, журналист, автор ряда романов (некоторые из них были переведены в 20-х годах на русский язык) и значительного числа исторических биографий и эссе, художник и политический деятель — Черчилль поражал своих современников ярким талантом и склонностью к некоторому авантюризму. По своим политическим взглядам Уинстон Черчилль был глубоко реакционер. Был ли он либералом или консерватором, министром или членом парламента, находился ли у власти или был в оппозиции, он неизменно выступал как ярый защитник колониального господства, как глашатай Британской империи, как враг рабочего класса и антикоммунист. Его лозунг был неизменен — «Империя прежде

---

²² «Я не могу припомнить, — говорил Эттли Вильямсу, — случая, когда бы между консерваторами, либералами и лейбористами возникали разногласия по партийной линии. Определенно не в военном кабинете. Определенно не в крупных вещах. Мы посвятили себя исключительно делу выигрыша войны» (Francis Williams. Op. cit., p. 37).

всего». Сохранению и упрочению позиций британского империализма и была посвящена его долгая жизнь политического деятеля. Кажется, не было таких министерских постов, которых бы не занимал Черчилль.

Еще до первой мировой войны Черчилль, будучи министром внутренних дел, не гнушался полицейских расправ над рабочими, а в 1926 г., во время знаменитой всеобщей стачки, непреклонно выступал против каких-либо уступок рабочим.

С особой ненавистью Черчилль относился к Советскому государству. Военный министр в 1919—1921 годов, он был организатором пресловутого «похода 14 государств» против молодой республики Советов, и позднее с гордостью ставил себе в заслугу, что он пытался «задушить большевизм в его колыбели».

Разгром интервентов и, следовательно, политическое банкротство Черчилля как вдохновителя и организатора интервенции, не остановили его попыток нанести Советскому Союзу как можно больший вред. Как министр финансов в предкризисные годы Черчилль продолжал делать все возможное, чтобы подрывать англо-советские отношения, и участвовал в антисоветской и антикоммунистической кампании, которая закончилась в 1927 г. разрывом англо-советских отношений.

Министерская карьера Черчилля была прервана в связи с поражением консервативной партии на выборах 1929 г.

Уинстон Черчилль оказался одним из первых английских государственных деятелей, которые в начале 30-х годов в связи с грандиозным экономическим кризисом, потрясавшим капиталистический мир, почувствовали впервые после Октябрьской революции необходимость ревизии устоявшихся политических концепций. В то время наше социалистическое государство набирало силы, его авторитет на международной арене возрастал. Надежды на крушение советского строя становились все менее реальными. С другой стороны, очень беспокойно становилось на европейском континенте. Английская традиционная политика поддержания «равновесия сил» в Европе переживала кризис. Расчеты английской реакции на то, что захват власти германскими фашистами открывает дорогу к антисоветскому сговору капиталистических государств, уже в 1934 г. стали весьма проблематичными.

Черчилль понял это раньше других. Быть может, особое чутье публициста и историка позволило ему уже тогда осознать ту страшную опасность, которую в недалеком будущем представит для Англии и империи, ревностным служителем которой Черчилль себя считал, гитлеровская Германия.

Уже в 1933—1934 гг. Черчилль и тогда еще немногочисленная группа его приверженцев выступали за осуществление обширной программы вооружений. Идеалом Черчилля становится хорошо вооруженная Британская империя. Только сила, утверждал Черчилль в парламенте, в публичных выступлениях и в печати, поможет Англии отстаивать свои интересы от покушения соперников — от Германии и Японии. Только сила, развивал он далее свою мысль, может оказаться тем средством, которое вынудит Гитлера согласиться на английские условия. Черчилль вовсе не исключал возможности и даже желательности соглашения с фашистскими государствами на антисоветской основе. К одному из фашистских диктаторов — Муссолини — он весьма благоволил. Уже во время войны, когда Черчиллю, несмотря на все его старания, не удалось предотвратить выступления Италии на стороне гитлеровской Германии, он ни разу не осудил итальянский фашизм как форму порабощения народа. Британский премьер выступал не столько против фашизма как такового, сколько против германской формы фашизма и даже, пожалуй, больше против конкретного его носителя — Гитлера.

Соглашение с фашистскими государствами могло быть, по мнению Черчилля, заключено только хорошо подготовленной в военном отношении Англией. Черчилль видел, что гитлеровская Германия признает только силу, и поэтому вести переговоры с ней, заключать соглашения без ущерба для себя может только сильный партнер. Таким образом, предпосылкой к соглашению с Германией была «тяжеловооруженная» Британская империя. Отсюда систематические выступления Черчилля в пользу вооружения.

Вторая предпосылка, по мнению Черчилля и его единомышленников, состояла в том, чтобы любое заключенное соглашение с Германией основывалось на твердых гарантиях, что Германия не использует в конечном счете выгоды, полученные в результате подобного сговора, против Великобритании.

На таких условиях консервативная оппозиция, к которой принадлежал и Черчилль, была готова приветствовать англо-германское соглашение. Однако политика «невмешательства» официального руководства консервативной партии, приводившая на практике к резкому усилению фашистских держав в ущерб Англии и Франции, сильно беспокоила консервативную оппозицию. Во второй половине тридцатых годов Черчилль пришел к выводу, что, как и в 1914 г., Англия и Германия в надвигающейся войне окажутся во враждебных лагерях. Но во время первой мировой войны значительные силы Германии были брошены на Восточный фронт. Война на два фронта истощила силы Германии и привела ее к капитуляции. Так возникла у Черчилля мысль о сближении между Англией и Советским Союзом.

Оставаясь на позициях убежденного антикоммуниста и продолжая с ненавистью относиться к социалистическому строю, установленному в Советском Союзе, Черчилль полагал, что бывают в истории моменты, когда классовые интересы, симпатии и антипатии отступают на второй план. Но то, что Черчилль считал британскими национальными интересами, которые этот искусный оратор умел облекать в возвышенные и туманные понятия «Свободы и Демократии», были прежде всего интересами британского империализма, выступающего против германской гегемонии в Европе, за поддержание собственного господства над колониальным миром. Характерно, что в черчиллевском понимании борьбы «против тирании» никогда не подразумевалась борьба против колониализма, этой законченной формы угнетения и тирании. Однако призывы Черчилля к объединению неагрессивных государств носили положительный характер, так как объективно помогали распознать опасность курса на умиротворение и указывали на возможность альтернативной политики.

Придя к заключению, что Советский Союз представляет собою важный фактор мира и безопасности и что в условиях обостряющейся с каждым днем международной обстановки только союз между Англией, Францией и СССР может удержать агрессора, Уинстон Черчилль начал выступать в парламенте и в печати в поддержку коллективной безопасности.

В беседе с советским полпредом в Лондоне И. М. Май-

ским, Черчилль, разъясняя свою позицию, говорил: «... Англия, Франция и СССР должны явиться костяком того оборонительного союза, который будет держать Германию в надлежащем страхе. Никаких уступок Гитлеру делать нельзя. Всякая уступка с нашей стороны будет истолкована как признак слабости и только окрылит Гитлера к повышению его требований»²³. В другой беседе с И. М. Майским Черчилль заявил: «Сейчас я считаю, что величайшей опасностью для Британской империи является Германия — поэтому сейчас я противник Германии... Вместе с тем я полагаю, что Гитлер готовится к экспансии не только против нас, но и на Востоке против вас. Почему бы нам не объединиться в борьбе против общего врага?.. Я был противником коммунизма и остаюсь его противником, но ради целостности Британской империи я готов сотрудничать с Советами»²⁴.

Как видно из этих и многих других высказываний, будущим британским премьером руководили сугубо практические расчеты. Сильный Советский Союз мог бы отвлечь на себя значительные силы гитлеровской Германии. А это было важным мотивом политики, которую предлагал Черчилль. Политическая концепция Черчилля позднее, в годы антифашистской коалиции, была причиной трений и столкновений между СССР и Англией, когда Советский Союз требовал незамедлительного открытия второго фронта и облегчения бремени, которое нес советский народ на своих плечах, а Англия вела войну на периферии и не спешила с выполнением союзнических обязательств.

Таким образом, политическая доктрина Черчилля имела две стороны — открыто Черчилль выступал за союз с СССР против Германии, понимая, что только такой союз приведет Гитлера к поражению, втайне же он, как показали последующие события, хотел основную тяжесть войны взвалить на Советский Союз, чтобы к концу войны СССР был обессилен. Но его надеждам не суждено было сбыться...

Вернемся, однако, немного назад. Выдача гитлеровцам Австрии, а затем Чехословакии подтверждала, что политика «умиротворения» быстро приближает мир к войне.

---

²³ И. М. Майский. Кто помогал Гитлеру. М., 1962, стр. 55.

²⁴ Там же, стр. 50.

После 15 марта 1939 г. Черчилль уже не сомневался в том, что война неизбежна. Это вынуждало его и консервативную оппозицию в целом искать союзников. Вот почему во время англо-франко-советских переговоров весной и летом 1939 г. Черчилль настаивал на незамедлительном заключении военного союза между Англией, Францией и Советским Союзом. Однако правительство Чемберлена сорвало заключение этого союза.

И вот настал час, о котором Черчилль предупреждал и которого страшился: Германия начала наступление на Западном фронте, на одном фронте! Положение было тяжелейшим. Ни Черчилль в то время, да и никто в мире, пожалуй, не мог себе представить всю быстроту и катастрофичность событий, которые последовали после 10 мая 1940 г.

С приходом к власти правительства Черчилля наступил новый этап в английской политике.

Вторжение немецких войск в Данию и Норвегию не оставляло больше сомнений, что период затишья на Западном фронте окончился. Германия использовала с максимальной для себя выгодой месяцы «странной войны». Все было готово, чтобы, согласно тщательно разработанному плану, обрушиться на Голландию, Бельгию и Францию.

Подобно другим государствам «группы Осло», Голландия после 1936 г. все больше и больше отходила от участия в решении острых международных проблем. Провозглашая политику «нейтралитета», Голландия решительно выступала против коллективной безопасности. А между тем это был единственный реальный залог безопасности страны! Заявляя о нейтралитете, правящие классы страны проводили резко антисоветскую политику. Перед второй мировой войной Голландия была в числе тех немногих европейских государств, которые «не признавали» Советский Союз. В стране были значительны прогерманские симпатии. Не случайно после свержения монархии в Германии бывший кайзер Вильгельм нашел пристанище в Голландии и до конца своих дней прожил в Дорне. Гитлеровская агентура свила себе в Голландии прочное гнездо. Наиболее рьяным поборником фашизма выступала в Голландии партия «Национал-социалистское движение» во главе с Антоном Муссертом. Однако значительным влиянием среди народа она не пользовалась. Голландские фашисты поддерживали связь со своими немецкими собра-

тьями. Ближайший помощник Муссерта Рост ван Тоннинген в течение многих лет был связан с Гиммлером ²⁵. Более значительным влиянием, чем в метрополии, голландские нацисты пользовались среди голландского населения своей колонии Индонезии.

Однако не эти силы определяли политику Голландии. На протяжении многих лет у власти стояли коалиционные правительства, в которые голландские нацисты не входили. Накануне войны и в начале ее страной правила широкая коалиция буржуазных партий с участием социалистов.

Политика отказа от коллективной безопасности, боязнь быть втянутыми в военный конфликт, стремление сбалансировать свою политику таким образом, чтобы не вызывать раздражения ни у одной из враждебных сторон, объективно препятствовали своевременной подготовке к обороне. Только в 1938 г., когда явственно обозначилась угроза войны в Европе, был принят закон об увеличении сроков военной службы и создании мобильной армии для обороны границ. В конце августа 1939 г. в Голландии была проведена мобилизация. 1 сентября Нидерланды объявили о своем нейтралитете. Нервозность первых дней войны вскоре, в связи с полным затишьем, царствовавшим на Западном фронте, сменилась надеждой, что Нидерландам удастся сохранить свой нейтралитет. Голландский народ в целом был настроен против гитлеровской Германии. Однако целесообразность выступления на стороне союзников вызывала в Голландии большое сомнение. «Выступление в войну на стороне союзников оправдывало бы германское нападение. Способны ли союзники послать нам вовремя достаточные подкрепления? Мы в этом весьма сомневались»²⁶, — таково было, по словам известного голландского публициста де Ионга, настроение во время «странной войны». Кроме того, сами союзники всячески успокаивали голландцев своими утверждениями, будто Германия не посмеет начать наступление на Западе; следовательно, и Голландии тогда опасаться нечего. Не кто иной, как начальник английского имперского генштаба генерал Айронсайд, хвастливо заявлял, что армии союзников будут только очень рады встретить немцев, если

²⁵ Л. де Ионг. Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1951, стр. 305.

²⁶ L. de I o n g. Holland fights the Nazis. London, 194..., p. 5.

они осмелятся начать наступление на Западном фронте ²⁷. Недобросовестность Айронсайда была поразительна: он-то отлично знал, что еще 29 марта на англо-французском штабном совещании союзники пришли к выводу, что с началом боевых действий на Западном фронте Голландия будет захвачена Германией и союзники не в состоянии будут оказать ей помощь ²⁸. Несмотря на успокоительные заверения союзников, 100 млн. гульденов было ассигновано с началом войны на оборонительные мероприятия. В то же время Нидерланды упорно уклонялись от вступления в штабные переговоры не только с Англией и Францией, но даже и со своим ближайшим соседом Бельгией, опасаясь, что это станет известным в Берлине. Голландские правящие круги надеялись, что война еще может принять иной оборот: на Западе будет достигнут мир, а немцы пойдут против большевиков. Голландская королева вместе с бельгийским, шведским, норвежским королями и с одобрения Ватикана несколько раз во время «странной войны» выступала с предложением посредничества.

Объективно такие предложения шли на пользу гитлеровской Германии, которая под покровом разговоров и слухов о мире готовилась к наступлению на Западе.

В последних числах октября пронесся слух, что в ближайшие дни начнется германское вторжение в Голландию. 1 ноября 1939 г. в восьми провинциях Голландии было объявлено осадное положение. 11 ноября произошел инцидент на голландско-германской границе в Венло, когда германские агенты похитили английских офицеров разведки и убили голландского офицера. Напряженность резко усилилась, панические слухи о германских шпионах распространялись повсеместно.

В 20-х числах ноября Англия и Франция объявили о введении осмотра судов нейтральных стран и конфискации товаров немецкого происхождения. Германия, со своей стороны, угрожала нейтралам, что, если они подчинятся этому решению, их суда будут пущены ко дну. Эта угроза была быстро приведена в действие, и ряд голландских кораблей стал жертвой «неизвестных» подвод-

---

²⁷ L. de Jong. Holland fights the Nazis, p. 6.

²⁸ L. F. Ellis. The War in France and Flanders 1939—1940. London, 1953, p. 4, 9.

ных лодок. Положение Голландии осложнялось с каждым днем.

Обманчивые надежды, что Голландии удастся избежать нападения Германии, так как война получит иное направление, вновь ожили в связи с советско-финской войной. Правящие круги Голландии решительно включились в антисоветскую кампанию. Победа Красной Армии и подписание советско-финского договора были восприняты голландскими реакционными кругами как тяжкий удар. Теперь вновь возникал роковой вопрос, как долго Голландия еще может продолжать политику балансирования. Здравый смысл подсказывал необходимость установления контакта с союзниками. Однако сомнение в возможности получить своевременную помощь от Англии и Франции, имевшее весьма серьезные основания, сковывало действия Голландии и ставило ее в тяжелое положение.

В начале января произошло событие, оказавшее значительное влияние на дальнейший ход дел, — так называемый мешеленский инцидент. Гитлер решил начать наступление на Западе в январе. Были составлены надлежащие планы. Для уточнения плана военно-воздушной операции в районе Намюра германское командование созвало в Мюнстере совещание. Один из участников совещания, майор Рейнбергер, получил задание вылететь в Кёльн для согласования вопросов взаимодействия. У Рейнбергера были на руках важнейшие оперативные документы, летать с которыми категорически запрещалось. Тем не менее Рейнбергер полетел на самолете, управляемом его приятелем майором Хенмансом. Самолет из-за плохой погоды приземлился на бельгийской территории в Мешелене. Рейнбергеру удалось уничтожить часть документов, но ознакомление с уцелевшей частью, которая попала в руки бельгийских властей, убедительно показывало, что речь идет о готовящемся генеральном наступлении на Западном фронте, которое предусматривало вступление немецко-фашистских войск на территорию Бельгии и Голландии. Англия и Франция были немедленно поставлены в известность о захваченных документах. Однако там многие считали, что история в Мешелене — трюк, подстроенный немцами с целью дезинформации, и сохранили неизменным свой первоначальный план оборонительной войны от ноября 1939 г. Это был грубый просчет

англо-французского командования ²⁹. Германское же командование внесло существенные коррективы в свой план.

Из инцидента в Мешелен-сюр-Мёз и из информации, которая исходила от итальянского министра иностранных дел Чиано ³⁰, в Бельгии и Голландии стало известно о готовящемся нападении. Однако даже после этих сигналов Голландия не решилась на эффективные меры защиты. Больше того, дабы не раздражать гитлеровскую Германию, 5 февраля был уволен в отставку главнокомандующий голландской армией генерал И. Н. Рейндерс, который предлагал принять серьезные меры для обороны страны ³¹.

Вторжение в Данию и Норвегию заставило голландское правительство принять некоторые меры предосторожности.

Осадное положение было объявлено во всех приграничных и прибрежных укреплениях, а 19 апреля оно было распространено на всю страну. Сообщение о захвате власти в Норвегии Квислингом вызвало волну шпиономании и подозрительности, особенно усилившейся в связи с раскрытием действительного немецкого шпионского центра, во главе которого стоял германский атташе в Гааге ³². 4 мая Иозеф Мюллер, известный уже читателю, сообщил голландским властям о намечающемся вторжении. Однако страх спровоцировать Германию был столь велик, что даже теперь голландское правительство не решилось хотя бы сообщить союзникам эти крайне важные сведения, опасаясь, что гитлеровцам станет об этом известно!

Политика реакционных клерикальных партий, стоявших у власти и пользовавшихся поддержкой социал-де-

---

²⁹ «Несмотря на бумаги немецкого майора, никакого дальнейшего действия какого-либо рода не было предпринято ни союзниками, ни государствами, которым угрожала опасность», — пишет У. Черчилль (W. S. Churchill. The Second World War, vol. I. Boston, 1948, p. 502).

Подробное исследование мешеленского инцидента сделано В. Дашичевым в статье «Мешеленский инцидент и немецкий план разгрома Франции» («Военно-исторический журнал», 1959, № 3).

³⁰ «The Initial Triumph of the Axis». Ed. by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee. London, 1958, p. 154—155.

³¹ Ibid., p. 136.

³² E. N. van Kleffens. The Rape of the Netherlands. London, 1940, p. 97.

мократов, была политикой обреченных. Демократические же силы были разобщены, Голландская компартия была еще слишком слаба, чтобы объединить силы народа для борьбы с приближавшейся угрозой и создать нужный психологический перелом, без которого нельзя было рассчитывать на успех.

* * *

В тридцатых годах в Бельгии влиятельные политические группировки, поддерживаемые королем Леопольдом, начали высказываться за пересмотр бельгийской политики союза с Францией. Объяснялось это в значительной степени тем, что Англия и Франция, нимало не считаясь со своими младшими союзниками, постепенно делали гитлеровцам одну уступку за другой. Решающим моментом было занятие германскими войсками Рейнской демилитаризованной зоны, не встретившее никакого сопротивления со стороны Франции и Англии. Это было явное нарушение Версальского и Локарнского договоров. Получалось так, что договоры, на которых Бельгия основывала свою безопасность, фактически превратились в фикцию. Перед Бельгией вставал вопрос о дальнейшем направлении ее политики.

Единственно правильный путь, на который должна была вступить эта страна, как и другие малые государства, заключался в борьбе за создание эффективной системы коллективной защиты от агрессора. И именно этот путь предлагал Советский Союз, который заключением договоров о взаимной помощи с Францией, Чехословакией, Монгольской Народной Республикой сам вступил на него. Только в рамках системы коллективной безопасности независимость каждой отдельной страны и всех вместе могла быть гарантирована и сохранена. Однако антисоветские настроения правящих кругов Бельгии, сильное влияние прогерманских кругов и поддержка частью бельгийской буржуазии курса на сговор с агрессорами сделали свое дело. За день до занятия немцами Рейнской области, 6 марта 1936 г., Бельгия заявила о прекращении действия франко-бельгийского военного соглашения 1920 г. После 7 марта Бельгия обратилась к Англии и Франции с предложением провести штабные переговоры. Предложение было отклонено Англией из-за

боязни, что штабные переговоры послужат предлогом для враждебных действий Гитлера.

Желание добиться соглашения с Германией было у английского правительства так велико, что уже в конце 1936 г. начальники штабов пришли к выводу о полезности бельгийского нейтралитета, хотя не вызывало сомнений, что в случае войны Германия не посчитается с ним³³. Теперь же, после того как Франция и Англия отказались от сопротивления агрессивным действиям Германии, стремление к коренному пересмотру внешней политики Бельгии усилилось. 23 июля 1936 г. на конференции держав «группы Осло» в Копенгагене, в которую входила и Бельгия, было декларировано, что они отныне не будут рассматривать по отношению к агрессору санкции, предусмотренные статьей 16 Устава Лиги Наций, как обязательные для себя.

23 апреля 1937 г. Бельгия заявила о своем отказе от Локарнских соглашений, а на следующий день Англия и Франция в совместной декларации заявили об освобождении Бельгии от локарнских обязательств с сохранением обязательств Англии и Франции прийти на помощь Бельгии в случае нападения на нее. Гитлеровская Германия, со своей стороны, заявила о готовности соблюдать нейтралитет Бельгии. Эти две декларации стали основой нового курса бельгийской политики, получившего название «политика независимости».

В отличие от скандинавских государств, Бельгия, после перехода к политике нейтралитета, начала уделять значительное внимание вопросам обороны, модернизируя армию, строя укрепления и производя большие закупки вооружения в Германии, Франции и Англии.

Однако внешняя политика Бельгии непосредственно накануне второй мировой войны практически играла на руку фашистским агрессорам. Многие видные политические деятели страны одобрили мюнхенский договор. Тогда им казалось, что безопасность Бельгии, подобно безопасности Франции и Англии, может быть найдена на путях «мюнхенской», антисоветской политики и сговор с фашистами будет означать поворот фашистской агрессии на Восток при гарантии безопасности Запада. Особенно радовались этому бельгийские колониальные круги, с бес-

---

³³ L. F. Ellis. Op cit., p. 9.

покойством наблюдавшие за возрастанием колониальных требований Германии и опасавшиеся — не без основания, — что сделка между великими державами в колониальном вопросе может быть проведена за счет африканской колонии Бельгии — Конго и подмандатной территории — Руанда-Урунди. Победа «мюнхенского» курса в бельгийской политике выразилась и в том, что 24 февраля 1939 г., вслед за Англией и Францией, Бельгия признала правительство генерала Франко³⁴. Между тем ухудшилось не только внешнее, но и внутреннее положение Бельгии. На протяжении ряда лет в стране шла острая политическая борьба, вызываемая сепаратистским движением фламандских националистов. К тому же развивали интенсивную подрывную деятельность бельгийские фашисты, так называемые рексисты, во главе с Леоном Дегреллем. Особенно усилилось влияние фашистских организаций в пограничных округах Эйпен и Мальмеди, на которые претендовала гитлеровская Германия. 3 сентября Бельгия декларировала свой нейтралитет в начавшейся войне, но в то же время провела мобилизацию армии. 600 тыс. человек, или 8% всего населения страны, было призвано под ружье. На оборону были отпущены значительные суммы. Однако оборонительные мероприятия оставляли желать много лучшего. Не были завершены фортификационные работы. Плохо обстояло дело с бельгийской авиацией. Бельгия рассчитывала на самолеты из Англии, но англичане отказались от поставок, так как сами испытывали большую нужду в военных самолетах³⁵.

Одновременно с провозглашением нейтралитета было сформировано правительство национального единства, возглавляемое Пьерло, с включением пяти социалистов, среди которых были лидер социалистов де Ман и видный деятель социалистической партии Спаак, получивший портфель министра иностранных дел³⁶.

Смотря сквозь пальцы на подрывную пропаганду фламандских сепаратистов и нацистов, правительство Бельгии преследовало прежде всего коммунистов. 17 ноября 1939 г. был закрыт центральный орган Бельгийской

---

³⁴ Jane Kathryn Miller. *Belgian Foreign Policy between two Wars. 1919—1940*. New York, 1951, p. 264.

³⁵ «Belgium. The Official Account of what Happened 1939—1940». London, p. 18.

³⁶ Jane Kathryn Miller. *Op. cit.*, p. 271.

компартии газета «Вуа дю пепль» и приостановлен до марта 1940 г. выход других изданий партии. 12 марта 1940 г. был издан закон «О защите национальных институтов», который был немедленно применен против коммунистов. Были произведены массовые аресты. Генеральный прокурор Бельгии Ганехоф ван дер Мерг роздал тысячи ордеров на арест коммунистов³⁷, в том числе и редакторов центрального органа компартии.

В области внешней политики правительство Пьерло колебалось между страхом перед гитлеровской Германией и желанием заручиться поддержкой Франции и Англии на случай вторжения. Англо-французские союзники в феврале, мае и сентябре 1939 г. предлагали Бельгии вступить в секретные штабные переговоры. Одно из этих предложений было сделано вскоре после разгрома Польши, но было отвергнуто бельгийским правительством 29 сентября 1939 г. Бельгийцы опасались навлечь на себя гнев гитлеровской Германии и в то же время не верили в своевременную эффективную помощь союзников: еще дымились руины польских городов, напоминавшие о трагической судьбе народа, которому Англия и Франция торжественно обещали оказать помощь.

7 ноября 1939 г. бельгийский премьер пригласил английского посланника в Брюсселе Р. Клайва и сообщил ему, что имеются данные об угрозе нападения Германии на Бельгию и Голландию в самые ближайшие дни... Но слух этот не подтвердился, и бельгийское правительство забило отбой³⁸. Все же страх перед германским нашествием взял верх. Между союзниками и Бельгией было достигнуто соглашение, по которому бельгийская армия должна была в случае вторжения занять оборону на линии Лувен — Намюр, союзные же войска — по линии р. Мозер — Антверпен³⁹.

В то же время, 7 ноября 1939 г., король Леопольд обратился к воюющим государствам с новым предложением о мире. Это предложение фактически признавало захват Германией Чехословакии и Польши, так как в нем ничего не упоминалось ни об их судьбе, ни об их будущем⁴⁰.

³⁷ «Le Parti communiste de Belgique dans la lutte pour la libération», Bruxelles, 1944, p. 8.

³⁸ E. L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962, p. 10

³⁹ W. S. Churchill. Op. cit., vol. I, p. 433.

⁴⁰ Jane Kathryn Miller. Op. cit., p. 247.

Заявление Леопольда вызвало резкую критику в Бельгии. Оно также свидетельствовало об опасном для государства умонастроении короля, который был верховным главнокомандующим вооруженными силами. Предложение англо-французских союзников о вводе их войск по приглашению бельгийского правительства еще до вторжения Германии было в тот момент отклонено.

13 января, после мешеленского инцидента, король Леопольд через английского офицера связи адмирала Р. Кейса обратился к правительству Англии с запросом, может ли оно, в случае обращения Бельгии к нему за помощью для отражения германского нападения, дать заверения, что целостность Бельгии и Бельгийского Конго будут сохранены или восстановлены и Бельгии будет оказана после войны необходимая финансовая поддержка для восстановления бельгийских интересов.

Ответ английского правительства был уклончивым: оно заявляло, что не хотело бы принимать на себя категорических обязательств, которых, быть может, не сумеет выполнить к концу войны. Оно обещает рассмотреть самым благоприятным образом вопрос о сохранении территориальной и политической независимости Бельгии, но только при условии, что Англия получает немедленное разрешение на введение своих войск в Бельгию. Подобный же ответ последовал и от французского правительства ⁴¹.

Английский ответ произвел в Бельгии тяжелое впечатление ⁴².

Бельгия отклонила 15 января предложение Англии и в дальнейшем последовательно отклоняла все англо-французские предложения о вводе войск союзников в Бельгию до начала военных действий.

Немедленно после вторжения Германии в Данию и Норвегию бельгийское правительство подтвердило свою политику нейтралитета. Между тем гитлеровцы приготовились к удару.

Начиная с 4 мая сведения о готовящемся вторжении становились все более настойчивыми.

---

⁴¹ Ibid., p. 155. Не лишено интереса, что У. Черчилль в своих мемуарах хотя и упоминает о «далеко идущих гарантиях», которые просила Бельгия, но не расшифровывает, о какого рода гарантиях шла речь. (W. S. Churchill. Op. cit., vol. I, p. 502).

⁴² В. Д а ш и ч е в. Указ. соч., стр. 63.

На территории маленького государства Люксембург, занимавшего площадь в 2,6 тыс. км², проживало к началу войны всего 300 тыс. жителей. Это государство, расположенное между Германией и Францией, неизбежно становилось в создавшихся условиях жертвой войны. Независимость великого герцогства Люксембург и постоянный и невооруженный нейтралитет в качестве его статуса были признаны великими державами по Лондонскому договору 1867 г. Во время первой мировой войны территория Люксембурга была занята немецкими войсками.

Люксембург имеет крупные металлургические предприятия, занимавшие накануне второй мировой войны седьмое место в мировом производстве. В 1938 г. в Люксембурге было добыто 5 140 632 т железной руды и выплавлено 1 550 703 т чугуна и 1 436 506 т стали⁴³. С 1921 г. Люксембург находился в экономической унии с Бельгией, которая поглощала четверть промышленного экспорта Люксембурга.

Народу этой небольшой страны присущ высокий патриотизм, любовь к независимости и свободе. Начиная с 1933 г. люксембуржцы с растущей тревогой наблюдали за тем, что происходило в Германии. Гаулейтер провинции Кобленц — Трир Симон в своих речах неоднократно заявлял о намерении Германии захватить Люксембург. Дело дошло до того, что управление германской службы безопасности (СД) района Фульда-Верра вело систематическое наблюдение за жизнью немецкого меньшинства в Люксембурге⁴⁴. В герцогстве орудовали пронемецкие организации во главе с прибывшим из Эссена Генрихом Эммендорфом. Пятая колонна готовила условия для вторжения немецкой армии.

26 августа 1939 г. Германия заявила о своей готовности соблюдать нейтралитет Люксембурга. Аналогичное заявление было сделано через несколько дней и Францией. В начале войны и в дальнейшем гитлеровцы довольно бесцеремонно нарушали люксембургскую границу.

⁴³ «Luxemburg and the German Invasion. Before and after. The Luxembourg Grey Book», London, 1942, p. 19.

⁴⁴ P a u l W e b e r. Geschichte Luxemburgs im zweiten Weltkrieg. Luxemburg, 1948, S. 13.

На западной границе германские дивизии ожидали сигнала к вторжению. Согласно плану верховного командования, германские армии, используя танковые соединения, парашютно-десантные войска и авиацию, должны были, обойдя укрепления линии Мажино, врезаться на северо-западе в слабо укрепленные позиции Голландии, Бельгии и Франции, расчленить армии союзников и уничтожить их в гигантских «котлах» или принудить к капитуляции. Наступление на Западном фронте должно было проводиться в соответствии с принципами «молниеносной войны».

136 дивизий сосредоточило германское командование на Западном фронте. 3500 самолетов ожидали сигнала, чтобы подняться в воздух и обрушить свой смертоносный груз на позиции и города противника. Более 2500 танков должны были ринуться в прорыв.

Германским армиям противостояли — 92 французские дивизии, 10 английских, 23 бельгийских и 9 голландских, а также польская бригада — всего 135 дивизий⁴⁵. Авиация насчитывала около 1500 самолетов первой линии. Танки в армиях союзников были переданы пехотным соединениям, в то время, как в германской армии были созданы самостоятельные танковые соединения. Союзники применяли огневую и наступательную мощь танков неправильно и неэффективно. Значительные преимущества были у германской армии в оперативном и административном руководстве.

Итак, на рассвете 10 мая 1940 г. германские армии вторглись в Голландию, Бельгию и Люксембург. Было ли наступление немцев на Западном фронте неожиданным для союзников, как то утверждают многие военные и гражданские историки? Нет, не было, или во всяком случае оно не должно было быть неожиданным. Не говоря уже о предупредительном сигнале — нападении на Данию и Норвегию, — союзники располагали сведениями о точной дате вторжения. В ноябре 1949 г. французская газета

---

⁴⁵ Д. М. Проэктор. Война в Европе 1939—1941. М., 1963, стр. 157, 173. Работа Д. М. Проэктора представляет собою оригинальное исследование, основанное на изучении обширной документации и литературы.

«Орор» опубликовала статью, в которой, ссылаясь на документы, доказывала, что 30 апреля 1940 г. французский военный атташе в Берне получил достоверную информацию, что немецкое наступление на Западном фронте начнется между 8 и 10 мая и главный удар будет нанесен в направлении Седана. 3 мая, т. е. за неделю до начала наступления — главнокомандующий армиями союзников генерал Гамелен и командующий северо-западной группой войск (в которую входили британские экспедиционные силы во Франции) генерал Жорж получили эту информацию.

Сообщение о германском наступлении хотя и было серьезным ударом, но не вызвало паники в Англии. Больше того, многие политические и военные деятели вздохнули свободно: окончилась «странная война» со всеми ее пагубными последствиями. Теперь все стало на свои места: Англия и Франция воюют с Германией.

В нашу задачу не входит детальное описание военных действий на Западном фронте в мае — июне 1940 г. Об этом много уже написано. Предоставим же суждение о военных делах более компетентным — военным историкам, хотя следует признать, что исследования чисто военного характера часто страдают из-за пренебрежения анализом политической обстановки, без чего невозможно понять и стратегические решения.

Осуществив прорыв в районе Арденн, германские войска продвигались к р. Маас. В 4.45 утра бельгийский министр иностранных дел Спаак вызвал к себе английского посла Л. Олифанта и просил немедленно передать в Лондон просьбу бельгийского правительства о помощи⁴⁶⁻⁴⁷. В тот же день английские экспедиционные части под командованием генерала Горта заняли рубежи на р. Диль. Французская 1-я армия заняла позиции на правом фланге англичан. Сражение с самого начала приняло для союзников неблагоприятный оборот.

Храбро сражалась голландская армия, но она не могла противостоять превосходившей ее во всех отношениях германской армии. Выброшенные в разных частях страны германские парашютные десанты дезорганизовали ее оборону. Голландская авиация была целиком уничтожена в первые же дни. Германские самолеты подвергли

---

⁴⁶⁻⁴⁷ L. F. Ellis. Op. cit., p. 36.

варварской бомбежке один из крупнейших торгово-промышленных центров Голландии — Роттердам, во время которой погибло около тысячи человек. 15 мая голландская армия сложила оружие ⁴⁸.

Плохо обстояло дело и в Бельгии. 13 мая германские танковые и мотомеханизированные части предприняли прорыв обороны у р. Маас, на подступах к Седану. В этот день, выступая в палате общин, новый премьер Уинстон Черчилль повторил знаменитые слова Гарибальди: «Я ничего не могу предложить вам, ничего иного, кроме крови, труда, слез и пота». «Вы спросите меня, в чем заключается наша политика, — продолжал Черчилль. — Я отвечаю: вести войну на море, на земле и в воздухе, со всей нашей мощью и со всей силой, которую бог может нам дать, и вести войну против чудовищной тирании...» ⁴⁹.

Черчилль нашел правильный тон. Нужна была суровая решимость, воля к борьбе, чтобы быть готовыми к тяжелым дням.

14 мая германские танки форсировали Маас и вышли к Седану. Прорыв оборонительных линий союзников и отступление их из Бельгии, вступление германских армий 16 мая на территорию Франции явились суровым испытанием для англо-французского союза.

Уже на третий день наступления во французском правительстве началась паника. 14 мая оно потребовало у своего английского союзника присылки подкреплений авиацией ⁵⁰. Решение английского кабинета гласило: послать только то, что не нужно для обороны самой Англии. Практически это означало, что Англия не пошлет подкреплений. Вопрос стоял так: либо послать самолеты, необходимые для обороны островов, и тем самым остаться

---

⁴⁸ Значительное число голландских торговых судов успело уйти в Англию или укрыться в портах нейтральных государств. Правительство Голландии обосновалось в Лондоне. Вскоре там был объявлен призыв мужчин с 21 до 36 лет и началось формирование «Нидерландского легиона». В самой же Голландии возникли группы Сопротивления различных политических направлений, которые начали мужественную борьбу за освобождение родины.

⁴⁹ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 360, col. 1502.

⁵⁰ Paul Reynaud. La France a sauvé l'Europe, vol. II. Paris, 1947, p. 94.

беззащитными, либо сохранить авиацию в Англии и тем ослабить фронт во Франции.

Решение не посылать авиационных подкреплений во Францию было принято под влиянием нескольких обстоятельств: недостаточного количества самолетов и неясности обстановки, сложившейся на фронте, а также из-за неблагоприятного впечатления, созданного паническим поведением французского правительства, которое уже 15 мая считало войну проигранной⁵¹. 16 мая на Ке д'Орсей начали сжигать архивы, что усиливало впечатление о деморализации французского правительства⁵².

Вечером Черчилль вместе с генералом Диллом, назначенным вскоре (27 мая) начальником генштаба, и секретарем военного кабинета генералом Исмей вылетел во Францию для встречи с французскими министрами. Выяснилось, что у главного командования отсутствуют стратегические резервы. Французские министры настаивали на немедленной посылке авиационных подкреплений во Францию. Решено было послать 10 эскадрилий истребителей. В самой Англии оставался минимум, необходимый для обороны страны, — 25 эскадрилий⁵³.

Но уже после парижского совещания у английского военного кабинета, и у Черчилля в первую очередь, вера во французское военное руководство была окончательно подорвана. Черчилль понимал, что битва во Франции может быть проиграна. Уже на следующий день после доклада кабинету о совещании в Париже, 18 мая, Черчилль в записке, адресованной Исмею, указывал не только на возможность поражения во Франции, но и на последствия, к которым оно может привести, а именно — на угрозу распада англо-французского союза⁵⁴.

Начиная с этого дня Англия оказывается перед одной из самых серьезных дилемм в истории второй мировой войны — как сохранить англо-французский союз, ока-

---

⁵¹ 15 мая в 19.10 французский премьер Рейно сообщил Черчиллю: «Вчера вечером мы проиграли битву. Дорога на Париж открыта. Пошлите нам всю авиацию и все войска, какие можете». (Paul Reynaud. Op. cit., vol. II, p. 94; W. S. Churchill. The Second World War, vol. II, London, 1949, p. 38—39).

⁵² E d. Spears. Assignment to Catastrophe, vol. I. Prelude to Dunkirk. July 1939 — May 1940. London, 1954, p. 197.

⁵³ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 45; Paul Reynaud. Op. cit., vol. II, p. 100.

⁵⁴ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 49—50.

зывая минимум военной поддержки на Западном фронте? Именно в этом и состояла суть вопроса после того, как Черчилль понял, что битва во Франции будет проиграна.

Теперь следовало принять срочные меры для защиты Британских островов. Но эти меры могли быть приняты в создавшейся обстановке лишь в ущерб совместным операциям во Франции. Особенно это относилось к поддержке авиацией.

Устоит ли Франция или капитулирует, и тогда Англия окажется одинокой перед лицом мощного противника? Выдержит ли англо-французский союз предстоящее тяжелое испытание? В тот момент никто не мог с уверенностью ответить на эти вопросы.

Ситуация могла измениться, если бы Соединенные Штаты без промедления пришли на помощь Англии и Франции. Но внутривнутриполитическое положение в Соединенных Штатах, осложненное ожесточенной борьбой интервенционистов и изоляционистов в связи с предстоящими в ноябре месяце президентскими выборами, было крайне неблагоприятно для принятия правительством Рузвельта решения о прямой помощи союзникам. Но теперь, когда угроза возникла для самой Великобритании, можно было использовать тяжелую обстановку, чтобы заставить США, не вступая в войну и не отступая от своего законодательства, внести в нее существенный вклад.

15 мая Черчилль обратился к Рузвельту с посланием⁵⁵. Обрисовав тяжелую обстановку, в которой оказались союзники, он просил президента объявить США невоюющей стороной. Тогда они могут в соответствии со своим законодательством и международным правом оказывать Англии помощь всем необходимым, за исключением посылки вооруженных сил; срочно предоставить Англии 30—40 старых эсминцев; прислать несколько сот самолетов новейшей конструкции; прислать противовоздушную артиллерию; разрешить Англии крупные закупки стали и других металлов в США; приказать американским военным кораблям нанести визит в Ирландию для предотвра-

---

⁵⁵ Переписка Черчилля с Рузвельтом началась еще в бытность Черчилля морским министром, с ведома его коллег по военному кабинету. Особенно интенсивный характер переписка приняла с мая 1940 г. С этого времени и до конца войны Черчилль послал Рузвельту более 1000 телеграмм, на которые получил около 800 ответов.

щения возможной высадки немецких парашютных десантов; сдерживать Японию на Тихом океане ⁵⁶.

Просьба была послана вовремя. Дело в том, что посол США в Лондоне Джозеф Кеннеди снабжал госдепартамент и Белый дом информацией, которая должна была убедить Вашингтон в неизбежности поражения Франции, а вслед за тем и капитуляции Англии. Осведомленный о пессимизме Кеннеди, британский премьер без особого труда убедил его в том, что поражение неминуемо, если США немедленно не вмешаются. Телеграмму в этом духе Кеннеди отправил на следующий день ⁵⁷.

Полученный 16 мая ответ президента гласил, что, кроме эсминцев, решение о которых может принять только конгресс, причем не ранее, чем через 6—7 недель, все остальные просьбы могут быть выполнены ⁵⁸.

Но и на это требовалось время. А времени не было. События продолжали разворачиваться с молниеносной быстротой.

19 мая генерал Горт принял решение начать отступление к побережью для эвакуации. В тот же день в Англии, по предложению Идена, был обнародован призыв к созданию добровольческих отрядов местной самообороны.

20 мая военный кабинет принял решение о подготовке к эвакуации британских экспедиционных сил из Франции. Позднее этот факт был использован французскими пораженцами для того, чтобы утверждать, будто отступление британских экспедиционных сил оголило фланг французской первой армии, привело к капитуляции бельгийскую армию и в конечном счете предопределило исход сражения во Франции. На самом же деле, как Гамелен, так и Жорж к этому времени уже не контролировали положения. 20—21 мая связь с северной группой войск была прервана. Царила полная неразбериха, усугубленная паникой среди гражданского населения, запрудившего пути отхода армий союзников. Последующие события, видимо, оправдали решение, принятое Гортом.

⁵⁶ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 22—23; FR, 1940, vol. III, p. 30. Кеннеди — государственному секретарю, Лондон, 15 мая 1940 г.

⁵⁷ Ibid., vol. I, p. 224—225. Кеннеди — государственному секретарю, Лондон, 16 мая 1940 г.

⁵⁸ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 24; FR, 1940, vol. III, p. 49—50. Государственный секретарь — Кеннеди, Вашингтон, 16 мая 1940 г.

Следует также помнить, что ни Горт, ни его начальники в Лондоне не могли представить себе масштабов катастрофы, обрушившейся на союзников во Франции.

Неудача на фронте усилила позиции французских пораженцев. Рейно вызвал из Мадрида престарелого Петена — духовного отца капитулянтов, и ввел его в правительство, назначив заместителем премьера. 22 мая из Бейрута прибыл 73-летний генерал Вейган, сменивший Гамелена на посту главнокомандующего. Вейган разделял реакционные взгляды Петена и также был склонен к пораженчеству. Новый стратегический план, предложенный Вейганом, не мог быть проведен в жизнь из-за отсутствия достаточного количества боеспособных дивизий, нехватки авиации, резкого падения морального духа французской армии, а также из-за лимита времени для проведения этого плана в жизнь. Германские армии продолжали наступление, не давая своим противникам передышки.

22 мая английский кабинет получил чрезвычайные полномочия, передававшие в его руки всю полноту власти в Великобритании. В тот же день Черчилль снова вылетел в Париж на совещание с французами, на котором был утвержден план Вейгана ⁵⁹.

Однако с момента первого посещения Парижа Черчиллем английское правительство начинает готовиться к продолжению войны с Германией в условиях, когда Франция капитулирует и Англия останется одна. Еще 20 мая Черчилль отдал адмиралтейству распоряжение подготовиться к эвакуации английских войск с побережья Франции ⁶⁰.

В последующие дни обстановка на фронтах становилась для союзников все более неблагоприятной. К 25 мая коммуникации в Бельгии были прерваны, потеряв Аррас. Горт начал отступление на север, к морю. Новый командующий первой армейской группой генерал Бланшар согласился с мнением Горта и отдал приказ об отступлении на линию канал Лис, западнее Лилля, для того, чтобы создать вокруг Дюнкерка предмостное укрепление ⁶¹.

⁵⁹ Paul Reynaud. Op. cit., vol. II, p. 151.

⁶⁰ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 56.

⁶¹ Ibid., p. 76.

27 мая Горт получил телеграмму из военного министерства, предписывавшего ему эвакуировать возможно большее количество английских сил ⁶². Об этом приказе французский премьер был информирован Черчиллем за сутки. В день отправления телеграммы Горту, 26 мая, была дана директива начать операцию «Динамо» — закодированное наименование операции по эвакуации английских экспедиционных сил в Англию. Командовал операцией вице-адмирал Бертрам Рамсей.

Вечером 26 мая эвакуация началась. Но это еще не были войска Горты. Эвакуировались войска, не находившиеся в бою. Под прикрытием военных кораблей и истребителей, английские суда, баржи, катера вывезли в ночь на 27 мая в Англию 27 936 солдат и офицеров из гаваней Булонь, Калэ, Дюнкерк и Остенде ⁶³.

Между тем группы германских армий «А» (командующий — фон Рундштедт) и «Б» (командующий — фон Бок), завершая операцию по окружению и ликвидации отступавших из Бельгии дивизий союзников, подходили все ближе и ближе. Положение союзных армий осложнилось в связи с капитуляцией 28 мая 600-тысячной бельгийской армии во главе с королем Леопольдом ⁶⁴.

---

⁶² W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 77.

⁶³ L. F. Ellis. Op. cit., p. 181.

⁶⁴ Король Леопольд, который был главнокомандующим бельгийской армии, с самого начала не верил в возможность победы. По мере неблагоприятного для союзников развития событий он все больше укреплялся в своем мнении. 27 мая Леопольд обратился к немецкому главнокомандованию с запросом об условиях прекращения сопротивления. Ответ Гитлера гласил: «Никаких условий. Безоговорочная капитуляция». 28 мая бельгийская армия безоговорочно капитулировала. Леопольд решил остаться в Бельгии и добровольно сделался немецким пленником, демонстрируя этим свое убеждение в бессмысленности сопротивления захватчикам. Решение короля вначале оказало деморализующее влияние на многих бельгийцев. Правительство Пьерло осудило капитуляцию короля, однако, устрешное быстрым продвижением немецко-фашистских войск до Франции, уже 18 июня 1940 г. попыталось вступить в контакт с нацистами для выяснения условий мира. Но немцы, уже считавшие себя хозяевами Европы, даже не пожелали иметь дело с членами бельгийского правительства. 22 августа 1940 г. бельгийское правительство объявило о своем самороспуске.

Бельгийский народ, деморализованный в первое время молниеносным и страшным поражением, постепенно разворачивал борьбу с захватчиками за свою свободу и независимость.

Теперь мы подошли к тому моменту в истории сражения во Франции, который вызывал и продолжает вызывать огромный интерес историков и публицистов, к эвакуации войск союзников из Дюнкерка. Почему немецкие армии, которые находились уже в нескольких милях от места эвакуации, внезапно остановили свое продвижение и дали союзникам возможность эвакуироваться на Британские острова? Был ли это просчет германского военного командования? Было ли это заранее обдуманное и принятое Гитлером решение? А если решение было принято заранее, то какими соображениями и обстоятельствами оно было вызвано?

Объяснения на этот счет разнообразны. Сама эта «загадка» превратилась в предмет политических спекуляций гитлеровских генералов, а также неонацистов, которые утверждают, будто приостановка немецкого наступления в районе Дюнкерка была продиктована особым благорасположением «фюрера» к Англии. Политический смысл таких спекуляций ясен: он заключается в том, чтобы доказывать, будто Англия, ведя войну против гитлеровской Германии, совершила ошибку, так как помешала гитлеровцам пойти крестовым походом против Советского Союза, сорвала их планы и помогла таким образом расширению лагеря социализма после второй мировой войны. Отсюда делается нужный фальсификаторам вывод, что война между Англией и Германией в 1939—1945 гг. была «ненужной войной».

Другой вывод, к которому приходят бывшие гитлеровские генералы и солидарные с ними реакционные буржуазные публицисты и историки, уже носит чисто «практический» характер: в наше, мол, время главной задачей капиталистических государств является политический военный союз между ними и вооружение Западной Германии, как форпоста Запада против коммунизма. Ничего не скажешь — в планах создания агрессивных блоков и превращения Западной Германии в очаг новой войны реакционные силы Европы и Америки весьма преуспели.

В иных исторических условиях повторяется старая история: Запад вскармливает германских империалистов, надеясь, что они будут служить ударной силой против Советского Союза и стран народной демократии. Пользуясь таким благорасположением, Западная Германия вновь набирает силы и уже сейчас, используя НАТО, проводит

«мирное завоевание» Западной Европы. Никто не может предсказать, что случится с нынешними союзниками ФРГ, когда германские милитаристы решат, что «час настал»...

Но вернемся к последним числам мая 1940 г.

Огромная ошибка, которую обычно делают историки, состоит в том, что они часто рассматривают события войны лишь с точки зрения логики и правдоподобия, т. е. согласно определенной схеме, не допускающей отклонений. Мало кто пытается взглянуть на события глазами тех, кто принимал решения или действовал именно в тот, а не в другой момент и основывался при этом на тех, а не на иных данных. Часто события, которым в тот момент придавалось большое или малое значение, оказывались столь незначительными, что вообще не играли никакой роли. Но тогда полагали, что они-то именно и являются определяющими.

То же происходит и в данном случае, когда некоторые историки пытаются задним числом приписывать такие мысли и решения военным и политическим лидерам, которых у тех на самом деле в тот момент не было. То же происходит, когда эти политические или военные лидеры пытаются задним числом интерпретировать события. Вольно или невольно, они искажают их, особенно, если у них не сохранились документы или записи того времени.

Поэтому единственно правильный метод доискиваться правды — это не забывать и о документах и записях того времени, попытаться взглянуть на события глазами тех, от решения которых во многом зависела судьба английских экспедиционных сил и остатков первой французской армейской группировки, прижатых к побережью канала.

Быстрое продвижение германских войск, с одной стороны, радовало, а с другой — беспокоило Гитлера. Ему не верилось, что французские армии находятся в состоянии распада, и поэтому он опасался какой-нибудь неожиданности.

¹ § В дневнике начальника генштаба верховного командования сухопутных войск (ОКН) генерала Гальдера в записи от 17 мая 1940 г. говорится:

«Весьма неприятный день. Фюрер сегодня особенно нервозен. Он боится собственного успеха. Он не хочет ничем рисковать и поэтому стремится ограничить нас

в действиях. Предлог для этого — беспокойство за левый фланг»⁶⁵.

Знаменательные слова: «Он не хочет ничем рисковать». Запомним их. По-видимому, в этом и заключалась основа, может быть, даже подсознательная, решения, которое было принято под Дюнкерком.

Именно в этот день Гитлер произносит длинный монолог в штабе группы армий «А». Он заявляет пораженным слушателям (среди них был командующий группой фон Рундштедт, его начальник штаба фон Зонденштерн и начальник оперативного отдела Блюментритт), что теперь Англия, потерпевшая поражение в Северной Франции, «будет готова прийти к соглашению на условиях (ее) господства на море против господства Германии на континенте» — сообщает Зонденштерн^{65а}. А Блюментритт добавляет, что Гитлер будто бы сказал: «в течение ближайших шести недель будет мир, и он заключит с Англией джентльменское соглашение»⁶⁶.

К 23 мая немецкая танковая группа находилась в 12 милях западнее Дюнкерка (у Гравелина). Отступающие из Бельгии части находились в это время в 42 милях от Дюнкерка (около Лилля).

Операция развивалась нормально. Поэтому Рундштедт приказал в этот день своим танкам остановиться прежде чем продолжать наступление⁶⁷. Такой приказ был вполне естествен и вытекал из необходимости привести в порядок части, прошедшие за короткий отрезок времени большой путь⁶⁸. Таким образом, решение Рундштедта было вызвано военной необходимостью.

Вечером того же дня Геринг, в присутствии начальника штаба ВВС Ешоннека, позвонил Гитлеру и убедил его, что для того, чтобы прикончить окруженную английскую армию, достаточно действий одной авиации. Танковые соединения могут уйти. Гитлер согласился. И это решение принимается в соответствии с реально сложив-

---

⁶⁵ Дневник начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Гальдера (в дальнейшем — дневник Гальдера). 17. V 1940.

^{65а} Walter Ansel. Hitler confronts England. Durham, 1960, p. 71.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ L. F. Ellis. Op. cit., p. 347.

⁶⁸ К этому времени из строя было около 50 % танков.

шейся обстановкой и, подчеркиваю, исходя из опыта предшествующих боев.

В самом деле, как в Польше, так и в Голландии, германское командование убедилось в силе авиации и в ее возможностях. К этому следует прибавить честолюбие и хвастовство Геринга, который в случае завершения авиацией разгрома и уничтожения английской армии мог претендовать чуть ли не на основную роль в поражении армий союзников. Отсюда возникла и переоценка возможностей авиации, особенно рельефно обозначившаяся позднее во время «битвы за Англию».

Итак, 23 мая танки остановлены по приказу Рундштедта, и на авиацию и пехотные войска возложена задача довершить разгром противника в районе Дюнкерка. Ничего не знавший об этом главнокомандующий сухопутными войсками фон Браухич дает между тем указание командующему группы «Б» фон Боку завершить операцию ⁶⁹.

24 мая Гитлер отменяет приказ Браухича, так как этот приказ противоречит отданному накануне его собственному приказу о приостановке подвижных соединений и об использовании авиации для довершения разгрома. Вот что записано в дневнике Гальдера за этот день:

«20.00. Главнокомандующий (Браухич.— А. Н.) возвращается из главного штаба вооруженных сил. По-видимому, снова была не очень приятная беседа с фюрером. В 20.20 отдается приказ об окружении группировки противника в районе Дюнкерк—Остер—Лилль—Рубэ—Остенде. Вчерашний приказ отменяется. Наступление подвижных соединений левого фланга, перед которыми нет никакого противника, по настоятельному желанию фюрера задерживается. В указанном районе судьбу окруженной армии противника должна решить авиация»⁷⁰.

25 мая Гитлер предоставляет Рундштедту самостоятельно решить, куда и какими средствами наносить следующую удар. Между тем Рундштедт получил информацию, что союзные войска подготовились к контратаке с севера и с юга. Поэтому он принимает решение об усилении своего северо-западного фланга. Это одна из причин, почему подвижные части остановлены. Лишь 26 мая становится

---

⁶⁹ Walter Ansel. Op. cit., p. 73—75.

⁷⁰ L. F. Ellis. Op. cit., p. 351.

ясным, что контратаки союзных войск больше ожидать не приходится.

О событиях этого дня мы находим следующую запись в дневнике Гальдера: «...Танки и моторизованные войска, согласно высочайшему приказу, стоят как вкопанные на высотах между Бетюн и С. Омер и не смеют вести наступление...»

13.30. Главнокомандующий сухопутными войсками вызван к фюреру. В 14.30 он, счастливый, возвращается обратно. Фюрер разрешил наступление на Дюнкерк с тем, чтобы задержать здесь эвакуацию войск противника⁷¹.

И тут выясняется, что из-за плохого состояния материальной части, во-первых, танковой группе Клейста необходимо еще время для того, чтобы начать наступление, во-вторых, 19-й танковый корпус вовсе оказался неспособным к наступлению 27 мая.

Наступающие танки несут 28 и 29 мая большие потери. 29 мая Браухич отдал приказ о замене танковых соединений пехотными. А 31 мая все танки снимаются для подготовки к последующей операции⁷².

27 мая начинается наступление против войск союзников, прижатых к морю в районе Дюнкерка. Наступление развивается медленно, так как англичане и французы героически обороняются, в то время как эвакуация не прерывается ни на минуту даже под огнем противника. Плохая погода не дает немцам использовать возможности авиации в полной мере. Не этим ли объясняется отмена Гитлером своего первоначального приказа о приостановлении движения подвижных частей? Конечно, но не только этим. Ведь сражение во Франции далеко еще не закончено. Танки будут нужны для развития дальнейшего наступления, и их надо беречь. Не случайно мы находим такую запись в дневнике Гальдера от 28 мая:

«9.30 — 11.00. Продолжительная беседа с главнокомандующим сухопутными войсками. Он проявляет большую нервозность, так как недоволен излишней потерей времени и проволочкой с выработкой плана перегруппировки сил. Он считает необходимым провести перегрупп

---

⁷¹ Дневник Гальдера. 26. V 1940.

⁷² В. Д а ш и ч е в. Почему немецкие танки остановились перед Дюнкерком. «Военно-исторический журнал», 1962, № 6, стр. 55—56.

пировку сил группы армий «А» таким образом, чтобы дивизии, высвобождающиеся в районе Сен Арман, по возможности скорее были переброшены на северный фланг для высвобождения подвижных соединений и чтобы подвижные соединения могли быть быстрее оттянуты на пополнение»⁷³.

Без достаточного количества подвижных соединений дальнейшее наступление не могло быть развернуто, а наступление необходимо вести в максимально сжатые сроки. Германское военное командование лимитирует время. Ведь вся операция построена на принципах «молниеносной войны» и, следовательно, каждый потерянный день таит потенциальную угрозу.

Жаркие бои, завязавшиеся на подступах к Дюнкерку, мало-помалу приобретали характер уличных боев, в которых процент подбитых и уничтоженных танков гораздо выше, чем в сражениях на открытой местности. Вот почему, согласно инструкции главного командования о категорическом запрещении использования танков во время уличных боев в бельгийских городах (на что совершенно правильно указывает Эллис), отдается приказ, что танки не должны быть использованы в ближних боях за Дюнкерк⁷⁴.

В том же дневнике Гальдера в записи от 8 июня 1940 г. мы находим великолепное подтверждение высказанной выше мысли. Прибыв в ставку Гитлера, Гальдер ведет с ним разговор об использовании танков. Вот что говорил Гитлер:

«Вопросы, касающиеся применения танков. Танки приносят оперативный успех только там, где они имеют свободу маневра. В случае, если им приходится вступать в ожесточенные бои, они несут чрезвычайно большие потери. Такие бои нужно вести пехотными дивизиями, которые имеются у нас в достаточном количестве»⁷⁵.

Такова военная сторона вопроса. Теперь посмотрим, была ли политическая подоплека в решении остановить подвижные части у Дюнкерка. Выше мы уже упоминали о выступлении Гитлера в штабе группы армий «А» от 17 мая, в котором он говорил о желательности заключения

---

⁷³ Дневник Гальдера. 28. V 1940.

⁷⁴ L. F. Ellis. Op. cit., p. 351.

⁷⁵ Дневник Гальдера. 8.VI 1940.

мира с Англией. Да, он так говорил. И не только на этом совещании, но и во многих других случаях. И не только говорил, но действительно после капитуляции Франции надеялся прийти к соглашению с Англией. Правда, это соглашение носило бы характер в создавшихся тогда условиях договора наездника и лошади, но тем не менее такое стремление у Гитлера было, и ниже мы остановимся на этом подробнее.

Некоторые историки делают из вышеуказанного вывод: Гитлер рассчитывал, что если он даст англичанам возможность эвакуироваться из Дюнкерка, то тем самым облегчит заключение мира с Англией. При этом ссылаются на дневники Иодля и на показания бывших гитлеровских генералов, принимавших непосредственное участие в этих событиях. Что же пишет Иодль?

Вот запись из его дневника от 20 мая, которую цитирует Энзел: «Фюрер ведет игру сам с собою... составляет сам мирный договор... Первоначальные переговоры в Компьенском лесу, как в 1918 году. Англичане могут в любой момент получить сепаратный мир после возвращения колоний»⁷⁶. Но разве из этого высказывания можно сделать вывод, что танки были остановлены у Дюнкерка ради заключения мира с Англией? Далее. Высказывания германских генералов нельзя считать достоверными, ибо они кровно заинтересованы по крайней мере в двух моментах: во-первых, в своей реабилитации как военачальников, которые не сумели предотвратить эвакуацию, во-вторых, в реабилитации германской политики, сознательными исполнителями которой они были. Мы отклоняем не факты, которые они сообщают — такие факты, по-видимому, были — но те нюансы, с которыми эти факты, подаются, ту интерпретацию, которая дается этим фактам. Короче говоря, мы готовы считать это блюдо съедобным, если выбросят соус, которым оно приправлено.

Но, если Гитлер хотел дать ускользнуть британским экспедиционным силам из Дюнкерка и напугать британцев видом измученных, обезоруженных солдат, почему же он разрешил своим войскам (кроме подвижных) вести в течение целой недели изнурительные бои за Дюнкерк, в ходе которых и сами немцы несли тяжелые потери вместо того, чтобы просто установить оборону и спокойно

---

⁷⁶ Walter Ansel. Op. cit., p. 73.

наблюдать за эвакуацией. К чему тогда было возобновлять наступление танков 27 мая? Следует ли из этого делать вывод, что планы Гитлера изменились с 23 по 26 мая? Никто из сторонников указанной выше точки зрения не дает ответа на эти естественно возникающие вопросы.

Да и документы, которые приводятся, недостаточно доказательны. Впрочем, это даже не документы в строгом смысле этого понятия, а главным образом высказывания заинтересованных в распространении этой легенды лиц. На наш взгляд, не существует прямой связи между высказываниями Гитлера о желательности заключить мир с Англией и начать подготовку к нападению на СССР с «чудом под Дюнкерком». Некоторые авторы для доказательства своего тезиса искусственно, на наш взгляд, сближают хронологически эти два события, делая разрыв во времени между ними как можно меньшим. Поэтому высказывания Гитлера в Шарлевиле о желательности заключения мира с Англией они относят к его вторичному посещению ставки Рундштедта — к 20 мая. Но ведь то же самое он говорил и 17 мая. Поэтому говорить о переломе «в сознании и направленности действий руководства, происшедшего 20—21 мая» нет оснований. Далее, часто приводится известное высказывание Иодля на Нюрнбергском процессе, что Гитлер в мае—июне 1940 г. заявил о своем решении начать войну против Советского Союза. Из этого делается вывод, что решение напасть на Советский Союз возникло «одновременно с планами заключения мира с Англией — в начале двадцатых чисел мая 1940 г.». Можно согласиться с этим выводом, хотя и с оговорками относительно датировки. Но, когда далее утверждается что «вопрос о «чуде под Дюнкерком» должен решаться только в связи с приводимыми (автором, разумеется. — А. Н.) данными и фактами», то против такого построения приходится возражать, ибо на самом деле никаких фактов, подтверждающих взаимосвязь между приказом Рундштедта (напомним, что первоначально приказ был издан Рундштедтом, а не Гитлером!) и политическими планами Гитлера, пока не обнаружено ⁷⁷.

Что же касается психологических изысканий, то они, естественно, всегда противоречивы. Одни и те же реше-

---

⁷⁷ Об этом важном обстоятельстве почему-то стыдливо умалчивают.

ния, если исходить даже из одних и тех же предпосылок, могут привести к прямо противоположным выводам. Например, в рассматриваемом случае. Посылка: Гитлер хочет заключить мир с Англией.

Первый вывод: Гитлер позволил эвакуироваться английским войскам из Дюнкерка, чтобы не уязвлять национальную гордость англичан полным разгромом их армий и облегчить тем заключение мира.

Второй вывод: Англию побудить к миру может только разгром ее сил на континенте, ибо здесь сосредоточены все дивизии, которыми она располагает. Потеряв их, она вынуждена будет пойти на заключение мира.

Теперь возьмем другой аспект вопроса. Сторонники иной точки зрения представляют дело таким образом, будто существовала как активный фактор только одна сторона, а именно, германская. А как же быть с полумиллионной армией англичан и французов, стиснутых в дюнкерском «мешке»? ⁷⁸ Что же они не оказывали никакого сопротивления и покорно ожидали распоряжений «фюрера»? Но нам достоверно известно, что эвакуация происходила в условиях тяжелейших боев, в ходе которых солдаты, моряки и летчики союзников проявили стойкое мужество, храбро сражаясь с наступавшими войсками нацистов. Если многие из них добрались до островов, то в этом заслуга не Рундштедта, приказавшего 23 мая остановить танки, не Гитлера, подтвердившего этот приказ, а английского командования, решительно действовавшего во время проведения операции «Динамо», мужества и доблести солдат и офицеров, сражавшихся на дюнкеркских дюнах.

И здесь мы позволим себе процитировать еще раз выдержки из дневника Гальдера:

29 мая 1940 г. «Мешок», в котором находится противник, продолжает сжиматься. Теперь длина его достигает 45 км, ширина — 30 км. Интересно знать, что там еще осталось от противника. Противник даже теперь, когда Лилль, Рубэ, Туркуен находятся в наших руках, продолжает оказывать ожесточенное сопротивление на флангах» ⁷⁹.

---

⁷⁸ Хорошо известно, что отступление Горта происходило не потому, что боеспособность английских войск была исчерпана.

⁷⁹ Дневник Гальдера. 29.V 1940.

30 мая 1940 г. «Бои по ликвидации окруженной группировки противника продолжаются. Английские части отчаянно сопротивляются. Часть войск отхлынула к побережью и стремится на различного рода переправочных средствах уйти в море. Разгром»⁸⁰.

31 мая 1940 г. «Мешок» в районе Дюнкерка продолжает сжиматься. Английские войска оказывают упорное сопротивление. Несмотря на чрезвычайно трудные условия, они продолжают эвакуацию. Необходимо нанести по ним сильный удар, используя все возможные средства планомерного наступления»⁸¹.

1 июня 1940 г. «Группировка противника на побережье продолжает сжиматься. Наше наступление развивается, однако, медленно. Остатки войск противника дерутся храбро, но местами появляются уже признаки ослабления боевого духа»⁸².

Итак, только 1 июня Гальдер отмечает «признаки упадка боевого духа» у солдат союзников.

И, наконец, мы тщательно изучили документы германской внешней политики за 1940 — 1941 гг. (серия «Д») — до нападения Германии на Советский Союз. В записях многочисленных бесед Гитлера и Риббентропа с Муссолини, другими главами правительств германских союзников и сателлитов, с главами нейтральных правительств и т. п. много внимания в высказываниях и заявлениях фашистских лидеров уделяется политике по отношению к Англии. Видно, как они жадно впитывают любые сообщения, которые можно истолковать как симптомы изменения английской политики в сторону достижения соглашения с Германией. Гитлер и Риббентроп не устают подчеркивать своим собеседникам «великодушие» и «благородство», проявленные Гитлером по отношению к англичанам, его готовность «заклучить мир». Но ни разу Гитлер не говорит, что английская армия была им выпущена из Дюнкерка. Ни одного слова о «великодушии», проявленном под Дюнкерком, хотя Гитлер охотно приводит другие примеры! Случайно ли это? Нет, конечно. Только в 1945 г., накануне разгрома, Гитлер в беседе с Борманом, негодуя на Англию, восклицает, что он выпустил англий-

---

⁸⁰ Дневник Гальдера. 30.V 1940.

⁸¹ Там же, 31.V 1940.

⁸² Там же, 1.VI 1940.

ские войска из Дюнкерка. Но можно ли доверять этим словам Гитлера? Нет, нельзя, и не только потому, что фашистский главарь находился тогда в полумаразматическом состоянии, но и потому, что, как о том свидетельствуют многочисленные документы и очевидцы, в последние дни Гитлер был занят поисками аргументов для само-реабилитации, и то, что он говорит Борману, как раз и предназначено для создания исторической легенды о Гитлере.

К кануну поражения гитлеровской Германии и относится рождение легенды о «золотом мосте» для английских армий, проложенном в Дюнкерке. Это обстоятельство также свидетельствует о правоте точки зрения тех, кто выступает против мифа о «чуде под Дюнкерком».

Таковы факты. Анализ этих фактов неизбежно приводит к таким выводам:

Первоначальный приказ о приостановке наступления подвижных соединений был отдан Рундштедтом, как естественное следствие стремительности продвижения, значительных потерь в материальной части и необходимости приведения в порядок частей перед новым наступлением. Этот приказ вполне отвечал намерениям Гитлера избежать риска потери основной ударной силы, необходимой для развертывания дальнейшего наступления и нанесения решающего удара по французским вооруженным силам. В дальнейшем, в ходе боев с прижатыми к морю англо-французскими войсками, германское командование, опасаясь потерь танков, согласно инструкции об использовании танков в ближнем бою, не пустило их в ход. Наступление германских войск натолкнулось на мужественное сопротивление солдат и офицеров окруженной группировки. И тогда вновь был отдан приказ о возобновлении наступления танков. Благодаря своевременно принятым мерам по эвакуации, смелым и согласованным действиям военно-морских сил и невозможности для гитлеровцев из-за плохой погоды использовать авиацию против наземных войск и кораблей англо-французской группировки, союзникам удалось спасти большую часть личного состава английских экспедиционных сил во Франции. Но при этом они вынуждены были бросить все свое вооружение и материальную часть.

Всего с 27 мая по 4 июня было эвакуировано на Британские острова 338 226 солдат и офицеров. Еще до

начала операции «Динамо» были эвакуированы 27 936 штабных работников и солдат небоевых частей и учреждений. Всего таким образом в конце мая — начале июня 1940 г. в Англию было вывезено 366 162 солдат и офицеров. Из них 224 320 принадлежали к британским экспедиционным силам. Остальная часть была представлена французскими, бельгийскими солдатами, военными других союзных Англии государств ⁸³. Когда операция «Динамо» планировалась, она была рассчитана на два дня, в ходе ее должно было быть эвакуировано всего лишь 45 тыс. человек. На самом же деле операция по эвакуации длилась девять дней. В ходе операции было потеряно 228 судов и 45 тяжело повреждено, английская авиация потеряла 177 самолетов; англичане потеряли 8061 убитыми, их союзники — 1230 человек ⁸⁴. Около 40 тыс. французских солдат и офицеров оставались 4 июня на французском побережье и не могли быть вывезены. Все они попали в плен ⁸⁵.

Англичане бросили в Дюнкерке 7 тыс. т снаряжения, 90 тыс. винтовок, 2300 пулеметов, 2300 орудий, 82 тыс. авиабомб, 8 тыс. автоматов, 400 противотанковых ружей ⁸⁶.

Выступая в палате общин 4 июня, британский премьер-министр заявил: То, что случилось во Франции и Бельгии, является «колоссальным военным поражением»⁸⁷.

Британские экспедиционные силы были разбиты. Бросив все свое вооружение на французском берегу, они явились на Британские острова живыми свидетелями несчастья, обрушившегося на союзников. Само их появление, казалось, говорило 48-миллионному населению Великобритании: «Враг у ворот!»

«...Мы пойдем до конца, мы будем сражаться во Франции, мы будем драться на морях и океанах, мы будем биться с растущей верой и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш остров любой ценой, мы будем сражаться на берегах, мы будем бороться на аэродромах, мы будем

---

⁸³ L. F. Ellis. Op. cit., p. 246—248; W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 102.

⁸⁴ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 125.

⁸⁵ L. F. Ellis. Op. cit., p. 246—247.

⁸⁶ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 125.

⁸⁷ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 361, col. 793.

воевать на полях и на улицах, мы будем биться на холмах, мы никогда не сдадимся. Если даже, во что я ни на одно мгновение не верю, этот остров будет умирать от голода, или большая часть его будет захвачена, наша заморская империя, вооруженная и охраняемая британским флотом, будет продолжать битву до того определенного богом времени, пока Новый Свет со всей его силой и мощью не выступит для спасения и освобождения Старого», — заявил Уинстон Черчилль в парламенте ⁸⁸.

Если Гитлер, как то утверждают некоторые генералы и историки, специально выпустил английские войска из дюнкеркской мышеловки с тем, чтобы сеять панику и распространять пораженческие настроения в Англии, то он жестоко просчитался. В Англию, плохо вооруженную и неготовую к обороне в случае вторжения, явились разбитые, безоружные, но уже прошедшие боевое испытание солдаты и офицеры, которые должны были стать и действительно стали костяком новой английской армии. Поражение не вызвало паники в народе, но усилило стремление некоторых крайне правых кругов к заключению мира с Гитлером. Об этом пойдет речь ниже.

В то время, как во Франции продолжалось сражение, английский военный кабинет обсуждал важнейшие проблемы, с которыми неизбежно должна была столкнуться Великобритания в связи с поражением, понесенным во Франции. Выше мы писали, что военному кабинету уже в 20-х числах мая перспектива разгрома Франции и продолжения войны с Германией один на один казалась довольно реальной.

27 мая военный кабинет обсудил представленный начальниками штабов доклад «Британская стратегия в определенных условиях». Начальники штабов исходили примерно из следующей предполагаемой ситуации: Италия выступала на стороне Германии, французские североафриканские колонии попадали в руки Германии. Испания, Португалия и балканские государства, за исключением Турции, находятся под контролем союзников. Англия получает полную финансовую и экономическую поддержку со стороны США; Советский Союз встревожен растущей мощью Германии.

---

⁸⁸ Ibidem.

В докладе делался вывод о необходимости сконцентрировать энергию на производстве истребителей, подготовке экипажей для них и преимущественной защите важнейших заводов ⁸⁹.

В тот же день начальники штабов изложили свое мнение о возможности продолжать войну в одиночестве. Подробно проанализировав положение, они сделали вывод, что в конечном счете все будет зависеть от морального духа вооруженных сил и населения страны, и высказали уверенность, что Англия одержит победу ⁹⁰. «Поражение Германии, — утверждали начальники штабов, — может быть достигнуто путем комбинирования экономического давления воздушных нападений на объекты в Германии, имеющие экономическое значение, и нанесения ударов моральному состоянию немцев, а также путем организации широкого восстания на завоеванных Германией территориях» ⁹¹.

По сравнению со стратегией «странной войны», это был значительный шаг вперед, но все же явно недостаточный. В выводах начальников штабов, утвержденных военным кабинетом, ни слова не говорилось о решающем методе нанесения поражения Германии — наступлении английских вооруженных сил на континенте. Ни слова не говорилось и о необходимости создания значительных сухопутных сил. Батлер объясняет это тем, что такие выводы выглядели бы нереально в свете событий последних дней мая 1940 г. ⁹² Однако с этим утверждением трудно согласиться.

Характерно, что и в заявлении Черчилля в палате о готовности продолжать борьбу повсюду при всех условиях, которое мы цитировали, речь идет не о наступлении, а об обороне, о расчете на помощь стран Британской империи и США больше, чем на собственные силы.

Дело, как нам представляется, заключалось не только, да и не столько в том, что в создавшихся конкретных условиях не могло быть и речи о наступлении, а в том, что английская стратегия крайне медленно отреагировала

---

⁸⁹ J. R. M. Butler. *Grand Strategy*, vol. II. September 1939 — June 1941. London, 1957, p. 211—212; W. S. Churchill. *Op. cit.*, vol. II, p. 79.

⁹⁰ J. R. M. Butler. *Op. cit.*, p. 212—213.

⁹¹ *Ibidem*.

⁹² *Ibid.*, p. 217.

от традиционных взглядов и представлений о ведении войны. Английские военные и политические лидеры и в перспективе не видели возможности наступления на царство нацизма. Значительную роль играла здесь несомненно живучая политико-стратегическая концепция войны «чужими руками». О глубоком влиянии, которое продолжала оказывать эта концепция на английскую политику и планирование войны, свидетельствует вся история второй мировой войны.

Учитывая возможность выхода Франции из войны, английское правительство прилагало в то время все усилия, чтобы не допустить сепаратных переговоров Франции с Германией и тем самым ликвидации англо-французского союза. На следующий день после обсуждения доклада начальников штабов премьер-министр адресует членам правительства строго доверительный циркуляр, в котором подчеркивается, что «не должно быть терпимости к мысли, что Франция заключит сепаратный мир»⁹³. Теперь вплоть до заключения Францией перемирия с Германией, на протяжении двадцати пяти дней июня, сохранение англо-французского союза при всех обстоятельствах стало центральной задачей английской внешней политики. Реализация ее проходила несколькими путями. Одним из них была отправка английских войск (правда, в небольшом количестве) и французских войск, эвакуированных в Англию, во Францию для продолжения борьбы.

31 мая в Париже собрался Верховный совет союзников, принявший решение об эвакуации союзных войск из Нарвика и обсудивший вопрос об эвакуации из Дюнкерка. Французские представители настаивали, чтобы французских солдат эвакуировали на равных началах с английскими⁹⁴. Правда заключалась в том, что в первую очередь вывозили англичан, а потом уже всех прочих. Это сыграло в дальнейшем на руку французским капитулянтам, когда они твердили о «предательстве» Англии. Был обсужден вопрос и о мерах, которые следовало принять в случае выступления Италии.

Черчилль, прибывший в Париж, должен был еще раз взвесить создавшуюся обстановку, попытаться смягчить трения, возникшие между союзниками в связи с отступ-

⁹³ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 81.

⁹⁴ Paul Reynaud. Op. cit., vol. II, p. 250—253.

лением Горта и эвакуацией, и добиться продолжения энергичной войны с Германией. Однако его попытки в общем оказались безуспешными не только потому, что во французском правительстве резко усилилось влияние пораженцев, но также и потому, что вклад Англии в совместную борьбу против Германии был фактически настолько незначительным, что давал достаточно поводов для утверждений, что англичане хотят воевать до последнего «французского солдата».

Явный результат заседания в Париже заключался в резко обостренной обстановке отношений между союзниками⁹⁵. Чем дальше продвигались немецко-фашистские войска в глубь Франции, чем больше ухудшалась внутривойсковая обстановка во Франции, тем напряженнее становились англо-французские отношения.

В Англии больше не верили, что ее французской союзнице удастся избежать поражения. Доказательством тому служит отказ Черчилля 5 июня в ответ на просьбу французского премьер-министра Рейно послать подкрепления во Францию. Британский премьер заявлял, что он сможет послать лишь одну дивизию к концу июня⁹⁶. Дело, конечно, заключалось главным образом в неверии английского правительства в возможность спасти Францию от разгрома. Посланная все же 7 июня на континент английская дивизия была уже 10 июня эвакуирована из Дьеппа и Сен-Валери⁹⁷.

8 июня немецкие передовые части находились в 32 км от Парижа. Нет необходимости описывать здесь то, что происходило во Франции в те дни. Об этом написано достаточно книг, мемуаров, исследований⁹⁸. Поэтому мы остановимся на этих событиях лишь для того, чтобы выяснить сущность английской политики того времени. Но сначала обратимся к событию, которое еще больше ухудшило ситуацию для союзников. 10 июня 1940 г. Италия объявила войну Франции и Англии.

⁹⁵ E d. S p e a r s. Op. cit., vol. II, p. 20.

⁹⁶ Ibid., p. 51; P a u l R e y n a u d. Op. cit., vol. II, p. 271—272.

⁹⁷ W. S. C h u r c h i l l. Op. cit., vol. II, p. 126; E d. S p e a r s. Op. cit., vol. II, p. 120.

⁹⁸ Коротко события мая—июня 1940 г. изложены в статье: В. П. С м и р н о в. К истории капитуляции Франции и франко-германского перемирия 1940 г.—«Вестник Московского университета», № 3, 1961, стр. 26—45.

Нельзя не вспомнить, что объявление войны Англией и Францией Германии было для фашистской Италии неприятным сюрпризом. Во время встречи фашистских союзников в Зальцбурге 13 августа 1939 г., когда Риббентроп холодно бросил Чиано свою ставшую знаменитой фразу: «Мы хотим войны», — Муссолини впервые столкнулся с реальностью неминуемой мировой войны. До тех пор ему казалось, что можно будет и впредь, действуя по испытанным образцам шантажа и запугивания, которые принесли фашистским союзникам столь блистательные результаты, добиться реализации многих внешнеполитических замыслов и в то же время продолжать подготовку к «большой войне». Она должна была, по итальянским расчетам, занять еще три года ⁹⁹. Однако у Гитлера были иные планы. Его ставкой была молниеносная война. Экономическое положение Германии не позволяло медлить. Фактор времени, подобно неумолимому року, преследовал Гитлера. Нет надобности останавливаться здесь на перипетиях последних дней мира. Здесь важно лишь подчеркнуть, что расхождение по вопросам сроков начала войны оказало свое влияние на внешнюю политику Италии в начальный период войны.

Западные союзники — Англия и Франция, поддерживавшие их Соединенные Штаты Америки преувеличивали значение итало-германского охлаждения и предавались иллюзиям возможности не только нейтрализации Италии, но и перехода ее в англо-французский лагерь. В то время английское и французское правительства исходили в своей итальянской политике из следующих (правильных, отметим тут же, предпосылок): во-первых, экономическое и финансовое положение Италии весьма напряженное, Италия к длительной войне не готова; во-вторых, Муссолини обозлен тем, что Гитлер скрыл от него военные планы Германии и поставил его перед совершившимся фактом; Муссолини не скрывает своего недовольства германо-советским пактом от 23 августа 1939 г. Муссолини неоднократно высказывался за союз государств Запада против большевизма ¹⁰⁰. Наконец, итальянский

---

⁹⁹ E n n o v. R i n t e l e n. Mussolini als Bundesgenosse. Tübingen, 1953, S. 73.

¹⁰⁰ Рупор Муссолини «Пополо д'Италия» заявлял, что абсурдно со стороны Англии и Франции продолжать войну, так как, если необходимо воевать против Германии, то так же необходимо воевать

диктатор уже после начала войны (3—5 сентября) пытался посредничать между сторонами.

Все это было верно. Не был учтен, однако, один важнейший элемент, без которого все хитроумные построения английской политики должны были рассыпаться в прах. Фашистская диктатура всегда предполагает силу, основывается на силе и уважает только силу. Между тем все, что делали Англия и Франция накануне войны и в первые месяцы ее, выражало, по мнению Муссолини, лишь их слабость. Он был вполне солидарен со своим германским союзником, что Запад «сгнил». Поэтому каждую уступку, которая следовала со стороны Англии и Франции, каждое предложение, выгодное для Италии, рассматривалось итальянским диктатором как признак неуверенности, слабости «западных демократий». Бездействие, инертность англо-французской стратегии начального периода войны, казалось, свидетельствовали о правильности выводов, которые делал Муссолини.

Все же в первые месяцы войны фашистская Италия осторожно присматривалась к развитию событий. По указанию Муссолини была широко развернута пропагандистская кампания с целью доказать Англии и Франции, что для них поражение Советского Союза более важно, чем поражение Германии. Правящие круги Италии, в особенности королевский двор, где недолюбливали диктатора, а также его собственный зять — министр иностранных дел Чиано — предпринимали за кулисами некоторые попытки посредничества, которые, как они надеялись, должны были привести к прекращению войны между западными державами и к организации крестового похода против Советского Союза. Однако и король, и Чиано в конечном счете поддерживали всю агрессивную политику Муссолини.

Все эти планы, стремления, действия создавали довольно сложный комплекс отношений, в которых даже самим участникам этих комбинаций было подчас нелегко разобратся. Можно полагать, что в поступках государственных деятелей не обязательно и не всегда проявляется определенная логика. Думать иначе означало бы приписывать обыкновенным людям такие качества, которые могли бы быть присущи лишь небожителям. Стремление

против Советского Союза (Elizabeth Wiseman. The Rome — Berlin Axis. London, 1949, p. 176).

историка во что бы то ни стало найти эту логику часто приводит к примысливанию. Внутренняя, подчас скрытая от глаз людей, логика проявляется главным образом в процессе исторического развития, и вовсе не обязательно в конкретных действиях того или иного государственного деятеля, в поступках которых часто вообще невозможно найти никакой последовательности. Противоречия в их делах, которые так поражают современников и повергают в недоумение историков — есть не что иное, как отражение противоречивости и сложности процессов, которые развиваются в недрах человеческого общества.

Итак, Италия заявила о своем неучастии в войне. Но этот период не мог быть сколько-нибудь длительным. Мегаломания фашистской диктатуры предполагала войну как средство создания «Великой итальянской империи» — «достойной наследницы» Римской империи. Опасение потерять возможные выгоды войны не давало покоя Муссолини. Поэтому внутри страны делалось все возможное для ускорения подготовки к войне. К числу таких мероприятий следует отнести значительное расширение импорта и торговли с балканскими государствами и другими европейскими странами, а также со странами Латинской Америки — это должно было привести к созданию необходимых запасов стратегического сырья и продовольствия и расширению военной промышленности.

В области внешней политики положение Италии характеризовалось охлаждением отношений с Германией и попытками извлечь выгоду из стремления англо-французских союзников к сближению с Италией. Активным пропагандистом сближения с Италией был Уинстон Черчилль. Спустя месяц после начала войны, 1 октября 1939 г., он выступил с речью по радио, в которой назвал Италию «великой дружественной нацией»¹⁰¹. На протяжении всей войны Черчилль вел частную переписку с Муссолини, которая не прекратилась и после того, как Италия объявила войну Англии¹⁰².

¹⁰¹ «Times», 2.X 1939.

¹⁰² Вызывает, однако, большие сомнения, что Черчилль делал это без ведома военного кабинета, членом которого он был с самого начала войны. Вскоре после окончания войны мировую печать облетело сообщение о специальной операции, предпринятой английской разведкой для того, чтобы помешать опубликованию этих писем.

Уже в первые дни, сразу же после неудачной попытки Италии посредничать, союзница Англии—Франция отменила антиитальянские меры, предпринятые в Северной Африке, в частности, была отменена реквизиция машин, принадлежащих итальянцам, и снято блокирование вложений в банки. Однако никаких уступок в отношении давних претензий Италии — Тунис, Суэцкий канал, Жи-

---

Письма Черчилля Муссолини были похищены и возвращены Черчиллю. О содержании переписки ходило много толков. Нам кажется довольно правдоподобной версия, которую приводит в своей книге итальянский буржуазный историк Луиджи Виллари.

Виллари ссылается на заявление Ванни Теодорани, родственника Муссолини, который возглавлял военный секретариат диктатора. Теодорани утверждал, что он читал переписку Черчилля и Муссолини, которая, по его словам, началась задолго до войны и окончилась двумя письмами Черчилля, посланными в период неучастия Италии в войне. Письма содержат рассуждения Черчилля о политике экспансии, проводимой Италией на Средиземном море. Одобрив политику неучастия Италии в войне, Черчилль, в частности, писал, что если Италия захочет принять участие в войне на следующем этапе, то она может это сделать только на Балканах. Виллари пишет: «В этих двух письмах имеются на самом деле совершенно определенные намеки на необходимость для Италии в ходе дальнейшего развития войны консолидировать свою позицию на Балканах, где присутствие в Албании и эвентуально, если это станет необходимым, в Греции не встретит оппозиции со стороны Великобритании» (Luigi Villari. *Italian Foreign Policy under Mussolini*, New York, 1956, p. 245).

Виллари приходит к выводу, что Черчилль предлагал Италии блокировать продвижение Германии или Советского Союза на Балканы, заявляя, что это устроит также и Англию. В виде компенсации за неучастие в войне Италия получит стратегические базы и территории во Французской Северной Африке (Ibid., p. 246).

В английском полуофициальном издании Королевского Института международных отношений — обзоре международных отношений под редакцией Арнольда Тойнби «Первоначальный триумф держав оси» («The Initial Triumph of the Axis») мы находим весьма схожую с интерпретацией Виллари характеристику целей итальянской политики Англии: «Италии была предложена благодарная роль «великой и дружественной нации», члена европейского директората и протисовеса Германии и России на Балканах (подчеркнуто мною.— А. Н.), где лсвагинская армия Вейгана никогда не могла бы быть использована без согласия Италии» (стр. 220). Таким образом, предложения, которые якобы содержались в частных письмах Черчилля Муссолини, отражали официальную английскую точку зрения. Это, с одной стороны, придает большую достоверность сообщению Виллари, а с другой — подтверждает, что письма Черчилля были написаны с ведома и одобрения кабинета.

бути,— сделано не было. Франция предпочитала, чтобы Италия первой начала переговоры.

Во Франции существовала влиятельная группа министров и политических деятелей, которые служили рупором итальянской пропаганды, утверждавшей, что война против Германии отвлекает силы от борьбы с большевизмом ¹⁰³.

Такую точку зрения разделяли не только мюнхенцы, но даже такие реалистически мыслящие политики, как обычно скептический настроенный Леже. Американский посол в Париже В. Буллит следующим образом излагал точку зрения Леже на итальянскую политику: «Муссолини еще желает сохранить тесный контакт с Германией и установить в Европе мир на базе пакта четырех держав, включающего Францию, Англию, Германию и Италию, в рамках которого он мог бы, используя Германию как угрозу, добиться территориальных и иных уступок от Франции и Англии. Поэтому он после некоторого размышления в последние недели взялся за политику, которая могла бы привести к заключению скорого мира, оставляющего у власти нынешнее германское правительство. Он пользовался различными средствами для того, чтобы добиться такого рода мира — это могло бы помешать усилению страха перед распространением большевизма в Европе» ¹⁰⁴.

В Берлине были, естественно, очень недовольны позицией Италии. Результатом недовольства была задержка германским правительством оптации немецкого населения из Южного Тироля. Имелись и другие факты, свидетельствовавшие о трениях между союзниками. Например,

---

¹⁰³ В эту группу входили министры Бодуэн, Фланден, де Монзи. Энергичную деятельность в этом направлении развивал и Лаваль. Один из тезисов италофилов заключался в том, что Италия является врагом не Франции, а Англии. Тем самым многие французы вводились в заблуждение относительно истинных намерений фашистской Италии. Больше того, между французским главнокомандующим Гамеленом и итальянским Бадольо был установлен контакт: 12 сентября 1939 г. было заключено секретное (от Германии) итало-французское соглашение, по которому Франция покупала в Италии станки, взрывчатку, самолеты, авиамоторы, текстиль, обмундирование, солдатскую обувь. Со своей стороны, Франция снабжала Италию сырьем («The Initial Triumph of the Axis», p. 231).

¹⁰⁴ FR, 1939, vol. I, p. 534. Буллит — государственному секретарю. Париж, 14 декабря 1939 г.

в середине ноября гаулейтер Саксонии заявил на банкете в Дрездене, что Германия должна больше опасаться предательства со стороны своих друзей, чем своих врагов¹⁰⁵.

Однако временное охлаждение итало-германских отношений, которое в Англии, и особенно во Франции, сильно преувеличивалось, могло быть углублено только одним способом: активными действиями западных союзников против Германии¹⁰⁶. Но именно этого-то союзники и не делали. Они предполагали, что им удастся соблазнить Италию отдельными уступками. В октябре месяце Англия признала де-факто «унию» Италии и Албании, иными словами, захват Албании¹⁰⁷. Этот шаг английского правительства находился в полном противоречии с торжественными заявлениями о борьбе против тирании и свободе народов и еще раз показал, что Англия преследует в войне корыстные, империалистические интересы.

Но еще более важными, с практической точки зрения, были исключения, сделанные английским правительством в пользу Италии в политике экономической блокады. Италия отчаянно нуждалась в угле, железной руде, нефти. Вопреки политике экономической блокады, Италия получала необходимое ей сырье. Больше того, в октябре в Италии началась шумная антианглийская кампания в связи с задержкой импорта, вызванной экономической блокадой. Английские власти немедленно приняли меры, чтобы ускорить процедуру в отношении итальянских судов.

В течение нескольких месяцев между Англией и Италией происходили переговоры о заключении торгового соглашения.

Английское правительство было готово, со своей стороны, закупать в Италии в 1940 г. товары на сумму 20—25 млн. ф. ст. В число товаров, которые Англия должна была приобрести в Италии, входили авиамоторы, ртуть, продовольствие. В обмен Англия должна была поставлять Италии уголь, а также такое стратегическое сырье, как каучук, медь, олово, джут, хлопок. Однако 7 февраля Муссолини отказал в продаже оружия и снаряжения.

¹⁰⁵ Luigi Villari. Op. cit., p. 181.

¹⁰⁶ Еще 5 сентября Чиано сказал французскому послу А. Франсуа-Понсе, что победа — лучшая пропаганда.

¹⁰⁷ «The Eve of War». Ed. by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee, London, 1959, p. 254.

И хотя этот шаг был явным признаком того, что Италия собирается активно выступить на стороне Германии, Англия не чинила препятствий итальянской внешней торговле. Больше того, председатель постоянного англо-итальянского объединенного комитета Уилфрид Грин, который вел от имени Англии переговоры, согласился на освобождение большей части итальянского импорта от контроля при гарантии, что некоторые товары не будут реэкспортированы в Германию¹⁰⁸.

Переговоры о заключении англо-итальянского соглашения затягивались. Между тем все выгоды от этого извлекала Италия и в конечном счете Германия¹⁰⁹.

Мысль об этом, очевидно, не могла не беспокоить английское правительство. Может быть по этой причине английская делегация на переговорах предложила главе итальянской делегации министру экономики Риккарди, чтобы в итальянские поставки Англии были включены бомбардировщики, истребители, орудия, пулеметы и другие товары военного характера. Со своей стороны Англия будет готова поставлять Италии английский уголь, смягчить контроль над итальянской торговлей и т. д. Ответ должен был быть своего рода лакмусовой бумажкой, по которой можно было бы определить истинные планы Италии. Ответ Муссолини (7 февраля 1940 г.) был резко отрицательным. По его поручению Чиано в тот же день информировал английского посла, что Италия не собирается посылать ни одного ружья врагам Германии¹¹⁰.

---

¹⁰⁸ «The War and the Neutrals», p. 244.

¹⁰⁹ В письме Гитлеру от 3 января 1940 г. Муссолини писал: «Отношения Италии с Францией и Англией корректные, но холодные. Мы снабжаем ту и другую товарами различного рода, некоторые из которых могут оказать косвенную помощь военному усилию, но все поставки типично военного характера запрещены. Существование этих коммерческих отношений позволяет нам получать то сырье, без которого мы не можем выполнить наши военные приговления и которые в конечном счете выгодны Германии. Слухи о политических переговорах неверны. Отношения между нами и англичанами сейчас напряженные, в связи с блокадой, и хотя процедура изменена англичанами к лучшему, состояние дел далеко от нормального и от полной свободы для нашего судоходства...» Далее Муссолини заверял Гитлера, что события 1914—15 гг. (т. е. переход Италии в лагерь противника Германии) теперь не повторятся (DGFP, vol. VIII, № 504, p. 605—606).

¹¹⁰ Ibid., № 599, p. 751. Сообщая со слов Чиано о его беседе с английским послом Перси Лореном, германский посол в Риме Макензен

В течение месяца английское правительство колебалось. По-видимому, это объяснялось резким обострением международной обстановки в связи с советско-финской войной и англо-французскими планами помощи Финляндии и открытия нового театра военных действия в Скандинавии. Ухудшать в этих условиях отношения с Италией казалось неосмотрительным. И все-таки 1 марта английское правительство приняло решение воспрепятствовать доставке германского угля в Италию морским путем. 13 судов, перевозивших германский уголь из Роттердама в Италию, были захвачены английскими властями. Протесты Италии были отклонены. Однако спустя 10 дней эти суда были отпущены под тем предлогом, что произошло недоразумение¹¹¹. В чем же дело? Разумеется, не в «недоразумении». Этот эпизод совпал по времени с прибытием в Рим гитлеровского министра иностранных дел Риббентропа. Освобождение судов с углем для Италии должно было продемонстрировать добрую волю Англии по отношению к Италии и сделать последнюю менее восприимчивой к германским предложениям или посулам. Очевидно, немаловажную роль сыграло и желание английского правительства облегчить С. Уэллсесу его миссию.

в сообщении министерству иностранных дел описывает реакцию английского посла следующим образом: «Английский посол принял это заявление, переданное ему в тот же самый день, с исключительной холодностью и указал еще раз на последствия, которые оно будет иметь для перевозки германского угля морем (в Италию.— А. Н.)... В результате этих изменений произошло резкое ухудшение англо-итальянских отношений» (ibidem).

Весьма вероятно, что на позицию Муссолини большое влияние оказало сообщение министра финансов Маджистрати о его беседе с Гитлером от 2 февраля 1940 г., в ходе которой Гитлер, касаясь возможности смягчения разногласий с Англией и Францией, сказал Маджистрати, что располагает документом экстраординарного порядка, разоблачающим «циничные намерения Англии в отношении тоталитарных государств» (ibid., № 591, p. 732—733). Неясно, однако, был ли передан этот документ Муссолини. Неизвестно и само содержание документа. Редакторы издания отмечают, что он не был найден.

¹¹¹ Не лишено интереса, что в английских официальных и полуофициальных изданиях по истории второй мировой войны, вышедших за последние годы, об этом эпизоде нет никаких упоминаний. Говорится лишь о прекращении в начале марта снабжения Италии углем морским путем.

Но этот жест не оказал теперь влияния на итальянскую позицию. Что касается угля, то Италия начала получать его по железной дороге через Швейцарию¹¹², и англичане, отказавшиеся от бомбежек, были бессильны помешать этому.

С начала марта 1940 г. англо-итальянские отношения стали быстро ухудшаться. Помимо провала торговых переговоров, потерпевших в конечном счете неудачу в связи с политическим решением, принятым Муссолини, две причины способствовали этому. Первая из них состояла в том, что к этому времени Италия окончательно убедилась, что из плана заключения мира между воюющими державами и их объединения на почве совместной борьбы против Советского Союза ничего не выйдет. Другая причина заключалась в переходе Берлина к более активной политике по отношению к своему итальянскому союзнику.

Толчком послужил визит заместителя государственного секретаря США Сэмнера Уэллеса в Европу, о чем мы уже выше писали. Гитлер действовал очень энергично, чтобы заставить Италию придерживаться той же позиции, что и Германия. Гитлер боялся «миротворческих» пируэтов Муссолини. Он отдавал себе отчет также в том, что одна из целей визита Уэллеса может заключаться в предотвращении активного выступления Италии на стороне Германии. В Рим был послан Риббентроп. Он прибыл туда 10 марта, имея при себе ответ Гитлера на письмо Муссолини от 3 января. Гитлер, молчавший в течение двух месяцев, решил теперь ответить. В этом письме Гитлер разъяснял политику Германии и убеждал Муссолини действовать с ним заодно. Письмо это произвело на итальянского диктатора большое впечатление¹¹³. Риббентроп должен был также подготовить встречу Гитлера и Муссолини. Они встретились 18 марта у Бреннера. Вскоре после свидания с Гитлером Муссолини сделал свой окончательный выбор. Италия решила разделить судьбу Германии.

Встреча Муссолини с Гитлером вызвала в Англии пессимистические отклики; во Франции продолжали надеяться, что уступками удастся предотвратить вступление

---

¹¹² «The Initial Triumph of the Axis», p. 244.

¹¹³ «The Ciano Diaries. 1939—1943», New York, 1946, p. 218—219. (Запись от 10 марта 1940 г.)

Италии в войну. 19 апреля было опубликовано официальное сообщение комитетов по иностранным делам французской палаты депутатов и сената о готовности Франции вести переговоры с Италией. 21 апреля французский премьер отправил «дуче» личное письмо¹¹⁴. Рейно предлагал Муссолини обсудить спорные вопросы, пока конфликт между Францией и Италией еще не разгорелся. Муссолини отклонил французское предложение и поставил о нем в известность Гитлера.

Уже после начала германского наступления на Западном фронте, 16 мая, Черчилль обратился со своим очередным письмом к Муссолини. Это письмо представляло собой послание доброй воли, составленное в общих выражениях. Единственный пункт, который, по словам Чиано, заинтересовал его, был тот, в котором английский премьер-министр говорил о возможности поражения Англии¹¹⁵. Зная психологию итальянско-фашистской верхушки, а Черчилль знал или во всяком случае должен был ее хорошо знать, такого рода предположение, независимо от контекста, в котором оно было включено, могло лишь подстрекнуть Италию к выступлению. Ответ Муссолини подтверждал это¹¹⁶.

Днем позже, 17 мая, французское правительство направило свои предложения Муссолини через парижского архиепископа Сюара¹¹⁷.

Почти одновременно с письмом Черчилля, 19 мая, английский посол в США Лотиан сделал представление Хэллу о необходимости Соединенным Штатам прекратить снабжение Италии стратегическими материалами. В частности Лотиан подчеркнул, что благодаря помощи США Италии удалось создать большие запасы толуола, молибдена и других военных материалов¹¹⁸.

---

¹¹⁴ «The Initial Triumph of the Axis», p. 246.

¹¹⁵ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 107—108; «Ciano Diaries», p. 251, 16 марта 1940 г. В этой части письма Черчилль заявлял, что, если даже Англия будет разбита на континенте, она будет сражаться до конца, полагаясь на помощь Америки. DGFP, vol. IX, № 266, p. 366—367. Макензен—МИДУ, Рим, 18 мая 1940 г.; «The Initial Triumph of the Axis», p. 246.

¹¹⁶ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 107.

¹¹⁷ Paul Reynaud. Op. cit., vol. II, p. 203.

¹¹⁸ FR, 1940, vol. II, p. 708. Меморандум Хэлла о беседе с Лотианом. Вашингтон, 18 мая 1940 г.

В дальнейшем Англия и США действовали в попытках предотвратить вступление Италии в войну в тесном контакте.

25 мая Галифакс заявил итальянскому послу в Лондоне Бастианини, что союзники готовы рассмотреть предложение о переговорах относительно интересов Италии или возможной основы «для справедливого и длительного мира»¹¹⁹.

Прибывший на следующий день в Лондон французский премьер Рейно пытался побудить Англию к значительным уступкам Италии, которые должны были включать интернационализацию Гибралтара, Мальты и Суэцкого канала. Но английский кабинет соглашался рассмотреть итальянские претензии на Средиземном море при условии, что Муссолини «окажет помощь в заключении мира, обеспечивающего независимость Франции и Англии, и в урегулировании всех европейских вопросов»¹²⁰.

Положение складывалось таким образом, что французское правительство старалось любыми уступками удерживать Италию вне войны, английское же правительство, считая положение Франции почти безнадежным, считало уступки Италии ненужными. Вот почему, начиная с 27 мая (второй день эвакуации английских войск из Дюнкера), английское правительство последовательно отвергает все французские предложения о серьезных политико-стратегических уступках Италии¹²¹. Поэтому в дальнейшем французское правительство выдвигает предложения исключительно от своего имени. Французские предложения Италии включали передачу Италии территории Французского Сомали, железной дороги Джибути—Аддис-Абеба, изменение тунисско-ливийской границы, передачу значительного района Французской Экваториальной Африки, изменения в статуте итальянских граждан в Тунисе¹²².

Англия старалась оказать давление на Муссолини через США. 25 мая Лоттиан отправил письмо Хэллу, в котором передавал просьбу английского и французского

---

¹¹⁹ Paul Reynaud. Op. cit., vol. II, p. 201.

¹²⁰ «The Initial Triumph of the Axis», p. 246; Paul Reynaud. Op. cit., vol. II, p. 246.

¹²¹ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 109—111.

¹²² «The Initial Triumph of the Axis», p. 247; W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 111.

правительств, чтобы в ближайшие дни президент Рузвельт обратился к Муссолини с запросом, по каким причинам Италия находится на грани объявления войны союзникам. Лотиан подчеркнул, что президент может выступить в качестве посредника и передать правительствам Англии и Франции условия соглашения с ними ¹²³. На следующий день Лотиан уточняет условия.

Союзники готовы принять во внимание все разумные итальянские претензии и попытаться достигнуть соглашения с Италией немедленно для урегулирования, которое войдет в силу, как только окончится война. Союзники будут приветствовать участие Италии в мирной конференции со статутом, равным статусу воюющих держав ¹²⁴.

26 мая Хэлл уполномочил посла в Риме Филлипса сделать от имени президента устное заявление Муссолини в этом духе. В указаниях Хэлла содержалась оговорка — США не будут входить в существо предложений Англии и Франции так же, как и нести за них ответственность ¹²⁵.

В то время итальянский посол в Лондоне Бастианини добивался от Галифакса определенного ответа, возможно ли превратить переговоры с Италией в переговоры о мире с Германией. Ответ Галифакса носил общий и малообязывающий характер: достижение мира возможно лишь поисками взаимоприемлемых условий и объединенной решимости великих держав соблюдать мир ¹²⁶. Но, видимо, Бастианини правильно уловил тенденцию переговоров со стороны Франции и Англии — ведь Рейно действительно надеялся через Муссолини получить приемлемые условия мира от Германии ¹²⁷. Однако точка зрения английского правительства, и прежде всего премьера, была иной — всякие уступки Италии и попытки в этих тяжелых условиях получить почетные условия мира от Гитлера бессмысленны. Во всяком случае Англия не может принять никаких решений до возвращения ее армии из Франции. Вот почему 27 мая Рейно был уведомлен, что

---

¹²³ FR, 1940, vol. II, p. 709. Лотиан — Хэллу, Вашингтон, 25 мая 1940 г.

¹²⁴ Ibid., p. 709—710. Лотиан — Рузвельту, Вашингтон, 26 мая 1940 г.

¹²⁵ Ibid., p. 710—711. Хэлл — Филлипсу, Вашингтон, 26 мая 1940 г.

¹²⁶ E. L. Woodward. Op. cit., p. 51.

¹²⁷ Ibidem.

Англия возражает против такого запроса Муссолини. На заседании английского военного кабинета было затем решено вести дело с французским правительством гибко, не отказываясь наотрез от его предложений, тянуть время под предлогом запроса Муссолини Рузвельтом¹²⁸. В ночь на 27 мая Лотиан телеграфировал из Вашингтона, что Муссолини дал отрицательный ответ на предложения Рузвельта¹²⁹.

Французское правительство продолжало настаивать на том, чтобы Италии были посланы конкретные предложения, которые удовлетворили бы ее аппетиты. 28 мая английский кабинет принял решение сообщить в Париж, что считает такой шаг бесполезным. В то же время было решено, что по форме ответ должен быть составлен таким образом, чтобы не дать французскому правительству предлога для «немедленного прекращения борьбы»¹³⁰. Отношения между союзниками все больше обострялись.

После получения английского ответа во французском кабинете возникли разногласия: премьер-министр был готов согласиться с мнением английского правительства, но военный министр Даладье убеждал своих коллег обратиться к Муссолини. Попытки английского посла Кемпбелла убедить Даладье оказались тщетными. 30 мая министры-капитулянты де Монзи и Шотан, поддерживаемые Даладье, добились решения запросить Муссолини о его условиях. 31 мая такое обращение было передано в Рим. Итальянскому диктатору обещали значительные уступки на Средиземноморье также и от имени Англии. Английское правительство немедленно отказалось от этого предложения¹³¹. Что же касается Муссолини, то он попросту игнорировал французское обращение. Оно лишь укрепило его в решении в ближайшие же дни выступить на стороне Германии.

Тогда у Рейно возник план обращения к Рузвельту с призывом о немедленном вступлении США в войну против Германии. Рузвельт решительно возражал против официального обращения французского правительства,

---

¹²⁸ Ibid., p. 52

¹²⁹ Ibid., p. 53; FR, 1940, vol. II, p. 712—713. Филлипс — Хэллу, Рим, 27 мая 1940 г.

¹³⁰ E. L. Woodward. Op. cit., p. 53.

¹³¹ Ibidem.

и Рейно был вынужден временно отказаться от своего плана ¹³².

30 мая Рузвельт обратился с личным посланием к Муссолини, в котором, повторяя прежние предложения, в то же время предупреждал фашистского диктатора, что вступление Италии в войну на стороне Германии принудит США удвоить свои усилия в деле вооружения и помощи союзникам. Рузвельт заявил о заинтересованности США в сохранении мира на Средиземном море ¹³³.

Ответ Муссолини, переданный через Чиано Филлипсу 1 июня, был резко отрицательным. Он заявлял, что не желает больше вести переговоры ¹³⁴. 10 июня с балкона Венецианского дворца фашистский диктатор объявил о вступлении Италии в войну на стороне Германии. К этому времени англо-французские войска уже потерпели ряд страшных поражений. 5 июня Кемпбелл сообщил из Парижа о предложении Петена искать мира, поскольку англичане отказывают в посылке своих истребителей во Францию.

Три последующих дня — 11, 12, 13 июня, были весьма важными для испытания англо-французского союза. На совещании Высшего военного совета в Бриаре ¹³⁵ Вейган потребовал, чтобы вся английская военная авиация была брошена во Францию. Представляется весьма сомнительным, чтобы Вейган действительно считал, что английские самолеты могут спасти положение и сорвать успешно развивающееся наступление германских войск. Ведь еще 25 мая Вейган считал положение безнадежным и высказывал мнение о необходимости заключить перемирие с немцами. За прошедшие с тех пор 17 дней положение французской армии значительно ухудшилось, а позиции пораженцев и капитулянтов усилились. Скорее всего Вейган выставил свое требование, будучи заранее уверен, что английское правительство, располагавшее минимумом самолетов, необходимых для защиты острова, не согласится на его предложение. Тем самым откры-

---

¹³² E. L. Woodward. Op. cit., p. 54.

¹³³ FR, 1940, vol. II, p. 714. Хэлл — Филлипсу, Вашингтон, 30 мая 1940 г.

¹³⁴ Ibid., p. 715. Филлипс — Хэллу, Вашингтон, 1 июня 1940 г.

¹³⁵ О совещании в Бриаре см. P a u l R e u n a u d. Op. cit., vol. II, p. 297—303 и протокольную запись совещания (ibid., p. 304—311).

валась возможность начать переговоры с врагом, взяв всю ответственность за это на Англию. Если такие расчеты у Вейгана были, то они целиком оправдались. Ответ Черчилля был отрицательным¹³⁶. Важно было, однако, лишить Вейгана возможности ссылаться на отказ прислать самолеты, как на главную причину прекращения сражения. Это Черчилль отлично понимал. 11 июня он обращается к президенту Рузвельту, поддерживая просьбу Рейно¹³⁷ о немедленном оказании военной помощи союзникам со стороны Соединенных Штатов Америки; в телеграмме от 12 июня он просит Рузвельта убедить французское правительство в необходимости продолжить сопротивление как можно дольше¹³⁸.

13 июня Черчилль в сопровождении Галифакса, Исмея и Бивербрука вылетел в последний раз во Францию, в Тур, где временно обосновалось французское правительство. Здесь разыгрался предпоследний акт драмы. Французский премьер рассказывает английским министрам, что Вейган и Петен высказываются за перемирие. Черчилль напоминает, что по соглашению от 28 марта Франция обязалась не заключать сепаратного мира. Черчилль не видит теперь другого пути, как продолжать оказывать нажим на французских министров, с одной стороны, и добиваться поддержки Рузвельта — с другой. Он одобряет обращение Рейно к Рузвельту с просьбой о помощи. Рейно через несколько часов докладывает на заседании французского совета министров в Канье английский ответ, который встречает исключительно резкий отпор сторонников перемирия во главе с Вейганом и Петеном¹³⁹. Однако французский премьер добился переноса заседания до того момента, пока не будет получен ответ Рузвельта на новое — последнее обращение Рейно¹⁴⁰. Теперь Рейно, который отлично знает, что США не вмешаются, маневрирует. Для него обращение к Рузвельту — и личное алиби и предлог для того, чтобы согласиться с теми,

---

¹³⁶ Ed. S p e a r s. Op. cit., vol. II, p. 173.

¹³⁷ Телеграмма Рузвельту была отослана Рейно 10 июня (P a u l R e u n a u d. Op. cit., vol. II, p. 295—296).

¹³⁸ W. S. C h u r c h i l l. Op. cit., vol. II, p. 158.

¹³⁹ Ed. S p e a r s. Op. cit., vol. II, p. 203—204; W. S. C h u r c h i l l. Op. cit., vol. II, p. 163; P a u l R e u n a u d. Op. cit., vol. II, p. 323—327.

¹⁴⁰ P a u l R e u n a u d. Op. cit., vol. II, p. 330—331.

кто требовал начать с Германией переговоры о перемирии ¹⁴¹.

Ответ Рузвельта был отрицательным, хотя президент и говорил в нем о симпатиях, которые питает американский народ к делу союзников ¹⁴². Черчилль, пытаясь хоть как-нибудь использовать вес США для удержания Франции от капитуляции, предлагает 14 июня президенту опубликовать его ответ Рейно.

В ответе, посланном Черчиллю на следующий день, президент подчеркивал, что его послание не может быть истолковано как обязательство США принять участие в войне вооруженными силами, и категорически возражал против его опубликования ¹⁴³.

В тот же день, 15 июня, Рузвельт заявил Лотиану и французскому послу, что бесполезно устраивать кампанию за объявление Соединенными Штатами войны, так как результатом может быть лишь «политическое уничтожение авторитета его правительства». В этих условиях трудно даже дать какой-либо совет французам, но, по его мнению, не будет хуже, если французское правительство, часть армии и флота покинут Францию. Таким образом, если Франция и заключит перемирие, то Германия все равно не может сражаться на разных фронтах. До тех пор, пока США, Англия и Франция осуществляют контроль над морями, блокада (европейского континента, очевидно) будет успешной ¹⁴⁴. Ответ Рузвельта выражал как бы в концентрированной форме сущность американской политики, которая проводилась затем вплоть до вступления США в войну. Ниже мы увидим, как те же мысли в различных вариантах много раз повторяются Вашингтоном. С этого момента вопрос о судьбе французского флота приобретает первостепенное значение.

Хотя Рейно в послании Рузвельту от 16 июня и заявлял, что флот не будет сдан врагу, однако для сомнений было много оснований. Английский посол Кемпбелл полагал, например, что преемник Рейно на посту премьера может сдать флот ¹⁴⁵.

¹⁴¹ В. П. Смирнов. К истории капитуляции Франции и франко-германского перемирия 1940 г. «Вестник Московского университета», 1961, № 3, стр. 37—38.

¹⁴² Paul Reynaud. Op. cit., vol. II, p. 333.

¹⁴³ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 164—165.

¹⁴⁴ E. L. Woodward. Op. cit., p. 65.

¹⁴⁵ Ibidem.

Нет сомнения, что хотя правительство США и было на стороне Франции и Англии, оно занимало позицию выжидания, не только из соображений внутривосточного характера, но также и потому, что информация, получаемая из Европы, была полна самого мрачного пессимизма и зачастую носила прямо пораженческий характер. Нельзя в связи с этим не указать на ту неприглядную роль, которую играли послы США в Лондоне и Париже — Кеннеди и Буллит. Оба они, как известно, поддерживали накануне войны антисоветскую, мюнхенскую политику, выступали против тройственного пакта Англия—Франция—СССР, а когда война началась, своими сообщениями в значительной мере дезинформировали свое правительство. Когда читаешь, спустя более чем двадцать лет, донесения Буллита от мая и июня 1940 г., не можешь отделаться от мысли, что его лживые сообщения о коммунистической опасности во Франции ¹⁴⁶ послужили интересам клики пораженцев, для которых этот аргумент был одним из основных, когда они настаивали на прекращении борьбы, т. е. фактически на капитуляции. Кеннеди, со своей стороны, мрачно предвещал поражение Англии. Так, 27 мая 1940 г. он телеграфировал государственному департаменту: «Мое впечатление от ситуации здесь таково, что хуже быть не может. Только чудо может спасти британские экспедиционные силы от уничтожения или, как я вчера сказал, от капитуляции» ¹⁴⁷.

Днем позже, 28 мая, американский посол в Риме Филлипс передал для государственного секретаря сообщение поверенного в делах США в Берлине Кирка, который рекомендовал правительству подумать о немедленном

---

¹⁴⁶ FR, 1940, vol. I, p. 226 — 227. Буллит—государственному секретарю, Париж, 17 мая 1940 г.

¹⁴⁷ Ibid., p. 233. Кеннеди — государственному секретарю, Лондон, 27 мая 1940 г. На протяжении самого тяжелого для Англии времени — лета 1940 г. — Кеннеди неизменно распространял пораженческие настроения, предсказывая победу Германии. Больше того, посол США убеждал английских политических деятелей в том, что это мнение разделяется всеми американцами. Невиль Чемберлен записывал в своем дневнике 1 июля 1940 г.: «Видел Джо Кеннеди, который сказал, что в США каждый думает, что мы будем разбиты еще до конца месяца. Ни один из американских журналистов, из тех, кто был в Бельгии, Голландии или Франции, не верит, что мы можем выстоять под бомбовыми ударами с воздуха» (Lain M a s l e o d. Op. cit., p. 280).

вступлении в войну в том случае, если предварительно подготовленный план мира натолкнется на отказ Германии. Кирк призывал США взять дело в свои руки и «разумно удовлетворить» германские претензии. Кирк полагал, что теперь перед Соединенными Штатами возникла такая дилемма: либо победит Германия и для США тогда «не будет места в мире», либо Германия проиграет войну, но тогда это приведет не только к миру, но и к всеобщей революции, которая может сокрушить социальную и политическую систему, на которой «основана наша жизнь»¹⁴⁸. Было ясно, что Кирк поет с чужого голоса. Вот почему ответом был его вызов на следующий день в Вашингтон¹⁴⁹.

15 июня Черчилль вновь обращается к Рузвельту с посланием, в котором поддерживает просьбу Рейно о немедленном объявлении Соединенными Штатами войны Германии. Черчилль пытается воздействовать на президента, рисуя ему трагическую картину положения Англии после капитуляции Франции, когда на смену его правительству придет прогерманское, которое заключит с Германией мир. Какая участь постигнет тогда английский флот? Судьба его может оказать решающее влияние на судьбу США. Кончается послание просьбой поскорее прислать обещанные эсминцы¹⁵⁰.

Последняя карта, казалось, была разыграна. Английскому правительству ничего как будто не оставалось, как согласиться с намерением французского правительства запросить германское командование об условиях перемирия. 14 июня немецкие войска вошли в оставленный по приказу Вейгана Париж. Французское правительство, продолжая бегство на юг, очутилось в Бордо. В этот же день английское правительство отдало приказ об эвакуации находившихся еще во Франции английских войск под командованием Алана Брука. К 14 августа было эвакуировано 144 тыс. английских солдат и офицеров и 47 тыс. союзных войск¹⁵¹.

---

¹⁴⁸ FR, 1940, vol. I, p. 235—237. Филлипс — государственному секретарю, Рим, 28 мая 1940 г.

¹⁴⁹ Ibid., p. 237. Хэлл — Филлипсу, Вашингтон, 29 мая 1940 г.

¹⁵⁰ Ibid., vol. III, p. 53—55. Кеннеди — государственному секретарю, Лондон, 15 июня 1940 г.

¹⁵¹ L. F. Ellis. Op. cit., p. 305.

Английский премьер и разделявший его точку зрения весь военный кабинет, разумеется, заблаговременно обсудили вопрос, что предстоит сделать, если не удастся помешать выходу Франции из войны и заключению ею сепаратного мира с Германией. Больше всего тревожила судьба французского флота, переход его в руки Германии грозил Англии значительным ослаблением ее военно-морского преимущества, мог привести к краху экономической блокады Германии, к невозможности обеспечить безопасность судов, доставляющих из США и имперских стран продовольствие, сырье, оружие, и к смертельной угрозе имперским коммуникациям и базам.

Еще 11 июня начальники штабов представили доклад, в котором, в частности, указывалось:

«Мы не можем допустить, чтобы французские суда и подводные лодки объединились с германскими и итальянскими военно-морскими силами. Поэтому нам представляется, что мы имеем перед собою только две альтернативы: а) попытаться убедить командиров как можно большего числа французских судов присоединиться к нашему собственному флоту... б) в противном случае — заставить французов потопить весь свой флот»¹⁵².

Вот почему английское правительство, соглашаясь на запрос Францией условий перемирия, поставило категорическим условием, чтобы французский флот не был передан Германии.

16 июня Черчилль направил Кемпбеллу послание для передачи Рейно. Оно было предварительно одобрено кабинетом. Было решено, что для выигрыша времени нужно согласиться на запрос французским правительством германского командования об условиях перемирия при непременном условии, что французский флот выйдет в английские гавани¹⁵³.

Думал ли Черчилль о том, что согласие Англии на начало франко-германских переговоров усилит группу пораженцев во французском правительстве, которые только и ждали возможности начать переговоры с Германией, или нет, трудно сказать. Однако объективно согласие английского правительства отдавало в руки Петена и

---

¹⁵² J. R. M. Butler. Op. cit., p. 218.

¹⁵³ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II; p. 183; Ed. Spears. Op. cit., vol. II, p. 282.

поддерживавшей его группы ключи от власти. К этому остается лишь добавить, что Поль Рейно, который ввел Петена в правительство, очевидно, рассчитывал прикрыть его авторитетом свою собственную склонность к капитуляции.

Французское правительство согласилось, что французские военные корабли либо присоединятся к английским, либо будут потоплены, но лишь в том случае, если Германия потребует их сдачи. Командующий французским флотом адмирал Дарлан, один из главных инициаторов капитуляции, отдал флоту приказ, в случае опасности захвата французских кораблей немцами, уйти в США или потопить их ¹⁵⁴.

Английское правительство ничего не знало о приказе Дарлана. Поэтому вопрос о судьбе французского флота продолжал стоять в повестке дня как дело первостепенной важности. Поддерживая Англию, правительство США 17 июня послало французскому правительству ноту, настаивая на том, чтобы французский флот не попал в руки гитлеровской Германии ¹⁵⁵.

Через несколько часов после отправки этого послания английский кабинет одобрил новое предложение французскому правительству, которое аннулировало согласие на переговоры. Английскому послу Кемпбеллу было предложено приостановить передачу ответа от 16 июня. Следует полагать, что в Лондоне поняли ошибочность сделанного шага, который противоречил основной цели — заставить Францию продолжить борьбу. Ведь оставался флот, оставалась колониальная империя, Алжир, куда могло отправиться французское правительство, чтобы от туда вести войну. В Лондоне знали, что во французском правительстве есть министры, которые стоят именно на такой точке зрения, например, Мандель ¹⁵⁶. Поэтому целесообразно было оказать поддержку именно им. Таким образом, автоматически решался вопрос и о судьбе французского флота.

В середине дня английский кабинет одобрил предложение о неразрывном союзе между Великобританией

---

¹⁵⁴ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 224—225.

¹⁵⁵ FR, 1940, vol. II, p. 456.

¹⁵⁶ Мандель бежал в Алжир, но был схвачен, передан немцам и расстрелян.

и Францией¹⁵⁷. Англия предлагала немедленно создать двуединое государство с общим правительством и парламентом. Граждане этого государства являлись бы одновременно подданными Англии и Франции. Английский премьер собирался вылететь во Францию для переговоров по этому вопросу. Но от английского посла Рональда Кемпбелла прибыла телеграмма о правительственном кризисе во Франции, и поездка была отменена¹⁵⁸. На заседании французского правительства английское предложение было отклонено¹⁵⁹. План Англии заставить Францию продолжать борьбу и гарантировать тем самым сохранение французского флота на стороне союзников потерпел крушение. Причиной этого были не только перевес в пользу капитулянтов во французском правительстве, но и широко распространившееся в военных и политических кругах убеждение, что германской мощи ничто не может противостоять, и капитуляция Англии, как заявил Дарлан Буллиту, вопрос ближайших недель¹⁶⁰.

Отклонение предложения Англии свидетельствовало также об антианглийской политике нового правительства Франции. Вейган и Лаваль открыто заявляли, что обязательство Франции по договору от 28 марта 1940 г. не играют существенной роли. Петен указывал, что эти обязательства потеряли свою силу, так как Англия не оказала Франции достаточной помощи, и Франция не должна обрекать себя по милости Англии на полное уничтожение¹⁶¹. Как известно, еще на заседании 25 мая президент Лебрен поддерживал отказ Франции от англо-французского союза.

Для пораженцев продолжение войны, которая неизбежно должна была вылиться в войну партизанскую, означало чуть ли не коммунистическую революцию. Ведь партизанская война — это вооружение народа, Народный фронт, которого так боялись и который так ненавидели

---

¹⁵⁷ Предложение о двуедином союзе было составлено при консультации де Голля и французского посла в Лондоне Корбена. (E. L. Woodward. Op. cit., p. 67).

¹⁵⁸ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 186; Paul Reynaud. Op. cit., vol. II, p. 350—351.

¹⁵⁹ Paul Reynaud. Op. cit., vol. II, p. 356—357.

¹⁶⁰ William L. Langer. Our Vichy Gamble. New York, 1947, p. 63.

¹⁶¹ Ibidem.

капитулянты. Наступил момент, когда можно было разделиться при помощи Гитлера с республиканским строем, задавить демократические организации и прежде всего коммунистов, установить во Франции тоталитарную форму власти, раз и навсегда покончить с «кошмаром Народного фронта» и одновременно взвалить вину за поражение на «коммунистов, масонов и евреев» (обычная черносотенная формула фашиствующих элементов во Франции). Настал час Петена. По его требованию Рейно ушел в отставку, и восьмидесятилетний старец образовал новое правительство, которое немедленно обратилось к немецкому командованию с просьбой начать переговоры о перемирии¹⁶². Первое обращение правительства Петена к народу началось словами: «Мы, Филипп Петен...». Звезда Третьей Республики закатилась.

18 июня Гитлер и Муссолини встретились в Мюнхене, чтобы договориться об условиях перемирия с Францией. Вопрос о судьбе французского флота и здесь играл первостепенную роль. У Гитлера, как явствует из записи конференции в Мюнхене, было опасение, что, если условия перемирия окажутся чересчур жесткими, то французское правительство будет вынуждено отклонить их, уехать в Лондон, увести с собой флот. Поэтому он предлагал не предъявлять Франции условия передачи флота (на чем настаивал Муссолини), а удовлетвориться его нейтрализацией и разоружением¹⁶³. Кроме того, Гитлер, который в то время уже был поглощен мыслями о войне против Советского Союза, хотел попытаться заключить мир с Англией, который развязал бы ему руки на Востоке. Он полагал, что, не ставя Франции чересчур жестких условий, удастся скорее добиться мира с Англией, ибо позиции сторонников ведения войны «до конца» против Германии будут ослаблены.

Вот почему в соглашении о перемирии между Германией и Францией в ст. 8 указывалось, что французский флот подлежит разоружению, а его личный состав — демобилизации¹⁶⁴.

Перемирие было подписано в Компьенском лесу, в вагоне, в котором некогда маршал Фош продиктовал усло-

¹⁶² Paul Reynaud. Op. cit., vol. II, p. 367.

¹⁶³ DGFP, vol. IX, № 479, p. 608—610.

¹⁶⁴ Paul Reynaud. Op. cit., vol. II, p. 392.

вия побежденной Германии. Перемирие 22 июня 1940 г. явилось концом англо-французского союза.

Заканчивая эту главу, остановимся на судьбе французского флота, пропуская при этом некоторые подробности англо-французских переговоров 19—23 июня 1940 года¹⁶⁵. Английское правительство, не доверяя правительству Петена, с одной стороны, и гитлеровцам— с другой, приняло решение захватить французский флот. 3 июля англичане напали на французские военные суда в Мерс-эль-Кебире (Оран) в Александрии, в Дакаре и в Касабланке.

В тот же день все французские суда, находившиеся в Портсмуте и Плимуте, были взяты под английский контроль. В Мерс-эль-Кебире были выведены из строя три линкора и крупный эсминец. Линкору «Страсбург» удалось уйти в Тулон. В Александрии английское командование договорилось с французским о немедленной демилитаризации французских судов. В Дакаре 8 июля был выведен из строя линкор «Ришелье», а в Касабланке «Жан Барт»¹⁶⁶.

Во время операции по захвату французских судов бывшие союзники яростно сражались друг против друга, пролилась кровь, были убитые и раненые.

С точки зрения стратегической, вывод из строя французского флота, даже если акция была основана лишь на предположении, что этот флот мог быть использован гитлеровцами против Англии, было правильным решением. Но в политическом отношении он нанес Англии большой ущерб: обострились отношения между англичанами и французами, возродилась традиционная вражда,

---

¹⁶⁵ Ibid., p. 395—397. 17 июня Петен заверил английского посла Кемпбелла в том, что флот не будет сдан Германии. В Бордо прибыли для переговоров о судьбе флота морской министр Александер, адмирал Паунд и министр колоний лорд Ллойд. 21 июня Кемпбелл передал Петену предложение английского правительства о переезде французского правительства в колонии. За четыре дня до того Форин оффис через английских консулов во французских колониях передал французским колониальным властям предложение о сотрудничестве против Германии в случае капитуляции французского правительства. Но ответ был уклончивым. Переговоры английских министров в Бордо, а также переговоры Кемпбелла с Бодуэном закончились новыми заверениями о непередаче флота немцам. (E. L. Woodward. Op. cit., p. 70—75).

¹⁶⁶ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 224—225.

усилились антианглийские круги в Соединенных Штатах Америки и в нейтральных странах. Даже крупнейшие английские адмиралы, принимавшие участие в операции—Кэннингхэм, Норт, Сомервил, считали ее «ошибкой, достойной сожаления»¹⁶⁷. В конечном итоге, то была демонстрация готовности Англии к продолжению войны¹⁶⁸.

---

¹⁶⁷ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 227.

¹⁶⁸ Черчилль пишет в своих мемуарах: «После Орана всем странам стало ясно, что английское правительство и нация полны решимости сражаться до последнего» (W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 226).

Батлер замечает со своей стороны: «Бомбардировка 3 июля начертала линию крови между петеновской Францией и Англией; она также провела демаркационную линию между новым духом британского народа и настроениями странной войны» (J. R. M. Butler. Op. cit., p. 227).

Г л а в а с е д ь м я я

ПОД УГРОЗОЙ ВТОРЖЕНИЯ

На второй день немецкого наступления на Западном фронте на совместном совещании военного министерства и министерства внутренней безопасности были обсуждены меры, которые следовало принять в случае высадки немецких парашютистов ¹.

В последующие два дня после совещания с военными руководителями Иден, сменивший Стэнли на посту военного министра, выступил с призывами о создании добровольческих отрядов местной самообороны ². К 20 мая таких добровольцев насчитывалось уже около 250 тыс., а к концу месяца — 300 тыс. ³

21 мая состоялось первое заседание «Рабочего подкомитета по предотвращению вторжения», позднее переименованного в «Объединенный комитет расследования» ⁴. 22 мая парламент вотировал Акт о чрезвычайных полномочиях правительству, которому предоставлялось право распоряжаться имуществом и жизнью каждого подданного Великобритании ⁵. Одновременно были арестованы некоторые лица, подозреваемые в симпатиях к гитлеровской Германии, и интернировано значительное число

---

¹ Peter Fleming. Invasion 1940. London, 1957, p. 61.

² W. S. Churchill. The Second World War, vol. II. London, 1949, p. 48—49.

³ Basil Collier. The Defence of the United Kingdom. London, 1957, p. 107.

⁴ Peter Fleming. Op. cit., p. 61.

⁵ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 361, col. 185.

иностранных подданных, главным образом выходцев из Германии и Австрии.

После вторжения Германии в Скандинавию в Англии началась кампания за пресечение деятельности профашистских и прогерманских организаций. Попытки реакционных элементов направить эту кампанию против коммунистов не имели успеха среди английской общественности.

14 апреля к министру внутренних дел и внутренней безопасности Андерсону явилась парламентская делегация, потребовавшая, чтобы были приняты чрезвычайные меры против антивоенной пропаганды. 9 мая были одобрены дополнения к чрезвычайным правилам о пропаганде. После 10 мая кампания за пресечение деятельности английских фашистов приняла еще большие размеры. Дело дошло до того, что даже король Георг VI убеждал Андерсона принять меры против фашистов⁶.

19 мая Мосли организовал в Мидлтоне фашистский митинг, который был разогнан жителями. В тот же день были арестованы Мосли и еще 35 фашистских главарей, а спустя неделю еще 346 английских фашистов, в том числе глава «Клуба правых» капитан Рамсей и глава «Линка» Берри Домвилл⁷. 22 мая было издано распоряжение, предоставляющее министру внутренних дел право интернировать лиц, в отношении которых имеются данные, что они члены организаций, симпатизирующих врагу. Всего было интернировано 1200 человек. Среди них было два двоюродных брата премьер-министра. Вместе с тем была оставлена на свободе и спокойно прожила всю войну в своем поместье известная английская нацистка и приятельница Гитлера — лэди Мильфорд.

В связи с действиями немецких парашютных десантов в Голландии повсеместно распространялись слухи о немецких парашютистах, якобы сброшенных над Англией. Широкие размеры приобрела шпиономания. Находились даже «очевидцы», которые «собственными глазами» видели немецких «парашютистов» или «тайных агентов», высаживаемых ночью подводной лодкой на английское побережье.

---

⁶ John W. Wheeler-Bennet. John Anderson Viscount Waverley. London, 1962, p. 243—244.

⁷ Ibid., p. 245. Мосли был освобожден в 1943 г., а Рамсей в 1944 г. и на следующий день как ни в чем не бывало появился в парламенте.

Опасались вторжения. В то время даже штаб авиации считал, что в случае поражения Франции будет достаточно нападения 5 тыс. парашютистов на семь важнейших аэродромов на юго-востоке Англии, чтобы временно парализовать ПВО. Расчеты штаба доказывали, что этих парашютистов будет достаточно, чтобы указать дорогу немецким бомбардировщикам и проложить путь десанту в 20 тыс. человек ⁸.

Правительство полагало, что вторжению может помешать английская истребительная авиация. Производство истребителей, благодаря принятым мерам и энергии министра авиационной промышленности Бивербрука, повышалось из месяца в месяц, превосходя ранее намеченные планы ⁹. По-прежнему более или менее благополучно обстояло дело с военно-морскими силами, которые были способны не только защищать английское побережье, но и наносить удары по базам и портам противника. Но именно этого-то они пока и не делали. Плохо обстояло дело с наземными войсками. Помимо 300 тыс. необученных волонтеров отрядов самообороны — ополчений, под началом командующего войсками Англии на острове находилось 15 пехотных дивизий и 1 моторизованная. В этих соединениях насчитывалась лишь половина личного состава (по штатному расписанию английская дивизия должна была насчитывать 15 500 человек). Каждая дивизия имела тогда на вооружении всего шесть полевых орудий и орудий ПТО устаревших образцов. Не хватало винтовок, почти не было пулеметов. Во всей Англии насчитывалось всего 963 танка и броневика всевозможных типов ¹⁰. Разумеется, не было и оборонительных рубежей. Да и кто мог предполагать до второй мировой войны, что Британские острова подвергнутся опасности вторжения?

На самом же деле, как выяснилось позднее, наибольшая опасность вторжения существовала лишь в течение короткого отрезка времени непосредственно после Дюнкерка. Однако стратегия и политика Англии исходили из такой предпосылки, и, следовательно, историку также необходимо иметь это в виду при оценке английской политики того времени.

⁸ Basil Collier. Op. cit., p. 123.

⁹ В мае было произведено 325 истребителей вместо 261, в июне 446 вместо 292 и т. д. (ibid., p. 121).

¹⁰ Ibid., p. 124.

Вскоре после того, как первая тревога относительно вторжения улеглась, штабы пришли к более правильному и реальному выводу о положении Англии. Вывод этот заключался в том, что вторжение в Англию гитлеровцы могут осуществить лишь при условии предварительного уничтожения английской истребительной авиации. Отсюда вытекали конкретные предложения, реализация которых должна была привести к усилению авиационной мощи Англии в самые короткие сроки.

Было начато строительство оборонительных рубежей. Помимо армии созданием преград для противника занималось к концу июня 150 тыс. гражданского населения. Британский премьер-министр, учитывая, что обученных и вооруженных солдат, способных противостоять вторжению, недостаточно, предложил создать подвижные войсковые группы с таким расчетом, чтобы в случае надобности иметь возможность сосредоточить в угрожаемом пункте 10 тыс. в течение шести часов. Командующий внутренней обороной Айронсайд, который не верил в возможность создания подобных мобильных войск, был 20 июля заменен генералом Аланом Бруком, будущим начальником генерального штаба и фельдмаршалом¹¹.

После подписания франко-германского перемирия положение Англии серьезно ухудшилось. Значительная часть европейского континента от р. Нарева и до Пиренейского хребта, от Ледовитого океана и до Альп, оказалась в руках гитлеровской Германии. Польша, Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия, Франция были захвачены немецко-фашистскими оккупантами. На стороне Германии выступила фашистская Италия. Двусмысленно держала себя Испания. Опасность распространения войны нависла над Балканами, Ближним Востоком и Африкой.

Но Англия была не одна. На стороне Англии находились все страны Британского Содружества, а именно Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, из которых первые три доминиона уже на первом этапе войны оказывали Англии поддержку военной силой, а ЮАС охранял английские стратегические и колониальные интересы в Юго-Западной Африке. Соединенные Штаты, не находясь в то время в состоянии войны, оказывали Англии значительную материальную, политическую

---

¹¹ Basil Collier. Op. cit., p. 143.

и дипломатическую поддержку. Кроме того, они сдерживали на Дальнем Востоке Японию, что позволило Англии сосредоточить свои усилия на других театрах военных действий. Часть германских сил была прикована к границам Советского Союза. Наконец, на стороне Англии было сочувствие антифашистских сил во всем мире.

18 июня 1940 г., выступая в палате общин, британский премьер предостерегающе заявил: «Вся ярость и мощь врага должны очень скоро обратиться против нас»¹².

В Англии ожидали интенсивных налетов вражеской авиации как прелюдии к вторжению.

Планы вторжения в Англию начали обсуждаться германским командованием в конце ноября 1939 г. До того времени верховное командование германских вооруженных сил не придавало серьезного значения возможности высадки в Англии. Англия должна была быть поставлена на колени иными способами¹³.

15 ноября 1939 г. главнокомандующий германскими военно-морскими силами гросс-адмирал Редер отдал приказ исследовать возможности вторжения в Англию при некоторых благоприятных условиях¹⁴. Аналогичный приказ был отдан и главнокомандующим сухопутными войсками Браухичем 13 декабря 1939 г.¹⁵ Не останавливаясь на подробностях обсуждения и разработки планов вторжения, отметим лишь, что подготовка планов стала приобретать практическое значение лишь после поражения Франции.

С начала июня разрабатываются планы реорганизации вооруженных сил после победы над Францией. Предусматривалось увеличение численного состава и материальной базы авиации и флота, имея в виду продолжение войны против Англии¹⁶.

Примерно с этого же времени четко наметилось и новое направление в планах Гитлера: попытаться заключить

---

¹² «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 362, col. 60.

¹³ Ronald Wheatley. Operation Sea Lion. Oxford, 1958, p. 1—4.

¹⁴ Ibid., p. 4—7; Walter Ansel. Hitler confronts England. Durham, 1960, p. 47.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Walter Ansel. Op. cit., p. 98; Дневник Гальдера, 7.VI 1940.

временный мир с Англией и немедленно после этого повернуть против Советского Союза. Важно отметить, что в германской армии отсутствовало долгосрочное планирование. Не было долговременных планов и у политического руководства или, вернее, они выражались в самой общей форме. Важнейший метод гитлеровской политики заключался в том, чтобы стараться извлечь как можно большую выгоду из данной, конкретной ситуации. Поражение Франции и, как казалось Гитлеру, безвыходное положение Англии давали основание надеяться на заключение мира с ней, не прибегая к вторжению. В то же время отданная ранее директива о подготовке планов вторжения продолжала уже автоматически двигаться по инстанциям и приводить в движение все механизмы штабного аппарата. Таким образом, планы вторжения в Англию разрабатывались параллельно попыткам Гитлера заключить мир с Англией или, как было бы более правильно сказать, принудить Англию к капитуляции средствами политики. В условиях сложившейся ситуации любой мир с Германией был бы для Англии равносильен капитуляции.

27 мая 1940 г. начальник оперативного отдела германского морского штаба адмирал Фрике представил меморандум, в котором были изложены два варианта вторжения в Англию. В обоих вариантах значительная роль отводилась авиации и военно-морскому флоту¹⁷. Спустя четыре дня началась предварительная подготовка к вторжению: сбор плавучих средств, артиллерийская пристрелка через Дуврский пролив; позднее начались тренировки войск по высадке десантов¹⁸.

К концу июня Гитлер с неохотой отказывается от мысли заключить мир с Англией¹⁹. А после событий в Мерс-

---

¹⁷ Ronald Wheatley. Op. cit., p. 19.

¹⁸ Ibid., p. 21—22.

¹⁹ Гальдер в записи от 30 июня 1940 г. следующим образом резюмирует свою беседу со статс-секретарем германского МИДа Вейцзекером в Берлине: «Мы можем успехи этой кампании закрепить только средствами, которыми они были завоеваны, т. е. военной силой».

а) Для устройства мира еще нет никаких реальных предпосылок.

б) Взоры обращены на Восток.

в) Англия нуждается, по всей вероятности, еще в одном доказательстве нашей военной мощи, прежде чем она уступит и даст нам тем самым возможность устремиться на Восток, не беспокоясь за тыл» (Дневник Гальдера, 30.VI 1940).

эль-Кебире,²⁰ т. е. после нападения англичан на французский флот, и вовсе надолго отказывается от этой мысли. Появилась, однако, новая характерная черта — теперь одновременно планируются две операции — против Англии и против СССР²⁰.

11 июля Редер доложил Гитлеру предварительное мнение морского штаба относительно вторжения в Англию: вторжение должно рассматриваться как последнее средство принудить Англию к миру²¹. Параллельно начальник оперативного отдела ОКВ Йодль представил одобренный главнокомандующим вооруженными силами Кейтелем «Первые мысли о высадке в Англии»²². Через несколько дней, 16 июля, была подписана директива № 16 «О ведении войны против Англии», в которой впервые было дано кодовое наименование вторжению «Seelöwe» («Морской лев»). В директиве, в частности, говорилось: «Так как Англия, несмотря на ее безнадежное военное положение, еще не показывает признаков готовности согласиться на мир, я решил подготовить, а если будет необходимо и провести, десантную операцию против нее.

Цель этой операции — элиминировать Великобританию как базу, с которой может продолжаться война против Германии и, если это будет необходимым, полностью оккупировать страну»²³.

Таким образом, теперь речь шла уже и о захвате Англии. Важно отметить, что, начиная с этого времени, надлежащим учреждениям поручается обдумать меры, которые надо будет предпринять после оккупации Англии. С присущей немцам методичностью начали подготавливаться и эти предложения.

Теперь необходимо вернуться к одному из важнейших вопросов рассматриваемой проблемы: Англия и Советский Союз.

Гитлеру была ясна взаимозависимость этих двух государств. Существует достаточно документов, материалов,

---

²⁰ В дневнике Гальдера от 3 июля говорится: «В настоящее время на первом плане стоят английская проблема, которую следует разрабатывать отдельно, и восточная проблема». (Дневник Гальдера, 3. VII 1940). В соответствии с этим в ОКВ были созданы две подсекции оперативного отдела, которые занимались разработкой операций против Англии и против СССР.

²¹ Ronald Wheatley. Op. cit., p. 34.

²² IMT, vol. XXVIII, Doc. 1781 — PS.

²³ DGFP, vol. X, № 177, p. 226—229.

высказываний, чтобы судить об этом и сделать окончательные выводы, от которых буржуазные историки до сих пор предпочитают уклоняться.

Известно, и здесь нет необходимости вновь доказывать, что гитлеровская Германия больше всего боялась войны на два фронта. Такой войны выдержать она не могла. Отсюда стремление бить своих противников поодиночке и вся концепция молниеносной войны.

Империалистические правительства Англии и Франции, сорвав заключение тройственного пакта с участием СССР, оказали гитлеровской Германии огромную помощь: ей удалось с самого начала избежать войны на два фронта. Советский Союз занял позицию нейтралитета в отношении воюющих государств. В то же время СССР проводил мероприятия по укреплению собственной безопасности и созданию возможно более благоприятных условий на своих границах для отражения нападения империалистических государств, если бы оно последовало.

Приходилось опасаться своего непосредственного соседа — гитлеровской Германии, ибо было бы безграничным легкомыслием полагать, будто она всерьез отказалась от своих планов антисоветской войны.

В 1939—1940 гг. Советский Союз предпринял ряд мер для обеспечения своей безопасности. Можно было сделать еще больше, если бы не помешала близорукость Сталина, совершившего грубые внешнеполитические просчеты, с одной стороны, и ошибки в деле перевооружения Красной Армии — с другой. Кроме того, по приказу Сталина были ликвидированы укрепления на старой государственной границе Советского Союза, в то время, когда новая западная граница не была достаточно укреплена. И все же даже то, что было сделано, правильно расценивалось дальновидными политиками на Западе, в том числе и будущим британским премьером Уинстоном Черчиллем, как меры по созданию Восточного фронта против гитлеровской Германии.

Перспектива советско-английской коалиции страшила нацистскую Германию. Гитлер понимал, что до тех пор, пока существует Советский Союз, Англия имеет большие шансы на победу. С другой стороны, продолжение войны Англией давало возможность Советскому Союзу подготовиться к отражению неминуемого нападения гитлеров-

ской Германии. По логике вещей Англия и Советский Союз нуждались друг в друге, и для каждого из этих государств оказание сопротивления планам (а в 1940 г. это уже были не только планы) захвата нацистами господства над Европой было жизненной необходимостью. Судьба мира была в руках этих двух государств. Таково было веление истории во время второй мировой войны, и оно в конечном счете было понято.

Возможность создания англо-советской коалиции была постоянным кошмаром Гитлера и, можно с уверенностью сказать, со времени кампании во Франции оказывала все возрастающее влияние на военные и политические решения Германии.

Это беспокойство было высказано Гитлером в его выступлении в разгар сражения на Западе 17 мая 1940 г. перед командованием группы армий «А»²⁴. 2 июня в другой речи, произнесенной в том же штабе, в Шарлевилле, Гитлер уже определенно говорит о том, что теперь, когда Англия подготовлена к миру (!), он сведет счеты с большевиками²⁵.

Выше мы уже ссылались на беседу Гальдера с Вейцкером, которая, разумеется, отражала общее настроение германской государственной верхушки в связи с планами ведения войны против СССР.

Продолжающееся сопротивление Англии Гитлер не без оснований рассматривал, как выражение ее надежд на Советский Союз.

11 июля Гальдер отмечает в дневнике такое высказывание фон Эйтцдорфа — представителя МИДа при ставке, которое, несомненно, отражало мнение его начальников: «Россия и Англия. Обе ищут сближения»²⁶.

Запись в дневнике от 13 июля: «Фюрера больше всего занимает вопрос, почему Англия до сих пор не ищет мира. Он, как и мы, видит причину этого в том, что Англия еще надеется на Россию. Поэтому он считает, что придется силой принудить Англию к миру»²⁷.

22 июля на совещании у Браухича Гитлер снова возвращается к этой теме, отмечая, в частности, как одну из главных причин продолжения Англией войны ее расчеты

---

²⁴ Walter Ansel. Op. cit., p. 71.

²⁵ Ibid., p. 107—108.

²⁶ Дневник Гальдера, 11.VII 1940.

²⁷ Там же, 13.VII 1940.

на Советский Союз. Снова и снова в своей довольно длинной речи он говорит о попытках Англии настроить СССР против Германии, вызвать с помощью России волнения на Балканах. С другой стороны, он утверждает, будто СССР заигрывает с Англией, чтобы заставить ее продолжать войну и тем сковывать Германию. Хотя тут же признает, что «никаких признаков активного выступления России против нас не имеется». И снова «Россия—Англия: обе склонны к сближению. Русские боятся скомпрометировать себя по отношению к нам, они не хотят войны»²⁸. Все эти выступления отражали колебания и сомнения германской правящей верхушки перед принятием решения о нападении на Советский Союз. В то же время это как бы черновые тезисы для ведения пропаганды против СССР, конспект речи Гитлера, которую он произнесет год спустя в Спорт-паласе, чтобы оправдать вероломное нападение на Советский Союз. Еще более определенно высказывается Гитлер на конференции главнокомандующих в Бергофе 31 июля, на котором было принято решение напасть на Советский Союз: «Надеждой Англии являются Россия и Америка. Если надежда на Россию исчезнет, то Америка также отпадет от Англии... Россия является фактором, на который особенно рассчитывает Англия. Если Россия будет разбита, у Англии будет отнята последняя надежда... Вывод: на основании этого рассуждения Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 г.»²⁹.

Одна только мысль о возможности англо-советского сближения заставляла Гитлера колебаться в выполнении плана вторжения в Англию. Поэтому его военным советникам и особенно Редеру, который считал, что попытка высадки десанта может привести к гибели немногочисленного германского флота, удавалось без особого труда убедить его переносить начало десантной операции с одного срока на другой и выставлять различные условия, выполнение которых должно было предшествовать осуществлению вторжения в Англию³⁰. С другой стороны, продолжались поиски иного, невоенного решения английской проблемы.

---

²⁸ Дневник Гальдера, 22.VII 1940.

²⁹ Там же, 31.VII 1940.

³⁰ Ronald Wheatley. Op. cit., p. 45.

29 июля в меморандуме морского штаба указывалось, что операция «Морской лев» назначена на конец сентября, когда условия с точки зрения погоды неблагоприятны. Поэтому, если другие военные меры не вынудят Англию прекратить сопротивление, то выполнение плана «Морской лев» лучше отложить до мая 1941 г. или на еще более поздний срок ³¹.

Несмотря на соперничество между морским штабом и штабом сухопутных войск, Браухич и Гальдер заняли не только аналогичную позицию, но и начали обсуждение планов альтернативных операций ³².

На совещании 31 июля одновременно с решением о нападении на Советский Союз был утвержден и план «Морской лев». Операция вторжения была назначена на 15 сентября 1940 г. Однако из выступления Гитлера по поводу принятия плана вытекало, что предварительным условием вторжения является сокрушение английской авиации. Но «если результаты воздушной войны будут неудовлетворительны, то подготовка будет задержана» ³³. Энзел, детально анализируя ход конференции главнокомандующих в Бергофе, приходит к выводу, что эта конференция фактически была концом «Морского льва», так как главный интерес переместился уже на подготовку нападения на СССР ³⁴.

Весьма вероятно, что Энзел прав. Вместо варианта «Англия, затем СССР» на первый план выступил другой вариант — «сначала СССР, потом Англия». Но решение в Бергофе вовсе не означало аннулирования плана вторжения. Подготовка к нему продолжалась: в устья Шельды и Мозеля потянулись караваны барж, лодок, катеров. В укрытых гаванях во Франции, Голландии и Бельгии английская воздушная разведка засекала невиданное скопление судов. Германские части вторжения под командованием генерала Рейнгардта проходили усиленную

---

³¹ Ibid., p. 45—46.

³² В записи Гальдера от 30 июля 1940 г. говорится: «Если этой осенью не рассчитывают достигнуть решающего успеха против Англии путем десанта на островах, нам остается: 1) нападение на Гибралтар (с суши через Испанию); 2) поддержка итальянцев в Северной Африке танковыми соединениями (Египет); 3) наступление на англичан в районе Хайфа; 4) наступление на Суэцкий канал» (Дневник Гальдера, 30.VII 1940).

³³ Дневник Гальдера, 31.VII 1940.

³⁴ Walter Ansel. Op. cit., p. 189.

тренировку десантов по высадке вдоль побережья. При благоприятных условиях план «Морской лев» был бы приведен в исполнение.

1 августа Гитлер издал директиву № 17, в которой приказывал военно-воздушным силам «уничтожить английскую авиацию возможно скорее». Цель — «окончательное завоевание Англии»³⁵. Срок начала воздушных операций против Англии был назначен на 5 августа 1940 г. Командованию авиацией было, однако, оставлено право изменить эту дату в зависимости от условий погоды или других обстоятельств. Одновременно был отдан приказ по армии — полностью закончить приготовления к вторжению к середине сентября. Вторжение должно было осуществляться четырьмя волнами.

Приготовления к вторжению интенсивно продолжались в течение всего августа. Были определены пункты погрузки и высадки, составлены подробные карты, инструкции, напечатаны разговорники и т. п.

Налеты германской авиации на Англию, главным образом на порты и суда, начались с 10 июля. В ходе боев было сбито 286 германских самолетов, англичане потеряли 150 истребителей³⁶.

Но настоящее воздушное наступление началось 13 августа в широко разрекламированный Герингом «Орлиный день». В этот день предполагалось нанести сокрушающий удар по Англии.

Германские бомбы обрушились на аэродромы и другие цели в южной и юго-восточной Англии. Германская авиация совершила 1485 самолето-вылетов. Интенсивные налеты на английские аэродромы продолжались вплоть до 23 августа. Люфтваффе потеряла 290 самолетов, английская авиация — 114 истребителей³⁷. На этом закончилась первая фаза германского воздушного наступления. Итоги ее были для гитлеровцев малоутешительными. Им не удалось уничтожить английскую авиацию на аэродромах. В Англии же выявилась острая не-

---

³⁵ DGFP, vol. X, № 270, p. 390—391.

³⁶ Все сведения о потерях авиации Англии и Германии приводятся по официальным английским данным, опубликованным в приложениях к книге Колльера (Basil Collier. Op. cit., Appendix X, p. 450—451).

³⁷ Basil Collier Op. cit., Appendix XIII, p. 456—457.

хватка истребителей и летного персонала, значительные потери которого не восполнялись достаточно быстро.

Вторая фаза германского наступления продолжалась с 24 августа по 6 сентября. Были совершены атаки на английские города Рамсгейт, Мэнстон, Портсмут, Хорнчарч, Бирмингем, Плимут, Рошфорл, Биркенхед, Тьюлбери, Сванси, Бристоль, Лондон и многие другие. За этот короткий период немецкая авиация совершила около 14 тысяч самолето-вылетов и потеряла 380 самолетов, английская авиация потеряла 286 истребителей³⁸. Третья, последняя, фаза началась 7 сентября и закончилась 31 октября 1940 г. Атаки германских самолетов были направлены главным образом против крупных городов, и в первую очередь против Лондона. Цель этих непрекращавшихся ни днем, ни ночью бомбежек заключалась в том, чтобы терроризировать мирное население, сломить его моральный дух и создать психологический перелом в сторону переговоров с Германией, а следовательно и капитуляции. Наиболее интенсивным был налет на Лондон 7 сентября, в котором приняли участие 300 бомбардировщиков. В городе, особенно в районе доков, возникли большие пожары. В последующие недели Лондон подвергался систематическим бомбежкам. Германская авиация сбрасывала значительное количество бомб на Саутгемптон, Портленд, Плимут. Усилились налеты германской авиации на авиационные заводы.

В третьей фазе воздушного наступления фашисты потеряли 433 самолета, английская истребительная авиация — 242 самолета³⁹.

Третья фаза была характерна переходом немецкой авиации к практике ночных бомбежек. Германское воздушное наступление показало, что гитлеровцы не достигли своей цели — уничтожения истребительной авиации Англии. Следовательно, предварительное условие проведения операции вторжения на Британские острова соблюдено не было.

В общей сложности за время воздушного наступления на Англию, с 10 июля по 31 октября 1940 г., германская авиация потеряла 1103 самолета, а английская — 642 истребителя.

---

³⁸ Ibid., Appendix XIV, p. 458—460.

³⁹ Ibid., Appendix XXIV, p. 491—492.

Черчилль ⁴⁰ в своих мемуарах приводит несколько иначе данные (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Английские потери		Германские потери (по не- мецким архив- ным данным)	Английские предположе- ния о немецких потерях
Июль (с 10-го) .	58	164	203
Август	360	662	1133
Сентябрь . . .	361	582	1108
Октябрь	136	325	254
И т о г о	915	1733	2698

Таким образом, немецкие потери за время воздушного наступления Германии против Англии были в два раза больше английских, а по английским предположениям—почти в три раза. Попытка германской авиации достичь превосходства была сорвана не только действиями английской авиации, но и огромными достижениями английской авиационной промышленности, непрерывно наращивавшей темпы производства.

Между 17 мая и 1 июня 1940 г., во время операций во Фландрии и во Франции, английская авиация потеряла 458 самолетов — значительно больше того, что могла восполнить авиапромышленность. С апреля по сентябрь 1940 г. производство самолетов, главным образом истребителей, возросло с 256 до 467 ежемесячно ⁴¹.

Таким образом, в период германского воздушного наступления английская авиапромышленность могла с лихвой компенсировать потери. Значение, которое придавало правительство авиационному производству, было продемонстрировано введением Бивербрука в военный кабинет 2 августа 1940 г.

Выдающуюся роль в отражении налетов немецкой авиации сыграла система противовоздушной обороны.

⁴⁰ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 299.

⁴¹ M. M. Postan. British War Production. London, 1952, p. 116.

В то время англичане уже располагали радиолокационными установками, что было большим подспорьем в своевременном оповещении и приведении в боевую готовность всех служб обороны страны.

Наконец, неопенимое значение имел моральный фактор — мужественное поведение гражданского населения, высокая сознательность и чувство долга, дисциплинированность и выдержка граждан, самоотверженный труд английского рабочего класса и доблесть английских летчиков ⁴².

Провал немецкого воздушного наступления привел к отсрочке, а затем и к фактической отмене плана «Морской лев». 12 октября план «Морской лев» был перенесен на 1941 г. Но больше к нему не возвращались.

Некоторые историки утверждают, будто Гитлер не собирался вторгаться в Англию, что все предприятие «Морской лев» было блефом от начала и до конца. В этом утверждении есть доля истины: Гитлер не намеревался вторгаться в Англию, не будучи полностью уверен в том, что успех гарантирован. Предварительным условием вторжения было, как мы знаем, воздушное наступление. Но оно не удалось. Были и другие важные факторы, заставлявшие Гитлера колебаться. Подготовка вторжения в Советский Союз с мая 1940 г., после того как определенно обозначилось поражение Франции, была главным стремлением Гитлера. Постепенно подготовка войны против СССР отвлекала все больше внимания, средств и сил.

Следует также иметь в виду, что Гитлер очень надеялся на политические изменения, которые, по его мнению, по мнению его советников и прежде всего Риббентропа, должны были произойти в самой Англии ⁴³. Однако нет никакого сомнения, что если бы были созданы благоприят-

---

⁴² В те дни Кеннеди писал государственному секретарю: «Я придерживаюсь мнения, что, помимо некоторых мер противовоздушной обороны, реальная защита Англии связана с храбростью, а не с оружием» (FR, 1940, vol. III, p. 37, Кеннеди — государственному секретарю, Лондон, 12 июня 1940 г.).

⁴³ Английский историк Уитли напоминает, что в служебных дневниках германского морского штаба тщательно фиксировались сообщения и слухи о якобы имевших место разногласиях между Черчиллем, Чемберленом и Эттли, о телеграмме Виндзора королю с предложением заключить мир, о посещении Ллойд-Джорджем короля и т. п. (Ronald Whately. Op. cit., p. 30).

ные предпосылки для вторжения в Англию, то оно бы произошло, и Англия была бы оккупирована германскими войсками. Доказательством служит не только то обстоятельство, что подготовка к вторжению интенсивно продолжалась вплоть до поздней осени 1940 г., но также и те политические мероприятия, которые разрабатывались в связи с вторжением, и должны были быть проведены немедленно после вступления германских войск на английскую землю. Этот вопрос заслуживает того, чтобы остановиться на нем несколько подробнее.

Колебания Гитлера в связи с подготовкой к реализации плана «Морской лев» были вызваны не только трудностями чисто военного характера, но также и тем, что Гитлер и многие ответственные лица германского правительства, министерства иностранных дел, разведывательных служб надеялись достигнуть важнейшей цели — капитуляции Великобритании политическими средствами, пожалуй, даже правильнее было бы сказать, любыми невоенными средствами.

Такое решение кардинальной проблемы было наиболее желанным для главаря немецких фашистов. Ради этой цели Гитлер был готов использовать любую возможность, опереться на любое течение, организацию или отдельных лиц в Англии, начиная с пацифистов и кончая бывшим английским королем герцогом Виндзорским.

Информация, которую получал Гитлер о положении в Англии (следует тут же сказать, что в большинстве случаев эта информация не отражала реального положения вещей), укрепляла его во мнении, что, в связи с поражением во Франции, в Англии образовалась оппозиция, готовая прийти к «разумному» соглашению с Германией. Германское министерство иностранных дел с жадностью, словно губка, вбирало всякого рода сообщения о признаках готовности Англии к миру, чтобы потом преподнести эту весть «фюреру».

19 июля 1940 г. шведский посланник в Берлине Рихерт сообщил Вейцекеру содержание телеграммы, полученной от его коллеги в Лондоне, из которой вытекало, что авторитетные круги в Лондоне склоняются к миру ⁴⁴.

Сообщение Рихерта весьма заинтересовало Риббентро-

---

⁴⁴ DGFP, vol. IX, № 487, p. 620. Меморандум Вейцекера для министра иностранных дел, Берлин, 19 июля 1940 г.

па. Очевидно, по его поручению Вейцзекер спустя три дня вновь заводит об этом разговор со шведским посланником. Вейцзекер показывает посланнику вырезку с газетным сообщением из Лондона, в котором говорится, будто Ллойд-Джордж должен возглавить правительство для того, чтобы заключить с Германией компромиссный мир. Рихерт высказал сомнение в достоверности сообщения и подчеркнул, что стремление к миру следует искать в нынешнем английском кабинете, а не за его пределами. Он утверждает, что «мирное» направление в кабинете представлено лордом Галифаксом, министром иностранных дел. Шведский посланник в ответ на высказанное статс-секретарем сомнение обещал дать в скором времени более подробную информацию об этом ⁴⁵.

В то время шведское правительство предпринимало шаги, чтобы выяснить возможности заключения мира. Шведский посланник в Москве встречался с английским послом Стаффордом Крипсом и выяснил его мнение о возможности заключения мира. Крипс высказал сомнение. Он считает, что Германия потребует от Англии сдачи флота, а на это ни одно английское правительство не пойдет. Германский посланник в Дублине Гемпел сообщает в Берлин, что, по мнению ирландского министра внутренних дел, предложение о быстром заключении мира «на разумных терпимых условиях» в общем поддерживается Чемберленом, Галифаксом, Хором, Саймоном. С этой точки зрения ирландский министр рассматривает и назначение Хора послом в нейтральную Испанию. В числе сторонников прекращения войны были названы также известные своей промюнхенской деятельностью Асторы, лорд Лондондерри, Хорас Вилсон. Такой же позиции придерживаются Сити и газета «Таймс». «Решающий шаг в направлении мира следует ожидать от правящего класса», — подчеркнул ирландский министр ⁴⁶.

Гитлеровцы ищут различные пути для установления контакта с влиятельными английскими кругами. Небезызвестный гитлеровский эмиссар князь Макс Гогенлоэ в середине июля 1940 г. при посредстве бывшего комиссара

---

⁴⁵ Ibid., № 529, p. 682. Меморандум Вейцзекера, Берлин, 22 июня 1940 г.

⁴⁶ Ibid., № 201, p. 262—263. Гемпел — МИДУ, Дублин, 22 июня 1940 г.

Лиги Наций в Данциге профессора Бурхардта и бывшего швейцарского посланника в Лондоне Паравичини встретился с английским посланником в Берне Келли. Выяснилось, что у Гогенлоэ и Келли имеются в Англии «общие друзья». Кто они? Министр иностранных дел Галифакс, заместитель министра Батлер, Ванситарт. Разговор о возможностях соглашения между Англией и Германией ведется весьма откровенно. После беседы Келли интересовался, можно ли будет вновь установить контакт с Гогенлоэ после возвращения последнего из поездки в Берлин ⁴⁷.

19 июля Гитлер выступил в рейхстаге с давно подготовленной речью, которую он собирался произнести еще 6 июля, но отложил, как предполагали, для того, чтобы дать англичанам время подумать о мире. Гитлер вновь заявил о готовности заключить мир. Ответ английского правительства последовал спустя три дня — 22 июля. Примитивная хитрость Гитлера была разгадана, Галифакс от имени правительства категорически отклонил «мирные» предложения Гитлера. Теперь в Берлине считали, что в настоящий момент с английским правительством говорить не о чем и надо проучить упрямых островитян. Это должна была сделать германская авиация. Вот почему поступило распоряжение Гогенлоэ прекратить переговоры с Келли. «Если англичане желают своего собственного уничтожения, то они его получают», — заканчивал Гевель свое письмо Гогенлоэ ⁴⁸. Спустя несколько месяцев запрещение вести переговоры было снято. Гитлер снова нащупывал возможности соглашения с Англией. Вслед за заявлением Гитлера последовали призывы к мирным переговорам со стороны Швеции, Соединенных Штатов и Ватикана.

«Естественно, — замечает Черчилль, — Гитлер был бы очень рад, после того как он подчинил Европу своей воле, закончить войну получением согласия Англии на все, что он сделал. На самом же деле, то было предложение не мира, а готовности Англии капитулировать во всем, ради чего она вступила в войну» ⁴⁹.

---

⁴⁷ DGFP., vol. X, № 138, p. 245—248. Гогенлоэ — Гевелю, Берлин, 18 июля 1940 г.

⁴⁸ Ibid., № 220, p. 287. Гевель — Гогенлоэ, Берлин, 24 июля 1940 г.

⁴⁹ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 229.

Келли и Гогенлоэ вновь встретились в Берне 5 и 9 декабря 1940 г. Теперь английский дипломат заявил своему немецкому собеседнику, что после июльского разговора он пришел к убеждению, что соглашение между Англией и национал-социалистским режимом не невозможно. Но английское правительство не согласится довольствоваться только словом, нужны гарантии. Гогенлоэ, отлично понимая, о каких гарантиях идет речь, ответил, что вывод германских войск с оккупированных территорий до заключения мира совершенно исключен. Келли промолчал. Вывод, к которому приходит Гогенлоэ после беседы с Келли, не лишен интереса: Келли опасается, что, в результате войны, «зажиточный класс собственников», к которому принадлежит и сам Келли, значительно потеряет «свою внутреннюю политическую силу и экономическую власть», и поэтому предпочитает компромисс с Германией⁵⁰.

Что произойдет в результате разгрома гитлеровской Германии, не придет ли вместе с поражением фашизма и гибель капитализма — вот вопрос, который волнует не одного Келли. Летом и осенью 1940 г. происходят две встречи английского генерального консула в Женеве Ливингстона с немцем Риссертом, во время которых они обсуждают перспективы возможного компромисса между гитлеровской Германией и Англией⁵¹. Бросается в глаза удивительное сходство в рассуждениях Келли и Ливингстона. Очевидно, такая точка зрения на ход событий была широко распространена в определенных кругах английской, да и не только английской, буржуазии.

Послевоенный мир, экономические, политические и прежде всего социальные изменения, которые могли произойти, был одним из центральных вопросов второй мировой войны. Он был главным для крайне правых тори, которые в тяжелые для Англии дни задумывались над тем, не лучше ли сейчас мир с нацистами, чем после их

---

⁵⁰ DGFP, vol. X, p. 248 (примечание).

⁵¹ Ibid., vol. XI, № 622, p. 1046—1049. Немецкий генеральный консул в Женеве Крауэль — МИДУ, Женева, 7 января 1941 г.

Ливингстон был тесно связан с Бурхардтом, считавшим английского генерального консула одним из тех англичан, которым эта война «не правится» (DGFP, vol. XII, № 50, p. 783. Меморандум Альбрехта Гаусгофера «Английские связи и возможность их использования»).

разгрома перспектива революции? Эта проблема была главной и для Уинстона Черчилля, олицетворявшего во время войны британский империализм и колониализм.

Разница между правым крылом и Черчиллем заключалась в том, что последний считал возможным одновременно с разгромом гитлеровской Германии или немедленно после него существенно ослабить, а может быть, и уничтожить зреющие силы социализма в европейских странах. В этом сущность его политики, без ясного понимания которой невозможно понять всю историю зарождения и развития антифашистской коалиции.

На классовых инстинктах английского правящего класса строили свои расчеты Гитлер, Геринг и многие другие главари национал-социалистской Германии. На это рассчитывала и верхушка германских монополистов, одним из представителей которой был Ялмар Шахт. Готовясь к нападению на Советский Союз, гитлеровцы полагали, что страх перед революцией и коммунизмом, ненависть к Советскому Союзу заставят правое крыло английской буржуазии проявить «разумный подход», устранить «поджигателей войны» — Черчилля, Идена, Дафф-Купера, и добиться принятия «почетных и разумных» предложений гитлеровской Германии. Вот почему Гитлер с таким нетерпением и надеждой ожидал сообщения о перевороте, который должен был по логике нацистов произойти в Лондоне. Но во всех этих расчетах было два роковых просчета. Первый, и главный, заключался в том, что английский народ был готов бороться против гитлеризма до окончательной победы. Любовь к родине, ненависть к фашистской диктатуре, преданность демократическим принципам и суровая решимость стоять насмерть, если потребуется, и была той каменной стеной, о которую разбивались замыслы крайних реакционеров и германских фашистов⁵². Второй просчет заключался

---

⁵² В противоположность оптимистической информации, которую получало германское министерство иностранных дел, германский поверенный в делах в Испании Хеберлей сообщал 20 июля 1940 г. со слов испанского посла в Лондоне следующее: момент для мирных переговоров неподходящий. Моральное состояние английского народа более высокое, чем когда-либо, и народ объединен твердой решимостью не идти ни на какой компромисс. Причины: значительное усиление авиации, которое в сочетании с мерами по обороне успокоило народ; надежда на помощь США; патриотические чувства и воинственный дух. Хеберлей закапчивал свое сообще-

в том, что вокруг программы поражения национал-социалистской Германии и отказа от переговоров с фашистской кликой Черчиллю удалось сплотить подавляющую часть английского правящего класса. Он убедил значительную часть буржуазии, что любые соглашения с Германией Гитлера были бы крайне опасными для Англии не только потому, что, как показывал опыт, Гитлеру нельзя доверять, но и потому, что в условиях, когда вся западная часть европейского континента находится под сапогом германской армии, любое соглашение означало бы для Англии ее ослабление и разрушение Британской империи. В то время Германия еще оставалась врагом номер 1.

Речь шла о борьбе Англии за свое существование, за существование Империи, Содружества, колоний. И эта задача была первоочередной. Вот почему реакция британского премьера на зондаж относительно возможностей мира после поражения Франции была негативной. 28 июня 1940 г. Черчилль писал министру иностранных дел: «Надеюсь, Вы дали понять нунцию, что мы не желаем заниматься выяснением условий мира с Гитлером и что всем нашим агентам строго запрещено принимать какие-либо предложения такого рода»⁵³.

Объясняя в своих мемуарах отношение правительства и свое собственное к мирным предложениям Гитлера после поражения Франции, Черчилль отмечает, что их целью было «получение Германией свободы рук на Востоке, о чем Риббентроп говорил со мною в 1937 г.». Бывший британский премьер утверждает, что «никогда мысль об этом не имела места во время заседаний кабинета и не высказывалась на наших наиболее частных совещаниях»⁵⁴.

Хотя Гитлер и заявил после отклонения английским правительством «мирных» предложений, что Англия будет уничтожена, попытки германской стороны установить контакт с английским правительством продолжались.

ние многозначительной фразой: «По мнению испанского посла, не так-то просто будет завоевать Англию» (DGFP, vol. X, № 197, p. 257. Хеберлей — МИДу, Мадрид, 20 июня 1940 г.).

⁵³ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 152.

⁵⁴ Ibid., p. 199.

В тот день, когда Гитлер обращался со сцены Кролл-опера с предложением о мире, в Берлин прибыл руководитель авиакомпания КЛМ, голландский подданный Альберт Плесман. Приехал он по приглашению Геринга. Плесман был принят начальником разведотдела Люфтваффе полковником Шмидом и видным чиновником министерства авиации Беттингером, а затем и «самим рейхсмаршалом». Плесман на принадлежащем его авиакомпании самолете должен был отправиться в Лондон со следующими предложениями: объединение Англии и Германии с возможным участием США «в усилиях по сохранению мира». Предлагался раздел сфер влияния: Англии — ее империя, Германии — европейский континент, США — Латинская Америка, и для всех участников раздела — Африка. Специально указывалось, что Германия не потребует сдачи британского флота. Бывшие германские колонии должны быть возвращены, других колониальных претензий Германия предъявлять не собирается.

Польша и Чехословакия «не будут лишены национального развития», но регулирование его остается за Германией и вмешательство других держав не допускается. Норвегия, Дания, Нидерланды, Бельгия и Франция свободны в выборе государственной организации, но такой, которая обеспечила бы сотрудничество с Германией, а не против нее (!). Германия прекратит оккупацию этих государств и не будет предъявлять им военных требований⁵⁵. Попытка Плесмана передать в Лондон просьбу прислать самолет его компании не удалась, так как в последний момент Форин оффис без объяснения причин отказал в выдаче разрешения на отправку телеграммы об этом через шведское посольство.

12 августа Плесман прилетел в Стокгольм и предложил голландскому посланнику ван Нагелю передать предложения голландскому правительству в Лондоне (ван Клеффенсу). Таким путем предложения попали к Галифаксу. 27 августа Галифакс возвратил бумаги ван Клеффенсу и в тот же день голландский мининдел отправил телеграмму Плесману, в которой сообщал, что вряд ли эти предложения имеют большое значение.

---

⁵⁵ Вся эта история впервые была рассказана Эпзелом в его книге: в 1953 г. он встретился с Плесманом и беседовал с ним (W a l t e r A n s e l. Op. cit., p. 155—157).

В конце августа Плесман вновь встретился с Герингом, который обещал переговорить об этом еще раз с Гитлером. 15 сентября Геринг сообщил Плесману, что он решил отказаться от этого плана.

В октябре 1940 г. германской службе безопасности стало известно, что английский посланник в Швеции Виктор Маллет заявил в узком кругу, будто его правительство было бы, возможно, не прочь выяснить неофициальным порядком, готова ли Германия к мирным переговорам.

Раньше, разъяснял посланник, попытки мирных переговоров не удавались, так как они предпринимались через дипломатов нейтральных стран и получали преждевременную огласку. Для проверки этого сообщения германская служба безопасности направила в Стокгольм своего неофициального агента, некоего Людвиг Вейссауэра. Тот установил, что высказывания Маллета известны финскому посланнику в Лондоне и президенту шведского верховного суда Эксбергу. По просьбе Вейссауэра Эксберг связался с Маллетом, который сообщил шведскому судье, что в английском кабинете мнения по вопросу мирных переговоров разделились. Во всяком случае Черчилль выступает против переговоров.

Маллет, после консультации с Лондоном, получил разрешение установить контакт с Эксбергом, как с частным лицом, для неофициальных переговоров при условии сохранения строгой тайны обеими сторонами. Германская служба безопасности, со слов Вейссауэра, доносила затем, что Черчилль под сильным давлением некоторых членов кабинета якобы соглашался на переговоры при условии, что тем государствам, которые были оккупированы Германией и чья независимость была гарантирована Англией, будут предоставлены некоторые права — например, культурная автономия. В первую очередь речь будто бы шла о Польше. Выяснение намерений Германии в отношении будущего оккупированных стран, согласно заявлению Эксберга, должно было быть начальным пунктом контакта ⁵⁶.

---

⁵⁶ DGFP, vol. XI, № 223, p. 380—382. Начальник полиции безопасности и службы безопасности — МИДу. Для посланника Лютера (подписано бригаденфюрером СС Иостом), Берлин, 23 октября 1940 г.

Далее Эксберг сообщал, будто в колониальном вопросе Англия готова пойти на серьезные уступки — это также относилось к колониям Франции, Бельгии и Голландии. Эксберг передавал, что Черчилль желает такого мира, который бы не был унижительным для Британской империи ⁵⁷.

Немецкая сторона придавала сообщению Вейссауэра большое значение ⁵⁸. Но, спрашивается, как на самом деле относились к переговорам англичане, и прежде всего британский премьер, на которого как будто ссылался Эксберг. Ответ на этот немаловажный вопрос мы находим в донесении германского посланника в Швеции Вида. Вид сообщает, что предложение «высокопоставленного шведского частного лица» — из изложения видно, что речь идет об Эксберге, — организовать на шведской территории встречу германских и английских представителей было передано Маллетом в Лондон. Оттуда он получил следующую телеграфную инструкцию Черчилля: «Германское правительство недавно показало, что цель Германии заключается в уничтожении Англии. Соответственно и подобные переговоры бесполезны» ⁵⁹.

В связи с попытками мирного зондажа в конце 1940 — начале 1941 г. некоторый интерес представляют сообщения германского генерального консула в Женеве Крауэля германскому министерству иностранных дел. В этих донесениях содержатся более достоверные данные об отношении английских руководящих кругов к мирным переговорам с Германией. Так, со слов некоего английского консерватора (имя его не названо), Крауэль сообщал, что Черчилль и значительная часть военного кабинета выступают за продолжение войны. Но некоторые члены военного кабинета «имеют другую точку зрения, хотя вынуждены произносить воинственные речи». Возможно, подразумевался Галифакс, замечает Крауэль. «В настоящий момент, — сообщал далее генконсул, — только несколько крупных английских промышленников

⁵⁷ DGFP, vol. XI, № 223, p. 382.

⁵⁸ Риббентроп после ознакомления с сообщением СД 11 ноября 1940 г. дал директиву Иосту держать его, Риббентропа, в курсе этого дела. Документ Иоста, очевидно, несколько раз рассматривался в высших кругах, так как был передан в архив лишь 25 марта 1941 г. (ibidem).

⁵⁹ DGFP, vol. XI, № 533, p. 931. Вид — МИДу, Стокгольм, 23 декабря 1940 г.

склоняются к компромиссному миру. Они-то и ищут пути для установления связей с влиятельными германскими кругами»⁶⁰. Некоторые английские и международные монополии пытались в самый критический для судьбы страны период договориться со своими германскими конкурентами и партнерами. Например, Долтон рассказывает, что 4 июля 1940 г. к нему явился Д. О. Эванс, член парламента от либеральной партии и директор треста «Интернейшнл никкел», который предложил от лица компании взять концессию близ Петсамо и предоставить немцам до 50% продукции (!). Долтон пишет, что он с негодованием отверг предложение Эванса, заявив ему, что это помощь врагу в производстве вооружения, чтобы «убивать наш собственный народ»⁶¹.

В то время многие политические деятели и дипломаты считали положение Англии безнадежным. Попутно отметим, что объективно известную роль в распространении такого рода настроений и оценок играл сам британский премьер, когда 14 мая заявил послу США Кеннеди, что, если понадобится, то правительство отправится в Канаду и будет продолжать войну оттуда. В этом же письме Черчилль говорит о возможности прихода к власти прогерманского правительства, которое подпишет мир с немцами⁶². Своим заявлением Черчилль хотел, во-первых, убедить Рузвельта, что Англия не собирается капитулировать, а во-вторых, добиться как можно скорее и как можно в большем объеме оказания помощи Англии. В дальнейших обращениях к Рузвельту Черчилль постоянно несколько сгущал краски, полагая, очевидно, что более мрачные перспективы скорее подстегнут президента к действиям. Побочным же результатом тактики Черчилля было распространение слухов о безнадежном положении страны.

20 мая Черчилль еще раз повторяет в письме Рузвельту, что, быть может, в Англии к власти придет другое правительство, которое подпишет мир с немцами⁶³. То же

⁶⁰ Ibid., vol. XI, № 453, p. 791—792. Генеральный консул в Женеве Крауэль — МИДУ, Женева, 5 декабря 1940 г.

⁶¹ Hugh Dalton. The Fateful Years. Memoirs 1931—1945. London, 1957, p. 350.

⁶² FR, 1940, vol. III, p. 30. Кеннеди — госдепартаменту, Лондон, 15 мая 1940 г.

⁶³ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 50—51.

самое заявил английский посол Лотриан Уэллесу 11 июня и повторил Черчилль Рузвельту 15 июня ⁶⁴. Насколько обоснованны были такие опасения? Ответить на этот вопрос не так-то легко. Вряд ли можно принять с полным доверием обращения Черчилля к Рузвельту, в которых он упоминал о такого рода возможностях (на причины мы указываем выше).

Рассмотрим другие материалы, например, донесения посла США в Лондоне Джозефа Кеннеди. Для Кеннеди, занимавшего пораженческую позицию, было характерно исключительно пессимистическое восприятие событий. Однако в его донесениях есть некоторые конкретные указания, мимо которых пройти нельзя.

27 мая Кеннеди сообщает в Вашингтон об очень тяжелом внутреннем положении Англии: «Я понимаю, что телеграмма ужасна, но что можно поделать, если это носится здесь в воздухе. Результатом может быть водораздел между некоторыми элементами в кабинете: Черчилль, Эттли и другие готовы сражаться насмерть, но есть другие члены правительства, которые отдают себе отчет в том, что физическое уничтожение людей и собственности в Англии не может быть равноценным потере гордости. В дополнение к этому английский народ, который, хотя и подзревает, что положение ужасно, в действительности не представляет себе, насколько оно плохо. Когда же он узнает об этом, я не знаю, за какой группой он последует — за той ли, лозунг которой — победить или умереть, или за группой, которая выступает за урегулирование» ⁶⁵.

Напрасны были сомнения американского посла. Английский народ знал, что отстоять независимость страны и свое существование можно, лишь победив гитлеризм.

«Странная война» и ее результаты — поражение на Западе и бегство из Дюнкерка — вызвали возмущение трудящихся Англии. Раздавались требования привлечения к ответственности виновников случившегося и того катастрофического положения, в котором оказалась страна. В июле эта кампания достигла своего апогея. Книга-

⁶⁴ J. R. M. Butler. Lord Lothian (Philip Kerr). 1882—1940. London, 1960, p. 285.

⁶⁵ FR, 1940, vol. I, p. 233. Кеннеди — государственному секретарю, Лондон, 27 мая 1940 г.

памфлет «Катон» — «Виновники»⁶⁶ за один месяц была переиздана семь раз. В памфлете консервативная партия обвинялась в том, что из-за своей антинациональной и трофалистской политики она привела страну на край бездны. Среди виновников назывались имена не только консервативных премьеров Болдуина и Невилля Чемберлена, но и открыто перешедшего в лагерь буржуазии Рамсея Макдональда. Памфлет называл в качестве лиц, ответственных за плачевное положение страны, Саймона, Хора, бывшего министра по координации обороны Инскипа, министров Баргена, Брауна, Стэнхопа, Кингсли Вуда, подчеркивалась зловещая роль, которую играл при Чемберлене Хорас Вилсон.

Общественность настаивала на немедленном определении целей войны, от которого так упорно уклонялось еще правительство Чемберлена. Рабочий класс Англии требовал, кроме того, чтобы после войны в Англии были проведены радикальные социалистические преобразования. Это требование, поддержанное прежде всего коммунистической партией, приняло настолько широкие размеры, что консервативные круги вынуждены были прибегнуть к маневрированию: 1 июля 1940 г. в «Таймс» появилась передовая под названием «Новая Европа», в которой газета в совершенно необычной для нее манере писала о необходимости изменений после войны: «Проблема нового порядка в той же мере социальна, сколь и интернациональна. Европейский дом невозможно будет привести в порядок, пока мы не приведем в порядок прежде всего свой собственный дом. Новый порядок не может базироваться на сохранении привилегии, вне зависимости от того, является ли это привилегией страны, класса или личности»⁶⁷.

Счел себя вынужденным откликнуться и орган английских деловых кругов журнал «Экономист». В статье «Динамическая демократия», опубликованной в первых числах августа 1940 г., журнал предлагал создать современный «Билль о правах», который гарантировал бы не только личные свободы граждан, но и «минимум экономического благосостояния и безопасности», установление минимальных стандартов жилищных условий, питания,

⁶⁶ «Guilty Men» by «Cato». London, 1940.

⁶⁷ «Times», 1.VIII 1940.

обучения и медицинского обслуживания. Такой «Билль о правах», подчеркивалось в статье, должен также гарантировать граждан при безработице, несчастных случаях, вдовстве и старости. Но, писал далее автор статьи, необходимо издать и билль об обязанностях граждан. В заключение статья призывала сочетать традиционный образ английской жизни с действительностью и комфортом современного века⁶⁸. Но что практически предлагал журнал, за исключением предоставления возможностей для выдвижения талантливым людям? Ничего. Все ограничивалось лишь общими благими рассуждениями. Вынужденные солидаризоваться с общественным мнением, консервативные круги всерьез и не помышляли о серьезных изменениях в жизни нации. Но в то же время в консервативных кругах вынуждены были считаться с тем, что война против гитлеровской Германии тесно связана с решением социальных проблем в самой Англии. Настроения трудящихся Англии в 1940 г., требования в самое тяжелое время ликвидации классовых привилегий и равномерного распределения тягот войны на все классы общества вылились вскоре в движение, получившее название «Народного конвента». Оно зародилось в недрах низовых профсоюзных организаций Хеммерсмита в июле 1940 г., т. е. тогда, когда результаты первых месяцев войны были осознаны большинством английского народа и угроза германского вторжения нависла над островами. На созванной этими профсоюзами конференции был единодушно одобрен лозунг — «устранить людей Мюнхена!» Одно из главных требований заключалось в справедливом распределении бремени войны⁶⁹. Участники Народного конвента объявили себя наследниками чартистов. Движение было возглавлено активным деятелем профсоюза строительных рабочих Гарри Адамсом, известным юристом-демократом Д. Н. Приттом и другими. На конгресс Народного конвента в Лондон, который состоялся 12 января 1941 года, съехались 2234 делегата, представлявшие 1304 организации, насчитывавшие 1200 тыс. членов. Из них рабочие были представлены 1136 органи-

---

⁶⁸ «Economist», 1940, August 3, p. 146.

⁶⁹ «The People Speaks». The People's Convention. The Official Report, London, January 12-th 1941 at the Royal Hotel and Holborn Hall, p. 11.

зациями, насчитывавшими 1 004 950 рабочих ⁷⁰. На Конгрессе была принята программа борьбы трудящихся из 8 пунктов. В числе основных требований были: использование чрезвычайных полномочий правительства для организации экономической жизни страны в интересах народа, устранение людей Мюнхена и создание подлинно народного правительства. Конвент требовал предоставления независимости Индии и заявлял о праве всех колониальных народов самим определять свою судьбу. Одним из наиболее существенных пунктов, одобренных Конвентом, было требование дружбы с Советским Союзом ⁷¹. Борьба английских трудящихся за дружбу с Советским Союзом была важнейшим моментом в истории английского рабочего движения в первый период войны. Оно оказывало постоянное и все усиливающееся влияние на политику кабинета Черчилля по отношению к Советскому Союзу и, естественно, помогало формированию антифашистской коалиции (12 июля 1941 г. между БКТ и ВЦСПС было подписано соглашение о сотрудничестве)⁷². В движении Народного конвента значительную роль играли английские коммунисты. Движение это принесло свои плоды в деле защиты не только экономических, но и политических интересов английского рабочего класса. Еще при формировании коалиционного правительства в мае 1940 г. Черчилль под давлением общественного мнения не включил в правительство наиболее скомпрометированных министров. Хор, Стэнли, Стэнхоп, Зетленд, Эллиот, Барген, Дорман-Смит, Леннокс-Бойд оказались за бортом. Саймон покинул военный кабинет, но получил пост лорд-канцлера. Кингсли Вуд был перемещен на пост министра финансов, но также перестал быть членом военного кабинета.

Черчилль очень осторожно (эти люди продолжают пользоваться большим влиянием в консервативной партии и тесно связаны с крупнейшими английскими монополиями) постепенно избавлялся от «людей Мюнхена». Одного из наиболее известных мюнхенцев, Сэмюэля Хора, он в разгар битвы во Франции отправил послом в Мадрид; Чемберлен находился в правительстве лишь

⁷⁰ Ibid., p. 8.

⁷¹ Ibid., p. 55.

⁷² H a r r y A d a m s. The People's Convention. Fights for British-Soviet Unity. London, 1941.

номинально — он занимал маловлиятельный пост и к тому же был болен, но его положение лидера консервативной партии придавало ему известное значение. В конце 1940 г. уехал в Вашингтон заменить умершего Лотиана и Галифакс. Остальные лица, сочувствовавшие умиротворению, не занимали ключевых позиций в кабинете. Однако они были тесно связаны с крайне правым крылом — с Асторами, со всей «кливденской кликой». К ним принадлежал и покойный лорд Лотиан. В то время многие утверждали, что из британского посольства в Вашингтоне исходят пораженческие настроения, которые оказывают влияние на американское общественное мнение. Однако нет никаких данных, что Чемберлен, его друзья и окружение имели какие-либо определенные планы сговора с гитлеровской Германией в эти критические месяцы.

Что касается крайне правого крыла английской реакции, то можно согласиться с А. Леонидовым, который в своей интересной статье пишет об их готовности к прямой измене, подобно политикам Виши во Франции, именно на них-то и рассчитывали «Гитлер, Гиммлер и Геринг, разрабатывая план вторжения в Англию»⁷³.

В то время германская пропаганда утверждала, будто в Англии существует какая-то «молчаливая колонна», которая только и ждет, когда наступит ее час⁷⁴.

На самом деле нацистские лидеры подыскивали английского квислинга. Еще в бытность свою послом в Лондоне Риббентроп старался попасть в окружение короля Эдуарда VIII, профашистские симпатии которого были общеизвестны. В 1936 г. Эдуарда вынудили отречься от престола и покинуть Англию. Герцог Виндзор, — так теперь звали бывшего короля, — до начала второй мировой войны проживал вдали от Англии. Затем по распоряжению военного министра Хор-Белиши Виндзор был прикомандирован к штабу английских экспедиционных войск во Франции.

Риббентроп не теряет из виду Виндзора, полагая, что рано или поздно он может понадобиться⁷⁵. 23 июня, на

---

⁷³ А. Леонидов. Судьба, которая готовилась Англии. — «Международная жизнь», 1960, № 4, стр. 97.

⁷⁴ Peter Fleming. Op. cit., p. 125.

⁷⁵ DGFP, vol. VIII, p. 743. Посланник в Гааге фон Цех—МИДУ. Гаага, 27 января 1940 г.

следующий день после выступления Галифакса по радио с отказом английского правительства от «мирных» предложений Гитлера, Виндзор вместе со своей женой прибыл в Мадрид. Интерес, который Риббентроп проявлял к герцогу Виндзору, не был секретом для испанского правительства. На следующий день испанский министр иностранных дел генерал Бейгбедер сообщил германскому послу Штореру о прибытии Виндзора, который собирался проследовать далее в Лиссабон. Испанский министр высказал предположение, что, быть может, немцы заинтересованы в задержании герцога в Мадриде и в установлении контакта с ним ⁷⁶. Ответ из Берлина последовал уже на следующий день. Риббентроп рекомендовал Штореру попытаться через испанское правительство задержать Виндзоров на несколько недель в Испании. Однако, предупреждал министр, ни в коем случае не должно быть известно, что это предложение исходит из Германии ⁷⁷.

2 июля Шторер сообщает в Берлин со слов Бейгбедера, что «Виндзор в разговоре с министром иностранных дел и другими знакомыми в резких выражениях высказывался против Черчилля и против войны» ⁷⁸.

Сообщению немецкого дипломата соответствует и донесение посла США в Мадриде Уэделла. Он писал, что в разговоре с сотрудником американского посольства Виндзор утверждал, что необходимо немедленно прекратить войну, которая ведется теперь для того, чтобы «спасти лицо кучки политиков». Эти высказывания, — отмечал далее посол, — имеют ценность в том смысле, что некоторые из них, несомненно, отражают точку зрения возможно растущих элементов в Англии, которые видят в Виндзоре и его окружении группу реалистов в мировой политике, готовую «в случае заключения мира» вести свою собственную политику ⁷⁹.

В Берлине после получения сообщения Шторера решают действовать. Руководитель заграничной разведки гестапо Шелленберг направляется в Испанию, чтобы

---

⁷⁶ Ibid., vol. X, № 2, p. 3. Посол в Испании фон Шторер — МИДУ, Мадрид, 23 июня 1940 г.

⁷⁷ Ibid., № 9, p. 9. Риббентроп — Штореру, Фушль, 24 июня 1940 г.

⁷⁸ Ibid., № 86, p. 97. Шторер—МИДУ, Мадрид, 2 июля 1940 г.

⁷⁹ FR, 1940, vol. III, p. 41. Уэделл — государственному секретарю, Мадрид, 2 июля 1940 г.

любыми способами предотвратить отъезд Виндзора на Багамские острова, куда английское правительство назначило его губернатором. Военный кабинет считал за благо держать герцога, который мог стать центром притяжения пораженческой прогерманской группы, подальше от Англии. Шелленбергу поручено задержать герцога любой ценой: подкупом, угрозами, насилем⁸⁰. Между тем герцог и его жена прибыли в Лиссабон, откуда должны были проследовать к месту, назначенному им английским правительством. Из Лиссабона Риббентроп вскоре получает сообщение германского посланника Гюне о том, что Виндзор старается задержаться здесь как можно дольше, по крайней мере до начала августа. Он надеется, что к этому времени события развернутся для него более благоприятно, — иными словами, герцог рассчитывает на ухудшение положения Англии и нынешнего кабинета. «Герцог определенно верит, что продолжающиеся жестокие бомбежки сделают Англию готовой к миру»⁸¹, — сообщает германский посланник в Берлин. Удивительна общность взглядов Виндзора и военно-политических руководителей нацистской Германии! Это сообщение, очевидно, служит для Риббентропа основанием предложить Штореру действовать таким образом, чтобы Виндзоры были приглашены своими испанскими друзьями в Испанию. Там его следует убедить остаться. Риббентроп сообщает Штореру, что Шелленберг специально командирован в Мадрид для «убеждения» герцога. С испанским правительством должна быть достигнута договоренность, что Виндзор как английский офицер будет рассматриваться в качестве военного беглеца, перешедшего границу. Виндзор должен быть информирован, что Германия хочет мира с английским народом и что, мол, этому препятствует Черчилль. Виндзор должен подготовиться к дальнейшему развитию событий: возвращению на трон после того, как Англия силой будет принуждена к миру. Если же герцог имеет другие планы, но готов сотрудничать в деле установления хороших отношений с Германией, то немцы позаботятся о том, чтобы он вел тот образ жизни,

---

⁸⁰ Walter Schellenberg. The Labyrinth. New York, 1956, p. 109—110.

⁸¹ DGFP, vol. X, № 152, p. 187. Риббентроп — посольству в Испании, Фушль, 11 июля 1940 г.

который ему заблагорассудится, но подобающий короллю. Одновременно Риббентроп сообщает послу, что Виндзор остановился в Лиссабоне в доме банкира Рикардо де Эскирито Санта Сильва, настроенного дружелюбно по отношению к Германии ⁸². Обещают свое содействие в исполнении намеченного в Берлине плана Франко и его зять Серрано Сунер. В Лиссабон выезжает друг Виндзора, один из главарей фашистской фаланги, Мигель Примо де Ривера, который должен убедить герцога прибыть в Испанию ⁸³.

Между тем Виндзор получает «категорическое и холодное» письмо британского премьера, предлагающее ему отбыть немедленно к месту назначения. К письму было устное дополнение: отказ от поста повлечет для герцога военный суд. Однако, по просьбе Виндзора, его непосредственный начальник, министр колоний, разрешает ему полуторамесячную отсрочку ⁸⁴.

Вокруг Виндзора завязывается напряженная борьба. Шелленберг вырабатывает план похищения герцога. В этом ему помогают сотрудники португальской и испанской тайной полиции ⁸⁵. Герцога усиленно уговаривают выехать к испанской границе, где его будут ожидать агенты испанской секретной службы ⁸⁶.

Но и с другой стороны, очевидно, оказывается сильный нажим. 31 июля Виндзор заявляет о своем решении отбыть на Багамские острова. Гюне получает категорическую телеграмму от Риббентропа, в которой тот требует предотвратить отъезд герцога и его жены, ссылаясь на «авторитетный источник» (а им мог быть только Гитлер). Риббентроп предлагает сообщить Виндзору: «Германия полна решимости принудить Англию к миру любыми средствами силы и после этого будет готова выполнить

---

⁸² Ibid., p. 189.

⁸³ Ibid., № 159, p. 199—200. Шторер — МИДУ, Мадрид, 12 июля 1940 г.

⁸⁴ Ibid., № 175, p. 223. Шторер — МИДУ, Мадрид, 16 июля 1940 г.

⁸⁵ Walter Schellenberg. Op. cit., p. 115; DGFP, vol. X, № 216, p. 283. Шторер — МИДУ, Мадрид, 24 июля 1940 г.; DGFP, vol. X, № 235, p. 317—318. Шторер — МИДУ, 26 июля 1940 г.; DGFP, vol. X, № 254, p. 363—364. Телеграмма Шелленберга от 30 июля 1940 г.

⁸⁶ DGFP, vol. X, № 211, p. 276—277. Шторер — МИДУ, Мадрид, 23 июля 1940 г.

любое желание герцога, в особенности относительно вступления на престол герцога и герцогини. Было бы хорошо, если бы герцог держался наготове для дальнейших событий»⁸⁷.

Предпринимаются последние попытки предотвратить отъезд Виндзора, включая даже личное вмешательство португальского диктатора Салазара. Но все тщетно. Прибывший в Лиссабон представитель правительства Уолтер Монктон, которому в будущем суждено стать министром, побуждает Виндзоров немедленно отправиться на Багамские острова. 2 августа бывший английский король покинул Португалию⁸⁸. На этом закончилась отчаянная попытка гитлеровской Германии найти английского квислинга.

Вся эта история неизбежно приводит к выводу, что в Англии отсутствовала какая-либо более или менее оформленная оппозиция правительству Черчилля. В этом, если угодно, одна из причин краха попыток гитлеровской Германии принудить Англию к капитуляции.

В то время как германская пропаганда трубила о «почетных» предложениях мира, сделанных Германией Англии, в тиши правительственных канцелярий разрабатывались проекты дальнейшей судьбы Англии и всего мира. Уже с конца мая 1940 г. гитлеровцы смотрели на себя как на хозяев поверженной Европы. Германские документы того времени показывают, какая участь готовилась английскому народу. Еще в конце мая и в начале июня 1940 г. руководители департамента экономической политики германского МИДа Клодиус и Риттер разработали план политико-экономического переустройства после победы Германии над Западом и вынужденного для Англии мира. Англия должна была войти в тесные экономические отношения с Германией и отменить систему преференций, принятую в Оттаве, т. е. целиком подчиниться экономическому контролю со стороны Германии. Так как Голландия, Бельгия, Люксембург, Дания и Норвегия включались при всех условиях в экономическую сферу Великогермании, то Англия должна была уйти навсегда из этого райо-

---

⁸⁷ DGFP, vol. X, № 265, p. 378. Риббентроп — Гюне, Фушль, 31 июля 1940 г.

⁸⁸ Ibid., № 276, p. 397—398. Гюне — МИДу, Лиссабон, 2 августа 1940 г.; *ibid.*, № 277, p. 398—401. Гюне — МИДу, Лиссабон, 2 августа 1940 г.

на Европы. Превращение Юго-Восточной Европы в сырьевую базу Германии влекло за собой, как видно из германских документов, передачу Германии принадлежащих англичанам рудников в Югославии и нефтяных концессий в Румынии. Авторы этих планов выражали сомнение, удастся ли Англии вообще сохранить свои связи со странами Содружества.

Особое значение придавалось будущему английских и французских колоний. Этот вопрос усиленно обсуждается в различных инстанциях на протяжении второй половины 1940 г. 4 сентября 1940 г. было созвано специальное совещание по колониальному вопросу. На нем был в принципе решен вопрос о создании министерства колоний во главе с известным глашатаем германского колониализма, главой так называемой Колониальной лиги, Риттером фон Эппом. Было решено, что при мирном урегулировании с Англией к Германии должны отойти Французское и Бельгийское Конго, Французская Экваториальная Африка, территория Чад и все бывшие германские колонии, а также английские владения Уганда, Занзибар, южная часть Кении с Найроби, Нигерия, Золотой Берег. Кроме того, Германия захватывала Дагомею и Дакар. Италия должна была получить доступ к арабским протекторатам Англии. К ней должен был перейти Тунис, вся Восточная Африка между Чадом и Ливией, британское и французское Сомали, остальная часть Кении. Италия должна была занять место Англии в Египте, получить Мальту, Аден и Кипр. Испания, на участие в которой Германия рассчитывала, должна была получить Марокко, Алжир до Орана, Гибралтар и расширить территорию испанской Новой Гвинеи до мыса Лопеса ⁸⁹. В последующие месяцы германское министерство иностранных дел продолжает тщательную разработку колониального вопроса. По германским проектам, в Африке должна быть создана зона эксплуатации всех «экономических возможностей африканского континента для всей Европы» ⁹⁰.

---

⁸⁹ DGFP, vol. XI, № 16, p. 20—21. Меморандум представителя МИДа при штабе сухопутных войск фон Этцдорфа, 4 сентября 1940 г.

⁹⁰ Ibid., vol. XI, № 298, p. 483—491. Меморандум начальника X отдела МИДа Вилфильда, Берлин, 6 ноября 1940 г.

Иными словами, «Великоевропейская экономическая сфера» должна была нещадно эксплуатировать народы Африки в соответствии с «нуждами» высшей расы. В этой схеме для Англии не оставалось места ⁹¹.

Таков был план превращения Англии в сателлита Великогермании, полностью зависящего от нее ⁹². Однако этим дело не исчерпывалось. По мере развития успехов Германии готовились планы оккупации Англии, ее полного политического порабощения. 30 июня немцы захватили расположенные на Канале английские острова Джерси и Гуэрнси. Предварительно большинство жителей выехало в Англию. Происходящее на этих островах служило миниатюрой будущего «устройства» в самой Англии. Первым делом были вывезены и уничтожены все евреи, жители этих островов, а в 1942 г. и жители собственно Англии, оказавшиеся на этом острове.

Что касается судьбы, которая готовилась английскому народу, то в инструкции ОКН от 9 сентября 1940 г., подписанной Браухичем «по организации и функциям военного управления в Англии», говорилось: «Все мужское население в возрасте от семнадцати и до сорока пяти лет будет, кроме тех случаев, когда положение того потребует, без промедления интернировано и выслано на континент» ⁹³.

Из национальной экономики должны были быть изъяты все запасы продовольствия, нефти, металлов, драгоценностей, а также автотранспорт и т. д. Еще 27 июня 1940 г. было решено создать в Англии военно-хозяйственный штаб с центром в Лондоне, которому должны были подчиняться военно-хозяйственные комендатуры в Лондоне, Бирмингеме, Ньюкасле, Ливерпуле, Глазго и Дублине. Упоминание последнего свидетельствовало о намерении гитлеровцев оккупировать также и территорию

---

⁹¹ DGFP, vol. XI, № 298, p. 491. Этот документ был обнаружен в специальной папке Риббентропа «для докладов Фюреру».

⁹² DGFP, vol. IX, № 354, p. 456—482. Меморандум заместителя директора департамента экономической политики МИДа Клодиуса об аспектах экономической организации мира. Берлин, 30 мая 1940; *ibid.*, № 367, p. 496—501. Меморандум директора департамента Риттера.

⁹³ Peter Fleming. *Op. cit.*, p. 261; Дневник Гальдера, 9.IX 1940: «Вагнер (4-й оберквартирмейстер. — А. Н.) доложил о подготовке военной администрации для Англии».

Эйре ⁹⁴. На случай оккупации Англии были заготовлены следующие приказы:

Всем жителям в течение 24 часов предписывалось сдать под страхом смерти оружие. Распространение или расклейка плакатов антигерманского содержания также карались смертью.

Хотя «поддержание порядка» в оккупированной Англии возлагалось на главное командование сухопутными силами, фактически власть передавалась в руки гестапо. Еще задолго до намеченной даты вторжения в гестапо готовились к «покорению» Англии. Уполномоченным гестапо был назначен штандартенфюрер СС профессор Сикс. Он пользовался самыми широкими и чрезвычайными полномочиями ⁹⁵. Шелленбергу было поручено составить специальный справочник-разговорник для десантных войск. Он был отпечатан в 20 тыс. экз., и многие месяцы уже после отказа от плана «Морской лев» хранился в служебных комнатах Шелленберга ⁹⁶. Был составлен специальный «черный список», включавший всех видных политических деятелей, выдающихся представителей интеллигенции и других лиц. Список насчитывал более 2700 человек. В нем значились не только министры во главе с Черчиллем, но также и все члены парламента ⁹⁷.

Поздней осенью 1940 г. гитлеровскую клику постигло двойное разочарование: с одной стороны, она вынуж-

---

⁹⁴ Peter Fleming. Op. cit., p. 262—263.

⁹⁵ Интересные материалы о карьере Сикса приведены в упоминавшейся статье А. Леонидова.

⁹⁶ Шелленберг пишет: «В конце июня 1940 г. мне было приказано подготовить небольшой справочник для различных политических и административных учреждений, которые будут сопровождать войска вторжения, описывающий коротко наиболее важные политические, административные и экономические учреждения Великобритании и ведущих политических деятелей. В справочнике должны были также содержаться инструкции о необходимых мерах для захвата архивов министерства иностранных дел, военного министерства, министерства внутренних дел и различных департаментов секретной службы и специальной службы. Эта задача поглотила значительную часть моего времени и включала сбор и обобщение материалов из различных источников, отобранных группой моих сотрудников. Когда работа была закончена, издание в двадцать тысяч экземпляров было напечатано и сложено в комнате, примыкающей к моему кабинету» (Walter Schellenberg. Op. cit., p. 106).

⁹⁷ Peter Fleming. Op. cit., p. 184—185.

дена была отказаться от планов вторжения в Англию, с другой — рухнули надежды на возможность изменения внутреннего политического положения в Англии и замены правительства Черчилля более сговорчивым. Выше мы уже показали, какие планы строили в Берлине в расчете на экс-короля Эдуарда. Однако в Берлине продолжали с жадностью ловить любой слух, который бы свидетельствовал о намерении Англии прийти к соглашению с Германией. Каждое событие, происходившее в Англии, немедленно истолковывалось как раз в том направлении, в каком работала мысль Гитлера. Например, уход в отставку смертельно больного Невилля Чемберлена 3 октября 1940 г. немедленно интерпретируется Гитлером и Муссолини как проявление внутреннего кризиса ⁹⁸.

Готовясь к нападению на Советский Союз, гитлеровское правительство все время с беспокойством оглядывается на Англию. Англия и СССР, позднее Англия, СССР и США, подобно огненным буквам на Валтасаровом пиру, не дают покоя гитлеровской шайке. Снова и снова фашистские главари возвращаются к этой теме, успокаивая себя тем, что вопрос об их господстве в Европе уже решен.

Во время встречи у Бреннера 4 октября 1940 г. Гитлер говорит Муссолини: «Теперь возникает вопрос, почему Англия продолжает держаться, несмотря на то, что ситуация с военной точки зрения для нее безнадежна. Все дело в том, что она надеется на Америку и на Россию» ⁹⁹.

26 ноября Гитлер возвращается к этой же теме в беседе с венгерским премьером Телеки: «Россия и Америка являются единственной надеждой Великобритании» ¹⁰⁰.

18 декабря 1940 г. Гитлер подписывает директиву № 21 — «Операция Барбаросса» — нападение на Советский Союз. В директиве говорится: «Германские вооруженные силы должны быть готовы сокрушить Советскую Россию в молниеносной кампании (операция Барбаросса) еще до окончания войны против Англии» ¹⁰¹.

---

⁹⁸ DGFP, vol. XI, № 149, p. 248, 254. Меморандум о беседе между Гитлером и Муссолини у Бреннера 4 октября 1940 г.

⁹⁹ Ibid., p. 248.

¹⁰⁰ Ibid., № 365, p. 632. Беседа Гитлера с Телеки 26 ноября 1940 г.

¹⁰¹ Ibid., № 532, p. 899. Директива Гитлера № 21, Главная квартира, 18 декабря 1940 г.

Гитлеровская Германия никогда не отказывалась от одной из своих главных военных целей — ликвидации Британской империи и порабощения Англии. Всякого рода «мирные» зондажи служили лишь маскировкой для прикрытия этих целей. В своем кругу нацисты не скрывали их. Во время переговоров с японским министром иностранных дел Мацуока в конце марта — начале апреля 1941 г. Гитлер и Риббентроп с предельной точностью сформулировали конечные планы гитлеровской Германии в отношении Англии. «При всех обстоятельствах, — заявил Гитлер, — британская гегемония должна быть уничтожена, с британским влиянием в Европе должно быть покончено, и тогда любая попытка американского вмешательства в Европе будет отбита... Наша цель — разрушение Британской мировой империи»¹⁰². Ему вторит Риббентроп: «Вопрос может стоять только о мире путем капитуляции, если появится новое английское правительство»¹⁰³. Итог подводит сам Мацуока: «Не может быть мира, основанного на компромиссе»¹⁰⁴.

Таковы были действительные намерения Гитлера в отношении Англии. Какая пропасть между фактами и демагогическими вымыслами самого Гитлера¹⁰⁵, его подручных и немецких генералов об уважении и чуть было не любви «фюрера» к Британской империи и к англичанам! Легенда об «особом» отношении нацистов к Англии, пущенная в ход самим Гитлером накануне поражения Германии, использованная главными немецкими военными преступниками на процессе в Нюрнберге для своей защиты, поддержанная бывшими фашистскими генералами и препарированная буржуазными фальсификаторами истории для широкого распространения, ничего общего с действительностью не имела.

Черчилль убедил подавляющую часть английской буржуазии, и в этом большую помощь оказал ему один из «делателей империи» — фельдмаршал Сметс, что речь

¹⁰² DGFP, vol. XII, № 222, p. 388—389. Беседа Гитлера с Мацуока 27 марта 1941 г., Берлин, 1 апреля 1941 г.

¹⁰³ Ibid., № 278, p. 473. Беседа Риббентропа с Мацуока 5 апреля 1941 г., Берлин, 7 апреля 1941 г.

¹⁰⁴ Ibidem.

¹⁰⁵ «The Testament of Adolf Hitler», London, 1961, p. 30—34. Следует иметь в виду, что Гитлер говорил «для истории». Поэтому нет сомнений, что его поздние высказывания искажали действительные планы и намерения.

идет о существовании Британской империи, Содружестве, колониях, независимости Англии, что противоречия между Англией и гитлеровской Германией непримиримы.

Что же касается широких народных масс, то их и не нужно было убеждать в необходимости продолжения борьбы. Английский народ был готов к самым тяжелым, самым страшным испытаниям, но не к капитуляции. Еще в начале битвы за Францию лейбористский член парламента Хеден Гест, прибывший на конференцию лейбористской партии прямо с передовой, говорил о настроении английских солдат: «Единственное чего они хотят — это иметь более храброе правительство. Они хотят, чтобы правительство было более энергичным. Они хотят, чтобы в правительстве были бойцы»...¹⁰⁶.

* * *

Люди легко запоминают. Но они и легко забывают. Прошло всего двадцать три года, и солдаты реваншистской Западной Германии спокойно шагают по английской земле, маршируют на английских базах, испытывают оружие на английских полигонах. Сегодня Англия — союзник Западной Германии по НАТО, помогает ее вооружению. Политические руководители Англии, а ведь многие из них участвовали в войне, очень быстро забыли ее суровые уроки. Ворота Англии распахнуты перед неонацистами.

---

¹⁰⁶ «The labour Party. Report of the 39 th Annual Conference» Held in the Pavilion in Bornemuth May 13 th — 16 th 1940, London, 1940, p. 125.

НА ПУТИ К АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМУ СОЮЗУ*

В тяжелые дни сражения во Франции была окончательно потеряна надежда на немедленное вступление Соединенных Штатов в войну. Тщетно Рейно, Черчилль, австралийский премьер Мензис, другие руководители правительств стран Содружества атаковали Рузвельта призывами и просьбами немедленно объявить войну Германии. Ответы президента не очень ободряли: Соединенные Штаты Америки в войну не вступят, но будут оказывать Англии и ее союзникам всевозможную материальную помощь¹.

10 июня 1940 г. Рузвельт объявил в своей речи в Шарлоттсвилле, что Соединенные Штаты будут не только быстро вооружаться сами, но и окажут помощь вооружением нациям, выступающим против «оси»². В конце

---

* Более пространное и детальное освещение англо-американских отношений дается в специальном исследовании Л. В. Поздевой «Англо-американские отношения во время второй мировой войны (1939 — 1941)», подготовленном к выпуску Издательством АН СССР.

¹ FR, 1940, vol. III, p. 13.

Шервуд писал: «У Рузвельта и начальников его штабов не могло быть никакого сомнения, учитывая потерю всей материальной части английской армии и неминуемую гибель французской метрополии, что дальнейшее существование Соединенного Королевства и остатков французской мощи будет зависеть теперь от производства военных материалов в Соединенных Штатах и их поставок» (Роберт Шервуд. Рузвельт и Гопкинс, т. I. М., 1958, стр. 266).

² Richard M. Leighton and Robert W. Coakley. Global Logistics and Strategy. 1940—1943. Washington, 1955, p. 28.

июня Рузвельт распорядился, чтобы требования Англии на вооружение немедленно принимались к исполнению, даже если это будет за счет вооружения армии США ³.

Принимая решения об оказании помощи Англии, правительство США учитывало значительные интересы американских монополий в самой Англии и в странах Британской империи.

Напомним, что накануне второй мировой войны прямые вложения США в Англию, Австралию, Канаде, Новой Зеландии, Малайе и в Британской Африке составляли свыше 2700 млн. долларов, или более 36% всех заграничных инвестиций США ⁴. На долю Англии и ее имперских вложений приходилось 36% всего американского экспорта ⁵ до войны, а в первый год войны—44,3% ⁶. Финансово-экономические связи между Англией и Соединенными Штатами Америки оказывали немалое влияние на политические решения, принятые американским правительством в первые годы войны.

В период битвы за Францию правительство США с большим беспокойством и скептицизмом относилось к перспективам войны для Англии. Из дневников канадского премьер-министра Маккензи Кинга мы знаем довольно точно об оценке ситуации Рузвельтом и государственным секретарем Хэллом. Посланный 24 мая в Вашингтон доверенный канадского премьера Кингсайда сообщает после возвращения в Оттаву, что «президент и Хэлл полны сомнений относительно способности Англии устоять перед атакой (германских армий. — А. Н.)» ⁷. Рузвельт был обеспокоен слухами о возможности заключения Англией мира, в результате которого Англия была бы лишена не только своей колониальной империи, но и флота. Он предлагал канадскому премьер-министру совместно с правительствами других доминионов оказать давление на Англию, чтобы она не заключала мира, хотя бы и на «мягких» условиях. Рузвельт советовал перебазировать английский флот и послать короля на Бермуды. Соеди-

³ Richard M. Leighton and Robert W. Coakley. *Op. cit.*, p. 30.

⁴ «Anglo-American Agreement». Compiled by H. B. Summers, New York, 1938, p. 265.

⁵ «Economist», 1938, July 30.

⁶ H. C. Allen. *Great Britain and the United States (1783—1952)*. London, 1954, p. 795.

⁷ J. W. Pickersgill. *The Mackenzie King Record*, vol. I. 1939—1944. Toronto, 1960, p. 117.

ненные Штаты,— подчеркивали Рузвельт и Хэлл, — откроют свои порты для ремонта английских военно-морских судов. Президент считал необходимым создание кордона вокруг Германии, от Гренландии до Африки, и выражал уверенность в конечном поражении Германии «даже, если бы для этого понадобились годы»⁸.

Маккензи Кинг, оценивая обращение Рузвельта, рассматривал его как призыв к доминионам проявить свой «эгоизм» «за счет Британских островов» и как попытку Соединенных Штатов «спасти самих себя за счет Англии»⁹.

31 мая Маккензи Кинг отправил послание Черчиллю, в котором, смягчая по возможности американскую точку зрения, все же изложил два основных пункта: Англия не должна идти на мир с Германией. Флот не должен попасть в руки нацистов¹⁰. Известная речь Черчилля в палате общин от 4 июня, в которой английский премьер заявлял, что Англия полна решимости продолжать войну, была своего рода ответом и Соединенным Штатам. В ответе, полученном Маккензи Кингом 5 июня, Черчилль, отлично уяснив точку зрения США, писал: «Мы должны позаботиться о том, чтобы американцы не полагались чересчур самоуверенно на перспективу крушения Англии, из которого они извлекут (для себя. — А. Н.) британский флот и обязанность охраны Британской империи минус Великобританию. Если бы США участвовали в войне и Англия была бы завоевана (врагом), то было бы естественным, чтобы события развивались указанным выше курсом. Но если Америка продолжает оставаться нейтральной, а мы будем сломлены, то я не знаю, какая политика может быть принята прогерманской администрацией, которая несомненно будет установлена»¹¹. Переписка между канадским и британским премьерами в течение июня-июля показывает, что Черчилль отказывался дать какие-либо обязательства США, точно так же, как и США отказывались их дать Англии. Однако Рузвельт, который был в курсе этой переписки, сделал правильный вывод, что в случае «если создается критическая ситуация для будущего существования Англии

⁸ Ibidem.

⁹ Ibid., p. 118.

¹⁰ Ibid., p. 120.

¹¹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. II. London, 1949, p. 128—129.

и ее доминионов, действия английского правительства были бы направлены к тому, чтобы помочь сохранить доминионам их будущее»¹².

Президенту стало ясно, что Англия не собирается покупать мир ценой своей империи и флота, но и не желает пожертвовать империей и флотом в пользу Соединенных Штатов Америки. Слухи о том, будто флот Англии и Франции вот-вот попадет в руки «оси» начали постепенно стихать¹³. Действия Англии против французского флота 3—4 июля 1940 г. несколько успокоили военных и политических лидеров в Вашингтоне и в конечном счете способствовали налаживанию планомерного англо-американского военного сотрудничества. Теперь, когда в США почти убедились в том, что Англия не капитулирует (окончательно американцы успокоились лишь в сентябре 1940 г. после провала попыток немецкой авиации поставить Англию на колени), началась разработка планов, а затем и заключение соглашений между Англией и США по ряду неотложных вопросов.

Среди многочисленных документов, опубликованных в «Форин релэйшнс», имеется один, который с полным основанием можно рассматривать, как английскую программу сотрудничества с Соединенными Штатами Америки. Это памятная записка британского посольства в Вашингтоне государственному департаменту об обстановке, сложившейся для Англии в результате крушения Франции,

---

¹² J. W. Pickersgill. *Op. cit.*, p. 128.

¹³ Неблаговидную роль в распространении этих слухов играл Буллит. Генерал Исмей, секретарь военного кабинета, совершенно определенно пишет в своих мемуарах, что Буллит сообщил в Вашингтон, будто Англия сберегает флот и авиацию для того, чтобы выторговать у Гитлера лучшие условия мира («The Memoirs of Lord Ismay», London, 1960, p. 156).

Судьба английского флота продолжала беспокоить правительство США и после известного заявления Черчилля в палате общин от 4 июня, в котором он сказал, что английский флот никогда не будет сдан врагу или потоплен, в крайнем случае он будет отправлен для защиты остальных частей Империи. Вопрос о флоте снова возбуждается США в самый разгар «битвы за Англию» — 29 августа Хэлл передал Лотиану памятную записку, в которой запрашивал, является ли заявление Черчилля выражением принятой английским правительством политики. 2 сентября 1940 г. Хэлл получил официальное подтверждение от английского посла (FR, 1940, vol. III, p. 47). Запрос Хэлла подтверждает, что правительство США опасалось капитуляции Англии.

датированная 5 июля 1940 г. Появление этого документа именно 5 июля, а не в какой-нибудь другой день, знаменательно.

«Памятная записка» развивала и уточняла просьбы Черчилля к Рузвельту от мая-июня 1940 г. В записке сочетались насущные просьбы и предложения, рассчитанные на длительное англо-американское сотрудничество. К первой категории относятся призывы прислать военные материалы, самолеты, эсминцы. Ко второй — настоятельные рекомендации как можно скорее реализовать программу вооружений США, развивать самые разнообразные отрасли промышленности, привлечь к реализации военно-промышленных планов правительства центрально- и южноамериканских государств и превратить Южную Америку в сырьевую базу обоих государств. Англия призывала США к согласованию мероприятий по экспорту между США, Англией и американскими республиками. Важное место занимал в памятной записке вопрос финансирования английских закупок.

Англия предлагала ряд мер для усиления экономической блокады Германии и Италии: прекращение всякого прямого и косвенного экспорта в Германию, Италию и в оккупированные страны, блокирование итальянских и германских финансовых активов, предотвращение отъезда из США в Европу высококвалифицированных специалистов и рабочих германской и итальянской национальностей¹⁴.

В отношениях между Англией и США очень рельефно вырисовывалась одна из характернейших особенностей английской политики — попытка взять в свои руки инициативу в выработке внешнеполитической программы и определении политического курса союзников на будущее. Черчилль старался навязать Соединенным Штатам политические концепции британского империализма и еще в 1940 г. тем или иным путем вынудить Соединенные Штаты следовать по проложенному им курсу. В этом, между прочим, одна из причин многочисленных англо-американских разногласий во время второй мировой войны и после нее. В основе английской политической концепции лежало стремление сохранить колониальную

---

¹⁴ FR, 1940, vol. III, p. 43—45. Британское посольство — государственному департаменту Вашингтон, 5 июля 1940 г.

империю и Содружество, использовать мощь США для защиты английских колониальных и имперских интересов. Недаром Рузвельт — тонкий и умудренный огромным политическим опытом государственный деятель — с большой подозрительностью относился к планам, предлагаемым Черчиллем, усматривая в них ловушку для Соединенных Штатов. И это была не просто традиционная подозрительность американских политических руководителей к «коварному Альбиону». Политическая доктрина Черчилля, базировавшаяся на принципе «империя прежде всего», прямо противоречила американской политической концепции «открытых дверей», «равных возможностей» и «равновесия», которая должна была, по убеждению лидеров американского капитализма, привести США не только к руководству западным миром, но и, в конечном счете, к мировому господству.

Еще в декабре 1939 г. в Вашингтоне обосновалась англо-французская закупочная комиссия, возглавляемая Артуром Пёрвисом — канадским предпринимателем, и Жоржем Монне — французским финансистом. Но основная задача комиссии была не закупки, а достижение соглашения с Соединенными Штатами о составлении объединенной англо-американской программы производства. В первой половине 1940 г. США не очень охотно шли на переговоры по этому поводу — положение было неясное. Главный вопрос, будут ли США участвовать в войне, оставался для многих монополистов проблематичным. А от решения этого основного вопроса зависело и развертывание производственных мощностей американской промышленности.

Английская военная экономика с самого начала строилась на принципе самоудовлетворения всеми основными видами средств производства, вооружения, судами. До поражения на Западе Англия производила закупки в США в довольно ограниченных размерах из-за нехватки долларов. Она импортировала, помимо вооружения, сырье: железо, сталь, фосфаты и т. д. Достаточно сказать, что за 15 месяцев — с сентября 1939 г. по конец 1940 г. — Англия истратила на закупки вооружения в США 515 млн. долл., причем значительная часть этой суммы приходится на вторую половину 1940 г., т. е. после Дюнкерка, когда Англия начала спешно закупать суда и самолеты. Это составляло около 5,6% общей суммы, истраченной на

вооружение всей Британской империи. А за 1941 г. на те же цели было истрачено 1490 млн. долл., или 11,5% снабжения оружием Британской империи из всех источников¹⁵. Интересно отметить, что до конца I квартала 1942 г. общий объем американской военной продукции был меньше, чем английской¹⁶.

После Дюнкерка Англия отчаянно нуждалась в оружии. Однако действующее в США законодательство запрещало продажу или передачу оружия из складов армии и флота, продажа разрешалась только через частные фирмы. С согласия Рузвельта и несмотря на возражения военного министра, изоляциониста Вудринга¹⁷, оружие было передано «U. S. Steel Corporation», и в тот же самый день и по той же цене корпорация передала оружие английской закупочной комиссии. Англичане приобрели 500 тыс. винтовок Энфилда и более 129 млн. обойм патронов к ним, 80 583 пулемета различных типов, 316 трехдюймовых мортир, 20 тыс. револьверов, 25 тыс. автоматов типа браунинг, 895 орудий 75-мм и другое вооружение и боеприпасы¹⁸. Подобным же образом были отправлены в Англию 143 самолета¹⁹.

Однако дальнейшее снабжение Англии военными материалами натолкнулось на возражения начальника генерального штаба американской армии Маршалла и адмирала Старка, которые утверждали, что продажа Англии новых военных материалов нанесет ущерб вооруженным силам США и тем поставит под угрозу безопасность государства. Споры по этому вопросу привели в конце концов к компромиссному решению конгресса от 28 июня 1940 г., по которому военные материалы передавались иностранным правительствам лишь с согласия начальника штаба, если он находил эти материалы излишними для

---

¹⁵ M. M. Postan. *British War Production*. London, 1952, p. 232.

¹⁶ *Ibid.*, p. 233.

¹⁷⁻²⁰ июня 1940 г. Рузвельт произвел изменения в правительстве, введя в него двух видных деятелей республиканской партии, выступавших за активную помощь США Англии. Один из них — Генри Стимсон — заменил Вудринга на посту военного министра, другой — Нокс — стал морским министром.

¹⁸ Richard M. Leighton and Robert W. Coakley. *Op. cit.*, p. 33; M. M. Postan. *Op. cit.*, p. 117.

¹⁹ Richard M. Leighton and Robert W. Coakley. *Op. cit.*, p. 33.

нужд обороны США ²⁰. После принятия закона сопротивление американских военных руководителей ослабло и закупки вооружения Англии в США увеличились. К февралю 1941 г. в Англию было отправлено еще 635 тыс. вагонов Энфилда.

Американские военные лидеры так же, как и президент, считали, что экспорт вооружения и военных материалов в Англию и другие страны, защищающиеся против «оси», не должен наносить ущерба военной программе Соединенных Штатов, но должен пользоваться тем же приоритетом, что и военная программа США. Опасения, что промышленность США может быть подчинена исключительно английским заказам, были широко распространены в американских военных кругах. Однако в июне 1940 г., когда на карту была поставлена судьба Англии, Рузвельт счел необходимым временно отойти от принятого решения, например, при поставках Англии самолетов. В конце июня 1940 г. англо-французские заказы самолетов, размещенные в США, более чем в два раза превышали заказы американской армии и военно-морского флота (10 800 и 4500). Единственный выход из создавшегося затруднительного положения Рузвельт видел в постоянном и все растущем расширении производства. После 1 января 1941 г. Англии было разрешено закупать дополнительно по 3 тыс. самолетов в месяц, если они будут произведены американской авиационной промышленностью ²¹. Одновременно принимались меры к стандартизации производства самолетов, танков, артиллерии и т. п. в английской и американской промышленности.

Другая, требовавшая неотложного разрешения, проблема заключалась в охране морских транспортов и борьбе с германскими нападениями на море. Впервые Черчилль обратился к Рузвельту с просьбой о продаже Англии американских эсминцев 15 мая 1940 г. В июне и в июле эта просьба была повторена.

Наступление германских армий на западе послужило толчком как для усиления изоляционистской пропаганды, так и для развития движения за оказание помощи Англии. Среди видных пропагандистов этого движения был известный публицист Уолтер Липпман. В мае 1940 г. был

²⁰ Richard M. Leighton and Robert W. Coakley. *Op. cit.*, p. 34.

²¹ *Ibid.*, p. 36.

основан «Комитет защиты Америки путем оказания помощи союзникам» во главе с издателем канзасской газеты «Эмпория газетт», республиканцем Уильямом Алленом Уайтом. Другая группа такого же направления под названием «Сэнчури граунд» была организована полковником Френсисом Р. Миллером из штата Вирджиния. 25 июля группа Ф. Р. Миллера опубликовала меморандум, в котором высказывалась за немедленную передачу Англии 100 эсминцев в обмен за гарантии сохранения английского флота и уступки США в Западном полушарии. 1 августа представители группы были приняты президентом Рузвельтом. В тот же день посол Лотриан беседовал с членами правительства США — Ноксом, Стимсоном, Икесом, Моргентау относительно оказания Англии незамедлительной помощи эсминцами²².

На заседании правительства США 2 августа констатировалось, что способность Англии выстоять зависит от получения эсминцев. Одновременно было признано, что, ввиду сильной оппозиции в конгрессе, это решение должно быть тщательно подготовлено. С другой стороны, США хотели извлечь из тяжелого положения, в котором оказалась Англия, максимальную пользу.

Решение, принятое на заседании 2 августа, гласило: необходимо потребовать от английского правительства заверения, что в случае германской победы английский флот ни при каких обстоятельствах не попадет в руки немцев, что он не будет также потоплен, а отправлен либо в США, либо в порты Британской империи²³.

Английский ответ от 5 августа, в котором высказывалась готовность к предоставлению ряда привилегий для самолетов и судов США на принадлежащих Англии островах в Вест-Индии и на Ньюфаундленде Панамериканской авиакомпании, не удовлетворил американскую сторону²⁴.

---

²² J. R. M. Butler. Lord Lothian (Philipp Kerr) (1882—1940). London, 1961, p. 293.

²³ FR, 1940, vol. III, p. 59. Меморандум Рузвельта, Вашингтон, 2 августа 1940 г.

²⁴ Ibid., p. 63—64. Английское посольство — государственно-му департаменту, Вашингтон, 5 августа 1940 г.

Английские предложения: продление льгот, предоставленных в июле 1939 г. авиации и судам США на использование вод, портов и наземных сооружений на о-вах Тринидад, Санта-Лючия и Бер-

8 августа Лотриан сообщил Уэллесу, что Черчилль готов вновь дать просимые заверения относительно флота, но возражает против того, чтобы они были сделаны публично, так как это может создать вредное впечатление, будто английское правительство считается с возможностью капитуляции. В дополнение к английским предложениям от 5 августа английское правительство настаивало на праве Англии пользоваться аэродромами, радиосвязью и другими формами обслуживания, которые американские власти установят на английских территориях. Англия просила немедленно предоставить ей 96 эсминцев, 20 торпедных катеров, 50 самолетов и 250 тыс. винтовок²⁵. В американских монополистических кругах полагали, что ситуация в Европе благоприятствует тому, чтобы прибрат к рукам вест-индские владения европейских держав. Американский ответ от 13 августа гласил: помимо гарантий относительно английского флота Соединенные Штаты ожидают от Англии предоставления им в аренду сроком на 99 лет части территорий Ньюфаундленда, островов Бермудских, Багамских, Санта-Лючия, Тринидада и Британской Гвианы для создания там военно-морских и военно-воздушных баз США²⁶.

15 августа Черчилль сообщил Рузвельту о согласии Англии на американские условия. Выбора не было. Кроме того, война уже приняла затяжной характер, и никто не мог заранее предсказать, каких сюрпризов можно ожидать в будущем. Обмен эсминцев на базы отвечал в тот момент насущным интересам обороны Англии. Надо было выжить — это и было лейтмотивом, отчетливо звучавшим в переписке Черчилля с Рузвельтом по данному вопросу²⁷.

мудских; разрешение американским военным самолетам приземляться на Ямайке, на Тринидаде и в Британской Гвиане, а также предоставление Панамериканской авиакомпании (РАА) небольшого участка на аэродроме Тринидада. РАА получит небольшой участок в Джорджтауне и вблизи Кингстона. Военной авиации США будут разрешены тренировочные полеты над Ньюфаундлендом с использованием аэродромов на его территории.

²⁵ FR, 1940, vol. III, p. 64—65. Лотриан — Уэллесу, Вашингтон, 8 августа 1940 г.

²⁶ Ibid., p. 65. Уэллес — Кеннеди, Вашингтон, 13 августа 1940 г.

²⁷ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 354—368.

2 сентября 1940 г. англо-американское соглашение о базах и эсминцах было подписано. Англия получила 50 старых эсминцев, США — базы, которых они так жаждали.

Известный английский исследователь англо-американских отношений Данкен Холл, оценивая соглашение о базах и эсминцах, трактует его как признание Соединенными Штатами того, что английский флот, базирующийся на Британских островах, является внешней линией обороны США. Англия же, предоставив базы США, признала, что ее владения в Западном полушарии являются внутренней линией американской обороны²⁸. Но такое толкование соглашения представляется односторонним. Нужно иметь в виду, что для Англии это решение было вынужденным. Поэтому со стороны Англии если и можно говорить о признании, то лишь как о вынужденном, на которое она при благоприятном развитии событий ни за что бы не пошла. Для США получение английских баз имело не только чисто военное, но и большое политическое значение, так как отвечало задаче американского империализма, используя формулу Монро, вытеснить все европейские государства, включая Англию, из Западного полушария и стать «вершителем судеб» всего американского континента. Кроме того, обмен эсминцев на базы был далеко не эквивалентным, что совершенно исключает толкование его как равноправного, а именно так старается представить дело Холл.

Еще более важным для развития англо-американского сотрудничества был принятый в США закон о ленд-лизе от 11 марта 1941 г. 28 февраля 1940 г. Лоттиан послал Хэллу меморандум, в котором доказывал, что, как бы ни подсчитывать состояние английских финансов, «Англия должна будет столкнуться с возможностью, что ее заграничные вложения могут быть полностью исчерпаны прежде, чем окончится война»²⁹.

Хотя Англия накануне вступления в войну имела солидный долларовый запас в 4400 млн. долл.³⁰, к концу 1940 г. он сократился более чем вдвое и составил около

²⁸ H. D. Hall. North American Supply. London, 1955, p. 145.

²⁹ FR, 1940, vol. III, p. 101. Лоттиан — государственному секретарю, Вашингтон, 28 февраля 1940 г.

³⁰ Л. В. Поздеев а. Англия и закон о ленд-лизе, 1941 г. — «Новая и новейшая история», 1961, № 4, стр. 47.

2 млрд. долл.³¹ Оплата наличными крупных заказов, размещенных в США, на станки, суда, при общем сокращении английских доходов от внешних вложений и экспорта, угрожала в недалеком будущем привести Англию к финансовому краху. Поэтому, хотя Черчилль, как выше было замечено, и старался представить положение Англии в более мрачном свете, чем оно было на самом деле, перспективы финансового истощения были не так уж преувеличены.

В памятной записке английского посольства госдепартаменту от 5 июля 4-й пункт содержал предупреждение, что у Англии в скором времени не хватит финансовых ресурсов для оплаты все увеличивающихся долговременных контрактов на поставки из США³².

Нет необходимости подробно описывать все перипетии прохождения закона о ленд-лизе³³. Остановимся лишь на некоторых узловых моментах.

Развитие англо-американских отношений и постоянно расширяющаяся американская помощь Англии

---

³¹ Л. В. Поздеева. Указ. соч., стр. 48.

³² FR, 1940, vol. III, p. 44. Британское посольство — государственному департаменту, Вашингтон, 5 июля 1940 г.

В США с большим недоверием относились к английским финансовым выкладкам. Один из способов давления Англии на США в этом вопросе заключался в требовании сокращения ввоза американских сельскохозяйственных продуктов в Англию в связи с напряженным состоянием золотых и долларовых ресурсов. Еще 14 февраля 1940 г. меморандум в этом духе был передан английским послом государственному департаменту. Спустя неделю последовал ответ, в котором госдепартамент утверждал, что посол «упустил» из виду некоторые английские финансовые возможности, и опровергал цифры, сообщенные Лотианом. Например, Лотиан называл в своем меморандуме в качестве суммы центральных золотых резервов в стерлинговой зоне 2735 млн. долл., госдепартамент противопоставлял цифру в 4,5 млрд. долл. Американцы решительно выступали против намерения сократить ввоз сельскохозяйственных продуктов в Англию. Со стороны США последовало несколько протестов — 20 марта, 25 апреля и 4 мая 1940 г. В меморандуме Хэлла от 4 мая содержалось предупреждение, что меры, принятые в отношении американских сельскохозяйственных продуктов, «делают сохранение торгового соглашения весьма затруднительным» (FR, 1940, vol. III, p. 112—113, 114—116). Однако последовавшая вскоре катастрофа на Западном фронте заставила США пересмотреть всю свою политику.

³³ В советской литературе история ленд-лиза была подробно исследована в статье Л. В. Поздеевой «Англия и закон о ленд-лизе, 1941 г.»

имела свою неумолимую логику — чем больше оказывалась помощь, тем быстрее таяли английские финансовые ресурсы. Таким образом, решение финансовой стороны поставок на приемлемых условиях было неизбежным как для Англии, так и для США. Существовало несколько возможностей. Одной из них был старый, испытанный и оставивший одни неприятные воспоминания метод займов. Кроме того, предоставление займов находилось в противоречии с претензиями США считаться «арсеналом демократии», а не «заокеанским Шейлоком». Ни в одной войне моральный фактор не играл такой большой роли, как во второй мировой войне. С этим обстоятельством должны были считаться даже самые крайние империалистические круги. Поэтому поиски новой формы финансовых расчетов стали насущной необходимостью.

Важным этапом в развитии англо-американского сотрудничества было переизбрание Франклина Рузвельта президентом в ноябре 1940 г. Вскоре Рузвельт предложил на заседании правительства принять решение о формах оплаты английских заказов в США. Однако в тот момент решение принято не было, так как правительство США подчитало, что у англичан еще есть, чем расплачиваться.

8 декабря 1940 г. Черчилль обратился к Рузвельту с пространным письмом, в котором перечислял нужды страны и помощь, которую США могли бы оказать Англии. Один из главных вопросов, на котором был сделан упор, касался финансовых расчетов. «Я думаю, и вы согласитесь со мною, — писал Черчилль, — что было бы неверно в принципе и к обоюдному ущербу, если бы в кульминационный момент этой борьбы Великобритания была лишена всех биржевых ценностей, которые могут быть проданы, и таким образом после победы, добытой ценой нашей крови, спасения цивилизации и выигрыша времени Союзными Штатами для полного вооружения против любых неожиданностей, мы бы остались совершенно раздетыми. Такое развитие событий противоречило бы морали и экономическим интересам каждой из наших стран. Мы не были бы в состоянии после войны покупать значительную часть импорта США сверх того количества нашего экспорта, которое было бы приемлемо в соответствии с вашими тарифами и промышленной экономикой. Не только мы в Великобритании должны были бы пережить жестокую нужду, но вслед за сокращением американского

экспорта в Соединенных Штатах широко распространялась бы безработица»³⁴. Черчилль не зря напоминал об экономической взаимозависимости Англии и США и о недавних кризисных временах, во время которых обе страны основательно пострадали. Письмо было намеком и на те нежелательные для всего капиталистического мира последствия, к которым могло привести экономическое крушение Англии.

Тем не менее Рузвельт подумывал о том, чтобы заставить Англию расплачиваться за американские поставки британскими владениями в Западном полушарии или на Тихом океане. В письме к Хэллу от 11 января 1941 г. президент подробно анализирует возможности покупки у Англии Бермудских о-вов, других о-вов Британской Вест-Индии, Британского Гондураса, Британской Гвианы. В конце концов, он приходит к выводу, что нет смысла приобретать эти английские колонии, поскольку там и без того уже существуют американские базы, и могут возникнуть политические и экономические осложнения в связи с проблемой населения этих территорий.

С военной точки зрения Рузвельт считал тогда более выгодным получить у Англии в уплату за поставки расположенные на Тихом океане о-ва Кентон, Индербери, Рождества, группу о-вов Феникс до Самоа, о-ва Джильберта и Эллис. Эти острова могли служить США опорными пунктами для осуществления контроля над центральной частью Тихого океана. Отрицательным моментом Рузвельт считал трудность защиты этих островов против Японии. В связи с этим Рузвельт приходил к выводу, что лучше поискать какой-либо другой вариант.

Это письмо неопровержимо доказывает, что Соединенные Штаты при обсуждении вопроса о ленд-лизе исходили не из альтруистических побуждений, как любят утверждать иные американские историки, а из чисто деловых, коммерческих или стратегических расчетов³⁵.

Хотя Рузвельт и члены его правительства придерживались той точки зрения, что следует выжать из Англии побольше, они не могли не понимать, что «полная распродажа» может в конечном счете оказаться для Соединенных Штатов Америки невыгодной.

³⁴ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 500—501.

³⁵ FR, 1941, vol. III, p. 3—4. Рузвельт — Хэллу, Гайд-парк, 11 января 1941 г.

Тяжелое положение, в котором оказалась Англия в конце 1940 г. и в начале 1941 г., также заставило США не доводить дела до полного финансового краха Англии. В январе 1941 г. на заседании американского правительства, так образно описанном в дневнике министра внутренних дел Икеса ³⁶, вопрос о ленд-лизе был фактически предпринят.

Переданный конгрессу 10 января 1941 г. законопроект о ленд-лизе служил предметом резких споров и столкновений между изоляционистами и интервенционистами ³⁷. Победу в конечном счете одержали последние, и 11 марта закон о ленд-лизе вступил в силу. В тот же день действие закона было распространено на Англию и Грецию. Большое влияние на принятие закона оказали на последней стадии события, развернувшиеся на Балканах и на Среднем Востоке.

Закон о ленд-лизе предоставлял президенту право «продавать, передавать в собственность, обменивать, отдавать в аренду и займы и иначе передавать... любые средства обороны государствам, оборона которых имеет важное значение для безопасности США» ³⁸. Материалы, передаваемые по ленд-лизу, должны были черпаться из двух источников — из фондов, специально предназначенных для этой цели, и с правительственных складов. Переданные по ленд-лизу материалы должны были быть возвращены США после их использования. Согласно распоряжению президента от 27 марта 1941 г., стоимость первых поставок по ленд-лизу была определена в сумме 7 млрд. долл., а распоряжение от 28 октября 1941 г.

---

³⁶ «Мы доили английскую корову финансов, у которой когда-то было много молока, но теперь она уже почти выдоена», — заявил Рузвельт на этом заседании («The Secret Diary of Harold L. Ickes», vol. III, New York, 1954, p. 409—410).

³⁷ «Для того, чтобы преодолеть юридические препоны, — пишет Шервуд, — из архивов был извлечен старый закон от 1892 года, которым конгресс уполномочивал военного министра передавать в аренду военное имущество «в тех случаях, когда, по его мнению, это будет в интересах государства». Я не знаю, кем было решено дать законопроект о ленд-лизе многозначительное название HR 1776 (в 1776 г. была принята Декларация независимости США. — А. Н.), но это было вполне в стиле Рузвельта, поскольку этот закон явился по существу декларацией взаимозависимости» (Р. Шервуд в у. д. Указ. соч., стр. 392).

³⁸ J. R. M. Butler. Grand Strategy, vol. II. (September 1939 — June 1941). London, 1957, p. 422.

предусматривало передачу военных материалов на сумму в 5985 млн. долл. Значительная часть ассигнований шла на покрытие счетов по оплате заказов на танки и самолеты. В 1941 г. (март—декабрь) вся помощь, оказанная Британской империи по ленд-лизу, составила 1082 млн. долл. Из этой суммы стоимость судов составила 65 млн. долл.; вооружение для Англии — 86 млн. долл.; для других стран Британской империи и других театров военных действий — 100 млн. долл.³⁹

После принятия закона Англии, с целью экономии транспортных средств и в связи с тем, что отсутствие долларов перестало быть препятствием для закупок, уменьшила импорт сырья, но увеличила импорт готовых изделий и полуфабрикатов. Значительно возрос ввоз станков, в которых английская промышленность весьма нуждалась.

Поставки США по ленд-лизу в страны Британской империи составили, по данным Центрального статистического управления США, с марта 1941 г. по конец августа 1945 г. 30 073 млн. долл. от общей суммы 43 615 млн. долл. Иначе говоря, на долю Британской империи пришлось около 70% всех поставок по ленд-лизу. Для выполнения программы помощи был назначен администратор по ленд-лизу, ближайший советник президента, бывший министр торговли и один из главных деятелей «нового курса» Гарри Гошкинс. 2 мая 1941 г. был образован соответствующий отдел по приему и рассмотрению просьб о помощи со стороны иностранных государств под руководством помощника заместителя военного министра генерал-майора Джеймса Х. Барна.

Для осуществления операций по ленд-лизу были созданы затем и другие учреждения⁴⁰. Значение ленд-лиза заключалось не только в оказании материальной помощи государствам, враждебным фашистской «оси», а для 1941 г. можно было бы добавить — и не столько в этом — (до нападения на Пирл-Харбор практическая реализация закона о ленд-лизе оставалась незначительной)⁴¹, но главным образом в том, что закон о ленд-лизе оказался реши-

³⁹ W. K. Hancock and M. M. Gowing. *British War Economy*. London, 1949, p. 353.

⁴⁰ Richard M. Leighton and Robert W. Coakley. *Op. cit.*, p. 78.

⁴¹ *Ibid.*, p. 115.

тельным шагом, предопределившим вступление США во вторую мировую войну ⁴².

Имеется много доказательств того, что ленд-лиз не был жестом «добротного американского дядюшки», что эта мера носила со стороны США своекорыстный характер, что США получили в конечном счете гораздо больше, чем они дали по ленд-лизу, и т. п. Все это абсолютно верно и общеизвестно ⁴³. Поэтому нет необходимости повторять это и в нашей книге. Надо, однако, напомнить о том, что вступление Соединенных Штатов Америки на стороне антигитлеровской коалиции было одним из важнейших событий второй мировой войны и объективно способствовало поражению держав фашистской «оси». Закон о ленд-лизе 1941 г. сыграл в свое время для войны, которую вела Англия, существенную роль.

В дальнейшем Англия старалась использовать закон о ленд-лизе в своих политических целях для того, чтобы поставить в зависимость от себя малые страны, на которые был распространен закон. Англия пыталась сосредоточить военные материалы и другие поставки по ленд-лизу в своих руках и добивалась того, чтобы самой распределять американские «блага». Вначале дело шло успешно, но позднее в США сообразили, что это идет вразрез с их собственными интересами, и начали оказывать помощь по ленд-лизу странам, заинтересованным в ней непосредственно ⁴⁴.

В конце 1940 — начале 1941 г. половина продукции английского производства поглощалась периферийными театрами военных действий. Самолеты, танки, автоматическое оружие, боеприпасы направлялись с Британских.

---

⁴² Английский премьер, выступая 12 марта 1941 г. в парламенте с заявлением по поводу закона о ленд-лизе, сравнил его с Великой хартией вольностей, подчеркивая тем самым историческое значение ленд-лиза для судьбы Англии (W. S. Churchill. The Unrelenting Struggle. London, 1943, p. 79). Такое сравнение было с удовольствием воспринято в США. Британский премьер любил эффектные сравнения, но при этом он руководствовался, как правило, довольно точным расчетом.

⁴³ Н. Н. Яковлев. Новейшая история США. М., 1961, стр. 316 — 318; Ю. Л. Кузнец. Вступление США во вторую мировую войну. М., 1962, стр. 178—180; Л. В. Поздеева. Указ. соч., стр. 57—58.

⁴⁴ Нельзя не вспомнить в связи с этим о попытках Англии служить посредником между США и европейскими государствами при реализации «плана Маршалла».

островов в Африку, на Балканы, на Ближний и Средний Восток, на средиземноморские опорные базы, на Дальний Восток. Черчилль утверждал, оправдывая колоссальное распыление английских вооруженных сил, что основная задача заключается в том, чтобы предотвратить распространение германского господства на Южную Азию и Африку⁴⁵. Стратегические установки Черчилля определялись колониальными и глобальными интересами Англии.

Принятая «периферийная» стратегия требовала хорошо налаженного, действующего почти автоматически и тщательно охраняемого механизма снабжения. Решали не только люди и вооружение, ответственная задача ложилась на судоходство. Как раз в то время Германия развернула интенсивную подводную войну, были потоплены сотни английских судов. В сентябре 1940 г. потери Англии, союзных с нею и нейтральных держав составили 100 судов грузоподъемностью в 448 621 т; в октябре соответственно — 103 и 442 985 т; в ноябре — 97 и 385 715 т, в декабре — 82 и 349 568 т. Всего за 1940 г. потери достигли колоссальной цифры 1059 судов общим водоизмещением в 3 991 641 т, т. е. составили около 20% от всего английского коммерческого тоннажа. В первой половине 1941 г. потери на море неуклонно возрастали: от 76 судов водоизмещением в 320 240 т в январе до 195 судов водоизмещением в 687 901 т в апреле 1941 г.

Всего за первую половину 1941 г. потери Англии, ее союзников и нейтралов составили 760 судов водоизмещением в 2 884 307 т⁴⁶.

Расширение войны требовало не только восполнения потерь по принципу 1 : 1, но и значительного увеличения строительства судов. С другой стороны, само существование Англии зависело от безопасности морских сообщений и наличия достаточного количества транспортов и эскортных военных судов. В конце 1940 г. половина английского импорта шла морем. Решение этой сложной проблемы в Англии возлагали на Соединенные Штаты Америки. В письме Рузвельту от 8 декабря 1940 г. Черчилль подчеркивал: «Центр тяжести войны в 1941 году находится на морях»⁴⁷. Важнейшая проблема для Англии,

⁴⁵ W. S. Churchill. The Second World War, vol. II, p. 47.

⁴⁶ J. R. M. Butler. Grand Strategy, p. 571—572.

⁴⁷ W. S. Churchill. The Second World War, vol. II, p. 495.

по мнению Черчилля, заключалась в доставке на Британские острова сырья и продовольствия, поддержания безопасности на растянутых морских коммуникациях для английских войск, направляемых на различные театры военных действий, и бесперебойном снабжении их. Черчилль полагал, что если эта проблема будет удовлетворительно разрешена, то английское военное превосходство в воздухе и рост недовольства населения Германии и других народов, поработанных гитлеровцами, может привести к победе Англии.

Письмо Черчилля убедительно характеризует английскую стратегию того времени: война на море, охрана колониальных владений и имперских коммуникаций, бомбардировки Германии, и ни слова о главном способе достижения победы — наступлении. Может быть, британский премьер рассчитывал, что «когда-нибудь придут ребята из-за океана», но «ребята» предпочитали, чтобы пока воевали англичане...

Об угрозе медленного удушения метрополии германской блокадой в США знали. Для облегчения положения был принят закон о ленд-лизе, а также решение о строительстве судов для Англии на американских верфях. Правительство США приняло решение о резком расширении судостроительной программы, имея в виду и нужды Англии. В январе 1941 г. в США было заложено для Англии 200 судов, в марте-апреле более 300, а к концу года строилось уже больше 1200 судов ⁴⁸, т. е. более чем четвертая часть тоннажа, необходимого, по утверждению Черчилля, для выполнения задач, поставленных войной. Помимо строительства судов для Англии, значительное число английских судов ремонтировалось в доках и на верфях Соединенных Штатов. В апреле 1941 г. президент отдал распоряжение о конвоировании коммерческих судов — еще один шаг к вступлению в войну ⁴⁹.

Общность интересов Англии и США, заключавшаяся в нанесении поражения державам «оси», за первый год войны значительно усилилась. Англо-американские противоречия отступали на второй план, правда, время от времени они давали о себе знать. Тем не менее в военных и политических кругах Соединенных Штатов к концу 1940 г.

---

⁴⁸ Richard M. Leighton and Robert W. Coakley. *Op. cit.*, p. 60.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 59—60.

окончательно утвердилось убеждение, что США не могут допустить поражения Англии, даже если бы пришлось для этого вступить в войну. Два события — заключение военно-политического союза между державами «оси» 27 сентября 1940 г. и президентские выборы в ноябре 1940 г. — усилили политические круги, выступавшие за активное участие США в мировой войне на стороне Англии. Соответственно укрепилось и англо-американское сотрудничество.

В ноябре 1940 г. руководители американских сухопутных и военно-морских сил пришли к единодушному мнению, что, в случае если Англии будет угрожать поражение в войне, США должны предпринять совместно с Англией операции против Германии на европейском континенте. Американские начальники штабов правильно оценили положение и пришли к заключению, что война против Германии в Европе должна пользоваться приоритетом по отношению к эвентуальной войне на Тихом океане. Американский объединенный комитет по военному планированию пришел в конце декабря 1940 г. к выводу: «Проблемы на Востоке (имеется в виду Дальний Восток. — А. Н.) будут в значительной мере решены в Европе»⁵⁰. К этому времени американское военно-политическое руководство психологически уже было подготовлено к вступлению в войну.

Важную роль в укреплении англо-американских отношений сыграла неофициальная миссия в Англию советника президента Гарри Гопкинса в январе-феврале 1941 г. Гопкинс встретился со всеми руководящими лицами Англии, начальниками штабов, министрами, посетил английские порты, главную базу флота в Скапа-Флоу, словом, имел возможность сам разобраться в действительном положении дел в Англии, для чего собственно он и был послан в качестве личного представителя президента. Все виденное произвело на Гопкинса огромное впечатление. В отчете президенту Рузвельту, направленном из Лондона по телеграфу, Гопкинс, между прочим, писал: «Дух народа и его решимость сопротивляться вторжению выше всяких похвал... Немцам придется сделать что-то большее, чем убить несколько сот тысяч человек

---

⁵⁰ Richard M. Leighton and Robert W. Coakley. Op. cit., p. 43.

для того, чтобы разгромить Великобританию»⁵¹. Информация, полученная Рузвельтом от Гопкинса, имела немаловажное значение не только при принятии конкретных решений об оказании помощи Англии, но и в целом для всего комплекса отношений между Соединенными Штатами и Англией⁵².

В течение двух месяцев, с конца января по конец марта 1941 г., в Вашингтоне происходили англо-американские военные переговоры (по начальным буквам они получили кодовое наименование АВС-1, т. е. American-British Conversations). Центральным во время переговоров был вопрос о «лучших методах, которыми вооруженные силы США и Британского Содружества могут нанести поражение Германии и державам, союзным с нею, если Соединенные Штаты вынуждены будут прибегнуть к войне»⁵³. Таким образом, проблема скорого вступления США в войну выступала на первый план.

Не останавливаясь подробно на военно-технической стороне переговоров, скажем лишь об основных решениях, которые были приняты на этом совещании, и о разногласиях, которые были следствием различного подхода к военно-политической стратегии английских и американских участников совещания. Главным результатом совещания было признание необходимости сосредоточения всех усилий на скорейшем разгроме ведущей державы в фашистском блоке — Германии и, следовательно, «районы Атлантики и Европы признавались важнейшим участком военных действий»⁵⁴.

Наибольшие споры вызывала стратегия на Дальнем Востоке. Хотя обе стороны согласились, что, в случае вступления в войну Японии, англо-американская стратегия будет носить оборонительный характер, но США отказались согласиться с тезисом, выдвинутым Англией, что главная задача на Дальнем Востоке — оборона Сингапура. США считали, что защита Филиппин имеет гораздо большее значение. А суть разногласий следует искать во взгляде, широко распространенном в США (не без

⁵¹ Р. Шервуд. Указ. соч., т. I, стр. 430.

⁵² Подробно о миссии Гопкинса в Англии см. Р. Шервуд. Указ. соч., т. I, стр. 394—439.

⁵³ Richard M. Leighton and Robert W. Sackley. Op. cit., p. 52.

⁵⁴ J. R. M. Butler. Grand Strategy, p. 426.

оснований), что Англия хочет использовать американскую военную мощь на Дальнем Востоке для защиты британских владений⁵⁵, а не для нанесения удара державам «оси» на решающем направлении.

Не случайно еще до начала переговоров в Вашингтоне английский комитет начальников штабов, в ответ на американский запрос относительно основного содержания британского стратегического плана на ближайшие два года, сообщил, что «Великобритания ставит перед собою задачу создания в Германии с помощью все усиливающихся бомбовых ударов такой невыносимой обстановки, при которой нацистский режим был бы свергнут»⁵⁶.

Таким образом, получалось, что Англия не планировала наступление на европейском континенте, а собиралась обеспечить оборону своих колоний, империи, а также коммуникации и нефти. И США отдавали себе в этом отчет. Естественно, что призывы Англии защищать Сингапур и были восприняты там, как попытка заставить США «батрачить» для защиты английских колониальных владений в Индийском и на Тихом океанах.

Окончательный доклад, составленный и одобренный обеими сторонами, все же отражал больше английскую, нежели американскую, точку зрения на вопросы стратегии — использование стратегических бомбардировок, наступление на второстепенных театрах военных действий, рейды, сопротивление наступлению «оси» в Северной Африке, нанесение поражения Италии для вывода ее из войны. Таким образом, в ближайшие два года не предусматривалось операций, которые должны были избавить народы Европы от ига фашистских оккупантов, что было провозглашено английским правительством в качестве одной из главных целей войны; уже первые англо-американские переговоры показали, что Англия пытается заставить вооруженные силы США играть подчиненную роль в союзе и стремится навязать свою стратегическую концепцию, отвечающую целям английской политики.

---

⁵⁵ Richard M. Leighton and Robert W. Coakley. Op. cit., p. 54.

⁵⁶ J. R. M. Butler. Grand Strategy, p. 426. В это время была заложена фундаментальная основа англо-американского союза. Выступая вместе против держав «оси», Англия и США, каждая со своей стороны, старались стать лидером в союзе. Борьба за первенство особенно развернулась в последующие годы войны.

АНГЛИЯ И ВИШИ

События в Мерс-эль-Кебире привели к разрыву правительства Петена с Англией. 5 июля новый поверенный в делах де Кастеллен, назначенный вместо ушедшего в отставку французского посла Корбена, сообщил об этом английскому правительству¹. Попытки Англии сохранить своего генконсула при правительстве Виши окончились в конечном счете неудачей². Англо-французские отношения резко обострились. Но не отказываясь от попыток добиться какого-то улучшения отношений с правительством Петена, Англия в то же время начала поддерживать движение «Свободная Франция», возглавленное бежавшим после капитуляции Франции в Лондон помощником французского военного министра генералом Шарлем де Голлем. Выступление ранее малоизвестного в широких кругах французского генерала за продолжение войны против Германии быстро снискало ему популярность среди французских солдат и офицеров, бежавших в Англию. Решило оказать поддержку де Голлю, правда с большими колебаниями, и правительство Черчилля³.

---

¹ E. L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1961, p. 92—93.

² Ibidem.

³ Первое обращение де Голя к французам с призывом продолжать борьбу последовало из Лондона через Би-Би-Си 18 июня 1940 г. В это время в Лондон поступили сообщения, будто Вейган отбыл в Северную Африку для организации сопротивления. Поэтому английское правительство немедленно обратилось к де Голлю с просьбой воздержаться от дальнейших обращений по радио. Фо-

28 июня 1940 г. английское правительство подписало с де Голлем соглашение, по которому признавало его «главой свободных французов».

Во время переговоров о заключении соглашения де Голль, опасаясь, как он сам позднее писал, «что превратности войны заставят Англию заключить компромиссный мир, а также учитывая, что англичане могут, чего доброго, польститься на то или иное из наших заморских владений», настаивал, чтобы в соглашении был пункт, гарантирующий восстановление границ Франции и ее империи. Английское правительство, заявив о своем признании «независимости и величия Франции», не дало никаких территориальных гарантий.

Признавался национальный характер военных формирований Свободной Франции и подчинение их французскому командованию при выполнении «общих директив» английского командования. Французская сторона добилась включения в текст договора оговорки, что французские добровольцы ни в коем случае «не обратят своего оружия против Франции». Другие пункты соглашения регулировали финансовые отношения сторон и вопрос об использовании французского торгового флота.

7 августа английское правительство подписало с возглавляемым де Голлем Французским национальным комитетом договор о военном союзе и помогло голлистам организовать военную экспедицию для захвата столицы Французской Западной Африки и важного порта — Дакара. Хотя экспедиция окончилась неудачей, голлисты обосновались в ряде французских колоний Западной и Экваториальной Африки.

Оценивая соглашение, де Голль пишет в своих мемуарах: «Соглашение от 7 августа имело для Свободной Франции немаловажное значение не только потому, что избавляло нас в ближайшем будущем от материальных затруднений, но также и потому, что британские власти, имевшие отныне официальную базу для взаимоотношений с нами, теперь без колебаний оказывали нам помощь. Но главное — весь мир узнал, что, несмотря на все препят-

---

рин офис, по словам Вудворда, «был озабочен тем, чтобы не выпустить двух лошадей одновременно» (E. L. Woodward. Op. cit., p. 75). Однако слух о Вейгане оказался ложным, и 23 июня де Голль выступил с новым обращением.

ствия, заложены основы франко-английского сотрудничества»⁴.

Подписав договор с де Голлем, Англия не отказывалась и от попыток достигнуть соглашения с правительством Виши. Важнейшими вопросами, которые беспокоили в то время английское правительство, были: французский флот, французские колонии, поддержание экономической блокады европейского континента.

Суть политики по отношению к Франции была сформулирована британским премьером в письме министру иностранных дел Галифаксу от 25 июля 1940 г.: «Я хочу поощрять своего рода коллективный заговор в правительстве Виши, некоторые члены которого, быть может, с согласия тех, кто останется, отправятся в Северную Африку для того, чтобы выторговать с побережья Северной Африки с позиции независимости лучшие условия для Франции. Для этой цели я использую как вопрос о продовольствии, так и другие поощрительные меры...» И дальше: «Существо нашей политики должно заключаться в том, чтобы дать почувствовать правительству Виши, что, поскольку это касается нас, никогда не будет слишком поздно исправиться»⁵.

Следовательно, при анализе французской политики Англии, начиная со второй половины 1940 г., важно иметь в виду, что принципиально английское правительство было готово к соглашению с вишистами.

Не лишено интереса, что, вопреки обычной дипломатической практике, Виши после разрыва дипломатических отношений с Англией продолжало с согласия английского правительства держать в Лондоне генерального консула. Только в мае 1941 г. английское правительство потребовало его отзыва⁶.

---

⁴ Шарль де Голль. Военные мемуары, т. I. М., 1957, стр. 123. Документы о признании Национального комитета переведены на русский язык и изданы в мемуарах де Голля в виде приложения.

⁵ «Times», 22.V 1941. 21 августа 1940 г. в ответ на запрос в палате общин об отношениях с Виши заместитель министра иностранных дел Батлер заявил, что правительство поддерживает связь с Виши через посредство США и уполномоченным по ликвидации дел французского посольства в Лондоне (Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 364, col. 1282).

⁶ W. S. Churchill. The Second World War, vol. II, London, 1949, p. 450.

Спустя всего полтора месяца после событий в Оране (Мерс-эль-Кебир) американский поверенный в делах при правительстве Виши Мэрфи констатировал: «Симпатии по отношению к делу, которое защищают англичане, растут»⁷. Через 6 недель, вскоре после отказа гитлеровцев от плана вторжения в Англию, тот же американский дипломат писал: «Совершенно верно, как я утверждал, что подавляющее большинство французов далеко не разделяет раздражение правительства английской тактикой»⁸.

Петен и его правительство волей-неволей были вынуждены учитывать эти настроения. Однако правительство Виши, вне зависимости от того, задавали ли тон в нем на том или ином отрезке времени Лаваль или Фланден, Дарлан или сам Петен, работало в тесном сотрудничестве с немцами, предавало национальные интересы Франции и французскую нацию. Некоторые вишистские деятели, наиболее сообразительные и менее скомпрометированные сотрудничеством с оккупантами, например Бодуэн, успели вовремя переметнуться на сторону союзников. В целом же, враждебное демократии, разделявшее в теории и на практике доктрину фашизма, правительство Виши, несмотря на некоторые маневры и тайные заигрывания с союзниками, было верным и покорным сателлитом гитлеровской Германии.

К тому времени между английским правительством и Виши была установлена неофициальная связь и велись переговоры по отдельным вопросам. В частности, в августе 1940 г., через месяц после событий в Мерс-эль-Кебуре, французский посол в Мадриде граф де ля Бом встретился с английским послом Сэмюэлем Хором.

Параллельно развернулась ожесточенная полемика между Лондоном и Виши, но это в конечном счете не оказало существенного влияния на ход переговоров. Poleмика началась с того, что в своей речи в палате общин от 20 августа 1940 г. Черчилль довольно ясно изложил отношение Англии к Франции, заявив, что даже, если сама Франция временно оказалась в руках врага, ничто не ме-

⁷ FR, 1940, vol. II, p. 381. Мэрфи — государственному секретарю, Виши, 16 августа 1940 г.

⁸ FR, 1940, vol. II, p. 383. Мэттьюз — государственному секретарю, Виши, 30 сентября 1940 г.

шает французскому флоту, значительной части армии, авиации, французской колониальной империи продолжать войну на стороне Англии ⁹.

С ответной резко антианглийской речью 22 августа выступил по радио министр иностранных дел Виши Бодуэн. 30 августа Лаваль потребовал на заседании правительства Виши объявления Англии войны ¹⁰.

И все же переговоры, начавшиеся в Мадриде, не были прерваны. В середине сентября 1940 г. Хору было передано несколько писем от Бодуэна. Первое было направлено против поддержки Англией генерала де Голля. Английский ответ не оставлял сомнений в том, что поддержка будет продолжаться. Во втором письме Бодуэн старался уверить английское правительство, что Виши желает сохранить с ним контакт, будто бы имея в виду в конце концов поднять оружие против Германии. Поэтому Бодуэн просил якобы для развития сил сопротивления разрешить снабжение Франции продовольствием. Игра Бодуэна была в Лондоне разгадана. Там правильно расценили его обращение как трюк. Ответа на это послание не последовало ¹¹. Однако в Лондоне было все же сочтено целесообразным использовать вопрос о блокаде, чтобы оказать воздействие на Виши.

В середине сентября Хор уведомил французского морского атташе в Мадриде о разрешении французским судам пройти через Гибралтар ¹². 27 сентября Хор по поручению своего правительства встретился с французским послом, чтобы обсудить вопросы, возникшие в связи с высадкой голлистов при поддержке английского флота в Дакаре. В ходе переговоров Бодуэн передал английскому правительству предупреждение, из которого вытекало, что если английское правительство не хочет совсем отдать французское правительство в руки немцев, оно должно разрешить снабжение неоккупированной зоны Франции из французских колоний.

«В случае если немцы попытаются завладеть (неоккупированной зоной.—А. Н), то французское правительство

---

⁹ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 364, col. 1168.

¹⁰ G. S c h m i t t. Les accords secrets franco-britanniques de novembre — décembre 1940. Paris, 1957, p. 23.

¹¹ E. L. W o o d w a r d. Op. cit., p. 95.

¹² Ibid., p. 38.

переедет в Марокко и Франция снова объединится с Великобританией против Германии», — уверял Бодуэн¹³. В то же время вишистское правительство вело переговоры с Германией против Англии. Но об этом в Лондоне не знали.

В дневнике Гальдера от 29 сентября 1940 г. есть весьма примечательная запись о беседе военного министра Виши Хютцингера с германским главнокомандующим, из которой видно, что Виши шло навстречу военному сотрудничеству с Германией: «Французскому правительству трудно удержать колонию под своей властью, ввиду усиленной английской пропаганды («работает на прусского короля»). Правительству очень трудно оставаться все время в неопределенном положении. Налицо тот факт, что мы воюем вместе против Англии»¹⁴.

2 октября английское правительство составляет ответ Бодуэну. В нем указывается, что Англия добивается лишь одной цели — победы в войне. Должно быть установлено раз и навсегда, что английское правительство не может прекратить свою поддержку движения генерала де Голля. Оно будет оказывать ему всякую помощь, которую он потребует. Английское правительство выражало готовность обсудить с правительством Виши вопрос, как обеспечить, чтобы те части французской империи, которые не контролируются де Голлем, не попали бы под германское или итальянское влияние. В связи с этим английское правительство подтверждало свои неоднократные заявления о гарантии независимости Франции после окончания войны. Но само собою разумеется, подчеркивалось в меморандуме, что эти заверения имеют силу лишь для территорий, которые за это время присоединились бы к движению де Голля.

Английское правительство соглашалось изучить вопрос о торговом обмене между французскими колониями и метрополией при условии заверений со стороны французского правительства, что французские суда не попадут ни при каких обстоятельствах в руки Германии или Италии; английское правительство обещало рассмотреть вопрос о смягчении блокады, если французское правительство будет сотрудничать с Англией.

---

¹³ G. Schmitt. Op. cit., p. 39.

¹⁴ Дневник Гальдера, 29.IX 1940.

3 октября текст меморандума был сообщен Черчиллем де Голлю, который находился в то время в Лагосе, а также Рузвельту¹⁵.

Петен, полагавший, что победа Англии в войне невозможна, отклонил английский меморандум.

Переговоры в Мадриде продолжались в течение октября-ноября.

24 октября Черчилль принял посланца Виши — профессора Ружье¹⁶. Последний прибыл по поручению Петена и Бодуэна, но не имел никаких письменных полномочий. Британский премьер объяснял впоследствии, что он беседовал с Ружье, чтобы не упускать ни одной возможности для достижения соглашения с петеновской Францией. Черчилль немедленно убедился, что Ружье о мадридских переговорах ничего не известно. Шмитт прав, когда отмечает, что «Черчилль разговаривал с Ружье, как с агентом, информацию которого полезно выслушать»¹⁷.

Переговоры Ружье совпали с переговорами Петена с Гитлером и Риббентропом в Монтуре (22—24 октября

¹⁵ Шарль де Голль. Указ. соч., т. I, стр. 364—366.

¹⁶ Миссия Ружье и последовавшая позднее миссия Шевалье послужили поводом для полемики, разгоревшейся в связи с процессом Петена. Защитники Петена пытались доказать, будто правительство Виши поддерживало тайное сотрудничество с Англией, и что никакого перемирия с Германией фактически не было, а был всего лишь... перерыв (!) в действиях Франции совместно с Англией против Германии. Polemica породила многочисленную литературу, например, книгу Ксавье Бурбона (X. de Bourbon. Les accords secrets franco-anglais. Paris, 1946) и самого Ружье «Секретная миссия в Лондоне. Соглашения Петен—Черчилль» (Louis Rougière. Mission secrète à Londres. Les accords Petain—Churchill. Genève, 1946). В 1954 г. вышла другая книга Ружье «Секретные франко-английские соглашения осенью 1940 г.» (Louis Rougière. Les accords secrets franco-britanniques de l'automne 1940. Paris, 1954).

Обе книги Ружье, как и книга Ксавье Бурбона, имели одну и ту же цель — выгородить Петена. В 1957 г. в серии книг, выпускаемых историками Сопротивления («Дух Сопротивления»), была опубликована работа генерала Г. Шмитта «Секретные франко-английские соглашения от ноября-декабря 1940 г. История или мистификация» (Général G. Schmitt. Les accords secrets franco-britanniques de novembre-décembre 1940. Histoire ou mystification? Paris, 1957), в которой Шмитт подверг уничтожающей критике утверждения Бурбона и Ружье и показал, что вся история с так называемым секретным соглашением раздута с целью политической реабилитация Петена и правительства Виши.

¹⁷ G. Schmitt. Op. cit., p. 49; E. L. Woodward. Op. cit., p. 102.

1940 г.), что дало затем защитникам Петена повод утверждать, будто он вел двойную игру: давая обещания немцам — речь шла об отвоевании французских колоний, присоединившихся к деголлистам, — на самом деле договаривался с Англией. Эта выдумка была опровергнута многочисленными документами, свидетельскими показаниями, а главное, самой политикой полного подчинения гитлеровской Германии, которую проводило вишистское правительство.

Запись переговоров Петена и Гитлера в Монтуаре неопровержимо доказывает, что Петен одобрял гитлеровские планы утверждения так называемого нового порядка в Европе и изъявлял готовность сателлита способствовать установлению безраздельного германского господства в Европе. Петен полностью отдавал себе отчет в том, что применительно к Англии речь идет о ее уничтожении. «План фюрера, — заявил Петен, — заключается в том, чтобы завершить окружение Англии на всех морях и во всех странах, берега которых расположены против английских берегов. Если сообщество, о котором говорил фюрер, могло бы быть создано, то это будет вероятно означать быстрый конец Англии»¹⁸. Петен заявил в Монтуаре о своем принципиальном согласии сотрудничать с Германией против Англии.

Результаты переговоров в Монтуаре были расценены Гитлером положительно. Спустя три недели, в директиве о ведении войны № 18 Гитлер заявляет, что цель его политики в отношении Франции заключается в сотрудничестве «наиболее эффективным способом для будущего ведения войны против Англии». Правительству Виши ставилась задача защиты французских колониальных владений в Западной и Экваториальной Африке «против Англии и движения де Голля». Гитлер считал именно эту задачу отправным пунктом для того, чтобы «участие Франции в войне против Англии развилось с полной силой»¹⁹. Это должно было облегчить Германии нападение на СССР²⁰.

---

¹⁸ DGFP, vol. XI, № 227, p. 389. Запись беседы Гитлера и Петена в Монтуаре, 24 октября 1940 г.

¹⁹ Ibid., № 323, p. 528. Директива Гитлера № 18, 12 ноября 1940 г.

²⁰ Дневник Гальдера, 11.X 1940.

Переговоры в Монтуаре вызвали беспокойство в Лондоне. По предложению Хора английское правительство направило Петену личное послание короля Георга VI и просило сделать то же самое и президента Рузвельта с тем, чтобы не допустить открытого перехода Виши на сторону Германии. 25 октября послание Георга VI было специальным курьером отправлено в Мадрид для передачи правительству Виши. Со своей стороны Рузвельт также обратился с посланием к Петену²¹. Через Ружье были отправлены письма и генералу Вейгану, осуществлявшему верховную власть во Французской Северной Африке. Вейган осторожно флиртовал в то время с американцами, выполняя, впрочем, все приказы Петена. Письма, предназначенные Вейгану, заключали в себе английский меморандум от 28 октября.

Английское правительство добивалось ограничения вишистского сотрудничества с Германией и откола Французской Северной Африки (во главе с Вейганом) от Виши и включения ее в войну против Германии.

Ружье позднее утверждал, будто английский меморандум от 28 октября 1940 г. был принят правительством Петена и явился таким образом англо-французским джентльменским соглашением. Меморандум стал предметом политических спекуляций и был использован как один из главных аргументов защиты на процессе Петена. В связи с этим Черчилль сделал 12 июня 1945 г. в ответ на запрос заявление в палате общин, в котором признавал, что английское правительство старалось установить контакт с Петеном и его министрами, чтобы побудить их к «оказанию максимума пассивного сопротивления врагу». По словам Черчилля, английское правительство добивалось обещаний правительства Виши, что французский флот не будет передан врагу, что оно не передаст немцам контроля над своими заморскими территориями и не нападет на колонии, захваченные де Голлем. Англия же обещала разрешить ограниченную торговлю между метрополией и французскими африканскими колониями. Но, продолжал далее Черчилль, ответ от Виши был неудовлетворительный.

Что касается миссии Ружье, то Черчилль признал сам факт, но заявил, что через Ружье не было передано

---

²¹ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 455.

никаких предложений о соглашении и никогда никакого соглашения с Виши не было заключено ни по каким каналам ²². 13 июля 1945 г. Форин оффис опубликовал заявление в виде сообщения английскому послу в Париже и ряд документов, в том числе записи бесед Галифакса и Стрэнга с Ружье, из которых вытекало, что заявления Ружье не соответствуют действительности.

Вся эта полемика несколько омрачила англо-французские послевоенные отношения. Однако, согласно сообщению «Таймс» от 17 июля 1945 г., опубликование заявления английского правительства и документов вызвало «удовлетворение в официальных кругах». Тем не менее подчеркивалось, что Французский национальный комитет не был в 1940 г. информирован английским правительством о беседах с Ружье. Но Комитет имел об этом информацию из собственных источников. Подчеркивалось также, что нет оснований говорить о каких-либо соглашениях между английским правительством и правительством Виши. В то же время не без злорадства отмечалось, что надежды, которые английское правительство возлагало на генерала Вейгана в 1940 г., никогда не разделялись де Голлем и генералом Катру. «Эти опасные иллюзии, — подчеркивалось в заключение, — (именно так они рассматривались генералом де Голлем и его советниками) объясняют в значительной мере сдержанность, которая была высказана в отношении генерала де Голля, и являются семенами тех трудностей и недоразумений, которые возросли во время высадки в Северной Африке и позднее в Нормандии» ²³. Американский историк Лангер в своей книге «Наша игра с Виши» приходит к выводу, что Петен зондировал англичан, а Черчилль пытался организовать французское сопротивление в Северной Африке ²⁴.

Виши вело переговоры с Англией лишь для смягчения английской блокады и удержания под своей властью колоний. У Петена и в мыслях не было сотрудничать с Англией против гитлеровской Германии.

В ответах Петена Георгу VI и Рузвельту утверждалось, что его правительство не собирается передавать

---

²² L. Rougier. Op. cit., Annexe C, p. 182—183.

²³ Ibid., Annexe E, p. 194—195.

²⁴ W. L. Langer. Our Vichy Gamble. New York, 1947, p. 88.

Германии ни флота, ни заморских владений, но, заявляя Петен в послании Рузвельту, французское правительство сохраняет за собой полную свободу действий²⁵. От Вейгана был получен весьма уклончивый ответ, из которого, однако, можно было заключить, что тот не сделает немцам уступок, выходящих за рамки перемирия. В то же время Вейган отклонял английское предложение об активном сотрудничестве²⁶.

Опасения Англии и США, что вишистская Франция станет германским союзником, усилились в связи с назначением после свидания в Монтуаре на пост министра иностранных дел вишистского правительства Лаваля, который пробыв в этом качестве до 13 декабря 1940 г., когда был заменен Фланденом. Опасения Англии были вполне оправданы.

3 ноября 1940 г. Гальдер записывал: «Поступили доклады из Парижа относительно требования Хютцингера о восстановлении обороноспособности Франции против Англии (Совещание 31.X). Требования даны отдельно по сухопутным войскам, флоту и авиации, требования, касающиеся сухопутных войск, весьма широки...»²⁷. Речь шла, таким образом, о военном германо-вишистском сотрудничестве.

Ответы Петена и Вейгана, очевидно, не удовлетворили английское правительство. В новой инструкции Форин оффис от 7 ноября, посланной Хору, предлагалось вновь передать в Виши примерно те же пожелания, что и в меморандуме от 28 октября²⁸.

В начале ноября 1940 г. английское правительство вновь пыталось вести переговоры с Виши через канадского поверенного в делах в Виши Дююки, который 24 ноября встретился по поручению Галифакса с Петеном. Петен по-прежнему твердил, что препятствием к установлению отношений с Англией является де Голль. Англичане не должны помогать его движению. Петен сделал заявление, которое должно было весьма обеспокоить

²⁵ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 458.

²⁶ E. L. Woodward. Op. cit., p. 102.

²⁷ Дневник Гальдера, 5.XI 1940.

²⁸ G. Schmitt. Op. cit., p. 98—109. Лангер полагает, что Петен в принципе согласился с основными пунктами письма Галифакса, и они явились «рабочим соглашением» (W. L. Langer. Op. cit., p. 120).

английское правительство: он готов предоставить Германии морские базы, если получит удовлетворительную компенсацию. В то же время Петен уверял, что ничего против Англии не предпримет ²⁹.

В начале декабря 1940 г. Галифакс через генерального секретаря министерства общественного воспитания Жака Шевалье направил письмо Петену, в котором вновь подтверждал желание Англии договориться с вишистским правительством. Англичане хотят только одного, писал Галифакс, чтобы Франция сохранила свой флот, колонии, не предоставляла гитлеровцам воздушных и морских баз и ничего не предпринимала против тех колоний, которые решили продолжать войну на стороне Англии.

При этом условии будет сохранен модус вивенди, который позволит, несмотря на блокаду, снабжать неоккупированную зону продуктами первой необходимости: зерном, овощами, медикаментами, а также керосином, мазутом, смазочными маслами и углем. Однако эти продукты не должны реэкспортироваться в Германию.

Из сообщения Галифакса вытекало, что Англия ожидает от правительства Виши по крайней мере оказания сопротивления новым требованиям Германии, если таковые последуют. Однако Петен, которому Шевалье передал содержание письма Галифакса, по существу игнорировал английский демарш, подтвердив, что он собирается ответить обратно те французские колонии, которые стали на сторону Англии. Шевалье и Дюпюи составили нечто вроде проекта соглашения, но оно не было подписано и, следовательно, вопреки более поздним утверждениям защитников Петена, в силу не вступало. Переговоры с Виши показали, что Англия может рассчитывать в лучшем случае лишь на то, что Виши не пойдет в вопросе о флоте и колониях в своих отношениях с Германией дальше пунктов перемирия от 22 июня. Но и эти надежды в тех условиях могли казаться чересчур оптимистическими. Теперь мы знаем из документов, что Виши торговалось с гитлеровцами. В дневнике Гальдера от 15 декабря 1940 г. имеется весьма ясное подтверждение этому. Вот выдержки из доклада Хютцингера о планах войны против Англии. Хютцингер требовал от германского командования «дальнейшего усиления армии за счет опытных колониальных

---

²⁹ E. L. Woodward. Op. cit., p. 102.

солдат из плена», — сообщает Гальдер. И далее: «рассматривает возможности нападения на англичан...», Хютцингер подчеркивает, что «Франция будет отвоевывать свои колонии, даже не считаясь с перспективой военного столкновения с Англией». Вишистский министр также настаивал на заявлении Германии, что не намечается никакого уменьшения колониальных владений Франции, что должно было лишить де Голля поддержки в колониях³⁰.

Но еще более важной является запись от 18 декабря 1940 г., которая развенчивает миф о «двойственной» позиции Петена, якобы заключившего секретное соглашение с Англией. Вот эта запись:

«Директория: Дарлан, Хютцингер, Лаваль, Фланден, новое подтверждение со стороны французского правительства того, что предложения Хютцингера о подготовке вступления Франции в войну против Англии полностью согласуются с мнением нового кабинета»³¹ (курсив мой. — А. Н.). Петен же был главой этого кабинета... Вскоре после очередной перетасовки в петеновском кабинете, в результате которой Лаваль оказался временно не у дел и был заменен на посту министра иностранных дел Фланденом (тогда это расценивалось как победа, одержанная Соединенными Штатами), британский премьер решил предпринять новую попытку и добиться заключения письменного соглашения с правительством Виши. Намерение Черчилля довольно ясно видно из его записки от 23 декабря 1940 г., адресованной Дююи, которому поручалось передать через Шевалье личное письмо Черчилля Петену, а также встретиться с Вейганом и Ногесом: «Крайне важно, чтобы правительство маршала Петена поняло, что мы имеем возможность и желание оказать ему могущественную и все возрастающую поддержку»³². Дююи, выехавший из Франции 7 декабря, возвратился лишь в конце января 1941 г. Поэтому предложения Черчилля были переданы через посольство США. 31 декабря Мэттьюз, поверенный США в делах при правительстве Виши, передал Шевалье (к тому времени уже министру) пакет. При этом Мэттьюз продиктовал Шевалье следующую сопроводительную записку: «Речь

---

³⁰ Дневник Гальдера, 15.XII 1940.

³¹ Там же, 18.XII 1940.

³² W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 529—530.

идет о двух нотах английского правительства, касающихся а) блокады, б) франко-английского сотрудничества. Я их передаю в Ваши руки без комментариев». Реакция Петена была отрицательной³³. В меморандуме о франко-английском сотрудничестве говорилось, что в случае, если правительство Виши решит продолжать войну из Северной Африки против Германии и Италии, то канадское правительство пошлет экспедиционные силы (до 6 дивизий) в Марокко, Алжир и Тунис. Серьезная поддержка будет оказана английской авиацией, силы которой возрастают с каждым днем. Английский и французский флоты на Средиземном море будут действовать в тесном сотрудничестве и пользоваться совместно марокканскими и североафриканскими базами. Канадское правительство готово начать совершенно секретные штабные переговоры без промедления, как только правительство Виши назначит своих уполномоченных; отсрочка крайне опасна³⁴.

Аналогичное письмо было направлено и Вейгану. Черчилль констатирует в своих мемуарах: «Никакого ответа от кого бы то ни было я не получал»³⁵. Однако это не обескуражило английское правительство. Оно правильно рассчитывало, что франко-английское сотрудничество в Северной Африке будет пользоваться поддержкой французского народа³⁶. Политика Англии получает одобрение и поддержку США, хотя в конце 1940 г. и в начале 1941 г. Французская Африка становится ареной столк-

---

³³ Петен, прочтя обе ноты, сжег их в соответствии с инструкцией Дююи. Затем Петен продиктовал Шевалье ответ, в котором выражал признательность за первый документ, т. е. относительно смягчения блокады. Что касается второго — относительно франко-английского сотрудничества, то Петен сказал: «я его не получал», подчеркнув этим свое отрицательное отношение к предложению Черчилля. Шмитт указывает, что Фланден, выступая на процессе Петена, умолчал о письме Черчилля, так как на это письмо не было дано ответа (G. Schmitt. Op. cit., p. 112—117).

³⁴ FR, 1940, vol. II, p. 432. Поверенный в делах в Лондоне Джонсон — государственному секретарю, Лондон, 20 декабря 1940 г.; *ibid.*, p. 434—435. Поверенный в делах в Виши Мэттьюз — государственному секретарю, Виши, 31 декабря 1940 г.

³⁵ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 550—551.

³⁶ К этому времени значительная часть французского народа, разочарованная вишистской политикой сотрудничества с гитлеровской Германией, высказывается за возобновление борьбы. Леги сообщал 25 января 1941 г.: «По-видимому, весь французский народ желает английской победы» (FR, 1941, vol. II, p. 105. Леги — Рузвельту, Виши, 25 января 1941 г.).

новения политических и экономических интересов Англии и Соединенных Штатов Америки.

США в начале января 1941 г. направили в Виши своего посла адмирала Леги. Ему было поручено поставить вопрос о помощи Франции продовольствием в зависимости от позиции Виши по отношению к английским предложениям ³⁷. 13 января Хэлл телеграфировал Леги, что английские предложения включают больше, чем предложения о помощи в случае, если французское правительство решится вести войну на стороне Англии из Северной Африки (английские предложения от ноября-декабря 1940 г.). 22 января Хэлл вновь подчеркивает, что в Англии сделают все для мобилизации и отправки французского флота из Александрии, если Виши решится начать войну против Германии и Италии из Северной Африки ³⁸. Спустя неделю следует важное уточнение: если Французская Северная Африка начнет войну против Германии и Италии, то есть речь идет, очевидно, о молчаливом согласии Виши на сотрудничество Вейгана с Англией ³⁹. Уточнение Хэлла датировано 29 января.

Но еще 17 января — отсюда и ясна взаимосвязь событий — британский премьер обратился к Вейгану с письмом, в котором обещал облегчить доставку нефти в Северную Африку. В конце письма премьер подчеркивал: «Мы выступаем за активное сотрудничество между французской и английской армиями в нашем общем деле» ⁴⁰. К этому письму были приложены — и в этом состояла основная цель его — копия письма Петену от 31 декабря 1940 г. и копия инструкции Форин оффис послу в Мадриде от 7 ноября 1940 г. Письмо Черчилля было передано через Пелла — посланника США в Португалии, который по поручению своего правительства ознакомился на месте с положением дел во Французской Африке. Беседы, которые он вел с французскими чиновниками и офицерами в Северной Африке, очевидно, убедили его в том, что можно рассчитывать на сотрудничество Вейгана. Пелл сообщал государственному секретарю после бесед с Вейганом, адмиралом Эстевой и др., что Вейган, армейские

³⁷ FR, 1941, vol. II, p. 101—102. Хэлл — Леги, Вашингтон, 15 января 1941 г.

³⁸ W. L. L a n g e r. Op. cit., p. 121.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ W e y g a n d. Mémoires, vol. III, Paris, 1950, p. 477—478.

офицеры, чиновники относятся к Англии с симпатией и Вейган якобы заявил даже, что верит в победу Англии. Из этого и других сообщений Черчилль сделал ошибочный вывод о возможности в «любую минуту» ожидать перехода Вейгана на «нашу сторону»⁴¹. На самом же деле Вейган не дал никакого ответа, и оснований для оптимизма Черчилля не было. Впрочем, в скором времени глава британского кабинета вынужден был признать, что только силой можно заставить Вейгана действовать вместе с Англией⁴².

На новое обращение английского правительства к Петену от 1 февраля 1941 г. последовал отрицательный устный ответ⁴³.

Последние попытки заключения соглашения между Виши и Англией относятся к маю-июню 1941 г.

В мае Форин оффис предложил направить в Виши официального или полуофициального агента английского правительства для того, чтобы «установить позицию французского правительства», которую не удалось выяснить во время бесед в Мадриде и в Вашингтоне. Этот агент должен был услышать из уст «самого маршала» заявление о позиции Франции по отношению к Англии.

7 мая 1941 г. Шартье, неофициальный агент Форин оффис, отправился в Виши для встречи с Петеном и 18 мая передал ему английскую просьбу. Но Петен и на этот раз не пожелал вести каких-либо переговоров с Англией⁴⁴.

В эти дни происходили вишистско-германские переговоры, которые, как ожидали, должны были привести Германию и Францию к тесному военному сотрудничеству. 12 мая 1941 г. Риббентроп заявил Дарлану, что Франция должна немедленно сделать решающий выбор, «и этот выбор: война против Англии». Дарлан полностью согла-

---

⁴¹ W. S. Churchill. Op. cit., vol. III. London, 1950, p. 7—8. Расчет Черчилля на переход Вейгана был, по-видимому, так велик, что Би-Би-Си было дано указание, так же как и английской печати, избегать каких-либо рассуждений на эту тему (FR, 1941, vol. II, p. 216—217. Хэлл — Легг, Вашингтон, 1 февраля 1941 г.).

⁴² W. S. Churchill. Op. cit., vol. III, p. 649—650. Премьер-министр — МИДУ, 12 февраля 1941 г.

⁴³ G. Schmitt. Op. cit., p. 125.

⁴⁴ Ibid., p. 129.

сился с гитлеровским министром ⁴⁵. Предупреждая готовящиеся события, «Таймс» опубликовала 22 мая 1941 г. передовую статью под заголовком «Виши присоединилось к оси». В статье указывалось: «открытое сотрудничество правительства Виши с бывшими врагами против бывших союзников Франции — теперь совершившийся факт» ⁴⁶.

И все-таки английское правительство продолжало политику привлечения вишистских властей на сторону Англии. Резкие выступления в печати, в парламенте отнюдь не мешали новым попыткам достигнуть секретных соглашений с Виши.

14 июня 1941 г. ⁴⁷ в Лондон, с ведома и поощрения военного министра Виши генерала Хютцингера, на самолете из Лиссабона прибыл французский полковник Груссар. Петену об этом предприятии было известно. Как свидетельствует Груссар в своей книге, цель его миссии заключалась в «прояснении франко-британских отношений» и в заключении секретных соглашений между Лондоном и Виши ⁴⁸. Груссар дважды встречался с Черчиллем, с Иденом и с послом США Вайнантом ⁴⁹. Во время этих встреч обсуждались возможности и сроки выступления Северной Африки на стороне Англии и помощи, которую Англия могла бы при этом оказать. Рассматривались также вопросы о дополнительных разрешениях для снабжения Франции морским путем; о смягчении нападок английского радио на Виши; о привлечении некоторых вишистских министров к серьезной подготовке движения Сопротивления, которое действовало бы во взаимосвязи с английским правительством. По утверждению Груссара, Черчилль сделал такое заявление: «Я тоже, если бы управлял вашей страной, тянул, старался бы выиграть время во всем, но я бы помогал всеми возможными

---

⁴⁵ DGFP, vol. XII, № 499, p. 781—782. Неподписанный меморандум о частной беседе между Риббентропом и Дарланом в Фушле 12 мая 1941 г.

⁴⁶ «Times», 22.V 1941.

⁴⁷ Лангер ошибочно утверждает, что это произошло в январе 1941 г. (W. L. Langer. Op. cit., p. 121).

⁴⁸ Вудворд утверждает, что Груссар прибыл в Лондон, чтобы на основании его информации в Виши могли бы судить, насколько велики шансы Англии на победу (E. L. Woodward. Op. cit., p. 102).

⁴⁹ Colonel Groussard. Chemins secrets, tome I. Paris, 1948, p. 226—259.

средствами тем, кто остаются моими товарищами по борьбе». Он настаивал на том, что «необходимо по мере возможности помогать друг другу... Победа будет французской в той степени, в какой Франция будет способствовать ее достижению»⁵⁰. Черчилль всячески подчеркивал готовность Англии сотрудничать с Петеном («маршал может служить вашей стране так же, как и генерал де Голль служит ей в Англии»)⁵¹. Можно заключить из этих высказываний, что Черчилль придавал «миссии Грассара» серьезное значение. Переговоры Грассара были как бы продолжением попыток английского правительства добиться какого-то участия вишистского правительства в войне против Германии. Надежды на это возросли в связи с внутренней борьбой среди политиков Виши и наметившимся между ними расколом. С другой стороны, нападение Германии на Советский Союз означало в недалеком будущем некоторое ослабление политического давления Германии на континенте. Грассар возвратился в Виши 1 июля и должен был 23 июля вернуться в Лондон с полномочиями на ведение переговоров об окончательном англо-французском соглашении. Однако Петен и Дарлан приняли решение об аресте Грассара. 16 июля Грассар был арестован⁵².

«Миссия Грассара» была последней попыткой наладить англо-французские отношения. В дальнейшем английское правительство не проявляло инициативы в установлении отношений с правительством Петена, не пыталось вести переговоров по широким политическим аспектам, хотя контакты между Англией и Виши несколько раз устанавливались по более частным вопросам.

Некоторых историков удивляет упорство, с которым Черчилль продолжал добиваться возобновления правительства Виши войны против Германии из Северной Африки. Возникает вопрос, почему глава британского кабинета рассчитывает на то, на что рассчитывать вовсе не приходилось. Так, Лангер считает «удивительным», что

---

⁵⁰ Colonel G r o u s s a r d. Op. cit., p. 231—232. Черчилль не упоминает в своих мемуарах об этом эпизоде.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Шмитт отмечает, что «миссия Грассара» не была использована защитниками Петена на его процессе для доказательства «двойственности» политики Виши; они, наоборот, замалчивали этот эпизод, так как он опровергает спасительную легенду.

«английское правительство настойчиво игнорировало этот факт»⁵³. Однако ничего удивительного в этом не было. Постоянными предложениями правительству Виши, которые — и это очень важно — находили энергичную поддержку и со стороны США, английское правительство добивалось некоторого сдерживания Виши в его политике сотрудничества с гитлеровской Германией, тормозило реализацию этой политики. Следует также помнить, что в тот момент существовала опасность, во всяком случае по мнению английского правительства, вступления в войну франкистской Испании и нападения на Гибралтар. Позиция вишистской Франции при таком обороте дела была для Англии крайне важна. Большую роль играли опасения за судьбу французского морского флота и за североафриканские колонии. Черчилль уже тогда считал, что Германия совершила грубейшую ошибку, не захватив сразу же в свои руки французский флот и колониальную империю. Позднее Гитлер также признавался, что просчитался⁵⁴. Английское правительство полагало, что гитлеровцы попытаются эту ошибку «исправить», т. е. неожиданно захватить флот и Северную Африку. Отсюда попытки договориться с Петеном и Вейганом.

Была и другая сторона дела, чисто политическая, о которой буржуазные историки часто умалчивают. Хотя английское правительство намеревалось вести войну против Германии до ее полного поражения и провозглашало уничтожение гитлеризма в качестве одной из главных целей войны, оно стремилось опереться в этой борьбе прежде всего на наиболее консервативные силы континентальной Европы. Если Петен и его приспешники заявляли, что «Гитлер лучше, чем Народный фронт», то для Черчилля Виши, сотрудничающее с Англией, даже во главе с Петеном было также «лучше, чем Народный фронт». Кроме того, Виши осуществляло власть над значительной частью Франции, де Голлю же надо было добиваться ее. Возможность гражданской войны не прельщала Черчилля. История второй мировой войны наглядно подтвердила,

---

⁵³ W. L. Langer. Op. cit., p. 121.

⁵⁴ «The Testament of Adolf Hitler», London, 1961, p. 60. Незадолго до смерти Гитлер говорил Борману, что политика коллаборационизма с Францией была ошибкой. Необходимо было сразу же захватить французские колонии. Он обвинял в этой ошибке немецких дипломатов.

что английская буржуазия предпочитает союз с наиболее консервативным, реакционным крылом буржуазии стран континентальной Европы и с наиболее умеренным крылом антифашистского движения, например, с де Голлем, союзу с прогрессивными демократическими силами. Лишь отказ вишистской Франции от сотрудничества с Англией, а затем оккупация германской армией всей территории Франции заставили английское правительство отказаться от планов англо-вишистского сотрудничества. Однако едва союзники высадились в Северной Африке, не кто иной как архиреакционер Дарлан стал главной политической фигурой, на которую опирались англо-американские союзники.

Не будет преувеличением сказать, что Черчилль, английское правительство, правящие классы Англии понимали провозглашенный лозунг «освобождения Европы», выражаясь термином более позднего времени, как план «дарланизации Европы», т. е. предотвращения социальных изменений и удержания у власти буржуазии. Это и понятно — ведь одна из главных задач английской политики, которая более рельефно вырисовалась на позднейшем этапе войны, заключалась в гарантии того, что крушение гитлеровской Германии не приведет к победе подлинно демократических сил и к необратимым изменениям социального характера. Поэтому все переговоры, разного рода «секретные миссии» (Ружье, Шевалье, Шартье, Груссара) можно правильно оценить, лишь имея в виду намерение Англии ограничиться ликвидацией гитлеризма в самой Германии и немецкой оккупации в континентальной Европе, обеспечив при этом передачу власти в руки имущих классов.

С политикой Англии по отношению к Виши была тесно связана политическая игра вокруг Французской Северной Африки.

Выше мы уже отмечали, что вопрос о Французской Северной Африке был одним из главных элементов разногласий и столкновений не только между Англией и Виши, но также и между Англией и Соединенными Штатами Америки.

Из необходимости для Англии опираться в происходившей войне на помощь Соединенных Штатов Америки вытекало постепенное усиление зависимости английской политики от североамериканской. Общие интересы в

борьбе против Германии в Европе и позднее против Японии на Дальнем Востоке и на Тихом океане не могли исключить столкновения между английскими и американскими империалистическими интересами, а следовательно и расхождений по ряду важных политических вопросов. Такое расхождение существовало в политических оценках отношений с Виши и с французскими колониальными властями. В частности, США выступали против английской политики экономической блокады Франции и ее колоний и настаивали под различными предлогами гуманитарного характера на снабжении неоккупированной части Франции продовольствием, товарами первой необходимости и т. п. ⁵⁵

В США под руководством председателя об-ва Красного креста, бывшего президента Герберта Гувера развернулась кампания за «смягчение» английской блокады континента и в частности Франции. Крокодиловы слезы, которые проливал Гувер по поводу нехватки молока для питания «бедных французских детей», плохо сочетались с весьма пассивной позицией, занятой Гувером и его помощниками по отношению к чудовищным зверствам, которые творили нацисты в Польше и на других оккупированных территориях.

Черчилль — сам достаточно искусственный в лицемерии — долгое время парировал эти доводы. 20 августа 1940 г., отвечая косвенным образом на американский нажим, он заявил в палате общин: «Имеется много предложений, исходящих из самых высоких побуждений, разрешить снабжение продовольствием населения. Я сожалею, но мы должны отвергнуть эти предложения» ⁵⁶.

Однако, в конце концов, под нажимом США английскому правительству пришлось пойти на некоторое смягчение блокады. Но в то время американцев еще больше интересовали возможности расширения экономических связей с Французской Северной и Западной Африкой ⁵⁷. США обвиняли Англию в стремлении «задушить» блокадой французские колонии и считали ошибочным английское предположение, что экономические трудности, возникшие во французских колониях, побудят их искать английской поддержки и таким образом их удастся во-

⁵⁵ FR, 1941, vol. II, p. 89—205.

⁵⁶ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 364, col. 1161.

⁵⁷ FR, 1941, vol. II, p. 206—269.

влек в войну против Германии. В Вашингтоне полагали, что в результате такого рода английской политики французские колонии бросятся в объятия Германии⁵⁸.

Но, очевидно, главным, хотя и тщательно скрываемым, мотивом американской политики было желание утвердиться во французских колониях в надежде, что они «бросятся в американские объятия». В США отнюдь не желали, чтобы Англия использовала ослабление Франции для расширения собственного экономического и политического влияния.

Английская политика по отношению к Французской Северной Африке была изложена в меморандуме, переданном английским посольством в США госдепартаменту в конце января 1941 года. Прежде всего подчеркивалось, что Англия будет стараться избегать конфликта с политикой США.

Английская политика исходила из того, что способность Франции к сопротивлению требованиям Германии и Италии повсюду значительно уменьшилась. Смягчение блокады Франции может привести не только к дополнительному ослаблению Германии и усилению ее давления на Виши, но и к укреплению пассивно-выжидательной позиции Виши. Английское правительство заявляло о своей готовности применять блокаду частично, в зависимости от географического района и политико-стратегического момента. При этом оно обращало внимание правительства США на то, что Французская Вест-Индия, Дакар и Касабланка используются противником как перевалочные базы, откуда стратегические грузы поступают в Северную Африку, во Францию, а оттуда вывозятся в Германию. Поэтому важно остановить снабжение врага у самого его источника на американском континенте⁵⁹. Таким образом, Англия прямо указывала, что политика США в отношении блокады Франции может сослужить службу врагу.

Характерным примером англо-американских противоречий в Северной Африке было столкновение английской и американской политики в вопросе о блокаде Француз-

---

⁵⁸ FR, 1941, vol. II, p. 241—242. Меморандум о беседе с советником английского посольства Н. М. Батлером, Вашингтон, 23 января 1941 г.

⁵⁹ Ibid., p. 246—247. Меморандум английского посольства в Вашингтоне, переданный госдепартаменту 28 января 1941 г.

ского Марокко. Одновременно с меморандумом английского посольства от 28 января 1941 г. посланник Джералд Кемпбелл и первый секретарь британского посольства Хелм начали переговоры в госдепартаменте о заключении соглашения по поводу Марокко, в связи с тем, что американская торговля с Марокко пробивала брешь в системе английской блокады⁶⁰. В феврале 1941 г. США заключили соглашение с генералом Вейганом (Вейган — Мэрфи) о торговле с Французской Северной Африкой, что было расценено Англией как удар по ее политике.

Переговоры о торговле с Марокко США проводили за спиной Англии. В ответ на английские протесты США указывали, что и английский представитель министерства экономической войны Экклз вел экономические переговоры в Мадриде и Танжере о заключении бартерного соглашения между Великобританией, Испанией и Французским Марокко за спиной США⁶¹. В конце концов Англию, зависящую от американской помощи, заставили отступить. Правда, попытки Англии повлиять на политику США во Французской Северной Африке не прекратились⁶². В это время во Французскую Африку прибыли

---

⁶⁰ Ibid., p. 250—251. Беседа Берля с Хелмом и Кемпбеллом, Вашингтон, 28 января 1941 года.

⁶¹ FR, 1941, vol. II, p. 255—257. Меморандум о беседе начальника ближневосточного отдела госдепартамента Уилларда с первым секретарем английского посольства Хелмом, Вашингтон, 11 февраля 1941 г.; *ibid.*, p. 257—258. Госдепартамент — английскому посольству, Вашингтон, 13 февраля 1941 г.

⁶² В меморандуме английского посольства госдепартаменту от 7 февраля 1941 г. указывалось: хотя английское правительство в отличие от США не верит, что Вейган вступит в войну на стороне союзников, оно готово поддержать политику США, основанную на этом расчете, при условии, что она не повлечет серьезного прорыва экономической блокады. Английское правительство соглашалось на ввоз американских товаров в Марокко при условии, что там не будут созданы значительные склады и товары не попадут в руки врага. Англия настаивала на посылке американских наблюдателей в порты и на железные дороги, на признании французскими властями Марокко их руководства. Англия выражала готовность распространить соглашение на Алжир и Тунис при условии эффективных гарантий против реэкспорта. Английское правительство настаивало также, чтобы условием американских соглашений с Вейганом было освобождение задержанных судов Англии и ее союзников, а также возвращение английских консулов в Марокко. Англия настаивала на получении от Вейгана до подписания соглашения письменного обязательства о его будущей позиции и предлагала послать своего представителя в Алжир за получением этих

чиновники германской комиссии по перемирию, и по английским сведениям происходило интенсивное проникновение немецких военнослужащих под видом членов комиссии. Обеспокоенный английский представитель в Танжере предлагал ввести во Французскую Африку английские войска через Тунис⁶³.

Стремясь подтолкнуть своих американских партнеров к более решительным действиям, английские представители всячески подчеркивали опасность появления немецких чиновников на территории Французской Африки, зачастую прибегая при этом и к преувеличению. Но выводы, к которым приходила английская сторона, всегда сопровождались одним и тем же рефреном — Англия и США должны вести политику в Марокко совместно, иначе говоря, Англия стремилась ограничить самостоятельность американской политики, заставить ее действовать вместе с английской. Вот почему Лангер отмечал, что английская нота, посланная США (о снабжении Марокко) от конца февраля, выдержана в «несколько покровительственном тоне», который вызвал в госдепартаменте раздражение⁶⁴. Как раз в это время в США с большой подозрительностью отнеслись к английскому плану «умиротворения» Франко путем заключения соглашения, по которому Англия брала бы на себя обязательство снабжать Французское Марокко оборудованием, машинами, углем, а Французское Марокко ввозило бы продовольствие в Испанское Марокко и в Испанию⁶⁵. В тот момент в Англии очень опасались заключения испано-германского военного союза, который повлек бы за собою нападение на Гибралтар, и считали английский план своего рода откупом⁶⁶.

Между тем Германия усилила нажим на Виши. Лаваль снова был введен в правительство и настаивал на активном, в том числе и военном, сотрудничестве Франции

обязательств. В меморандуме подчеркивалось, что Англия рассчитывает получить тексты соглашений до того, как они будут подписаны. (FR, 1941, vol. II, p. 253—255. Меморандум английского посольства — госдепартаменту, Вашингтон, 7 февраля 1941 г.).

⁶³ FR, 1941, vol. II, p. 265. Поверенный в делах США в Танжере Чайлд — государственному секретарю, Танжер, 20 февраля 1940 г.

⁶⁴ W. L. L a n g e r. Op. cit., p. 133.

⁶⁵ FR, 1941, vol. II, p. 257—258. Государственный департамент — английскому посольству, Вашингтон, 13 февраля 1941 г.

⁶⁶ W. L. L a n g e r. Op. cit., p. 133.

с гитлеровской Германией. На Балканах события развивались крайне неблагоприятно для Англии. Танки Роммеля подошли к египетской границе, откуда могло начаться немецкое наступление для захвата Северной и Западной Африки. Несмотря на заверения Вейгана, данные им Мэрфи, о готовности в случае необходимости защищаться от вторжения немцев, было маловероятно, что Вейган, который выполнял неукоснительно все указания Петена и был его заместителем в Северной Африке, что-либо предпримет. 13 марта английское посольство передало Рузвельту письмо британского премьера с предложением, в связи с угрозой Дарлана силой прорвать английскую блокаду, установить точную цифру месячного снабжения зерном Французской Африки и неоккупированной зоны Франции путем заключения с Виши секретного соглашения⁶⁷. В развитие этого письма был передан английский меморандум, конкретизирующий предложения Черчилля⁶⁸. Отличие английской точки зрения от американской заключалось в том, что первая рассматривала вопрос об отношении к вишистской Франции и к Французской Северной Африке, как единый неразрывный комплекс, вторая же стремилась отделить политику в отношении Виши от политики в отношении Северной Африки. Позиция США отражала традиционную американскую доктрину «открытых дверей» и «равных возмож-

⁶⁷ FR, 1941, vol. II, p. 119—120. Черчилль — Рузвельту.

⁶⁸ Ibid., p. 266—268. Английское посольство — госдепартаменту, Вашингтон, 13 марта 1941 г.

В меморандуме указывалось на готовность Англии вместе с США снабжать Францию (при условии гарантии против реэкспорта) 5—8 млн. бушелей пшеницы. Если правительство Виши откажется, то французскому народу можно будет сказать, что его лидеры предпочитают сотрудничество с Германией. Ввоз зерна во Францию возможен при условии предотвращения Петеном дальнейшего проникновения Германии во Французскую Северную Африку, в особенности вооруженных немцев и итальянцев. Должны быть посланы американские наблюдатели в неоккупированную Францию и во Французскую Северную Африку. Американских наблюдателей в Африке либо должны сопровождать английские чиновники, либо англичане должны вернуться к исполнению своих консульских обязанностей. Французский флот должен быть переведен из портов метрополии в Касабланку и Дакар и оставаться там. Англия и США не должны удовлетворяться устными заверениями Петена и Вейгана (FR, 1941, vol. II, p. 271). Вишистские власти отклонили предложение о сопровождении американских наблюдателей английскими.

ностей» с той весьма существенной поправкой, что двери должны быть открыты лишь для США. Иными словами, США хотели использовать благоприятную обстановку для утверждения своего влияния во Французской Северной Африке.

Начальник ближневосточного отдела госдепартамента Меррей определенно указывал на необходимость как можно скорее предпринять шаги, чтобы разрешить «оба вопроса порознь не только в наших дискуссиях с англичанами, но и для других целей»⁶⁹ (подчеркнуто мною.— А. Н.). Цель эта заключалась, как далее писал сам Меррей, в проведении в жизнь «при любых обстоятельствах» американского плана экономического сотрудничества с Северной Африкой⁷⁰. Меррей предлагал в переговорах с представителями английского посольства прибегнуть к хитрости: обсуждать вопрос о посылке продовольствия в неоккупированную часть Франции в одном отделе госдепартамента, а вопрос об экономической «помощи» Северной Африке в другом отделе.

Между тем Англия продолжала настаивать на более решительных действиях. «Только прямые действия США в Северной Африке могут заставить французское общественное мнение поверить, что Германии может быть нанесено поражение»,— говорилось в одном из английских меморандумов.— Нужно готовиться к захвату Дакара и Касабланки без предупреждения⁷¹. Однако США уже сделали ставку на Вейгана и не собирались отступать от принятого курса.

По-видимому, к началу апреля 1941 г. англо-американские противоречия в этом вопросе достигают кульминационного пункта. Государственный секретарь Хэлл созывает совещание в госдепартаменте, в котором принимают участие со стороны США Хэлл и Мэрфи, вызванные в Вашингтон, а с английской стороны Галифакс и Экклз. Совещание должно было выработать общую политическую линию Англии и США по отношению к Виши и Французской Северной Африке. Иными словами, речь шла о том, чтобы заставить Англию солидаризоваться с американской политикой, которая, как подчеркнул Хэлл,

---

⁶⁹ FR, 1941, vol. II, p. 273.

⁷⁰ Ibidem.

⁷¹ Ibid., p. 297—298. Меморандум Экклза об отношениях между США, Францией и Англией. Вашингтон, 20 апреля 1941 г.

заклучалась в поддержке Петена и Вейгана. Хэлл указывал при этом, что иначе в Виши возьмут верх открытые сторонники сотрудничества с гитлеровской Германией — Лаваль и Дарлан ⁷². Галифакс согласился с Хэллом. Предложения английских представителей начать немедленные секретные штабные переговоры с Вейганом были отклонены американскими. Англо-американские переговоры в апреле 1941 г. привели в конечном счете к соглашению Англии поддержать американские планы. Правда, согласие это было дано с большой неохотой. Но другой альтернативы не было. Как раз незадолго до того был принят закон о ленд-лизе, и любые трения могли пагубно отразиться на американских военных поставках Англии.

Кроме того, и положение Англии было в результате поражения на Балканах и в Ливии весьма тяжелым. Было также известно, что Германия настойчиво продолжает добиваться выступления Испании и в ожидании этого потребовала пропуска германских войск через территорию неоккупированной Франции в Испанию. Казалось, что над Северной Африкой нависла угроза германского вторжения. В действительности такой угрозы не было, так как Германия все свои силы обратила на Восток и лихорадочно завершала приготовления к нападению на Советский Союз. В самой Северной Африке многие высокопоставленные чиновники вишистской администрации предпочитали американскую оккупацию немецкой и призывали США предпринять немедленную интервенцию ⁷³, подчеркивая при этом, что «англичане здесь нежелательны. Мы верим только в американцев» ⁷⁴.

США предпочитали действовать в Северной Африке, не прибегая к английской помощи. В апреле было решено направить в Северную Африку, а также в Дакар, наблюдателей-офицеров в штатском, которые одновременно выполняли бы задания разведки ⁷⁵. Французские власти

⁷² Ibid., p. 288—295. Меморандум Мэрфи (без даты).

⁷³ Ibid., p. 332—333. Меморандум о беседе с бывшим помощником генерального секретаря французского правительства в Марокко Маржолопом. Вашингтон, 14 мая 1941 г.

⁷⁴ Ibid., p. 340—341. Консул в Касабланке Стентон — государственному секретарю. Касабланка, 19 мая 1941 г. (беседа с генеральным секретарем французского правительства в Марокко Мовником).

⁷⁵ В обязанность «наблюдателям» вменялось: осуществление контроля над кораблями и товарами, над движением торговли между Северной Африкой и США, в том числе на борту кораблей; наблю-

в Африке признали принцип контроля американских наблюдателей над распределением прибывающих из-за океана товаров и продовольствия и безусловного возвращения судов в порты стран, откуда они прибыли ⁷⁶.

Хотя Англия и выступала с критикой политики США в Северной Африке и настаивала на прямых действиях, тем не менее ей ничего не оставалось делать, как признать американское руководство.

В начале мая Дарлан был вызван в Берхтесгаден. В связи с этим Англия потребовала от США немедленно предупредить Виши о нежелательности предоставления французской территории для прохода немецких войск в Испанию и использования территории Северной Африки для ведения операций против Англии и ее колоний. Англия также настаивала, чтобы американские военные корабли посетили Дакар и Касабланку, что должно было продемонстрировать заинтересованность США в сохранении status quo французских колоний в Африке ⁷⁷. Вместо этого США согласились лишь сделать через своего посла Леги предупреждение Петену. Английское правительство было раздражено политикой США, ибо практически получалось, что на словах Петен якобы противостоит германскому нажиму, а на деле сотрудничает с гитлеровской Германией против Англии. Для такого утверждения было достаточно оснований. В Ираке и Сирии Петен и Вейган помогали немцам ⁷⁸. Они также вели переговоры с гитлеровцами о расширении сотрудничества.

дение за проникновением немцев и итальянцев; сбор информации военного характера; осторожная пропаганда неизбежности победы Англии при помощи США; развитие контактов с местным арабским населением, распространение новостей (FR, 1941, vol. II, p. 308—320. Мэрфи — Меррею, Алжир, 13 октября 1941 г.).

⁷⁶ Ibid., p. 326—327.

⁷⁷ W. L. L a n g e r. Op. cit., p. 145—146.

⁷⁸ В записи от 27 мая Гальдер отмечает: «*Переговоры с Дарланом.* 3/4 французских поставок, застрявших в Сирии, предназначаются для отправки в Ирак... Франция обеспечивает подвоз в Ирак; от Кипра охрана их осуществляется французскими кораблями. Французы проводят боевую подготовку войск для Ирака в Сирии. Обмен информацией с нами на Ближнем Востоке.

Северная Африка. Мы получаем 1740 грузовых автомашин, позже — следующие 400.

Французские суда перевозят наши грузы в Северную Африку. Ставится вопрос о том, как перебросить эти грузы дальше до ливийской границы. Также ставится вопрос об использовании Бизерты в наших целях.

В то время как Вейган заверял США в готовности защищать Северную Африку от немцев, Дарлан подписал в Париже 28 мая 1941 г. так называемые Парижские протоколы, согласно которым Франция должна была проводить самое тесное сотрудничество с гитлеровской Германией⁷⁹. Правда, протоколы не вступили в силу, но они серьезно напугали английское правительство⁸⁰.

В начале июня в Виши было созвано совещание, на котором обсуждался вопрос о более тесном сотрудничестве с Германией, в том числе и о предоставлении ей баз в Северной Африке. Хотя решения на этот счет в связи с отрицательной позицией Вейгана и угрозами США немедленно прекратить экономическую помощь приняты не были, но положение оставалось крайне серьезным. Если бы не события 22 июня, решительно изменившие всю военно-политическую обстановку, нет никакого сомнения, что Германия и Италия захватили бы, вопреки условиям перемирия, колонии Франции и ее флот, что они, впрочем, и попытались осуществить на более позднем этапе войны.

Героическая борьба советского народа против немецко-фашистских захватчиков отвлекла силы и внимание фашистов от Северной Африки, окончательно похоронила их планы овладения Гибралтаром. Не кто иной, как Вейган, известный своей ненавистью к Советскому Союзу, заявил в начале августа в конфиденциальной беседе: «Русская ситуация определенно нас усилила, и лично я сомневаюсь, были ли бы немцы в настоящий момент в состоянии навязать нам (свою волю.— А. Н.)»⁸¹.

Франция поставляет тяжелые орудия и боеприпасы к ним для наших войск, находящихся в Северной Африке.

Западная и Экваториальная Африка. С 15 июля в распоряжение германского военного флота поступает порт Дакар» (Дневник Гальдера, 27.V 1941).

⁷⁹ DGFP, vol. XII, № 559, p. 892—900. Протоколы, подписанные в Париже 27 и 28 мая 1941 г.

⁸⁰ Галифакс, Эклз, Р. Кемпбелл (английский посол в Лиссабоне) рекомендовали своему правительству оказать поддержку Вейгану путем отправки продовольствия и других товаров во Французскую Северную Африку. Английское правительство согласилось с их рекомендациями и отдало распоряжение об освобождении захваченных французских судов с грузами, предназначенными для Северной Африки.

⁸¹ FR, 1941, vol. II, p. 411. Леги — государственному секретарю Виши.

Г л а в а д е с я т а я

ПОЛИТИКА НА БАЛКАНАХ И В ТУРЦИИ (после капитуляции Франции)

Успешное германское наступление на Западе, последовавший затем разгром союзников, капитуляция Франции и эвакуация английских войск на Британские острова существенно изменили всю военно-политическую обстановку на Балканах. Взгляды правительств балкано-дунайских государств были прикованы к Берлину, откуда одни ожидали кары за свои связи с Лондоном и Парижем, а другие — платы за верную службу.

Распространяемый геббельсовской пропагандой слух, будто 15 сентября Гитлер будет принимать в Букингемском дворце капитуляцию Англии, в июне 1940 г. не вызвал в балканских государствах особых сомнений.

Престиж Англии резко упал. Активность английской дипломатии оказалась на некоторое время парализованной.

В этот критический для Англии момент сохранение, вернее удержание своих позиций в балканских государствах в любой, даже самой минимальной, степени было крайне важно. Здесь начинались подступы к колониальной империи, коммуникации. От ближайших событий на Балканах в значительной степени зависело и положение дел на Ближнем и Среднем Востоке и во всем районе Восточного Средиземноморья.

В первые месяцы после победы на Западе Германия была заинтересована не только в полном и беспрекословном подчинении балканских государств, но для нее было крайне нежелательно — во всяком случае до обе-

щанной Гитлером скорой победы над Англией — какое-либо резкое обострение обстановки на Балканах. Это повлекло бы за собою вынужденную переброску германских сил и отвлечение средств, необходимых для того, чтобы поставить на колени упрямый Альбион, который никак не хотел понять, что война им уже проиграна. Это могло привести и к срыву другого плана, наиболее важного в глазах Гитлера — нападения на Советский Союз.

Между тем план лобового удара по Англии становился все более проблематичным. Новый план заключался в том, чтобы задушить Британские острова в кольце блокады. Отсюда различные варианты совместного с Испанией овладения Гибралтаром, в то время как Италия должна была захватить Суэц. Вот почему Германия старалась удержать свою союзницу Италию, рвавшуюся «рассчитаться» с Белградом и Афинами. В беседе с итальянским послом Альфиери Риббентроп решительно возражал против итальянских намерений немедленно напасть на Югославию. «В принципе должно быть сказано, что ось в настоящее время находится в борьбе не на жизнь, а на смерть с Англией, и поэтому, без сомнения, совершенно нежелательно братья за разрешение какой-либо новой проблемы, которая не находится в абсолютной связи с усилением сокрушить Англию»¹.

Успокаивая недовольного союзника, гитлеровцы в то же время повторяли, что Балканы, в частности Югославия и Греция, образуют зону итальянских интересов, и Италия при проведении своей политики может рассчитывать на полную поддержку своего германского союзника.

Одновременно Германия в соответствии со своими планами продолжала оказывать все растущее давление на балканские государства для установления полного контроля над их ресурсами и политикой.

1 июля 1940 года перепуганный Кароль заявил Фабрициусу о решении отказаться от англо-французской гарантии и заключить политическое соглашение с Германией. Сообщая об этом в Берлин, Фабрициус подчеркивал, что «отказ от англо-французской гарантии... более чем ясен; он означает поражение для Англии и бьет по старым

---

¹ DGFP, vol. X, № 353, p. 497. Меморандум Шмидта о беседе Риббентропа с Альфиери 16 августа 1940 г., Берлин, 17 августа 1940 г.

франкофилам, которые аплодировали этой гарантии после речи Гафенку в парламенте»².

На следующий день Кароль передал Гитлеру предложения, которые означали полную капитуляцию и готовность Кароля стать верным слугой райха. Первый пункт послания сообщал об отказе от англо-французской гарантии, седьмой — содержал просьбу о присылке германской военной миссии в Бухарест. В тот момент это было равносильно просьбе об оккупации Румынии немецкими войсками³.

Уже спустя три дня после начала германского наступления на Западе, германский посланник в Будапеште фон Киллинггер, в сообщении германскому министерству иностранных дел, настаивал на жесткой политике Германии по отношению к странам Юго-Восточной Европы для того, чтобы принудить их принять германские требования. «... настал момент, — писал Киллинггер, — когда большинство стран юго-востока не сможет отказать Германии в предоставлении ей не только экономического жизненного пространства, но и политических привилегий, если она их потребует»⁴.

В капитуляции Румынии перед германскими требованиями таилась угроза не только для самой Румынии, но также и для ее соседей, и в первую очередь для Советского Союза, ибо территория Румынии превращалась в плацдарм Германии.

Еще в 1918 г. боярская Румыния, используя слабость Советской России и тяжелое положение, в котором она находилась в связи с интервенцией, захватила часть советской территории — Бессарабию, расположенную между реками Прут и Днестр. Советское правительство никогда не признавало за Румынией прав на эту территорию. В 1934 г. Румыния, поставленная перед необходимостью установить нормальные дипломатические отношения с СССР, пыталась выставить в качестве предварительного условия признание Советским Союзом «прав» Румы-

---

² DGFP, vol. X, № 68, p. 74. Фабрициус — МИДУ, Бухарест, 1 июля 1940 г.

³ Ibid., № 80, p. 91. Фабрициус — МИДУ, Бухарест, 2 июля 1940 г.

⁴ «Документы Министерства иностранных дел Германии». Вып. 1. Германская политика в Венгрии (1937—1942 гг.), М., 1946, № 35, стр. 111. Киллинггер — МИДУ, Будапешт, 13 мая 1940 г.

нии на Бессарабию, но Советское правительство решительно отклонило эту попытку.

Теперь военно-политическое положение, сложившееся в Европе, требовало разрешения давнего конфликта. Для того чтобы не оставлять в будущем почвы для конфликта, Советский Союз решил закончить воссоединение украинской нации, и с этой целью заявил о своем намерении присоединить также и Северную Буковину вместе с городом Черновцы. Последнее обстоятельство вызвало большое недовольство Гитлера.

Румыния приняла советские требования. После присоединения Бессарабии Молдавская АССР стала союзной республикой со столицей в Кишиневе. Северная Буковина вошла в состав Украинской ССР.

Попытки Кароля вступить в союз с Гитлером встретили у последнего весьма прохладное отношение. Гитлер давно решил избавиться от скомпрометированного румынского короля. Пока что он хотел заставить Кароля удовлетворить территориальные требования Венгрии и Болгарии.

Болгария настойчиво требовала возвращения ей Южной Добруджи. 21 августа 1940 г. в Крайове было подписано соглашение о восстановлении болгаро-румынской границы 1912 года. Южная Добруджа была возвращена Болгарии.

Иначе протекали венгеро-румынские переговоры. Начатые 16 августа в Турну-Северине, они спустя восемь дней были прерваны. Венгрия и Румыния провели мобилизацию и подтянули свои войска к границе. Венгерское правительство приняло решение напасть на Румынию. Гитлер отдал приказ приготовиться к оккупации румынских нефтяных районов⁵. 29 августа представители Венгрии и Румынии были вызваны в Вену, где Риббентроп в присутствии Чиано продиктовал им условия нового венского «арбитража». От Румынии была отторгнута и передана Венгрии значительная часть Трансильвании с населением в 2,5 млн., из которых румыны составляли более 1 млн. Благодаря этому продиктованному под дулом револьвера арбитражу Германия становилась хозяйном положения в обеих странах, ибо отношения между

---

⁵ DGFP, vol. X, № 407, p. 566—570. Меморандум Шмидта о беседе Гитлера с Чиано в Вене 28 августа 1940 г.

Румынией и Венгрией настолько обострились, что обе стороны старались высказать как можно больше усердия по отношению к райху и заслужить благоволение «фюрера». Германия заявила о предоставлении «гарантий» Румынии, что фактически означало конец независимости страны ⁶.

Германская агентура в Румынии — «Железная гвардия» — использовала территориальные уступки, сделанные Румынией под нажимом Германии, для того, чтобы обвинить Кароля в предательстве и развернуть кампанию за его отречение. 6 сентября Кароль отрекся от престола в пользу своего сына Михая и покинул страну. Фактическим диктатором стал генерал Антонеску, заключивший с Германией соглашение о вводе немецких войск в Румынию. Страна была оккупирована.

Германские монополии, обосновавшись в Румынии, постарались прежде всего захватить экономические позиции, принадлежавшие ранее Англии и Франции. В ноябре месяце Антонеску передал Германии нефтяные общества с англо-французским капиталом, а именно «Конкордию» (акционерный капитал — 1015 млн. лей, резервные и амортизационные фонды — 4515 млн. лей, ежегодная производительность — 110 тыс. т); «Стаяца-Роману» (акционерный капитал — 1 млрд. лей, резервные и амортизационные фонды — 1032 млн. лей, ежегодная добыча — 950 тыс. т); «Коломбию», целиком принадлежавшую французам (акционерный капитал — 380 млн. лей, резервные и амортизационные фонды — 250 млн. лей, ежегодная добыча — 44 тыс. т) ⁷.

Англия и особенно Франция были бессильны помешать ликвидации своих экономических интересов в Румынии. Англия заявила формальный протест, чтобы, как сообщила сигуранца в декабре 1940 г., в будущем сохранить за собой возможность предъявления претензий ⁸.

⁶ DGFP, vol. X, № 408, p. 570—575. Меморандум Шмидта о беседе Риббентропа и Чиано с Манойлеску 29 августа 1940 г.; *ibid.*, № 410, p. 576—580. Меморандум Шмидта о беседе Риббентропа и Чиано с Телеки 29 августа 1940 г.; *ibid.*, № 413, p. 581—587. Протокол 30 августа 1940 г.

⁷ ИДА, ф. 336. Preşedenţia Consiliului de Miniştri. Secretariatul general al Cabinetului civil. Serviciul de informaţii. Buletin informativ, № 22, 7.XI 1940.

⁸ Там же, л. 20. Buletin informativ, N 40, 4.XI 1940 (микрофильм).

Английское правительство запретило посылать находящиеся в Англии акции румынских нефтяных компаний в Румынию для регистрации ⁹.

Англия пыталась также воспрепятствовать снабжению Германии румынской нефтью путем скупки через созданную ими в Югославии «Гокланд компани» нефтеналивного флота. Однако это составило всего 10% от дунайского флота.

В то же время Англия старалась сохранить свое политическое влияние в Румынии, используя для этого англофильские круги национал-царанистской и либеральной партий.

В секретных материалах румынского Совета министров и в секретных информационных бюллетенях сигуранцы сохранились сведения о деятельности англичан и англофилов в тот период.

По сообщению сигуранцы от 9 ноября 1940 г. лидер национал-царанистской партии Маниу провел совещание с руководящими деятелями бывшей национал-царанистской партии, на котором заявил, что «в ближайшем будущем вырисовываются блестящие возможности английских действий» ¹⁰.

Маниу считал, что соглашение между Англией и СССР в будущем неизбежно, так же как и столкновение между Германией и СССР, и призывал строить политические расчеты на этих предпосылках ¹¹. Спустя 10 дней сигуранца сообщает, что Маниу и Дину Братиану (лидер либеральной партии) заявили английскому посланнику в Бухаресте, что их партии продолжают ориентироваться на Англию. По сведениям сигуранцы, английский министр иностранных дел лорд Галифакс письменно заверил Маниу, что Англия ценит его позицию ¹². Английский посланник Реджинальд Хор будто бы представил Маниу документ, по которому национал-царанистская партия признавалась Англией в качестве легальной румынской оппозиции. Хор якобы заверил Маниу, что Англия не

---

⁹ Там же, Buletin informativ, N 37, 22.XI 1940 (микрофильм).

¹⁰ Там же, Buletin informativ, N 24, 9.XI 1940 (микрофильм).

¹¹ Там же, Buletin informativ, N 37, 22.XI 1940 (микрофильм).

¹² Там же, Buletin informativ, N 40, 25.XI 1940 (микрофильм).

Маниу был связан также с посланником США в Бухаресте Гюнтером — дипломатом резко антисоветского толка (A. C r e t z i a n u. The Lost Opportunity. London, 1957, p. 70).

признает территориальных потерь Румынии и на мирной конференции окажет Румынии поддержку в этом вопросе¹³. Вступая в контакт с Англией, национал-царанисты пытались получить конкретные заверения относительно будущих территориальных претензий Румынии. Генеральный секретарь национал-царанистской партии Вирджил Маджару во второй половине ноября передал английскому посольству записку о положении румын в Трансильвании.

Гитлеровцы не оставались безучастными к действиям англофилов. Посланник Фабрициус потребовал от румынского правительства принять меры против Маниу и Маджару, которые «поддерживают отношения с Англией во вред интересам «оси»¹⁴. (Через несколько дней, в ночь на 27 ноября 1940 г., Маджару был убит жезногвардейцами.)

В конце 1940 г. и начале 1941 г. лидер либеральной партии Дину Братиану обратился к Антонеску с письмами, в которых призывал его пересмотреть внешнюю политику Румынии. В письме от 18 декабря 1940 г. Братиану указывал на тенденцию Германии превратить Румынию в аграрно-сырьевой придаток, захватить ключевые позиции в румынской экономике и подчинить себе все банки и предприятия. В качестве примеров он указывал на захват немцами таких банков и предприятий, как «Социетате де петроль», «Петроль блок», «УДР», «Коломбия», «Конкордия», «Банка де кредит», «Коммерциала», «Банка Крисовелони», «Кредитул агрикол ипотикер»¹⁵.

Антонеску был вынужден, если и не считаться до поры, до времени с мнением лидеров «исторических» партий, то во всяком случае терпеть его. Кроме того, он и сам был не прочь на всякий случай поддерживать какие-то связи с Лондоном. Другая причина — и, очевидно, главная — заключалась в том, что Маниу, и особенно Братиану, были хорошо известны как деятели антисоветского толка, а в назревавшей войне между Германией и СССР они могли быть весьма полезны (так оно в действительности и оказалось) — для того, чтобы поднять антисоветский и шовинистический угар в Румынии и под-

¹³ ИДА, ф. 336. Buletin informativ, N 37, 22.XI 1940 (микрофильм).

¹⁴ Там же, Buletin informativ, N 30, 15.XI 1940 (микрофильм).

¹⁵ Там же. Дину Братиану — Антонеску, 18 декабря 1940 г. (микрофильм).

держать ¹⁶ вступление Румынии в войну на стороне гитлеровской Германии. Они были также нужны ему и в борьбе с легионерами. После восстания легионеров и его жестокого подавления в январе 1941 г. Антонеску не мог позволить себе обрушиться и на влиятельные буржуазные круги, представляемые Маниу и Братиану. Кроме того, ему было отлично известно и двуличие этих лидеров, заискивавших одновременно и перед Берлином. Например, в конце ноября и начале декабря 1940 г. Дину Братиану встретился с рядом сотрудников германской миссии для того, чтобы «подготовить через них благоприятную для румынских национал-либералов атмосферу в Берлине» ¹⁷. Напомним, что это было как раз в те дни (23 ноября 1940 г.), когда Румыния примкнула к Тройственному пакту.

После разрыва дипломатических и консульских отношений между Румынией и Англией, 9 февраля 1941 г., Братиану снова обращается к Антонеску с письмами, в которых настаивает на проведении политики балансирования между западными державами и Германией. «Румыния,— писал Братиану,— может сохранить свое существование только путем балансирования между великими державами. Чтобы обеспечить свое будущее, она не должна слишком тесно связывать себя с кем-либо» ¹⁸.

В проекте ответного письма, составленном министром иностранных дел 25 февраля 1941 г. и, по-видимому, одобренным Антонеску, отвергался тезис Братиану о политике балансирования и утверждалось, что именно такая политика и привела Румынию к ее нынешнему состоянию. «Франко-английское влияние уже устранено

---

¹⁶ Маниу и Братиану по некоторым вопросам были прямыми союзниками Антонеску. В феврале и в марте 1943 г. Вайда-Воевод по поручению Антонеску вел переговоры с Маниу, предлагая, чтобы последний вошел в соглашение с Антонеску. В отчете, посланном Антонеску, Вайда-Воевод приводит следующие слова Маниу о его роли в событиях 1940 г., приведших к полному подчинению Румынии Германии: «У меня было соглашение о лишении власти Кароля с Антонеску, Дилу Братиану и Селианом Попеску». Объединенными усилиями они помешали Каролю выехать в США. (ИДА, ф. 336. Nota asupra intrevederilor intre d-nii d-r A. Vaida Voevodă și Iuliu Maniu în zilele 28.II. și 2.III 1943 (микрофильм).

¹⁷ ИДА, ф. 336. Дину Братиану — Антонеску 21 февраля 1941 г. (микрофильм).

¹⁸ ИДА, ф. 336. Buletin informativ, N 49, 4.XII 1940 (микрофильм).

из этой части (Европы. — А. Н.), говорилось в письме, и, следовательно, мы не можем в настоящее время сколько-нибудь считаться с этим влиянием»¹⁹. Слова «в настоящее время» весьма характерны не только для самого Антонеску, но и для всей внешней политики боярской Румынии, которую отличал крайний цинизм и беспринципность. Румынский диктатор Антонеску надеялся, что Англия не будет воевать против Румынии, считая, что антисоветские тенденции возьмут в конечном счете верх в английской внешней политике²⁰.

Англия, со своей стороны, старалась не доводить дело до разрыва, рассчитывая в благоприятный момент восстановить утраченное политическое влияние. Несмотря на то, что Маниу и Братиану были в то время малонадежной опорой для Англии, лондонские политики стремились сохранить свои связи с ними и использовать их в будущем.

Отсутствие энергичных действий против Румынии со стороны правительства Черчилля вызвало резкую критику даже в тех кругах, которые поддерживали его. Предупреждая, что после Румынии наступит очередь Болгарии, журнал «Экономист» настаивал на том, что Англия в состоянии со своей стороны оказать давление на балканские государства и не должна упустить возможности создать на европейском континенте фронт,

---

¹⁹ ИДА, ф. 336 (микрофильм).

²⁰ Между прочим, об этом пишет и видный чиновник румынского МИДа Крецяну (А. С r e t z i a n u. Op. cit., p. 62). Он приводит в своей книге факты, которые должны подкрепить точку зрения, что война между Англией и США, с одной стороны, и Румынией, с другой, была печальным недоразумением (читай — надо было воевать против СССР). С этой целью Крецяну и подобрал подходящие примеры. Например, Маниу спасает от военного суда управляющего румынским филиалом «Стандард Ойл оф Нью Джерси» Джорджеску, поддерживавшего радиосвязь с командованием войсками союзников на Среднем Востоке (ibid., p. 75). Крецяну сообщает также, что правительственной прессе было дано указание не чернить Англию и США; подданные этих государств не были интернированы. Больше того, англичане и американцы могли во время войны получать прибыли со своих румынских предприятий (ibid., p. 76).

Как известно, английская авиация долгое время не бомбила нефтяные районы Плоешти. Антонеску как-то заметил, что Плоешти не бомбят, так как англичане знают, что немцы используют весь газолин, в котором они нуждаются, для того, чтобы нанести поражение русским» (ibidem).

в котором так нуждается. Журнал призывал немедленно бомбить Плоешти^{20а}. События, начавшиеся в 1939 г., в дальнейшем развивались не по воле Лондона, Бухареста или Берлина. Вопрос о восстановлении английского влияния в Румынии в конечном счете превратился лишь в часть проблемы — по какому пути пойдет Румыния после поражения фашизма в войне.

* * *

В то время, когда английские войска под обстрелом немцев оставляли Дюнкерк, венгерский министр иностранных дел граф Чаки в зашифрованной телеграмме от 31 мая 1940 г. сообщал посланнику Барца свое мнение о будущем венгеро-английских отношений. Прежде всего Чаки сослался на заявление стран «оси» об их намерении сохранить мир в Юго-Восточной Европе. Такова же и политика Венгрии, — многозначительно добавлял министр. «Я думаю, — подчеркивал далее Чаки, — что спокойствие в Дунайском бассейне отвечает также английским и французским интересам. При таких обстоятельствах вообще вряд ли вероятно, что политика венгерского правительства может быть противопоставлена английской политике, таким образом, чтобы привести к политическому или даже к военному конфликту с Англией»²¹.

Заверения венгерского правительства были восприняты в Лондоне с удовлетворением. Об этом свидетельствует такой факт, как разрешение венгерской миссии пользоваться передаточной радиостанцией для связи с Будапештом, что в условиях создававшейся для Англии тяжелой военной ситуации выглядит весьма странно, особенно по отношению к стране, примкнувшей фактически к враждебной группировке держав.

Даже после того как 20 ноября 1940 г. Венгрия присоединилась к Тройственному пакту, т. е. формально стала в ряды врагов Англии, английское правительство, через Кадогана, не только заявило, что, как оно понимает, Венгрия «ничего другого не могла сделать под влиянием различных причин», но и особенно подчеркнуто выразило надежду, что «нынешняя необходимость не слишком

---

^{20а} «Economist», February 15, 1941, p. 204.

²¹ OL, KUM, Res. pol., 1940, 1—2 l.

повлияет на традиционные англо-венгерские симпатии, причем особое значение придается беспрепятственному продолжению дипломатических отношений»²².

Напомним, что заявление Кадогана было сделано в момент, когда Италия, напавшая на Грецию, терпела там одно поражение за другим, а в самой Англии усиленно обсуждался вопрос об оказании помощи Греции и о создании фронта на Балканах. Поэтому Англия старалась использовать всякую возможность для удержания своих позиций там, где, как казалось, они еще могли быть удержаны. Практически было мало надежды, что Венгрия будет противостоять германским требованиям.

По словам посланника США в Будапеште Джона Монтгомери, летом 1940 г. Хорти сказал ему, что условия изменились кардинально. «Теперь, когда армии западных держав постоянно занимают положение обороны, военная ситуация Венгрии становится безнадежной»²³. Монтгомери, однако, не указывает другой, не менее важной причины, на которую естественно Хорти не хотел ссылаться. Ведь в это время Венгрия уже знала, что может рассчитывать на поддержку Германией ее территориальных требований.

Получив из рук Германии часть Трансильвании, Венгрия сделала шаг вперед на пути к утрате своей национальной независимости. Хотя, под влиянием более осторожных кругов, она и подписала 12 декабря 1940 г. договор «о вечном мире и дружбе» с Югославией, пытаясь таким образом якобы уравновесить свою политику, не вызывало сомнений, что правительство Хорти связало себя с гитлеровской Германией на жизнь и на смерть.

Английское правительство пыталось оказать нажим на Венгрию, чтобы как-то ограничить ее сотрудничество с Германией или во всяком случае убедить Венгрию не предоставлять своей территории для германских войск.

Иден и Кадоган делают венгерскому правительству неоднократные представления по этому поводу. Так, 19 февраля 1941 г. — через 10 дней после разрыва Англией дипломатических отношений с Румынией, Кадоган заявил Барце, что дальнейшее существование дипломатических

²² OL, KUM, Rcs. pol., 1940, 294 sz. 11—12 l.

²³ G. I. F. M o n t g o m e r y. Hungary. The Unwilling Satellite. New York, 1947, p. 142.

отношений между Англией и Венгрией будет зависеть исключительно от Венгрии. Если Венгрия, подобно Румынии, пропустит немецкие войска на венгерскую территорию и представит в их распоряжение военные объекты, Англия распространит на Венгрию общий принцип, согласно которому «Англия считает оккупированной военной базой враждебных сил территорию тех стран, которые лишились независимости насильственным путем или с добровольного согласия, и будет вынуждена сделать все вытекающие выводы: дипломатические, военные и экономические. В этих обстоятельствах Англия подвергнет с полным правом нападению с воздуха военные объекты противника, где бы они ни находились, и может использовать также все экономические санкции против оккупированных государств». Кадоган подчеркнул солидарность США с политикой Англии²⁴.

Убежденное в том, что Англия не может, а возможно и не хочет осуществить свои угрозы, венгерское правительство все меньше и меньше обращало внимание на английские представления. В ответ на категорическое заявление английского посланника 3 апреля 1941 г. премьер-министру Бардоши о последствиях, которые ожидают Венгрию в случае ее нападения на Югославию, о «потере чести», Бардоши ядовито напомнил о невыполненных Англией обязательствах по отношению к своему французскому союзнику²⁵. В Лондоне Кадоган предупредил Барцу, что английская миссия покинет Будапешт, если Венгрия будет пропускать немецкие войска через свою территорию, и объявит Венгрии войну, если она нападет на Югославию²⁶. Но все это оставалось пустыми словами.

Предостережения Кадогана и особенно угроза воздушного нападения были нереальны в тот момент, и венгерский диктатор это отлично знал. Заявление Кадогана показывало, с другой стороны, что, хотя Англия продолжает попытки удерживать Венгрию от активного участия в германских планах, в Лондоне все больше и больше сознают, что Венгрия идет вместе с гитлеровской Германией.

²⁴ OL, KUM, Res. pol., 1941, 2/7, 1474, 37—38. l.

²⁵ DGFP, vol. XII, № 287, p. 483—484. Посланник в Венгрии Эрдмансдорф—МИДу, Будапешт, 6 апреля 1941 г.

²⁶ Ibidem.

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз Венгрия и Румыния также выступили против страны Советов. Англия же стала союзником СССР. Теперь не могло быть речи о венгерском «сопротивлении» Германии. Однако Англия не спешила сделать те самые «соответствующие выводы», которыми Кадоган угрожал венгерскому посланнику. Советское правительство обратило внимание английского правительства на недопустимость такого положения, когда Венгрия воюет против СССР, а Великобритания продолжает поддерживать с ней дипломатические отношения. Общественное мнение в Англии также было глубоко возмущено позицией в отношении Венгрии.

Венгерский посланник в Лиссабоне в сообщении от 23 сентября 1941 г. на имя премьер-министра Бардоши указывает: «По информации, единодушно совпадающей из различных источников, за последние два месяца наши позиции в Лондоне сильно ухудшились. Во многих случаях высокопоставленные англичане заявляли моим знакомым, что вследствие нашего вмешательства в русскую войну англичане рассматривают нас как таких же врагов, как и немцев»²⁷.

Однако английское правительство не торопилось с объявлением войны. Немаловажную роль, по-видимому, играла здесь и позиция Соединенных Штатов Америки.

В ответ на представление председателя Совета Министров СССР о необходимости для Англии объявить войну Финляндии, Венгрии и Румынии У. Черчилль в личном ответе, полученном в Москве 7 ноября 1941 г., писал: «Мои соображения говорят против этого потому, что, во-первых, у Финляндии много друзей в Соединенных Штатах, и было бы более благоразумно принять во внимание этот факт. Во-вторых, что касается Румынии и Венгрии, то эти страны полны наших друзей; Гитлер подавил их и воспользовался ими как слепым орудием. Но если счастье обратится против этого головореза, то они легко смогут снова перейти на нашу сторону»²⁸. Этот основной аргумент Черчилля (он выставляет и дру-

---

²⁷ OL, KUM, Res. pol., 1941, 743, 37 l.

²⁸ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», М., 1957, т. 1, № 19, стр. 30.

гие, более второстепенные) весьма непрочен и неубедителен.

«Друзья», о которых говорит Черчилль, по существу покорно соглашались с переходом Румынии и Венгрии в гитлеровский стан, участвовали в нападении Германии на Югославию и Грецию, объявили войну Советскому Союзу и, можно не сомневаться, если бы дело обернулось иначе, приветствовали бы победу Гитлера и над Англией. Кроме того, с моральной стороны последствия продолжающихся отношений Англии с этими государствами для межсоюзнических отношений были весьма отрицательными. Ответственные политические деятели в Венгрии и Румынии надеялись, что до тех пор, пока их государства воюют против Советского Союза, даже, если они делают это вместе со смертельным врагом Великобритании — гитлеровской Германией, они могут не опасаться не только репрессий со стороны Англии, но и рассчитывать в дальнейшем на благожелательное к ним отношение.

Советское правительство понимало суть этих дипломатических ухищрений. Но обстоятельства были таковы, что временно приходилось поступаться кое-чем ради сохранения единства между союзниками и для эффективного ведения войны. Вот почему в новом послании английскому премьеру от 23 ноября 1941 г. Председатель Совета Министров СССР продолжает настаивать на немедленном объявлении войны Финляндии, соглашаясь на отсрочку в отношении Венгрии и Румынии²⁹.

Однако под нажимом общественного мнения английское правительство было вынуждено объявить Венгрии войну. В последний момент некоторые американские дипломаты прилагали все усилия, чтобы помешать разрыву между Венгрией и Англией. Мы располагаем по этому вопросу весьма интересными неопубликованными документами — заметками венгерского премьер-министра Бардоши о беседе с американским посланником в Будапеште Пеллом и советником Треверсом 29 ноября 1941 г. Американские дипломаты явились, чтобы передать предупреждение английского правительства, что если Венгрия не прекратит военных действий против СССР, то Англия объявит ей войну. Бардоши прямо ответил, что он считал, что позиция Венгрии, «борющейся против большевизма», найдет в Англии сочувствие.

---

²⁹ Там же, т. 1, № 22, стр. 34.

Позицию Бардоши целиком разделяли американские дипломаты. «Посланник сказал, — записывает Бардоши, — что он видит правильность и справедливость нашей позиции, а советник Треверс добавил, что американская миссия после первых же слухов об объявлении Англией войны Венгрии сделала все, чтобы помешать этому...» «Пелл констатировал, что это решение английского правительства — личное поражение его, Пелла». «Уходя, — заключает Бардоши, — они (т. е. Пелл и Треверс. — А. Н.) выражали свое сожаление»³⁰.

6 декабря 1941 г. Пелл снова явился к Бардоши, чтобы выполнить неприятную для него миссию — вручить венгерскому премьеру ноту об объявлении Англией войны Венгрии. Попирая все каноны дипломатических отношений, не говоря уже о союзнических (между Англией и США), Пелл объявил решение английского правительства глупостью. «С моей точки зрения это абсурд, — заявил Пелл». Далее он сообщил, что трижды писал по этому поводу в Вашингтон, убеждая не делать этого шага. Одно из его писем было передано президенту. «Я не только среди побежденных, но и лично потерпел поражение»³¹, — заключил посол США. Пелл не предвидел, что на следующий день США подвергнутся нападению, а спустя еще десять дней объявят войну Венгрии.

* * *

Правительство Филова, служившее Германии верой и правдой, ожидало награды. После соглашения в Крайове, когда Болгарии была передана Южная Добруджа, Германия начала оказывать на Болгарию все усиливающийся нажим, чтобы заставить ее примкнуть к Тройственному пакту. Теперь переговоры по созданию нейтрального блока балканских государств, которые проводились по инициативе Англии, в новых условиях резкого падения престижа западных держав на Балканах, могли оказаться выгодными Германии: она могла воспользоваться этим проектом для решения задач своей собственной политики на Балканах. Так, например, нейтралитет Турции в случае, если Болгария подвергнется нападению, помог бы гитлеровцам осуществить свои

³⁰ OI., KUM, Res. pol., 1941, 7799, 12 l.

³¹ Ibid., 922, 30 l.

планы в отношении Болгарии — превратить ее в своего покорного сателлита и сделать орудием собственных замыслов. Политика Гитлера — изолировать нейтральные государства, а затем уничтожить их поодиночке — и на Балканах начала приносить свои плоды.

Английский посланник в Софии не жалел усилий, чтобы предотвратить решение примкнуть к Тройственному пакту.

Находясь под англо-американским влиянием, отдельные болгарские буржуазные политические деятели (Мущанов и др.) выступили против соглашения Болгарии с «осью», которое означало вступление германских войск на болгарскую территорию.

По согласованию с Англией США также начали предпринимать дипломатические шаги, чтобы удержать Болгарию. Заместитель государственного секретаря Сэмнер Уэллес в последних числах декабря 1940 г. заявил болгарскому посланнику Дмитрию Наумову, что присоединение Болгарии к «оси» произвело бы на общественное мнение США тяжелое впечатление, точно такое же, как если бы она заняла позицию «открытого врага Британской империи»³².

На Балканы был послан со специальной миссией личный представитель морского министра США Нокса полковник Доновен. Он побывал также и в Софии. Доновен встретился с царем Борисом и с министрами и заявил им, что США используют всю свою мощь, чтобы помочь Англии одержать в конечном счете победу. Сообщая о заявлении Доновена, американский посланник в Болгарии Эрл добавлял: «Я боюсь, что заявление Доновена не предотвратит неминуемого прохода (германских войск. — А. Н.) через Болгарию, но весьма возможно предотвратит сотрудничество между болгарскими и германскими войсками»³³.

Однако заявления Доновена не произвели большого впечатления на правящую болгарскую клику. На вопрос министру иностранных дел Попову, чувствует ли Болгария угрозу в связи с концентрацией германских войск в

---

³² FR, 1941, vol. I, p. 272. Меморандум Уэллеса о беседе с английским поверенным в делах Батлером, Вашингтон, 1 января 1941 г.

³³ Ibid., p. 282. Эрл — государственному секретарю, София, 23 января 1941 г.

Румынии, он получил отрицательный ответ³⁴. Позднее царь Борис рассказывал одному немецкому собеседнику, что Доновен призывал сохранить «нейтралитет, оказать вооруженное сопротивление попыткам Германии провести свои войска через болгарскую территорию и уповать на помощь Англии и Америки»³⁵.

Сам Доновен, как видно из донесения того же Эрла, отосланного двумя днями ранее, оценивал сложившуюся ситуацию весьма пессимистически — болгарское правительство не окажет сопротивления германской оккупации³⁶.

11 февраля Наумов был приглашен к ответственному чиновнику государственного департамента Аттертону, который сообщил посланнику, что американским представителям в Белграде, Софии и Анкаре даны указания передать соответствующим правительствам, что правительство США оказывает Англии полную поддержку, которая будет постоянно усиливаться, что оно уверено в конечной победе Англии. Всякий компромисс исключен. Государственный секретарь серьезно обеспокоен сообщениями о германском проникновении в Болгарию. Это не могло произойти иначе, как с молчаливого согласия болгарского правительства. Государственный секретарь надеется, что Болгария будет сохранять нейтралитет и воздержится от всяких шагов, которые облегчили бы действия Германии и которые не были бы также и в интересах самой Болгарии³⁷.

Наконец, и сам английский премьер Черчилль выступил с публичной речью, в которой осудил политику сотрудничества с Германией и предупредил Болгарию о возможных последствиях.

Турция, опасаясь оказаться вовлеченной в конфликт на Балканах и не рассчитывая на своевременную и эффективную помощь своей союзницы Англии, подписала 17 февраля с Болгарией договор о ненападении. Турецкое

---

³⁴ DGFP, vol. XI, № 685, p. 1160—1161. Посланник в Болгарии Рихтгофен — МИДУ, София, 22 января 1941 г.

³⁵ Ibid., № 713, p. 1201—1203. Меморандум директора департамента культурной политики германского МИДа о беседе с царем Борисом 26 января 1941 г. София, 31 января 1941 г.

³⁶ FR, 1941, vol. I, p. 272. Эрл — государственному секретарю, София, 21 января 1941 г.

³⁷ ИДА, ф. 296, д. 3. Посланник в Вашингтоне Наумов — МИДУ, Вашингтон, 11 февраля 1941 г. (микрофильм).

правительство фактически объявило о своем невмешательстве в случае германского нападения на Болгарию. Это был триумф германской политики, и гитлеровцы не скрывали своего торжества.

20 февраля Черчилль принял болгарского посланника Момчилова, которому заявил, что убежден в намерении Германии выступить против Болгарии, чтобы выйти к Эгейскому морю. Англия не намеревается переносить войну на Балканский полуостров. Английское правительство не хочет, чтобы Болгария вступила в войну ни на стороне «оси», ни на стороне Англии. Болгария должна оберегать свою независимость. Если Германия ничего не предпримет на Балканах, у Англии также не будет абсолютно никаких причин вести военные операции на Балканах³⁸.

Британский премьер, пытаясь воздействовать на болгарское правительство, делал, разумеется, вид, будто у Англии вообще нет никаких планов ведения войны против Германии на Балканах. В действительности это было не так. Ближайшие события целиком опровергли в этом смысле заявление Черчилля. Верным в его утверждении было только то, что Англия предпочитает видеть Болгарию вне войны, нежели на германской стороне. Участие Болгарии в Тройственном пакте было чревато для Британской империи весьма неблагоприятными последствиями. Это меняло всю ситуацию в южной части Балкан: открывало гитлеровцам возможность нападения на Грецию, а затем и на Югославию; оказывало пагубное влияние и на без того неустойчивую позицию Турции — единственного формального союзника Англии на Балканах; ухудшало стратегическое положение Британской империи, особенно на Ближнем и Среднем Востоке.

Поэтому английские политические деятели не упускали ни малейшей возможности, чтобы предотвратить участие Болгарии в войне на стороне «оси». В январе-феврале 1941 г. в Лондоне находился болгарский профессор Стойчков, который был принят Иденом, Кадоганом, Сарджентом, Ванситартом и начальником отдела Южной Европы Форин оффис Диксоном. Все они доказывали Стойчкову, что Англия не собирается посылать войска на

---

³⁸ Там же, л. 117. Посланник в Лондоне Момчилов — МИДУ, Лондон, 19 февраля 1941 г. (микрофильм).

Балканы, что эти слухи распространяются нацистами, которым нужен предлог для реализации своих собственных планов. Если бы Болгария попала под германский контроль, то последствия были бы для нее весьма нежелательными. В то же время, как подчеркнул посланнику Момчилову Диксон, «согласованная оборона между Болгарией, Югославией и Турцией получила бы немедленно полную поддержку Англии и Америки»³⁹.

Это заявление Диксона очень важно, так как подтверждает, что Англия после провала немецкого «блица» возобновила попытки создания балканского блока, но в сокращенном варианте. Хотя английские политические деятели и дипломаты продолжали подчеркивать чисто оборонительный характер этих мероприятий, дальнейшие события показали, что в их расчеты входило использование такого блока в качестве наступательной силы против Германии. В то же время это была отчаянная попытка сохранить на Балканах своих людей, которая в конечном счете должна была помочь Англии вернуть утраченные позиции.

После того как 23 ноября 1940 г. Румыния примкнула к Тройственному пакту, нажим Германии на Болгарию усилился. Одним из первых проявлений этого было принятие в Болгарии 19 ноября антисемитского закона. В самой Болгарии разгорелась острая борьба между прогерманскими кругами и сторонниками нейтралитета, которые были поддержаны министром иностранных дел Поповым, выступившим 3 декабря с речью. 26 декабря комитет по иностранным делам собора отверг предложение известного фашиста Цанкова о присоединении к Тройственному пакту. В Берлине решили больше не церемониться, так как было принято решение о нападении на Грецию и, кроме того, в предвидении нападения на Советский Союз, Гитлер хочет покончить со всеми балканскими делами.

2 января 1941 г. болгарский премьер был вызван к Риббентропу в Вену. В течение пяти дней встречи была достигнута договоренность о секретном военном сотрудничестве и о вступлении Болгарии в Тройственный пакт.

Немедленно после возвращения Филова в Софию, английский посланник Ренделл заявил ему, что в случае

---

³⁹ ИДА, ф. 296, д. 4, л. 47—48. Момчилов — министру иностранных дел, Лондон, 9 февраля 1941 г. (микрофильм).

присоединения Болгарии к Тройственному пакту Англия будет вынуждена подвергнуть бомбежке болгарские города и сооружения для того, чтобы сделать их непригодными для использования немецкими войсками; Турция наверняка нападет на Болгарию; быть может, и английский флот войдет в Черное море, чтобы подвергнуть бомбардировке Варну и Бургас⁴⁰. Однако в Болгарии, не без основания, сомневались в способности Англии привести свои угрозы в исполнение. Правительство Филова уже сделало выбор и отдало свою страну в руки немецких фашистов.

Понимая смысл маневров Германии, Советское правительство опубликовало 13 января коммюнике ТАСС, в котором подчеркивалось, что если германские войска войдут в Болгарию, то это произойдет без согласия СССР. 17 января в Москве был заявлен протест германскому послу Шуленбургу, так как вопрос о дальнейшей судьбе Болгарии имел важнейшее значение для безопасности Советского Союза⁴¹.

2 февраля было подписано предварительно военное болгаро-германское соглашение о проходе германских войск через Болгарию⁴². Через несколько дней фельд-маршалом Листом и начальником болгарского генштаба генералом Миховым было подписано более пространное соглашение о позиции Болгарии в случае войны Германии с Грецией и Турцией. В обоих случаях болгарская армия не была обязана вести наступательные операции.

1 марта Болгария примкнула к Тройственному пакту. Теперь обстановка на Балканах явно ухудшилась. Особенно тревожно стало в Белграде. «Присоединение Болгарии к Тройственному пакту встречено здесь со сдержанным неодобрением, недоверием и опасением», — сообщала 2 марта 1941 г. болгарская миссия в Белграде в Софию⁴³.

---

⁴⁰ «Внешняя политика СССР», т. IV, М., 1946, № 487, стр. 538—539.

⁴¹ DGFP, vol. XI, № 643, p. 1080—1081. Посланник в Болгарии Рихтгофен — МИДУ, София, 13 января 1941 г.

⁴² ИДА, ф. 315, л. 1—6. Протокол, подписанный 2. II 1941 г. генерал-майором фон Грейзенбергом и генералом Бойдевым (микрофильм); см. также протокол обсуждения вопроса о проходе германских войск через территорию Болгарии.

⁴³ ИДА, ф. 296, д. 4, л. 120. Миссия в Белграде — МИДУ, Белград, 2 марта 1941 г.

На следующий день германские войска вступили в Болгарию. Оправдывая присоединение Болгарии к Тройственному пакту, премьер-министр Филов после возвращения из гитлеровской резиденции Берхтесгадена утверждал, будто присоединение Болгарии к «оси» было вызвано боязнью перед советизацией Болгарии. Здесь, как и в большинстве других малых южноевропейских государств, павших жертвами гитлеровской агрессии, правящие круги оправдывали свое предательство «коммунистической угрозой». «Лучше Гитлер, чем большевики», — под таким лозунгом сдали они страну германским оккупантам.

4 марта 1941 г. было опубликовано заявление Советского правительства, осуждавшее ввод германских войск в Болгарию ⁴⁴.

В то время как правящие круги Болгарии с нетерпением ожидали обещанной им награды за предательство, болгарский народ встретил сообщение о присоединении Болгарии к фашистской «оси» и о вводе германских войск на болгарскую территорию резко враждебно. Вот что писал американский посланник в Софии Эрл:

«Крестьяне и рабочие встретили появление германских войск с мрачным негодованием, особенно потому, что это означает приближение войны к ним. Это негодование несомненно усилится вследствие осуждения Россией действий Болгарии. За исключением определенной группы высших армейских офицеров, высший класс Болгарии также сожалеет о таком обороте дела, но полагает, что из двух зол — господство Германии, вместо Советского Союза, возможно, наименьшее» ⁴⁵.

По мере развития событий, углублялся конфликт между национальными интересами болгарского народа и классовыми интересами правящих групп. В этом конфликте вопрос об англо-германском соперничестве постепенно отходил на второй план.

* * *

Поражение армий союзников во Фландрии и Франции, вступление фашистской Италии в войну 10 июня 1940 г.

⁴⁴ «Внешняя политика СССР», т. IV, № 497, стр. 544—545.

⁴⁵ FR, 1941, vol. I, p. 296. Эрл — государственному секретарю, София, 4 марта 1941 г.

вызвали сильное беспокойство в Греции и Югославии, хотя Муссолини в своей речи и заявил, что Италия не собирается нарушать мир на Балканах.

Стремление Греции и Югославии остаться вне войны не противоречило английским планам, во всяком случае до тех пор, пока Турция не вступит в войну. Нота в этом смысле была передана 11 июня 1940 г. английским посланником в Афинах Чарлзом Пелерет — Метаксасу с советом не придавать большого значения заверениям Муссолини. В то время, объяснял английский посланник своему американскому коллеге Маквею, Англия не собиралась занимать какие-либо стратегические пункты в Греции ⁴⁶.

Вскоре Германия усилила дипломатический нажим на Грецию, стремясь подчинить греческую политику интересам «оси». В инструкции, посланной Клодиусом германской миссии в Греции, предлагалось заставить Грецию отказаться от торговых отношений с Англией. Греция должна была последовать примеру других стран Юго-Восточной Европы, которые обещали Германии «прекратить прямой и косвенный экспорт сырья и сельскохозяйственных продуктов в страны, находящиеся в состоянии войны с Германией, а также прекратить снабжение такими промышленными продуктами, которые могут усилить военный или экономический потенциал враждебных стран». В частности, Клодиус предлагал потребовать, чтобы Греция немедленно прекратила поставки военных материалов Англии, утверждая, что Греция перепродает военные материалы, приобретенные в Германии ⁴⁷.

13 августа германский посланник Эрбах в беседе с Метаксасом настаивал на полной переориентации греческой политики. Однако германский посланник натолкнулся на довольно твердую позицию греческого премьера:

---

⁴⁶ Ibid., 1940, vol. III, p. 530. Маквей — государственному секретарю, Афины, 11 июня 1940 г.

⁴⁷ DGFP, vol. X, № 324, p. 458—460. Клодиус — миссии в Греции, Берлин, 10 августа 1940 г. 21 августа руководитель департамента торговой политики греческого МИДа Киру сообщил Клодиусу о готовности к переговорам по поводу хромовой руды и о полном прекращении ретрансфера военных материалов из Греции в Англию (DGFP, vol. X, № 375, p. 522—524. Меморандум Клодиуса о беседе с Киру, Берлин, 21 августа 1940 г.).

«Метаксас, — доносил Эрбах, — ответил на это в твердом тоне, что он не может отойти от нынешней греческой внешней политики, потому что по отношению к Греции Англия еще занимает сегодня господствующую позицию в восточном Средиземноморье. Он добавил, что, если я даже прав, Греция пойдет на риск опоздать на пять минут»⁴⁸. Метаксас просил Германию, чтобы она одернула своего итальянского союзника.

Эта просьба была повторена и греческим посланником Рангабе Риббентропу 26 августа, но была отклонена гитлеровским министром, «посоветовавшим» вести прямые переговоры с Италией и порвать с Англией⁴⁹.

Италия в то время выискивала предлоги для нападения на Югославию и Грецию. После оккупации Румынии германскими войсками Муссолини решил больше не медлить и напасть на Грецию. Незадолго до нападения он пытался заручиться содействием Югославии и Болгарии, обещая им греческие территории. Однако ни Югославия, которая отлично знала, что стоит следующей на очереди, ни Болгария, которая не желала оказаться в результате поражения Греции соседкой Италии, не польстились на итальянскую приманку. Тогда Муссолини, не ставя даже в известность своего германского союзника, решил действовать⁵⁰.

15 октября 1940 г. на совещании главнокомандующих был утвержден план вторжения в Грецию через Албанию. На границе итало-фашисты спровоцировали ряд инцидентов, и 28 октября Италия напала на Грецию. В тот же день Муссолини, встретившись с Гитлером во Флоренции, поставил его перед совершившимся фактом. Гитлеровские планы были нарушены, но делать было нечего⁵¹.

---

⁴⁸ DGFP, vol. X, № 323, p. 471—472. Эрбах — МИДу, Афины, 13 августа 1940 г.

⁴⁹ Ibid., № 394, p. 544—545. Меморандум о беседе Риббентропа с Рангабе, Фушль, 27 августа 1940 г.

⁵⁰ 12 октября 1940 г. Муссолини говорил Чиано: «Гитлер всегда ставит меня перед совершившимся фактом. Теперь я отплачу ему его собственной монетой. Он узнает из газет, что я оккупировал Грецию. Таким образом будет восстановлено равновесие» («Ciano Diaries», London, 1947, p. 300).

⁵¹ Позднее Гитлер считал, что ошибка Муссолини, напавшего на Грецию без договоренности с Германией, одна из главных причин поражения Германии. Нападение на Грецию «вынудило нас, вопреки нашим планам, вмешаться в балканские дела, и это, в

Оставалось надеяться, что итальянцам удастся одержать скорую победу. Однако и эта надежда не оправдалась. Греческая армия наносила итальянским войскам одно поражение за другим и вторглась в Албанию. Муссолини вынужден был обратиться к Гитлеру с просьбой о помощи.

Поражение Италии в Греции, с одной стороны, и интенсивная подготовка и нападение на СССР, с другой, помешали реализации гитлеровских планов захвата Гибралтара и вовлечения в войну Испании, которая теперь начала выставлять всевозможные предварительные условия.

В то время, как известно, в Германии уже разрабатывался план нападения на Советский Союз. В сентябре Германия была вынуждена временно отказаться от своих планов в отношении Англии и сосредоточить все усилия и ресурсы на подготовке войны против Советского Союза. В связи с этим Германия стремилась к полному контролю над Балканами. Усилился нажим и на Югославию.

После включения Венгрии и Румынии в Тройственный союз, в Берлин 27 ноября 1940 г. был вызван Цинцар-Маркович, которому было предложено подписать пакт о ненападении с Германией. В Белграде тянули с ответом, ибо понимали, что этим пактом Германия хочет связать руки Югославии накануне германского вторжения в Грецию. С другой стороны, военные поражения, которые понесла Италия в Греции, а также решимость Англии продолжать при поддержке США войну, убеждали югославское правительство в необходимости маневрирования. Одним из актов такой политики было подписание 12 декабря 1940 г. пакта о вечной дружбе с Венгрией, который, однако, в то время не был ратифицирован. Германия предложила Югославии как плату за вступление в Тройственный пакт Салоники, чтобы навязать балканским странам новый «арбитраж», но это предложение было отклонено. Общественное мнение Югославии не скрывало своего враждебного отношения к «оси». Италия, боясь оказаться

свою очередь, привело к катастрофической задержке начала нападения на Россию», — говорил Гитлер Борману 17 февраля 1945 г. («The Testament of Adolf Hitler», London, 1961, p. 72). Характерно, что Гитлер уже накануне крушения своей «тысячелетней» империи не мог понять действительной причины поражения Германии.

обойденной в случае германо-югославского соглашения, вела собственные интриги в Белграде. 14 февраля 1941 г. югославский премьер Цветкович и министр иностранных дел Цинцар-Маркович были вызваны к Гитлеру в Бергхоф.

Тем временем Англия, крайне обеспокоенная германским нажимом на балканские государства, который в перспективе означал выход германских армий на подступы к жизненным артериям Британской империи, пыталась удержать Югославию в положении нейтрального государства и даже сформировать греко-югославо-турецкий блок под своей эгидой. По настоянию Англии Турция пыталась в конце января 1941 г. вести с югославским правительством переговоры для того, чтобы решить, какие совместные действия могут быть предприняты в создавшейся ситуации. Однако югославское правительство дало Анкаре довольно уклончивый ответ. По просьбе Англии, давление на Белград оказывали и США⁵². В частности в телеграммах, посланных Хэллом Лейну, посланнику США в Белграде, предлагалось указать югославскому правительству на то, что США оказывали и будут впредь оказывать всевозможную помощь Англии, вплоть до ее полной победы... Как только закон о ленд-лизе пройдет через конгресс, США будут оказывать помощь всем государствам, готовым оказать сопротивление фашистским агрессорам⁵³.

Между тем, югославские министры, дав принципиальное согласие примкнуть к Тройственному пакту, пытались оттянуть сроки. В то же время Цветкович всячески подчеркивал отрицательное отношение югославского правительства к политике Англии — английская позиция чрезвычайно опасна для мира на Балканах, — говорил он Риббентропу, — и предлагал, чтобы Югославия выступила посредником в создании балканского блока «для предотвращения английского проникновения на Балканы», т. е. использовал английскую идею балканского блока против самой Англии. В частности Цветкович обещал убедить Грецию, чтобы она не предоставляла Англии

---

⁵² FR, 1941, vol. II, p. 940—941. Английское посольство в Вашингтоне — государственному департаменту, 4 февраля 1941 г.

⁵³ Ibid., p. 942. Хэлл — Лейну, Вашингтон, 9 февраля 1941 г.; ibid., p. 944. Хэлл — Лейну, Вашингтон, 14 февраля 1941 г.

своей территории ⁵⁴. Однако гитлеровской Германии нужно было не объединение государств на Балканах, а полная покорность каждого из них, безраздельное господство фашистской «оси».

Английское правительство, действуя по согласованию с правительством США, продолжало нажим на Югославию: 22 февраля, на этот раз уже президент Рузвельт обратился с призывом к Югославии сопротивляться в случае нападения Германии ⁵⁵, приводя в качестве примеров Эфиопию, Грецию, Норвегию, которые не покорились фашистским агрессорам. Переданный принцем-регентом Павлом через Лейна ответ гласил, что Югославия будет продолжать сопротивляться германским требованиям и не подпишет с ней никакого политического соглашения ⁵⁶.

После поражения, понесенного итальянской армией в Эпире — первого поражения фашистских союзников за 14 месяцев войны,— Гитлер решил вмешаться в итало-греческую войну. Положение Греции ухудшилось. Немедленная и эффективная помощь Греции со стороны Англии и США могла облегчить ситуацию. Когда стало ясно, что греко-итальянская война неминуема, Греция обратилась к США с просьбой о продаже ей боевых самолетов. За четыре дня до нападения Италии на Грецию США сообщили о своем отказе ⁵⁷.

Кроме того, Англия, настаивавшая, чтобы новые типы самолетов продавались только ей, обязалась, в свою очередь, выделить Греции 30 самолетов, принадлежащих ее военно-воздушным силам в Египте ⁵⁸. Однако это обещание не было выполнено. Три с половиной месяца тянулись бесплодные переговоры, как раз в то время, когда Греция отчаянно нуждалась в самолетах-истребителях.

---

⁵⁴ DGFP, vol. XII, № 47, p. 82. Беседа Цветковича и Цинцар-Марковича с Риббентропом 14 февраля 1941 г., Фушль, 15 февраля 1941 г., см. также *ibid.*, № 48, p. 88—96. Беседа Гитлера с югославскими министрами в Бергхофе 14 февраля 1941 г., Фушль, 15 февраля 1941 г.

⁵⁵ FR, 1941, vol. II, p. 947, Хэлл—Лейну, Вашингтон, 22 февраля 1941 г.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 947—948. Лейн—государственному секретарю, Белград, 23 февраля 1941 г.

⁵⁷ FR, 1940, vol. III, p. 578. Уэллес—Меррею, Вашингтон, 24 октября 1940 г. Только после начала войны эта позиция была пересмотрена (*ibid.*, p. 592—593. Меррей—Берли).

⁵⁸ *Ibid.*, p. 599. Меморандум Уэллеса от 16 декабря 1940 г.

Тщетно греческое правительство обращалось в США. Метаксас, а затем новый греческий премьер Корицис (Метаксас скончался в январе 1941 г.) просили Вашингтон прислать самолеты, а позднее и вооружение. Было очень важно получить все это до нападения Германии. Но только в конце марта 1941 г. греческая авиация получила 30 истребителей устаревшей конструкции. Что касается вооружения, то лишь 10 апреля 1941 г. Хэлл сообщил об удовлетворении просьбы греческого правительства. Но было уже поздно ⁵⁹.

В истории с поставками вооружения в Грецию проявились две характерные черты английской и американской политики того периода: неумение вовремя сконцентрировать военные средства в важнейшем пункте, распыление этих средств, непростительно замедленная реакция на происходящие события. Еще нагляднее это видно из дальнейшей истории войны в Греции.

5 сентября 1940 г. Англия официально подтвердила, что гарантии, предоставленные Греции в апреле 1939 г., остаются в силе ⁶⁰. Однако, когда сразу же после нападения Италии греческое правительство обратилось к Англии с призывом помочь своими военно-морскими и военно-воздушными силами в обороне Корфу и Афин, комитет начальников штабов отклонил просьбу Греции в связи с тем, что начатые генералом Уэйвеллом операции на Среднем Востоке требовали подкреплений.

Так же как при нападении Германии на Польшу, снова восторжествовала точка зрения, что наилучшая помощь — это удары по общему врагу вне зависимости от их направления. Невольно вспоминаются слова из меморандума: «...судьба Польши будет зависеть от окончательного исхода войны». Английский официальный историк Батлер следующим образом характеризует позицию Англии: «Великобритания могла помочь Греции наилучшим образом, нанося удары по общему противнику. Сделать это Великобритания сумела бы в тех районах, где она еще раньше сосредоточила соответствующие силы и наметила планы военных действий. В данном случае можно было применить, пожалуй, те же аргументы, что и в отноше-

⁵⁹ FR, 1941, vol. II, p. 773. Хэлл—Маквею, Вашингтон, 16 апреля 1941 г.

⁶⁰ «Parliamentary Debates. House of Lords», vol. 117, col. 368—369.

нии Польши. Но в отличие от поляков греки вели себя разумно, и генерал Папагос заявил, что в настоящее время его соотечественники не рассчитывают на получение значительной помощи от Великобритании»⁶¹.

Поражение итальянских войск в Эпире в начале ноября 1940 г. создавало, казалось, благоприятную обстановку для организации помощи Греции. Допустили ли здесь комитет начальников штабов и дипломатическое ведомство крупный просчет, заключающийся в недооценке важности греческого плацдарма для развертывания боевых действий на Балканском полуострове? Своевременная и, что не менее важно, эффективная поддержка Великобритании Греции оказала бы влияние и на ситуацию в Болгарии, Югославии, подтолкнула бы Турцию к активному выступлению на стороне союзников. Но, как уже указывалось выше, первостепенной задачей считалась охрана колониальной империи. Поэтому после разгрома Франции и неудачи германского «блица» против Англии, армия и вооружение, которые не нужны были на Британских островах и для системы имперской обороны на коммуникациях, отправлялись на Средний Восток и в Африку. Но, с другой стороны, в свете последующих событий (поражение на Крите, в Египте) следовало ли пытаться спасти Грецию в то время, как весь Египет и тем самым всякая возможность держаться в восточной части Средиземного моря, казалось, были утрачены⁶². Доводы Уэйвелла, выступавшего против ослабления английских сил в Египте и рассматривавшего проблему с чисто военной точки зрения, могут показаться убедительными. Однако в итоге решающими были политические соображения премьера и Форин оффис.

Только 8 января 1941 г., когда гитлеровцы уже почти открыто готовились к войне против Греции, Комитет

---

⁶¹ J. R. M. Butler. *Op. cit.*, p. 366—367. Ссылка профессора Батлера на пример Польши вызывает удивление. В чем, по его мнению, поляки вели себя неразумно? Не в том ли, что они рассчитывали на торжественно обещанную им помощь Англии?

⁶² «Economist», утверждая, что нельзя ради Греции ослаблять английские силы в Египте и на Ближнем Востоке, выступил с софистическими доводами о необходимости «выработать далеко идущие планы помощи, не нанося при этом ущерба нашему шансу на общую победу, которая будет настолько же греческой победой, насколько нашей» и призывал соблюдать равновесие между «импульсивностью и благоразумием» («Economist», November 9, 1940, p. 571).

обороны решил, что «немедленная отправка в Грецию максимального количества сил, которые Великобритания может выделить, является делом первостепенной политической важности»⁶³. Батлер указывает, что в Грецию предполагалось отправить три эскадрильи истребителей, две — бомбардировщиков, «а также танки и артиллерию»⁶⁴.

Однако английский историк не говорит, сколько танков и сколько артиллерии, что было существенно, так как из других источников известно, что 15 января 1941 г. Метаксас во время встречи с Уэйвеллом в Афинах настаивал на том, чтобы те английские силы, которые будут посланы на Салоникский фронт, были достаточно эффективны. В противном случае, утверждал греческий премьер, Греция и помощи не получит, и спровоцирует нападение Германии. Что же ответил Уэйвелл?

— Англия может послать в Грецию не более двух-трех дивизий, причем не раньше, чем через два месяца!

В связи с этим нельзя не вспомнить следующего места из работы Батлера: «В начале января у военного кабинета вновь возникли опасения в связи с появлением непосредственной угрозы немецкого вторжения в Грецию. Кабинет располагал данными о концентрации немецких войск в Румынии и о проникновении немцев в Болгарию»⁶⁵.

Уэйвелл мог предложить Метаксасу в тот момент только один артиллерийский полк, один полк зенитной артиллерии, часть ПТО и танковую часть — 60—65 танков. Конечно, этого было явно недостаточно и это могло только подтвердить худшие опасения греческого правительства — Англия лишь дает обещания, а выполнить их не в состоянии. К тому же Греция имела перед собою несколько роковых примеров. Именно от такой помощи и отказался Метаксас. Но он не хотел сделать самого важного и необходимого шага — вооружить народ, организовать всеобщее сопротивление фашистским агрессорам, ибо, будучи зам фашистом по убеждению, боялся и ненавидел народ. Греческое предложение о консультациях на высшем уровне и выработке единых военных планов, что было вполне своевременно и разумно, не было принято английской стороной. По-видимому, в тот момент многие в Англии

---

⁶³ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 376.

⁶⁴ Ibidem.

⁶⁵ Ibidem.

(во всяком случае Уэйвелл) были даже довольны, что Греция отказывается от английской помощи. Перед Уэйвеллом это открывало возможность наступления против итальянских войск в Африке, которое и завершилось их разгромом и взятием Бенгази. Но в то же время были упущены последние возможности удержаться на Балканах и попытаться создать там блок балканских государств, противостоящий Германии.

Только после того как Бенгази было взято, вновь встал вопрос о необходимости оказания помощи Греции. Британский премьер-министр возвращается к мысли о создании балканского блока, однако по нескольким мотивам: разочарованный отказом Турции принять английскую авиацию, Черчилль предполагает, что лучший способ вовлечения Турции, а может быть, и Югославии в войну на стороне союзников — это оказание помощи Греции. «Если бы Югославия, Греция и Турция,— писал он,— действовали совместно, то нам кажется, что Гитлер либо должен был отложить сейчас свои балканские планы, либо наши объединенные силы увязнут там так глубоко, что на этом театре военных действий будет создан большой фронт. Мы не знали, что он (Гитлер.— *А. Н.*) уже глубоко поглощен (планом) гигантского вторжения в Россию. Если бы это было известно, то мы больше бы верили в успех нашей политики»⁶⁶.

Глава британского кабинета считал, что создание фронта в Салониках будет поддержано Турцией и Югославией и поощрит их сопротивление домогательствам гитлеровской Германии. Однако эффект оказался прямо противоположным ожидаемому. Принц-регент решительно высказался против создания фронта в Салониках, утверждая, что это спровоцирует германское вторжение на Балканы. Павел предупреждал, что если высадка английских войск в Салониках приведет к германскому нападению, то Югославия не будет сопротивляться требованию Германии о пропуске ее войск через югославскую территорию. 31 января последовал ответ турецкого президента, также занявшего отрицательную позицию по отношению к английскому плану.

---

⁶⁶ W. S. Churchill. The Second World War, vol. III. The Grand Alliance. Op. cit., p. 83—84.

Греческий диктатор настаивал перед Уэйвеллом, что не следует посылать английские войска в Салоники до тех пор, пока английское командование не будет располагать контингентами, необходимыми не только для обороны, но и для наступления. Точка зрения греческого правительства была сообщена 18 января 1941 г. английскому посланнику Пелерету: оно не верило, что будет послано достаточное количество войск, чтобы противостоять германскому нападению, особенно если Болгария выступит вместе с Германией. Греческое правительство настаивало на том, что английские войска должны быть посланы только в том случае, если германская армия пересечет Дунай или вступит в Болгарию ⁶⁷. Сам Уэйвелл был настроен пессимистически.

Скептически оценивал положение и Доновен, который считал, что планируемая операция может быть успешной только в случае, если Турция, Югославия и, возможно, Болгария будут сотрудничать с англо-греческими войсками. В сообщении в Вашингтон Доновен предлагал, чтобы президент Рузвельт употребил свое влияние и убедил правительства указанных балканских государств в необходимости совместных действий. 14 февраля Рузвельт обратился с посланиями к Павлу и к Идену ⁶⁸.

Между тем Иден в сопровождении начальника генерального штаба генерала Дилла вылетел 12 февраля в Каир, откуда он должен был отправиться в Афины. В инструкции, данной Идену военным кабинетом, указывалось, что его основной задачей является «организация незамедлительной отправки подкреплений в Грецию». Идену были предоставлены самые широкие полномочия на ведение соответствующих переговоров с военным командованием и заинтересованными правительствами. Иден должен был «добиться, чтобы Югославия и Турция одновременно начали военные действия или оказали нам любую иную сильную помощь... Ему (Идену.— А. Н.) следует постоянно иметь в виду, что, если в настоящее время наш долг повелевает нам сражаться и в случае необходимости разделять тяготы с Грецией, то на последующей стадии интересы Турции будут иметь для нас не меньшее значение, чем интересы Греции» ⁶⁹.

⁶⁷ E. L. Woodward. Op. cit., p. 131—132.

⁶⁸ Ibid., p. 134.

⁶⁹ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 526—527.

Как видно из этой инструкции, на Идена возлагалась задача не только оказания помощи Греции, но и формирования блока Греции, Турции и Югославии. Но успех его миссии зависел прежде всего от тех реальных сил, которые Англия могла или была готова предоставить в распоряжение Греции и остальных двух государств, и от решимости английского правительства идти до конца в задуманном предприятии. Однако были и другие факторы, которые следует принимать в расчет. Например, политические тенденции самих этих государств, боязнь народных масс, отказ от их вооружения перед лицом фашистской агрессии, активность германской политики в этом районе и т. п.

В истории с помощью Греции отразились те разногласия по вопросам стратегии, которые происходили между генеральным штабом и премьер-министром. Черчилль постоянно настаивал на посылке войск в разные направления. Генштаб со своей стороны выступал против операций, которые, по его мнению, не могли принести должного военного эффекта и вели лишь к распылению и без того ограниченных ресурсов. Особенно резкие расхождения возникли в связи с проектом посылки войск в Грецию. Начальник генштаба Дилл и начальник отдела военных операций Кеннеди решительно возражали против этого, считая, что английские силы будут уничтожены или выброшены немцами ⁷⁰. 16 февраля 1941 г. Кеннеди представил премьеру докладную записку, в которой указывал, что переход инициативы в руки англичан происходит крайне медленно, поэтому англичане вынуждены ожидать следующего удара немцев ⁷¹. Кеннеди предостерегал против посылки войск в Грецию. Однако Дилл и Уэйвелл, разделившие ранее его точку зрения, изменили свое мнение.

24 февраля, вскоре после первого сообщения Идена о его переговорах с греческим правительством, английский кабинет единодушно принял решение оказать военную помощь Греции, постараться привлечь к этому делу Турцию и Югославию. Однако Иден, прибывший в Анкару 28 февраля, натолкнулся на весьма уклончивую позицию Турции. Турецкое правительство, ссылаясь на плохую военно-техническую оснащенность турецкой армии,

⁷⁰ J. Kennedy. The Business of War. London, 1957, p. 75—76.

⁷¹ Ibid., p. 81.

заявляло о своей готовности вступить в войну в случае... если Германия нападет на нее или когда Турция будет в военном отношении лучше подготовлена. В то же время турецкое правительство одобряло помощь Греции. В Анкаре, правда, очень сомневались, что удастся привлечь Югославию, ссылаясь при этом на свой недавний запрос Белграду по этому поводу ⁷².

Это значительно поколебало уверенность Черчилля. В письме Идену от 1 марта он рекомендует ему сохранить некоторую свободу действий от обязательств по отношению к Греции ⁷³.

После жарких споров греческое и английское военное командование составило план ведения операций, в котором, по мнению английских военных специалистов, таились большие опасности. 4 марта передовые части английских войск начали переправляться из Египта в Грецию.

В то же время Англия еще раз попыталась оказать давление на Югославию. 2 марта английский посланник в Белграде прибыл в Афины и уверил Идена, что еще есть надежда привлечь Югославию, если удастся обеспечить должную помощь Греции. Кемпбелл 5 марта передал принцу-регенту письмо Идена, в котором тот сообщал, что Греция и Турция решили защищаться, если Германия нападет на них. В этом случае Югославия могла бы присоединиться к ним. Английскому посланнику было предложено также добавить устно, что защита Салоник зависит от позиции Югославии, которой предлагается примкнуть к Англии и ее союзникам ⁷⁴.

Ответ принца-регента Павла гласил, что Югославия будет защищать собственную территорию против прохода иностранных войск, но в то же время «она не могла сказать ничего определенного о той позиции, которую займет в случае, если немцы начнут наступление из Болгарии» ⁷⁵.

Позиция югославского правительства свидетельствовала о том, что оно все больше и больше склоняется к мысли о необходимости договориться с Берлином.

---

⁷² W. S. Churchill. Op. cit., vol. III, p. 85—86. (Письмо Идена Черчиллю, 28 февраля 1941 г.)

⁷³ Ibid., p. 86.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 444.

Теперь в Белграде полагали, что нападение Германии на Грецию, а также и на Югославию неминуемо и избежать его можно, лишь приняв германские требования. Павел отправился к Гитлеру (4 марта 1941 г.) и дал согласие на вступление Югославии в фашистский блок в самое ближайшее время. При этом Югославии удалось выторговать некоторые уступки: Германия давала Югославии гарантию целостности ее территории и обещала передать ей Салоники,— тем самым правящие классы Югославии становились соучастниками гитлеровского разбоя; войска «оси» не должны были вступать на территорию страны, Югославия освобождалась от участия в военных операциях Тройственного союза. Эти уступки были сделаны Германией с целью избежать волнений в Югославии, которые могли помешать планам Гитлера.

Таким образом, общая ситуация на Балканах значительно ухудшилась. В этих условиях английский военный кабинет 5, 6 и 7 марта вновь обсудил вопрос о помощи Греции. Окончательное решение было принято 7 марта после получения телеграммы от Идена из Каира. В ней указывалось, что командующие, обсудив вместе с Иденом и Диллом вопрос о помощи Греции, решили, что даже в этих условиях стоит идти на риск. Новое решение кабинета подтверждало прежнее. Сообщая Идену об этом и уполномочивая его остаться в Каире и следить за развитием событий, премьер-министр подчеркивал, что всю ответственность за принятое решение кабинет принимает на себя ⁷⁶.

Было ли решение Англии об оказании помощи Греции правильным? К этому вопросу неоднократно возвращаются мемуаристы и историки. Конечно, теперь, спустя 20 лет после указанных выше событий, этот вопрос многим кажется праздным, но тогда он играл первостепенную роль. Для Англии политически было очень важно хотя бы продемонстрировать свою готовность оказать поддержку малым народам, павшим жертвами фашистской агрессии, подбодрить тех, кто был подавлен победами Германии и готовился к капитуляции перед ней.

Но существовало и еще одно важное соображение в пользу поддержки Греции, выдвигавшееся Форин оффис: бездействие в Греции приведет к утрате Англией

---

⁷⁶ W. S. Churchill. Op. cit., vol. III, p. 94.

ее влияния там после войны и, таким образом, к неизбежному уходу Англии из Греции и с Балкан вообще. Английские руководители рассматривали греческое предложение не только как вопрос престижа, но прежде всего как дело первостепенной политической важности⁷⁷, и поэтому при его решении политические соображения превалировали над военными. Весьма вероятно, что оказание Турцией помощи Греции в тот момент могло бы существенно изменить обстановку на Балканах. Быть может, в глубине души английские руководители и надеялись на это, равно, как и на то, что им удастся изменить соотношение сил в самой Югославии в пользу союзников. Красноречивым свидетельством тому является письмо британского премьера президенту Рузвельту от 10 марта 1941 г.⁷⁸ Но какую реальную немедленную помощь могла предложить Англия Югославии? Практически никакую, лишь упование на будущее. Характерным в этой связи является высказывание «Экономиста», который писал в середине марта 1941 г., что англичане могут лишь сочувствовать Югославии, «их друзья могут лишь напомнить им, что Сербия, которая была уничтожена в 1915 г., поднялась снова после победы союзников, удвоив свое население и территорию»⁷⁹. Но такого рода аргументы не очень действенны, когда возникает угроза немедленного уничтожения.

Казалось, что уже ничто не удержит Югославию от перехода в лагерь фашистских агрессоров. Однако в дело вмешалась иная, более мощная сила — народ Югославии. Слухи о капитуляции быстро распространялись по столице, а затем и по всей стране, вызывая общее возмущение, которое день ото дня нарастало.

---

⁷⁷ E. L. Woodward. Op. cit., p. 132, 135—136.

⁷⁸ Черчилль, сообщая Рузвельту решение английского правительства послать войска в Грецию, писал: «При всех сложившихся обстоятельствах действия Югославии являются кардинальными. Ни одна из сторон не имела до сих пор такого военного шанса. Если они нападут на итальянский тыл в Албании, никто не может знать, что произойдет в несколько ближайших недель. Вся ситуация может измениться, и Турция также решится действовать в нашу пользу... Согласованные действия наших послов в Турции, России и сверх того в Югославии имели бы в настоящий момент огромную ценность и на самом деле, возможно, окажутся решающим фактором» (W. S. Churchill. Op. cit., vol. III, p. 97).

⁷⁹ «Economist», March 15, 1941, p. 332.

Под влиянием антинемецких и антифашистских настроений вынужден был покинуть страну 19 марта бывший югославский премьер Стоядинович, известный своей приверженностью к «оси». Обеспокоенные положением в Югославии гитлеровцы 20 марта потребовали немедленно подписать пакт. При обсуждении этого вопроса правительством трое министров-сербов в знак протеста вышли в отставку, а пятеро других высказались против подписания пакта. 22 марта в Белграде был получен германский ультиматум — подписать пакт не позднее 25 марта.

В тот же день, 22 марта, Черчилль обратился с письмом к Цветковичу, убеждая его не соглашаться с германскими требованиями. Черчилль снова предлагал оформить турецко-греческо-югославский блок, опирающийся на мощь Британской империи, т. е. повторял предложение, которое было отклонено Югославией двумя месяцами ранее⁸⁰.

По всей стране прокатилась волна митингов протеста и стихийных демонстраций, проходивших под лозунгами отказа от пакта с Германией. Для того чтобы как-нибудь успокоить народ, правительство опубликовало на следующий день сообщение о германских «уступках». Однако лужшка никого не обманула. Никто не хотел добровольно надеть немецкое ярмо на шею.

24 марта английский посланник Кемпбелл вручил югославскому правительству ноту протеста. А 25 марта Цветкович и Цинцар-Маркович подписали в Вене пакт о присоединении Югославии к фашистскому блоку. События развивались стремительно. В ночь на 27 марта офицеры военно-воздушных сил во главе со своим командующим генералом Симовичем, который действовал в тесном контакте с английским посланником, совершили переворот, Цветкович и Цинцар-Маркович при возвращении в Белград были арестованы, Павел отстранен от регентства и выслан в Грецию, король Петр был объявлен совершеннолетним.

Накануне переворота в Белграде, Кемпбелл предупредил Лондон о возможности восстания армии. Он предлагал, чтобы в случае успеха Англия немедленно предложила новому правительству оружие и, если возможно, произвела бы морскую демонстрацию в Адриатике как

---

⁸⁰ W. S. Churchill. Op. cit., vol. III, p. 142.

свидетельство готовности Англии сохранить морские коммуникации с югославской армией⁸¹. Крайне скудные и обрывочные данные, которыми мы располагаем, не дают возможности полностью оценить роль Англии в подготовке переворота 27 марта.

Министр экономической войны в правительстве Черчилля Хью Долтон пишет, что в подготовке переворота в Белграде участвовали агенты службы специальных операций (SOE)⁸². Профессор Дикин, глава английской военной миссии в Югославии во время войны, ныне известный историк, в двух своих докладах⁸³ на конференциях по истории Сопротивления в Милане (1961 г.) и в Оксфорде (1962 г.) указывает на участие SOE в подготовке свержения правительства Цветковича. Так, Дикин утверждает: «...Агенты Службы специальных операций сыграли известную роль в запутанной подготовке заговора против югославского правительства, которое в конце марта 1941 г. намеревалось подписать пакт с державами «оси». В известном смысле это явилось первым политическим, пока еще изолированным опытным шагом новой организации»⁸⁴. В другом докладе профессора Дикина, специально посвященном Югославии, он также очень мало места уделяет событиям марта 1941 г., ограничиваясь констатацией, что после июня 1940 г. деятельность SOE была направлена, с одной стороны, на подготовку саботажа в случае присоединения Югославии к фашистскому блоку, а с другой, — на оказание «давления на определенные круги с целью удержания правительства от такого шага, а в худшем случае и на организацию помощи в свержении этого правительства»⁸⁵.

В тесной связи с Англией находились Сербская крестьянская партия, а также «националистические ассоциации», которые, как пишет Дикин, «объединя-

⁸¹ E. L. Woodward. Op. cit., p. 137.

⁸² Hugh Dalton. The Fateful Years. Memoirs. London, 1957, p. 375.

⁸³ F. W. Deakin. Great Britain and European Resistance. Milan, March 26/29, 1961; его же: Britain and Yugoslavia. Oxford, December, 1962. Тексты для докладов были любезно предоставлены в распоряжение автора этой книги участником конференции в Милане и Оксфорде проф. Е. А. Болтиным.

⁸⁴ F. W. Deakin. Great Britain and European Resistance.

⁸⁵ F. W. Deakin. Britain and Yugoslavia.

лись с патриотическими организациями и организациями бывших военнослужащих, национальный президент которых Трифунович-Бирканич был, вероятно, самым близким союзником англичан»⁸⁶.

Чрезвычайно важно следующее признание профессора Дикина, которое полностью подтверждает выдвинутый нами тезис о характере политики правительства Черчилля в оккупированных фашистами странах: «Англичане установили связи исключительно с националистически настроенными и консервативными сербами»⁸⁷.

Отражением острой борьбы, которую вела Англия за Югославию, является телеграмма Черчилля Кемпбеллу от 26 марта 1941 г.: «Не допускайте расширения пропасти между вами и принцем Павлом или министрами. Не уставайте надоедать им, пилить их и подзуживать. Настаивайте на встречах. Не принимайте «нет» в качестве ответа. Твердите им без устали, что порабощение Югославии для немцев вопрос решенный. Сейчас не время для упреков или гордого разрыва с ними. В то же самое время не упускайте какой-либо альтернативы, к которой мы могли бы прибегнуть, если обнаружим, что нынешнее правительство зашло чересчур далеко. Глубоко восхищен всем, что вы предпринимали до сих пор. Продолжайте свое дело всеми возможными средствами»⁸⁸.

От того, удастся ли удержать Югославию от союза с «осью» и создать югославо-греко-турецкий союз, зависела политика и стратегия Англии в дальнейшем ходе войны, решался вопрос и о позиции Турции. 27 марта Черчилль телеграфирует Идену указание не возвращаться в Лондон, а оставаться на Балканах и попытаться использовать переворот в Белграде для создания балканского блока. Одновременно премьер отправляет телеграмму президенту Турции Исмету Иненю⁸⁹.

В Берлине после получения известия об антигерманском перевороте в Белграде было решено немедленно

---

⁸⁶ Ibidem.

⁸⁷ Ibidem. В связи с этим не лишено интереса, что с обращением к югославскому народу в связи с переворотом выступил на сербско-хорватском языке известный деятель консервативной партии Л. Эмери — специалист по колониальным вопросам (I v o n e Kirkpatrick. The Inner Circle. Memoirs. London, 1959, p. 157).

⁸⁸ W. S. Churchill. Op. cit., vol. III, p. 142.

⁸⁹ Ibid., p. 149.

напасть на Югославию. Венгрия, которая всего лишь месяц назад ратифицировала договор о вечной дружбе с Югославией, согласилась принять участие в нападении. Германия спешно подтягивала войска.

В инструкции, посланной Идену 28 марта, Черчилль еще раз настойчиво требовал добиваться немедленного заключения союза между Югославией, Грецией и Турцией, что позволило бы им совместно выставить против Германии 70 дивизий. «Со стороны этих государств, — рекомендовал Черчилль, — должно последовать предупреждение, что нападение Германии на одну из них вызовет ответные действия всех трех. При этом Англия поддержит их, а США пришлют все необходимое».

Но и другая мысль теперь поглощает внимание британского премьера — как отразится создание балканского блока на планах нападения Германии на Советский Союз, — очевидно, к этому времени в Лондоне уже имелись достоверные сведения, что выступление Германии против Советского Союза приближается.

В этом же письме Черчилль спрашивает своего министра иностранных дел: «Если на Балканском полуострове будет создан единый фронт, не сочтет ли Германия за благо отказаться от нападения на Россию? Ведь мы имели много сообщений о значительных сосредоточениях (германских войск. — А. Н.) в Польше и интригах в Швеции и Финляндии»⁹⁰.

Какие мысли приходили в тот момент в голову английскому премьеру? Думал ли он о том, что создание балканского блока помешает нападению Германии на СССР, или что открывается благоприятная возможность для создания англо-русской коалиции против «оси»? — вряд ли мы узнаем когда-либо об этом. Остается лишь догадываться и строить различные предположения, которые могут быть так же далеки от истины, как и близки к ней. Но это скорее занятие романиста, а не историка.

Военный переворот в Белграде в действительности мог стать исходным пунктом для поворота в войне — Советский Союз, в данном случае так же как и Англия заинтересованный в том, чтобы препятствовать утверждению Германии на Балканах, подписал 5 апреля договор о дружбе с правительством Симовича.

---

⁹⁰ W. S. Churchill. Op. cit., vol. III, p. 151.

Но новое правительство Югославии не использовало благоприятной политической ситуации. Возникшее на волне народного негодования не только против капитуляции перед гитлеровской Германией, но и против всей внутренней и внешней антинародной политики, новое правительство, казалось, было напугано этим народным движением. Слабое и нерешительное, оно колебалось как раз в те считанные минуты, когда решалась судьба страны.

Вместо того чтобы открыто порвать с Германией, обратиться за поддержкой к народу, создать балканский союз, принять помощь Англии и США, обратиться за помощью к Советскому Союзу, правительство Симовича прежде всего заверило Германию и Италию, что оно признает все международные обязательства Югославии, включая Тройственный пакт (!). Наивная попытка предотвратить нападение Германии вызвала лишь смятение среди тех, кто поддерживал новое правительство, и приободрила его врагов. Что же касается Берлина и Рима, то это заявление никак не отразилось на их планах. Гитлер уже в день переворота Симовича принял решение о нападении на Югославию.

Новое югославское правительство отклонило предложение Англии о военном сотрудничестве. Сразу же после переворота английское правительство сообщило Симовичу, что готово признать его правительство при условии оказания Югославией помощи Греции и денонсирования Тройственного пакта. Иден, находившийся в Афинах, предложил югославскому правительству немедленно встретиться, чтобы согласовать планы сопротивления германо-итальянской агрессии⁹¹. Однако новый югославский премьер не согласился на приезд Идена в Белград, он принял лишь начальника имперского генерального штаба Дилла. 29 марта Симович сообщил Кемпбеллу, что политика Югославии по отношению к Германии заключается в том, чтобы выиграть время, и он не хочет, чтобы Англия пошла на действия, которые «спровоцировали бы Гитлера»⁹². Больше того, между Югославией и Италией начались переговоры о возможности итальянского посредничества.

⁹¹ E. L. Woodward. Op. cit., p. 137.

⁹² Ibid., p. 138.

Расчеты Англии на более активную позицию Турции в связи с событиями в Белграде также не увенчались успехом. Турецкое правительство, несмотря на сильное давление Черчилля, заклинявшего Иненю, что наступил самый подходящий момент для создания антигерманского блока на Балканах, уклонилось от всякого действия⁹³.

Нерешительность правительства Симовича, отказ Турции поддержать Югославию и связанные со всем этим маневры «умиротворения» фашистского агрессора, оттяжки и проволочки, наконец, крупнейшие пороки военно-политической стратегии Англии, не позволившие ей сосредоточить максимум сил на решающих направлениях, не только сыграли роковую роль для Югославии, но и значительно ухудшили положение Греции.

6 апреля Германия напала на Югославию и Грецию. Уже после этого английское правительство заявило о своей готовности заключить союз с Югославией, но практической помощи не оказало. Накануне разгрома югославской армии, 13 апреля, Черчилль предлагал югославскому правительству и королю Петру остаться в Югославии для организации партизанской войны⁹⁴. Однако бывшие правители Югославии предпочли бегство в Лондон.

Борьба за Югославию и Грецию продолжалась недолго и закончилась поражением Англии, Югославии и Греции. Англия попыталась удержаться на Крите, но в ожесточенных боях была разгромлена и там. Только часть английских войск с большими трудностями и потерями удалось эвакуировать в Египет.

* * *

2 июня 1940 г. Рефик Сайдам сделал заявление о турецкой внешней политике, заявление туманное и обтекаемое, в котором он ухитрился ни словом не обмолвиться об англо-франко-турецком договоре от 19 октября. Эта речь была симптомом того, что турецкое правительство не собирается ввязываться в войну в такой неблагоприятный для союзников момент. Опубликованная спустя четыре дня анкарской газетой «Тан» редакционная статья подтверждала это предположение⁹⁵.

⁹³ W. S. Churchill. Op. cit., vol. III, p. 149.

⁹⁴ Ibid., p. 197—198.

⁹⁵ «The War and the Neutrals». Ed. by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee. London, 1956, p. 347.

10 июня Италия объявила войну Франции и Англии. Казалось, наступил момент, когда Турция, согласно договору, должна была прийти на помощь своим союзникам. 14 июня английский и французский послы предложили турецкому правительству выступить на стороне Англии и Франции. Но их предложение было отклонено. Турция аргументировала отказ тем, будто ее выступление в войну вовлечет ее в войну с СССР (на самом деле такой угрозы не существовало). Поэтому турецкое правительство решило воспользоваться протоколом № 2 и «соответственно сохранить свой нейтралитет в новом конфликте»⁹⁶.

Тщетно Массильи и Натчбоул-Хьюгессен призывали Сараджоглу порвать дипломатические отношения с Италией, предоставить союзникам военные и морские льготы, закрыть Проливы для судов «оси»⁹⁷.

26 июня, на следующий день после капитуляции Франции, турецкий премьер заявил, что Турция сохраняет свою позицию государства, не участвующего в войне. Англия была бессильна убедить Турцию или оказать на нее давление. Помимо того, что она сама оказалась в катастрофическом положении, довод Турции, что, вступая в такой момент в войну, она вынуждена будет защищаться одна от Италии и, по всей вероятности, от Германии, так как Англия не в состоянии оказать ей помощь, казалось, был неопровержим. Турецкое правительство напомнило при этом своему союзнику, что его пожелания о поставках современного вооружения так и остались невыполненными.

Английскому правительству ничего не оставалось, как примириться с позицией Турции и удовлетвориться хотя бы тем, что англо-франко-турецкий договор формально оставался в силе. В будущем это открывало новые, неизвестные пока, возможности для английской политики. Вот почему 11 июля 1940 г. министр иностранных дел Галифакс заявил в палате лордов о понимании английским правительством позиции Турции⁹⁸.

Теперь политика Англии в Турции заключалась, в первых, в том, чтобы обеспечить сохранение Турцией позиции благожелательного нейтралитета по отношению

---

⁹⁶ DGFP, vol. X, № 431, p. 566. Фон Папен— МИДУ, Анкара, 14 июня 1941 г.

⁹⁷ «The War and the Neutrals», p. 348.

⁹⁸ «Parliamentary Debates. House of Lords», vol. 116, col. 889.

к антигерманской коалиции, коль скоро невозможно заставить ее перейти в лагерь союзников; во-вторых, укреплять экономические отношения, восстановить свое пошатнувшееся положение в турецкой экономике; в-третьих, вести активную борьбу против германских попыток ввести Турцию в фарватер собственной политики⁹⁹.

В эти месяцы английская пресса старалась писать о Турции в возможно более мягком тоне, не останавливаясь перед грубой лезью, похожей на заклинания. Например, «Экономист» писал в середине октября 1940 г.: «Верность турок их союзу с Англией подобна лучу света в темном мире трусости, дезертирства и предательства»¹⁰⁰.

Профессор Вудворд в своей книге пишет, что на том этапе турецкий нейтралитет был сам по себе «большой стратегической ценностью», так как если бы Турция пропустила через свою территорию войска «оси» или (в результате сопротивления) потерпела поражение, то перед германскими армиями оказались открытыми не только дорога на Сирию и к Суэцкому каналу, к нефтяным источникам Ирака и Ирана, но и весь Арабский полуостров и Персидский залив попали бы под германский контроль¹⁰¹.

Хотя теоретически эти рассуждения и верны, все же в конкретных условиях того времени вряд ли можно было ожидать дальнейшего германского продвижения на юг по следующим причинам: во-первых, несмотря на быструю победу на Западном фронте, германские войска были основательно потрепаны и нуждались в переформировании; во-вторых, вопреки германским расчетам Англия отказалась капитулировать и, следовательно, оставалась нерешенной крупной политико-стратегической задачей, требовавшая концентрации материальных и людских ресурсов; в-третьих, и это, пожалуй, самое главное, решение о подготовке нападения на Советский Союз заставляло избегать по возможности крупных военных опе-

⁹⁹ Н. K n a t c h b a l l - H u g h e s s e n. Op. cit., p. 167.

«...Было найдено наилучшим оставить положение дел таким, каким оно было, не обращаться к Турции с требованием действий до тех пор, пока мы не сможем предоставить ей больше поддержки, но постараться чтобы она заняла позицию как можно более благожелательную, насколько то было возможно без риска подвергнуться нападению», — отмечает Натчбоул-Хьюгессен.

¹⁰⁰ «Economist», October 12, 1940, p. 450.

¹⁰¹ E. L. W o o d w a r d. Op. cit., p. 128.

раций на других театрах военных действий. С точки зрения политической, угроза Турции со стороны Германии могла бы повлечь за собою крайне нежелательные для германской политики результаты — сближение Турции с Советским Союзом. Можно согласиться с Вудвордом в том, что Англия была не в состоянии обеспечить Турцию военными материалами в случае, если бы последняя объявила войну Германии.

Гитлеровская дипломатия делала из происходящих событий свои выводы. Исходя из предположения, что Турция фактически отходит от Англии, было решено усилить германофильские круги в Турции путем компрометации некоторых членов правительства Сайдама и прежде всего министра иностранных дел Сараджоглу.

В Берлине были опубликованы французские трофейные документы, среди них беседы французского посла в Анкаре Массильи с турецким министром иностранных дел. В документах речь шла о сотрудничестве Турции с Францией и Англией в планах нападения на Советский Союз с юга, т. е. о вступлении Турции в войну. Немцы дали ясно понять, что ожидают отставки Сараджоглу. Массильи заявил, что документы подделаны. Разгорелся скандал. Премьер заявил публично, что прошли времена, когда в Турции меняли министров по желанию иностранных правительств. Кончилось дело тем, что Германия вынуждена была принести извинения.

Скандал этот в общем пошел на пользу Англии и англофильским кругам, которые теперь твердили о провокационных методах германской дипломатии.

Между тем на Балканах в связи с нападением Италии на Грецию обстановка резко изменилась. Хотя Турция и немедленно объявила, что она остается невоюющей страной (это, как известно, шло вразрез как с обязательствами Турции в качестве члена Балканской Антанты, так и с англо-франко-турецким договором), все же Англии удалось добиться от Турции некоторых позитивных шагов.

Турция заявила Греции, что она может спокойно отвести свои войска от турецкой границы. Кроме того, Греции была обещана поддержка в случае нападения на нее Болгарии. Так по крайней мере информировал английский посла турецкий премьер¹⁰².

---

¹⁰² Н. Knatchball-Hugessen. Op. cit., p. 167.

Примерно в это же время английское правительство обменялось с турецким заявлениями о верности договору от 19 октября 1939 г.¹⁰³

Таким образом, на этом этапе английская дипломатия была вынуждена довольствоваться турецкой политикой благожелательного нейтралитета и хотя бы формального сохранения ею союзнических обязательств. Но насколько прочной окажется позиция Турции в будущем, зависело исключительно от развития событий.

Но в другой области, экономической, Англия проявляла большую настойчивость и решительность. Английская экономическая политика в Турции была важнейшей составной частью ее общей политики.

До поражения на Западе Англия и Франция продолжали укреплять свои экономические связи с Турцией. Англия настаивала, чтобы Турция ограничила снабжение Германии. В ответ турецкое правительство предлагало, чтобы Англия и Франция закупали избыточные турецкие продукты, а также приняли на себя поставки вооружения в Турцию, которым снабжала ее Германия.

В результате переговоров союзники добились значительного успеха, обеспечив себя турецкой хромовой рудой. 8 января в Париже было подписано соглашение, по которому Англия и Франция получили право на закупки всего турецкого хрома в течение двух лет¹⁰⁴. Они также обязывались, согласно подписанному другому соглашению, закупать турецкие сухофрукты в течение всей войны. В июле 1940 г. в Англии была составлена программа дополнительных закупок турецких товаров. Хотя эти соглашения свидетельствовали о намерении Турции поддерживать своих союзников, Турция, проводя политику балансирования, в конце июля подписала новое торго-

---

¹⁰³ Н. Knatchball-Hugessen. *Op. cit.*, p. 168.

¹⁰⁴ 8 января было заключено негласное англо-турецкое соглашение о закупках хрома. Наивысший уровень добычи хрома в Турции составлял 250 тыс. т, которые Англия обязывалась закупать; плюс к этому она должна была закупить 50 тыс. т, находящихся на складах. 1 июля 1940 г. было подписано дополнительное соглашение, по которому англичане должны были закупить до конца года 13 тыс. т хрома. По январскому соглашению Англия закупала $\frac{11}{15}$ добычи, а Франция — $\frac{4}{15}$. После выхода Франции из войны Англия предложила США, чтобы они получили хром. США ответили согласием. Согласилась и Турция, которой нужны были доллары.

платежное соглашение и с Германией сроком на один год на крупную сумму.

Стремясь вытеснить Германию, Англия шла на всякого рода невыгодные для себя сделки: например, 22 ноября было заключено англо-турецкое финансовое соглашение, по которому Турция должна была получать плату за английские закупки не менее 10% золотом. Англия постепенно превращалась в ведущего торгового партнера Турции, а доля Германии в общем объеме турецкой торговли сократилась (к июню 1941 г. с 50% до 10%). Однако после подписания германо-турецкого договора о дружбе летом 1941 г. начались германо-турецкие торговые переговоры, которые закончились 9 октября 1941 г. подписанием германо-турецкого торгового соглашения, предусматривавшего расширение объема торговли до 200 млн. рейхсмарок¹⁰⁵. Немцы получили возможность вывозить из Турции в большом количестве ячмень, хлопок, оливковое масло, табак и другие товары.

Политика балансирования между враждующими сторонами ярко проявлялась и в экономической области, причем турецкое правительство извлекало из своей двойственной политики значительные выгоды.

Ярким примером может служить история с поставками меди в Турцию. Для усиления турецкой военной мощи, которая, как предполагалось, должна была быть направлена в конечном счете против Германии, Англия снабжала Турцию остродефицитной медью, вернее двумя видами ее — промышленной медью и электролитической. В то же время Турция сама производила в значительных количествах блистер — медь, которую отправляла в Германию в обмен на готовую продукцию. Английское министерство экономической войны настаивало, чтобы Турция либо поставляла в Англию в обмен равное количество блистера, либо запретила его экспорт в Германию.

Однако Форин оффис, опасавшийся осложнения отношений с Турцией, выставил ряд возражений. В результате Турция получала медь из Англии и экспортировала ее врагу Англии Германии¹⁰⁶.

---

¹⁰⁵ «Dokumente der deutschen Politik. Reihe: das Reich Adolf Hitlers», Band 9, Teil I, Berlin, 1944, S. 451.

¹⁰⁶ «The War and the Neutrals», p. 84.

Решение гитлеровской Германии выступить против Греции меняло некоторым образом и политику Германии по отношению к Турции. Во время встречи Риббентропа и Чиано в Шенгофе (в ней принимал участие также и фон Папен) было решено усилить давление на Турцию, чтобы заставить ее порвать с Англией и принудить к тесному политическому сотрудничеству с «осью». Папен, считая такой вариант вполне возможным, предлагал в качестве приманки предложить Турции произвести исправление в ее пользу болгаро-турецкой границы, а Болгарию компенсировать за счет Греции, предоставив Болгарии выход к Эгейскому морю¹⁰⁷.

2 декабря 1940 г. фон Папен посетил Сараджоглу и передал ему предложение о заключении германо-турецкого договора¹⁰⁸. В обычной своей манере турецкий министр высказал благожелательное отношение, но уклонился от каких-либо конкретных предложений.

Сообщение Папена о беседе с Сараджоглу было принято в Берлине прохладно. Там полагали, что теперь следует предоставить Турции время для размышлений. Вопрос о договоре между Германией и Турцией, гласила инструкция Риббентропа Папену, остается полностью открытым. Не следует пока продолжать переговоры¹⁰⁹.

Черчилль, считаясь с возможностью вооруженной помощи Италии со стороны Германии, в письме министру иностранных дел предлагал добиваться от Турции заявления, что «любое движение Германии через Болгарию с целью нападения на Грецию или любое враждебное действие Болгарии против Греции будет иметь своим следствием немедленное объявление войны Турцией...

...В противном случае Турция окажется в полном одиночестве, балканские государства будут проглочены одно за другим и вне нашей власти будет помочь ей. Вы должны подчеркнуть, — писал Черчилль, — что к лету 1941 г. мы надеемся иметь по крайней мере 15 дивизий, действующих на Среднем Востоке, а к концу года около

---

¹⁰⁷ E. Vere-Hodge. Op. cit., p. 138.

¹⁰⁸ DGFP, vol. XI, № 436, p. 764—765. Фон Папен — МИДУ, Анкара, 2 декабря 1940 г.

¹⁰⁹ Ibid. № 454, p. 793. Риббентроп—Папену, Берлин, 5 декабря 1940 г.

25. Мы не сомневаемся в нашей способности нанести поражение Италии в Африке»¹¹⁰.

Однако ни английские предостережения, ни посулы не имели большого эффекта. Турция избрала свою линию, которая заключалась в том, чтобы продолжать политику лавирования между Англией и Германией, не принимая никаких окончательных решений. Поэтому и настоятельные английские представления о необходимости оказания воздействия на Болгарию были интерпретированы турецким правительством весьма своеобразным образом. Турция действительно послала предупреждение в Софию, однако болгаро-турецкие переговоры носили с турецкой стороны такой характер, что у Болгарии (а следовательно, и у Германии) не оставалось никаких сомнений в том, что даже, если Болгария вступит в войну или германские войска пройдут через болгарскую территорию для нападения на Грецию, Турция и пальцем не двинет. Турецко-болгарские переговоры привели в конце концов, как уже отмечалось, к заключению договора о ненападении.

Несмотря на позицию, занятую турецким правительством, Соединенные Штаты Америки, выполняя просьбу Англии, продолжили свои попытки оказать воздействие на Турцию. Незадолго до подписания болгаро-турецкого договора о ненападении государственный секретарь Хэлл предложил послу США в Анкаре Макмеррею еще раз обратить внимание турецкого правительства на заявление президента Рузвельта от 29 декабря 1940 г., что США будут помогать Англии во все возрастающей степени и что эта помощь составляет основу политики Соединенных Штатов; американская помощь будет оказываться Англии вплоть до полной капитуляции нацистов¹¹¹.

Отклонила Турция и настойчивые призывы английско-го правительства разрешить английским войскам и особенно авиации базироваться на турецкой территории. В связи с этим Макмеррей отмечал, что английские дипломаты в Анкаре считают действия своего правительства нереальными и опасаются, что английские настояния вызовут у Турции чувство сопротивления¹¹².

---

¹¹⁰ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 484.

¹¹¹ FR, 1941, vol. III, p. 815. Хэлл — Макмеррею, Вашингтон, 9 февраля 1941 г.

¹¹² Ibid., p. 825—826. Макмеррей — государственному секретарю, Анкара, 25 февраля 1941 г.

К такому же выводу пришли английский министр иностранных дел Иден и начальник имперского генерального штаба Дилл, посетившие Анкару 26 февраля— 1 марта 1941 г. После переговоров с турецкими руководителями Иден и Дилл решили, что будет невыгодно, если Турция в настоящий момент вступит в войну, так как турецкая армия недостаточно оснащена. Дело, конечно, заключалось в ином: английские представители воочию убедились, что настойчивость Англии приводит к неблагоприятным результатам и в конечном счете к охлаждению англо-турецких отношений к явной выгоде Германии. Впрочем, турецкие лидеры дали обещание, что Турция будет защищаться, если на нее нападут, или вступит в войну в подходящее время, т. е. когда будет считать себя готовой к ней¹¹³.

Фон Папен, оценивая результаты переговоров Идена, писал: «Турция довольна, что ее политика торжествует и ей не навязывают новых обязательств»¹¹⁴.

В день, когда Иден и Дилл покинули Анкару, Болгария примкнула к фашистскому блоку. Теперь гитлеровцы решили, что настало время заставить Турцию порвать с Англией и перейти на сторону Германии. По предложению фон Папена Гитлер направил турецкому президенту Иненю «дружественное» послание. В этом послании, переданном германским послом 4 марта, Гитлер заверял, что Германия не имеет враждебных намерений против Турции, и в доказательство приводил приказ, отданный германским войскам в Болгарии, находиться от турецкой границы на расстоянии 60 км¹¹⁵. Ответ Иненю, продиктованный страхом перед нападением Германии, был выдержан в таком дружественном духе, что у фашистского главаря не оставалось сомнений в том, что Турция и не шелохнется, если Германия нападет на Грецию, а потом на Советский Союз. Между прочим, страхи Иненю не были совершенно лишены основания, они были, так сказать, несколько преждевременны. Гитлер рассчитывал разделиться с Турцией после нападения на Советский Союз.

---

¹¹³ FR, 1941, vol. III, p. 827. Макмеррей — государственному секретарю, Анкара, 1 марта 1941 г.

¹¹⁴ DGFP, vol. XII, № 119, p. 212. Фон Папен — МИДУ, Анкара, 2 марта 1941 г.

¹¹⁵ Ibid., № 122, p. 216—217. Фон Папен — МИДУ, Анкара, 4 марта 1941 г.

8 апреля, через два дня после нападения Германии на Югославию и Грецию, английское правительство обратилось к Турции с официальным предложением порвать отношения с Германией и Италией¹¹⁶.

С призывом выполнить свои обязательства члена Балканской Антанты и оказать помощь Югославии, подвергшейся нападению Германии и Болгарии, выступило новое югославское правительство Симовича¹¹⁷. Однако турецкое правительство и не помышляло о подобных действиях. Глубокий страх и стремление обезопасить себя были лейтмотивом политики Турции в эти дни. По сообщению Макмеррея, политические круги Турции были деморализованы. Турецкие лидеры избегали делать что-либо, что могло быть использовано Германией как доказательство приверженности Турции англо-французскому союзу¹¹⁸.

Прогерманский переворот Рашида-эль-Гайлани 2 мая в Багдаде, сотрудничество вишистских властей с немцами в Сирии — все это еще больше усиливало нервозность турецкого правительства.

14 мая фон Папен начал секретные переговоры с Иненю о заключении германо-турецкого договора о дружбе и ненападении. Германия, которая готовилась напасть на Советский Союз, стремилась прикрыть свой южный фланг. Предложение Германии было встречено Иненю, как сообщал фон Папен в Берлин, весьма сердечно. «Президент готов заключить договор, обеспечивающий восстановление прежних дружественных отношений. Он сказал, что если Германия выразит готовность не заключать ни с какой страной соглашения, направленного против Турции, то Турция готова взять на себя обязательство никогда ничего не предпринимать против германских интересов и не вступать в конфликт с Германией». Относительно противоречий с обязательствами англо-турецкого договора он заявил: «Раз есть желание, то найдется и формулировка»¹¹⁹.

---

¹¹⁶ FR, 1941, vol. III, p. 843. Макмеррей — государственному секретарю, Анкара, 8 апреля 1941 г.

¹¹⁷ Ibid., p. 843—844.

¹¹⁸ Ibid., p. 844—846. Макмеррей — государственному секретарю, Анкара, 11 апреля 1941.

¹¹⁹ «Документы Министерства иностранных дел Германии». Вып. II. Германская политика в Турции, М., 1946, стр. 8.

Английское правительство было поставлено в известность, что Турция заключит с Германией договор о дружбе и ненападении. Хотя такое резкое улучшение отношений между Германией и Турцией было направлено прямо против британских интересов, Англия примирилась с этим. В Лондоне понимали, что договор ускорит нападение на СССР. Вовлечение СССР в войну должно было по расчетам Лондона значительно облегчить положение Англии. Английское правительство добилося от Турции оговорки о сохранении существующих договорных обязательств Турции — подразумевалось англо-франко-турецкое соглашение от октября 1939 г.

Германо-турецкий договор был подписан 18 июня 1941 г. — за четыре дня до нападения Германии на Советский Союз. Договор этот явился важной составной частью дипломатической подготовки Германии к нападению на Советский Союз. Так он и был расценен многими и, в частности, Хьюгессеном еще в то время¹²⁰.

Спустя 11 лет, в 1952 г., фон Папен в своих мемуарах назвал утверждение Хьюгессена «полностью ложным». «Опровержение» фон Папена бессмысленно. Вряд ли он и сам верил в то, что писал.

Но это лишь одна сторона дела. Другая заключается в том, что Турция стремилась накануне нападения Германии на Советский Союз оказать воздействие на воюющие стороны, убедить их заключить мир.

13 мая 1941 г. фон Папен встретился с Сараджоглу. Турецкий министр заявил, что по его твердому убеждению Англия готова к переговорам с Германией на условиях предоставления Германии свободы действий в Центральной и в Восточной Европе, если будет урегулирован статус побережья Ламанша. Иначе говоря, Сараджоглу считал, что суть вопроса заключается в гарантии безопасности Англии от вторжения с континента¹²¹. При этом Сараджоглу без обиняков заявил, что главная цель такого соглашения заключается в том, чтобы «сейчас сокрушить Россию и покончить с большевизмом раз и навсегда»¹²². Такой ход событий, утверждал далее министр иностранных дел, был бы встречен с одобрением в Англии

¹²⁰ Н. Knatchball-Hugessen. *Op. cit.*, p. 8.

¹²¹ DGFP, vol. XII, № 514, p. 815. Фон Папен — МИДУ, Анкара, 13 мая 1941 г.

¹²² *Ibidem*.

и в Америке. «Но прежде всего вы должны вступить в переговоры о перемирии с англичанами, а затем восстановить порядок в России, действуя как представители Англии и Америки и в согласии с ними»¹²³. Для Папена «было совершенно ясно, что Сараджоглу не мог выставить эти идеи без консультации с Англией»¹²⁴. Но англичане, с которыми поддерживал связь Сараджоглу, очевидно, не оказывали глубокого влияния на формирование английской внешней политики. Можно высказать иное предположение. Фон Папен был ярким ненавистником Советского Союза, он не раз зондировал почву относительно возможности англо-германского перемирия для объединения сил капиталистического мира против нашей страны. Своей информацией он хотел, очевидно, подтолкнуть Гитлера к более активным шагам для урегулирования англо-германских противоречий. Папен всячески подчеркивал, что капиталистические державы должны прекратить войну между собой и объединить все свои силы для войны против Советского Союза. Такое предположение основывается и на дальнейшем поведении Папена. В своем донесении германскому МИДу Папен приводит слова Сараджоглу: «Если германо-русское столкновение произойдет до того как будет достигнуто понимание с Англией, война затянется на годы, и мы опасаемся, что к концу ее мир будет истощен и разрушен, в результате чего произойдет широкая большевизация Европы»¹²⁵.

14 мая Папен был принят президентом Турции, который развивал перед своим собеседником те же мысли, что и его министр. Он призывал Германию напасть на Советский Союз и заявлял, что Турция будет на стороне Германии¹²⁶. 16 мая Сараджоглу, сообщая германскому послу, что Турция готова подписать с Германией договор о нейтралитете, ясно намекнул, что в случае германо-советского конфликта Турция пошла бы еще дальше¹²⁷. Это дало основание Риббентропу телеграфировать Папену о необходимости одновременно подписать с Турцией секретное соглашение, разрешающее неограниченный

---

¹²³ Ibidem.

¹²⁴ Ibidem.

¹²⁵ Ibid., p. 816.

¹²⁶ Ibid., № 515, p. 817.

¹²⁷ Ibid., № 523, p. 828—829. Фон Папен — МИДу, Анкара, 16 мая 1941 г.

транзит оружия и военных материалов через турецкую территорию, а также и некоторых контингентов войск, закамуфлированных должным образом¹²⁸.

Дальнейшее развитие событий, впрочем, так же, как и многочисленные свидетельства и документы, подтверждали, что Турция подписала договор с Германией для того, чтобы облегчить последней нападение на Советский Союз. Недаром турецкий министр иностранных дел Сараджоглу, узнав о нападении Германии на СССР, радостно воскликнул: «Это не война, а крестовый поход!»¹²⁹.

Фон Папен немедленно попросил Сараджоглу вступить в контакт с английским послом по вопросу о возможности заключения мира между Англией и Германией и объединения их сил для войны против Советского Союза. Турецкий министр иностранных дел охотно взялся за такое поручение¹³⁰. Однако речь Черчилля в день нападения на СССР убила эту надежду.

Тем не менее возникает вопрос, насколько активно Англия пыталась противодействовать заключению германо-турецкого договора. Натчбоул-Хьюгессен в своих мемуарах пишет, что он был против «неразумной оппозиции» проектировавшемуся пакту, против «твердокаменного сопротивления», так как опасался потерять доверие турецкого правительства и тем самым возможность оказывать влияние на дальнейший ход событий¹³¹.

Следовательно, если верить английскому послу, Англия с самого начала заняла позицию примирения с германо-турецким сближением. Вер-Ходж, специально исследовавший политику Турции в период между двумя войнами, довольно удачно охарактеризовал позицию Англии как «молчаливое согласие»¹³².

Английские документы этого периода, к сожалению, не опубликованы и вряд ли скоро станут достоянием историков. Некоторые данные свидетельствуют о том, что только на заключительном этапе, буквально за два-три дня до подписания германо-турецкого договора,

---

¹²⁸ DGFP, vol. XII, № 529, p. 836—837. Риббентроп — фон Папену, Фушль, 17 мая 1941 г.

¹²⁹ F. von Papen. Op. cit., p. 479.

¹³⁰ Ibid., p. 480; Н. Кнатчбалл-Хьюгессен. Op. cit., p. 171.

¹³¹ Н. Кнатчбалл-Хьюгессен. Op. cit., p. 170.

¹³² E. Vere-Hodge. Op. cit., p. 147.

английское правительство пыталось оказать противодействие, прибегнув к поддержке Соединенных Штатов.

15 июня 1941 г. английский посол в Вашингтоне лорд Галифакс передал заместителю государственного секретаря Уэллсу телеграмму из Лондона с сообщением, что турецкое правительство—накануне подписания договора с Германией, и с настоятельной просьбой, чтобы американский посол в Анкаре указал турецкому правительству, какое плохое влияние окажет этот шаг турецкого правительства на американское общественное мнение. Хэлл решил, однако, действовать более решительно и пригрозить турецкому правительству, что если оно подпишет пакт, то США прекратят Турции поставки военных материалов по ленд-лизу¹³³.

Макмеррей, напуганный тем, что эта угроза может иметь обратный эффект, посоветовал Хэллу не угрожать прекращением поставок оружия, и государственный секретарь с ним согласился.

20 июня турецкий посол в Вашингтоне посетил Уэллеса и заявил ему, что германо-турецкий договор сохраняет существующие обязательства по отношению к Англии, которая была полностью осведомлена о переговорах. Заключение договора не меняет отношения Турции к Англии. Турецкое правительство не разрешит использовать территорию своей страны прямо или косвенно против Англии и пресечет любую попытку покушения на целостность и независимость Турции. Договор только создает «нормальные отношения» с Германией¹³⁴.

Несмотря на эти заверения, в США некоторое время относились к Турции с большой подозрительностью. Сразу же после подписания пакта госдепартамент отдал распоряжение приостановить поставки военных материалов в Турцию и отменил свой запрет лишь спустя месяц под нажимом Англии.

Следует иметь в виду, что поставки по ленд-лизу проводились не непосредственно США, а через Англию, которая, таким образом, имела в своих руках довольно эффективное средство давления на турецкую политику.

---

¹³³ FR, 1941, vol. III, p. 853. Меморандум Уэллеса, Вашингтон, 15 июня 1941 г.

¹³⁴ Ibid., p. 866—867.

Вскоре после нападения Германии на Советский Союз Англия установила принципы своей политики по отношению к Турции.

Было решено, что Турции будет по-прежнему оказываться приоритет в снабжении военными и гражданскими материалами. При этом английское правительство выдвигало следующие соображения.

Если снабжение будет теперь прекращено, то это будет означать отказ от обязательств по договору от октября 1939 г. как раз в тот момент, когда Турция оговорила сохранение этих обязательств в преамбуле германо-турецкого договора.

Если снабжение будет сокращено, то турки либо будут считать, что Англия им не доверяет, либо, что ее положение настолько плохо, что она не может полностью обеспечить Турцию. И то, и другое опасно. Немцы в таком случае окажут на турок дальнейшее давление, например, будут добиваться смещения английских служащих в турецких учреждениях, запрещения провоза военных материалов, запрещения распространения английских известий и т. п.

Турция может пропустить германские войска через свою территорию, и они появятся на турецко-сирийской границе.

Если Турция перейдет на сторону Германии, то это окажет влияние на все арабские государства, Иран и Египет.

Поэтому следует продолжать поставки Турции и прекратить их лишь в том случае, если окажется, что Турция не может или не хочет оказать сопротивление все увеличивающемуся германскому давлению. В этой политике Англия рассчитывала на поддержку США¹³⁵.

Спустя две недели Иден сообщил Галифаксу, что, как в Лондоне полагают, Турция останется абсолютно лояльной по отношению к Англии¹³⁶.

23 июля английский посол сообщил из Анкары о заявлениях начальника штаба авиации и начальника генерального штаба, сделанных ему, о том, что турецкое правительство по-прежнему считает союз с Англией краеугольным

¹³⁵ FR, 1941, vol. III, p. 876—877. Английское посольство—государственному департаменту, Вашингтон, 1 июня 1941 г.

¹³⁶ Ibid., p. 882—883. Меморандум Уэллеса о беседе с Галифаксом, Вашингтон, 14 июля 1941 г.

камнем турецкой политики, что они опасаются нападения Германии на Турцию и предлагают провести секретные переговоры, желательно в Сирии или в Ираке¹³⁷.

В чем же дело? Почему всего месяц спустя после подписания германо-турецкого договора турецкое правительство, совершив очередной пируэт, снова поворачивалось лицом к Англии? Ответ на эти вопросы можно коротко сформулировать следующим образом: начиная с 22 июня 1941 г. политика Турции колебалась в зависимости от положения дел на советско-германском фронте. Едва обозначился успех Германии, как Турция начала расписываться в своей преданности германо-турецкой дружбе, однако, вопреки расчетам Советский Союз не был сломлен, и Англия получила очередную порцию заверений в нерушимости англо-турецкого договора о взаимной помощи.

Политика Турции в период войны зависела главным образом от конъюнктуры, а не от обязательств, которые она принимала на себя по тому или иному договору. Но была одна постоянная черта турецкой политики того времени — ненависть к Советскому Союзу, готовность поддержать антисоветскую политику, кем бы эта политика ни проводилась.

Турецкое правительство с восторгом встретило сообщение о нападении Германии на СССР. Оно не скрывало своих расчетов на крах Советского Союза. Однако турецкие политические руководители были достаточно опытны и искушены в делах мировой политики, чтобы не понимать, что быстрое крушение Советского Союза сделает Турцию ближайшим объектом германского нападения или, в лучшем случае, превратит ее в бесправного сателлита Германии. Поэтому наилучшим вариантом правящие круги Турции считали взаимное истощение Советского Союза и Германии и последующую победу англо-саксонского блока.

Об этом откровенно говорил Менеменджоглу послу США Макмеррею 23 июля 1941 г., т. е. тогда, когда вера в молниеносную победу Германии над Советским Союзом была уже в некоторой степени подорвана. Такой исход войны был бы, как заявил Менеменджоглу, «идеальным с турецкой точки зрения»¹³⁸.

---

¹³⁷ Ibid., p. 886. Макмеррей — государственному секретарю, Анкара, 2 августа 1941 г.

¹³⁸ Ibid., p. 884—885. Макмеррей — государственному секретарю, Анкара, 24 июля 1941 г.

Отсюда и предложение приступить к секретным переговорам с Англией.

* * *

После поражения на Западе английская политика на Балканах терпит ряд серьезных поражений политического и военного характера. Главное политическое поражение заключалось в срыве английского плана создания блока балканских государств, направленного против Германии. Неудача попыток консолидировать на Балканах силы, выступающие против держав «оси», была следствием не только военной слабости Англии, стратегии, которой она придерживалась, но в значительной степени определялась тем, что Англия поддерживала реакционные режимы в балканских странах, оторванные от народов, предпочитавшие вооружению народа для борьбы против фашистских государств позорную капитуляцию и предательство. Англия, возглавляемая правительством Черчилля, не была способна оказать действенную поддержку антигитлеровским силам, как то было в Югославии. Главное военное поражение Англия потерпела в Греции, которое также в значительной степени определялось не только чисто стратегическими причинами, но и боязнью греческого монархо-фашистского правительства народных масс. Борьба против фашистских государств требовала превращения войны в последовательно антифашистскую, что было невозможно без активного и сознательного участия широких народных масс. А эту задачу буржуазная Англия самостоятельно выполнить не могла.

Г л а в а о д н и н а д ц а т а я

ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

В течение многих десятилетий имперские и колониальные интересы играли важнейшую роль при определении политики и стратегии Англии. Со времени создания Суэцкого канала путь в Индию значительно сократился, вся система имперских коммуникаций была перестроена, и треугольник Мальта — Суэцкий канал — Гибралтар превратился в основную опору британского владычества на Средиземноморье и на Ближнем и Среднем Востоке. Постоянно возрастающее влияние на английскую политику стали оказывать интересы английских нефтяных монополий.

Вся территория Ирака с 12 прилегающими к нему небольшими арабскими княжествами, в том числе Кувейтом, Маскатом, Катаром и др., представляла собой часть обширной нефтеносной территории, простирающейся от Красного до Каспийского моря. Огромные запасы нефти были и в Иране, где хозяйничали английские нефтяные короли. Нефть — источник силы и богатства Британской империи, — твердили английские колониалисты. «Англо-иранен ойл», «Ирак петролеум компани», «Кувейт ойл компани» неслышанно обогащались на нефти за счет народов Ближнего и Среднего Востока.

Свое господство в странах Ближнего и Среднего Востока английская буржуазия поддерживала разнообразными способами — начиная от союза с наиболее реакционными лицами и группами и кончая применением военной силы. Методы управления варьировались применительно к обстоятельствам, но во всех случаях отвечали основным

испытанным методам британского господства, среди которых «разделяй и властвуй» был не последним. Особенно упорно он применялся в Палестине, где вражда между арабами и евреями-сионистами достигла большой остроты и явилась одной из причин арабского национального восстания 1936—1939 гг. Английское колониальное господство основывалось на насилии и эксплуатации коренного населения. Английские колонизаторы использовали в своих интересах классовые, национальные и религиозные противоречия.

Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке повторяла во многом отжившие свой век методы управления Индией.

Союз колонизаторов с феодально-буржуазной знатью, стремившейся всеми силами задержать пробуждение национального самосознания народа и предотвратить бурный рост массового национально-освободительного движения, был наряду с методом открытого физического подавления едва ли не самой характерной чертой английской колониальной политики перед второй мировой войной. Лицемерно заявляя о своей готовности «в надлежащий момент и надлежащим образом» удовлетворить стремление колониальных и полуколониальных народов к независимости, английское правительство на деле игнорировало эти стремления.

Слабость английской политики в том и заключалась, что она не замечала громадных изменений в мире, которые происходили год за годом и особенно за двадцать лет, прошедших со времени Великой Октябрьской социалистической революции и первой мировой войны. Крайне неохотно и медленно шли в Лондоне даже на чисто формальное признание независимости таких государств, как Ирак и Египет, договорные отношения с которыми давали Англии возможность ввести на их территорию в случае необходимости свои войска и предусматривали сохранение стратегических баз в этих странах. Между тем внутреннее развитие ближне- и средневосточных государств требовало уничтожения преград для социального и экономического прогресса, которые были искусственно воздвигнуты реакционной частью общества и усиленно поддерживались Англией.

Ничто не могло предотвратить рост национально-освободительного движения, размах которого опытные ко-

лонияльные чиновники в Лондоне и на местах не могли по существу оценить. Колониалистские, можно сказать, грабительские представления, укоренявшиеся десятками лет в английских политических кругах, будь то консервативные, либеральные и даже лейбористские (правого толка), настолько были далеки от необходимости и закономерности социального и политического прогресса, что народные волнения и восстания, особенно в азиатских колониях, объяснились либо вмешательством извне и взаимными дрязгами местных феодалов и политиканов, либо тем и другим вместе. Отсюда серьезные просчеты английской политики. Буржуазные историки часто не без горечи пишут, что англичане слишком поздно осознали это, что они могли бы и дальше поддерживать свое экономическое, а в ряде случаев и политическое господство, если бы они не проглядели «роста национализма» и попытались вступить на путь прогрессивных мероприятий, которые удовлетворили бы народы этих стран. Но эта «близорукость» как раз и является закономерным явлением, вытекающим из самой природы колониализма. Империалистическая буржуазия органически не может поддерживать и поощрять не только последовательно прогрессивные силы, но и национальную буржуазию, борющуюся за свою политическую и экономическую самостоятельность. В этом одна из немаловажных причин крушения колониализма вообще.

Наиболее слабым местом в английской политике на Среднем Востоке в широком плане было нежелание считаться с национальными чаяниями народов, требовавших полной независимости и свободного определения своей судьбы. Неспособность Черчилля и его правительства прислушиваться к велению времени выключала из борьбы с фашизмом десятки миллионов людей и создавала для самой Англии тяжелые трудности в войне с Германией и Италией, которые вели к значительным людским и материальным потерям, делали непрочными английские успехи на этом театре военных действий и в конечном счете затягивали войну. Эта слабость английской политики была подмечена ее партнером — США.

Анализируя положение Англии на Ближнем Востоке, государственный департамент США отмечал в одном из своих документов, что хотя Англия осуществляет контроль в Египте, Ираке, Палестине, но не может пробудить

энтузиазм в этих странах, достаточный для того, чтобы они приняли активное участие в войне¹.

Для Черчилля война, которую вела Англия (он много раз характеризовал ее как войну «против тирании и угнетения», как войну «за свободу», «за лучшее будущее человечества»), была прежде всего войной за сохранение Британской империи, ее позиций в мире. В схеме своей «освободительной войны» Черчилль не находил места народам колониальных и зависимых стран, изнемогавшим под бременем британского владычества. Лозунги свободы и освобождения касались в его понимании лишь «цивилизованных», главным образом европейских, народов.

Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке во время второй мировой войны исходила из предпосылки, что там существуют три главные силы: арабы, англичане (плюс французы) и сионисты. Сионисты и «свободные французы», как правильно думали лондонские политики, прочно прикованы к Англии и будут сотрудничать, так как поражение «оси» соответствует их интересам. Поэтому основная проблема заключалась в объединении с консервативным крылом арабских националистов.

В конечном счете Англии удалось изгнать страны «оси» из этого района, но она потерпела поражение при реализации второй части своего плана — сохранении английского господства в этом районе. Война против фашизма — а объективно вторая мировая война и носила такой характер — должна была разбудить могучие силы народов, вовлеченных так или иначе в эту борьбу, и эти силы начали действовать не только против фашистов, но и против империализма вообще и прежде всего против колониализма. Логика антифашистской борьбы вела к национальному освобождению и неизбежно приведет к освобождению социальному.

Слабости английской колониальной политики учитывались и использовались державами «оси». Особенно ловко это делала Германия, которая, не имея колоний, выступала в роли «освободителя» арабских народов от власти «еврейско-масонских плутократов».

---

¹ FR, 1940, vol. III, p. 963. Меморандум заместителя заведующего ближневосточного отдела Эллинга помощнику государственного секретаря Берлю, Вашингтон, 16 октября 1940 г.

Антисемитизм гитлеровцев находил сочувственный отклик среди арабских националистов, особенно в Палестине, в силу создавшихся там специфических условий. Англия, годами разжигавшая своей политикой вражду между арабами и евреями, теперь пожинала плоды этой политики. Почти во всех ближневосточных странах существовали организации фашистского толка: «Молодой Египет», или зеленорубашечники, и вафдистские «Голубые рубашки» в Египте, Сирийская национальная партия и «Сирийская лига национального действия», «Арабский клуб Дамаска» в Сирии и т. п.

Начиная с 1936 г. некоторые лидеры арабских националистов установили тайный контакт с Италией и Германией. Эти связи особенно усилились накануне второй мировой войны и в начале ее. Во время арабского национального восстания 1936—1939 гг. германские и итальянские колонисты оказывали повстанцам материальную помощь и укрывали их ².

Итальянская радиостанция в Бари с 1935 г. вела антианглийскую пропаганду на арабском языке. Муссолини объявил себя «покровителем» ислама. Между Италией и Германией была достигнута негласная договоренность, по которой в будущем страны Леванта (Сирия и Ливан) должны были отойти к Италии, а в Иране и Ираке должны были преобладать немецкие интересы.

Несмотря на активную подрывную деятельность, развернутую нацистами на Ближнем и Среднем Востоке, положение Англии и Франции здесь до поражения на Западе было достаточно прочным. После подавления арабского восстания основные английские вооруженные силы были сосредоточены в Палестине. В начале войны в Англии полагали, что война не выйдет за пределы Европы, и поэтому не принимали достаточных мер для усиления своих военных сил. Правда, Англия рассчитывала на 120-тысячную армию своей союзницы Франции, сосредоточенной под командованием генерала Вейгана в Сирии ³.

² George E. Kirk. A Short History of the Middle East. London, 1957, p. 194—195.

³ Согласно данным, приводимым Батлером, в конце мая 1940 г. английские войска составляли в Египте 36 тыс. человек, включая подкрепления, прибывшие из Новой Зеландии и Индии. Эти силы испытывали недостаток в артиллерии, бронемашинах и транспорте; то же можно сказать и о частях в Палестине, насчитывавших 27 500

К началу второй мировой войны в странах Ближнего и Среднего Востока усилилось стремление к национальной независимости. Привилегированные классы пытались использовать его в собственных интересах. Лидеры националистов, пытавшиеся искусственно влить национально-освободительное движение в рамки «чистого» национализма и не допустить классовой борьбы, боялись широкого народного движения за независимость. Для борьбы со старыми колониальными державами, Англией и Францией, они искали поддержку извне и, естественно, находили ее в Италии и Германии.

В большинстве случаев это вовсе не означало, что все эти лидеры националистов были агентами держав «оси», хотя бывали и такие случаи. Делая ставку на Италию или Германию, националистская верхушка надеялась сыграть на противоречиях империалистических государств. Однако накануне войны были лица и организации, которые с восторгом воспринимали фашизм и мечтали о насаждении в странах Ближнего и Среднего Востока режимов, аналогичных фашистской диктатуре в Италии или Германии. Так было, например, в Иране, где шах Реза Пехлеви широко распахнул двери перед нацистами⁴.

В апреле-мае 1940 г. в связи с угрозой вступления в войну Италии, Англии и Франция договорились о некоторых мерах, которые следовало принять в этом случае. Они носили, как и вся стратегия союзников в тот период, оборонительный характер. Опасность со стороны Италии могла угрожать не только Балканам, но и Египту со стороны Ливии. В Александрию были посланы три линейных корабля: преобладающая часть торгового судоходства союзников отныне шла по старинному пути вокруг Африки. Союзники предполагали также усилить гарнизо-

---

человек, включая кавалерийскую дивизию с некомплектом лошадей; в Ираке была расквартирована одна пехотная бригада; в Судане — три батальона; в Кении — две восточноафриканские бригады и две артиллерийские батареи, а с июня — бригада из Южно-Африканского Союза. Воздушные силы, расположенные в Египте и Палестине (командующий вице-маршал авиации Артур Лонгмор), состояли из 205 самолетов, многие из которых были устаревших типов (J. R. M. Butler. Grand Strategy, vol. II September 1939—June 1941. London, 1957, p. 305).

⁴ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. I, М., 1946.

ны стратегических баз Мальты, Гибралтара и Александрии и составили план овладения Критом⁵.

Средиземное море с самого начала войны контролировалось союзниками: западная его часть — французским флотом, восточная — английским. Предполагались совместные удары союзников по итальянским владениям в Северной Африке и воздушные бомбардировки собственно Италии. Один из расчетов, на котором покоилась вся англо-французская стратегия на Балканах и на Ближнем Востоке, состоял в том, что вступление Италии в войну немедленно повлечет за собой вступление в войну Турции. Однако, как отмечалось выше, Италия объявила войну Англии и Франции 10 июня, а Турция решила пока остаться вне войны. В результате «основа английской стратегии на Балканах, как ее рассматривали в Лондоне, рухнула»⁶, — пишет Батлер.

Крушение Франции целиком изменило обстановку и на Ближнем Востоке. В Лондоне это отчетливо осознали⁷. Французская левантийская армия неожиданно перестала быть союзницей английских вооруженных сил, а после подписания перемирия со дня на день ожидалось прибытие в Дамаск представителей Германии и Италии.

Но это было лишь чисто военное последствие. Поражение Франции и Англии на Западном фронте оказало на Ближнем и Среднем Востоке более глубокое политическое и психологическое влияние. Развевалась легенда о непобедимости Англии и Франции, усиленно распространявшаяся колонизаторами в течение многих десятилетий. Теперь общественное мнение на Ближнем и Среднем Востоке склонялось к убеждению, что победа Германии и Италии неминуема.

Вступление Италии в войну означало непосредственную угрозу цитадели британского господства на Ближнем и Среднем Востоке — Египту и Суэцкому каналу. С этого времени территория государств этого района становится, как правильно подчеркивает английский историк Кирк, единственным театром военных действий, где на протяжении свыше двух лет Англия ведет наступа-

---

⁵ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 299.

⁶ Ibid., p. 301.

⁷ Речь У. Черчилля в палате общин от 20 августа 1940 г. («Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 364, col. 1168).

тельные операции против держав «оси». Сюда направляется значительная часть ресурсов даже в то время, когда метрополия находилась, казалось, на краю пропасти⁸.

Угроза расширения войны и перенесения военных операций на Ближний и Средний Восток должна была заставить английское правительство пересмотреть свою отжившую политику союза с «умеренным крылом» арабских националистов. Жизнь и обстоятельства требовали совсем иного — готовности предоставить ближневосточным государствам полную независимость, ориентации на прогрессивные и, следовательно, антифашистские силы. Однако о такого рода политике в Лондоне и не помышляли. Новый английский премьер ни на йоту не собирался поступиться колониальными интересами правящих классов, выдающим себя представителем которых был он сам.

Огромное значение, которое придавалось в Лондоне сохранению позиций в этой части мира, подчеркивалось фактом создания 11 июля 1940 г. министерского комитета, которому поручалось «наблюдать за развитием военных действий на Среднем Востоке и представлять соответствующие доклады министру обороны»⁹, т. е. У. Черчиллю. В состав комитета вошли: военный министр Иден, министр по делам Индии Эмери и министр колоний лорд Ллойд.

Средиземноморскому флоту (командующий адмирал Каннингхэм) был отдан приказ «установить контроль над всеми коммуникациями в восточной части Средиземного моря и в Эгейском море и отрезать вражеские базы на островах * Додеканес от источников снабжения»¹⁰.

Остро стоял вопрос об отправке подкреплений на средневосточный театр военных действий. Хотя английский военный кабинет вначале не предполагал вести здесь наступательные бои и рассчитывал ограничиться обороной и незначительными наступательными операциями местного значения, приходилось считаться с угрозой наступления итальянской армии на Египет. Опасность наступления возрастала по мере ухудшения положения метрополии.

---

⁸ George Kirk. The Middle East in the War. London, 1952, p. 19—20.

⁹ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 303.

¹⁰ Ibid., p. 304.

В критические месяцы, июль — сентябрь 1940 г., военный кабинет продолжал посылать подкрепления на Средний Восток. В конце июля было принято решение перебросить в Египет из Индии 5-ю индийскую дивизию, а после совещания с вызванным в Лондон генералом Уэйвеллом было решено послать из Англии 250 быстроходных танков и 100 орудий разных типов¹¹. Премьер-министр постоянно оказывал нажим на военных руководителей, требуя отправки на Ближний и Средний Восток как можно больше войск. Он постоянно вмешивался в руководство боевыми действиями на Среднем Востоке, что создавало для местного командования совершенно невыносимое положение и служило источником бесконечных трений и конфликтов.

Между тем 13 сентября 1940 г. итальянская армия, дислоцированная в Ливии, под командованием генерала Грациани начала наступление против английских войск в Египте. Но, углубившись на территорию Египта на 80 км и достигнув Сиди-Баррани, итальянские войска выдохлись, и наступление было приостановлено. Потерпев неудачу в Египте, Муссолини пытался компенсировать ее нападением на Грецию, но и там, как известно, успеха не достиг.

В течение октября-ноября 1940 г. английский комитет начальников штабов и военный кабинет неоднократно возвращались к положению на Ближнем и Среднем Востоке и делали вывод о необходимости послать туда подкрепления, в том числе авиационные и танковые. Сложность положения усугублялась войной в Греции. Всякая помощь, оказанная Греции, должна была ослабить военные силы в метрополии и на Среднем Востоке. Возвратившийся из инспекционной поездки Иден 12 ноября 1940 г. информировал кабинет о предполагаемом английском наступлении с целью разгрома итальянской армии в Восточной Африке¹².

7 декабря английские войска начали наступление и уже 11 декабря заняли Сиди-Баррани. К 15 декабря итальянские войска были выбиты из Египта, но закрепились в Киренаике. В ходе боев было взято 38 тыс. пленных.

---

¹¹ Ibid., p. 306, 308.

¹² Ibid., p. 369.

Потери английских войск были ничтожны: 133 убитых, 387 раненых и 8 пропавших без вести ¹³.

Наступление Уэйвелла успешно развивалось — 5 января была взята Бардия. Наконец, 22 января 1941 г. был захвачен Тобрук. 6 февраля итальянский командующий генерал Берганцони сдался в плен. Итальянская армия в Ливии была разгромлена. Всего английская армия взяла в плен 113 тыс. итальянских солдат и офицеров и захватила 700 орудий ¹⁴.

В связи с развитием событий в Греции и решением оказать ей помощь комитет обороны 11 февраля 1941 г. предложил Уэйвеллу приостановить наступление у Бенгази и перебросить значительную часть сил для ведения войны в Греции. Тем временем, спасая своего итальянского союзника, германское командование приняло решение послать в Киренаику танковые войска, сосредоточение которых началось в районе Эль-Агейлы.

Первоначально германский командующий Роммель и не предполагал вести широкие наступательные операции, а, следуя директиве, собирался ограничиться оборонной Триполитанией, отложив наступление до лета ¹⁵. Однако после сражения у Эль-Агейлы Роммель решил, что можно развивать начатое наступление, так как оборона англичан очень слабая. Оно закончилось неслыханным разгромом английских войск, которые не только потеряли плоды своих недавних побед, но откатились до Тобрука, понеся значительные потери. Среди захваченных немцами в плен были генералы О'Коннор и Ним, командовавшие английскими войсками. Гарнизон в Тобруке был окружен и обречен на длительную осаду.

---

¹³ W. S. Churchill. Op. cit., vol. II, p. 544.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Германское командование не могло бросить против англичан более крупные силы в Ливии, так как это отразилось бы на количестве и качестве войск, предназначенных для нападения на Советский Союз.

В дневнике Гальдера имеется такая запись: «Мы не можем послать в Ливию больше чем назначено, хотя бы по причине сроков, а также ввиду того, что нельзя больше ослаблять группировку сил для операции «Барбаросса». Придется временно ограничиться принятыми мероприятиями» (27.I 1941). В середине апреля 1941 г. Гальдер снова замечает: «Штаб связи в Риме сообщает о безграничных требованиях Роммеля. Для нас решающей является операция «Барбаросса» (13.IV 1941).

«Поражение нашего фланга в пустыне в то время, когда мы полностью были вовлечены в греческое предприятие, было катастрофой первостепенного значения»¹⁶, — пишет Черчилль в своих мемуарах.

Поражение в Африке совпало с поражением в Греции. Стратегическое положение Англии резко ухудшилось. В этих условиях в Лондоне было принято решение об отправке в возможно короткие сроки подкреплений и прежде всего танков в Египет. Командующему Средиземноморским флотом был отдан приказ перерезать коммуникации «оси» и не дать ей возможности направлять подкрепления в Триполи.

На заседании комитета обороны 28 апреля Черчилль требовал, чтобы английские войска удерживали каждый дюйм территории Египта¹⁷.

Настойчивые требования премьера постоянно усиливать оборону Среднего Востока, даже в ущерб обороне метрополии, вызывали тревогу у его военных советников, которые полагали, что Англия вновь может столкнуться с угрозой вторжения.

Вскоре последовали бои за Крит, которые окончились для Великобритании новым поражением. Несмотря на мнение Уэйвелла, что защищать Крит после поражения в Греции трудно и опасно, Черчилль настоял на удержании Крита. В ходе боев за Крит, которые продолжались с 20 по 31 мая 1941 г., английские войска потеряли около 1800 человек убитыми и 12 тыс. пленными. 18 тыс. человек удалось вывезти в Египет. Серьезные потери понес флот. Что касается авиации, ее потери были ничтожны, так как она в боях за Крит по существу участия не принимала. Гитлеровцы потеряли более 6 тыс. отборных парашютных войск, 220 самолетов было уничтожено и 144 получили повреждения¹⁸.

25 мая в разгар сражения на Крите некоторые военные руководители, вынужденные принять предложение Черчилля о продолжении борьбы за Крит, считали положение Англии крайне опасным. Генерал Кеннеди пишет в своих мемуарах: «После заседания кабинета ночью 25-го Дилл (начальник генштаба. — А. Н.) сказал мне: «Вы

¹⁶ W. S. Churchill. Op. cit., vol. III, p. 190.

¹⁷ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 509.

¹⁸ Ibid., p. 514—515.

отдаете себе отчет, что теперь мы сражаемся за наши жизни?» Я ответил, что положение определенно мрачное, но не безнадежное... Если немцы продолжают концентрацию своих сил на Среднем Востоке, мы скоро столкнемся с невозможностью удержать его. Германское нападение на Россию последовало лишь месяц спустя, и мы с точностью не знали, что оно ожидается»¹⁹. Последняя фраза Кеннеди еще раз подтверждает, что положение на Ближнем и Среднем Востоке изменилось к выгоде Англии главным образом в результате нападения Германии на Советский Союз, которое отвлекло на Восточный фронт основные силы немецко-фашистских вооруженных сил.

Поражение на Крите вызвало в Англии такую резкую критику действий военного кабинета и прежде всего премьер-министра, которую даже официальные историки могут сравнить лишь с реакцией, последовавшей после поражения в Норвегии.

На заседании палаты общин 10 июня стратегия военного кабинета была поставлена под сомнение. Черчилль, подвергшийся острой критике, отстаивал английскую стратегию, хотя в тот момент не был, очевидно, убежден в своей правоте²⁰. Возвращаясь к этим событиям, Черчилль мог привести в своих мемуарах лишь один довод в пользу битвы за Крит — Англия извлекла уроки из действий немецких парашютно-десантных частей и надлежащим образом подготовила к возможности отражения таких атак армию защиты метрополии, а затем учла критский опыт при создании собственных (и американских) парашютно-десантных частей²¹. Эта аргументация с политической точки зрения грешит большой натяжкой. Да и с точки зрения стратегической, «опыт» этот слишком дорого обошелся.

Вслед за поражением в Греции и на Крите последовало новое поражение английских войск в Западной пустыне. Наступление Уэйвелла, предпринятое 15 июня в районе Эс-Саллум (уже после прибытия из метрополии танков и авиации), спустя три дня захлебнулось. Английские войска потеряли много танков и вынуждены были возвратиться на исходные позиции.

---

¹⁹ J. Kennedy. The Business of War. London, 1957, p. 224.

²⁰ «Times», 11.VI 1941.

²¹ W. S. Churchill. Op. cit., vol. III, p. 268.

Таким образом, провалилась широко задуманная операция, которая должна была стать «поворотным пунктом всей кампании»²² на Ближнем и Среднем Востоке, полностью очистить территорию Киренаики от немцев и вернуть необходимые для поддержания коммуникаций и защиты этого района аэродромы. Главнокомандующий Уэйвелл сообщал правительству, что теперь раньше чем через три месяца возобновить наступление не удастся. 21 июня Уэйвелл был снят с поста главнокомандующего на Среднем Востоке и назначен главнокомандующим в Индии. Место Уэйвелла занял генерал Охинлек. Через несколько дней было решено направить министра кабинета резидентом на Средний Восток для координации вопросов администрации и снабжения. Им был назначен бывший министр торговли Оливер Литтлтон.

Какое же влияние оказали эти события на положение и на английскую политику в некоторые странах Арабского полуострова?

Согласно статье 8-й англо-египетского договора 1936 г., который был навязан Англией Египту, в случае войны Египет должен был выступить в качестве союзника на стороне Англии. Однако среди египетских политических кругов по этому вопросу существовали острые разногласия.

Правительство Али Махира, хотя и порвало с началом войны дипломатические отношения с Германией, арестовало и интернировало германских подданных и захватило их имущество, но не объявило ей войны и вовсе не стремилось к немедленному вступлению в конфликт²³. Основным источником разногласий внешне был вопрос о совместном управлении Суданом. Египетское правительство пыталось использовать обстановку, возникшую в связи с начавшейся войной, для того чтобы добиться равных с Англией прав в управлении Суданом. В действительности же речь шла о стремлении Египта к полной независимости, и об этом некоторые лидеры оппозиционных партий говорили совершенно открыто. В частности, они требовали торжест-

---

²² «Наше поражение было жестоким разочарованием. Провал (наступления.— А. Н.) не создавал непосредственной угрозы для Египта, но, как полагали в Лондоне, означал утрату бесценной возможности предотвратить будущую угрозу, пока противник был еще слаб» (J. R. M. Butler. Op. cit., p. 527).

²³ Как стало известно позднее, Али Махир получал от «оси» денежные субсидии.

вейных заверений Англии, что после окончания войны английские войска будут выведены с египетской территории, начнутся переговоры относительно Судана и Египет будет представлен на мирной конференции.

Эти требования англичане отклонили в достаточно резкой форме ²⁴, что послужило новым поводом для обострения англо-египетских отношений. Английская военная миссия в Каире находилась в постоянном конфликте с начальником генштаба Азизом эль-Мысри. Прибывший в Каир в октябре 1939 г. Иден заявил королю Фаруку, что Англия не потерпит «дальнейшей обструкционистской тактики» со стороны Египта ²⁵. Однако Англия не удалось заставить Али Махира действовать так, как она того желала. Али Махир вилял, стремясь выгадать время и выторговать у Англии уступки.

Положение обострилось после катастрофы на Западном фронте. Ожидали немедленного вступления в войну Италии, войска которой были сосредоточены на ливийской границе Египта. Многие влиятельные египетские политические деятели были готовы в случае войны перейти на сторону «оси», так как полагали, что Англия и Франция войну проиграли. В египетской печати началась шумная кампания против вступления Египта в войну.

Все же под нажимом Англии 12 июня Египет порвал дипломатические отношения с Италией. В то же самое время египетский парламент принял резолюцию, в которой, с одной стороны, подтверждалась приверженность англо-египетскому договору от 1936 г., а с другой, — указывалось, что Египет не вступит в войну, если Италия не нападет на него. Начальник генштаба Азиз эль-Мысри, подобно многим буржуазным арабским националистическим деятелям, считал дело Англии проигранным. Поддерживая тайное сотрудничество с Италией, он передал итальянскому командованию зимой 1940 г. ряд важных оперативных документов, а весной 1941 г. пытался перелететь к итало-фашистам ²⁶.

На следующий день после подписания Францией перемирия с Германией кабинет Али Махира вынужден был

²⁴ «Great Britain and Egypt. 1914—1951», London, 1952, p. 61—62.

²⁵ FR, 1940, vol. III, p. 483. Посланник в Каире Фиш — государственному секретарю, Каир, 17 октября 1940 г.

²⁶ «Times», 17.V.1941.

под давлением Англии уйти в отставку. К власти пришло проанглийское правительство Сабри. Многочисленный персонал итальянского посольства покинул Каир. Позднее значительное количество итальянских подданных (их насчитывалось в Египте около 60 тыс. человек) было интернировано. Стало осуществляться англо-египетское военное сотрудничество. Однако внутривосточное положение в стране оставалось весьма острым.

Еще сложнее обстояло дело в Ираке.

Когда началась война, большая часть английских войск была переброшена из Палестины в Ирак, исключительно важное стратегическое и экономическое значение которого было очевидно.

После поражения арабского восстания Ирак стал убежищем лидеров повстанцев. В середине октября 1939 г. в Багдад прибыл великий муфтий иерусалимский Мухамед Али эль-Хусейн, который получал официальные субсидии от принца-регента Абдэль-Иллаха и иракского правительства. Попытки проанглийской группировки во главе с Нури Саидом изолировать муфтия и его приверженцев оказались тщетными. В конце февраля 1940 г. в результате острой борьбы националистической группы Рашида эль-Гайлани с проанглийской Нури Саида, Гайлани сформировал правительство, в котором Нури Саид остался министром иностранных дел. Однако этот компромисс не мог быть прочным, ибо Гайлани, тайно связанный с «осью», рассчитывал, опираясь на ее поддержку, избавиться от господства Англии и добиться независимости Ирака. С приходом к власти Гайлани в стране резко усилились антианглийские настроения²⁷. В прессе развернулась открытая пропаганда против Англии и Франции. Хотя

---

²⁷ В донесении посланника США в Багдаде Небеншуге перечисляются следующие причины антианглийских настроений в политических кругах Ирака, помимо традиционно-исторических: неравноправный договор с Ираком; растущее влияние иерусалимского муфтия и палестинская проблема, которая дает возможность распространять антианглийские настроения среди населения; германская пропаганда, которая извлекает из этого выгоду и воспламеняет общественное мнение; использование некоторыми иракскими политическими деятелями этих обстоятельств к собственной выгоде. Наибольший вред, по мнению американского посланника, нанесло намерение Англии ничего не предпринимать для разрешения палестинской проблемы вплоть до окончания войны (FR, 1940, vol. III, p. 712, Багдад, 14 ноября 1940 г.).

после вступления Италии в войну некоторые итальянские подданные были интернированы, иракское правительство отказалось порвать дипломатические отношения с Италией (с Германией они были порваны 7 сентября 1939 г.), ссылаясь при этом на позицию англо-французского союзника Турции, которая, как известно, продолжала поддерживать дипломатические отношения как с Германией, так и с Италией. Гайлани создал тайную директорию из группы высших армейских офицеров, названную «Золотым квадратом» (по числу четырех участников группы), и вступил в тесную связь не только с муфтием, но и с итальянским посланником Луиджи Габриэли и с нацистами. В Анкару отправился министр юстиции Наим Шавкат, который установил связь с германским послом фон Папеном. Переговоры с Папеном привели к проекту создания северной арабской империи под руководством Ирака и под покровительством либо одной Германии, либо Германии и Италии. Предложения муфтия — Гайлани ставили Германию в несколько щекотливое положение по отношению к своему итальянскому союзнику, ибо существовала договоренность, что арабские государства «организует» Италия²⁸. Поэтому Папен подчеркнул в беседе с Шавкатом, что он может служить лишь посредником для передачи предложений Италии через германское правительство²⁹.

---

²⁸ DGFP, vol. X, № 200, p. 261—262. Меморандум директора политического департамента германского МИДа Вермана, Берлин, 21 июля 1940 г.

²⁹ Статс-секретарь МИДа Вейцекер после ознакомления с меморандумом Вермана, в котором излагались переговоры Папена, высказал свое несогласие с точкой зрения Вермана о том, что Германия не претендует на руководство в делах Ближнего Востока, а лишь заинтересована в воздушных линиях и в иракской нефти, руководство же должно остаться за Италией. Вейцекер сделал на полях меморандума следующую надпись: «...до тех пор, пока мы находимся в войне, мы должны говорить арабам только, что мы сражаемся именно против Англии, и говорить только об освобождении арабского мира, не детализируя наши цели в будущем» (ibid., p. 262). «Поправка» Вейцекера имела существенное значение. Германия рассчитывала использовать арабское националистическое движение в своих собственных интересах и не желала связывать себя никакими обещаниями на будущее. Потому-то Вейцекер и считал ошибкой отсылать арабских уполномоченных в Рим, показывая этим незаинтересованность Германии в ближневосточных делах. Дискуссия завершилась, как свидетельствуют документы, некоторым компромиссом между точками зрения Вермана и Вейцекера.

Вслед за Наим Шавкатом в начале августа у Папена появился секретарь великого муфтия Осман Кемаль Хаддад (Тевфик эль-Шакир), направлявшийся в Берлин и Рим. Хаддад подчеркивал, что они ожидают поддержки Германии в подготовляемом новом восстании в Палестине, в Сирии, в захвате власти в Ираке, в свержении власти короля Трансиордании Абдуллы ³⁰.

В Берлине Хаддад был принят бывшим германским посланником в Багдаде и лучшим немецким знатоком арабских дел Гроббой. Хаддад сообщил дипломату-разведчику, что лидеры арабских националистов создали комитет для сотрудничества с «осью», в который вошли: от Ирака — премьер-министр Рашид Гайлани, министр финансов Наджи Сувайди, министр юстиции Наим Шавкат, депутат Юнис Сабави, высшие военные руководители, от Сирии — Шюкрю Куатли ³¹, Цеки Хатиб, от Саудовской Аравии — личный секретарь короля Ибн-Сауда Юсуф Ясин и королевский советник Халид Алхуд; от Палестины — великий муфтий.

Хаддад просил, чтобы Италия и Германия опубликовали декларацию о независимости арабских государств. Со своей стороны иракское правительство предоставит Германии и Италии преимущественное положение в эксплуатации нефтяных источников и других естественных богатств страны. Хаддад предлагал также заключить секретное соглашение между комитетом и Германией, по которому Германия должна помогать комитету деньгами, оружием и другими средствами в их борьбе за достижение независимости Ирака, Сирии, Трансиордании и Палести-

---

В подписанном Верманом 20 августа циркуляре указывалось, с одной стороны, что Германия не претендует на политическое руководство на территории арабских государств (Египет, Палестина, Трансиордания, Сирия, Ливан и Ирак), но заинтересована в безопасности своих воздушных путей, эксплуатации иракской нефти и в продолжении археологических раскопок. С другой стороны, предлагалось в разговорах с арабскими лидерами подчеркивать их общий интерес в поражении Англии, и в то же время тщательно избегать какой-либо дискуссии о «будущей политической организации арабского района... ни в коем случае не говорить чего-либо арабским представителям о незаинтересованности со стороны Германии» (*ibid.*, № 370, р. 515—516, Берлин, 20 августа 1940 г.).

³⁰ DGFP, vol. X, № 209, р. 275. Великий муфтий — фон Папену, Багдад, 29 июля 1940 г.; *ibid.*, № 289, р. 415—416. Фон Папен — МИДУ, Терафия, 6 августа 1940 г.; см. также *ibid.*, №125.

³¹ Шюкрю Куатли был позднее президентом Сирии.

ны. Комитет, сообщил далее Хаддад, готовит всеобщее восстание в Трансиордании и Палестине. Ирак откажется пропустить английские войска через свою территорию и готов защищаться против англичан всеми средствами ³².

Мнение германского правительства при первоначальном ознакомлении с предложениями секретаря муфтия сводилось к тому, что в определенных условиях оно будет готово оказать помощь трофейным оружием и деньгами, но только по соглашению с Италией ³³. В соответствии с этим решением Макензен имел беседу с Чиано ³⁴. Спустя месяц после прибытия секретаря муфтия в Берлин было решено сделать устное заявление о поддержке целей арабских государств по радио на арабском языке, а текст передать Хаддаду ³⁵. Однако дело этим не ограничилось. Вопрос об отношениях с арабскими националистами служил еще несколько месяцев предметом обсуждения в дипломатических ведомствах Германии и Италии. Наконец 9 декабря 1940 г. германский министр иностранных дел созвал совещание, которое одобрило политику в отношении арабских государств. Выводы, принятые на совещании, разоблачают империалистическую и корыстную политику фашистского «райха» в отношении арабских стран и показывают, что арабским народам отводилась роль одного из орудий борьбы фашистов за мировую гегемонию против Англии и ее союзников. Здесь, в своем кругу, нацисты не стеснялись и, отбросив прочь «сентиментальные разговоры» о независимости арабских государств, деловито и жестоко оценивали возможности использования арабских народов для утверждения господства «оси» ³⁶. В выводах, в частности, указывалось: «В любом случае национальные, военные, культурные и государственно-строительные силы арабов не должны переоцениваться.

³² DGFP, vol. X, № 403, p. 556—560. Меморандум Гроббс о переговорах с Хаддадом, Берлин, 27 августа 1940 г.

³³ Ibid., vol. XI, № 35, p. 45. Вейцзекер — посольству в Италии, Берлин, 9 сентября 1940 г.

³⁴ Ibid., № 40, p. 48—49. Меморандум директора политического департамента германского МИДа Вермана.

³⁵ Ibid., № 127, p. 220—221. Меморандум директора политического департамента германского МИДа Вермана.

³⁶ Ibid., № 431, p. 826—830. Конференция у министра иностранных дел 9 декабря 1940 г. Меморандум начальника VII политического отдела германского МИДа Мельхерса.

Мы совершенно не имеем основания быть сентиментальными относительно этих народов, антиевропейских в своей основе... Но арабы как жители страны-моста, через которую проходят пути, ведущие в южную и восточную Азию, точно так же, как и в восточную Африку, и как основные представители ислама в мире являются чрезвычайно важным фактором³⁷. Далее в документе указывалось на необходимость принятия германскими политическими и военными руководителями таких мер, которые удерживали бы арабов на стороне «оси». Германское дипломатическое ведомство выражало опасение, что поражение Италии, активность голлистов и английское наступление заставят арабов перейти на сторону Англии.

Параллельно с переговорами в Берлине Гайлани сделал итальянскому посланнику в Багдаде заявление о своих симпатиях к державам «оси»³⁸.

В то время, как эмиссары Гайлани и муфтия вели переговоры в Анкаре и Берлине, сам Гайлани предложил Англии объявить войну Италии при условии немедленного предоставления независимости Палестине. 29 августа английское правительство отклонило предложение Гайлани, а спустя еще неделю, 5 сентября, приняло решение об отправке на Ближний Восток крупных военных подкреплений³⁹.

Напомним, что это происходило как раз в тот момент, когда со дня на день ожидалось германское вторжение на Британские острова. Арнольд Тойнби с восторгом сравнивает решение от 5 сентября 1940 г. с решением римского сената в 211 г. до н. э. об усилении римских армий в Испании в то время, когда Ганнибал находился у ворот Рима, или с действиями римского императора Гераклиуса (622 г.), отплывшего из Константинополя в Персию, в то время как персидская армия находилась на азиатском берегу Босфора⁴⁰. Аналогия эта неправомерна. Ибо в действительности к этому времени Черчилль уже был убежден, что немецкий план вторжения стал неосуществим. Решение от 5 сентября важно с другой точки зрения—

³⁷ Ibid., № 431, p. 828—829.

³⁸ Ibid., vol. X, № 359, p. 503. Меморандум Вермана, Берлин, 17 августа 1940 г.

³⁹ «Parliamentary Debates, House of Commons», vol. 365, col. 48.

⁴⁰ Предисловие А. Тойнби к кн.: G e o r g e K i r k. The Middle East in the War, p. 1—2.

оценки английской стратегии и политики того времени. Оно свидетельствовало, что главная задача английской стратегии и политики оставалась пока прежней: защита имперских владений и коммуникаций, господство на море. Только на море и на Среднем Востоке военный кабинет решил проводить наступательные операции, ограничиваясь на других театрах военных действий в Европе обороной.

23 октября гитлеровское правительство объявило по радио на арабском языке о своей поддержке арабов в их борьбе за независимость. Это демагогическое заявление, прикрывавшее намерение Германии и Италии самим обосноваться в арабских государствах после вытеснения оттуда Англии и Франции, имело непосредственной целью подбодрить Гайлани и силы, его поддерживающие. В конце ноября английский посол Базил Ньютон потребовал от регента отставки Рашида эль-Гайлани⁴¹. По просьбе Англии этот демарш был официально поддержан Соединенными Штатами Америки⁴². Нажим на регента был оказан и Турцией⁴³. Однако и регент и Нури Саид, пользовавшийся большим влиянием, боялись что-либо пред-

⁴¹ G. K i r k, Op. cit., p. 65. Ньютон обвинял правительство Гайлани в том, что оно своей политикой играет на руку врагам Англии, в частности установило телеграфную связь с Германией и Италией; продолжает поддерживать дипломатические отношения с Италией; не принимает мер для прекращения антианглийской пропаганды в местной печати; отказывается опровергнуть слухи о предстоящем установлении дипломатических отношений с Германией; вопреки англо-иракскому союзному договору оно пытается придерживаться политики нейтралитета вместо того, чтобы занять пробританскую позицию. Британский посол утверждал, что германская декларация о независимости арабских государств была издана по наущению Гайлани (FR, 1940, vol. III, p. 714. Небеншуге — государственному секретарю, Багдад, 27 ноября 1940 г.; *ibid.*, p. 716. Небеншуге — государственному секретарю, Багдад, 2 декабря 1940 г.).

1 декабря Ньютон посетил Гайлани и заявил ему, что «английское правительство ожидает его отставки» (FR, 1940, vol. III, p. 716. Небеншуге — государственному секретарю, Багдад, 1 декабря 1940 г.).

⁴² В телеграмме Небеншуге от 3 декабря 1940 г. Хэлл предложил сделать решительное устное заявление премьер-министру и министру иностранных дел Ирака, что США оказывали и будут оказывать Англии все возрастающую помощь и поддержку. Отказ Ирака от сотрудничества с Англией произведет в США весьма неблагоприятное впечатление. Поражение Англии означало бы угрозу независимости Ирака и всех других государств Ближнего и Среднего Востока (FR, 1940, vol. III, p. 717. Хэлл—Небеншуге, Вашингтон, 3 декабря 1940 г.).

⁴³ *Ibidem.*

принять. Правительство открыто объявило о своем намерении оставаться у власти: Гайлани определенно рассчитывал на военную помощь Германии. Тогда Англия попыталась оказать на Ирак экономическое давление. Английские банки в Ираке получили указание из Лондона отказывать в обмене денег на доллары, препятствовать иракским коммерсантам использовать доллары для закупок товаров в других государствах, в частности, в Японии⁴⁴.

Наконец, с целью вынудить Гайлани к отставке регент по «совету» английского посла внезапно покинул Багдад и обосновался в Дивании. 31 января Гайлани был вынужден уйти в отставку. Но мысли о возвращении не оставил и начал готовить вооруженный переворот.

Новое правительство во главе с Хашими придерживалось проанглийской ориентации.

Между тем положение Англии продолжало оставаться довольно сложным. События на Балканах свидетельствовали о решительном наступлении «оси» в восточном направлении. Прогерманские круги на Ближнем и Среднем Востоке, а также те националистические группы, которые рассчитывали использовать Германию для достижения независимости арабскими государствами, укрешались во мнении о неминуемом падении Британской империи. Последовавший вскоре выход немецко-фашистских войск на границу в Греции послужил толчком к готовившемуся перевороту.

1—2 апреля Гайлани захватил власть и создал так называемое правительство национальной обороны. Парламент по указанию премьера избрал нового регента, но подтвердил также и верность англо-иракскому договору 1930 г. Однако в Лондоне уже было принято решение прибегнуть к силе. Еще в конце марта 1941 г. назначенный в Багдад новый английский посол Кинхен Корнуэлл встретился с главнокомандующим английскими войсками на Среднем Востоке генералом Уэйвеллом и договорился с ним о переброске английских войск для «восстановления порядка» в Ираке⁴⁵.

---

⁴⁴ Ibid., p. 723. В Англии предполагали также с целью оказания нажима на Ирак закрыть порт Басру и убедить Турцию прекратить транзит ее товаров через территорию Ирака (ibid., p. 716).

⁴⁵ 9 апреля «Таймс» в передовой статье угрожающе заявила: «Английское правительство будет судить о намерениях нового

В связи с событиями в Ираке активизировалась и Германия. На письмо иерусалимского муфтия Гитлеру с просьбой об оказании помощи 8 апреля последовал ответ: если арабы будут воевать с Англией, то им будет предоставлена военная и финансовая помощь. Германия готова для этой цели предоставить в их распоряжение военные материалы, как только будет найден способ их доставки в Ирак⁴⁶. 12 апреля последовало распоряжение о поддержке Германией Гайлани⁴⁷.

В течение апреля и начала мая 1941 г. немецкие дипломатическое и военное ведомства изыскивали пути для военной поддержки Гайлани⁴⁸. В Ирак был направлен Гробба в сопровождении офицера военно-воздушных сил. Риббентроп начал составлять планы всеобщего арабского восстания против Англии. В меморандуме о положении дел в Ираке, составленном для Гитлера, он пишет: «Весь арабский мир поднимается затем против Англии из нашего центра в Ираке»⁴⁹. Германский посол в Париже Абетц спешно провел переговоры с Дарланом, в результате которых было достигнуто соглашение о передаче Гайлани оружия с французских складов в Сирии, пропуске немецких военных материалов через территорию Сирии в Ирак, разрешении немецким самолетам, следующим в Ирак, заправляться горючим на сирийских аэродромах⁵⁰.

События в Ираке оказали сильное воздействие даже на такого, казалось бы, преданного Англии правителя, как египетский король Фарук. В середине апреля Фарук через египетского посла в Иране своего родственника

режима по его делам, а не по его словам. Этот режим должен урегулировать собственное положение, прежде чем он может надеяться на признание» («Times», 9.IV 1941 г.).

⁴⁶ DGFP, vol. XII, № 293, p. 488—490. Вермап — посольству в Турции, Берлин, 8 апреля 1941 г.

⁴⁷ Ibid., № 322, p. 526—527. Меморандум Вермана о поддержке Гайлани, Берлин, 12 апреля 1941 г.

⁴⁸ Ibid., № 377, p. 592—594. Меморандум Риббентропа, Вена, 21 апреля 1941 г.; *ibid.*, № 412, p. 652. Риббентроп — посольству в Турции, 27 апреля 1941 г.; *ibid.*, № 413, p. 653. Риббентроп — посольству в Италии, 22 апреля 1941 г.

⁴⁹ Ibid., № 435, p. 688—689. Меморандум Риббентропа для Гитлера, Берлин, 3 мая 1941 г.; *ibid.*, № 436, p. 690. Меморандум Гевеля об одобрении Гитлером предложений Риббентропа, касающихся Ирака, Берлин, 3 мая 1941 г.

⁵⁰ Ibid., № 475, p. 740—742. Меморандум директора департамента экономической политики германского МИДа, Берлин, 8 мая 1941 г.; Дневник Гальдера, 8, 16, 20.V 1941.

Зульфикар-пашу передал германскому послу Эттелю, что он желает победы над Англией и хотел бы видеть «германские войска в Египте» в роли «освободителей от невыносимо жестокого английского ига»⁵¹. 30 апреля Фаруку было передано послание Гитлера с предложением вести совместную борьбу против Англии⁵².

Практически, однако, Германия располагала крайне незначительными средствами для того, чтобы использовать переворот Гайлани для утверждения собственного господства в арабских странах. Ее силы были скованы военными действиями на Балканах и предстоящим нападением на Советский Союз. Последнее обстоятельство весьма облегчило положение Англии.

18 апреля в Басру прибыли английские войска из Индии, а всего через несколько дней, вопреки протестам правительства Ирака, выгрузились новые войска. Попытка Гайлани решить вопрос военными действиями против английской авиабазы в Хаббании (неподалеку от Багдада) успеха не имела. Бой, завязавшийся между иракской армией и английскими войсками, переброшенными из Индии и Палестины, окончился победой последних. Впрочем, победа была одержана главным образом из-за низкой боеспособности иракской армии, неуверенности и нерешительности самого Гайлани, нехватки воды и продовольствия⁵³. Германия была бессильна помешать английской победе в Ираке. Ей оставалось лишь надеяться на то, что Англия не справится с внутренними затруднениями в Ираке⁵⁴. 30 мая Багдад был занят английскими войсками; Гайлани, муфтий и прибывший в Ирак после переворота Гробба бежали. Гайлани в конце концов нашел убежище при дворе Ибн-Сауда⁵⁵.

---

⁵¹ Ibid., № 350, p. 558—560. Посланник в Иране Эттель — МИДУ, Тегеран, 15 апреля 1941 г.

⁵² Ibid., № 427, p. 680—681. Риббентроп—посольству в Иране, Вена, 30 апреля 1941 г.

⁵³ Lieutenant-General Sir John Bagot Glubb. Britain and the Arabs. London, 1959, p. 243.

⁵⁴ «Положение в Ираке становится все более неблагоприятным. Мы не в состоянии оказать решительную военную помощь. Однако трудно сказать, что англичане быстро сумеют умиротворить этот район, даже в том случае, если старое правительство будет возвращено в Багдад» (Дневник Гальдера, 31.V 1941).

⁵⁵ 1 июня 1941 г. Вейцекер через германское посольство в Иране сообщил Гайлани, что Германия не считает его дело проигран-

Но и после прихода к власти проанглийского правительства положение в Ираке оставалось напряженным. Небеншуге писал вскоре после окончания военных действий в Вашингтон: «Я глубоко убежден в том, что большая часть иракской армии и иракского народа настроены антианглийски, если бы немцы предприняли некоторое давление в этом направлении, то иракская армия поднялась бы против англичан, несмотря на то, что они сохраняют здесь силу, достаточную для того, чтобы остановить германский прорыв и в то же время держать иракцев под контролем»⁵⁶.

Но немецкого наступления в этом районе ожидать уже больше не приходилось. Германские армии были переброшены на Восток и сосредоточивались на границах Советского Союза. Именно поэтому Англии удалось остаться хозяином положения.

Поразительно, что руководители английской политики рассматривали события в Ираке с точки зрения действия субъективных факторов, упрямо закрывая глаза на то, что пронацистский переворот Гайлани имеет более серьезную подоплеку, чем просто интриги фашистских держав. Они не понимали, что Гайлани использовал национальные устремления, народное освободительное движение, направленное против извечного угнетателя — британского империализма, в интересах «оси», что переворот Гайлани в уродливой, искаженной форме отражал борьбу иракского народа за независимость и свободу.

Пожалуй, здесь было не только непонимание реальной обстановки или боязнь смотреть правде в глаза, но и глубокое пренебрежение к арабам как к низшей расе, еще «не созревшей» для самостоятельного развития.

Капитуляция Франции совершенно изменила расстановку сил на Ближнем Востоке. Отныне Англия не могла рассчитывать на 120-тысячную французскую ливантскую армию, находившуюся с середины мая 1940 г. под командованием генерала Миттельхаузера. Назначенный Петеном генеральным резидентом в Сирии и Ливане генерал

ным. То же самое было поручено передать и муфтию. Обоим была обещана финансовая поддержка (DGFP, vol. XII, № 590, p. 959—960).

⁵⁶ FR, 1941, vol. III, p. 513. Небеншуге — государственному секретарю, Багдад, 5 июня 1941 г.

Денц был настроен резко антианглийски; инцидент в Оране еще больше обострил отношения.

На следующий день после английского нападения на французские военные корабли, 4 июля 1940 г., Форин оффис выступил с официальным заявлением о политике Англии по отношению к Сирии и Ливану. Английское правительство предостерегало французское командование в Леванте, что, если создастся угроза захвата территории этих государств врагом, Англия не будет считать себя чем-либо связанной в своих действиях. Это, однако, ни в коем случае не означает, что будущее территорий, находящихся под французским мандатом, будет определено уже сейчас⁵⁷.

Оговорка была весьма важной, ибо в различных французских политических кругах, в том числе и среди голлистов, было широко распространено подозрение, что Англия попытается использовать поражение Франции для присоединения французских колониальных и подмандатных территорий к британским владениям. Эти подозрения, как показали последующие события, не были полностью лишены основания. Германская пропаганда раздувала и муссировала подобные слухи для разжигания вражды французов к Англии, имея в виду в подходящий момент самой утвердиться в Леванте.

Опасаясь появления германских или итальянских войск в Сирии и Ливане, английское правительство отдало приказ «Ирак петролеум компани» прекратить снабжение Леванта нефтью и с этой целью закрыть триполитанскую ветку нефтепровода, которая брала начало в Киркуке и проходила через Сирийскую пустыню в Триполи⁵⁸. Вишистские власти ответили на это в августе 1940 г. запрещением британским подданным призывного возраста покидать Левант. Английский генеральный консул был переселен из Бейрута в небольшое местечко, откуда он не мог оказывать никакого влияния на события. В конце августа в Дамаске и Бейруте появились представители итальянской комиссии по перемирию.

С одобрения английского правительства голлисты пытались 23—25 сентября совершить переворот в Сирии

---

⁵⁷ Ibid., p. 896. Посол в Лондоне Кеннеди — государственным секретарю, Лондон, 4 июля 1940 г.

⁵⁸ G. Kirk. Op. cit., p. 85.

и Ливане, но потерпели неудачу, тогда Англия установила блокаду Леванта, которая ухудшила и без того плохое экономическое положение страны. В январе-феврале 1941 г. в Дамаске и Бейруте прошли народные демонстрации под лозунгом: «Мы хотим хлеба»⁵⁹. В связи с нехваткой хлеба в Бейруте была объявлена всеобщая забастовка. Все эти выступления имели яркую политическую окраску — народы Сирии и Ливана требовали независимости. Буржуазные политические партии создали Национальный блок во главе с Шюкрю Куатли и комитеты Национального блока на местах. Вишистские власти безуспешно старались подавить движение репрессиями: «Мы пытаемся оказать максимум экономического давления на Сирию», — объясняло британское посольство в Вашингтоне государственному департаменту, недовольному английской политикой, которая ущемляла экономические интересы США. Далее в ноте говорилось: «Это не означает, что мы желаем или ожидаем немедленного восстания. Слабая Сирия, однако, безопасна в случае возможной французской акции, предпринятой против нас. Это кажется нам важным в виду стратегического значения Сирии и нереалистической политики правительства Виши. Правительство Его Величества кажется, что этот курс менее опасен, чем любой другой...»⁶⁰

На почве экономической блокады Сирии между США и Англией возникли разногласия, так как США опасались, что сильное экономическое давление на Сирию «создаст внутренние беспорядки, которые распространятся на соседние арабские страны», и усилит стремление арабских народов к независимости, кроме того, это укрепит внешне-торговые связи Сирии с Германией⁶¹. Хэлл настоятельно предлагал американскому послу в Лондоне Вайнанту убедить английское правительство в желательности сохранения существующей структуры внешней торговли Сирии. При этом США изъявили готовность контролировать торговлю Сирии средствами, которыми они располагают. Под нажимом США Англия отступила и была вынуждена отказаться от блокады сирийской торговли⁶².

⁵⁹ Kirk. Op. cit., p. 8.

⁶⁰ FR, 1941, vol. III, p. 670. Английское посольство — государственному департаменту, Вашингтон, 17 января 1941 г.

⁶¹ Ibid., p. 676. Хэлл—Вайнанту, Вашингтон, 13 февраля 1941 г.

⁶² Ibid., p. 681. Вайнант — Хэллу, Лондон, 20 марта 1941 г.

Растущее влияние на положение дел в Сирии и Ливане оказывали события в Ираке. Германия старалась извлечь максимум выгоды из сложившейся ситуации. В январе 1941 г. в Дамаск прибыл глава ближневосточного отдела германского МИДа фон Гентинг. Он немедленно установил связь с руководящими деятелями панарабского движения, обещая им поддержку Германии и заверяя их, что германская армия в скором времени появится в Сирии. Ирак, а затем и Афганистан, подчеркивал германский эмиссар, присоединятся к Германии. Иран уже сотрудничает с ней. Восстанет и Индия⁶³.

Американский генеральный консул в Бейруте отмечал в начале мая 1941 г. (т. е. после переворота Гайлани): «...События в Ираке оказали достойное сожаления влияние на сирийцев. Даже в кругах, которые не являются антианглийскими, распространяется убеждение, что они могут говорить об упадке и падении британского могущества... Великобритания не найдет достаточно войск, чтобы спасти Сирию»⁶⁴.

4 мая генерал Денц получил телеграфное распоряжение из Виши, в котором указывалось: «Невозможно относиться к вооруженным силам Германии, как к враждебным, но вы, естественно, должны силой воспрепятствовать какому-либо вмешательству английских войск в случае, если они попытаются в какой бы то ни было форме и где бы то ни было вмешаться»⁶⁵. Этот приказ был послан в тот самый день, когда между иракской армией и английской начались военные столкновения. (Указание об оказании помощи Германии против Англии вытекало из переговоров, которые Дарлан вел в Париже.) Через два дня из Виши последовало еще более решительное распоряжение — оказывать германским самолетам всю возможную помощь, чтобы они достигли места назначения — территории Ирака⁶⁶.

Во время боев в Ираке германские самолеты с разрешения правительства Виши совершали посадку на сирийской территории, где заправлялись горючим.

---

⁶³ J. G l u b b. Op. cit., p. 237.

⁶⁴ FR, 1941, vol. III, p. 701. Генконсул в Бейруте Энгерт — государственному секретарю, Бейрут, 4 мая 1941 г.

⁶⁵ G. K i r k. Op. cit., p. 92—93.

⁶⁶ Ibid., p. 93.

Прибывший из Виши 10 мая уполномоченный правительства Жерар разъяснил Денцу, что в обмен за помощь, которую Виши окажет Германии в Ираке, от нее добиваются уменьшения контрибуции, сужения оккупированной зоны, освобождения значительного числа французских военнопленных⁶⁷. Вместе с Жераром прибыл секретный германский агент Рудольф Ран, который должен был руководить операцией по переброске германских самолетов в Ирак, а также снабжением иракской армии оружием и снаряжением из французских складов, находящихся под контролем комиссии по перемирию⁶⁸. С согласия Виши поезд с оружием и боеприпасами был отправлен Гайлани⁶⁹. Через несколько дней германовишистские переговоры в Париже были закончены и установлен принцип коллаборационизма. Денц получил 14 и 15 мая, вскоре после встречи Дарлана с Риббентропом, указания Дарлана и Петена сотрудничать с «осью» и оказывать сопротивление английскому нападению, если оно последует⁷⁰. В тот же день английская авиация бомбила французские аэродромы в Сирии, и Иден заявил в палате общин не только об этом приказе, отданном воздушным силам, но и о нарушении правительством Виши принятых на себя обязательств⁷¹. Между тем с согласия и при поддержке властей Виши гитлеровская Германия, по сообщениям печати, переправляла оружие в Ирак и вербовала в Сирии добровольцев для иракской армии. 22 мая английский министр иностранных дел заявил в палате общин, что если правительство Виши будет помогать Германии, то Англия атакует врага в любом месте,

---

⁶⁷ G. K i r k. Op. cit., p. 93.

⁶⁸ Ibidem.

⁶⁹ J. G l u b b. Op. cit., p. 243.

⁷⁰ В телеграмме от 15 мая 1941 г. Петен объяснял Денцу: «Я должен лично настаивать на величайшей важности этих переговоров и на моем намерении безоговорочно проводить политику, вытекающую из них. Ссылка, сделанная в отношении Сирии, должна утвердить вас в вашей цели защищать всеми возможными средствами территорию, находящуюся под вашей властью, обеспечивая, как в Дакаре, свободу воздушных путей и предоставляя в условиях, которые, я знаю, должны быть политически и материально деликатными, полную меру вашего желания сотрудничать с новым порядком». (Цит. по: G. K i r k. Op. cit., p. 94).

⁷¹ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 371, col. 1264.

где он будет разыскан⁷², т. е. недвусмысленно намекал на возможность нападения Англии на Сирию и Ливан.

Между тем операции на Крите и готовившееся нападение на СССР побудили германское командование отозвать авиацию из Сирии и Ирака, а затем и вовсе отложить планы, связанные с арабским Востоком. 8 июня английские войска совместно с голлистами начали наступление на Сирию. Вишистское командование в Сирии было готово обратиться к гитлеровцам за вооруженной поддержкой, но правительство Виши не рискнуло это сделать, понимая, что тем самым оно открыто станет союзником Германии со всеми вытекающими отсюда последствиями⁷³.

Желая выглядеть в глазах народов Леванта освободителем и добиться стабилизации положения на Арабском Востоке, Англия предложила, чтобы командующий войсками «свободных французов» генерал Катру опубликовал при переходе сирийской границы декларацию о предоставлении Сирии и Ливану в будущем независимости⁷⁴.

Де Голль не без основания полагал, что Англия преследует цель вытеснения Франции из Сирии и Ливана. «Развитие событий, — пишет де Голль в своих мемуарах, — должно было дать Великобритании огромные политические, военные и экономические преимущества в Сирии, которыми она, несомненно, поспешила бы воспользоваться в своих интересах... Все это было направлено на то, чтобы обеспечить повсюду на Востоке руководящее положение Великобритании. Проводя свою политику, Англия намеревалась с помощью то завуалированных, то грубых методов занять место Франции в Дамаске и Бейруте». Сначала Англия настаивала на совместной декларации, имея в виду убедить население Сирии и Ливана, что выступает за их независимость. Но это предложение было де Голлем отвергнуто. Тогда Англия предложила указать во французской декларации, что обещание будущей независимости Сирии и Ливана подкрепляется гарантией Англии⁷⁵.

Английская официальная история решительно отвергает утверждения французской стороны, будто Англия

---

⁷² Ibid., vol. 371, col. 1593.

⁷³ Подробно см. G. Kirk. Op. cit., p. 96—101.

⁷⁴ J. Glubb. Op. cit., p. 253.

⁷⁵ Шарль де Голль. Военные мемуары, т. I. М., 1957, стр. 210—211.

стремилась подчинить себе Сирию и Ливан. Батлер, например, пишет: «...Основная задача Великобритании состояла в том, чтобы достигнуть победы в войне. Поэтому нужно было сделать так, чтобы до тех пор, пока война длится, Сирия доставляла Великобритании как можно меньше хлопот. Английским наблюдателям было совершенно ясно, что арабы не будут удовлетворены, если результатом экспедиции в Сирию будет их переход из-под власти одних под власть других. Великобритания находила, что арабы считают ее менее заинтересованной страной, чем Францию. Поэтому Великобритания не могла снять с себя ответственность за управление этими территориями в ближайшем будущем. В силу этого англичане как до, так и после подписания перемирия (14 июля), настаивали на скорейшем предоставлении Сирии и Ливану независимости»⁷⁶.

Такой же точки зрения придерживаются и другие английские историки. Вряд ли Англия практически могла осуществить присоединение Леванта, но не представляет сомнений, что она собиралась использовать сложившиеся обстоятельства для усиления в странах Леванта своего политического и экономического влияния. С точки зрения военной и политической целесообразности момента, настояния Англии на декларации о предоставлении Сирии и Ливану независимости были бесспорно правильными. В будущем голлисты стремились всячески затян timer предоставление независимости Сирии и Ливану, впрочем, как и другим странам, находившимся в зависимости от Франции или под ее колониальным гнетом. Примеры судьбы Индокитая и Алжира достаточно красноречивы.

Дальнейшие события в Сирии и Ливане показали, что как только власть перешла в руки деголлевской администрации, последняя немедленно возвратилась к той же обанкротившейся политике опоры на консервативные компрадорские круги и марионеточные правительства. Вероятно, что если бы предложение Англии о совместной гарантии и было принято де Голлем, то для народов Сирии и Ливана практически ничего бы не изменилось. Все-таки опыт истории учит, что колонизаторы, несмотря на противоречия, которые подчас возникают между ними,

⁷⁶ J. R. M. Butler. Op. cit., p. 522.

всегда легче договариваются между собой, чем с пораженными или зависимыми от них народами.

Итак, с оговорками, но заявление, которого добивалась Англия, было Катру сделано⁷⁷. Одновременно было опубликовано отдельное заявление английского посла в Каире Майлса Лемпсона о поддержке Англией движения «Свободная Франция».

Черчилль, зная подозрительность Рузвельта, когда речь шла об английской политике по отношению к колониальным и зависимым странам, 7 июня перед началом операций в Сирии обратился к президенту с посланием, в котором, сообщая о предстоящем выступлении совместно с войсками де Голля, заверял его, что Англия «не имеет других политических интересов в Сирии, кроме как победы в войне»⁷⁸. Черчилль просил президента оказать давление на Петена с тем, чтобы ослабить сопротивление вишистов. Просьба Черчилля была Рузвельтом выполнена, и надлежащее представление Петену было сделано Леги 10 июня 1941 г.⁷⁹

Операции в Сирии развивались для англичан и голлистов довольно успешно. Они начались 8 июня 1941 г. под командованием генерала (в будущем фельдмаршала) Уилсона. 21 июня был взят Дамаск. На следующий день гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Вишисты не могли больше рассчитывать на помощь Германии. Кроме того, как правильно полагает генерал Глабб, и сами вишисты опасались, что если они вступят в прямое военное сотрудничество с немцами, то войска в Сирии, остающиеся верными Виши, откажутся стрелять в англичан и голлистов. Решающим обстоятельством, разумеется, было начало грандиозного сражения на советско-германском фронте, от исхода которого, как все отлично понимали, зависела и конечная судьба стран и народов Ближнего и Среднего Востока.

9 июля английские и голлистские войска вошли в Бейрут, а спустя еще два дня Денц запросил мира. 14 июля 1941 г. перемирие было подписано. Его условия были для вишистов чрезвычайно благоприятны, так как

---

⁷⁷ Шарль де Голль. Указ. соч., стр. 503.

⁷⁸ FR, 1941, vol. III, p. 726. Джонсон — государственному секретарю, Лондон, 7 июня 1941 г.

⁷⁹ Ibid., p. 734—735. Хэлл—Леги, Вашингтон, 10 июня 1941 г.; ibid., p. 737. Леги — Хэллу, Виши, 12 июня 1941 г.

предоставляли им возможность свободной репатриации во Францию или во Французскую Северную Африку⁸⁰.

Наиболее выдающимся успехом Англии в войне на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке в то время был разгром итальянской армии в Эфиопии и освобождение ее. Конечно, первое наступление Уэйвелла по своим масштабам и стратегическим результатам было более важным; однако операция в Эфиопии была успехом закрепленным, в то время как за наступлением Уэйвелла последовало контрнаступление Роммеля, сведшее на нет все победы, одержанные ранее английскими войсками в Западной пустыне.

Операции в Эфиопии в планах английского командования занимали второе место после операций в Западной пустыне. План предусматривал наступление со стороны Эритреи (генерал Плэтт) и из Восточной Кении (генерал Каннингхэм). Но главное отличие кампании по освобождению Эфиопии от всех других операций, развертывавшихся на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке, заключалось в том, что в ней принимали активное участие партизаны Эфиопии, которые, начиная с 1935 г., не прекращали (особенно в горном западном районе страны) борьбы против итало-фашистских захватчиков.

В июле-августе 1940 г. вскоре после вступления в войну итальянские войска заняли ряд пунктов на территории Судана, пограничной с Кенией, и оккупировали Британское Сомали. Затем, как мы уже знаем, началось наступление Грациани на Египет, которое закончилось провалом.

Политическая подготовка к вступлению в Эфиопию проводилась задолго до начала вторжения. Еще в конце 1939 г. английское правительство вступило в контакт с императором Хайле Селассие, проживавшим в эмиграции с 1936 г. Доверенное лицо императора Лоренцо Таэзас в тесном контакте со штабом Средневосточного командования предпринял в это время секретное путешествие в район действий партизан — провинцию Гойам. В сентябре 1939 г. в Каир прибыл полковник Д. Е. Стэнфорд, прослуживший много лет в Эфиопии. Стэнфорд занялся

---

⁸⁰ Едва прекратились военные действия в Сирии и Ливане, как между победителями начались острые разногласия.

формированием воинских частей из эфиопов, покинувших страну после ее захвата итальянскими фашистами. Политический центр эфиопской эмиграции был создан в столице Судана — Хартуме, куда в конце июня 1940 г. отправился из Лондона император, рассчитывавший стать во главе эфиопских войск. К своему разочарованию он убедился, что английские власти не позаботились ни о вооружении, ни о снабжении эфиопских формирований. Но в этом, как оказалось позднее, был свой глубокий смысл: английское правительство собиралось фактически превратить Эфиопию из свободной и независимой страны, какой она была до ее захвата Италией, в британский протекторат.

Группа Стэпфорда переправилась на эфиопскую территорию и установила контакт с некоторыми руководителями партизанских отрядов. 19 января 1941 г. началось наступление войск Плетта. А на следующий день Хайле Селассие вступил на территорию Эфиопии, чтобы возглавить восстание эфиопского народа против захватчиков. В начале февраля начал наступление из Кении Каннингхэм. 25 февраля была занята столица Сомали — Могадишо, где были захвачены крупные склады горючего. 6 апреля 1941 г. была освобождена столица Аддис-Абеба. 17 мая итальянский главнокомандующий и вице-король Эфиопии герцог Аоста подписал капитуляцию. Большая часть 300-тысячной итальянской армии оказалась в плену. Полностью эфиопская территория была очищена от врага лишь в конце ноября 1941 г. после падения последней итальянской крепости в Эфиопии — Гондара (27 ноября). Но операция в Эфиопии считалась в основном законченной к середине июля 1941 г.

После занятия Аддис-Абебы английское правительство приняло решение управлять страной через английскую военную администрацию до тех пор, пока власть не будет передана Хайле Селассие. Предполагалось, что передача власти произойдет после окончания военных действий. Хайле Селассие прибыл в столицу 5 мая 1941 г. во главе партизанских войск. Однако власть прочно взяло в свои руки английское командование. Одним из первых мероприятий англичан было использование 12-тысячного отряда итальянских солдат и полиции для «охраны белого населения» Аддис-Абебы. Это вызвало возмущение населения.

Очевидно, в Лондоне мысль об установлении британского протектората над Эфиопией была распространена среди ответственных политических кругов. Англия, которая только два месяца спустя после вступления Италии в войну (т. е. через 11 месяцев после начала войны) отказалась от своего признания Эфиопии частью Итальянской империи⁸¹, долгое время воздерживалась от каких-либо заявлений относительно восстановления в Эфиопии законной власти, существовавшей там до итальянского завоевания. Только 4 февраля 1941 г., уже после начала боевых операций в Эфиопии, министр иностранных дел Иден в ответ на письменный запрос либерала Мандера заявил о признании «претензий императора Хайле Селассие на трон». В этом же заявлении министр иностранных дел заявлял, что Англия не имеет территориальных претензий в Эфиопии и что контроль со стороны английских военных властей будет носить временный характер⁸². Всеми административными делами ведал главный офицер по вопросам политики для бывшей итальянской Восточной Африки, в прошлом губернатор Уганды, Ф. Митчелл. Заявление Идена не означало отказа от попыток установления британского протектората над Эфиопией.

Признавая императора Хайле Селассие в качестве суверена Эфиопии, английское правительство делало это в весьма условной форме.

В инструкции Митчелла от 8 февраля 1941 г., известной под названием «Заметки о политике и практической деятельности в отношении оккупации итальянской Восточной Африки», подчеркивалось: «...Как бы то ни было, практически необходимо будет с самого начала действовать, исходя из того, что эта страна находится под английским военным руководством и контролем до тех пор, пока не будет формально передана на условиях, о которых должно быть договорено позже, императору»⁸³. Эта весьма уклончивая и неопределенная формула оставляла вопрос о будущем Эфиопии открытым.

---

⁸¹ «Parliamentary Debates. House of Lords», vol. 117, col. 206.

⁸² «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 368, col. 804.

⁸³ Lord Rennel of Rodd. *British Military Administration of Occupied Territories in Africa during the Years 1941—1947*. London, 1948, p. 45.

В более поздней инструкции, одобренной английским военным кабинетом, такое неопределенное положение как бы легализовалось: император должен был следовать «совету» английских военных властей, Эфиопия остается под английским военным контролем⁸⁴.

Хотя во всех официальных выступлениях английских министров они решительно отвергали обвинения в попытках навязать Эфиопии в той или иной форме английское господство, документы свидетельствуют, что правительство как раз и было занято поисками такой формы, которая дала бы Англии возможность превратить Эфиопию в британский протекторат.

Истинные намерения Англии становятся ясными из конфиденциального заявления ответственного чиновника Форин оффис о политике Англии в Эфиопии, сделанного им посланнику-советнику посольства США в Лондоне Джонсону. Эти намерения выглядели несколько иначе, чем в официальной инструкции: «... Форин оффис пока еще рассматривает реставрацию императора в плане эксперимента (!). Он хочет использовать императора как инструмент власти в части Эфиопии и соответственно признает его правительство. Но императору ясно было показано, что он должен действовать только через англичан и с их согласия. Британское правительство далеко от готовности предоставить правительству императора статус союзника или заявить, что оно может снова признать Эфиопию как полностью независимое государство»⁸⁵.

Следовательно, речь шла об условном признании императора в качестве власти в Эфиопии. Все это выглядело примерно так: если император будет вести себя согласно «советам», которые ему дают англичане, то он останется, если же нет, то...

Кирк, объясняя такую политику Англии в отношении Эфиопии, повторяет избитые доводы колонизаторов о заинтересованности Англии в проведении в стране реформ под своим руководством, в то время как император якобы заботился только о своем суверенитете⁸⁶. Такое объяснение не выдерживает критики и опровергается цитированным выше документом, опубликованным

⁸⁴ G. K i r k. Op. cit., p. 52.

⁸⁵ FR, 1941, vol. III, p. 350. Джонсон — Меррею, Лондон, 16 мая 1941 г.

⁸⁶ G. K i r k. Op. cit., p. 52.

госдепартаментом через семь лет после выхода из печати работы Кирка.

Речь, конечно, шла о другом: об изыскании способов сохранения английского влияния, если не господства, в Эфиопии. Когда же очень скоро выяснилось, что Хайле Селассие не намерен жертвовать независимостью и суверенитетом страны, то, хотя английское правительство и вынуждено было, скрепя сердце, мириться с этим, оно постаралось добиться для Англии экономических и политических преимуществ.

Важно подчеркнуть, что английскую политику в этом вопросе постигла крупная неудача, ибо император решительно заявил, что он не собирается принимать предложения, которые ограничат его суверенитет. Английское правительство вынуждено было сделать вид, что оно уступает. Отметим, что Кирк объясняет «уступчивость» английского правительства опасением, что его могут обвинить в «империалистических» планах⁸⁷.

Напомним, что борьба между английским правительством и Хайле Селассие развернулась уже в то время, когда Англия стала участником антифашистской коалиции, подписала Атлантическую хартию, признававшую суверенитет и независимость освобождаемых народов, и вместе с Советским Союзом торжественно заявила, что целью войны является освобождение народов, павших жертвами фашистской агрессии. Таким образом, и политически ситуация стала совсем иной, чем она была в середине мая 1941 г., когда английское правительство пыталось установить на долгие годы свой контроль над Эфиопией.

Один из способов контроля заключался в том, что финансовая помощь, которую Англия собиралась оказать Эфиопии, должна была проходить через руки английского финансового советника.

Англия продемонстрировала в Эфиопии не только корыстные мотивы своей политики, но и отсутствие понимания колонизаторами колоссальных изменений, происходящих в мире, и обреченности колониализма в изменившихся условиях.

Переговоры между Хайле Селассие и английским правительством тянулись несколько месяцев, в течение которых престиж Англии, который стоял вначале в связи

---

⁸⁷ G. K i r k. Op. cit., p. 52.

с ее ролью в освобождении Эфиопии довольно высоко, непрерывно падал. Пока шли переговоры, произошло несколько столкновений между партизанами и английскими войсками, которые наглядно показали, что народ Эфиопии полон решимости не допустить, чтобы на смену итальянским колонизаторам пришли английские. Родд с негодованием пишет: «как мало благодарности и сотрудничества... было проявлено эфиопами», делая вид, будто он не понимает, что народ Эфиопии желал только одного — быть предоставленным самому себе. Переговоры закончились подписанием 31 января 1942 г. в Аддис-Абебе англо-эфиопского соглашения и военной конвенции, в которых признавалось право английского главнокомандующего осуществлять частичный военный контроль на все время существования чрезвычайного положения, т. е. практически на время войны⁸⁸. Но финансовая и экономическая помощь, а также институт советников по различным вопросам не удовлетворяли Англию. Под разными предложениями она старалась удержать за собою хотя бы часть эфиопской территории. В течение 13 лет английские войска продолжали оккупировать восточную часть страны, провинцию Огаден, и покинули ее лишь в 1954 г.⁸⁹

---

⁸⁸ Great Britain. Treaties. Ethiopia N 1 (1942). Agreement and Military Convention between the United Kingdom and Ethiopia. Addis Ababa. January 31, 1942, London, 1942.

⁸⁹ Подробнее о послевоенных событиях в Эфиопии см.: Д. Р. В о б л и к о в. Эфиопия. Историко-экономический очерк. М., 1959.

У РУБЕЖА

Подобно своему предшественнику, кабинет Черчилля в продолжение длительного времени уклонялся от конкретного определения целей Англии в войне. Правительство предпочитало ограничиваться общими заявлениями о необходимости нанесения поражения гитлеровской Германии и устранения нацистской клики Гитлера.

«Победа, победа любой ценой», — заявил Черчилль в палате общин 13 мая 1940 г.¹ Однако общие декларации не могли удовлетворить многих рядовых членов консервативной партии, лидером которой Черчилль стал после смерти Н. Чемберлена. Народные же массы постоянно выдвигали требования определения целей войны. Ведь речь шла не только о нанесении поражения фашистским державам, но также и о послевоенном устройстве мира, о том, как избежать новой войны, как построить мир без войн и без оружия, что надо сделать для того, чтобы переустроить жизнь.

В самый разгар битвы, когда положение Англии оставалось еще весьма угрожающим, эти вопросы оживленно обсуждались, что свидетельствовало о высокой степени политической сознательности широких народных масс.

С 7 по 9 октября 1940 г. в Саутпорте происходил 72-й конгресс тред-юнионов, который единодушно подтвердил решимость английских профсоюзов бороться с фашизмом

---

¹ W. S. Churchill. Blood, Sweat and Tears. New York, 1941, p. 276.

до полной победы. Об этом говорилось в резолюции «Тред-юнионы и война»².

На конгрессе прозвучали голоса, требовавшие и коренных социальных изменений в стране. Так, делегатка И. Джонстон (профсоюз рабочих джутовой и льняной промышленности) заявила: «Мы хотим социализма как единственного способа избавиться от всех зол, от которых мы страдаем... В Англии мы должны избавиться от этого правительства и заменить его правительством, пользующимся доверием народа Британии... Мы можем ожидать, что народ России будет действовать как наш союзник и поможет нам прийти к миру и социализму...»³

Один из руководителей профсоюза шахтеров, коммунист Хорнер, резко критиковал Генсовет тред-юнионов за то, что в резолюции была опущена «борьба за социализм, который является единственной альтернативой войне, порождаемой империализмом». Свое выступление Хорнер закончил так: «Только рабочий класс может добиться мира, только рабочий класс может сохранить мир»⁴.

Еще более острые дебаты возникли на 40-й конференции лейбористской партии в Вестминстере, происходившей 2—4 июня 1941 года. В резолюции «Война», принятой 2430 тыс. голосов против 19 тыс., конференция высказалась за ведение войны «до тотальной победы» и отвергла всякую возможность компромиссного мира с Гитлером и Муссолини⁵. Резолюция «Мир» была одобрена 2413 тыс. против 30 тыс. В то же время руководство конференции резко выступило не только против Народного конвента, но и против всех тех, кто добивался обсуждения целей будущего мира. Однако руководители лейбористской партии были вынуждены сделать хотя бы в общей форме заявление о необходимости устранения в будущем причин войн. Эта война, подчеркивал в своей речи лидер лейбористской партии Эттли, возникла из-за провала попыток урегулировать политические проблемы и распределить мировые ресурсы, а также сделать мир безопасным для

---

² «Report of Proceedings of the 72-nd Annual Trades Union Congress», Held at Southport. October 7-th to 9-th 1940, London, 1940, p. 271.

³ Ibid., p. 279.

⁴ Ibid., p. 280.

⁵ «Report of the 40 th Annual Conference», Held in the General Hall, Westminster S. W. 1 June 2-nd, 3-nd and 4-th 1941, London, 1942, p. 4.

простого человека⁶. Речь лидера партии в этой части удовлетворила далеко не всех делегатов, многие из них считали, что уже теперь, немедленно, должны быть приняты меры, чтобы оградить интересы народа от корыстных целей зажиточных классов. Член парламента Джеймс Гриффитс заявил, например: «Наши задачи в предстоящие месяцы заключаются в том, чтобы устранить из национальной жизни все личные интересы, все прибыли, все личные претензии, все, что в действительности мешают демократии одержать победу»⁷.

Делегаты выражали опасение, не будет ли новое мирное урегулирование проведено лишь в интересах богачей и консервативной партии, которая их представляет. Так, кандидат в члены парламента от лейбористской партии Люси Мидлтон (Плимут) заявила: «Может быть, Черчилль и великий военачальник, но у меня вызывает большой страх и большие сомнения черчиллевский мир и мир, который будет продиктован партией тори. Я хочу, чтобы наше лейбористское движение принимало участие... в реорганизации мира на социалистических началах, что принесет нам прочный и длительный мир...»⁸.

Это не было лишь личное мнение отдельных делегатов. Поразительно, что во время войны в самый тяжелый момент в Англии было широко распространено стремление к обновлению всего уклада жизни. Речь идет не о каком-то организационно оформленном движении, а о тех народных чаяниях, которые выражались часто стихийно, — изменения должны начаться уже сейчас, во время войны.

Имперский орган консерваторов «Раунд тейбл» вынужден был отметить «всеобщее ожидание перемен», царящее в Англии. Журнал писал: «реконструкция в Европе должна остаться на бумаге в течение нескольких лет; реконструкция дома может начаться немедленно».

Каждый, кто был близок к народу в течение этих напряженных месяцев, безошибочно заметил эту решимость обновить британскую демократию. Это чувство, конечно, сильнее среди левых, но даже в среде консерваторов-

---

⁶ «Report of the 40 th Annual Conference», p. 132.

⁷ Ibid., p. 136.

⁸ Ibid., p. 137.

дайхардов существует распространенное убеждение, что «вещи никогда не будут снова такими же»⁹. Это заявление органа британских империалистов само по себе представляет значительный интерес. Но, солидаризуясь на словах с теми, кто требует изменений, «Раунд тебл» призывал к консолидации сил «умеренных» под лозунгом «британская демократия, прогресс и преемственность».

Английская буржуазия еще на первом этапе войны почувствовала необходимость лавирования перед лицом усилившейся тяги трудящихся Англии к социализму. Ее наиболее умные представители предлагали немедленно возглавить это движение, дабы влить его в русло традиций «британской демократии».

Многое зависело от линии руководства лейбористов и тред-юнионов. Черчилль старался привязать «рабочих» лидеров как можно прочнее к своей колеснице, делая неоднократно в публичных заявлениях реверансы в их сторону. «Мы нашли хороших, лояльных, способных товарищей в наших друзьях из лейбористской и либеральной партий...», — говорил, например, Черчилль на заседании Центрального совета национального союза консервативной партии в Лондоне 27 марта 1941 г.¹⁰

Как бы защищаясь от возможных обвинений в том, что лейбористские лидеры, сотрудничая с консерваторами, настолько сближаются с ними, что жертвуют в конечном счете интересами рабочего класса и рабочего движения, Эттли клялся на 40-й конференции лейбористской партии: «Национальное единство не означает принятие нашей партией точки зрения и политики другой»¹¹. Спустя много лет Эттли признается своему биографу Френсису Вильямсу: «Я не могу припомнить ни одного случая, когда бы между консерваторами, лейбористами и либералами возникли разногласия по партийной линии. Определенно не в военном кабинете. Определенно не по крупным вопросам»¹².

Практически оказывалось, что лейбористское руководство полностью признавало главенство консерваторов

⁹ «Round Table», N 121, 1940, p. 26—27.

¹⁰ W. S. Churchill. The Unrelenting Struggle. London, 1943, p. 85.

¹¹ «Report of the 40 th Annual Conference», p. 233.

¹² Francis Williams. The Prime Minister Remembers. London, 1961, p. 37.

по всем вопросам не только ведения войны, но и внутренней жизни страны.

Коалиция давала возможность Черчиллю (т. е. консервативной партии) избежать четкого определения целей войны под предлогом необходимости сохранения национального единства. Выступая в палате общин 20 августа 1940 г., Черчилль утверждал, что было бы неразумно в момент борьбы обсуждать вопрос о будущем Европы или о гарантиях против третьей мировой войны¹³.

Спустя почти девять месяцев, 27 марта 1941 г. на заседании Центрального совета национального союза консервативной партии в Лондоне Черчилль продолжал повторять, что не в интересах национального единства перечислять цели войны или цели мира¹⁴, так как нельзя предсказать, как будут в дальнейшем развиваться события. Кроме того, заявил далее Черчилль, конкретное определение целей войны вызвало бы нежелательные ожесточенные споры¹⁵.

Однако в недрах военного кабинета этот вопрос несомненно обсуждался. Л. Вудворд в своей книге пишет: «На первых стадиях войны Форин оффис полагал невозможным дать какое-либо точное определение намерениям союзников... После провала германских планов вторжения Великобритании и союзники могли подтвердить миру более убежденно свое решение сражаться до победы. Инициатива определения военных целей исходила, однако, главным образом по причинам внутривнутриполитического характера от Соединенных Штатов Америки»¹⁶. (Вудворд, очевидно, имеет в виду Атлантическую хартию.) Свидетельство Вудворда крайне важно, ибо оно подтверждает стремление правительства избежать всякой полемики о послевоенной политике и тем самым не связывать себе руки на будущее. Очевидно, здесь учитывалось и наличие в Англии и в среде ее союзников сторонников заключения компромиссного мира с гитлеровской Германией.

Однако по мере развития событий влияние сторонников компромиссного мира все больше и больше уменьшалось,

---

¹³ W. S. Churchill. Blood, Sweat and Tears, p. 351.

¹⁴ W. S. Churchill. The Unrelenting Struggle, p. 86.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ E. L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962, p. 429.

а осознание необходимости разгрома гитлеровской Германии и ликвидации фашистской угрозы все глубже проникало в сознание английского народа. Немалую роль в этом сыграли террористические налеты германской авиации на английские города.

Отложив проведение операции «Морской лев» на неопределенный срок и начав интенсивную подготовку к нападению на Советский Союз, гитлеровская Германия перешла в войне против Англии к систематическим и разрушительным воздушным налетам на города и военные объекты метрополии, расширила операции на море и усилила экономическую блокаду. Другими словами, Германия применяла теперь против Англии стратегию, весьма схожую с той, которую Англия собиралась использовать во время «странной войны» против Германии.

Воздушное наступление против Англии, получившее наименование «блица», началось 7 сентября 1940 г. и окончилось 16 мая 1941 г. Оно делится на два этапа: с 7 сентября по 13 ноября 1940 г. и с 14 ноября по 16 мая 1941 г. На первом этапе основной удар был обрушен на Лондон, порты и на ряд важных промышленных центров страны. На втором этапе бомбежке были подвергнуты также многие другие центры английской промышленности и коммуникации. Широко практиковались фашистами ночные террористические налеты с целью сломить стойкость мирного населения. В ночь на 14 ноября ожесточенной бомбежке был подвергнут Ковентри — 450 немецких бомбардировщиков подвергли этот небольшой город варварскому разрушению. В городе возникло более 200 очагов пожара; водопроводная и газовая сеть, телефонная связь были разрушены или основательно повреждены. Целые кварталы были превращены в руины. 544 человека погибло от бомбежки, 865 — были серьезно ранены¹⁷.

Разрушение Ковентри фашистской авиацией вызвало возмущение всего мира, усилило решимость английского народа сражаться с фашизмом до полной победы. Ковентри, подобно Гернике и Роттердаму, стал синонимом фашистского варварства. В английском языке появился новый глагол «to coventry» — ковентрировать, т. е. беспощадно уничтожать, стирать с лица земли. Этим варварским

---

¹⁷ L. F. Ellis. The War in France and Flanders. 1939—1940. London, 1953, p. 263.

действием был создан еще один из тех психологических барьеров, которые в своей совокупности являлись непреодолимым препятствием для плана фашистов поставить английский народ на колени с помощью так называемого компромиссного мира.

За время немецкого «блица» серьезные повреждения были нанесены Лондону, Ливерпулю, Бирмингему, Глазго, Белфасту, Биркенхеду, Шеффилду, Гуллу, Ноттингему, Кардифу, Бристолу, Плимуту, Портсмуту и Саутгемптону. По немецким данным, на Лондон за время восьмимесячного воздушного наступления было сброшено 18 тыс. тонн бомб¹⁸.

В марте—мае 1941 г. германская авиация совершила ряд террористических налетов на английские города. Во время налета 13 и 14 марта на доки Клайда было убито и ранено около 2 тыс. человек, столько же людей погибло при бомбежке Лондона 16 и 17 апреля, причем более 3 тыс. получили ранения. После 1 мая наступил кульминационный пункт немецкого «блица» — в течение семи ночей подвергались бомбежкам Ливерпуль и Мерсей. В итоге — 3 тыс. убитых, 76 тыс. остались без крова¹⁹. Наконец, 10 мая 1941 г. Лондон был подвергнут ночному налету, было убито около 3 тыс. человек, уничтожено пять доков, более 30 заводов и многие другие важные объекты. Во время этого налета было разрушено здание палаты общин.

Всего с начала налетов германской авиации на Англию с июня 1940 г. по июнь 1941 г. погибло от воздушных налетов 43 381 и было ранено 50 856 человек²⁰.

Однако немецкое воздушное наступление не дало ожидаемых результатов: гитлеровцам не удалось ни уничтожить английскую военную промышленность (хотя ущерб был нанесен огромный), ни сломить моральный дух английского народа. А это означало, что немецкое воздушное наступление против Англии провалилось.

16 мая 1941 г. в последний раз значительное число немецких самолетов появилось над Британскими островами. Как правильно подчеркивает официальный английский историк, воздушное наступление прекратилось в

¹⁸ L. F. Ellis. Op. cit., p. 281.

¹⁹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. III. London, 1950, p. 39.

²⁰ Ibid., p. 41—42.

мае 1941 г. «... не потому, что немцы достигли какого-то успеха или, напротив, потерпели неудачу, а только из-за того, что основные силы немецкой авиации необходимо было бросить на Россию»²¹.

Выше мы уже останавливались на ущербе, который причиняли Англии действия германских подводных лодок, авиации и рейдеров против английских транспортов и их конвоев. Потери английского флота возрастали с каждым месяцем и создавали для обороны Англии, ее промышленности, операций на периферийных театрах военных действий исключительные трудности.

Собственными силами Англия не могла справиться с угрозой, возникшей на Атлантике. Недаром Черчилль сравнивал «битву за Атлантику» с битвами «за Францию» и «за Англию»²² и называл действия германских подводных лодок, рейдеров и авиации на английских коммуникациях «смертельной опасностью для наших жизненных линий»²³. В директиве, изданной 6 марта 1941 г., британский премьер объявлял, что в ближайшие четыре месяца необходимо покончить с попытками врага прекратить снабжение Англии продовольствием и помешать Германии перерезать пути сообщения Англии с Соединенными Штатами»²⁴.

Значительную роль в борьбе с Германией на море сыграли Соединенные Штаты Америки, которые спустя месяц после принятия закона о ленд-лизе издали закон (18 апреля 1941 г.) о расширении американской зоны безопасности, включив туда не только принадлежавшие Англии территории в Западном полушарии, но также Гренландию, Исландию и Азорские острова. Теперь, хотя США и оставались невоюющей стороной, они посылали свои корабли далеко в Атлантику, оказывая тем самым помощь английским транспортам и конвоям. Объявление же президентом Рузвельтом 27 мая неограниченного чрезвычайного положения по всей территории Соединенных Штатов свидетельствовало о том, что вступление США в войну не за горами.

---

²¹ J. R. M. Butler. Grand Strategy, vol. II September 1939 — June 1941. London, 1957, p. 391.

²² W. S. Churchill. The Second World War, vol. II. London, 1949, p. 556.

²³ W. S. Churchill. The Second World War, vol. III, p. 106.

²⁴ Ibid., p. 107.

К тому времени германское господство распространилось на огромной территории европейского континента, Англия была оттуда изгнана. Она только что потерпела поражение в Греции и на Крите. Ее позиции на Ближнем и Среднем Востоке сильно пошатнулись. Для того чтобы одержать победу, нужно было вести войну на континенте, за континент — долгую, упорную и кровавую.

Могла ли Англия, даже с помощью Британской империи, рассчитывать нанести поражение Германии на континенте? Это было совершенно исключено. Английские политические и военные руководители даже и в отдаленном будущем не мыслили себе такой перспективы. Сам премьер-министр писал впоследствии: «В то время моя единственная и действительная надежда на победу зависела от нашей способности вести войну неопределенно длительное время до тех пор, пока не выиграно воздушное превосходство и, вероятно, другие великие державы не выступят на нашей стороне»²⁵.

Потенциальными союзниками в борьбе с гитлеровской Германией могли быть только две великие державы: Соединенные Штаты Америки и Советский Союз, при этом первостепенное значение имела позиция Советского Союза — единственного континентального европейского государства, способного нанести поражение нацистской Германии. В течение ряда предвоенных лет СССР настойчиво призывал Англию и другие европейские государства создать фронт коллективной безопасности против фашизма, угрожавшего человечеству истребительной войной. Но именно Англия, больше чем любое другое государство капиталистической Европы (за исключением фашистских стран), препятствовала организации коллективной безопасности. Стремление правящих кругов Англии столкнуть Советский Союз с Германией один на один, а самим остаться в стороне от кровавой схватки привело к крушению попытки СССР создать антифашистскую коалицию накануне второй мировой войны и надолго отравило подозрениями будущее англо-советских отношений.

Срыв английскими империалистами англо-франко-советских переговоров о заключении пакта взаимной помощи не мог, разумеется, не оказать серьезного влияния на отношения между Англией и Советским Союзом. Вскоре

---

²⁵ W. S. Churchill. The Second World War, vol. III, p. 106.

Англия вынуждена была объявить войну Германии. Советский Союз заявил о своем нейтралитете. Таким образом, правящим кругам Англии оставалось констатировать, что планы немедленного вовлечения Советского Союза в мировую войну рухнули. «История предвоенных лет убедительно свидетельствует о том, — говорил Н. С. Хрущев, — что западные державы делали Гитлеру одну уступку за другой, толкая его на Восток, на нашу страну. Но дело обернулось так, что тот, кого тогдашние правящие круги Англии, Франции и США вскармливали как своего цепного пса, намереваясь пустить его против СССР, сорвался с этой цепи и бросился на тех, кто его вскармливал»²⁶.

Недовольство, раздражение и озлобление таким исходом событий господствовали в первые недели войны в правительственных кругах Англии. Но и там не было единства в вопросе об отношении к Советскому Союзу, подобно тому как не было единой точки зрения на ряд важнейших проблем политики и стратегии. Те, кто во время англо-франко-советских переговоров выступали за немедленное подписание пакта с СССР (консервативная оппозиция в лице Черчилля, Идена), настаивали на том, чтобы в новых условиях войны правительство Чемберлена не делало ничего, что могло бы ухудшить и без того плохие англо-советские отношения. Таково было одно направление во внешней политике Англии, которое по мере развития событий приобретало все большую силу.

Среди сторонников второго направления — мюнхенцев и крайне правого крыла консервативной партии — продолжали царить антисоветские настроения. Но и в этой группе уже не было прежнего единодушия. При всей своей ненависти к Советскому Союзу они не могли не отдавать себе отчета в том, что политика провоцирования Советского Союза на войну не только невыгодна Англии, но и может иметь для нее катастрофические последствия.

Гораздо большее упорство проявило английское правительство, пытаясь заставить Советский Союз признать законность английских мероприятий в области экономической блокады и вести внешнеторговую политику, исходя не из собственных интересов Советского Союза,

---

²⁶ «Правда», 7.XII 1955.

а из интересов Англии. Эти попытки Англии были отвергнуты СССР. Ноты соответствующего содержания были вручены английскому правительству 25 октября и 10 декабря 1939 г. Советское правительство предупреждало английское, что оставляет за собою право требовать возмещения убытков, если внешней торговле Советского Союза будет причинен какой-либо ущерб английской стороной²⁷.

В то же время Советский Союз положительно относился к проекту заключения с Англией торгового соглашения военного времени. Переговоры об этом начались по английской инициативе осенью 1939 г. Однако запретительные меры, принятые английским правительством по отношению к торговле с СССР, «аннулирование советских заказов на оборудование, задержание советских торговых судов с грузами для СССР, враждебная позиция, занятая английским правительством в отношении СССР во время конфликта между СССР и Финляндией»²⁸, служили значительным препятствием для урегулирования советско-английских экономических отношений,

Через полтора-два месяца после начала войны англичане изменили тактику: так, они попросили разрешение на получение из Архангельска заказанного ими леса. Официальными лицами были сделаны заявления в примирительном тоне (например, заявление по радио Черчилля от 1 октября 1939 г. о создании Восточного фронта)²⁹. В том же духе выступил и Галифакс. В ноябре 1939 г. Черчилль принял советского посла И. М. Майского. Хотя сама беседа и не содержала ничего примечательного, но был важен сам факт³⁰.

Во время советско-финской войны англо-советские отношения резко ухудшились. Правда, в то же время в

---

²⁷ «Внешняя политика СССР», т. IV, М., 1946, № 367, стр. 459—460; № 385, стр. 474—475.

²⁸ Там же, № 426, стр. 505.

²⁹ В связи с изучением истории англо-советских отношений в 1939—1941 гг., автор обратился к академику И. М. Майскому, бывшему до 1943 г. послом в Великобритании, с рядом вопросов. В беседе, происходившей 15 апреля 1962 г., И. М. Майский любезно ответил на многие вопросы, представлявшие неясность для автора. И. М. Майский разрешил также автору сослаться на эту беседу. В дальнейшем см. «Беседа с академиком И. М. Майским 15 апреля 1962 г.».

³⁰ «Беседа с академиком И. М. Майским 15 апреля 1962 г.»

Англии раздавались голоса, критиковавшие правительство за то, что оно своей политикой накануне войны сорвало англо-франко-советские переговоры, отсюда и происходят, утверждали критики, все остальные печальные последствия как для Англии, так и для ее отношений с Советским Союзом³¹.

В начале января 1940 г. английский посол в Москве Сиидс был вызван в Лондон для «консультации» — Англия демонстрировала свое враждебное отношение к СССР и рассчитывала, что и Советское правительство отзовед своего посла из Лондона и таким образом будет подготовлена почва для разрыва отношений с СССР. Английский маневр был разгадан Советским правительством. Было решено оставить советского посла в Лондоне³².

Несмотря на яростную кампанию во время советско-финской войны, несмотря на истощенные призывы крайне правых кругов к организации войны против Советского Союза и на нажим, который оказывало в этом плане французское правительство, сила обстоятельств заставила английское правительство колебаться до тех пор, пока советско-финский мирный договор, а вслед за тем события в Скандинавии не подвели черту под обанкротившейся антисоветской политикой.

---

³¹ Английское правительство решило ответить на критику изданием «Белой книги» об англо-франко-советских переговорах летом 1939 г., которая должна была оправдать политику правительства. В январе 1940 г. к советскому послу в Лондоне И. М. Майскому явился с версткой «Белой книги» В. Стрэнг — представитель правительства на переговорах в Москве. Стрэнг от имени министра иностранных дел Галифакса просил советского посла посмотреть те документы, которые касались его лично и в случае необходимости исправить возможные ошибки или неточности. Посол отказался это делать: «Книгу выпускаете вы под собственную ответственность». Было ясно, что если бы И. М. Майский согласился просмотреть корректуру, то Форин оффис было бы легко распространить слух, будто документы, подобранные для «Белой книги», просмотрены и одобрены Советским правительством, и тем самым общественное мнение было бы введено в заблуждение. Стрэнг уехал ни с чем. Позднее английское правительство пришло к выводу о нецелесообразности опубликования «Белой книги». Как известно, документы о переговорах лета 1939 г. были опубликованы лишь в последние годы в издании «Британские документы по внешней политике», 3-я серия («Беседа с академиком И. М. Майским 15 апреля 1962 г.»).

³² «Беседа с академиком И. М. Майским 15 апреля 1962 г.».

Вскоре после окончания советско-финской войны³³ 18 марта 1940 г. Батлер от имени английского правительства предложил возобновить торговые переговоры. 27 марта советский посол в Лондоне передал согласие Советского правительства на возобновление переговоров, «если бы английское правительство выразило действительную готовность к благоприятному разрешению вопросов англо-советской торговли и, в частности, до начала переговоров освободило бы задержанные английскими властями советские пароходы «Селенга» и «Маяковский»³⁴.

19 апреля последовал английский запрос о конкретных предложениях СССР по торговому соглашению; в то же время английское правительство «требовало гарантий, чтобы товары, импортируемые Советским Союзом из-за границы, предназначались не для Германии, а для потребления внутри страны. Кроме того, английское правительство связало вопрос о заключении торгового соглашения между СССР и Англией с ограничением торговых отношений между СССР и Германией»³⁴.

Советский ответ от 29 апреля отклонял попытки вмешательства Англии в торговые отношения между Советским Союзом и третьими странами, указывая, что СССР не предполагает обсуждать вопросы о торговых отношениях Англии с другими странами. Как нейтральная страна СССР «торговал и будет торговать как с воюющими, так и с нейтральными странами, исходя из собственных потребностей вывоза и ввоза товаров»³⁵. В советской ноте также указывалось, что СССР готов восстановить торговые отношения с Англией на началах взаимности, «поскольку такое соглашение не будет требовать нарушения торговых обязательств каждой из сторон в отношении других стран». Советское правительство при этом подчеркивало, что оно «имеет в виду переговоры о торговом соглашении, по которому СССР обеспечивает ввоз товаров из Англии для своих нужд, а не для вывоза в другие страны»³⁶.

В новом английском меморандуме, переданном Галифаксом Майскому 8 мая 1940 г., содержались вопросы о торговых отношениях между СССР и Германией, в частности Англию интересовали такие вопросы, как «коли-

---

³³ «Внешняя политика СССР», т. IV, № 426, стр. 505.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

чество и сроки поставок товаров из СССР в Германию, возможности ограничения и контроля поставок военных материалов из СССР в Германию и транзита товаров СССР в Германию, определение способов контроля по использованию товаров, ввозимых из Англии в СССР ³⁷ и т. п. Помимо того, английское правительство заявило, что суда «Селенга» и «Маяковский» переданы французскому правительству. Галифакс предложил заключить соглашение о контроле над контрабандой и «вновь подчеркнул желание английского правительства подчинить торговые отношения между Англией и СССР задачам войны, ведущейся Англией».

Ответ Советского правительства на английский меморандум последовал 20 мая. СССР еще раз подчеркивал, что он не может подчинить свою внешнюю политику «военным задачам того или иного государства. Советский Союз, как суверенное государство, будет вести свою внешнюю торговлю как с воюющими, так и с нейтральными странами на принципах полного равенства и взаимности обязательств» ³⁸.

В заключение в ноте отмечалось, что выдвижение английской стороной для обсуждения вопросов, относящихся исключительно к компетенции Советского правительства, «не свидетельствует о наличии желания у английского правительства вести торговые переговоры с СССР» ³⁹. Таким образом, торговые переговоры между СССР и Англией снова зашли в тупик.

Между тем новое правительство Черчилля решило ускорить переговоры о назначении посла в Москву. Сначала Форин оффис предполагал назначить посла со специальной миссией. Но Советское правительство заявило, что предпочитает, чтобы Англия назначила посла согласно обычной дипломатической практике. Английское правительство вынуждено было уступить. Вновь назначенный посол, известный деятель лейбористской партии Стаффорд Криппс, прибыл в Москву 12 июня 1940 г. ⁴⁰

---

³⁷ Там же, стр. 505—506.

³⁸ Там же, стр. 506.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же, № 427, стр. 506—507; там же, № 430, стр. 509. «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 361, col. 826—828, 1288. И. М. Майский сообщает следующие любопытные по-

В мае-июне 1940 г. в английском парламенте неоднократно раздавались голоса, требовавшие немедленного улучшения отношений с Советским Союзом. 23 августа полковник Веджвуд задал правительству вопрос, предпринимает ли оно шаги для улучшения отношений с СССР. «Да», — ответил заместитель министра иностранных дел Батлер⁴¹. 4 июня с таким же вопросом обратился член парламента Мартин. Ответ Батлера снова был положительным⁴². Однако, несмотря на заверения Батлера, английские официальные органы, радио и печать вели враждебную Советскому Союзу пропаганду. 29 мая Веджвуд заявил о необходимости прекращения антисоветской про-

---

дробности в связи с назначением Криппса и приездом его в Москву. Криппс был назначен послом в Москву в наиболее критический момент для англо-французских союзников: во Франции они понесли страшное поражение, и германские армии рвались к Парижу. Было ясно, что наиболее удобная тогда линия сообщения между Лондоном и Москвой — воздушная линия Лондон—Франция—Италия — Балканы — Москва — не сегодня-завтра будет нарушена во Франции. Как же Криппс доберется до Москвы? (В то время переговоры о статусе Криппса еще не были завершены.) Тогда Форин оффис решил немедленно, пока линия через Париж действовала, отправить Криппса в Афины, где он должен был ожидать исхода переговоров. Однако, когда между Англией и Советским правительством была достигнута договоренность, что Криппс поедет в Советский Союз в качестве обычного посла, возник другой вопрос, как переправить Криппсу верительные грамоты? К тому моменту линия через Париж уже порвалась и связь между Англией и СССР могла поддерживаться только через США — Владивосток, что требовало много времени. Английское правительство чувствовало, что Криппс должен стать послом в Москве как можно быстрее — события заставляли торопиться. Тогда И. М. Майский предложил Батлеру, чтобы верительные грамоты были переданы в Москву по телеграфу. После совещания с юристами Форин оффис отклонил предложение, ссылаясь на то, что в истории английской дипломатической практики еще не было прецедента, чтобы королевская подпись передавалась по телеграфу (1). Прошло несколько дней, но в Форин оффис так и не могли найти выхода. Тогда И. М. Майский предложил, чтобы верительные грамоты были переданы в советское посольство, т. е. юридически Советскому правительству, а советский посол уже сам пошлет подтверждение об их получении в Москву по телеграфу. Форин оффис ухватился за это предложение. Все было урегулировано. «И в английской дипломатической практике не возникло нового прецедента», — с усмешкой закончил свой рассказ И. М. Майский («Беседа с академиком И. М. Майским 15 апреля 1962 г.»).

⁴¹ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 361, col. 327.

⁴² Ibid., col. 767.

паганды. Правительство обещало «рассмотреть этот вопрос»⁴³. 19 июня лейборист Кокс предложил, чтобы правительство закупило в Советском Союзе танки, самолеты, орудия и другие военные материалы⁴⁴. Во время прений по вопросу военного положения лейборист Джон Морган обратил внимание членов парламента на то, что германская угроза может в скором времени возникнуть и для Советского Союза. Он предложил, чтобы палата общин обратилась к вновь назначенному английскому послу в Москве со словами доброго напутствия⁴⁵.

25 июня 1940 г. Черчилль обратился к Сталину с посланием, которое было вручено Криппсом 1 июля. В послании Черчилль выражал надежду, что ни расстояния, разделяющие Англию и СССР, ни различие систем и идеологические расхождения не помешают обеим странам поддерживать гармоничные и взаимовыгодные отношения.

Британский премьер был вынужден признать, таким образом, правильность и справедливость незыблемого тезиса советской внешней политики — сосуществования и сотрудничества между двумя различными социальными системами. В своем послании Черчилль указывал далее на двоякую цель политики Англии — спасти себя от германского господства и освободить от этого господства Европу. Подчеркивая, что Советский Союз сам должен судить о том, угрожают ли германские претензии на господство в Европе его интересам, глава английского правительства заключал письмо заверениями о готовности английского правительства обсуждать с Советским правительством «любую из широких проблем, созданных нынешней попыткой Германии проводить политику поэтапного завоевания и поглощения европейских государств»⁴⁶.

Установлению дружественных отношений с Англией мешала также позиция английского правительства по отношению к Прибалтике. Вступление прибалтийских государств в состав СССР было встречено английскими официальными кругами враждебно. Англия отказывалась признать тот факт, что отныне Эстония, Латвия и Литва,

---

⁴³ Ibid., vol. 361, col. 523.

⁴⁴ Ibid., vol. 362, col. 170.

⁴⁵ Ibid., vol. 362, col. 63.

⁴⁶ W. S. Churchill. The Second World War, vol. II, p. 119—120.

в соответствии со свободным волеизъявлением их населения, стали неотъемлемой частью Советского Союза. Министр иностранных дел Галифакс неоднократно подчеркивал это недовольство в беседах с советским послом⁴⁷. Неофициальная точка зрения английского правительства, так сказать, «для служебного пользования», состояла в том, что не следует ни признавать включения прибалтийских стран в состав СССР, ни отказывать официально в признании Прибалтики частью СССР.

Английское правительство рассчитывало в будущем использовать прибалтийский вопрос как средство торга с СССР по другим вопросам. Пока что Англия отказалась выдать золото прибалтийских республик, переданное Госбанку СССР, но депонированное в английских банках, а также вернуть Советскому Союзу суда прибалтийских стран, застрявшие в английских портах⁴⁸.

Естественно, что спорные вопросы мешали созданию нормальных отношений. Торговые и иные переговоры, которые вел летом и осенью 1940 г. Криппс в Москве, не дали никаких результатов. Тем не менее англо-советские отношения значительно смягчились по сравнению со временем советско-финской войны. Признаком этого смягчения был прием английским премьер-министром Черчиллем советского посла в Лондоне И. М. Майского 3 июля 1940 г. и откровенный тон беседы⁴⁹.

Английская печать в те месяцы пыталась трезво осмыслить возможности улучшения англо-советских отношений. Журнал «Экономист», например, в конце июля настаивал на том, что отношения между Англией и СССР должны быть

---

⁴⁷ «Беседа с академиком И. М. Майским 15 апреля 1962 г.»

⁴⁸ E. L. Woodward. Op. cit., p. 143—144.

⁴⁹ Беседа с Черчиллем происходила в день, когда англичане атаковали французские военные корабли в Оране. Но в Лондоне широким кругам об этом пока ничего не было известно. Во время обмена мнениями советский посол спросил английского премьера: «Что будет с французским флотом?» — «Попыхивая сигарой, — рассказывает И. М. Майский, — Черчилль ответил: „Этому вопросу уделяется внимание“. Веселые искорки промелькнули в его глазах». На второй вопрос посла: «Какова Ваша генеральная стратегия?» — последовал откровенный ответ: «Выжить в ближайшие три месяца» (т. е. до начала октября, когда начинающиеся в Ламанше зимние штормы сделают вторжение гитлеровцев на Британские острова невозможным («Беседа с академиком И. М. Майским 15 апреля 1962 г.»).

исправлены «любой ценой» и улучшены настолько, чтобы сделать возможным заключение союза. «Мы не можем полностью нанести поражение Германии без союзников... Терпеливо, но с величайшей настойчивостью мы должны добиваться союза с Россией», — к такому выводу приходил автор статьи «Россия и Запад»⁵⁰.

С течением времени в Англии все больше отдавали себе отчет в необходимости коренного улучшения отношений с Советским Союзом, но ввести в нормальное русло англо-советские отношения, отравленные в недавнем прошлом политикой правительства Чемберлена, стремившегося спровоцировать конфликт между СССР и Германией, было не простым делом. В ситуации же, сложившейся в результате разгрома Франции, захвата Германией европейского континента и тяжелого положения, в котором оказалась Англия, трудности эти возросли еще больше. Помимо того, в правящих кругах Англии были по-прежнему широко распространены антикоммунистические и антисоветские настроения, поддерживавшиеся из-за океана⁵¹. Все это вместе взятое создавало чрезвычайно сложное и запутанное положение. Может быть, именно это и имел в виду член парламента Кокс, заявивший 20 августа 1940 г.: «В этих обстоятельствах мы не в состоянии защитить Советский Союз в какой-либо ощутимой степени, поэтому любая надежда, что мы можем в настоящее время перетянуть на свою сторону Россию, тщетна. В то же время Россия не желает германской победы... Мы должны культивировать как можно более дружественные отношения с Россией, хотя я сомневаюсь, что лорд Галифакс, который посетил Гитлера и Геринга и — как было отмечено в России — никогда не посещал Москвы, и есть тот человек, который может выполнить эту задачу»⁵².

Точка зрения, высказанная Коксом, была основана на здоровой оценке времени и обстоятельств. Она разделялась известными политическими деятелями. Так, Эньюрин Бивен, выступая в парламенте 5 ноября 1940 г., отмечал: «...Мы находимся накануне чрезвычайно важных событий, и если нельзя вести военного наступления, то,

⁵⁰ «Economist», July 27, 1940, p. 113.

⁵¹ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 365, col.1300.

⁵² Ibid., vol. 364, col. 1200—1201.

мне кажется, мы сейчас достигли пункта, когда мы можем предпринять очень сильное дипломатическое наступление... Мне кажется, что перед нами ныне открылась возможность установить тесные отношения с Россией»⁵³. По словам Бивена, Советский Союз опасается, что если он будет втянут в войну с Германией, то Британская империя превратится в потустороннего наблюдателя хода событий. «Никто не может заявить, — подчеркнул он, — что Россия не имеет некоторых оснований для такого опасения. То, что случилось в Польше, и есть это основание. Мне кажется, что мы должны иметь такого великого, могущественного союзника, как Россия, если мы хотим привести войну к быстрому и успешному завершению»⁵⁴.

Подобные выступления отвечали настроениям широких масс. Например, 11 октября 1940 г. советский посол Майский вместе с супругой в сопровождении адмирала Эванса осматривали лондонские бомбоубежища. Когда все трое спустились в бомбоубежище в Ист-Энде, многие из находившихся там жителей Лондона (их было до 4 тыс. человек) потребовали от посла, чтобы он произнес речь. И. М. Майский обратился к присутствующим с краткой речью. «Ваши теплые приветствия, — заявил И. М. Майский, — я отношу не столько к себе и к моей жене, сколько к моей стране». Слова посла сопровождались аплодисментами⁵⁵.

Некоторые сдвиги происходили и в официальных кругах. Со времени прихода к власти правительства Черчилля отношение к Советскому Союзу стало менее враждебным, но не более того.

В январе 1941 г. Иден, сменивший Галифакса на посту министра иностранных дел, предполагал послать личное письмо Сталину с напоминанием о встрече в 1935 г. и с выражением желания работать для улучшения англо-советских отношений. Однако по совету Криппса такое письмо отправлено не было⁵⁶⁻⁵⁷. Судя по материалам, опубликованным в книге Вудворда, аппарат Форин оффис, высокопоставленные его чиновники относились к идее

⁵³ «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 365, col. 1300.

⁵⁴ Ibid., col. 1300—1301.

⁵⁵ «Беседа с академиком И. М. Майским 15 апреля 1962 г.»; W. P. and Zelda K. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1943, p. 647.

⁵⁶⁻⁵⁷ E. L. Woodward. Op. cit., p. 148.

англо-советского сближения и сотрудничества крайне сдержанно, чтобы не сказать враждебно ⁵⁸.

31 марта в Лондон поступила информация из Белграда; в беседе с принцем-регентом Павлом Гитлер сообщил ему, что нападение на Советский Союз намечено на 30 июня 1941 г. Такую же информацию получил английский посол в Вашингтоне от помощника государственного секретаря Уэллеса в ночь на 3 апреля ⁵⁹.

К этому времени, как мы видели, положение Англии оставалось весьма сложным и тревожным. 3 апреля Черчилль принимает решение сообщить Советскому правительству полученные сведения. Соответствующее послание было отправлено Криппсу для личной передачи Сталину ⁶⁰. Согласно версии, опубликованной в английской официальной истории, 5 апреля Криппс сообщил в Лондон, что нет никакой возможности вручить послание премьера Сталину лично. Черчилль отдает распоряжение, чтобы послание было передано через Молотова, но и к Молотову Криппс попасть не мог. Затем последовали события, совершенно невероятные в дипломатической практике. Посол, вместо того чтобы немедленно выполнить поручение, возражает против передачи письма. Больше того, он по собственной инициативе отправляет 11 апреля свое личное письмо заместителю наркома иностранных дел, в котором, ни слова не говоря о поручении премьера, разбирает весь комплекс англо-советских отношений ⁶¹.

Завязывается весьма странная игра. Форин оффис не понимает позиции Криппса. Но вот что интересно — теперь уже Форин оффис сомневается в целесообразности передачи послания Черчилля. Похоже на то, что английское министерство иностранных дел поощряет недисциплинированность посла, но с какой целью?! Очевидно, это не столько вопрос тактики, как то пытается изобразить Вудворд, а нечто более серьезное. Но Черчилль продолжает настаивать, и 19 апреля Криппс вручает послание премьера через НКИД ⁶².

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ p. Ibid., 149.

⁶² W. S. Churchill. The Second World War, vol. III, p. 320; «История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 1. М., 1960, стр. 403.

Слухи о предстоящем нападении гитлеровской Германии на СССР становились все упорнее. Неожиданно внимание мировой общественности было привлечено к удивительному происшествию. 10 мая 1941 г. в Шотландию прилетел заместитель Гитлера Рудольф Гесс. В то время этот полет наделал много шума и вызвал много различных, большей частью неправдоподобных, толкований. Уже после второй мировой войны эпизод с Гессом наряду с некоторыми другими событиями, смысл которых был сознательно запутан бывшими гитлеровскими генералами и их покровителями («чудо под Дюнкерком», «отказ от вторжения» в Англию и др.), был использован для того, чтобы доказать, будто «англофильство» Гитлера было чуть ли не важнейшей чертой его планов.

Политический смысл этих вздорных утверждений не трудно разгадать: усугубить разногласия между бывшими участниками антифашистской коалиции — Англией и Советским Союзом, доказать, будто война между Англией и Германией была досадным недоразумением, «не-нужной войной», и тем самым усыпить бдительность английского народа по отношению к бурно возрождающемуся в Западной Германии реваншизму и неонацизму — вот что требовалось сеятелям смуты и раздора.

Изучение конкретных обстоятельств «миссии Гесса» решительно опровергает сказки об «англофильстве» Гитлера. Прежде всего нет никаких доказательств того, что Гесс прилетел в Англию по прямому поручению фашистского фюрера. Опубликованные документы свидетельствуют как раз об обратном.

Каковы эти документы? Это прежде всего материалы Нюрнбергского процесса, а именно: записи беседы Киркпатрика с Гессом от 13, 14 и 15 мая 1941 г. и мемуары Киркпатрика⁶³, меморандум о беседе лорда Саймона и Кирк-

---

⁶³ IMT, vol. XXXVIII, Doc. 117-M, p. 177—180; Doc. 118-M, p. 181—182; Doc. 119-M, p. 182—184; I von Kirkpatrick. The Inner Circle. London, 1959. Глава из мемуаров Киркпатрика о Гессе была опубликована на русском языке в журнале «Международная жизнь», 1960, № 9, стр. 111—118.

патрика с Гессом от 9 июня 1941 г.⁶⁴, заметки переводчика Гитлера Шмидта о конференции Риббентропа с Муссолини и Чиано в Венецианском дворце от 13 мая 1941 г.⁶⁵ Подтверждение такой точки зрения мы находим в мемуарах Черчилля⁶⁶, Риббентропа⁶⁷, Саймона⁶⁸, статс-секретаря германского министерства иностранных дел Вейцекера⁶⁹, начальника контрразведки гестапо Шелленберга⁷⁰.

Вот что, например, пишет Шелленберг: «После того как 10 мая Рудольф Гесс улетел в Шотландию, Гитлер на мгновение впал в такое оцепенение, что едва ли был способен на какую-либо реакцию»⁷¹. Штаб Гесса — «от шоферов до личных адъютантов» — был арестован. В связи с «делом Гесса» среди нацистских лидеров произошел большой переполох. Больше всего боялись, как бы Гесс не выдал англичанам германских стратегических планов.

Заключительный вывод, к которому приходит Шелленберг, таков: «Имея в виду мое знакомство с делом Гесса и расследование, произведенное контрразведкой, я могу определенно сказать, что совершенно невероятно, что Гитлер приказал Гессу лететь в Англию с целью сделать последнее предложение о мире. Я упоминаю об этом только потому, что живая фантазия журналистов вновь и вновь поднимает этот вопрос»⁷².

---

⁶⁴ IMT, vol. XI, Doc. Hess—15, p. 279—292.

⁶⁵ IMT, vol. XXIX, Doc. 1866—PS, p. 29—30.

⁶⁶ W. S. Churchill. The Second World War, vol. III, p. 49.

⁶⁷ Joachim von Ribbentrop. Zwischen London und Moskau. 1954, S. 256—257.

⁶⁸ J. Simon. Retrospect. The Memoirs. London, 1952, p. 263.

⁶⁹ Ernst von Weizsäcker. Erinnerungen. München, 1950, S. 313.

⁷⁰ Walter Schellenberg. The Labyrinth. New York, 1956, p. 184—187.

⁷¹ Через некоторое время после отлета Гесса Гитлером было принято решение его убить. Гестапо получило надлежащее распоряжение. В Англию были посланы агенты гестапо, которые должны были выполнить это задание. Однако они были обезврежены английской секретной службой (подробно см. Е. Х. Кукридж. Тайны английской секретной службы. М., 1959, стр. 286—296).

⁷² Walter Schellenberg. Op. cit., p. 187.

Киркпатрик, как это видно из его мемуаров, придерживается такой же точки зрения.

Гесс в своих беседах в Англии заверяет собеседников, что его «предложения» отвечают мыслям Гитлера. Возможно. Но каким мыслям? Заключению почетного мира с Англией? Или перемирию до того времени, пока, как полагали нацистские лидеры, им удастся победить Советский Союз?

Первое предположение решительно опровергается всеми реальными фактами истории второй мировой войны. Второе предположение — и именно в этом заключена суть «миссии Гесса» — требует более детального рассмотрения. Полет Гесса отражал сомнения, которые терзали определенную часть нацистской верхушки в связи с принятым решением напасть на Советский Союз.

Вынужденная отложить «окончательную расправу» над Англией до победы над Советским Союзом, гитлеровская клика не отказалась от плана заключением мира с Англией полностью развязать себе руки для войны против Советского Союза.

Рудольф Гесс — заместитель Гитлера по национал-социалистской партии, с осени 1940 г. обдумывает различные варианты заключения мира с Англией. На эту мысль наталкивает его прежде всего проблема нападения на СССР, кроме того, на него оказывает влияние профессор геополитики Карл Гаусгофер, убежденный сторонник объединения западных стран против Советского Союза ⁷³. Гаусгофер был связан с английскими аристократическими кругами. Очевидно, от него первого и исходила мысль о возможности организации встречи с высокопоставленными англичанами.

Из памятной записки его сына Альбрехта Гаусгофера ⁷⁴, предназначенной для Гитлера, в связи с отлетом Гесса

---

⁷³ Карл Гаусгофер — профессор геополитики Мюнхенского университета, активный пропагандист «теории» так называемого жизненного пространства, которая была призвана идеологически подкрепить и обосновать агрессию германского империализма. Гаусгофер был сторонником англо-германского соглашения. После мюнхенскогоговора (30 сентября 1938 г.) он уговаривал Гитлера нанести визит в Англию.

⁷⁴ Альбрехт Гаусгофер — профессор политической географии и геополитики Берлинского университета. Был связан с буржуазно-дворянской оппозицией гитлеровскому режиму, за что в конце апреля 1945 г. был расстрелян.

выясняется, что Гаусгофер рассчитывал привлечь к идее «мира» с Англией известных реакционных английских политических деятелей, выступавших в 1934—1938 гг. за англо-германское соглашение. Гаусгофер выделяет группу так называемых молодых консерваторов: среди них герцог Гамильтон, парламентский частный секретарь Чемберлена лорд Дуглас, заместитель министра авиации Бальфур, заместитель министра по делам Шотландии Уидербёрн — тесно связанный с королевским двором, с известными фамилиями Дерби и Асторами. Упомянуто и имя заместителя министра иностранных дел Батлера, который, «несмотря на свои заявления, не является отверженным Черчилля или Идена»⁷⁵. Все эти люди так или иначе имеют отношение к Галифаксу. Другая группа, названная Гаусгофером — «молодые империалисты», объединялась вокруг журнала «Раунд тейбл» и лорда Лотиана. И, наконец, существовала группа высокопоставленных чиновников Форин оффис и среди них В. Стрэнг и О'Маллей.

8 сентября Гесс пригласил Альбрехта Гаусгофера, чтобы уяснить себе возможности установления контакта с Англией. Гаусгофер не скрыл от Гесса своего пессимистического отношения к достижению соглашения с Англией — «англичане не верят Гитлеру»⁷⁶. По просьбе Гесса Гаусгофер называет ему своих знакомых англичан, с которыми можно установить контакт. Среди них английский посланник в Будапеште О'Маллей, бывший руководитель юго-восточного департамента Форин оффис Р. Хор. Называет он и имя лорда Лотиана и в заключение герцога Гамильтона, который, по словам Гаусгофера, «имеет доступ в любое время ко всем важным лицам в Лондоне, даже к Черчиллю и к королю»⁷⁷. 3 сентября 1940 г.

---

⁷⁵ DGFP, vol. XII, № 500, p. 783—784. Памятная записка Альбрехта Гаусгофера, найденная в личных бумагах его отца и предназначенная для Гитлера, Оберзальцберг, 12 мая 1941 г.

Секретный агент испанской военной разведки в Лондоне сообщил в Мадрид, что Батлер «в глубине сердца» большой поклонник Гитлера (*ibid.*, vol. XII, № 104, p. 189—190. Посол в Испании — МИДУ, Мадрид, 28 февраля 1941 г.).

⁷⁶ DGFP, vol. XI, № 61, p. 79. Памятная записка Альбрехта Гаусгофера о беседе с Гессом 8 сентября 1940 г. Берлин, 15 сентября 1940 г.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 81.

Карл Гаусгофер встретился с Гессом в Мюнхене. Между ними произошел разговор о возможности установления контакта с семьей Гамильтон, одного из представителей которой, герцога Гамильтона, знает также и Гесс. Карл Гаусгофер предложил воспользоваться для этой цели празднованием 800-летия независимости Португалии и устроить такую встречу в Лиссабоне через посредство стародавней приятельницы Гаусгоферов некоей мисс Робертс. В качестве доверенного лица Карл Гаусгофер выдвигает кандидатуру своего сына Альбрехта ⁷⁸.

У Альбрехта Гаусгофера создается впечатление, что Гесс ведет разговор с введом Гитлера. Из дальнейшей переписки следует, что Альбрехту Гаусгоферу было поручено установить связь с Гамильтоном и встретиться с ним в Лиссабоне ⁷⁹. Письмо Альбрехта Гаусгофера Гамильтону было немедленно передано последним соответствующим властям. На совещании в «Интеллидженс сервис» было решено использовать такую возможность для целей английской разведки. Гамильтону предложили отправиться в Лиссабон. Он колебался. Дело было передано на рассмотрение военного кабинета, о решении которого мы ничего не знаем. Однако встреча в Лиссабоне не состоялась.

Английский публицист Джеймс Лизор, опубликовавший в 1962 г. книгу о Гессе, приходит к выводу, что неудача со встречами в Лиссабоне побудила Гесса лично приняться за это дело ⁸⁰. Первая неудачная попытка Гесса совершить полет в Англию была предпринята в январе 1941 г.

В апреле 1941 г. Альбрехт Гаусгофер получает письмо от профессора Бурхардта с предложением навестить его в Женеве. По решению Гесса Гаусгофер 28 апреля встретился с Бурхардтом. Бурхардт рассказал Гаусгоферу, что «хорошо известное и уважаемое в Лондоне лицо, близкое

---

⁷⁸ DGFP, vol. XI, № 12, p. 15—18. Карл Гаусгофер — Альбрехту Гаусгоферу, Мюнхен, 3 сентября 1940 г.

⁷⁹ Ibid., № 46, p. 60—61. Гесс—Карлу Гаусгоферу, Галлеспах, 10 сентября 1940 г.; *ibid.*, № 76, p. 129—132. Письмо Альбрехта Гаусгофера родителям, Берлин, 19 сентября 1940 г.; *ibid.*, № 93, p. 162. Альбрехт Гаусгофер — Гессу, Берлин, 23 сентября 1940 г.; *ibid.*, № 94, p. 162—163. Альбрехт Гаусгофер — Карлу Гаусгоферу, Берлин, 23 сентября 1940 г.

⁸⁰ James Leasor. Rudolf Hess. The Uninvited Envoy. London, 1962.

к ведущим кругам консервативной партии и Сити», позволило ему в Женеву и высказало «желание важных английских кругов исследовать возможности заключения мира»⁸¹.

Среди лиц, которых следовало привлечь для этой цели, был назван и Гаусгофер. Бурхардт не раскрыл имени англичанина. Гаусгофер ответил, что если англичанин еще раз придет в Швейцарию и будет согласен сообщить в Берлин через конфиденциальные каналы свое имя, то Гаусгофер приехал бы в Женеву еще раз.

Бурхардт, который уже во время войны побывал в Англии и имел там длительную беседу с Галифаксом, а также поддерживал связь с английским генеральным консулом в Женеве Ливингстоном (см. стр. 303), высказал желание действовать в качестве посредника. Но, по мнению Бурхардта, добиться англо-германского соглашения так же трудно, как и во время Крестовых походов или Тридцатилетней войны. Лишь незначительная часть плутократии склоняется в сторону мира, отмечает швейцарский профессор. Бурхардт признает, что главной силой, препятствующей заключению мира с гитлеровской Германией, являются народные массы, которые относятся к войне против гитлеризма, «как к религиозной войне со всеми фанатичными психологическими последствиями такого рода позиции»⁸², т. е., говоря иными словами, английские народные массы готовы к беззаветной борьбе с германским фашизмом до полного его уничтожения.

28 апреля, за 12 дней до вторичной попытки полета, какие-то английские круги зондируют почву относительно возможности мира с Германией. К этому времени в Лондоне уже было известно о предстоящем нападении Германии на Советский Союз.

Стремление части нацистской верхушки нейтрализовать Англию перед нападением на Советский Союз встречается с желанием неких реакционных английских кругов попытаться нащупать почву для соглашения с гитлеровцами по той же причине, т. е. ввиду предстоящего нападения гитлеровской Германии на страну Советов. Можно не сомневаться в том, что информация о встрече с Бурхардтом послужила для Гесса толчком для скорейшего осуществления плана.

---

⁸¹ DGFP, vol. XII, № 500, p. 785.

⁸² Ibid., p. 786—787.

Директива от 18 декабря 1940 г. предписывала закончить все приготовления к нападению на СССР к 15 мая 1941 г. 3 апреля нападение на СССР было отложено на пять недель, а 30 апреля была назначена новая дата — 22 июня.

Следовательно, о нападении на Советский Союз нацистская верхушка знала за 10 дней до полета Гесса. И здесь никак нельзя согласиться с небрежно-наивной интерпретацией Киркпатрика, который пишет в мемуарах: «У меня создалось впечатление, что Гесс настолько отстранен от дел, что действительно ничего не знает».⁸³ Лорд Саймон, весьма искусный юрист, занимавший высшие судебные должности в стране, делает совсем иной вывод. В своих мемуарах он отмечает, что по некоторым косвенным признакам из высказываний Гесса можно было сделать вывод о готовящемся нападении Германии на Советский Союз⁸⁴. И не случайно англичане так старательно допытываются, собирается ли Германия напасть на Советский Союз.

Недобросовестность Киркпатрика становится очевидной при чтении стенограммы беседы Саймона и Киркпатрика с Гессом. Речь идет о разграничении сфер интересов между Англией и Германией в Европе.

«Саймон: Европа в этом смысле означает, конечно, континентальную Европу?»

Гесс: Да, континентальную Европу.

Саймон: Включает ли это понятие какую-либо часть России?

Гесс: Европейская Россия, само собой разумеется, нас интересует.

Саймон: Я только хочу знать, что означает «европейская сфера интересов». Вы понимаете? Если это сфера интересов Германии в Европе, то, естественно, хочется знать, имеется ли в виду Россия, европейская Россия, Россия, которая не находится в Азии, Россия, которая к западу от Урала.

Гесс: Азиатская Россия нас не интересует»⁸⁵.

Таким образом, Гесс совершенно недвусмысленно заявил о претензиях Германии на советскую территорию

⁸³ I v o n e K i r k p a t r i c k. The Inner Circle. Memoirs. London, 1959. p. 180.

⁸⁴ J. S i m o n. Op. cit., p. 263.

⁸⁵ IMT, vol. XL, Doc. Hess — 15, p. 187.

«до Урала», что вполне соответствовало известным планам гитлеровской Германии.

По указанию Черчилля Гесса посетил также Бивербрук. Гесс в беседе с ним настаивал на необходимости заключения англо-германского союза против СССР ⁸⁶.

О том, что Германия собирается напасть на Советский Союз, английское правительство знало уже из достоверных источников. Гесс косвенным образом это подтвердил. Поэтому «предложения» Гесса могли иметь только одну цель: попытаться прийти к соглашению с Англией, чтобы воевать лишь на одном фронте — против Советского Союза. В этом был смысл полета Гесса.

Не кто иной, как английский обвинитель на Нюрнбергском процессе Гриффитс-Джонс, отвергая смехотворные утверждения защиты и ее свидетелей, будто Гесс прилетел в Англию, руководствуясь «гуманными побуждениями», заявил на заседании Трибунала 7 февраля 1946 г., обращаясь к лорду-судье Лоуренсу, председателю Трибунала: «Милорд, мое мнение таково, что единственная причина, по которой он (Гесс. — А. Н.) прибыл в Англию, ни в коем случае не носила гуманного характера, но просто заключалась, как я сказал, в том, чтобы позволить Германии вести войну против России только на одном фронте» ⁸⁷.

В Англии, очевидно, сделали такой общий вывод из «миссии Гесса»: нацистскую верхушку одолевают сомнения и беспокойство. На востоке вот-вот начнется война, и Германия ввяжется в кровопролитную битву с Советским Союзом. Премьер-министр Англии отдал приказ содержать Гесса, как военнопленного.

Трудно сказать, были ли в дальнейшем у английского правительства планы, связанные с Гессом. На Нюрнбергском процессе произошел любопытный эпизод, на который не было обращено достаточного внимания. 31 августа 1946 г. Гесс заявляет на заседании Трибунала, что он желает под присягой сообщить, что случилось с ним во время его пребывания в Англии. «Весной 1942 года...», — начал Гесс, но тут он был прерван председателем Трибунала, англичанином лордом-судьей Лоуренсом ⁸⁸. Быть

---

⁸⁶ «Sunday Express», 23.VII.1961.

⁸⁷ IMT, vol. VII, p. 143.

⁸⁸ IMT, vol. XXII, p. 372.

может, история еще не сказала своего последнего слова о «миссии Гесса».

Английский публицист Джеймс Лизор в своей книге о Гессе ⁸⁹ приводит аргументы в пользу того, что полет Гесса был совершен с ведома Гитлера, но ни словом не упоминает о приведенных выше свидетельствах. Каковы же основные аргументы Лизора? Во-первых, подготовка к полету не могла быть скрыта от глаз гестапо. Во время первой неудачной попытки письмо, оставленное Гессом Гитлеру, было вскрыто его адъютантом Пинтчем; это письмо прочли также шофер и телохранитель, которые, несмотря на объяснение, данное им возвратившимся Гессом, должны были сообщить об этом гестапо.

Но этот аргумент не представляется убедительным, Гесс был первым заместителем Гитлера, и поэтому все могли думать, в том числе и гестапо, что то, что делает Гесс, санкционировано Гитлером. В этих условиях донос на него гестапо мог иметь для доносчиков роковые последствия.

Во-вторых, в письме, которое Гесс оставил Гитлеру, он предлагал объявить его, Гесса, сумасшедшим. Как известно, именно этот вариант и появился в печати.

Этот аргумент не выдерживает критики, так как если Гесс летел по договоренности с Гитлером, то зачем ему нужно было оставлять письмо да еще с таким советом. Ведь при таком необычном деле все детали несомненно были бы предварительно обсуждены между Гессом и Гитлером. Затем, прочтя письмо, Гитлер будто бы сказал: «В такой решительный момент это весьма рискованная эскапада» ⁹⁰. Из этих слов Лизор делает вывод, что Гитлер осуждал Гесса лишь за неудачный выбор момента (надвигается война против СССР), но не самый полет. Следовательно, Лизор соглашается с тем, что Гитлер не знал о полете Гесса 10 мая 1940 г.

В результате детального изучения этого вопроса Лизор неожиданно приходит к выводу, который противоречит его прежним утверждениям, но является действительно разумным: «Знал ли Гитлер о полете Гесса или не знал; был ли Гесс сумасшедшим, как то утверждал Гитлер, или здоровым, как полагали близкие к нему люди,

---

⁸⁹ James Leasor. Op. cit., p. 102.

⁹⁰ Ibidem.

Черчилль не имел намерения вести переговоры о мирном договоре с Германией, так как он был убежден, что это означало бы для Англии признание германского сюзеренитета»⁹¹. И в этом суть дела.

Подготовка к нападению на Советский Союз шла полным ходом. 3 июня 1941 г. Гитлер вновь встречается с Муссолини у Бреннера, снова фашистские партнеры уверяют друг друга в отчаянном положении Англии. Единственная надежда Англии, на все лады повторяет Гитлер, основана на России и Америке⁹². «У нас нет возможности элиминировать Америку. Но в наших силах устранить Россию»⁹³, — пишет Гитлер Муссолини 21 июня 1941 г. за несколько часов до нападения на СССР. Тогда и в Англии поймут, что война проиграна, — таков лейтмотив письма Гитлера. Но заклинания не помогли...

Между тем сведений о концентрации германских войск у границ Советского Союза становилось все больше.

10 июня 1941 г. постоянный заместитель министра иностранных дел Кадоган пригласил к себе советского посла И. М. Майского. После обычного обмена приветствиями Кадоган сказал: «Господин посол, я пригласил Вас, чтобы сделать чрезвычайно важное сообщение. Прошу Вас взять лист бумаги и записать то, что я Вам продиктую». Затем Кадоган продиктовал сведения английской разведки о передислокации германских соединений по направлению к советской границе. И. М. Майский немедленно передал сообщение в Москву⁹⁴. 13 июня Иден передал советскому послу еще одно предупреждение. Таким образом, попытки гитлеровской Германии добиться «перемирия» с Англией перед нападением на СССР потерпели неудачу. Англия сделала выбор, отвечавший ее национальным интересам.

Сосредоточение войск гитлеровской Германии для нападения на СССР не могло, разумеется, остаться скрытым от советского военного командования и правительства. Сообщения из самых различных источников свиде-

---

⁹¹ Ibid., p. 174.

⁹² DGFP, vol. XII, № 584, p. 940—951. Меморандум о беседе между Гитлером и Муссолини у Бреннера 2 июня 1941 г., Фушль, 3 июня 1941 г.

⁹³ Ibid., № 660, p. 1068. Гитлер — Муссолини, 21 июня 1941 г.

⁹⁴ «Запись беседы с академиком И. М. Майским 15 апреля 1962 г.»

тельствовали о том, что Германия вот-вот начнет войну. Но Сталин оставался глух ко всем предупреждениям. Подозрительный по натуре, убежденный в непререкаемости своих схем и суждений, он видел во всех сообщениях о предполагаемом нападении на Советский Союз лишь провокационный замысел Англии и США, добивающихся войны между Германией и Советским Союзом. Он был убежден, что Гитлер не осмелится нарушить договор от 23 августа 1939 г. Сталин совершил грубые ошибки в оценке военно-политической ситуации, сложившейся в мире, и за эти ошибки советскому народу пришлось дорого расплатиться. 14 июня было опубликовано коммюнике ТАСС, в котором и нашла свое выражение неправильная оценка событий, сделанная Сталиным⁹⁵.

Грозные события, которым суждено было обозначить поворот в мировой войне, приближались. Мир подошел к одному из величайших рубежей в своей истории.

---

⁹⁵ «Внешняя политика СССР», т. IV, № 519, стр. 555—556.

Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский пишет: «Нападение фашистской Германии на Советский Союз оказалось для войск наших приграничных округов по ряду причин внезапным... Помню, какое глубокое возмущение вызвало у меня сообщение ТАСС, опубликованное в газете «Правда» от 14 июня 1941 г., в котором говорилось, что Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...» Любому, мало-мальски подготовленному военному человеку в то время было совершенно ясно, что война вот-вот разразится» (Р. М а л и н о в с к и й. Двадцатилетие начала Великой Отечественной войны.— «Военно-исторический журнал», 1961, № 6, стр. 4); см. также «История Великой Отечественной войны Советского Союза», т. 1, стр. 403—404; т. 2, стр. 10—11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внешняя политика Англии в начальный период войны отличалась крайней противоречивостью, отражавшей несоответствие между требованиями подлинно национальной политики — ведения решительной и активной войны против гитлеровской Германии — и практическими действиями правительства Чемберлена. Английская политика в первые восемь месяцев войны, получивших название «странной войны», «сумеречной войны» и т. п., была продолжением и логическим развитием предвоенной политики «невмешательства» и «умиротворения», доведенной до гиперболических размеров, и, таким образом, практически выражала антикоммунизм, господствовавший среди правящих классов Англии. В области внешней политики антикоммунизм означал непрекращающиеся попытки создания общего фронта капитализма против единственного тогда социалистического государства и международного рабочего и национально-освободительного движения. Фашистским агрессорам по-прежнему отводилась роль главной ударной силы антикоммунистического похода.

Антикоммунизм как программа действия продолжал существовать не только во время «странной войны», но и буквально еще накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз⁹⁶. Отказ Англии от активных

---

⁹⁶ Еще в конце мая 1941 г. начальники штабов обсуждали вопрос о возможностях нападения на кавказские нефтяные промыслы, а 12 июня было решено сделать «без промедления» необхо-

действий против гитлеровской Германии в период «странной войны», неясность и неопределенность целей войны, попытки закулисных переговоров, с одной стороны, и бурная антисоветская деятельность в Англии и во Франции, — с другой, доказывают, что в период «странной войны» в политике Англии преобладали империалистические тенденции. У власти в Англии остались те же люди, которые были ответственны за предвоенную политику сговора с фашистскими агрессорами. Отсюда и требование народных масс отстранить «людей Мюнхена» от власти. Первой выступила с этим требованием Коммунистическая партия. Показательно, что одна из двух крупнейших партий Англии — лейбористская — отказалась войти в коалицию с консервативной партией, возглавляемой мюнхенцами. Это обстоятельство представляется чрезвычайно важным, так как лейбористская партия опирается на поддержку миллионов членов тред-юнионов. Руководители лейбористской партии и тред-юнионов, хотя некоторые из них в прошлом и сочувствовали мюнхенской политике, поступили так потому, что вынуждены были считаться с отрицательным отношением рядовых членов партии и тред-юнионов к Чемберлену и его политике.

Сохранение мотивов предвоенной внешней политики в период «странной войны» тормозило реализацию необходимых мероприятий для ведения успешной войны против гитлеровской Германии и в то же время вело к абсурдной, авантюристической политике по отношению к Советскому Союзу, которая чуть было не привела к вооруженному конфликту. Политика правительства Чемберлена препятствовала развитию освободительных, антифашистских тенденций войны.

Поражение в Скандинавии, во Фландрии и во Франции, бегство английской армии с континента привели к серьезным изменениям в английской внешней политике. На смену однопартийному кабинету Чемберлена пришел коалиционный военный кабинет У. Черчилля. Политика правительства Черчилля в этот период в значительной степени отражала национальные интересы страны, заклю-

---

димые приготовления и подготовить бомбардировщики для операций из Мосула против нефтеочистительных заводов в Баку (J. R. M. Butler. Op. cit., p. 544).

чавшиеся в продолжении войны, в отказе от компромиссного мира с гитлеровской Германией, в сближении с Советским Союзом и США, в мобилизации всех сил для борьбы с фашистскими агрессорами и в их разгроме. Правительство получило поддержку народных масс, было создано ополчение, т. е. проведено частичное вооружение народа. Влиятельные круги английской буржуазии во главе с Черчиллем оказались более гибкими, более проницательными, нежели их французские партнеры.

До вступления в войну Советского Союза правительство Черчилля проводило политику «выживания». Речь шла о том, чтобы выжить, устоять в тех тяжелых условиях, в которых оказалась Англия после разгрома на Западном фронте летом 1940 г. Правительство Черчилля старалось использовать открывавшиеся возможности для сопротивления наступлению держав «оси». Но при этом во главу угла ставились имперские и колониальные интересы. Отсюда и военно-политическая стратегия британского империализма, которая вела к распылению сил и средств, к сужению возможностей борьбы с противником на континенте Европы — единственном месте, где державам фашистской «оси» могло быть нанесено решающее поражение. Постоянное несоответствие между требованиями антифашистской войны и империалистическими стремлениями правящих классов в сочетании с военной слабостью Англии вело к провалам английской политики на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке.

В политике господствующего класса Англии преобладали империалистические интересы, в то время как в народных массах — частью сознательно, частью стихийно — доминировали антифашистские, освободительные стремления. С этой точки зрения, для политики Англии начального периода войны весьма характерно уклонение от четкого определения целей войны и ориентация на прогнившие профашистские режимы во многих европейских государствах, что значительно ограничивало возможности борьбы против гитлеровской Германии, усиливало коллаборационистские и прогерманские элементы на европейском континенте. Значительный интерес в этой связи представляет инструктивное письмо Черчилля министру иностранных дел от 15 марта 1941 г.: «Будучи убежденным монархистом, — писал он, — я в принципе отношусь благожелательно к конституционным монар-

хиям как к барьеру против диктаторских режимов и по многим другим мотивам... Главная линия политики Форин оффис должна заключаться в благожелательном отношении к монархическим движениям в разных странах. Мы, несомненно, не должны препятствовать им, если не можем оказать помощь»⁹⁷.

В государствах же, которые подпали под власть гитлеровской Германии, Англия делала ставку на консервативные силы, ориентирующиеся на Англию и США, стремилась помочь их консолидации и тем гарантировать сохранение капиталистического порядка после поражения Германии. Англия стремилась также перетянуть на свою сторону и некоторых коллаборационистов. Отсюда заигрывания с Петеном и Вейганом на первом этапе войны, поддержка буржуазных лидеров типа Маниу и кровавое побоище в Греции в конце войны. И по отношению к движению Сопротивления в Европе делалась также ставка на наиболее умеренное его крыло. Впрочем, в начале войны английская политика вообще не рассматривала движение Сопротивления как потенциально значительный фактор в войне против фашистских агрессоров. Факты, которыми мы располагаем, подтверждают это.

В апреле 1938 г. в английском военном министерстве был создан особый сектор для изучения возможностей диверсионных действий в гитлеровской Германии в случае войны. Изучение было продолжено и в 1939 г. Но о поддержке народного движения не было и речи. По признанию профессора Дикина, «все последовавшее за этим планирование было сосредоточено исключительно на возможностях диверсионных действий в целях нарушения снабжения германской военной машины важнейшими видами материалов и оборудования». Конкретно дело касалось мер против доставки в Германию шведской железной руды, румынской нефти и т. п. Во время «странной войны» ничего не делалось для поддержки борьбы народов оккупированных стран против немецко-фашистских захватчиков. Несколько операций — «попытки сохранить радиосвязь с Польшей и Чехословакией, а также совершить диверсионные акты в Скандинавии и на Балканах»⁹⁸ — и те оказались безуспешными.

⁹⁷ W. S. Churchill. The Second World War, vol. III, p. 663.

⁹⁸ F. W. Deakin. Great Britain and European Resistance, p. 4, 5.

Только после прихода к власти правительства Черчилля был создан специальный комитет для изучения координации подрывно-диверсионных действий против врага. В июле 1940 г. в составе министерства экономической войны была создана Служба специальных операций, которая и занялась организацией подрывных и диверсионных действий на европейском континенте. В это время впервые возник вопрос о поддержке Сопротивления, зарождавшегося на территории государств, захваченных гитлеровской Германией⁹⁹. Отношение к Сопротивлению различных стран определялось отношениями между английским правительством и правительствами этих государств. В Лондоне обосновались эмигрантские правительства Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Польши, Чехословакии, Югославии, Греции. В подавляющем большинстве они представляли консервативные, а зачастую реакционно-монархические силы, которые вполне устраивали английское правительство, отнюдь не желавшее каких-либо социальных изменений и выступавшее по существу за реставрацию старых порядков, восстановление положения, существовавшего в Европе до гитлеровской агрессии. Тем самым и связь Англии с подпольем оккупированной Европы осуществлялась в большинстве случаев при помощи и через посредство эмигрантских правительств. Поэтому выбор подпольных организаций, которым Англия оказывала или намеревалась оказать помощь, был довольно определенным — то были организации, находившиеся под влиянием или руководством консервативных элементов, не имевших массовой опоры среди населения, а иногда и негласно сотрудничавших с оккупантами.

Движение же Сопротивления по мере развития событий становилось широким антифашистским движением, направленным не только против оккупантов, но и за изменение ранее существовавших политических и социальных условий, которые позволили гитлеровской Германии захватить эти страны. В результате в первый период вой-

---

⁹⁹ «European Resistance Movements, 1939—1945». First International Conference on the History of the Resistance Movements Held at Liège-Bruxelles-Breendonk 14—17 September 1958. Statement by United Kingdom Representatives by Brigadier-general Barry. London, 1960, p. 350.

ны английская политика была оторвана от реальной действительности настолько же, насколько эмигрантские правительства были оторваны от своих народов и их борьбы.

Недаром цель Службы специальных операций заключалась в том, чтобы «организовать с ее помощью прежде всего подрыв военных усилий Германии и лишь во вторую очередь наладить помощь диверсионным и подрывным элементам в странах оккупированной Европы, с которыми были потеряны все связи»¹⁰⁰.

Английские исследователи Сопrotивления единодушны в том, что в 1940—1941 гг. до нападения Германии на Советский Союз помощь, оказываемая Англией группам Сопrotивления в оккупированных странах, была мизерной. Очевидно, дело было не только в крайней скудости технических средств, хотя это обстоятельство играло немаловажную роль, но, как мы полагаем, в неспособности английского руководства оценить перспективы вооруженной борьбы народных масс против захватчиков, предугадать масштабы, которые должна была принять народная борьба против поработителей. Это и не удивительно, учитывая крайне реакционные взгляды Черчилля на революционные изменения в мире. Однако объективная логика исторического развития заключалась в том, что, ведя войну против гитлеровской Германии и фашистской Италии, а позднее против милитаристской Японии, Англия независимо от желания и расчетов своих правящих классов способствовала развитию антифашистской, освободительной борьбы, которая в свою очередь усилила национально-освободительное движение в самой Британской империи и в зависимых от нее полуколонияльных странах.

Важнейшими элементами внешней политики Англии в рассматриваемый период были отношения с Соединенными Штатами Америки и с Советским Союзом. Еще до начала войны между США и Англией началось быстрое сближение, которое определялось общностью их интересов перед лицом развертывавшейся агрессии фашистских государств в Европе и на Тихом океане. Развитие англо-американского сотрудничества в значительной мере затруднялось внутриполитической борьбой в Соединенных

---

¹⁰⁰ F. W. Deakin. Op. cit.

Штатах, с одной стороны, и противоречиями между Англией и США, — с другой. Соединенные Штаты стремились обеспечить в ходе войны усиление собственного влияния в мире не только путем устранения на какое-то время таких открытых антагонистов, как Германия и Япония, но неизбежно и за счет Британской империи.

Здесь мы сталкиваемся с другим противоречием: чем опаснее и сложнее становилось в ходе войны положение Англии, тем чаще она обращалась к помощи США не только для защиты своей независимости, но и ради сохранения своих имперских интересов. Каждое такое обращение влекло за собою частичный отказ в пользу США от тех самых интересов Британской империи, которые Англия надеялась защитить с помощью США. На первом этапе войны это подтверждается такими фактами, как соглашение об обмене эсминцев на базы, столкновениями между Англией и США из-за африканских дел, из-за распределения ленд-лиза и т. п.

Большое влияние на внешнюю политику Англии и на положение воюющих держав оказывала позиция Советского Союза. Оставаясь нейтральным в течение первого периода войны, Советский Союз, тем не менее, приковывал к своим границам часть военной силы гитлеровского райха в Европе и императорской Японии на Дальнем Востоке.

По мере приближения сроков нападения на СССР постепенно ослабевают нажим Германии на Англию: с середины мая прекращаются воздушные налеты на Британские острова и приостанавливается отправка немецких подкреплений на Средний Восток, благодаря чему Ирак, Сирия и Эфиопия попадают в руки Англии.

Политика Англии в отношении СССР претерпевает за первые 20 месяцев войны сложную эволюцию. Она очень противоречива. В ней неизменно борются две тенденции: прежняя — нанести Советскому Союзу возможно больший ущерб, вплоть до безрассудных и антинациональных планов войны с ним, и новая — необходимость которой диктуется всем ходом развития событий, самой жизнью, — коренного улучшения отношений с СССР для борьбы против общей угрозы фашистского господства. Эта тенденция медленно, но верно пробивает себе дорогу сквозь толщу антисоветских и антикоммунистических предрассудков и предубеждений.

Черчилль, принципиальный враг коммунизма, понял необходимость союза с СССР еще до начала второй мировой войны. Став премьер-министром Англии накануне страшного поражения во Фландрии и Франции, он начинает искать пути к сближению с СССР. Он понимал, что в этой невиданной в истории человечества жестокой и упорной схватке спасение Англии — в союзе с СССР. Путь к нему был не прост, очень противоречив и извилист. Кульминационным пунктом в политике Англии по отношению к Советскому Союзу следует считать март—май 1941 г.

В то время Германия заканчивала последние приготовления к нападению на СССР. Наступал момент, когда гитлеровская Германия охотно пошла бы на заключение мира или перемирия с Англией. «Визит» Гесса, хотя и последовавший, очевидно, по его собственной инициативе, отражал эту линию германской политики накануне 22 июня. Но этот путь был Англией отвергнут.

С точки зрения интересов английского капитализма переговоры о мире в условиях того момента не обещали ничего хорошего: германские армии оккупировали огромную территорию капиталистической Европы, продолжали угрожать колониальным владениям на Среднем Востоке и в Африке; на Дальнем Востоке английским позициям угрожал союзник Германии — Япония. В этой ситуации переговоры должны были неминуемо закончиться значительными уступками со стороны Англии не только Германии и Италии, но и Японии. Помимо того, повадки Гитлера, готового нарушить и порвать любой договор, как только создастся благоприятная конъюнктура, были хорошо известны в Лондоне. Вот почему соглашение с Гитлером как руководителем правительства Германии было совершенно исключено.

Далее. Опустошительные воздушные налеты на Англию, уничтожение британских судов, жестокости и бесчинства, творимые гитлеровцами на оккупированных территориях Европы, создали неодолимую психологическую преграду для всяких попыток заключения компромиссного мира с Германией. Перефразируя известную английскую поговорку, можно сказать, что сердце каждого англичанина стало крепостью против нацизма. Мужество и решимость английского народа бороться с фашизмом обрекали любую попытку компромиссного мира

на провал. Позиция английского народа была одним из важнейших элементов, определивших освободительный, антифашистский характер войны.

Таким образом, объективные обстоятельства заставляли Англию идти навстречу союзу с СССР — союзу, который мог быть осуществлен еще до начала второй мировой войны, однако был сорван кликой «умиротворителей» во главе с Чемберленом. Уже в начале войны часто незаметно, но безостановочно развивались те необходимые условия и предпосылки, которые привели к созданию антифашистской коалиции с участием СССР, Англии и США. Эта коалиция государств с различным общественным укладом была яркой демонстрацией возможности не только мирного сосуществования, но в определенных исторических условиях и военно-политического сотрудничества государств с противоположными социальными системами. С образованием антифашистской коалиции открылась новая глава в истории второй мировой войны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22.
- Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. Соч., т. 21.
- Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции. Соч., т. 23.
- Ленин В. И. Внешняя политика русской революции. Соч., т. 25.
- Ленин В. И. Крах II Интернационала. Соч., т. 21.
- Ленин В. И. Тетради по империализму. Госполитиздат, 1939.
- XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I—III. Госполитиздат, 1956.
- XXI внеочередной съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I—II. Госполитиздат, 1959.
- XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. I—III. Госполитиздат, 1962.
- Документы совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Госполитиздат, 1960.
- Хрущев Н. С. За прочный мир и мирное сосуществование. Госполитиздат, 1958.
- Хрущев Н. С. За новые победы мирового коммунистического движения. Госполитиздат, 1961.
- Хрущев Н. С. О внешней политике Советского Союза, т. 1—2. Госполитиздат, 1961.
- Гомулка В. Статьи и речи. Госполитиздат, 1959.
- Gollan John. 30 Years of Struggle. London, 1950.
- Dutt R. Palm. Britain in the World Front. New York, 1943.
- On the Thirtieth Anniversary of the Communist Party. London, 1950.
- Le Parti communiste de Belgique dans la lutte pour la libération. Bruxelles, 1944.
- Report of the 16th Congress of the Communist Party. 1943. London,

Неопубликованные документы и материалы

- Историко-дипломатический архив МИД СССР, ф. 38 г, оп. 20, 21; ф. 296, 315, 336.
- ЦГАОР Эстонской ССР, ф. 31, оп. 4; ф. 84, оп. 1; ф. 495, оп. 1, 2; ф. 957, оп. 4.

Запись беседы с академиком И. М. Майским от 15 апреля 1962 г. Országos Levéltár, Külügyi Minisztérium Levéltára Res. pol. 1939—1941. (Архив МИД Венгерской Народной Республики).

Официальные опубликованные документы

- Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV (1935 — июль 1941 г.). М., 1946.
- Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 1. Госполитиздат, 1946.
- Документы Министерства иностранных дел Германии, вып. 1. Германская политика в Венгрии (1937—1942). Госполитиздат, 1946; вып. 2. Германская политика в Турции (1941—1943). Госполитиздат, 1946.
- Нюрнбергский процесс, т. I—VII. Госюриздат, 1957—1961.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 1. Госполитиздат, 1957.
- Aasta Sotsialistlik Revolutsioon Eestis. Dokumente ja materijale. Tallin, 1960.
- Belgium. The Official Account of what Happened 1939—1940. London.
- The British Commonwealth and World Society. Proceedings of the Third Unofficial Conference on British Commonwealth Relations. London 17 February to 3 March 1945. Ed. by Richard Frast. London, 1947.
- Canada in World War II. Post-War Possibilities. Montreal, 1945.
- Dokumente der Deutschen Politik. Reihe: das Reich Adolf Hitlers, Bd. 9, Teil 1. Berlin, 1944.
- Documents on German Foreign Policy 1918—1945. From the Archives of the German Foreign Ministry. Series D. (1937—1945). Vol. VIII. The War Years. September 4, 1939 — March 18, 1940. London, 1954; vol. IX. The War Years. March 18, 1940 — June 22, 1940. Washington, 1956; vol. X. The War Years. June 23 — August 31, 1940. Washington, 1957; vol. XI. The War Years. September 1, 1940 — January 31, 1941. Washington, 1960; vol. XII. The War Years. February 1, 1941 — June 22, 1941. London, 1962.
- Documents on International Affairs 1939—1946, vol. 2. Hitler's Europe. Selected and Edited by M. Carlyle. London, 1954.
- European Resistance Movements. 1939—1945. First International Conference on the History of the Resistance Movements held at Liège. Bruxelles. Breendonc, 14—17 September 1958. Oxford, London, 1960.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939, vol. I. General, Washington, 1956 vol. II. General. The British Commonwealth. Europe. 1940. vol. I. General. Washington, 1959. vol. II. General and Europa. 1957. vol. III. The British Commonwealth. The Soviet Union. The Near East and Africa. 1941. vol. I. General. The Soviet Union. 1958. vol. II. Europa. 1958. vol. III. The British Commonwealth. The Near East and Africa. 1959.

- Forspelet till det tyska angreppet pa Danmark, Norge den 9 april 1940. Stokholm, 1947.
- Great Britain. Ethiopia N 1 (1942). Agreement and Military Convention between the United Kingdom and Ethiopia. Addis Ababa. January 31, 1942. London, 1942.
- Great Britain. Colonial Office. The Colonial Empire (1939—1947). London, 1947.
- The Greek White Book. Washington, 1943.
- Inter-allied meeting. London, 1941, Miscellaneous N 1 1941. Interallied meeting. Held in London at St. James Palace on June 12, 1941.
- Journal officiel de la République Française. Débats parlementaires. Sénat. Séance du 19 mars 1940.
- Les événements survenus en France de 1933 à 1945, t. I—IX. Paris, 1947—1951.
- The Labour Party. Report of the 39th Annual Conference held in the Pavilion in Bournemouth May 13th—16th 1940. London, 1940.
- The Labour Party. Report of the 40th Annual Conference held in the General Hall, Westminster S. W. 1 June 2nd, 3rd and 4th 1941. London, 1942.
- Luxemburg and the German Invasion. Before and after. The Luxemburg Grey Book. London, 1942.
- Norway and the War. September 1939—December 1940. Ed. by M. Curtis. London, 1941.
- Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 351—365, 369—373; House of Lords, vol. 114—119.
- The People's Convention. The Official Report. London, 1941.
- Report of Proceedings at the 71st Annual Trades Union Congress Held at Bridlington. September 4th and 5th 1939. London, 1939.
- Report of Proceedings of the 72nd Annual Trades Union Congress. Held at Southport. October 7th to 9th 1940. London, 1940.
- Statistical Digest of the War. London, 1951.
- Treaty of Mutual Assistance between His Majesty in Respect of the United Kingdom, the President of the French Republic and the President of the Turkish Republic. Angora, October 19, 1939.
- Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, svol. I—XLII. Nüremberg. 1947—1951.
- United Nation. Statistical Yearbook. First Issue. Lake Success. N. Y., 1949.
- What the British Empire has done. Facts and figures of the Empire of War. London, 1944.

Пресса, периодические издания

- «Известия», 1939—1941.
- «Правда», 1939—1941.
- «Коммунистический интернационал», 1939—1941.
- «Военно-исторический журнал», 1959—1963.
- «Daily Worker», 1939—1941.
- «Economist», 1939—1941.
- «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale», 1957—1962.
- «Round Table», 1939—1941.
- «Times», 1939—1941.

«Vierteljahrhefte für Zeitgeschichte», 1953—1962.
Отдельные номера «Правды» (после 1953 г.) «Международной жизни», «Вопросов истории», «Новой и новейшей истории», «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», «Sunday Express» и др.

Дневники, мемуары, речи, биографии

- Дневник начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Гальдера.
де Голль Шарль. Военные мемуары, т. 1. ИЛ, 1957.
Майский И. М. Испанские тетради. М., Восиздат, 1962.
Майский И. М. Кто помогал Гитлеру. М., Изд. ИМО, 1962.
Шервуд Роберт. Рузвельт и Гопкинс, т. 1. ИЛ, 1958.
Amery L. S. My Political Life, vol. III. The Unforgiving Years 1929—1940. London, 1955.
Attlee C. B. As it Happened. London, 1954.
Bullock A. The Life and Times of Ernest Bevin, vol. One. London, 1960.
Butler J. R. M. Lord Lothian (Philip Kerr) 1882—1940. London, 1960.
Broad Lewis. The War that Churchill Waged. London, 1960.
Bryant A. The Turn of the Tide 1939—1943. London, 1957.
Bryant A. Triumph in the West 1943—1946. London, 1959.
Ciano Diaries. London, 1947.
Churchill Winston S. The Second World War, vol. I. The Gathering Storm. Boston, 1948; vol. II. Their Finest Hour. London 1949; vol. III. The Grand Alliance. London, 1950.
Churchill W. S. Step by Step. 1936—1939. London, 1942.
Churchill W. S. Blood, Sweat and Tears... New York, 1941.
Churchill W. S. The Unrelenting Struggle. London, 1943.
Churchill W. S. Secret Session Speeches. London, 1946.
Churchill W. S. Victory. Boston, 1946.
Churchill Randolph S. The Rise and Fall of Sir Anthony Eden. London, 1959.
Cooper D. (Viscount Norwich). Old Men Forget. London, 1954.
Dalton H. The Fateful Years. Memoirs. 1931—1945. London, 1957.
Eden A. Freedom and Order. Selected Speeches. 1939—1946. London, 1948.
Eisenhower D. Crusade in Europe. New York, 1951.
Evans Trevor. Bevin. London, 1946.
Feiling K. The Life of Neville Chamberlain. London, 1946.
Groussard, Colonel, Chemins secrets. Tome I. Paris, 1948.
Halifax R. F. L. Fulness of Days. London, 1957.
Halifax R. The American Speeches of the Earl of Halifax. London, 1947.
The von Hassel Diaries. 1938—1944. New York, 1947.
Hitler Adolf. Hitler's Secret Conversations. 1941—1944. New York, 1953.
Hull Cordell. Memoirs, vol. II. New York, 1947.
Ickes Harold L. The Secret Diary. Vol. III. New York, 1954.
Jones T. A Diary with Letters. 1931—1950. London, 1954.
Kállay Nicholas. A Personal Account... New York, 1954.
Kennedy John. The Business of War. London, 1957.
Kirkpatrick Ivone. The Inner Circle. Memoirs. London, 1959.
van Kleffens E. N. The Rape of the Netherlands. London, 1940.

- Knatchbull-Hugessen H.** Diplomat in Peace and War. London, 1949.
- Macék Vladko.** In the Struggle for Freedom. New York, 1957.
- Mackleod Lain.** Neville Chamberlain. London, 1961.
- The Memoirs of Lord Ismay.** London, 1960.
- Leahy W. D.** I was there. New York, 1950.
- Minney R. I.** The Private Papers of Hore-Belisha. London, 1960.
- Montgomery B.** The Memoirs. London, 1958.
- Montgomery D.** Hungary. The Unwilling Satellite. New York, 1947.
- von Papen Franz.** Memoirs. London, 1952.
- Pickersgill J. W.** The Mackenzie King Record, vol. I. 1939—1944. Canada, 1960.
- Raeder Erich.** Mein Leben. Tübingen, 1957.
- Reynaud P.** La France a sauvé l'Europe, vol. II. Paris, 1947.
- von Ribbentrop Joachim.** Zwischen London und Moskau, 1954.
- Schellenberg Walter.** The Labyrinth. New York, 1956.
- Seraphim Hans-Günther.** Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40. Göttingen, 1956.
- Simon J.** Retrospect. The Memoirs. London, 1952.
- Spears E.** Assignment to Catastrophe, vol. I. Prelude to Dunkirk. July 1939—May 1940. London, 1954; vol. II. The Fall of France. June 1940. London, 1954.
- Stimson H. L., Bundy Mc. George.** On Active Service in Peace and War. New York, 1947.
- Stettinius E. R.** Lend-lease. Weapon for Victory. New York, 1944.
- Tanner Vaino.** The Winter War. Stanford, 1947.
- Viscount Templewood.** (Sir Samuel Hoare). Nine Troubled Years. London, 1954.
- The Memoirs of Anthony Eden Earl of Avon.** Facing the Dictators. Boston, 1962, p. 350.
- The Testament of Adolf Hitler.** London, 1961.
- von Weizäcker Ernst.** Erinnerungen. München, 1950.
- Welles S.** The Time for Decision. Cleveland, 1944.
- Weygand.** Mémoires. Paris, 1950.
- Williams Francis.** The Prime Minister Remembers. London, 1961.
- Wheeler-Bennet J. W.** John Anderson Viscount Waverley. London, 1962.
- Woolton Fr.** The Memoirs of the Earl of Woolton. London, 1960.

Исследования, книги, статьи

- Болтин Е.** О происхождении и политическом характере второй мировой войны.— Вопросы истории КПСС, 1959, № 4.
- Болтин Е.** О периодизации Великой Отечественной войны Советского Союза.— Военно-исторический журнал, 1959, № 2.
- Болтин Е., Деборин Г.** О характере второй мировой войны.— Проблемы мира и социализма, 1959, № 9.
- Боратынский С.** Дипломатия периода второй мировой войны. ИЛ, 1959.
- Валев Л. Б.** Из истории Болгарии накануне и в начале второй мировой войны.— Ученые записки Института славяноведения, 1960, т. 20.
- Верт А.** Франция 1940—1955. ИЛ, 1959.
- Винцер Ю. А.** Английские капиталовложения за границей в период империализма. М., Изд-во ИМО, 1960.

- Вобликов Д. Р.** Эфиопия. М., Изд-во вост. лит-ры, 1959.
- Волков Н.** Действия германского флота на морских и океанских, коммуникациях Англии и США во второй мировой войне.— Военно-исторический журнал, 1959, № 5.
- Вторая мировая война 1939—1945. ИЛ, 1958.
- Галкин А.** Операция «Кроссворд».— Международная жизнь, 1959, № 9.
- Германский империализм и вторая мировая война. Под ред. Ерусалимского А. С., ИЛ, 1961.
- Горошкова Г. Н.** К истории общества англо-германского содружества.— Ученые записки по новой и новейшей истории, 1958.
- Дашичев В.** Мешелский инцидент и немецкий план разгрома Франции.— Военно-исторический журнал, 1959, № 3.
- Дашичев В.** Почему немецкие танки остановились перед Дюнкерком.— Военно-исторический журнал, 1962, № 6.
- Деборин Г. А.** Вторая мировая война. М., Воениздат, 1958.
- Егоров В. Н.** Политика Англии на Дальнем Востоке (сентябрь 1939—декабрь 1941). М., 1960.
- Ерусалимский А. С.** О военных блоках в Европе.— Международная жизнь, 1955, № 3.
- Жилин П. А.** Фашистский блицкриг и его провал в 1941 г.— Новая и новейшая история, 1961, № 3.
- Земсков И. Н.** Дипломатическая история второго фронта.— Международная жизнь, 1961, № 8.
- Иванов Л. Н.** Очерки международных отношений в период второй мировой войны. М., Изд-во АН СССР, 1958.
- Ивашкин И. Ф.** Внешняя политика СССР. Госполитиздат, 1958.
- Иноземцев Н.** Внешняя политика США в эпоху империализма. Госполитиздат, 1960.
- Итоги второй мировой войны. ИЛ, 1957.
- де Йонг Л.** Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., ИЛ, 1951.
- Израэлян В. Л.** Дипломатическая история Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., Изд. ИМО, 1959.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг. М., Воениздат, т. I, 1960; т. II, 1961; т. III, 1961.
- История войны на Тихом океане, т. I—V. М., ИЛ, 1957—1958.
- История международных отношений и внешней политики СССР, т. II, 1939—1945. М., Изд. ИМО, 1962.
- История Польши, т. III. М., Изд-во АН СССР, 1959.
- История Чехословакии, т. III. М., Изд-во АН СССР, 1960.
- Карцев А. А.** Изабелла—Феликс.— Краткие сообщения Института востоковедения, 1958, вып. 32.
- Кадомский Н.** Формирование англо-американского блока после капитуляции Франции (май—декабрь 1940 г.).— Вопросы истории, 1950, № 1.
- Козлов С.** Некоторые вопросы стратегического развертывания по опыту двух мировых войн.— Военно-исторический журнал, 1959, № 12.
- Кингстон-Макклори Э. Дж.** Руководство войной. ИЛ, 1957.
- Кудашев Л. Н., Попов В. И.** Как буржуазно-реакционная историография США фальсифицирует историю кануна и начала второй мировой войны. Сб.: Против фальсификации истории. М., Соцэкгиз, 1959.

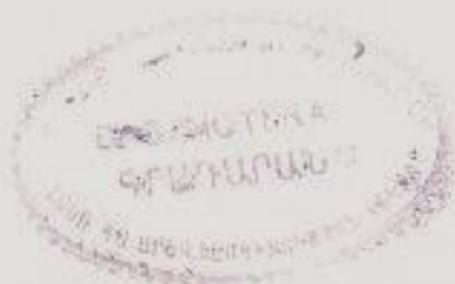
- Кузнец Ю. Л.** Вступление США во вторую мировую войну. Соцэкгиз, М., 1962.
- Курасов В.** О характере и периодизации второй мировой войны.— Военно-исторический журнал, 1959, № 1.
- Лебедев Н. И.** Румыния в годы второй мировой войны. М., Изд. ИМО, 1961.
- Лемин И. М.** Обострение кризиса Британской империи после второй мировой войны. М., Изд-во АН СССР, 1951.
- Леонидов А.** Судьба, которая готовилась Англии.— Международная жизнь, 1960, № 4.
- Майский И. М.** К возрождению германского милитаризма. — Вопросы истории, 1958, № 5.
- Матвеев В. А.** Провал мюнхенской политики (1938—1939). Госполитиздат, 1955.
- Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949).** Госполитиздат, 1956.
- Мельников Е.** Легенда и правда о заговоре 20 июня 1944 г. М., 1962.
- Мельников Ю. М.** США и гитлеровская Германия (1933—1939). Госполитиздат, 1959.
- Миллер А. Ф.** Очерки новейшей истории Турции. Изд-во АН СССР, 1948.
- Миллер А. Ф.** Краткая история Турции. Госполитиздат, 1948.
- Мировая война 1939—1945.** ИЛ, 1957.
- Митропольский Д. К.** «Мюнхенская политика» английского империализма во время «страшной войны».—Вестник Московского университета, 1959, № 2.
- Мюллер-Гиллебранд Б.** Сухопутная армия Германии 1939—1945, т. II. М., Воениздат, 1957.
- Мэглофф М. и Снелл Э.** Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг. М., Воениздат, 1955.
- Некрич А. М.** Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 — сентябрь 1939). М., Изд-во АН СССР, 1955.
- Некрич А. М., Трухановский В. Г.** Правда о 1939 году.—Проблемы мира и социализма, 1959, № 9.
- Некрич А. М.** Война, которую называли «странной». М., Изд-во АН СССР, 1961.
- Поздеева Л. В.** Англия и закон о ленд-лизе.— Новая и новейшая история, 1961, № 4.
- Поляков В. Г.** Англия и мюнхенский сговор. М., Изд-во АН СССР, 1960.
- Прозктор Д. М.** Война в Европе 1939—1941. М., Воениздат, 1963.
- Прозктор Д.** Германо-польская война.— Военно-исторический журнал, 1959, № 9.
- Ротштейн Э.** Мюнхенский заговор. ИЛ, 1959.
- Ротштейн Э.** Мюнхенские тенденции в политике правящих кругов Великобритании в период 1939—1945 гг.— Военно-исторический журнал, 1960, № 6.
- Севостьянов Г. Н.** Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., Соцэкгиз, 1961.
- Севостьянов Г. Н.** Происхождение войны на Тихом океане. М., Изд-во АН СССР, 1962.
- Секисов В. А.** «Странная война» в Западной Европе и в бассейне Средиземного моря (1939—1943). М., Воениздат, 1958.

- Сиполс В.** Борьба СССР за мир в Прибалтике в 1933—1940 гг.— Коммунист Советской Латвии, 1959, № 9.
- Смирнов В. П.** Деятельность Французской коммунистической партии во время «странной войны» (сентябрь 1939 — март 1940).— Новая и новейшая история, 1958, № 1.
- Смирнов В. П.** К истории капитуляции Франции и франко-германского перемирия 1940 г.— Вестник Московского университета, 1961, № 3.
- Смирнов В. П.** Франция во второй мировой войне. Изд. МГУ, 1961.
- Табуи Ж.** Двадцать лет дипломатической борьбы. ИЛ, 1960.
- Тшпельскирх Курт.** История второй мировой войны. М., Воениздат, 1956.
- Трухановский В. Г.** Новейшая история Англии. М., Соцэкгиз, 1958. Ученые записки Института востоковедения, т. XVII, 1959; т. XIX, 1959.
- Файнгар И. М.** Очерк развития германского монополистического капитала. Госполитиздат, 1958.
- Фуллер Дж.** Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., Воениздат, 1956.
- Хвостов В. М.** 40 лет борьбы за мир. Госполитиздат, 1958.
- Хвостов В. М.** Поучительные уроки истории.— Коммунист, 1959, № 12.
- Хвостов В. М., Некрич А. М.** Как возникла вторая мировая война. Госполитиздат, 1959.
- Чемпалов И. Н.** К истории заключения германо-румынского экономического соглашения 1939 г.—Новая и новейшая история, 1959, № 1.
- Чемпалов И. Н.** Политика англо-французского блока на Балканах в период «странной войны».—Ученые записки Уральского гос. университета, вып. 16, 1957.
- Шейнман М. М.** Ватикан во второй мировой войне. М., 1951.
- Юрьев Р.** Подготовка Англии и Франции к нападению на Советский Союз с юга в 1939—1940 гг.—Вопросы истории, 1949, № 2.
- Яковлев Н. Н.** США и Англия во второй мировой войне. М., Учпедгиз, 1961.
- Яковлев Н. Н.** Новейшая история США. М., Соцэкгиз, 1961.
- Adams H.** The People's Convention. Fights for British-Soviet Unity. London, 194...
- Albrecht-Carrié René.** France, Europe and the two World Wars. New York, 1961.
- Allen H. C.** Great Britain and the United States (1789—1952). London, 1954.
- Ansel Walter.** Hitler Confronts England. Durham, 1960.
- Ashworth W.** Contracts and Finance. London, 1953.
- Bonte F.** Le chemin de l'Honneur. Paris, 1946.
- Bryans I. L.** Blind Victory (Secret Communications Halifax — Hassel). London, 1951.
- de Bourbon Xavier.** Les accords secrets franco-anglais de décembre 1940. Paris, 1949.
- Buster G.** Return via Dunkirk. London, 1942.
- Butler J. R. M.** Grand Strategy, vol. II. September 1939—June 1941. London, 1957.
- Cambrelin Georges.** Le Drame belge. 1940—1950. Paris.
- «Cato».** Guilty Men. London, 1940.

- Chester D. N.** Lessons of the British War Economy. Cambridge, 1951.
- Coates W. P. and Zelda K.** A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1943.
- Collier Basil.** The Defence of the United Kingdom. London, 1957.
- Cowie D.** War for Britain. London, 1942.
- Cretzianu Alexander.** The Lost Opportunity. London, 1957.
- Dorgelès Roland.** La drôle de guerre 1939—1940. Paris, 1957.
- Dunstrup John.** A History of Denmark. Copenhagen, 1947.
- Easterman A. L.** King Carol, Hitler and Lupescu. London, 1942.
- Ellis L. F.** The War in France and Flanders. 1939—1940. London, 1953.
- Evans Jon.** The Nazi New Order in Poland. London, 1941.
- The Eve of War 1939.** Ed. by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee. London, 1958.
- Fabre-Luce Alfred.** Journal de la France. Mars 1939 — Juillet 1940. Paris, 1941.
- Feis Herbert.** Churchill — Roosevelt — Stalin. Princeton, 1957.
- Fleming D. F.** The Cold War and its Origins. 1917—1960. Vol. One 1917—1950. London, 1961.
- Fleming P.** Invasion 1940. London, 1957.
- France and Britain.** London, 1945.
- Fuller J. F. C.** The Conduct of War. 1789—1961. London, 1961.
- Gavin Catherine.** Britain and France. London, 1941.
- Glubb John Bagot.** Britain and Arabs. London, 1959.
- Görlitz Walter.** Der zweite Weltkrieg. 1939—1945. Bd. I. Stuttgart, 1951.
- Great Britain and Egypt.** 1914—1951. London, 1952.
- Hägglöf Gunnar.** A Test of Neutrality: Sweden in the Second World War.— International Affairs, vol. 36, N 2, April, 1960.
- Hammond R. J.** Food, vol. I. London, 1951.
- Hall H. Duncan.** North American Supply. London, 1955.
- Hagen W.** Die Geheime Front. Zürich, 1950.
- Lord Harding.** Mediterranean Strategy. 1939—1945. Cambridge, 1960.
- Hargreaves E. L. and Gowing M. M.** Civil Industry and Trade. London, 1952.
- Higgins Trumbull.** Winston Churchill and the Second Front 1940—1943. New York, 1957.
- Hillgruber A.** Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumänischen Beziehungen. 1938—1944. Wiesbaden, 1954.
- Hitler's Europe.** Ed. by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee. London, 1954.
- Horn Martin.** Norwegen zwischen Krieg und Frieden. Innsbruck, 1941.
- Hollis L. and Leasor I.** War at the Top. London, 1959.
- Hurstfield J.** The Control of Raw Materials. London, 1953.
- Hutt A.** British Trade Unionism. A Short History. London, 1962.
- The War and the Neutrals.** Ed. by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee. London, 1956.
- Johnson Amenda.** Norway, her Invasion and Occupation. Decatan, 1948.
- Jacobson Max.** The Diplomacy of the Winter War. Cambridge, Mass., 1961.
- de Jong L.** Holland fights the Nazis... London, 194...
- King-Hall St.** Our Times. 1900—1960. London, 1961.
- Kirk G.** The Middle East in the War. London, 1953.

- Kirk G. E. *A Short History of the Middle East from the Rise of Islam to Modern Times*. London, 1957.
- Klein B. H. *Germany's Preparations for War*. Cambridge Mass., 1959.
- Kogan Norman. *Italy and Allies*. Cambridge Mass., 1956.
- Langer W. L. *Our Vichy Gamble*. New York, 1947.
- Labour's Next Step. The Fabian Society. London, May 1940.
- Langer W. L. and Gleason S. E. *The Challenge to Isolation. 1937—1940*. New York, 1952.
- Langer W. L. and Gleason S. E. *The Undeclared War*. New York, 1954.
- Leason James. *Rudolf Hess. The Uninvited Envoy*. London, 1962.
- Leighton R. M. and Coakley R. W. *Global Logistics and Strategy. 1940—1943*. Washington, 1955.
- Liddel Hart. *The other Side of the Hill*. London, 1948.
- McCallum R. B. *England and France. 1939—1943*. London, 1944.
- McNeill W. H. *America, Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict. 1941—1946*. London, 1953.
- Medlicott W. N. *The Economic Blocade, vol. I*. London, 1952.
- Miller I. K. *Belgian Foreign Policy between two Wars. 1919—1940*. New York, 1951.
- Morison S. E. *Strategy and Compromise*. Boston, 1958.
- Noël Leon. *L'agression allemande contre la Pologne*. Paris, 1946.
- Pesti M. *Rahvuslik rectmine «rahvusluse» sildi all*. Tallin, 1960.
- Postan M. M. *British War Production*. London, 1952.
- Pratt Julius W. *A History of United States Foreign Policy*. New York, 1955.
- Price John. *Labour in the War*. New York, 1940.
- Pritt D. N. *The Fall of the French Republic*. London, 1941.
- Playfair J. S. O. *The Mediterranean and Middle East, vol. I*. London, 1954; vol. II, 1956.
- Political and Strategic interests of the United Kingdom. *An Outline*. London, 1939.
- Riemens H. *The Netherlands. Story of a Free People*. New York, 1944.
- Rintelen Enno. *Mussolini als Bundesgenosse*. Tübingen, 1953.
- Rodd Rennel. *British Military Administration of Occupied Territories in Africa during the Years 1941—1947*. London, 1948.
- Rothstein A. *History of the USSR*. Harmondsworth, 1951.
- Roosevelt F. D. *The Public Papers and Adresses of Franklin D. Roosevelt, 4 vol*. New York, 1950.
- Roos Hans. *Polen and Europa*. Tübingen, 1957.
- Roskill S. W. *The War at Sea, 1939—1945, vol. I. The Defensive*. London, 1954.
- Rougier Louis. *Mission secrète à Londres. Les accords Petain—Churchill*. Genève, 1946.
- Rougier Louis. *Les accords secrets franco-britanniques de l'automne 1940*. Paris, 1954.
- Schmitt G. *Les accords secrets franco-britanniques de novembre-décembre 1940*. Paris, 1957.
- Seton-Williams M. V. *Britain and the Arab States*. London, 1948.
- Shuman F. L. *Night over Europe*. New York, 1941..
- Shuman F. L. *The Nazi Road to War. The Conquest of Poland.—Current History, 1953, Jan., vol. 24, N 137*.
- Stavrianos L. S. *The Balkans since 1953*. New York, 1958.

- Sweet-Escott B. Greece. A Political and Economic Survey, 1939—1953. London, 1954.
- Von Thadden Schramm. Griechenland und die Grossmächte im zweiten Weltkrieg. Wiesbaden, 1955.
- Titmus R. M. Problems of Social Policy. London, 1950.
- Turner E. S. The Phoney War on the Home Front. London, 1961.
- Trefousse H. L. Germany and American Neutrality, 1933—1941. New York, 1951.
- Vere-Hodge E. Turkish Foreign Policy, 1918—1950. London, 1951.
- Villari L. Italian Foreign Policy under Mussolini. New York, 1956.
- The Initial Triumph of the Axis. Ed. by Arnold Toynbee and Veronica M. Toynbee. London, 1958.
- Weber Paul. Geschichte Luxemburgs im zweiten Weltkrieg. Luxemburg, 1948.
- Wheatley Ronald. Operation Sea Lion. Oxford, 1958.
- Willard Germain. La drôle de Guerre et la trahison de Vichy. Paris, 1960.
- Wilnot C. The Struggle for Europe. London, 1953.
- Wiskemann E. The Rome-Berlin Axis. London, 1949.
- Woodward E. L. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962.
- Wolf L. Low Level Mission. London, 1958.
- Wunderlich Frieda. British Labor and the War. New York, 1944.

У С Л О В Н Ы Е   С О Б Р А Щ Е Н И Я

- ИДА — Историко-дипломатический архив МИДа СССР.
ЦГАОР ЭССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР.
DBFP — Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series.
DGFP — Documents on German Foreign Policy 1918—1945. From the Archives of the German Foreign Ministry. Series D. (1937—1945).
FR — Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers.
IMT — Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nüremberg.
OL, KÜM — Országos Levéltár, Külügyi Ministerium Leveltere (Архив МИДа Венгерской Народной Республики).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдулла 449
Абдэль-Иллах 447
Абетц 454
Адамс В. 72
Адамс Г. 312, 313, 517
Айронсайд 77, 138, 189, 227, 228, 288
Александр 166
Александр А. 219, 283
Аллен Г. 326, 517
Алхуд Халид 449
Альбрехт-Каррье Р. 37, 517
Альфieri 377
Андерсон Дж. 13, 72, 286
Антонеску 380, 382—384, 518
Аоста 465
Арита 46, 47
Лорд Астор 17, 218
Астор 15, 17, 218
Асторы 15, 57, 89, 301, 314, 493
леди Астор 90, 94, 218
Аттертон 392
Аушнит 153
- Бадольо 265
Балабанов 160
Баллок А. 219, 513
Бальфур 493
Банач Бозо 165
Банди М. Дж. 514
Барген 311, 313
Бардоши 172, 387—390
Барн Дж. Х. 340
Барнетт 52
Барри 505
Барту Л. 166
Барца 172—174, 385—387
Бастер Г. 517
Бастианини 271, 272
- Батлер 302, 349, 482, 484, 489, 493
Батлер Дж. Р. М. 31, 38, 42, 47, 48, 54, 78, 84, 86, 90, 94, 96, 97, 100, 101, 116—118, 133, 134, 139, 140, 146, 181, 182, 258, 279, 280, 283, 284, 310, 333, 339, 342, 345, 346, 402—404, 406, 408, 437—441, 445, 462, 477, 502, 513
Батлер Н. М. 368, 391
Бевин 209, 219, 513
Бегарелль Д. 14
Бейгбедер 315
Бейт А. 13
Бек 199
Бёминг 105
Бени В. 217
Беннет П. 14
Бентевиньи 105
Берганполи 442
Беркинс К. 114
Берль 369, 401, 436
Бернадотт 118
Беттингер 306
Бивен Э. 487, 488
Бивербрук 219, 275, 287, 298, 497
Бланш А. 190, 191
Бланшар 243
Блюм 137
Блюментритт 247
Бодуэн 265, 283, 350—353
Бойдев 395
фон Бок 248
Болдуин С. 9, 20, 311
Болтин Е. 412, 514
де ля Бом 350
Бонне 57
Бонт Ф. 517
Бор 92
Боратынский С. 213, 214, 514

- Борис 157, 161, 391, 392
 Борман 254, 255, 365, 399
 Брайнс Л. 199—203, 517
 Брайент А. 513
 Бранд 218
 Братиану Дину 381—384
 Браун 311
 Браухич 200, 248, 249, 289, 293,
 295, 320
 Брен 76
 Брод Л. 513
 Бройер 147
 Брук А. 278, 288
 Буллит В. 83, 183, 189, 190, 265,
 277, 281, 328
 Бурбон К. 353, 517
 Бурхардт 302, 303, 494, 495
 Бутби 18, 21, 215
 Бухман 133

 Вагнер 320
 Вайнант 363, 458
 Валев Л. Б. 158, 160, 514
 Валтасар 32
 Ванденберг 92
 Ванситарт 302, 393
 Вебер П. 236, 520
 Веверли см. Андерсон Дж.
 Веджвуд 72, 138, 484
 Вейган 178, 180, 181, 184, 185,
 243, 264, 274, 275, 278, 284, 348,
 355—357, 359—362, 365, 369,
 371—375, 437, 504, 514
 Вейссауэр Л. 307, 308
 Вейцекер Э. 89, 184, 290, 293,
 300, 301, 448, 450, 455, 491, 514
 Вер-Ходж Е. Р. 176, 179, 184, 422,
 428, 520
 Верекер Г. 141
 Верман 448—451, 454
 Верт А. 515
 Вид 308
 Вийемен 42, 184
 Виллар Ж. 98, 135, 520
 Виллари Л. 264, 266, 520
 Вилсон Х. 15, 301, 311
 Вилфильд 319
 Виль 154
 Вильгельм 226
 Вильямс Ф. 10, 16, 77, 213, 214,
 216, 217, 219, 221, 473, 514
 Вильямс-Томпсон Р. 114
 Виндзор 9, 299, 300, 314—318,
 см. также Эдуард VIII

 Виндер Ю. А. 29, 31, 33, 152, 158,
 161, 164, 172, 514
 Вискеман Е. 262, 520
 Виссер 189
 Витпребен 199
 Вобликов Д. Р. 469, 514
 Воевод Вайда 383
 Волков Н. 100, 514
 Волф Л. 520
 Волмер 216
 Вуд Книгсли 14, 57, 58, 81, 82,
 130, 219, 311, 313
 Вуд Ф. см. лорд Галифакс
 Вудворд Е. Л. 39, 132, 133, 181,
 204, 206, 234, 272—274, 276, 281,
 283, 284, 347, 348, 351, 353, 357,
 358, 363, 406, 410, 412, 415, 418,
 419, 474, 486, 488, 489, 520
 Вудринг 331
 Вултон Ф. 514
 Вундерлих Ф. 73, 520
 Вуолиоки Х. 139

 Габриэли Л. 448
 Гаврилович Милан 412
 эль Гайлани Рашид 425, 447—449,
 451—456, 459, 460
 Галифакс 13, 14, 46, 57,
 58, 109, 117, 118, 133, 134,
 151, 154, 173, 174, 179, 199,
 200—203, 205, 217, 219, 271,
 272, 275, 301, 302, 306, 308,
 314, 315, 349, 356—358, 372,
 373, 375, 381, 417, 429, 430, 480—
 483, 486—489, 493, 495, 513, 517
 Галкин А. 515
 Галлахер 148
 Гальдер 105, 106, 200, 246—250,
 253, 254, 289—291, 293—295,
 320, 352, 354, 357—359, 374,
 375, 442, 454, 455, 513
 Гамелен 42, 52, 78, 96, 97, 145,
 182, 185, 238, 242, 243, 265
 Гамильтон 494
 герцог Гамильтон 493—495
 Ганеваль 140
 Ганнибал 451
 Гарвин 15, 218
 Гардер 194, 199
 Гарибальди 239
 Гарриман 94, 190
 Гаусгофер А. 303, 492—495
 Гаусгофер К. 492—494
 Гаусгоферы 493, 494

- Гафенку Г. 151, 155, 160, 378
 Гевель 302, 454
 Гемпел 301
 фон Гентинг 459
 Георг VI 286, 355, 356
 Гераклиус 451
 Герделер 199
 Геринг 80, 188—190, 194, 247, 248,
 296, 304, 306, 307, 314, 487
 Гёрлиц В. 96, 518
 Герцог 29
 Гесс Р. 490—498, 508, 518
 Гест Х. 324
 Гизевинус 199
 Гильберт М. 191
 Гильмур Дж. 13
 Гиммлер 227, 314
 Гитлер А. 7, 9—11, 16, 21—24, 37,
 54, 56, 57, 59, 62, 64, 73—76,
 80, 87, 89, 94, 96, 99, 101, 103,
 104, 111, 124, 130, 136, 146, 148,
 155—157, 167, 169, 171, 182, 186
 —191, 193—195, 197—199, 200,
 201, 203, 204, 223, 225, 229, 232,
 244—255, 257, 261, 267—270,
 272, 282, 286, 289—296, 299, 300,
 302, 304—307, 314, 315, 317,
 322, 323, 328, 354, 365, 376—
 379, 388, 389, 391, 394, 396, 398,
 399, 400, 401, 405, 409, 415,
 421, 424, 427, 454, 455, 470, 471,
 479, 487, 489—494, 498—500,
 508, 511, 513, 514, 517, 518
 Глабб Дж. В. 455, 459, 461, 463,
 518
 Глизон С. Е. 183, 205, 207, 519
 Глин Р. Д. 198
 Гогенлоэ 301—303
 Голлан Дж. 62, 510
 де Голль Ш. 40, 281, 347—349,
 351—357, 359, 364—366, 461—
 463, 513
 Гомулка В. 56, 510
 Гопкинс 204, 325, 340, 344, 345,
 513
 Горошкова Г. Н. 515
 Горт 42, 78, 238, 242—244, 253, 259
 Готт Р. 191
 Гоуинг М. М. 340, 518
 Грациани 441, 464
 Граци 163
 фон Грейзенберг 395
 Грен Т. 190
 Гренфелль Д. 75
 Грин У. 267
 Гринвуд А. 10, 61, 219
 Гриффитс Дж. 472
 Гриффитс-Джонс 497
 Гробба 449, 450, 454 455
 Груссар 363, 364, 366, 513
 Гувер Г. 367
 Густав V 144
 Гэвин К. 518
 Гюне 316—318
 Гюнтер 138, 381
 Даладьё 83, 97, 132, 135, 136,
 138, 141—143, 145, 187, 205, 273
 Далерус Б. 188, 189
 Данструп Дж. 123, 518
 Дарлан 42, 182, 280, 281, 350, 359,
 362—364, 366, 371, 373—375, 454,
 459, 460
 Датт Р. Палм 510
 Дашичев В. 230, 235, 249, 515
 Деборин Г. А. 514, 515
 Дегрель Л. 233
 Денц 457, 459, 460, 463
 Дерби 493
 Джонс Т. 218, 513
 Джонсон 360, 463, 467
 Джонсон А. 125, 147, 518
 Джонстон И. 471
 Джорджеску 384
 Дикин Ф. В. 412, 413, 504, 506
 Диксон 393, 394
 Дилл 240, 406, 407, 409, 415, 424,
 443
 Димитриевич С. 164
 Долтон Х. 55, 82, 137, 217, 219,
 309, 412, 513
 Домвилл Б. 286
 Доновен 391, 392, 406
 Доржеле Р. 518
 Дорман-Смит 313
 лорд Дуглас 493
 Дьюкс П. 140
 Дэвис Г. Е. 218
 Дэвис К. 214—217
 Дэвис У. Р. 188
 Дюпон 357—360
 Егоров В. Н. 515
 Ерусалимский А. С. 515.
 Ешоннек 247
 Жерар 460
 Жигурту 157

- Жилин П. А. 515
 Жоно 185
 Жорж 78, 238, 242
 Зак 59
 Зариньш 109, 110, 113, 128, 129
 Земсков И. Н. 515
 Зетленд 313
 Зонденштерн 247
 Зульфикар-паша 455
 Иванов Л. Н. 515
 Ивашин И. Ф. 515
 Ибн-Сауд 449, 455
 Иден А. 18, 21, 24, 43, 58, 123, 193,
 197, 214, 242, 285, 304, 363, 393,
 406—409, 413—415, 424, 430, 440,
 441, 446, 460, 466, 479, 488, 493,
 499, 513, 514
 Икес Г. Л. 333, 339, 513
 Имреди 172
 Иеню Исмет 406, 413, 416, 424,
 425
 Иноземцев Н. 515
 Инскип 14, 311
 Иодль 99, 251, 252, 291
 де Ионг Л. 227, 228, 515, 518
 Иост 307, 308
 лорд Ирвин см. Галифакс
 Исламов Т. 6
 Исмей 70, 71, 240, 275, 328, 514
 Исразляв В. Л. 515
 Истермен Е. Л. 155, 156, 518
 Кадоган А. 172, 202, 385—388,
 393, 499
 Кадомский Н. 515
 Казалет В. 96
 Каллаи Н. 513
 Камбон 190
 Камерон Д. 17
 Канарис 105, 106
 Каннингхэм 464, 465
 Карл XIV см. Бернадотт
 Карлейл М. 511
 Кароль 151, 153, 155—157, 377—
 380, 383, 518
 Картис М. 103, 512
 Картленд 19
 Карцев А. А. 515
 де Кастеллен 347
 Катру 356, 461, 463
 Квислинг 105, 124—126, 147, 230
 Кейс Р. 235
 Кейтель 99, 291
 Келли 302, 303
 Кемпбелл Дж. 369
 Кемпбелл Р. 170, 408, 411, 413, 415
 (англ. посланник в Белграде)
 Кемпбелл Р. 273, 274, 276, 279,
 280, 281, 283, 375 (английский
 посол в Париже)
 Кеннеди Дж. 407, 443, 444
 Кеннеди Джозеф 72, 76, 83, 93,
 131, 159, 181, 189, 190, 205, 242,
 277, 278, 299, 309, 310, 334, 457,
 513
 Керенский 180
 Керр Ф. см. лорд Лотлан
 Кеттунен Л. 114, 115
 Кивимяки 141
 фон Киллингер 378
 Кинг Маккензи 29, 30, 326, 327,
 514
 Кинг-Холл Ст. 518
 Кингстон-Макклори Э. Дж. —
 79—81, 515
 Кинлисайд 326
 Кирк 106, 190, 277, 278
 Кирк Г. Е. 437, 439, 440, 451, 452,
 457—461, 467, 468, 518, 519
 Киркпатрик И. 413, 490, 496, 497,
 513
 Киру 397
 Клайв Р. 234
 Кларк 92
 Кларк Д. 14
 Кларк Дж. 14
 Клаузен Ф. 122
 Клейн Б. Х. 68—70, 519
 Клейст 105, 249
 ван Клеффенс Е. Н. 230, 306, 513
 Клодиус 318, 320, 397
 Кнудсен Х. 147
 Кови Д. 32, 518
 Коген Н. 519
 Козлов С. 515
 Конкли Ф. У. 325, 326, 331, 332,
 340, 343—346, 519
 Конс 485, 487, 488
 Коллонтай А. М. 138, 140
 Колльер Б. 50, 52, 76, 113, 129,
 285, 287, 288, 296, 297, 518
 Колчак 126
 О'Коннор 442
 Корбен 281, 347
 Корипис 402
 Корнуэлл К. 453

- Коул 375
 Коутс Э. К. 488, 518
 Коутс У. Р. 488, 518
 Кофферы 94
 Крауэль 303, 308
 Крейги 46, 47
 Кренборн 219
 Крепяну А. 151, 160, 161, 381, 384, 518
 Кришс С. 22, 301, 483—489
 Кромвель 7, 216
 Кроник Я. 147
 Кросс Р. 129
 Круш 106, 175
 Куатли Шюкря 449, 458
 Кудашев Л. Н. 515
 Кузнец Ю. Л. 341, 516
 Кукридж Е. Х. 491
 Купер д'Арси Ф. 14, 17
 Купер Дафф 24, 75, 215, 219, 304, 513
 Курасов В. 516
 Кьосеиванов Г. 159, 161, 177
 Кэмбрелин Ж. 518
 Кэннингхэм 183, 284, 440

 Лааринг Р. В. 5
 Лаваль 265, 281, 350, 351, 357, 359, 370, 373
 Лайдонер И. 108, 113
 Лайнг 135, 140, 141
 Лангер У. Л. 183, 205, 207, 281, 356, 357, 361, 363—365, 370, 374, 519
 Ларетей 131, 132, 139, 144
 Ласки Г. 209
 Лебедев Н. И. 152, 516
 Лебрен 281
 Леги 360—362, 374, 375, 463, 514
 Леже 160, 183, 265
 Лейн 151, 160, 168, 400, 401
 Лейтон Р. М. 325, 326, 331, 332, 340, 343—346, 519
 Лемин И. М. 516
 Лемпсон М. 463
 Ленин В. И. 3, 510
 Леннокс-Бойд 313
 Ленсбери Дж. 23
 Леонидов А. 314, 321, 516
 Леопольд 230, 234, 235, 244
 Ливингстон 303, 495
 Лиддел Харт 519.
 Лизор Дж. 494, 498, 499, 518, 519
 Линдберг 92

 Липпман У. 332
 Лист 395
 Литтлтон О. 445
 Лихтер А. И. 5
 Ллойд 165
 лорд Ллойд 151, 216, 283, 440
 Ллойд-Джордж Д. 8, 75, 89, 218, 299, 301
 Лонгмор А. 438
 Лондондерри 13, 216, 301
 Лоран-Эйнак 185
 Лорен П. 181, 267
 лорд Лотван 15, 17, 19, 63, 89, 90, 94—96, 206, 270—273, 276, 310, 314, 328, 333—336, 493, 513
 Лоу Р. 216
 Лоуренс 497, 498
 Лупеску 155, 156, 518
 Лэндин 92
 Люс Г. 218
 Лютер 307

 Маазинг Р. 105, 113
 Маджару В. 382
 Маджистрати 268
 Майский И. М. 15, 224, 225, 480—484, 486, 488, 499, 511, 513, 516
 Маквей 397, 402
 Макгоуэн 17
 Макдональд Р. 311
 Макенаен 267, 270, 450
 Маккалем Р. Б. 519
 Маклеод Л. 76, 277, 514
 Макмеррей 159, 423—425, 429, 431
 Макмиллан Г. 18, 19, 215, 216
 Макнейлл У. Г. 519
 Малакса 153
 Малиновский Р. Я. 500
 О'Маллей 493
 Маллет В. 307, 308
 Мальборо 221
 де Ман 233
 Мандель 280
 Мандер 466
 Маниу 381—384, 504
 Маннергейм 135, 138, 142
 Маноилеску 157, 380
 Маньоле 199
 Маржолен 373
 Мартин 484
 Мартинсон Э. 105
 Маршалл 331, 341
 Маршалль В. 49
 Массиль 176, 417, 419

- Матвеев В. А. 516
 Махир Али 445, 446
 Мацуока 323
 Мачек В. 167, 169, 170, 514
 Меддикотт У. Н. 83, 88, 120, 121, 519
 Мельников Е. 516
 Мельников Ю. М. 516
 Мельхерс 450
 Менеменджоглу Н. 159, 161, 177, 431
 Мензис 325
 ван дер Мерг Г. 234
 Меррей 372, 374, 401, 467
 Мессерсмит 190
 Метакас 162—164, 397, 398, 402, 404
 Миддлтон Л. 472
 Миллер А. Ф. 175, 516
 Миллер Дж. К. 233, 235, 519
 Миллер Ф. Р. 333
 Мильфорд 286
 Минней Р. Дж. 75, 514
 Митропольский Д. К. 516
 Миттельхаузер 456
 Митчелл Ф. 466
 Михай 380
 Михнев 395
 Молвыгин А. Н. 5
 Моллин 113
 Молотов 489
 Момчилов 393, 394
 де Мовзи 265, 273
 Моник 373
 Монктон У. 318
 Монне Ж. 330
 Монро 94, 335
 Монсон 132
 Монтгомери Б. 98, 131, 514
 Монтгомери Дж. 386, 514
 Морган Дж. 485
 Моргентау 333
 Морисон С. Е. 519
 Мосли О. 17, 18, 286
 Моффет 190
 Муни Дж. 189
 Мунк П. 122, 123
 Мунтерс В. 107, 113
 Муссерт А. 227
 Муссолини 23, 24, 57, 87, 169, 181, 204, 205, 223, 254, 261—274, 282, 322, 397—399, 437, 441, 471, 491, 499, 520
 Мушанов 391
 аль Мысри Азиз 446
 Мэрфи 350, 369, 371—374
 Мэтлофф М. 95, 516
 Мэттьюз 350, 359, 360
 Мюллер И. 202, 230
 Мюллер-Гиллебранд Б. 27, 54, 516
 ван Нагель 306
 Наджиар 137
 Назарова Н. А. 5
 Наполеон 148
 Натчбоул-Хьюгессен 176, 177, 189, 417—420, 426, 428, 514
 Наумов 391, 392
 Небеншув 447, 452, 455, 456
 Некрич А. М. 19, 98, 151, 175, 176, 516, 517
 Нелл Дж. 216
 Никольсон Г. 71, 216
 Ним 442
 Ногес 359
 Нокс 331, 333, 391
 Норман М. 17
 Норт 284
 Ноэль Л. 519
 Нури Саид 447, 452
 Ньютон Б. 452
 Ньюгорсволд 125
 Олифант Л. 238
 Осборн 202
 Остер 199
 Оуэн Ф. 66
 Охивлек 445
 Павел 166, 169, 170, 401, 405, 406, 408, 409, 411, 413, 489
 Пайяр 144
 Палло А. 98, 136, 182
 Папагос 160, 403
 фон Папен 177, 189, 417, 422, 424 —428, 448, 449, 514
 Паравиччини 302
 Паунд 283
 Пелерет Ч. 397, 406
 Пелл 361, 389, 390
 Пёрвис А. 330
 Пести М. 105, 113—115, 519
 Петен 136, 243, 274, 275, 279—283, 347, 350, 353—365, 371, 373, 374, 456, 460, 463, 504, 514
 Петр 411, 416
 Пехлеви Реза 438
 Пий XII 74

- Пикенброк Г. 105, 106
 Пикерсгилл Дж. У. 29, 31, 326, 328, 514
 Пинтч 498
 Пирцио-Бироли Д. 199—201
 Плесман А. 306, 307
 Плейфер Дж. 519
 Плэтт 464, 465
 Подевилс 190
 Поздеева Л. В. 325, 335, 336, 341, 516
 Поллит Г. 23, 24, 61
 Поляков В. Г. 516
 Попеску С. 152, 383
 Попов В. И. 515
 Попов И. 161, 391, 394
 Постен М. М. 47—51, 68, 298, 331, 519
 Прайс Дж. 66, 519
 Пратт Дж. 519
 Примо де Ривера Мигель 317
 Притт Д. Н. 312, 519
 Притц Б. 133
 Прозектор Д. М. 53, 54, 237, 516
 Пушкаш А. И. 6
 Пьерло 233, 234, 244
 Пятс 107

 Радовитц 191
 Рамсей Б. 244
 Рамсей Дж. 17, 220, 286
 Ран Р. 460
 Рангабе 398
 Редер 130, 289, 291, 294, 514
 Рей А. 107
 Рейнбергер 229
 Рейнгардт 295
 Рейндерс И. Н. 230
 Рейно П. 145, 239, 240, 243, 259, 260, 270—276, 278—283, 325, 514
 Реклайтис 114
 Ремболд Х. 71
 Ренделл 394
 Реннел оф Родд 466
 Ренсимен 13
 Ренсимен У. 17
 фон Риббентроп 254, 261, 268, 269, 299, 300, 305, 308, 314—318, 320, 323, 354, 362, 363, 377, 379, 380, 394, 398, 400, 401, 422, 428, 454, 455, 460, 491, 514
 Ривердейл 31
 Риккарди 267

 Рименс Г. 519
 фон Ринтелен Е. 261, 519
 Риссерт 303
 Ритгер 318, 320
 Рихерт 300, 301
 Рихтгофен 392, 395
 Робертс 494
 Родд Р. 519
 Родс С. 94
 Розенберг А. 124, 126, 188, 191—196, 198, 199, 514
 Розенштейн 113
 Роммель 371, 442, 464
 де Рошп В. 191—199
 Роскилл С. У. 519
 Ротштейн Э. 516, 519
 Ружье Л. 353, 355, 356, 366, 519
 Рузвельт 21, 81, 90, 92—96, 103, 188, 204, 206, 241, 272—276, 278, 309, 310, 325—327, 329—334, 337—339, 342, 344, 345, 353, 355—357, 360, 371, 401, 406, 410, 423, 463, 477, 513, 518, 519
 фон Рувдштедт 247, 248, 252, 253, 255
 Рус Г. 519
 Рэтбон 215
 Рюти 138, 143

 Сабави Юнис 449
 Сабри 447
 Сайдам Рефик 176, 179, 416, 419
 Саймон Дж. 13, 14, 57, 58, 154, 219, 301, 311, 313, 490, 491, 496, 497, 514
 Салазар 318
 Салаша 172
 Саммерс Г. Б. 326
 Сараджоглу 161, 178, 183, 417, 418, 422, 426—428
 Сарв 109
 Сарджент 393
 Свит-Эскотт Б. 520
 Севостьянов Г. Н. 516
 Секистов В. А. 98, 516
 Сендис Д. 19
 лорд Сесил 216
 Серафим Г. Г. 188, 194, 198, 199, 514
 Сетон-Уильямс М. В. 519
 Сидс 481
 Сикс 321
 Симович 411, 414—416, 425
 Симон Т. 236

- Синклер А. 148, 219
 Сиполс В. 105, 517
 Ситрин У. 58—61, 138
 Скотт Ф. Д. 139
 Смирнов В. П. 98, 260, 276, 517
 Смэтс 18, 29, 94, 323
 Снелл Э. 95, 516
 Солсбери 216, 217
 Соммервил 284
 Соодла И. 105
 Спаак 233, 238
 Спенс П. 216
 Спирс Эд. 10, 71, 81, 82, 214, 216, 240, 260, 275, 279, 514
 Ставрианос Л. С. 519
 Сталин 130, 292, 485, 488, 489, 500, 510
 Старк 331
 Стаунинг 122, 123
 Стейнгардт 137, 143, 144
 Стемп 17, 66
 Стентон 373
 Стетгинус Е. Р. 514
 Стимсон Г. 331, 333, 514
 Стойчков 393
 Стоядинович 167, 411
 Стоян 172
 Страусс Г. 130
 Стрэнг В. 356, 481, 493
 лорд Стэнли 13
 Стэнли Д. Р. 59
 Стэнли О. 13, 78, 285, 313
 Стэнфорд Д. Е. 464, 465
 Стэнхоп 311, 313
 Сувайди Наджи 449
 Суинтон 154, 216
 Сунер С. 317
 Сьюар 270
- Табуи Ж. 517
 фон Тадден Ш. 520
 Таннер В. 114, 115, 138, 140—142, 514
 Гарнер Е. С. 66, 67, 74, 520
 Татареску 155, 156
 Таэзас Л. 464
 Тейлор М. 93
 Телеки 322, 380
 лорд Темпловуд см. Хор. С.
 Теодорани В. 264
 Тгаркс Ф. 17
 Тила В. 154
 Тшпфельскирх К. 99, 100, 517
 Титмус Р. М. 520
- Тойнби А. 64, 84, 85, 138, 178, 198, 230, 264, 266, 416, 421, 451, 517, 518, 520
 Тойнби В. М. 64, 84, 85, 138, 178, 198, 230, 266, 416, 421, 517, 518, 520
 ван Тоннинген Р. 227
 Треверс 389, 390
 Трент 216
 Тренчард 216
 Трефусс Г. Л. 520
 Трифунович-Бирканин 413
 Тропкий 180
 Трухановский В. Г. 215, 516, 517
 Тупаньянин 412
 Тыниссон Я. 108
- Уайт У. А. 333
 Уидерберн 493
 Уилер-Беннет Дж. У. 286, 514
 Уиллард 369
 Уилмот С. 520
 Уилсон 463
 Уитли Р. 289—291, 294, 299, 321, 520
 Уоллес 66
 Уэделл 315
 Уэйвелл 52, 180, 402—407, 441—445, 453, 464
 Уэллес С. 131, 204—206, 268, 269, 310, 334, 391, 401, 429, 430, 489, 514
- Фабр-Люс А. 518**
 Фабрициус 151, 155, 156, 377, 378, 382
 Файнгар И. М. 517
 Фарнборо см. Глин Р. Д. К.
 Фарук 446, 454, 455
 Фаульгабер 202
 Фейлинг К. 75, 80, 137, 513
 Фейс Г. 518
 Филов 161, 390, 394—396
 Филиппс 272—274, 277, 278
 Фиш 446
 Фиш Гамильтон 92
 Фланден 265, 350, 359, 360
 Флеминг Д. Ф. 518
 Флеминг П. 285, 314, 321, 518
 Форбс О. 188
 Фош 282
 Франкенштейн 8
 Франк 41, 233, 317, 370
 Франсуа-Понсе А. 181, 266

- Фрезер Л. 190
 Фрике 290
 Фрест Р. 511
 Фуллер Дж. 16, 99, 517, 518
 Фут М. 66
- Хагелин 124
 Хаген В. 518
 Хадсон Р. 129
 Хаддад Осман Кемаль 449, 450
 Хайле Селассие 464—466, 468,
 Хансон П. А. 119, 140
 Харгривс Е. Л. 518
 Хардинг 518
 Харстфилд Дж. 25, 26, 518
 фон Хассель У. 120, 199—203, 513,
 517
- Хатиб Цеки 449
 Хатт А. 59—61, 518
 Хатчисон оф Монтроз 17
 Хашими 453
 Хвостов В. М. 517
 Хеберлей 304, 305
Хелм 369
 Хенманс 229
 Хиггинс Т. 518
 Хиллгрубер А. 518
 Ходж Н. С. 220
 Холл Д. 335, 518
 Холлворт 58
 Холлис Л. 518
 Хольма Г. 143
 Хор Р. 13, 384, 493
 Хор С. см. также лорд Темпловуд,
 13, 14, 57, 58, 63, 130, 144, 301,
 311, 313, 350, 351, 355, 357, 514
 Хор-Белиша 13, 58, 72, 77, 78, 83,
 314, 514
 Хорабин 215
 Хорн 13, 216
 Хорн М. 518
 Хорнер 471
 Хорти Н. 171, 386
 Хоуард П. 66
 Хрущев Н. С. 479, 510
 вль Хусейн Мухамед Али 447—
 451, 454, 455
 Хьюз Э. 220
 Хэгллофф Г. 103, 121, 518
 Хэйлшем 13, 216
 Хэски С. 12
 Хэлл 93, 94, 137, 143, 144, 168, 169,
 242, 265, 270—274, 277, 278,
 310, 315, 326—328, 335, 336, 338,
- 350, 360—362, 370, 372, 373, 392,
 396, 397, 400—402, 423—425, 429,
 431, 446, 452, 456—459, 463, 513,
 514
 Хэммонд Р. Дж. 518
 Хэнки 58
 Хэнкок У. К. 340
 Хютцингер 352, 357—359, 363
- Цанков 394**
 Цветкович 167, 400, 401, 411, 412
 фон Пех 314
 Циммерман 99
 Цинцар-Маркович 160, 167, 399,
 400, 401, 411
- Чайлд 370**
 Чаки 156, 172, 173, 385
 Чемберлен Дж. 8, 94
 Чемберлен Н. 8—14, 16, 19—25,
 46, 48, 57—63, 65, 67, 70, 71, 75,
 76, 80, 83, 89, 90, 93, 98, 101,
 112, 128, 129, 131, 134, 137, 138,
 145, 175, 179, 187, 194—196, 203,
 205, 206, 210—214, 216—220, 226,
 277, 299, 301, 311, 313, 314, 322,
 412, 470, 479, 487, 493, 501, 502,
 509, 514
 Чемберлен О. 8
 Чемпалов И. Н. 151, 152, 517
 Черчилль Р. 221, 513
 Черчилль У. 15, 18—21, 24, 58,
 70, 75, 82, 86, 94, 100, 110—112,
 118, 123, 126, 132—134, 144, 148,
 193, 197, 198, 205, 208, 214, 215,
 217, 219—226, 230, 234, 235,
 239—244, 256—260, 263, 264,
 270, 271, 275, 276, 278, 279, 281,
 284, 285, 292, 298, 299, 302, 304,
 305, 307—310, 313, 315, 316, 318,
 321—323, 325, 327—330, 332,
 334, 336—338, 341—343, 347,
 349, 350, 353, 355—357, 359—367,
 371, 384, 388, 389, 392, 393, 405,
 407—411, 413, 414, 416, 422, 423,
 428, 432, 435, 436, 439, 440, 442—
 444, 451, 463, 470, 472—474,
 476—480, 483, 485, 486, 488—491,
 493, 494, 497, 499, 502—504,
 506, 508, 513, 518
 Честер Д. Н. 518
 Чичано 169, 181, 204, 230, 261, 262,
 266, 267, 269, 270, 274, 379, 380,
 398, 422, 450, 491, 513
 Чэтфилд 58

Шавкат Наим 448, 449
эль Шакир Тевфик см. Хаддад Осман Кемаль
Шартье 362, 366
Шахт Я. 17, 175, 189, 190, 304
Шевалье Ж. 353, 358—360, 366
Шейдт 126
Шейлок 337
Шейнман М. М. 517
Шелленберг В. 315—317, 321, 491, 492, 514
Шервуд Р. 204, 325, 339, 345, 513
Шидеканц 194
Шмид 306
Шмидт 377, 379, 380, 491
Шмидт А. 109, 113, 189
Шмитт Г. 351—353, 357, 360, 362, 364, 519
Шотан 273
Шредер Г. 17
Шредер К. 17
Шредеры 17
Штейны 17
Шторер 315—317
фон Шуленбург 116, 395
Шуман Ф. Л. 91, 519
Шуфельдт П. Р. Д. 220
Эванс 488, 513
Эванс Д. О. 309, 518
Эванс Э. 216
Эдисон Д. 14
Эдуард VIII см. также герцог Виндзор, 9, 314, 322
Эйзенхауэр Д. 513
Эксберг 307, 308

Экклз 369, 372, 375
Эллинг 436
Эллиот 313
Эллис Дж. 216
Эллис Л. Ф. 37, 38, 228, 232, 238, 244, 247, 248, 250, 256, 278, 475, 476
Эмери Л. 11, 13, 18—20, 81, 82, 117, 130, 214—217, 219, 413, 440, 513
Эммендорфф Г. 236
Энгерт 459
Энзел В. 247, 248, 251, 289, 293, 295, 306, 517
де Эскирито Санта Сильва Р. * 317
фон Эпп Р. 319
Эрбах 397, 398
Эрдмансдорф 387
Эрл 391, 392, 396
Эстева 361
Эттель 455
Эттли К. 10, 16, 60, 77, 128, 187, 188, 209, 213, 219—221, 299, 310, 471, 473, 513
Этцдорф 293, 319
Эшворт В. 517
Юрьев Р. 517
Яксон 113, 114
Язькова А. А. 6
Якобсен Л. 105
Якобсон М. 136, 137, 139, 142—144, 180, 518
Яковлев Н. Н. * 341, 517
Ясин Юсуф 449

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Глава первая. Вступление в войну	7
Глава вторая. Стратегия и политика	53
Глава третья. Политика на северо-западе Европы. Антисоветские планы	102
Глава четвертая. Политика на Балканах и в Турции (до капитуляции Франции)	149
Глава пятая. Англия и «мирное наступление» гитлеровской Германии	186
Глава шестая. Правительство Черчилля. Поражение на Западе и конец англо-французского союза	208
Глава седьмая. Под угрозой вторжения	285
Глава восьмая. На пути к англо-американскому союзу	325
Глава девятая. Англия и Виши	347
Глава десятая. Политика на Балканах и в Турции (после капитуляции Франции)	376
Глава одиннадцатая. Политика на Ближнем и Среднем Востоке	433
Глава двенадцатая. У рубежа	470
Заключение	501
Источники и литература	510
Условные сокращения	521
Указатель имен	522

Александр Моисеевич Н е к р и ч

Внешняя политика Англии в годы второй мировой войны (1939—1941)

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

*Редактор Издательства И. С. Трахтенберг Художник Л. В. Рабица
Технические редакторы Е. В. Макуни, И. А. Макагонова*

Сдано в набор 12/IX 1963 г. Подписано к печати 20/XI 1963 г. Формат 84×108^{1/32}.
Печ. л. 16,62. Усл. печ. л. 27,26. Уч.-изд. л. 29,3 Изд. № 1469. Тип. зак. № 2692
Т-14051.

Цена 1 р. 91 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
15	9 св.	Ллойд-Джорджа	Ллойд-Джорджа,
412	5 сн.	Тексты для докладов	Тексты докладов
425	17 св.	мая	апреля
472	7 сн.	Каждый	«Каждый
484	3 св.	23 августа	23 мая

А. М. Некрич.

